

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Выпуск 19

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ
И ВОСТОКОВЕДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

2018
ISSN 2587-9502

К 200-летию

Института востоковедения РАН

**Труды Института
востоковедения РАН**

Выпуск 19

Труды Института востоковедения РАН

Серийное издание ISSN 2587-9502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Андросов Валерий Павлович – *председатель*
Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН – *сопредседатель*
Демченко Александр Владимирович – *ученый секретарь*
Аликберов Аликбер Калабекович
Белокреницкий Вячеслав Яковлевич
Железняков Александр Сергеевич
Романова Наталья Геннадиевна
Саутов Владимир Нилович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Акимов Александр Владимирович	Кобзев Артем Игоревич
Алаев Леонид Борисович	Кузнецов Василий Александрович
Александров Юрий Георгиевич	Любимов Юрий Васильевич
Алпатов Владимир Михайлович	Мамедова Нина Михайловна
Белова Анна Григорьевна	Микульский Дмитрий Валентинович
Бурлак Светлана Анатольевна	Мосяков Дмитрий Валентинович
Ванина Евгения Юрьевна	Настич Владимир Нилович
Васильев Дмитрий Дмитриевич	Орлова Ксения Владимировна
Воронцов Александр Валентинович	Панарин Сергей Алексеевич
Десницкий Андрей Сергеевич	Плотников Николай Дмитриевич
Другов Алексей Юрьевич	Пригарина Наталья Ильинична
Захаров Антон Олегович	Сарабьев Алексей Викторович
Звягельская Ирина Доновна	Смагина Евгения Борисовна
Каменев Сергей Наумович	Суворова Анна Ароновна
Карасова Татьяна Анисимовна	Шаяпина Зоя Михайловна
Катасонова Елена Леонидовна	Шаумян Татьяна Львовна

0
Т-77
h2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Труды Института востоковедения РАН

Выпуск 19

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И ВОСТОКОВЕДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Лексикология и лексикография

Москва

2018

15356

Ответственный редактор выпуска:

З.М. Шаляпина

Рецензенты:

С.А. Бурлак, А.И. Коган

Труды Института востоковедения РАН. Вып.19: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография / отв. ред. З.М. Шаляпина; ред.-сост. А.С. Панина. – М.: ИВ РАН, 2018. – 516 с.

ISSN 2587-9502

ISBN 978-5-89282-849-9

Выпуск содержит труды конференции по востоковедной лексикологии и лексикографии, состоявшейся в Институте востоковедения РАН 4-6 апреля 2018 г. Тематика статей охватывает практические и теоретические вопросы лексикографии восточных языков, в том числе связанные с китайской и японской иероглификой; феномены лексического уровня языка, смежные с синтаксисом и морфологией; лексическую стилистику, включая функционирование заимствований; описания отдельных лексем и семантических полей, в том числе в типологическом аспекте, диахронические лексикологические исследования, а также отдельные аспекты истории отечественной востоковедной лексикографии.

© Институт востоковедения РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

I. К истории отечественного востоковедения

Шаляпина З.М. <i>Лексикография и лексикология в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН</i>	10
Шаляпина З.М. <i>Основные работы в области лексикографии и лексикологии, выполненные в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН или с участием его сотрудников: избранная библиография</i>	21
Комарова И.Н. <i>«Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями</i>	32
Кожа К.А. <i>Ранние описания китайского языкового строя в российской академической традиции: принципы и инструменты</i>	43
Черникова Л.П. <i>Создание Большого русско-китайского словаря под руководством И.М. Ошанина. Участие востоковедов-практиков в коллективном труде, сотрудничество сквозь годы и расстояния</i>	55

II. Проблемы современной востоковедной лексикографии

Андреева В.А. <i>О разработке словарной статьи в Новом Большом вьетнамско-русском словаре</i>	81
Иванов В.И. <i>Электронная и бумажная версии Большого персидско-русского словаря</i>	95
Михайлов К.Д. <i>К разработке серии русско-китайско-английских учебных словарей-минимумов по автодорожной тематике</i>	107
Сбоев А.Н. <i>Словари и сборники интернет-лексики современного китайского языка</i>	115
Громова А.В. <i>Лексикография диалектов и языковых разновидностей Ирана в начале XXI в.</i>	125
Молчанова Е.К., Сальманпур С. <i>Диалектные словари в Иране</i>	141
Крылова А.С. <i>Словарь языка куллуи: проблемы полевой лексикографии</i> ...	148
Крылов С.А. <i>О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка)</i>	156
Демич К.И., Костыркин А.В. <i>Японское слово в электронном словаре: Категории леммы, лексем, словарного и заголовочного слова в структуре словарного описания</i>	166
Зверев А.С. <i>Знаки препинания как объект лексикографии (на японском материале)</i>	179

III. Лексика и грамматика	
Алпатов В.М. <i>Словарные и грамматические языки</i>	188
Погибенко Т.Г. <i>Лексический комплекс в австроазиатских языках</i>	197
Лесько О.А. <i>Об одном типе графических синонимов в системе китайских глаголов</i>	212
Рудницкая Е.Л., Хван С.-Г. <i>Сочетаемость полувспомогательных глаголов с лексическими глаголами в корейском языке: внутренний предел и точка отсчета</i>	215
Муравьева В.А. <i>Лексические и грамматические средства обеспечения целостности и связности китайского текста</i>	225
Гращенков П.В. <i>Адъективное управление: типология, семантика, синтаксис</i>	231
IV. Лексическая семантика: сравнительно-исторические аспекты	
Столбова О.В. <i>К проблеме семантической реконструкции (на материале «Этимологического словаря чадских языков»)</i>	245
Иткин И.Б. <i>Tokh. A pāsṛāk*, (?) B paśrāk "уступ, терраса / gradin, terrasse / ledge, terrace"</i>	251
Выжлаков М.В. <i>«Словесная» триада в тохарском A: rake, plās, weñlune</i>	256
Кудринский М.И. <i>Гетерограммы в лувийских и палаяских текстах</i>	263
Белова А.Г. <i>Морская лексика в арабском языке (к вопросу о формировании словарного состава языка и о его языковой картине мира)</i>	270
Эдельман Д.И. <i>К этимологии терминов «народной географии» в иранских языках</i>	293
Хамаева Е.А., Домашевская Д.Н. <i>Этимологии базовых знаков китайской письменности</i>	299
Топорова Т.В. <i>Сопоставительный анализ обозначений дороги, пути в «Старшей Эдде» и «Ригведе»</i>	306
Блинов А.А. <i>Эвфемистические обороты для обозначения понятия смерти в арабском языке</i>	314
Янсон Р.А. <i>О способах выражения понятия 'умирать' в бирманском языке</i>	333
V. Отдельные лексико-семантические поля. Лексика и стилистика. Фразеология	
Антонян К.В. <i>Молодёжный жаргон в современном Китае</i>	337
Кобелева Е.А. <i>Гендерные стереотипы во фразеологии русского и китайского языков</i>	344
Наний Л.О., Холкина Л.С. <i>К вопросу о непрерывности лексических значений: на материале китайских двусложных слов семантических полей ТОЛСТЫЙ и ТОНКИЙ</i>	354
Кадырова О.А. <i>К лексической типологии глаголов падения: данные турецкого языка</i>	368
Панина А.С. <i>Глаголы вращения в японском языке</i>	372
Смирнитская А.А. <i>Семантическая деривация в дравидийской терминологии родства: особенности анализа этимологических данных</i>	383
Багирокова И.Г., Ландер Ю.А. <i>Выражение боли и смежных значений в адыгейском языке: лексика и морфосинтаксис</i>	394
Тарасова Е.С. <i>Лексико-семантический анализ терминологии дефектов, применяемой в автомобильной промышленности, на материале японского языка</i>	412
Зайкина Е.О. <i>Особенности кхмерской кулинарной лексики</i>	425
Христоробова Ю.С. <i>Перевод терминов по производству чая с китайского языка на русский</i>	432
Собиров Э.К. <i>Арабизмы религиозного содержания в литературном таджикском языке новейшего периода</i>	440
Додыхудоева Л.Р. <i>К вопросу об одной модели арабских заимствований в памирских языках</i>	446
Исаева Ф.А. <i>К вопросу о словах персидского происхождения, представленных в произведениях ал-Джахиза и памятниках арабской народной литературы, но не вошедших в общий лексический фонд арабского языка</i>	468
Тихонова О.В., Шакунова Л.А. <i>Обозначения церковных реалий и должностей в архиве толедских мосарабов XII и XIII вв.</i>	477
Приложения	
Аннотации	485
Summaries	498
Сведения об авторах	510

1. К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

З.М. Шаляпина
ИВ РАН (Москва)

Лексикография и лексикология в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН

1. Введение

Лексикография и лексикология всегда занимали важное место в работе Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН. Впрочем, словарная работа велась в Институте и до того, как на стыке 1957 и 1958 гг. в его структуре был выделен Отдел языков (ныне – Отдел языков народов Азии и Африки). Еще за два года до этого события в Институте уже функционировал отдельный Сектор восточных словарей, которым заведовал Илья Михайлович Ошанин – в дальнейшем главный редактор четырехтомного «Большого китайско-русского словаря», вышедшего из печати в 1984 г. После официального создания Отдела языков, первым руководителем которого стал Г.П. Сердюченко, Сектор восточных словарей вошел в его состав, и с тех пор работа в области лексикографии и лексикологии была и остается одним из центральных направлений научной деятельности Отдела.

Это и не удивительно: ведь словарь фокусирует в себе большинство основных проблем языкознания, заставляя лексикографа решать их и для себя, и для пользователей создаваемых словарей. Это и общезыковедческие проблемы, начиная с вычленения самого объекта исследования – слова – в языковой синтагматике и парадигматике (*resp.*, проблема «отдельности» и «тождества» слова, как ее сформулировал еще А.И. Смирницкий [1952, 1954]) и кончая соотношением лексики с грамматикой, семантикой и прагматикой. Это и проблемы компаративистики и истории языка, выводящие на историю народов и культур – о которых, среди многого другого, рассказывает история слов. Это и проблемы социолингвистики: судьбы слов позволяют делать выводы об устройстве общества в различные периоды его существования. Со словом связаны и проблемы границ самой лингвистики и ее увязки с другими сферами науки и жизни человека: культурой, историей, географией, хронологией, медициной, технологией и т.п.

Вся эта проблематика так или иначе находит свое отражение и в научных результатах Отдела языков народов Азии и Африки, которые включают как практические словарные разработки, так и фундаментальные исследования по лексикологии и лексикографии.

В конкретной словарной работе в разное время принимали участие около 60 сотрудников Отдела. Лексикографические результаты, полученные с их участием за время их работы в Отделе, включают более 80 словарей, в которых учитывается материал более 20 современных и древних языков и языковых семей Азии и Африки. Оговоримся, что подсчеты здесь могут различаться в зависимости от того, считать ли отдельные тома многотомных изданий и в какой мере учитывать работы, изданные под грифами других научных и образовательных учреждений, а также стереотипные переиздания (в последнее время нередко еще и «пиратские»), в том числе зарубежные. Если включать все такие издания, число крупных лексикографических публикаций Отдела языков народов Азии и Африки окажется значительно более ста.

Среди них можно выделить три крупные группы работ. В первую группы входят различные виды традиционных двуязычных или многоязычных словарей, рассчитанных на тех, кто изучает соответствующие языки или пользуется ими в своей деятельности. Вторую группу составляют одноязычные терминологические и энциклопедические словари и справочники. К третьей группе мы относим теоретико-методологические изыскания по лексикологии и лексикографии. Ниже дается краткий обзор этих трех групп работ.

2. Переводные двуязычные и многоязычные словари

В данной категории в Отделе в первую очередь создавались словари общей лексики.

Если перечислять по алфавиту представленные в них восточные языки, список этих языков будет включать арабский, бенгальский, бирманский, вьетнамский, дари, дунганский, каннада, китайский, корейский, кхмерский, лаосский, малайял, монгольский, непальский, персидский, тайский, тамильский, тибетский, хинди, чадские, японский (см. прилагаемую к данной статье избранную библиографию [Шаляпина 2018]).

В этот список можно было бы добавить и амхарский язык, но амхарско-русский словарь, подготовленный Е.Г. Титовым, к сожалению, так и не увидел свет – так же, как и словарь египетского варианта арабского языка Г.Ш. Шарбатова.

Примерно для половины из названных языков (арабского, бенгальского, вьетнамского, корейского, кхмерского, лаосского, монгольского, непальского) в Отделе создавались общие или учебные словари в обоих в направлениях: от этих языков к русскому и от русского к ним. Для бирманского, дунганского, тамильского были разработаны словари только от русского к указанным языкам, для остальных (дари, каннада, китайского, малаялам, персидского, тайского, тибетского, хинди, чадских) – только от них к русскому.

Среди ответственных редакторов и основных авторов созданных словарей можно отметить таких исследователей, как И.Е. Алешина, М.С. Андронов, А.С. Бархударов, В.М. Бескровный, Ю.А. Горгогиев, Г.А. Зограф, Л.Н. Киселева, Н.И. Конрад, Л.Р. Концевич, Н.И. Королев, В.П. Липеровский, Лонг Сеам, Г.Ф. Минина, Л.Н. Морев, Л.Б. Никольский, И.М. Ошанин, Ю.М. Парфионович, Р.С. и Ю.Я. Пламы, Ю.А. Рубинчик, Г.Д. Санжеев, А.Л. Семенас, Н.В. Солнцева, Н.А. Сыромятников, Г.Ш. Шарбатов и др. Этот список далеко не полон, тем более что в работе над многими словарями участвовали по несколько сотрудников Отдела. В частности, составлением Большого китайско-русского словаря занимались около 15 наших сотрудников (о некоторых из них см., например, [Шаляпина 2017; Черникова 2018]).

Ряд словарей составлялся сотрудниками Отдела совместно с учеными из национальных академий и Институтов языкознания других стран. Так, «Большой вьетнамско-русский словарь» разрабатывался совместно с Институтом языкознания Вьетнамской академии общественных наук, а двухтомный «Большой корейско-русский словарь» 1976 года издания и «Корейско-русский словарь» 1984 года явились результатом совместной работы ИВ АН СССР и Института языкознания Академии общественных наук КНДР.

Целый ряд наших словарей переиздавались за рубежом. К ним относятся, в частности, «Арабско-русский учебный словарь» (1981 г.) Г.Ш. Шарбатова (переиздан в Бейруте в 1993 г.); «Русско-корейский словарь» (1988 г.) Л.Б. Никольского и Ю.Н. Мазура (переиздан в Сеуле в 1992 г.), двухтомный «Персидско-русский словарь» (1970 г.) Ю.А. Рубинчика (не менее трех раз переиздавался в Иране) и другие.

Кроме словарей общей лексики, сотрудниками Отдела создаются и специальные словари – начиная с «Фонетического словаря китайских иероглифов» (1983 г.) под редакцией Льва Рафаиловича Концевича и его же «Словаря географических названий Республики Корея» (2018) до двуязычных или трехязычных терминологических словарей по различным техническим и научно-техническим облас-

тям: военному делу, радиоэлектронике, закупкам, поставкам и монтажу промышленного оборудования, строительной терминологии, биологической номенклатуре, – а также по отдельным областям культуры, в частности, по музыкальной лексике. Такие терминологические словари разрабатывались для арабского, корейского, монгольского и японского языков (см. библиографию для указанных языков в [Шаляпина 2018, раздел 1]).

В последнее время к работе над обычными двуязычными словарями добавляются также компьютерные лексикографические разработки, прежде всего электронные словари.

Здесь важнейшая работа Отдела – это электронный японско-русский словарь ЭЛЕЯРС, создаваемый под руководством А.В. Костыркина. По своему лексическому составу ЭЛЕЯРС основывается на «Японско-русском словаре» 1984 года издания, главный редактор и основной автор которого Б.П. Лаврентьев успел сам принять участие в работе над этим электронным словарем на начальном этапе его разработки. Программно-лексикографические средства, применяемые при работе над словарем ЭЛЕЯРС, опираются на ранее построенный А.В. Костыркиным и К.И. Демичем программно-лингвистический комплекс «РАМЕЯ» – рабочее место языковеда: переводчика, лексикографа, грамматиста» (2014 г.) – который разработан как своего рода методологическая база для электронных словарей, позволяющая оптимизировать лексикографические работы (особенно для иероглифических языков) с помощью современных компьютерных возможностей (см. ниже раздел 4 настоящей статьи). Помимо уже названных сотрудников, в работе над словарем ЭЛЕЯРС участвуют и другие японисты Отдела, в частности Е.С. Тарасова, а также специалисты из других учреждений, например Т.А. Розанова (МГЛУ). Для выполнения простейших лексикографических работ привлекаются студенты-практиканты из Московского городского педагогического университета.

Особый тип словарей представляют подготовительные словарные материалы. Можно выделить два их подтипа.

Первый подтип составляют словари, собранные в процессе полевой работы в лингвистических экспедициях (см. [Шаляпина 2018, раздел 2]). Они обычно публикуются в составе общих описаний исследуемых в экспедициях языков. Таков, например, словарь, представленный в книге Б.Х. Годаевой о диалектах языка Внутренней Монголии (1983 г.), а также тематические словари (своего рода тезаурусы, где слова распределены по тематическим рубрикам), которые включены в публикации по материалам совместных советско-

и российско-вьетнамских экспедиций, проводившихся в свое время под руководством В.М. Солнцева и Н.В. Солнцевой.

Ко второму подтипу [Шаляпина 2018, раздел 3] можно отнести словари и конкордансы к художественным произведениям – как в работах Т.Я. Елизаренковой для ведийского языка и Р.Л. Цаболова для курдского, а также словари, созданные на базе крупных письменных памятников. Среди последних выделяются «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» Ю.Н. Рериха (1983-1993 гг.) и древнекхмерско-французско-русский «Словарь древнекхмерского языка по надписям Камбоджи VI-XIV вв.», составленный Лонг Сеамом. Последний, поистине фундаментальный словарь (его объем превышает 2000 с.), в 1994 г. был депонирован в ИНИОН РАН, а в 2000 г. его часть, касающаяся наиболее древнего, преангорского периода, была переиздана в Пномпене (с заменой русских переводов древнекхмерских слов на кхмерские).

Словари к письменным памятникам содержат в себе неопценимый лингвистический материал, предоставляющий фактологическую базу для еще одной важной группы словарей – словарей этимологических.

Этимологические словари занимают в работе Отдела особое место, являясь фактически итогом исследовательской работы своих авторов в течение всей их научной жизни. Возможно, поэтому они стали разрабатываться в Отделе достаточно поздно – ближе к концу XX века – а публиковаться уже в XXI-ом веке. К настоящему времени такие словари подготовлены и опубликованы для четырех групп языков: древнеарабского, курдского, монгольских и чадских (см. [Шаляпина 2018, раздел 3]). Кроме того, в начале 1980-х гг. Н.К. Соколовская начала составлять «Сравнительно-этимологический словарь вьет-мыонгских языков», но, к сожалению, ее безвременная кончина в 1985 г. помешала его завершить.

3. Одноязычные терминологические и энциклопедические словари

Выше уже отмечалось, что кроме двуязычных словарей сотрудники Отдела участвуют также в составлении словарей одноязычных. Это прежде всего словари лингвистической и литературоведческой терминологии, а также различные энциклопедические издания.

Правда, здесь возникает вопрос: можно ли говорить об энциклопедиях как о словарях? И если нельзя, то в чем отличие привычных нам толковых словарей или одноязычных словарей терминов от энциклопедических словарей и собственно энциклопедий?

Можно увидеть разницу в том, что в словарях описываются слова, а в энциклопедиях – понятия, которые при этом часто бывают заданы не отдельными словами, а словосочетаниями. Однако и в обычных толковых словарях возможны словарные входы в виде словосочетаний – хотя, быть может, реже. А если брать словари терминологические и тем более фразеологические, то в них такие входы являются нормой.

В качестве еще одного возможного отличия можно отметить, что в обычных словарях, в противоположность энциклопедиям, обязательно фиксируется многозначность описываемых слов – часто с разграничением ее на омонимию и полисемию, отражаемым уже на уровне представления словарных входов. Но и здесь разница скорее количественная и техническая, чем качественная и содержательная. Даже в Большой Российской Энциклопедии (ниже БРЭ) мы обнаруживаем и омонимию, и полисемию. В случае омонимии внешне совпадающие единицы получают в БРЭ каждая свою словарную статью (с повторением словарного входа). Так описаны, например, ‘язык’ как часть тела живого существа и ‘язык’ как система знаков. В случае полисемии при одном словарном входе даются два определения, выделенные разными номерами. Например, для понятия ‘аббревиатура’ предлагается следующее описание: «1) в лингвистике – существительное, состоящее из усечённых слов... или ... частей сложного слова; 2) в музыке – знаки сокращения нотного письма»). В пределах одной статьи в БРЭ могут отмечаться и переносы значений. Например, понятие «абзац» определяется как «пробел в начальной строке текста», после чего указывается: «А. называется также¹ часть текста от начального пробела до концевого (в конце строки), представляющая собой смысловое единство».

Таким образом, вопрос о границах лексикографии является достаточно сложным и заслуживает отдельного рассмотрения. Не пытаясь это сделать в рамках данного краткого обзора, мы здесь принимаем максимально широкое определение лексикографической работы, включая в нее, среди прочего, и подготовку статей в энциклопедиях и энциклопедических словарях.

С этой точки зрения следует отметить, что одноязычных словарных и энциклопедических изданий, в которых участвовали или участвуют сотрудники Отдела, за время его существования также набирается немало.

Правда, терминологических словарей, которые были бы полностью разработаны сотрудниками Отдела, сравнительно немного.

¹ Подчеркивание наше – З.Ш.

К ним можно отнести разве что такие небольшие работы, как «Словарь лингвистических терминов», составленный А.Л. Семенас в рамках монографии «Лексика китайского языка» (2000 г.), и «Словарь лингвистических и литературоведческих терминов» Е.Д. Поливанова, подготовленный Л.Р. Концевичем по материалам архива РАН для книги [Поливанов 1991] и позднее опубликованный отдельно (2010, 2015 гг.).

Зато достаточно много коллективных словарей и энциклопедий, в которых сотрудники Отдела являются авторами отдельных статей (см. [Шаляпина 2018, раздел 4]).

Так, более 30 сотрудников Отдела выступают в качестве авторов статей известного Лингвистического энциклопедического словаря 1990 года.

Л.Р. Концевич участвовал в подготовке таких изданий, как «Словарь литературоведческих терминов» (1974 г.), «Мифологический словарь» (1990 и 1992 г.), «Энциклопедия литературных понятий и терминов» (2001 г.), «Энциклопедия корейцев России» (2004), энциклопедия «Духовная культура Китая. Т. 3. Литература, язык и письменность» (2008).

Н.В. Солнцева участвовала в подготовке 2-го тома энциклопедии «Языки народов России и соседних государств» (2001), В.Э. Шагаль – в подготовке изданий «Современная энциклопедия. Этикет» (2008 г.) и «Африка: Энциклопедический справочник» (1986-1987), А.Г. Белова – в зарубежном энциклопедическом издании «Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics» (2009 г.), Ю.А. Ландер – в изданиях «The Languages and Linguistics of Europe» (2011) и Oxford Encyclopedia of Morphology (2018 г.), и т.д.

Сотрудники Отдела постоянно привлекаются и к подготовке статей для универсальных энциклопедий. В их числе, например, такие отечественные государственные энциклопедии, как «Українська Радянська Енциклопедія» (1960 г.), «Советская историческая энциклопедия» (1961-1964), «Большая советская энциклопедия» (1970-1972). Восемь сотрудников: Алпатов В.М., Беликов В.И., Белова А.Г., Бурлак С.А., Головастиков А.Н., Крылов С.А., Михайлова Т.В., Подлесская В.И. – участвовали в подготовке статей для современной электронной (онлайн-) энциклопедии «Кругосвет» (см. список ее авторов в [Составители 2018]). С участием сотрудников Отдела создается и «Большая Российская энциклопедия» – среди авторов статей для 27 уже вышедших ее томов числятся более десяти наших ученых: М.С. Андронов, А.Г. Белова, С.А. Бурлак, Л.М. Горелова, И.Б. Иткин, А.И. Ко-

ган, С.А. Крылов, Ю.А. Ландер, А.А. Смирнитская, Н.В. Солнцева, В.Э. Шагаль, Г.Ш. Шарбатов и др.

Мы не упоминаем здесь еще ряд энциклопедических изданий, например, известную серию «Языки мира», публикуемую в Институте языкознания РАН, – поскольку представленные в ней работы носят скорее фундаментальный, чем справочный характер. Еще раз подчеркнем, что приведенные сведения имеют прежде всего иллюстративный характер и включают далеко не все престижные справочники, в которых есть авторы – сотрудники Отдела.

4. Теоретические труды по лексикографии и лексикологии

Завершая данный обзор, нельзя не упомянуть, хотя бы совсем коротко, что наряду с практическими лексикографическими работами в Отделе выполнялись и продолжают выполняться также фундаментальные теоретические изыскания по лексикологии и лексикографии. Здесь выделяются такие известные имена, как В.М. Алпатов, которому принадлежат общие методические разработки по лексикологии; В.М. Бескровный, занимавшийся вопросами лексикографии для языка хинди; Лонг Сеам, который, помимо общей лексикологии кхмерского языка, углубленно изучал также кхмерскую топонимику; Ю.А. Рубинчик, исследовавший лексикографию и фразеологию для персидского языка; А.Л. Семенас – автор двух крупных работ по лексикологии и лексике китайского языка; С.А. Старостин, разрабатывавший принципы лексикографических описаний для сравнительно-исторических исследований; и др. Ряд работ этих и других сотрудников Отдела по названным направлениям см. в [Шаляпина 2018, раздел 4].

Отметим отдельно три важные разработки в области теории и методологии компьютерной лексикографии: систему STARLING, систему ЯРАП и комплекс РАМЕЯ.

STARLING представляет собой компьютерную интегральную рабочую среду лингвиста, позволяющую значительно повысить производительность труда исследователя-языковеда, особенно при решении задач полевой лингвистики и сравнительно-исторических исследований. Изначально разработанная С.А. Старостиным, эта компьютерная система не только широко используется в настоящее время, но и продолжает развиваться. Среди сотрудников Отдела в работе по ее совершенствованию наиболее активное участие принимает С.А. Крылов.

В системе японско-русского автоматического перевода ЯРАП (рук. З.М. Шалапина) предусматривается словарь особого типа – который должен использоваться не человеком, но алгоритмами анализа входного языка, межъязыкового перехода и русского синтеза. Соответственно, в ее рамках разрабатываются специальные средства и методы представления словарной информации для этих целей. В самом общем плане специфика подхода, принятого для системы ЯРАП, состоит в том, что словарь рассматривается как единая форма организации формализованного лингвистического описания и может содержать информацию в том числе и тех типов, которые обычно относят к грамматике. Разница между словарем и грамматикой сводится при этом только к степени общности соответствующей информации. Еще одной особенностью принятого подхода является расширенная трактовка понятия лексической валентности, позволяющая задавать в валентностных терминах любые сведения о синтагматической комбинаторике слов, причем не только «сверху вниз» (от главного слова к его зависимым), но и «снизу вверх» – от синтаксически подчиненных единиц к их «хозяевам».

Программно-лингвистический комплекс РАМЕЯ уже упоминался выше в разделе 2 данной статьи. Разработанный под руководством А.В. Костыркина, он предусматривает целый ряд нетривиальных функций, позволяющих оптимизировать для русскоязычного пользователя различные виды работы с иероглифическими языками: выполнение и редактирование переводов, поиск информации в электронных словарях и базах данных, работу с корпусами текстов в целях сбора сведений об особенностях употребления единиц и конструкций изучаемых языков.

Например, по требованию пользователя для интересующей его единицы могут быть выделены все ее вхождения в рассматриваемый им текст или составлен миниконкорданс всех этих вхождений (что может быть важно для правильного перевода повторяющихся единиц). При словарном поиске для поисковых единиц находятся не только их собственные словарные статьи, но и их упоминания в статьях других единиц (в составе иллюстративного материала, комментариев, примеров фразеологии и т.п.). Это не только существенно дополняет описание тех или иных слов, как оно дано в их собственных словарных статьях, но и позволяет иногда обнаруживать в словаре слова, которые в нем вообще не описывались (отсутствуют в его словнике). Поиск в словаре и в корпусе текстов может выполняться среди прочего и для тех единиц, в которых пользователь не может идентифицировать часть знаков – например, потому, что они

плохо пропечатались в читаемом тексте. Их можно задать при поиске специальным символом, и система найдет все единицы, в которых на месте этого символа стоят те или иные конкретные графические знаки. В корпусе текстов поиск может производиться в том числе и для разрывных единиц. Все эти возможности используются, в частности, при создании упоминавшегося выше электронного словаря ЭЛЕЯРС.

В заключение отметим, что в последние годы в Отделе ведется также активная работа по исследованию на материале восточных языков отдельных лексико-семантических полей, таких, как: сельскохозяйственная лексика, лексика охоты и рыболовства, названия птиц и рыб, названия стройматериалов, названия частей тела, номинации болевых и неприятных ощущений, единицы со значением «ждать», глаголы обладания, глаголы плаванья, глаголы падения, звукоподражательные глаголы, параметрические глаголы и др. Изучаются также различные сложные лексикологические явления: синонимия, омонимия, неоднозначность и полисемия, сдвиги значений и семантические переходы и др.

Многие из работ этого направления представлены и в настоящем издании, что подчеркивает важность и актуальность данной проблематики.

Литература

1. Лаврентьев Б.П., Немзер Л.А., Сыромятников Н.А., Тарасова Т.И., Фельдман-Конрад Н.И. *Японско-русский словарь* / Ред. Б.П. Лаврентьев. М.: Русский язык. 1984. 695 с.
2. Е.Д. Поливанов. *Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию*. М.: Наука, 1991.
3. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема отдельности слова) // *Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию*. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 182-203.
4. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема тождества слова) // *Труды Института языкознания*, т. IV. М., 1954.
5. Составители энциклопедии // *Кругосвет* [электронная (онлайн-) энциклопедия] / Гл. ред. Добровольский А.В. [электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/authors>. Дата обращения: 06.06.2018.
6. Черникова Л.П. Участие востоковедов-практиков в коллективном труде по созданию Большого русско-китайского словаря под руководством И.М. Ошанина // *Труды Института востоковедения РАН*.

Вып. 19. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Лексикология и лексикография. М.: ИВ РАН, 2018. С. 55-80.

7. Шаляпина З.М. Исследования по языкам Южной и Юго-Восточной Азии в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН // *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Южной и Юго-Восточной Африки. Материалы научн. конф. Ин-т востоковедения РАН, 26 октября 2016.* М.: ИВ РАН, 2017. С. 5-39.
8. Шаляпина З.М. (сост.). Основные работы в области лексикографии и лексикологии, выполненные в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН или с участием его сотрудников: избранная библиография // *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 19. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Лексикология и лексикография.* М.: ИВ РАН, 2017. С. 21-31.

Основные работы в области лексикографии и лексикологии, выполненные в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН или с участием его сотрудников: избранная библиография

Сост. З.М. Шаляпина (ИВ РАН, Москва)

Библиография включает 5 разделов: (1) переводные (двуязычные и трехязычные) словари, (2) словарные разработки по полевым материалам, (3) исторические и этимологические словари, (4) одноязычные (терминологические и энциклопедические) словари и справочники, (5) теоретические труды по лексикологии и лексикографии.

В первом и третьем разделах выходные данные перечисляемых в них публикаций упорядочены по алфавиту представленных в этих публикациях восточных языков. При этом для каждого языка указываются сначала словари, составленные в направлении от данного языка к русскому, затем от русского к данному языку; в пределах каждого из двух списков словари упорядочены по году (первой) публикации.

Во втором разделе перечисляемые издания упорядочены по году публикации, в четвертом – по названиям, в пятом – по авторам.

1. Переводные словари общей и специальной лексики для языков Азии и Африки

арабский

1. *Словарь-минимум арабского языка для первого года обучения* / Г.Ш. Шарбатов. М.: Военный ин-т иностр. языков, 1952. 109 с.
2. *Арабско-русский учебный словарь: (9800 слов). С приложением очерка по морфологии и фонетике русского языка* / Шарбатов Г.Ш.; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Русский язык, 1981. 1072 с.; 2-е изд., стереотипн. М.: Русский язык, 1982. 1080 с.
3. *Qāṭiūs 'Arabī-Rūsī madrasī: yaḥṭawī 'alā 9800 kalimah (ma'a mulḥaq khāṣṣ bi-al-aṣwāt wa-al-naḥw fī al-lughah al-Rūsīyah). Арабско-русский учебный словарь.* 2-е изд. / Sharbatov, G.Sh.. Бейрут: Dār "al-Lughah al-Rūsīyah" lil-Nashr, 1993.
4. *Карманный русско-арабский словарь.* Около 8 000 слов / сост. Иль-Фархи Т.А., Красновский В.Н., Шарбатов Г.Ш. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. 694 с.; 2-е изд. – М.: Изд-во иностр. лит, 1962. 696 с.; 3-е изд., испр. М.: Советская энциклопедия, 1968. 528 с.
5. *Русско-арабский учебный словарь (16 000 слов): С приложением очерка морфологии и фонетики русского языка (140 с.)* / Г.Ш. Шарбатов. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 1066 с., 140 с.; 2-е изд., стереотипн. М.: Русский язык, 1979. 1066 с.

6. *Карманный русско-арабский словарь: (10 100 слов)* / Иль-Фархи Т.А., Красновский В.Н., Шарбатов Г.Ш.; под ред. Г.Ш. Шарбатова. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1974. 623 с.
7. *Карманный русско-арабский словарь: около 11 000 слов* / Красновский В.Н., Шарбатов Г.Ш. М.: Русский язык, 1988. 574 с.; 2-е изд., стереотипн. М.: Русский язык, 1992. 556 с.
8. *Русско-арабский технический словарь* / В.Э. Шагаль, В.И. Рыжков, Л.Л. Тхоржевский. М.: Русский язык, 1988.

бенгальский

1. *Бенгальско-русский словарь (к хрестоматии)* / Е.М. Быкова М.: ВИ-ИЯ, 1947.
2. *Бенгальско-русский словарь* / Е.М. Быкова, М.А. Елизарова, И.С. Колобков. М.: ГИИНС, 1957.
3. *Русско-бенгальский словарь* / М.С. Андронов. Ч. 1-2. М.: МИВ, 1953.

бирманский

1. *Учебный русско-бирманский словарь. [А-Я]. 5000 слов* / Минина Г.Ф.; под ред. У Чжо Зо; Ин-т востоковедения РАН. М.: Муравей, 2002. 582 с.

вьетнамский

1. *Вьетнамско-русский словарь* / Под ред. И.М. Ошанина и Ву Данг Ата; сост. И.И. Глебова, В.А. Зеленцов, В.В. Иванов. М.: ГИС, 1961.
2. *Большой вьетнамско-русский словарь. Т.1* / предисл., отв. ред.: Н.В. Солнцева, В.А. Андреева, В.В. Иванов, Бу Лок, Нгуен Ван Тхак, Нгуен Дуэт Минь; Ин-т языкознания РАН; Ин-т языкознания ВАОН. – М.: Вост. лит. РАН, 2006. 70 а.л.
3. *Новый большой вьетнамско-русский словарь. В 2 томах* / Алёшина И., Андреева А.В., Белецкая А., Леягин Д.В., Солнцева Н.В., Ситникова А., Ву Лок, Нгуен Ван Тхак, Нгуен Туэт Минь, Чан Ван Ко. М.: Вост. лит., 2012. 2550 с.
4. *Русско-вьетнамский учебный словарь* / И.Е. Алешина. М.: Русский язык, 1984. Переизд. – 1988, 1989.

дари

1. *Дари-русский словарь* / Л.Н. Киселева, В.И. Миколайчик. М.: Русский язык, 1978. 744 с. 2-е изд. – 1986.

дунганский

1. *Русско-дунганский словарь в трех томах* / Сост. Калимов А.А., Имазов М., Су-шанло М., Хавазов Я., Цунвазо Ю., Шиваза Я., Яншансин Ю. Т. 1-3. Фрунзе: Илим, 1959 (т. 1), 1971 (т. 2), 1981 (т. 3).

каннада

1. *Каннада-русский словарь* / М.С. Андронов, М.А. Дашко, В.А. Макаренко. М.: Русский язык, 1979. 764 с.

китайский

1. *Большой китайско-русский словарь в 4-х тт.* / Гл. ред И.М. Ошанин. М.: Наука, 1984.
2. *Китайско-русский словарь* / Под ред И.М. Ошанина. Изд. 2-е, исправл. и переработ. М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1955.
3. *Фонетический словарь китайских иероглифов (китайское, вьетнамское, корейское и японское чтения)* / Сост. С.Ф. Ким. Отв. ред. Л.Р. Концевич. М.: ГРВЛ, 1983.
4. *Китайско-русский словарь новых слов и выражений* / В.Г. Буров, А.Л. Семенов. Ин-т востоковедения РАН, МГЛУ. М.: Восточная книга, 2007. 736 с.

корейский

1. *Корейско-русский словарь* / Ф.З. Ким; под ред. Хан Дык Пона. М.: МИВ, 1952.
2. *Корейско-русский военный словарь. Ок. 20 000 терминов* / Под ред. Л.Б. Никольского. М.: Воениздат, 1966.
3. *Большой корейско-русский словарь в двух томах. Ок. 150 000 слов* / Под ред. Л.Б. Никольского и Цой Ден Ху. М.: Русский язык, 1976.
4. *Корейско-русский словарь. Ок. 80 000 слов* / Ко Хён; Мазур Ю.Н.; Никольский Л.Б. Пхеньян: Наука и энциклопедия; М.: Русский язык, 1994. 892 с.
5. *Словарь географических названий Республики Корея. Справочное пособие* / Концевич Л.Р.; Институт востоковедения РАН. М.: Наука. Вост. лит-ра, 2018. 733 с.
6. *Русско-корейский словарь. Ок. 40000 слов* / Л.Б. Никольский, Ю.Н. Мазур. М.: Русский язык, 1988. Переизд. – Сеул: Изд-во Тонъя, 1992.

кхмерский

1. *Кхмерско-русский словарь. Около 20 000 слов. С приложением краткого грамматического очерка кхмерского языка* / Горгониев Ю.А.; под ред. Тхатъ Суонга. М.: Русский язык, 1975. 952 с.
2. *Кхмерско-русский словарь. Изд. 2-е, с исправлениями. Около 20 000 слов. С приложением краткого грамматического очерка кхмерского языка* / Горгониев Ю.А.; под ред. Лонг Сеама. М.: Русский язык, 1984. 984 с.
3. *Краткий русско-кхмерский словарь (2 700 слов)* / Лонг Сеам, Р.С. Плам. М.: Русский язык, 1987. 712 с.

лаосский

1. *Лаосско-русский словарь* / Л.Н. Морев, Ю.Я. Плам, В.Х. Васильева. М.: Русский язык, 1982.

2. *Учебный русско-лаосский словарь (2 100 слов)* / Морев Л.Н., Кедайте-не Е.И., Митрохина В.И. М.: Рус. яз., 1984. 352 с. 2-е изд., стереотипн. М.: Рус. яз., 1987. 352 с.
3. *Русско-лаосский учебный словарь: для продвинутого этапа: 5 000 слов* / Л.Н. Морев. М.: Русский язык, 1985. 560 с. Изд. 2-е, исправл. / Под ред Т.М. Мовчанюк. – 1988.
4. *Русско-лаосский словарь. 24 000 слов и выражений.* Под ред. Л.Н. Морева / Морев Л.Н. (ред., сост.), Саад и Сэнгтыян Бандазак, Ларионова Л.В., Кунтыш Л.М. / Ин-т языкознания РАН; Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2004. 523 с.

малаялам

1. *Малаям-русский словарь* / М.С. Андронов, В.А. Макаренко. М.: Сов. энциклопедия, 1971.

монгольский

1. *Монгольско-русский словарь (латинизированный)* / Г.Д. Санжеев. М.: МИВ, 1932.
2. *Краткий монгольско-русский словарь* / Сост. А.Р. Ринчинз; под ред. Г.Д. Санжеева. С прилож. краткого грамматического очерка монгольского языка, сост. Г.Д. Санжеевым. М.: ГИС, 1947.
3. *Русско-монгольский ономаσιологический словарь биологической номенклатуры* / Крылов С.А (рукопись).

непальский

1. *Непальско-русский словарь* / Л.А. Аганина, Н.И. Королев, И.С. Рабинович. М., 1968.
2. *Русско-непальский разговорник* / Н.И. Королев. М.: Наука, 1965.
3. *Русско-непальский словарь* / Н.И. Королев, Б.В. Кудрявцев. М., 1975.

персидский

1. *Персидско-русский словарь (в двух томах)* / Ю.А. Рубинчик (отв. ред. и руководитель авт. коллектива). Сост.: М.Н. Османов, Д.Х. Дорри, Л.Н. Киселева и др. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т.1 – 782 с., Т. 2 – 848 с. 2-е издание / Прилож. новых слов. – М.: Русский язык, 1983. Т.1 – 800 с., Т. 2 – 864 с. 3-е издание – М.: Русский язык, 1985. Т.1 – 800 с., Т. 2 – 864 с. Переизд. в Иране – Иран-Советская энциклопедия, 2001; 2008; Rekarus (Русский язык), 2013.

тайский

1. *Тайско-русский словарь* / Л.Н. Морев. М.: Русский язык, 1964.

тамилский

1. *Русско-тамилский словарь* / М.С. Андронов, А.Ш. Ибрагимов, Н.Н. Юга-нова. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 2-ое издание – М.: Русский язык, 1989.

тибетский

1. *Краткий тибетско-русский словарь* / Под ред. Ю. Парфионовича. М.: 1963.

хинди

1. *Хинди-русский словарь* / В.М. Бескровный. М.: ГИИНС, 1953. 2-е издание, испр. и доп. – М., 1959.
2. *Хинди-русский словарь в 2-х томах* / Сост. А.С. Бархударов, В.М. Бескровный, Г.А. Зограф, В.П. Липеровский.; Под ред. В.М. Бескровного. М.: Советская энциклопедия, 1972. Переизд. – М.: Мир и образование, 2002.

японский

1. *Японско-русский словарь* / Л.А. Немзер, Н.А. Сыромятников. М., 1951. 2-е издание – М.: ГИС, 1960. 3-е издание – М., 1965.
2. *Большой японско-русский словарь в двух томах* / Под ред. Н.И. Конрада; сост. С.В. Неверов, К.А. Попов, Н.А. Сыромятников и др. М., 1967-1970.
3. *Японско-русский словарь по радиоэлектронике* / Азербайев Э.Г., Изуцкивер Михаил Исаевич. М.: Русский язык, 1981. 784 с.
4. *Японско-англо-русский словарь по монтажу промышленного оборудования = Japanese-English-Russian Dictionary on Industrial Equipment Mounting: около 8000 терминов* / [И.С. Попова, А.В. Костыркин, А.Я. Беликов и др.]; под общ. ред. И.С. Поповой, А.В. Костыркина; Астрахан. гос. ун-т; Newtech Lingua. Астрахань: Астраханский университет; М.: Япония сегодня, 2010. 557 с. (Language of New Technology).
5. *Японско-англо-русский строительный словарь = Japanese-English-Russian Dictionary of Building Construction: ок. 17 000 терминов* / [И.С. Попова, А.В. Костыркин, Ю.О. Милосердова и др.]; под общ. ред. И.С. Поповой, А.В. Костыркина (Ин-т востоковедения РАН); Newtech Lingua. М.: Ньютек Лингва, 2012. 928 с. – (Language of New Technology).
6. *Краткий русско-японский • японско-русский музыкальный словарь* / Е.С.Тарасова, А.В. Костыркин, Исида Кадзуси. Токио: Сякухокуся, 2006 г. 110 с.

2. Словарные разработки по полевым материалам

1. *Язык монголов внутренней Монголии. Материалы и словарь* / Б.Х. Тодаева. М.: Наука, 1981.
2. *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык лаха* [Вып. 1] / Отв. ред.: В.М. Солнцев, Хоанг Туэ; авторы лингвистического очерка: Н.В. Солнцева, Хоанг Ван Ма. М.:

Наука, 1985. 407 с. Тематический словарь: с. 106-148 (составители – сотрудники Отдела: Н.К. Соколовская, Н.В. Солнцева).

3. *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык мьонг* [Вып. 2] / Отв. ред.: В.М. Солнцев, Хоанг Туэ; авторы лингвистического очерка: Н.К. Соколовская, Нгуен Ван Тай. М.: Наука, 1987. 520 с. Тематический словарь: с. 102-234 (составители – сотрудники Отдела: А.Ю. Ефимов, Н.Г. Соколовская, А.Н. Головастиков и др.).
4. *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык ксингмул* [Вып. 3] / Отв. ред.: В.М. Солнцев, Хоанг Туэ; авторы лингвистического очерка: Т.Г. Погибенко., Буй Кхань Тхэ. М.: Наука, 1990. Тематический словарь: с. 90-183 (составители – сотрудники Отдела: А.Ю. Ефимов, Н.Г. Соколовская, А.Н. Головастиков и др.).
5. *Материалы совместной российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Выпуск 4. Язык рук* / Отв. ред. Н.В. Солнцева, Нгуен Ван Лой; авторы лингвистического очерка В.М. Солнцев, Н.В. Солнцева, И.В. Самарина. М.: Восточная литература, 2001. 610 с. Тематический словарь: с. 135-301 (составители – сотрудники Отдела: В.И. Беликов, А.Ю. Ефимов, И.В. Самарина, Н.Г. Соколовская, Н.В. Солнцева и др.).

3. Словари к текстам, исторические и этимологические словари

ведийский

1. *Да услышат меня земля и небо* / Стихотворное переложение В.Г. Тихомирова; составление, перевод с ведийского, вступительная статья, комментарии и словарь Т.Я. Елизаренковой. М., 1984.

вьет-мыонгские

1. *Сравнительно-этимологический словарь вьет-мыонгских языков* / Н.К. Соколовская (не завершен)

древнеарабский

1. *Этимологический словарь древнеарабской лексики (на материале избранных текстов доисламской поэзии). Вып. I* / Белова А.Г.; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2012. 284 с.
2. *Этимологический словарь древнеарабской лексики (на материале избранных текстов доисламской поэзии). Вып. II. [z] – [ʃ]* / Белова А.Г.; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014. 280 с.
3. *Этимологический словарь древнеарабской лексики (на материале избранных текстов доисламской поэзии). Вып. III. [q]–[y]* / Белова А.Г.; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2016. 247 с.

древнекхмерский

1. *Словарь древнекхмерского языка по надписям Камбоджи VI–XIV вв.* / Лонг Сеам. Рукопись деп. в ИНИОН РАН. М., 1994.
2. *Dictionnaire du khmer ancien (D'après les inscriptions du Cambodge du VIe. – VIIIe. siècles)* / Лонг Сеам (Long Seam / Long Siem). Phnom Penh: Phnom Penh Printing House, 2000.

курдский

1. *Словарь-конкорданс и комментарий к тексту поэмы Ф. Тайрана «Шейх Сан'ан»* / Р.Л. Цаболов. М., 1985.
2. *Этимологический словарь курдского языка. Т. I* / Р.Л. Цаболов. М.: Вост. лит. РАН, 2001. – 686 с.
3. *Этимологический словарь курдского языка. Том II. N – Ž.* / Р.Л. Цаболов; предисл. А.И. Когана. М.: Вост. лит. РАН, 2010. 536 с.

монгольские

1. *Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Том I. А–Е* / Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В.; гл. ред. Г.Д. Санжеев, ред. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
2. *Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Том II. G – P* / Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В.; гл. ред. Санжеев Г.Д., ред. Концевич Л.Р., Рассадин В.И., Леман Я.Д.; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.

тибетский

1. *Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями* / Рерих Ю.Н.; под ред. Ю. Парфионовича и В. Дылыковой. М.: 1983-1993.

чадские

1. *Chadic lexical database. Issue I* / Столбова О.В.; Ин-т востоковедения РАН. Калуга: ИП Кошелев А.Б., Полиграфия, 2005. 236 с.
2. *Лексическая база данных по чадским языкам. Выпуск II. Латеральные фрикативные* / Столбова О.В.; Ин-т востоковедения РАН. Калуга: «Полиграфия», 2007. 176 с.
3. *Chadic Lexical Database. Issue III. Sibilants and Sibilant Affricates. Лексическая база данных по чадским языкам. Вып. III. Сибиланты и сибилантные аффрикаты* / Столбова О.В.; Учреждение Российской академии наук Ин-т востоковедения РАН. Калуга: Наша полиграфия, 2009. 248 с.
4. *Chadic Lexical Database. Issue IV. Velars. Лексическая база данных по чадским языкам. Выпуск четвертый. Велярные* / Столбова О.В.; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2011. 202 с.

5. *Этимологический словарь чадских языков* / Столбова О.В.; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2016. 416 с. На англ. яз.

4. Одноязычные терминологические и энциклопедические справочники

1. *Африка: Энциклопедический справочник*: В 2 т. М., 1986-1987. Автор – сотрудник Отдела: Шагаль В.Э. (Статьи: «Арабистика», «Алжирские арабы», «Египетские арабы», «Марокканские арабы», «Суданские арабы», «Тунисские арабы»)
2. *Большая Российская энциклопедия*: В 30 томах / Кравец С.Л. (гл. ред.). М.: Большая Российская энциклопедия, 2005-н.в. Тт. 1, 3, 7- 8, 10-12, 16, 18, 20-27. Авторы – сотрудники Отдела: Белова А.Г. (статьи: «Арабский язык», «Арабское письмо»), Андронов М.С. (статья: «Брауи (брагуи)»), Бурлак С.А. (статьи: «Индоевропейские языки», совм. с К.Г. Красухиным, С.В. Кузьминых «Индоевропейцы»), Горелова Л.М. (статья: «Сибо»), Иткин И.Б. (статья: «Тохарские языки»), Коган А.И. (статья: «Нуристанские языки»), Крылов С.А. (статьи: «А», «Д», «Деннотат», «Е», «Ё», «Ж», «З», «И», «Й», «К», «Л», «М», «Местоимения», «Местоименные слова», «Н», «О», совм. с Булыгиной Т.В. «Оппозиции языковые», «П», «Перевод»), Ландер Ю.А. (статья совм. с А.К. Оглоблиным: «Индонезийские языки»), Смирнитская А.А. (статья: «Тамильский язык»), Солнцева Н.В. (статьи: «Изолирующие языки», «Изоляция»), Шагаль В.Э. (статья: «Палестинская литература») и др.
3. *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. Том 1, 2, 6, 9. М.: Советская энциклопедия, 1970-1972.
4. Автор – сотрудник Отдела: Шарбатов Г.Ш. (статьи «Азхар», «Амин I, Ахмед», «Арабистика», «Гаркави», «Авраам Яковлевич», «Гиргас Владимир Федорович», «Египет»)
5. *Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 3. Литература, язык и письменность*. М.: Вост. лит., 2008. Автор-сотрудник Отдела: Концевич Л.Р. (статьи: «Системы транскрипций китайских слов. «Гоюй ломаци». Пиньинь (Китайский фонетический алфавит). Традиционная русская транскрипция. Уэйда – Джайлса транскрипция. Чжуинь цзыму. Табл. 1. Китайские слоги (в пиньинь, ТРТ и транскрипции Уэйда – Джайлса). Табл. 2. Современные китайские алфавитные системы. Традиционный вариант алфавита Чжуинь цзыму в сравнении с другими алфавитными системами
6. *Кругосвет* (электронная энциклопедия) / Гл. ред. Добровольский А.В. [электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/>. Дата обращения: 06.06.2018. Авторы – сотрудники Отдела: Алпатов В.М., Беликов В.И., Белова А.Г., Бурлак С.А., Головастиков А.Н., Крылов С.А., Михайлова Т.В., Подлесская В.И.

7. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с., ил. Авторы – сотрудники Отдела: Айхенвальд А.Ю., Алиева Н.Ф., Алпатов В.М., Андронов М.С., Беликов В.И., Белова А.Г., Елизаренкова Т.Я., Ефимов А.Ю., Киселева Л.Н., Комарова И.Н., Концевич Л.Р., Королев Н.И., Крылов С.А., Куликов Л.И., Лекомцев Ю.К., Лонг Сеам, Милитарев А.Ю., Морев Л.Н., Плам Ю.Я., Подлесская В.И., Погибенко Т.Г., Рубинчик Ю.А., Санжеев Г.Д., Сирк Ю.Х., Соколовская Н.К., Солнцев В.М., Солнцева Н.В., Старостин С.А., Чернышев В.А., Шарбатов Г.Ш., Швернина З.В.
8. *Мифологический словарь* / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990; Изд. 2 – Большая Рос. энциклопедия, 1992. 736 с. Автор – сотрудник Отдела Концевич Л.Р. (119 статей по корейской мифологии).
9. *Словарь лингвистических терминов* // А.Л. Семенов. Лексика китайского языка. М.: Муравей, 2000. 314 с.
10. *Словарь лингвистических и литературоведческих терминов* / Е.Д. Поливанов. Подг. к печати по материалам Архива РАН Л.Р. Концевичем. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 160 с. Изд. второе, дополненное. Сост. и публикатор материалов Л.Р. Концевич. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 186 с.
11. *Словарь литературоведческих терминов* / Под ред. Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. Автор – сотрудник Отдела Концевич Л.Р. (статья: «Корейская поэтика»).
12. *Советская Историческая Энциклопедия*. М. Советская энциклопедия, 1961-1963. Автор – сотрудник Отдела: Шарбатов Г.Ш. (статьи: совм. с В.Б. Луцким «Арабистика», «Гаркави, Авраам Яковлевич», «Гиргас, Владимир Федорович»)
13. *Современная энциклопедия. Этикет*. М.: Мир энциклопедии, 2008. Автор – сотрудник Отдела: Шагаль В.Э. (статья: «Этикет в современном арабском мире»)
14. *Энциклопедия корейцев России*. М., 2004. Авторы – сотрудники Отдела: Концевич Л.Р. (статьи: «Корейское письмо», «Русская и латинская системы практической транскрипции корейских слов», «Библиография переводов корейской художественной литературы на русский язык (сборники, отдельные издания)», совм. с Ю.Н. Мазуром «Корейский язык корейцев Российской Федерации и соседних стран (корёмаль)», «О развитии традиционного корееведения в царской России»)
15. *Энциклопедия литературных понятий и терминов* (Под ред. А.Н. Николокина). М.: Интелвак, 2001. Автор – сотрудник Отдела: Концевич Л.Р. (статья: «Корейская поэтика»)
16. *Языки народов России и соседних государств. Энциклопедия*. Т. II. М., 2001. Автор – сотрудник Отдела: Солнцева Н.В. (статья: «Китайско-тибетские языки»)
17. *Українська Радянська Енциклопедія*. Киев: Гл. ред. Украинской Советской энциклопедии, 1960. Автор – сотрудник Отдела: Шарбатов Г.Ш.

(статьи: «Семіто-хамітські мови», «Семітські мови», «Суданська література», «Тігринья», «Угаритська мова», «Фінікійська мова», «Фінікійське письмо», «Хауса мова»)

18. *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*. Vol. 4. Leiden – Boston: Brill, 2009. Автор – сотрудник Отдела: Белова А.Г. (статья: «South Semitic Languages»)
19. *Oxford Encyclopedia of Morphology*. Oxford University Press, 2018. Автор – сотрудник Отдела: Ландер Ю.А. (статья: «Morphology in Northwest Caucasian languages»)
20. *The Languages and Linguistics of Europe: a Comprehensive Guide*. Vol. 1. The World of Linguistics / J. van der Auwera and B. Kortmann (eds). Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2011. Автор – сотрудник Отдела: Ландер Ю.А. (статья совм. с Даниэлем М.А.: «The Caucasian Languages»)

5. Избранные работы по теории лексикографии и лексикологии

1. Алпатов В.М. *Методические указания по курсу* «Лексикология японского языка». Владивосток: ДВГУ, 1981. 48 с.
2. Алпатов В.М. *О принципах классификации лексики* // Советское востоковедение: (Проблемы и перспективы). М., 1988. С. 445-459.
3. Бескровный В.М. Современная лексикография хинди // *Вопросы языкознания*. 1959. №1. С. 104-109.
4. Демич К.И., Костыркин А.В., Шаляпина З.М. РАМЕЯ/и – автоматизированное рабочее место языковеда для иероглифических языков // *Вестник РГГУ, № 9(52)/10. Научный журнал. Серия "Филологические науки. Языкознание"*. Московский лингвистический журнал. Том 12. М.: РГГУ, 2010. С. 117-148.
5. Демич К.И., Костыркин А.В. Неизвестные страницы японско-русской лексикографии: Работы над неопубликованным японско-русским иероглифическим словарем 1930–40-х гг. // *Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Алпатова. Труды научной конференции. Ин-т востоковедения РАН 22-23 апреля 2015 г. Том 1*. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. С. 109-120.
6. Крылов С.А. Некоторые уточнения к определениям понятий словоформы и лексемы // *Семиотика и информатика*. Вып. 109. М., 1982. С. 118-136.
7. Крылов С.А. Стратегии применения интегрированной информационной среды StarLing в корпусной лингвистике и в компьютерной лексикографии // Смирнов И.С. (ред.). *Orientalia et classica. Труды Института восточных культур и античности*. Вып. XIX. *Аспекты компаративистики*. 3. М.: РГГУ, 2008. С. 649-668.

8. Крылов С.А., Старостин С.А. Создание и переработка лексических баз данных в интегрированной информационной среде StarLing // *Кобозева И.М., Нариньяни А.С., Селегей В.П. (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции "Диалог'2007" (Моск. обл., 1-6 июня 2007 г.)*. М.: Наука, 2007. С. 328-332
9. Лонг Сеам. *Очерки по лексикологии кхмерского языка* / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1975. 140 с.
10. Лонг Сеам. *Исследования по лексикологии и грамматике древне-кхмерского языка (по надписям Камбоджи VI-XIV вв.)*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 115 с.
11. Лонг Сеам (Long Seam / Long Siem). *Toponymic Khmer (D'après les inscriptions du Cambodge du VIe-XIVe siècles)*. Phnom Penh: Édition d'Institut Bouddhique, 1997. 150 p.
12. Панина А.С. (пер. с яп.). Т. Кунихиро. Идеальный толковый словарь (рисо но кокуго дзитэн) / Предисл. В.М. Алпатова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.,
13. Рубинчик Ю.А. *Лексикография персидского языка*. М.: Наука, 1991. 222 с.
14. Рубинчик Ю.А. *Основы фразеологии персидского языка*. М.: ГРВЛ, 1981. 275 с.
15. Семенас А.Л. *Лексикология современного китайского языка*. М.: Наука, 1992.
16. Семенас А.Л. *Лексика китайского языка* / Ин-т востоковедения РАН. М.: Муравей, 2000. 314 с. Изд. 2-е – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. 310, [2] с.
17. Старостин С.А. Рабочая среда для лингвиста // *Базы данных по истории Евразии в средние века*. Вып. 2. М.: ИВ РАН, 1993. С. 50-64.
18. Старостин С.А. Сравнительный словарь енисейских языков // *Кетский сборник. Лингвистика*. М.: Вост. лит. РАН; Школа «Языки Русской Культуры», 1995. С. 176-315.
19. Шаляпина З.М. Грамматика и ее соотношение со словарем при словотрическом подходе к языку (На опыте формализованного лингвистического описания) // *Вопросы языкознания*. 1991. № 5. С. 42-54.
20. Шаляпина З.М. Структурные валентности как универсальный инструмент описания языковой синтагматики (в рамках сущностного подхода к ее моделированию) // *Московский лингвистический журнал*. 2001. Том 5, № 2. С. 35-84.
21. Шаляпина З.М., Модина Л.С., Канович М.И. и др. Словари различных лингвистических уровней в модели японско-русского автоматического перевода ЯРАП // *Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии Межвузовский сборник научных трудов*. Иваново: Юнона, 1997, с. 238-249.

И.Н. Комарова
ИЯз РАН (Москва)

«Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями»

Научные работы выдающегося тибетолога XX столетия Ю.Н. Рериха, связанные с исследованиями Тибета и тибетского языка [Roerich 1931, 1957; Рерих 1961], а также «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» в 11 томах [Рерих 1983-1993] получили широкую известность и признание тибетологов как в нашей стране, так и за рубежом.

Вернувшись в Россию из Индии, Ю.Н. Рерих в Институте народов Азии АН СССР обрел множество восторженных учеников и последователей, интересовавшихся тибетским языком, историей и религией Тибета. В те далекие времена Институт находился в Армянском переулке, матрица памяти сохранила двор, полный благоухающих роз.

После внезапной кончины Ю.Н. Рериха в 1960 г. ученые неизменно вспоминали его с большим уважением и почтением, а кабинет Института, содержащий его бесценную библиотеку, стал именоваться «Кабинетом Ю.Н. Рериха» и в течение длительного времени хранил особую ауру. На протяжении нескольких последних десятилетий в Институте востоковедения РАН почти ежегодно с большим успехом проводятся «Рериховские чтения» с участием ученых не только из различных городов России, но и из других стран с уникальными докладами самой различной проблематики, интересовавшей Ю.Н. Рериха.

В Отделе языков Института народов Азии АН СССР была создана специальная группа по редактированию рукописи «Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями», которую возглавил талантливый тибетолог к.ф.н. Ю.М. Парфионович. В эту группу входили к.ф.н. В.С. Дылыкова, д.и.н. В.А. Богословский, к.ф.н. Б.Д. Бадараев и К.М. Черемисов.

Научные изыскания Ю.Н. Рериха, воплотившие богатейшее наследие тибетской исторической, философской, религиозной и лингвистической мысли, а также восточных литератур, знакомство с древними канонами способствовали созданию знаменитого одиннадцатитомного «Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями» (далее «ТРАСС»).

«ТРАСС» содержит несколько десятков тысяч лингвистических единиц и представляет единую лексическую и грамматическую систему тибетского языка, воссоздавая многообразную тибетскую языковую систему мира, отражая национально-специфические особенности тибетской ментальности и способствуя пониманию характерных явлений социальной, политической, духовной и культурной жизни народа Тибета, начиная с письменных памятников и до новейшего времени. Изменение общественных формаций, новые экономические и политические обстоятельства неизменно запечатлелись в тибетском языке.

Тибетский язык, подобно другим языкам изолирующего типа, характеризуется фиксированным количеством силлабо-тонических единиц, ограниченной дистрибуцией фонем в составе слога и их строго определенной функцией (инициальные и финальные группы), а также наличием системы тонов, основная функция которых заключается в выражении лексических значений.

Лхасский диалект, ведущий диалект тибетского языка, является основным источником фонетических инноваций. Имея преимущественное распространение в различных сферах общественной жизни и теряя территориальную ограниченность, он является базой для формирования современного литературного тибетского языка.

Ю.Н. Рерих преодолевал немалые трудности, описывая не только эквивалентную лексику, совпадающую с переводными единицами по денотату и коннотату, но и безэквивалентную лексику, выражающую понятия, совпадающие с переводами лишь в некоторых значениях и отличающиеся во всех других.

Ю.Н. Рерих блестяще владел современным тибетским языком, который в значительной мере представлен такими лексическими пластами, как литературная речь, охватывающая основные отрасли науки и техники, экономики, политики, медицины, культуры, искусства, религии; категории гонорифичности; иноязычные заимствования (главным образом китайские), архаизмы и неологизмы, фразеологизмы, диалектизмы, терминосистемы. Ю.Н. Рерих тонко чувствовал нюансы тибетского слова, что нашло свое отражение в словаре, который отличается от других тибетско-иноязычных словарей более полной словарной информацией.

В Словаре представлены особенности лексических единиц: функциональная употребительность, деривационная активность, широкая синтагматическая сочетаемость, парадигматическая подержанность (вхождение в многочисленные синонимические ряды).

Ю.Н. Рерих передает значение слов, указывая их нормативное, функциональное значение и экспрессивно-стилистическую окраску.

Словарные статьи отмечены лингвистической эрудицией, высоким профессиональным уровнем, богатым иллюстративным материалом, совмещением в одной статье собственно языковой и энциклопедической информации.

Ю.Н. Рерих внёс огромный вклад в исследование фонетической и грамматической систем тибетского языка, что нашло свое отражение и в этом грандиозном Тибетско-русско-английском словаре с санскритскими параллелями.

Грамматическая система тибетского языка обладает типологическими характеристиками, которые свойственны агглютинативным и флективным языкам. А по определенным типологическим критериям тибетский язык принадлежит к языкам изолирующего строя.

Для тибетского языка особенно характерны типологические параметры, свойственные агглютинативным языкам: совпадение графического, фонетического и морфологического слогоделения при агглютинативно сочлененных морфемах в словах и словоформах.

Своеобразие грамматической системы тибетского языка заключается в том, что при выражении синтаксических отношений между словами синтаксические показатели могут быть представлены отдельными постпозитивными элементами. При консонантном исходе слова присоединение синтаксических показателей осуществляется агглютинативным способом. Они при этом характеризуются четкой выделяемостью, автономностью и моносимантичностью.

Синтаксические показатели и их варианты, как указывает Ю.Н. Рерих в Словаре, именуемые «ладон» в тибетских грамматиках, зависят от конкретного качества конечного консонантного элемента основы слова и имеют агглютинативную технику соединения со словом: la^2 , ra^2 , thu^2 , su^1 , ta^2 . Примеры релятивных показателей местоимений: эргативный показатель khi^{23} (его варианты $kyhi^{23}$, kyi^{23}), инструментальный показатель khi^{23} (его варианты $kyhi^{23}$, kyi^{23}), атрибутивный показатель khi^{23} (его варианты kyi^2 , $kyhi^2$), $khong^1 khi^{23}$ 'он', эргатив, субъект действия при переходном глаголе ($khong^1$, номинатив, синтаксический показатель эргатива khi^{23}); $khong^1 khi^1$ 'его' ($khong^1$ 'он', номинатив, показатель атрибутива khi^1).

Итак, I тип склонения имен существительных тибетского языка характеризуется агглютинативным способом соединения морфем в словоформе. При консонантном исходе корневой морфемы корневая и служебная морфемы имеют предельно ясные и прозрачные границы.

II тип склонения имен существительных тибетского языка (лхасский диалект) отличается флективным способом соединения морфем в словоформе при вокальном исходе корневой морфемы. Происходит сращение морфем – корневой и служебной – и сочетание лексического и грамматического значений в одной морфеме. При этом корневая морфема в результате сращения двух морфем подвергается определенным модификациям, как то: чередование гласных и согласных фонем, тоном, появление долгих гласных, наращение гортанной смычки. Приведем примеры:

$ri:^2$ 'на горе' (исходная лексическая единица $ri:^2$ 'гора', в тибетском языке словоформа «на горе» представлена как силлабографема $ri + ra$, где ra – локативный падежный показатель, фонетическое падение которого произошло в процессе эволюции фонетической системы).

$kø^{23}$ 'головой' (исходная лексическая единица ko 'голова', в тибетской графике словоформа «головой» представлена как $ko + sa$, где sa – инструментальный падежный показатель, след которого остался в виде гортанной смычки -ʔ и флексийного преобразования фонемы [o] > [ø]).

Семь грамматических частиц «ладон» могут выполнять в предложении следующие функции:

а) обозначение направления действия или место его совершения:

$qok^1 su^1 zho^1$ (su^1 – частица) 'идти на восток';

$lam^1 la^1 xy^{23}$ (la^2 – частица) 'проходить по дороге';

б) обозначение адресата, местонахождение объекта или субъекта:

$pho^1 zhang^1 na^2 kye^1 bo^1$ 'король во дворе' (na^2 – частица)

Получивший в Тибете распространение буддизм называют тибетской разновидностью буддизма или ламаизмом (Далай Лама в одном из своих выступлений возражал против этого термина). В начале VII века тибетский царь Сронцангамбо вначале женился на непальской принцессе Брибути, а затем на танской принцессе Вэньчэн. Принцессы привезли в Тибет статуэтки Будды, а по приезде в Лхассу построили буддийские монастыри Джоканг и Рампоче. Буддийские монахи, находившиеся в свитах обеих принцесс, приняли участие в переводе на тибетский язык буддийских священных сутр. Таким образом буддизм проник в Тибет из Непала и Китая. Постепенно он получил широкое распространение, затронув все стороны общественной жизни Тибета – политику, экономику, культуру, образование и быт. Начиная с XVI века монашеское сословие в Тибете составляло около четвертой части населения страны.

Одна из самых ранних буддийских сект в Тибете Ньигма (Красная секта) возникла в XI веке. Приверженцы секты носят красные головные уборы, за что секта называется «Красной». Помимо Тибета Ньигма получила распространение в Индии и Непале, немало приверженцев также в Бельгии, Франции, Греции и Америке. К наиболее влиятельным сектам относится Гэлуг (Желтая секта), которая имеет шесть крупных монастырей: Дрепунг, Сера, Ташилунпо, Галдан, Тарсы и Лабран. В этой секте был сформирован порядок реинкарнации (перевоплощения) двух главных духовных лидеров: Далай Ламы и Панчен Ламы.

В Словаре Ю.Н. Рериха немало внимания уделяется буддийской лексике:

rangjo: nga – будд. «пять благоприобретений» (рождение человеком; рождение физически полноценным; вера в учение Будды и т.п.)

raptu zhupba – будд. постижение, достижение

re: zhi: jinba эпит. бодхисаттвы Манчжушри (покровителя знания)

re: pa jinba эпит. бодхисаттвы Авалоктешвары (богини милосердия)

lennak – будд. беда, несчастье (случившееся с человеком не по его вине, а за грехи, совершенные в прежних рождениях)

tanka – будд. картина – свиток на материале

the:jo: – будд. ладони, сложенные в приветствии

lak kop – будд. ручное молитвенное колесо

thoyor – будд. ритуальная груда камней; пирамида из камней на вершинах гор, перевалах

riphojenzha kala название горы мифической страны Шамбала

xerapsun три способа достижения совершенства (чтение текстов и выслушивание наставлений; размышление, медитация)

xuni karana мифическое название столицы страны Шамбала

bodhi – «просветление»; в буддизме – 1) 'просветление', 'мудрость'; 2) священное дерево, под которым Гаутама стал Буддой санскр. *loka* 'мир' 'world'. санскр. *rixi* 'святой';

санскр. *xaphar: pha* 'охотник'; санскр. *xana* 'конопля'; тонкое полотно'; 'льняная ткань', санскр. *xagara* 'сахарный тростник'; 'тростниковый сахар'.

В Словаре Ю.Н. Рериха представлен комплекс заимствований в тибетском языке из различных языков в диахронии и синхронии, а также явлений языковой интерференции, проявляющейся в моди-

фикации различных ярусов структуры тибетского языка под влиянием иноязычных заимствований.

Тибетский язык, заимствующий иностранные слова (китайский, монгольский, санскрит) проявляет следующие способы ассимиляции: заимствования в узком смысле, возникновение словообразовательных парадигм, образование семантического калькирования.

Из потока иноязычных слов, наводняющих тибетский язык в период социальных изменений и научно-технических революций, удерживается лишь некоторая определенная часть. Процесс адаптации заимствований, зависимый прежде всего от внутриязыковых факторов, в значительной мере регулируется внешними обстоятельствами. Заимствования проявляются в определенных фонетических и морфологических инновациях, калькировании некоторых синтаксических конструкций, но в основном функционируют в лексических образованиях, типа бытовых и сельскохозяйственных реалий, эмоционально-оценочных названий людей и рода занятий.

Процесс заимствования находится в непосредственной связи с генетическим сходством языков. Чем меньше сходных черт у контактирующих языков (например, у тибетского и китайского), тем более значительные изменения претерпевает слово, приспособляясь к новой системе. Инородные черты, в свою очередь, включает принимающая система, тибетский язык включает не свойственные ему фонемы, фонемные сочетания и морфологические типы.

В современном тибетском языке семантика иноязычной лексики при ее заимствовании может как расширять свое значение, так и уменьшать его. В тибетском языке многие заимствованные единицы претерпели изменения в своей семантической структуре, переместившись из одной тематической группы в другую.

Расширение или сужение семантического значения иноязычных слов обусловлены как тенденциями развития языка, так и своеобразной историей Тибета. Социально-коммуникативная структура общества, развитие науки, техники, контакты тибетцев с китайским этносом представляют собой факторы, которые обуславливают пополнение словаря за счет заимствования в основном из китайского языка.

В социально-коммуникативной системе Тибета значительное место занимает китайский язык. Длительные этноязыковые контакты тибетцев и китайцев способствовали широкому распространению билингвизма. Коммуникативная актуальность китаизмов проявляется в ярко выраженной тенденции заменять тибетские описательные обороты одним словом: кит. *tao* 'персик', кит. *laze* 'острый перец',

‘красный перец’, кит. *these* ‘планета Юпитер’, кит. *xiancai* ‘соленые овощи, соленья’, кит. *lian* ‘рота’, кит. *thonbang* ‘полк’.

В процессе заимствования иноязычные лексические элементы подвергаются ассимиляции и претерпевают определенные изменения в своей фонетико-фонологической тоново-ритмической, морфологической и лексико-семантической структуре.

Моно- и полиэтническое коммуникативное пространство, как известно, определяется региональным полисоциумом. Важными факторами, влияющими на языковую личность в моно- и полиэтнической среде Тибета (тибетцы, китайцы, мэнба, лоба, дунгане, уйгуры и др.), оказываются социально-экономические, религиозные и образовательные условия и, соответственно, стилистические и жанровые особенности речи.

Тибетский язык также располагает такими иноязычными лексическими элементами, как, например, монгольские или санскритские, имевшие различную историю происхождения и широко представленные в Словаре Ю.Н. Рериха.

В начале XIII века Чингисхан – предводитель монгольских племен провозгласил на севере Китая Монгольское ханство. А в середине XIII века монгольский хан Хубилай объединил под своей властью весь Китай (девиз правления хана Хубилая «Юань»), установив форму единого централизованного правления и соответственно форму монгольского протектората над Тибетом. Учитывая исторические традиции, особенности социального строя, национальных и религиозных условий в Тибете, юаньские правители прибегли по отношению к Тибету к ряду особых политических установок и административных мер. В начале правления Юань при дворе был учрежден департамент по делам буддизма «Сюаньчжэнюань», в обязанности которого входило управление военными и административными делами Тибета, а также делами буддизма в масштабе всей страны.

О сложных иерархических отношениях в тибетском обществе, отразившихся в языковых средствах, Ю.Н. Рерих писал: «Тибетский язык богат выражениями почтительности, среди которых различают две степени: общепринятые выражения почтительности и весьма почтительные. Последние употребляются в беседе с высокопоставленными лицами» [Рерих 1961]. Особые группы лексических единиц, а также грамматические формы глагола и имени, представленные в Словаре, образуют в тибетском языке категорию вежливости, отражая специфические черты тибетской культуры, ценностные ориентации ее носителей и представляя «почтительный, уважительный язык».

нейтр. стиль	вежл. стиль	весьма вежл. стиль	значение
<i>kye²⁴</i>	<i>chung⁴</i>	<i>ku¹tarn¹</i>	‘родиться’
<i>xi¹</i>	<i>zhung⁴</i>	<i>nya¹ngen²le²te²³</i>	‘умереть’

Характер речевых актов и употребление нейтральных и вежливых форм в тибетском языке определяются национальным стилем коммуникации, на который оказывают влияние различные факторы: социальные роли и статус коммуникантов, социальные отношения, степень знакомства, сфера общения; психофизические черты, эмоциональное состояние коммуникантов, отношения между участниками речи; социоэтнические и национально-культурные особенности.

Морфологические средства выражения категории вежливости характеризуются особым набором глагольных и именных основ и формантов. Тибетский язык принадлежит к агглютинативно-аналитическому типу со значительным наличием флективно-синтетических черт. Соответственно, в категории вежливости представлены как аналитические, так и синтетические временные формы.

Грамматическая категория времени глагола **нейтрального стиля** выражается аналитическими комплексами, состоящими из знаменательного глагола, частиц *ki/pa* и вспомогательных глаголов бытия и посессива *yin²*, *re²³*, *tu²³*, *yo²³*, выражающих категорию лица (первое лицо / не-первое лицо). Знаменательные глаголы, функционирующие в темпоральной системе тибетского глагола и различающиеся значениями настоящего, прошедшего и будущего времени, могут иметь парадигму из двух или трех форм, представляющих синтетический тип формообразования на основе «внутренней флексии» в виде морфонологических преобразований (ср. англ. *write – wrote*).

Приводимые ниже примеры иллюстрируют нейтральный стиль выражения времени. В следующих глагольных основах наблюдаем три вида морфонологических преобразований гласных, согласных и тонов (*o – a*), (*i – u*), (*ts – s*), III-ий тон (низкий восходяще-нисходящий) – IV-ый тон (высокий нисходящий):

	наст. вр.	буд. вр.	прош. вр.	значение
(<i>o – a</i>), (III тон–IV тон)	<i>to²³</i>	<i>ta²⁴</i>	<i>to²⁴</i>	‘получать’, ‘уважать’
(<i>i – u</i>), (<i>ts – s</i>):	<i>sin²²</i>	<i>sung²²</i>	<i>tsung²²</i>	‘поймать’

Потенциальные возможности морфонологической зоны, имеющей существенное значение в сфере глагольного формообразования, не одинаковы для всех темпоральных глагольных морфем. Морфонологические процессы не затрагивают обширный разряд тибет-

ских неизменяемых глаголов, имеющих полностью омонимичные формы категории времени. Например, только одну форму для выражения настоящего, прошедшего и будущего времени имеют следующие глаголы: *qam*⁴ «соглашаться», *ku*² «радоваться».

Следует отметить, что многие глаголы тибетского языка, выражающие **нейтральный стиль**, замещаются глаголами вежливого стиля в противопоставлении «**нейтральный стиль** – **вежливый стиль**» и имеют разнокоренные формы:

нейтр. стиль	вежл. стиль	значение
<i>zho</i> ²²	<i>pəp</i> ²	‘идти’
<i>ta</i> ¹	<i>si</i> ²³	‘смотреть’

При этом описанная выше структура аналитических комплексов для выражения вежливого стиля в определенной мере сохраняется, что касается знаменательных глаголов, то они замещаются глаголами вежливого стиля.

При образовании вежливых глагольных форм нередко используются сокращения аналитических комплексов, которые преобразуются в краткую форму **без частиц и вспомогательных глаголов**:

*khe*¹ *rang*¹ *kha*² *pa*:¹ *the*²³ *ka*²

Вы куда идти частица

«Вы куда идете?» (*the*²³ вежл. гл. – *zho*² нейтр. гл.)

В составе вежливых форм сложных тибетских глаголов происходят преобразования как глагольной части, так и именной части:

нейтр. стиль	вежл. стиль	значение
<i>le</i> ² <i>ka</i> ¹ <i>qe</i> ²³	<i>qa</i> ³ <i>le</i> ²³ <i>nang</i> ²¹	‘делать’
работа+делать <i>lo</i> ²⁴	работа+делать <i>ja</i> ² + <i>lo</i> ²⁴ + <i>nang</i> ¹	‘читать’
читать	язык+читать+делать	

Исключительной чертой образования вежливых форм именных частей речи является добавление к именной основе формантов вежливости – десемантизированных единиц, обозначающих части тела человека: *qa*²⁴ ‘рука’, *u*¹ ‘голова’, *ku*¹ ‘тело’ и др. Например:

*qa*¹ *ngu*:¹ ‘деньги’ (вежл.) – *ngu*:¹ ‘деньги’ (нейтр.)

*ku*¹ *cong*¹ ‘торговля’ (вежл.) – *cong*¹ ‘торговля’ (нейтр.)

*ku*¹ *wang*¹ ‘власть’ (вежл.) – *wang*¹ ‘власть’ (нейтр.)

*thu*²⁴ а) ‘сердце, душа, интеллект’?, б) морфема, оформляющая группу слов языка вежливости

*thu*²⁴ *ka*:*wa*¹ ‘чистосердечный, искренний’ (букв. ‘белое сердце’).

Среди знати, как пишет в Словаре Ю.Н. Рерих, было принято вежливое обращение – ‘благородный господин’: *xe*²⁴ *thyn*¹, либо *xe*¹ *thyn*¹. Весьма распространены были вежливые выражения: *xiang*⁴ ‘нос’, *xiang*¹ *khung*¹ ‘ноздри’, *xang*¹ *wa*¹ ‘нюхательный табак’, *xiang*¹ *qi* ‘носовой платок’. Однако встречается немало разнокоренных именных основ:

нейтр. стиль	вежл. стиль	значение
<i>qi</i> ¹	<i>qəp</i> ⁴	‘вода’
<i>kha</i> ¹	<i>xe</i> : ²	‘рот’

Описание морфологических особенностей выражения категории вежливости расширяет представление о типологической специфике тибетского языка.

Тибетский язык располагает разнообразными синонимическими средствами. Особо следует сказать о различного рода перифрастических обозначениях одного и того же объекта, выделяющего его различные аспекты или оттенки.

Лексически такие перифрастические сочетания, являясь устойчивыми и неделимыми, рассматриваются как речевая единица, общее значение которой мотивировано переносным значением слов и часто не связано с семантикой каждого слова в отдельности.

Ю.Н. Рерих знакомит с восхитительным набором поэтических слов (он их так называет) в Словаре:

*ly*²² *ma*:¹ ‘планета Марс’ (обладающая красным телом),

*rəp*² *ka*:¹ ‘луна’ (букв. ‘очень белая’),

*ri*³ *tak*³ *kye*:² ‘лев’ (букв. ‘царь зверей’),

*re*² *zhi*:² *ju*²³ ‘крокодил’ (букв. ‘мечеообразный’),

*rəp*² *rip*³ *se*:²¹ ‘рассвет’ (букв. ‘разгоняющий мрак’),

*ri*²² *ta*¹ *phen*¹ ‘думать’, ‘размышлять’ (букв. ‘выпустить стрелу интеллекта’),

*xe*²² *ko*¹ ‘наука’, ‘учение’ (букв. ‘врата знания’),

*lo*² *many*¹ *skhur*¹ *ten*¹ ‘старик’ (букв. ‘несущий бремя многих лет’).

Ю.Н. Рерих высоко ценил достижения известного венгерского тибетолога, санскритолога, члена Royal Academy of Bengal, Александра Чома де Кёрёши, представившего Европе «The Tibetan Studies», «A Sanscrit-Tibetan-English Vocabulary», грандиозные 108 томов «Ганджура», являющегося сводом буддийской канонической литературы: изречений Будды, а также 225 томов «Данджура» – переводов с санскрита, комментариев, поясняющих проповеди Будды Шакьямуни. «It was a great name on the Tibetan path» [Roerich 1931]. Эти слова, сказанные в память об Александре Чома де Кёрёши,

можно с уверенностью отнести к творческой и научной деятельности самого Ю.Н. Рериха.

Литература

1. Körös A.Cs. de. *Tibetan Studies*. Calcutta: Baptisi Mission Press, 1912, 172 с.
2. Körös A. Cs. *A Sanscrit-Tibetan-English Vocabulary*. 3 pts. Mém. Asiatic Soc. of Bengal. 1910-1916. Pt I, 1910. Vol. 4, № 1, 127 p. Pt II, 1916. Vol. 4, № 2, P. 129-251. Pt III, 1916. Vol. 4, № 3, P. 253-290.
3. Roerich, George N. de. Modern Tibetan phonetics with special reference to the Dialect of Central Tibet // *J. of the Asiatic Society of Bengal* (New Series). 1931. Vol. XXVII, № 2. P. 282-312.
4. Roerich, G.N. *Tse-trung Lopsang Phuntsok. Textbook of Colloquial Tibetan (Dialect of Central Tibet)*. Calcutta, 1957.
5. Рерих Ю.Н. *Тибетский язык*. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 151 с.
6. Рерих Ю.Н. *Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями*. В 11 томах / Под общей редакцией Ю. Парфионовича и В. Дылыковой). М.: Наука, Восточная литература, 1983-1993.

К.А. Кожа
ИБ РАН (Москва)

Ранние описания китайского языкового строя в российской академической традиции: принципы и инструменты

Отечественная научная традиция описания дальневосточных языков сложилась, главным образом, в рамках трудов членов Русской Духовной миссии в Пекине, начиная с работ Иллариона Россихина (1717-1761) и заканчивая школой академика В.П. Васильева (1818-1900). В основе этой традиции – переводы документов и литературных памятников, составление словарей и первых учебных пособий, эпистолярная полемика с представителями западно-европейской синологии (подробнее об истории изучения китайского языка в России чит. [Скачков 1977; Дацышен 2006; Изучение китайского языка в России... 2011; История русского китаеведения... 2015]). Попытки теоретического осмысления природы и особенностей строя китайского языка можно найти в работах, письмах или дневниковых записях практически всех серьёзных авторов-китаесловов, в той или иной степени сталкивавшихся с необходимостью переводов, составления словарей или рецензирования работ современников (арх. Петр Каменский, З.Ф. Леонтьевский, о. Иакинф Бичурин, о. Даниил Сивиллов, о. Феофилакт Киселевский, В.П. Васильев и др.).

Исследовательский фокус настоящего сообщения смещен в область теоретического фундамента и терминологического лингвистического инструментария, находившихся в разработке в отечественном китаеведении в период его становления. Представляется интересным и важным сопоставить и проанализировать на примере содержания ряда основных теоретических работ первой половины XIX в. механизмы формирования различных подходов к интерпретации ключевых особенностей китайского языка, таких как фонетическое и грамматическое его устройство, принципы иероглифической записи, диалектная дифференциация, поиски оптимальной структуры словаря, способы транскрибирования и многие другие аспекты. Ограничиваясь рамками настоящей публикации, рассмотрим несколько работ, по своему содержанию наиболее соответствующих цели предпринятого исследования – анализу теоретической канвы и терминологического наполнения ранних текстов о китайском языке.

Наиболее известный широкому кругу читателей и исследователей труд о китайском языке обозначенного периода – «Китайская грамматика» о. Иакинфа Бичурина (1777-1853), изданная сначала в

Кяхте для нужд училища, затем, в 1838 г., в С.-Петербурге [Бичурин 1838]. Стоит заметить, что сами по себе «грамматики», будучи ориентированы на практическое применение – обучение языку и толкование его функциональных правил, редко являют собой собственно теоретические научные тексты. Вместе с тем «Китайская грамматика» о. Иакинфа содержит ряд теоретических постулатов, безусловно интересных исследователю-лингвисту. Саму работу в двух частях предваряет детальный критический разбор китайских грамматик европейских предшественников автора. Этот раздел представляет большой научный интерес и может быть темой отдельного исследования (подробнее об этом см. в критической статье [Полевой 1838]).

Важно то, что Бичурин критически оценивал стремление многих из разбираемых им авторов представлять публике китайский язык, основываясь на свойствах европейских языков. Устойчивая тенденция описывать и толковать правила китайского языка через призму европейской грамматической традиции сформировалась, естественно, на основе имевшегося в ведении европейских сиологов теоретического и терминологического аппарата, но, очевидно, не могла быть единственно верным методом представления фактов о языке иной типологии. Сам Бичурин во второй части своей «Грамматики» принимает наиболее распространенную в европейских грамматиках структуру изложения – по частям речи, хотя именно выделение частей речи оставалось одним из наиболее спорных вопросов китайского языкознания вплоть до недавнего времени [Солнцева & Солнцев 2017, с. 98-109].

Примечательно уже самое первое предложение «Грамматики» о. Иакинфа: «Китайский язык имеет изменения, свойственные ему одному». И далее:

«Язык китайский не имеет никаких изменений по родам, числам, лицам, склонениям и спряжениям. Несмотря на то, китайцы свободно и ясно выражают как понятия, так и суждения о предметах и чувственных и умственных с оттенком качества, состояний и времени. Отсюда явствует, что язык их должен иметь свои изменения, которые, по причине неизменяемости слов ни в произношении, ни в письме, не могут подходить под правила нашей грамматики» [Бичурин 1838, с. 57].

Стараясь, таким образом, избежать излишне навязчивых грамматико-категориальных ассоциаций, Бичурин создаёт уникальную теорию «умственного изменения» слов в китайском языке:

«Китайский язык вместо словоизменения в окончаниях по склонениям и спряжениям, по родам и числам имеет изменение умственное, не подходящее под правила грамматик всех прочих языков», и там же: «умственное изменение китайских слов состоит в изменении самого смысла их так, что соответствует переменам в окончаниях, введённым в прочих языках для означения качеств действия, состояния, взаимного отношения предметов и связи между суждениями».

Спустя несколько лет о. Иакинф снова повторит эту мысль в своей книге «Китай. Его жители, нравы, обычаи и просвещение» [Бичурин 1840, Глава 1]:

«В китайском языке есть умственное изменение, которое оттеняет в нем качества, действие, состояние, взаимное отношение предметов и связь суждений и таким образом вполне заменяет употребляемое для сего во всех других языках словоизменение в окончаниях по склонениям и спряжениям, по родам и числам. Умственное изменение в китайских звуках заключается в изменении самого смысла их и есть двоякое: словопроизводное, определяющее разряды слов, и грамматическое, которое показывает изменение в окончаниях сообразно словосочинению того языка, на который делается переложение с китайского. Словопроизводное изменение состоит в том, что одно и то же слово принимает качества разных частей речи по одному отношению к месту, которое занимает оно в связи с прочими словами, составляющими речь. По правилам же грамматического изменения имена существительные и прилагательные умственно изменяются в окончаниях соответственно своему значению в речи и тем словам, с которыми они в связи; таким же образом и глаголы изменяются в окончании сообразно обстоятельствам речи. Вместе с китайскими звуками и таким же точно образом изменяются и условные знаки – неизменяемые в начертании».

Эти формулировки позволяют увидеть всю глубину научно-философского мышления автора, который сумел опередить развитие науки о языке, интуитивно приблизившись к пониманию природы семантико-синтаксических отношений и внутренней сущности изоляции синтаксических форм за почти полтора столетия до того, как их будут описывать в терминах универсальной, структурной лингвистики и теории изолирующих языков (о «несинтаксической морфологии» в изолирующих языках чит. [Солнцев 1995, с. 10]). Бичуринская концепция «умственных изменений» уже включала в себя понимание того, что отношения грам-

матической семантики и синтаксиса не всегда выражаются императивно в словоизменении. Безусловно, теоретические предпосылки, выдвинутые Бичуриным, носят интуитивный характер, вместе с тем они свидетельствуют о постоянном стремлении о. Иакинфа выйти за рамки сложившегося к тому времени теоретического шаблона, представить китайский язык уникальным, полным своеобразия и не лишенным способности выражать грамматические категории и «качества разных частей речи» в полном соответствии с речевыми потребностями его носителей.

Как уже отмечалось, «Китайская грамматика» о. Иакинфа, в силу своей практической значимости, была широко воспринята в педагогических и околонучных кругах, однако её теоретическое наполнение осталось «за кадром» академической научной преемственности [Needham 1988, p.18]. В этой связи тем более возрастает ценность неопубликованных материалов теоретического, научно-полемиического характера, дошедших до нас в рукописи.

Рукописное наследие русских китаеведов огромно. Именно в неизданных текстах и черновиках зачастую содержатся интересные нас рассуждения лингвистического свойства. Так, малоизвестна попытка упорядоченного описания китайского языкового строя в рамках академического подхода, предпринятая Бичуриным в его оставшемся неопубликованном труде «Голосовая система китайской письменности Каллери» [Бичурин 1842]. В сущности работа о. Иакинфа представляет собой перевод и последовательный критический разбор новаторского для своего времени труда французского сиолога Ж. Каллери (1820-1862) «Systema Phonicum Scripturae Sinicae» [Calleri 1841]. Особая ценность рукописи для современного исследователя заключается в возможности сопоставить и проанализировать на примере его содержания механизмы формирования различных подходов к интерпретации ключевых особенностей китайского языка (фонетическое устройство, принципы иероглифической записи, поиски оптимальной структуры словаря): оригинальные идеи Каллери шли вразрез с известными европейской синологии того времени описаниями китайского языка, в то время как Бичурин отстаивал классическое словарное устройство, опираясь на многовековой опыт собственно китайской филологии. Комментарии к «Голосовой системе» Каллери (всего более 90 листов) глубоко и детально раскрывают языковедческие взгляды знаменитого сиолога, а также уровень лингвистической проблематики в синологии того времени (подробное исследование этой рукописи чит. в статье [Кожа 2014]).

Основные теоретические постулаты изложены Ж. Каллери в первых главах введения, предваряющего разработанный им фонетический словарь. Наиболее острая полемика между французским автором и рус-

ским комментатором разворачивается вокруг различного понимания природы и свойств китайской письменности (Главы I – III). Ключевые разногласия могут быть кратко проиллюстрированы следующей цитатой:

«Каллери (...) полагает, что знаки, составляющие китайское письмо, представляют слова, т.е. названия предметов, буквами написанные; и на этом основании называет китайское письмо чисто голосовым. (...) В китайском языке, напротив, нет слов, а китайцы говорят звуками, из коих каждый, порознь взятый, совершенно не имеет положительного значения, а получает оное, когда употребляется в связи с другими звуками. На письме, напротив, для выражения каждого звука, взятого в известном каком-либо значении, вымыслен отличительный знак, условно представляющий понятие обозначаемой звуком вещи. И как знаки получили от вещей, ими обозначаемых, название, т.е. свой выговор, то следует, что в самом знаке, а не в выговоре знака заключается понятие о вещи. Таково есть в существе своем китайское письмо и такое письмо есть чисто идеографическое» [Бичурин 1842, л. 6-7].

К слову сказать, вопрос о неправомерности использования термина «идеографический» оставался нерешенным в лингвистике в течение последующих полутора столетий¹. Каллери настаивал на отказе от ярлыка «идеографический» применительно к письменностям вообще, утверждая, что функция всякой письменности – фиксировать звуки живой речи, но даже предложенный им компромиссный вариант отнесения иероглифических письменностей к «идео-фонетическим» не мог быть воспринят современниками в рамках классического академического подхода.

В последующих главах Каллери разбирает ключевые компоненты иероглифики, описывает различные виды (стили) китайского письма, излагает правила и порядок написания иероглифов, варианты транскрипции в европейских языках, затрагивает вопросы кон-

¹ «Сам термин [идеографический] послужил причиной многочисленных недоразумений и должен быть заменен, поскольку его постоянное использование, так же как и техника большой лжи, и сублиминальная реклама, скрыто воздействует на наше сознание», и, таким образом, «оставляет пространство для укоренения идеи о том, что взаимосвязь графемы и слова/морфемы [в китайском языке] носит нефонетический, а именно «идеографический» оттенок. Только принятие такого термина, как, например «морфосиллабический», который содержал бы в себе указание на фонетический аспект, сможет рассеять заблуждения, имеющие место в отношении природных свойств китайской письменности» ([DeFrancis 1984, p. 147], перевод наш – К.К.).

версионной омонимии, словосложения, анализирует строение всех наиболее значимых словарей, составленных его предшественниками, предлагает свои методические наработки по обучению китайскому языку. Все эти темы скрупулёзно прокомментированы русским переводчиком в строгом соответствии с его приверженностью собственно китайской филологической традиции.

Комментарии и замечания о. Иакинфа к труду Каллери – фундаментальное изложение основ китайской филологии, изобилующее отсылками к китайским первоисточникам и свидетельствующее о глубоком понимании затронутых вопросов. Текст рукописи раскрывает такие темы, как генезис китайской письменности; внутреннее устройство и функции письменного знака; широкий спектр фонетических аспектов (особенности фонетического устройства китайского языка, принципиальные различия письменного и разговорного вариантов, диалекты, трудности произношения и транскрибирования). Большой раздел работы посвящен критическому разбору всех основных китайских словарей, составленных европейскими предшественниками; рассмотрены принципы организации словарей; даны рекомендации по изучению и преподаванию языка.

Вопросы терминологического спектра, такие как спорное определение «идеографичности» у обоих авторов; замена слова «фонетический» словом «голосовой», слова «алфавитный» словом «буквенный» в русском анализе (тогда как Бичурин иероглифы называет «китайскими буквами», имея в виду единицу записи слова, а Каллери под буквами понимает именно буквы европейского алфавита); не вполне очевидное различие таких понятий, как «слово» и «звук» и др. – ожидают объективной оценки современных исследователей, что должно способствовать выявлению сути истинных различий в традициях лингвистических описаний.

Заметим, ни в одной из своих работ Бичурин не пользуется словом «иероглиф» применительно к знакам китайской письменности. Наиболее частотным в его текстах о языке является выражение «китайские буквы», «литеры», «реже – «знаки», например:

«кроме тоносогласительных знаков, из которых Каллери предполагал составить голосовую систему китайского письма, еще находится 2425 букв из прочих пяти разрядов, которые не содержат в себе голосовых (literas phoneticas¹)»; «нет ни одной буквы, которая имеет выговор одинаковый с голосо-

¹ В скобках указаны термины текста оригинала Ж. Каллери на латинском языке.

вой или по крайней мере согласный с её созвучностью» [Бичурин 1842, л. 19].

Интересно, что в тот же самый период другой русский синолог, о. Феофилакт (Киселевский, 1809-1840) активно использовал термин «иероглиф» и дал этому такое обоснование:

«если каждый знак в письме, имеющий определенный смысл, называется в ученом мире иероглифом, то китайские начертания вполне могут называться этим именем»;

«китайцы для письма употребляют не буквы, а символические знаки, (...) названные у нас иероглифами, потому что каждый из них один представляет собою понятие о какой-либо вещи умственной или физической, от которой и название заимствует»;

«вследствие сего каждый знак принял выговор от названия той вещи, которой понятие он представляет» [Феофилакт 1831-1840]

Словом «иероглиф» пользовался и другой представитель этого поколения русских востоковедов, о. Даниил (Сивиллов, 1798-1871) – первый профессор первой кафедры китайской словесности в России (Казанский университет, 1837). Получив приглашение возглавить кафедру, о. Даниил подошел к заданию со всей ответственностью и вскоре представил руководству «Конспект для преподавания китайского языка». Приведем лишь несколько характерных выдержек из текста конспекта, дающих, на наш взгляд, определенное представление о возможностях теоретического осмысления вопросов китайского языкознания в российской высшей школе той эпохи:

Л. 23: *«Здесь раскрыт будет и другой секрет для познания китайского языка, который состоит в часто случающейся перестановке слов, из которой он принимает на себя удивительную разнообразность и производит разительную красоту и силу в речи; от того-то он и называется китайцами "хуо-ды хуа", то есть живым языком, потому что может следовать за всеми изгибами мысли и угождать во всем искусству писателя, оставаясь меж тем всегда неизменным в существе своих иероглифических знаков».*

Л. 17: *«а грамматика их заключается не в одних правилах, собственно к ней одной относящихся, а в ней заключены многие и такие правила, которые у нас должны быть отнесены к составным частям Риторике или к первым началам Логике»;*

Л. 18: *«В китайском языке нет и не может быть подоб-*

ной нашей азбуки, ибо весь их язык не иное что есть, как почти азбука, потому что состоит из слов, усвоенных каждой вещи отдельно»;

Согласно о. Даниилу, в некотором приближении функцию азбуки выполняют так называемые «ключевые буквы, которые так названы католическими миссионерами по отношению их к китайским словарям; потому что ими, как ключом, отверзается дверь ко входу во внутренность сих словарей и отыскиваются все нужные к употреблению слова»;

Л. 19: *«китайский язык не имеет ни спряжений, ни склонений, потому что все слова, какими он изобилует, в их существе и составе не подлежат никакому изменению, но тем не менее подвержены грамматической строгости, по другим отношениям ему одному только свойственным».*

Л. 21: *«известных у китайцев пяти звуков или ударений /у-инь/, с изменением которых происходят не только многие изменения в выговорах слов и их значениях, но отсюда происходят также и многие изменения в правилах грамматических».*

Об «ударениях» в китайском языке пишут практически все русские синологи того времени, термин «тон» будет принят позже. В одной из частных записок, Бичурин употребляет слово «тон», имея в виду особенность произношения звуков в составе китайских слогов безотносительно тональной просодии:

«Желательно вам знать, по какой причине я переменил буквальное выражение некоторых тонов китайских. Вначале и сам мало находил разницы между Дза и Цза, Джи и Цжи, хотя Ц и Ч несколько больше подходили к тону китайскому. В последствии я нашел китайский тонический словарь, в котором тоны расположены попарно, как то: бан – пхин и п'ан, цзин – цин, чжан – чан. Если написать Джан и сделать его обратным через выпущение Ж, то выйдет Дан, а не Чан, джан с выпущением З также произведет Дан, а не Цан. Сие обстоятельство уверило меня, что в оных двух случаях вместо Д надлежит писать Ц и Ч, употребление которых действительно натурально выражает вышеупомянутые тоны» (Архив востоковедов, Оп. 1, Ф. 7 № 38, Стр. 108, Записка Окт. 29).

Фонетический аспект китайского языкового строя рассматривался всеми синологами в соответствии с собственно китайской традицией – выделялись пять тонов, отмечалась их морфонологическая смысловозначительная функция. При описании различных фонетических свойств языка исследователи оперировали набором весьма условных терминов, при этом граница выделения единиц фонетического уровня была очевидно размыта и денотаты понятий «звук», «слог», «слово», «выговор» или «буква» при переводе на язык современной лингвистической терминологии часто совпадают или оказываются взаимозаменяемыми. Например, в работе Бичурина «О произношении букв, входящих в состав китайских звуков» читаем:

«Из букв, входящих в состав Китайских звуков, нет ни одной, которой бы не было в Русском языке; примечательное же в Китайском языке отличие некоторых звуков не составляет новых букв, а происходит от произношения» [Бичурин 1839].

Или, например, он же в предисловии к «Голосовой системе»:

«В начале предисловия он (Каллери) утвердительно говорит, что китайские письмена наибольшую частью суть голосовые, тесно соединенные со звуками, т.е. словами китайского языка, а не букварные или идеографические, как вообще думали о них до настоящего времени» [Бичурин 1842, л.2]

Для сравнения приведём выдержку из Главы V (О выговорах символических знаков) «Китайской грамматики» о. Феофилакта (Киселевского):

«Поелику китайцы не имеют понятия о составлении слов из слогов, то считают все выговоры своих букв односложными, как и принято в их [...]творстве (неразборчиво – К.К.). Но в отношении нашей грамматики, выговоры письмен их разделяются на односложные, двусложные и трехсложные: ма, дуань, miao» [Феофилакт 1831-1840].

Киселевский также отмечает наличие в китайском языке «416 выговоров (с ударениями – 1106)». Речь идёт о фиксированном количестве возможных комбинаторных сочетаний слоговых инициалей и финалей с их тоновыми модификациями.

Примечательно, что сам термин «фонетический» ввёл в востоковедный лингвистический обиход только В.П. Васильев в сво-

их работах 50-60 гг. XIX в. Он неожиданно снова обратился к труду Ж. Каллери, дал ему высокую оценку и с энтузиазмом использовал при работе над своей оригинальной графической системой. Так, в книге «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» (1867 г.) читаем:

«Ключевой знак легко запоминается, при всякой системе, но комбинационные, называемые фонетическими, нелегко даются и даже ускользают при изучении по ключевой системе» [Васильев 1867, с. IV]

и далее:

«Фонетическая система есть естественное обращение к изучению составных частей письменности».

Васильев широко оперирует понятиями категорий, классов, вводит термин «моносиллабы», критикует употребление термина «радикал» (radical), вводит понятие интонации в значении тоновой модификации. В примечании к вводной части «Графической системы» он пишет:

«Впрочем, говоря о лексическом совершенстве, мы должны заметить, что лексикон такой, какого требует состояние настоящей филологии, никак не может быть составлен прежде, чем будут разобраны основы китайского языка» [там же, с. XV]

О степени оформленности китаеведения как самостоятельной отрасли научного знания на рубеже XX-XIX столетий можно судить по известному высказыванию С.М. Георгиевского: «Синологии как установившейся науки еще не существует, в синологии нет еще ни определенных целей, ни утвержденных основ, ни выработанных приемов: синология смешивается еще с простым драгоманством, с умением переводить с китайского языка на тот или другой из языков европейских» [Скачков 1977, с. 232]. Как таковое китаеведное языкознание выделилось в самостоятельную научную дисциплину лишь к середине XX столетия. Это результат долгого, кропотливого процесса усвоения знаний о восточных языках, оценки, переосмысления и развития этих знаний российскими китаеоведами на протяжении многих десятилетий. Этот процесс, будучи во многом самобытным и независимым, тем не менее неразрывно связан с историей общеевропейской синологии, плотно интегрирован в структуру европейского академического знания. Глубинные «нейронные» связи

в научной полемике между представителями отечественной и западно-европейской востоковедной лингвистики – увлекательная и важная тема будущего самостоятельного исследования.

Литература

1. Бичурин И. *Китайская грамматика, сочинённая монахом Иакинфом*. СПб.: Напечатана по высочайшему повелению, 1838.
2. Бичурин И. О произношении букв, входящих в состав китайских звуков // *Журнал министерства народного просвещения*, 1839, N III.
3. Бичурин И. *Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение*. Спб., 1840.
4. Бичурин И. *Голосовая система китайской письменности Каллери. Перевод и замечания, написанные для Академии наук в 1842 г.* Почерк писарский. Без переплета и титульного листа. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ), ф. 847, оп. 5, д. 10, л. 1-95.
5. Васильев В.П. *Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого-китайского русского словаря*. СПб., 1867 (Репринтное переиздание Института Конфуция в СПбГУ. СПб.: НП-Принт, 2010).
6. Дацьшен В.Г. *История изучения китайского языка в Российской империи*. Изд. 2-е, испр. и дополн. Благовещенск, 2006
7. *Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX вв.): Учебное пособие*. Новосибирск, 2011
8. *История русского китаеведения 1917–1945 гг.* М., 2015.
9. Кожа К. У истоков традиции критического лингвистического анализа. «Фонетическая система китайской письменности» Дж. Каллери в прочтении И. Бичурина (по рукописным материалам первой половины XIX в) // *Материалы II Съезда молодых востоковедов стран СНГ*. Баку, 2014. С. 521-532.
10. Полевой Н. «Хань-вынь-ци Мын. Китайская Грамматика», сочиненная монахом Иакинфом. Напечатанная по Высочайшему повелению. Спб. в литографии Гемильяна, 1838 г., в 4, XXII и 237 стр.» // *Сын отечества*. 1838. № 1.
11. Скачков П.Е. *Очерки истории русского китаеведения*. М., 1977
12. Солнцев В.М. *Введение в теорию изолирующих языков (В связи с общими особенностями человеческого языка)*. М., 1995.

13. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. *Теоретическая грамматика современного китайского языка (Проблемы морфологии)*. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2017.
14. Феофилакт (Киселевский). *Китайская грамматика и разные материалы по изучению кит. Языка (1831-1840)*. РГБ Ф. 273 к.18 е. хр. 6, 915-05/94, микрофильмы
15. Calleri J.-M. *Systema Phonicum Scripturae Sinicae*. Макао, 1841.
16. DeFrancis, J. *The Chinese Language: Fact and Fantasy*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1984.
17. Needham, J. *Science and Civilisation in China*. Volume 7, Part 1: Language and Logic. Author: Christoph Harbsmeier (ed. by Kenneth Robinson). Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Л.П. Черникова
ИВ РАН (Москва)

**Создание Большого русско-китайского словаря
под руководством И.М. Ошанина.
Участие востоковедов-практиков в коллективном труде,
сотрудничество сквозь годы и расстояния**

Французский лексикограф Алан Рей (Alain Rey) назвал современную цивилизацию «цивилизацией словарей» [Rey 2007, 2011]. В современном мире роль словарей очень велика, поскольку они выполняют свою главную функцию – фиксацию, систематизацию, накопление и хранение знаний о мире и о национальном языке, осуществляют передачу этих знаний от поколения к поколению. Словари позволяют проследить историю слова, определить его значение, установить последовательность развития лексических значений, осмыслить существующую между ними связь. Кроме того, для этого рода деятельности всегда была важна так наз. человеческая составляющая, кто и зачем составляет словари, и некоторые составители словарей заслужили репутацию людей твердых и независимых суждений [Гак 1990а, 1990б].

За почти 400-летний период контактов между Россией и Китаем предпринималось немало попыток создать универсальный, отвечающий времени китайско-русский и русско-китайский словарь. Мы в данной статье ограничимся периодом сер. XIX – XX вв., то есть актуальным временем создания универсального словаря, отметив, что первые двуязычные словари создавались именно русской стороной. Длительные контакты Российской империи – Советской России – СССР с Китаем требовали большого числа специалистов – знатоков языка, культуры, истории страны изучения. Известный специалистам четырехтомник Большого русско-китайского словаря (БКРС) под ред. И.М. Ошанина¹ создавался несколько десятков лет, а если

¹ Ошанин, Илья Михайлович (1900-1982). Китаевед, д.филол.н. (1947), профессор (1948). Окончил МИВ (1924). Сотрудник торгпредства СССР в Китае, аппарата военных советников в армии Фэн Юй-сяна (1924-1926), генконсульства в Шанхае (1927), посольства СССР в Китае (1933-1939). Сотрудник УТК им. Сунь Ят-сена в Москве. Преподаватель МИВ (1931-1935, 1939-1942), ВИЯ (1942-1957), ВДШ МИД СССР (1939-1955). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1945). Редактор 4-томного Большого китайско-русского словаря [БКРС]. Лауреат Госпремии СССР (1986).

учесть значительную первую часть словаря под руководством В.М. Алексеева¹, то работа велась без малого 70 лет (считая от защиты магистерской диссертации в 1916 г. В.М. Алексеева и начала его активной деятельности) [Баньковская 1995]. Мы опускаем здесь раннюю историю создания русско-китайских и китайско-русских словарей, в том числе тематических, создаваемых в течение почти 250 лет накануне рубежа XIX-XX вв., поскольку эта история достаточно детально освещена, а нас интересует история создания именно БКРС.

К середине XIX в. был подготовлен многотомный «Китайско-маньчжурско-латинско-русский словарь» З.Ф. Леонтьевского², который так и не увидел свет. Анализируя ценность этого труда, академик В.М. Алексеев писал, что «... он хранится сейчас в Институте востоковедения РАН... Этот словарь, будучи напечатанным (особенно задолго до словаря Кафарова), сильно и существенно помог бы русским Китаистам того времени, крайне нуждающимся в таком словаре и находившимся в безвыходном положении... Кроме того, латинская часть [словаря] сделала ... этот словарь международным, более обстоятельным, чем его европейские предшественники» [Алексеев 1956]. Действительно, идея «латинизации» (латинской азбуки) для китайской письменности была непродолжительное время популярна среди Китаистов.

Китайско-русский словарь ученого-энциклопедиста В.П. Васильева (изданный в 1867 г.) хронологически со словарем Леонтьевского не совпадал и, по мнению В.М. Алексеева, «уступал ему в полноте...» [там же]. Однако заслуга В.П. Васильева состояла в создании системы классификации (заимствованной у востоковеда О.О. Розен-

¹ Алексеев, Василий Михайлович (1881-1951), выдающийся российский Китаист дореволюционной эпохи и один из первых столпов советского Китаеведения эпохи Сталина. Переводчик китайской классической литературы (перевел около тысячи китайских классических произведений, принадлежащих более 230 авторам). Действительный член АН СССР (1929, член-корреспондент с 1923). Перу Василия Михайловича принадлежит свыше 280 работ по проблемам Китаеведения.

² Леонтьевский, Захар Федорович (1799-1874), ученый-Китаевед. В составе Российской духовной миссии пробыл в Китае десять лет (1820–30 гг.). Переводчик в Азиатском департаменте МИД, исследователь и преподаватель китайского языка. Составил 15-томный «Китайско-маньчжурско-латинско-русский словарь», взяв за основу китайские иероглифы. Автор «Китайского географического лексикона», а также первых географических справочников «Китай», в которых содержались наиболее полные сведения о природно-климатических условиях страны, ее территориально-административном делении, законах, политическом устройстве, социальной структуре, хозяйстве, культуре, религии и военном могуществе [Гавристова Т.М. 2018]

берга), использующейся в самом Китае, основанной на одном лишь внешнем виде письменного знака (что в основе своей не предполагало знакомство пользователя с особенностями ключевого строения иероглифа, равно как не была она привязана и к порядку черт. В основу лег внешне определяемый графический элемент в правом нижнем углу письменного знака; т.е. Васильев разработал «принятую до сих пор, в частности в «Большом русско-китайском словаре», русскую графическую систему расположения и поиска иероглифов в словарях (1866)» [Кобзев 2016]. «Так они могли быть сгруппированы в словарные статьи; этот же принцип организации присутствовал и внутри самих словарных статей» [Сторожук 2010].

Фундаментальный «Китайско-русский словарь» составил глава 13-й миссии П.И. Кафаров (Палладий; 1817-1878). Завершил его востоковед П.С. Попов (1842-1913), который издал этот словарь в 2-х томах в Пекине (1988 г.), после чего он был опубликован также в России в 1909 г. [Палладий 1909]. П.С. Попов создал также «Русско-китайский словарь» (СПб., 1879), переиздававшийся в Пекине (1896) и Токио (1900) [Кобзев 2016, с. 84-85; 2017, с. 3-15].

«На начальном этапе развития китайской филологии в России, — пишет И.Ф. Попова, — русские лексикографы составляли словари по фонетическому (алфавитному), либо по семантическому (по категориям) принципу. Словари, созданные в XVIII–XIX вв. по семантической, фонетической и графической системе, могли бы стать значительным вкладом русских ученых в мировую синологию, но почти все они, составлявшиеся в основном для личного пользования авторов, не были опубликованы, и поэтому многие принципиальные достижения русских филологов-Китаистов этого периода в сфере лексикографии остались неизвестны мировой науке» [Попова 2014, с. 300-301].

Бурные события истории XX века определили также то обстоятельство, что первыми русско-китайскими словарями на военную тематику были последовательно ещё «царский» [Шаренберг-Шорлемер 1910], потом «эмигрантский» [Грегори 1927]¹, а потом, естественно, «советский» [Барк 1937]² словари. Для большого числа воен-

¹ Содержит 8384 словарных значения; изобилует рекламными вставками.

² Предназначался не для академической работы, а для работы в полевом штабе. В содержании разговорника, кроме кратких грамматических сведений о китайском языке, имеются разделы: Захват пленного; Опрос подозреваемого; Расположение частей, вооружение и т.п.; Потери, пополнения, политико-моральное состояние; Классовый состав частей; отдельный раздел «Белогвардейцы» и отдельный раздел «Войска Маньчжоу-Го» и т.д. [Волынец 2010].

ных, планировавших свое участие в событиях на Дальнем Востоке, немислимо было существование без справочников и пояснений, содержащихся в таких словарях-справочниках, как «Китай: страна, народ, история» [Мамаев & Колоколов 1924] и других. Обратим внимание на то, что издавались подобного рода справочники по заказу и для нужд военного ведомства.

В Китае еще до прихода к власти КПК также сложилась определенная традиция составления русско-китайских словарей именно китайскими авторами-переводчиками. Они были изданы в 1917 (авт. Чэн Хун-чжи), 1925 (2-е издание Минобразования Китая), 1925 (авт. Ван Ин-хай с приложением названий станций КВЖД), 1949 (авт. Го Цзин-тянь) и другие [Рифтин 2010, с. 278-371].

В 1927 г. в Харбине вышел «Русско-китайский словарь юридических, международных, экономических, политических и других терминов» А.П. Хионина (1879-1971), издание осуществило «Общество русских ориенталистов». Почти в этот же период А.П. Хиониным был составлен также «Новейший китайско-русский словарь» (по графической системе) в двух томах, насчитывающий более 10 000 отдельных иероглифов и около 60 000 словосочетаний (всего на 1302 стр.). Первый том был издан в 1928 г. Обществом изучения Маньчжурского края, второй – в 1930 г. Институтом ориентальных и коммерческих наук. «Издание «Русско-китайского» и «китайско-русского» словарей заполнило пробел в русской синологии и было встречено с большим удовлетворением не только студентами-восточниками, но и лицами, имеющими деловые отношения с китайскими правительственными учреждениями и торговыми предприятиями» [Кленин & Щичко 2013, с. 260-261]¹.

Излагая историю создания словарей то на территории Российской империи, то Маньчжурии, то Советской России (СССР), мы отдаем себе отчет в том, что охват «пространства существования китайско-русских и русско-китайских словарей» проходил именно там, где эти словари свободно употреблялись вне зависимости от временных, государственных или идеологических рамок. Ясно одно: к рубежу XIX-XX и первой половине XX века назрела настоятельная необходимость создания большого современного китайско-русского словаря. При этом, скажем, в эмиграции в Маньчжурии и Китае словари имели, как правило, сугубо практическую направленность и были необходимы при

функционировании КВЖД и других технологических объектов (время получило ускорение, и необходимо было быстро создавать новые объемы справочной, тематической, лексикографической деятельности), в то время как в СССР появилась возможность (благодаря государственной поддержке) задумать грандиозный проект Большого академического словаря, охватывающего разные пласты тематики и лексики, под авторством акад. Алексеева¹ уже в конце 1920-х гг.

Б.Л. Рифтин пишет, что «еще в 1930 г. Алексеев составил «Первую инструкцию для коллективного китайско-русского словаря», но проект тогда не осуществился» [Рифтин 2010, с. 285]. В 1932 г. в СССР акад. В.М. Алексеев написал большую работу о китайской иероглифической письменности с использованием латинских символов [Алексеев 1932]. На рубеже 1920-1930-х гг. идея латинизации иероглифики вновь (а впервые – на рубеже XIX-XX вв.) «стала популярна среди руководства Коминтерна и учившихся в Москве активистов КПК. Издавалась даже газета на китайском языке латинизированной азбукой. Хотя встречалось в Восточном секретариате Коминтерна и иное, полярное мнение, что именно иероглифический принцип символов-понятий, а не фонетической азбуки, станет основой будущей общепланетарной письменности Всемирного Союза ССР» [Вольнец 2011].

«...Задолго до второй мировой войны, – писал С.Л. Тихвинский, – была начата и продолжалась работа над «Большим академическим китайско-русским словарем современного и культурно-исторического языка Китая» (так писал о нем сам Алексеев). Ученый отдавал все силы редактированию словарных карточек, писавшихся его учениками и коллегами по Институту» [Тихвинский 1986, с. 136]. В состав коллектива вошли известнейшие китаисты своего времени, а сам Алексеев считал, что «Современный словарь требует так много новых лексикографических подходов, аккомодаций, что он может считаться как бы особым типом словаря, о котором стоит поговорить каждый раз наново» [Алексеев 1948, с. 3]. Далее Алексеев писал, что «под научною современностью мы понимаем также не только научную современность *китайцев*, но и *китаистов*, и потому включили в расписку наши достижения теоретиков и переводчиков. Были расписаны, например, исторические исследования Л.И. Думана (в области терминологической), А.А. Петрова (в области философской терминологии), И.М. Опанина, А.А. Драгунова (лингвистические работы), В.М. Алексеева, Л.З. Эйдлина (поэтологическая терминология), К.И. Разумовского, С.М. Кочетовой (искусствоведческая), К.К. Флуга

¹ После переезда А.П. Хионина в Австралию в 1950 г. он подготовил к печати «Новейший китайско-английский словарь», насчитывающий 9060 отдельных иероглифов и более ста тысяч словосочетаний. Составлен словарь по графической системе (см. [Кленин & Щичко 2013, с. 260-261]).

¹ Алексеев В.М. получил звание академика 12.01.1929 по Отделению гуманитарных наук (востоковедение-синология) АН СССР.

(библиографическая), Г.О. Монзелера (японологическая), И.М. Ошанина и Г.Ф. Смыкалова (официальная), Л.Н. Рудова (историческая и журнальная) и т.д.» [там же, с. 5].

В.М. Алексеев еще в 1933 г. сделал попытку также издать (сдав в издательство Академии наук) «Рабочую библиографию Китаиста», посвященную синологическим справочникам, которую можно считать своеобразным манифестом востоковеда: «Я убежден, что среди всех других книг (каталогов, списков) такого содержания, эта книга займет свое место, и полезностью своей оправдает труды, на нее положенные» [Алексеев 1948; Рифтин 2010, с. 369-370]. Полагаем, что эти слова целиком можно отнести и к его главному труду – созданию БКРС в 1930-1940-е гг.

«Однако условия не позволили В.М. Алексееву осуществить мечту, – пишет С.Л. Тихвинский, – создать такой словарь, который в полной мере мог бы отвечать требованиям академичности в смысле глубины лексикографической разработки материала и широты охвата китайской лексики, включая классический и разговорный варианты литературного китайского языка. Коллектив ленинградских Китаистов сосредоточил усилия на создании достаточно полного, но все же, по классификации В.М. Алексеева, «среднего» словаря, словаря прежде всего учебного» [Тихвинский 1986, с. 137]. «Мы отдаем себе отчет в том, – писал В.М. Алексеев позднее, – что при темпах современной политической жизни наш словарь современного китайского языка через 5-6 лет уже значительно устареет и современности соответствовать не будет...» [Алексеев 1948, с. 5]. «Предшествовавшие нам китайско-русские словари, – писал В.М. Алексеев, ... не были современными даже для своей даты, ибо отставали от китайской современности слишком далеко... Таким образом, читать китайский современный текст со словарем Кафарова 1888 г. примерно то же, что читать Маркса с библейским словарем в руках...» [там же]. «... Синологически идеальной лексикографией я назвал бы, во-первых, очередные переводы новейших китайских больших словарей; во-вторых, опыты собственного строительства со внесением многих новых оригинальных элементов, ибо без них «строительство» выглядит только копией; и в-третьих, очередные переводы наилучших (особенно в переводческом отношении) двуязычных европейских словарей, но также лишь в качестве временных справочников и дополнений» [там же, с. 6]. Можно сказать, здесь содержался главный принцип организации будущего словаря, который сформулировал В.М. Алексеев.

1930-е годы были непростыми, и репрессивная машина ударила по большому числу востоковедов. Не избежал ударов и акад.

Алексеев. В мае 1938 года в газете «Правда» вышла статья «Лжеученый в звании советского академика» (Правда, 1938, 31 мая), написанная сотрудниками Института востоковедения. В ней говорилось об опубликованной в 1937 г. во Франции книге Алексеева «Китайская литература» (куда вошли лекции, прочитанные еще в 1926 г. в Париже и Лондоне в рамках стажировки ученого). В публикации «Правды» утверждалось, что за годы советской власти В.М. Алексеев не издал ни одного сколько-нибудь солидного, научно ценного и необходимого стране труда. Акад. Алексеев был вызван в Москву, где был подвергнут суровому осуждению на Президиуме АН СССР. Был назначен жесткий срок для представления китайско-русского словаря и одновременно – написания грамматики китайского языка. «После потрясений, идущих крещендо, очевидно до окончательной катастрофы, работа падает из рук...» (дневник В. М. Алексеева, 7 октября 1937 года) [Серебряков 2010, с. 229; Алексеев 1938, с. 443]. Алексеев перенес инфаркт.

Огромная работа ленинградского коллектива по созданию рукописи первого варианта китайско-русского словаря была прервана Великой Отечественной войной. Во время войны Алексеев был эвакуирован в Северный Казахстан, где разрабатывал проблемы лексикологии, работая над составлением и редактированием большого китайско-русского словаря (хотя без карточек полноценной работы проводить не получалось). «Однако и в эти трудные годы, в эвакуации, не покидала В.М. Алексеева мысль о большом словаре» [Хохлов, б.г., с.18-24].

После войны работа над словарем возобновилась, хотя многих своих соратников по словарю Алексеев не досчитался. Он отдавал дань памяти своим погибшим в блокаду сотоварищам Флугу К.К., Рудову Л.Н., Бунакову Ю.В., Разумовскому К.И. и другим при написании Тезисов к макету словаря [Алексеев 1972, с. 160].

«В 1948 г. был издан макет словаря, в котором представлены все иероглифы с чтением гу и все сочетания с ними. При этом в отличие от обычных словарей, как видно из макета, всюду давались точные и подробные пояснения, сделанные крупнейшим знатоком китайской культуры», – пишет Б. Рифтин [Рифтин 2010, с. 285]. Макет представлял собой тезисы о современном двуязычном словаре с приложением их к словарю китайско-русскому и состоял из 10 разделов, таких как I. Введение и общие принципы; II. Специфика китайского языка и его словарей; III. На кого рассчитан наш словарь? IV. Коллективное начало в словарном деле; V. Современные словари китайского языка; VI. Элементы современности и наши нововведения; VII. Элементы традиции; VIII. Транскрипция и орфография; IX. Положение дел со словарем к началу войны 1941 г. X. Регенерация.

Новые пути. Приложения состояли из трех вариантов «Макета слога Гу» – расширенного (на 35 с.), разреженного (с транскрипцией на первом месте, на 1 с.) и разреженного (с транскрипцией во второй колонке, на 1 с.). Именно на страницах Макета В.М. Алексеев перечислил, кроме упоминавшихся (на с. 5) одиннадцати имен китайцев, еще 12 и еще несколько человек, работавших над проектом словаря: «Наш словарь составляли следующие лица: Редактор В.М. Алексеев..., помощники редактора: д.ф.н. И.М. Ошанин, канд.наук Л.З. Эйдлин, доцент Чжоу Сун-юань¹; секретарь словаря канд.наук З.И. Горбачева; авторы карточек: ... В.Н. Кривцов, Ю.В. Бунаков, Н.И. Любин, Г.О. Монзелер; расписчики текстов В.В. Вишнякова, Б.И. Панкратов, С.М. Кочетова, Л.Д. Позднева, О.Л. Фишман, И.Э. Циперович; расписчики словарных материалов (ряд аспирантов и студентов)» [Алексеев 1948, с. 11]. Имеются косвенные свидетельства о привлечении к работе и Н.В. Кюнера (1877-1955), «который владел 16 языками, в т.ч. семью восточными, уникальными этнографическими знаниями о Китае, Маньчжурии, Корее и Тибете» [Березницкий 2011, с. 97], «составлял словари географических названий Китая, Японии, Кореи и библиографические указатели по истории Тибета, Кореи, Монголии, Якутии» [Жервэ & Козырева 2012], что было большим подспорьем при работе над словарем.

К этому Алексеев добавлял, что «современный двуязычный словарь не может не быть коллективным: иначе он рискует стать не только монотонным, но и убогим во всех тех областях, где автор не заявил себя специалистом. В восточных языках это так же заметно, как и в западных, а может быть, и еще сильнее, поскольку, например, буддологи, даологи, историки, поэтологи и т.д. обычно в одном лице не совмещаются, и составители, будучи в своих областях знатоками, в других часто опускаются до любительства и «общих» знаний. Таким образом, при всех своих недостатках, коллективный словарь специалистов всегда будет неизмеримо лучше словаря – продукта единоличной компиляции... Коллектив современного китайско-русского словаря представляет собой много синологических специальностей и обеспечивает нашему словарю ту полноту информации, которой требует современная сложная обстановка. Весь наш коллектив является пока самым компетентным в Союзе...» [Алексеев 1948, с. 11-13].

В 1949 г. ученый писал, что «закончил в основном составление и редактуру большого академического китайско-русского словаря современного и культурно-исторического языка Китая» [Алексеев

1972, с. 160]. Однако в послевоенные годы гонения на Алексеева и других были продолжены, в 1949 г. его прорабатывали в Москве в рамках «борьбы с космополитизмом в востоковедной науке», после чего последовали проработки в ленинградских востоковедных учреждениях. «Говоря нам на лекции о законченном словаре, – пишет Б.Л. Рифтин, – Алексеев жаловался на придирки Главлита (тогдашней цензуры). Редактированием словаря Алексеев практически завершил свою научную деятельность» [Рифтин 2010, с. 285-286]. Умер ученый от рака в 1951 г.

После смерти В.М. Алексеева дело продолжили его ученики. Пилотный макет издавался также в 1960 г., а сам словарь в дополненном и переработанном виде вышел только в 1983 г., под редакцией его ученика проф. И.М. Ошанина [Кобзев 2018; Тихвинский 1986, с. 137]. Некоторые исследователи пишут, что «в работе по его составлению принимали участие более 30 человек. Среди составителей можно встретить фамилии таких известных ученых, как Б.Г. Мудров, А.Л. Семенов, З.И. Баранова, К.Ф. Калинин, Кузес и др.» [Кленин & Щичко 2013, с. 261-262]. Другие называют большее число людей. «В четырех томах словаря воплощен многолетний труд большого коллектива (более 50 человек) советских китайцев – лингвистов, историков, литературоведов...» [Тихвинский 1986, с. 136]. «...Словарь, – писал С.Л.Тихвинский, – плод неустанный поиска, дерзновения и кропотливейшего труда лексикографов, требующего не только высокого профессионализма, но и терпения, концентрации воли, самоотверженности. Школу БКРС в разное время и в разной степени прошли десятки представителей старшего и среднего поколений китайцев. Не будет преувеличением считать БКРС звеном в цепи преемственности нашей китаеведческой науки, которое объединяет первое довоенное поколение советских сиологов с нынешней китаеведческой молодежью» [там же].

Сегодня мы не знаем точного количества всех членов коллектива, работающего над словарем, и восстановление этих имен должно стать отныне нашей задачей, а труд многих безымянных востоковедов над словарем, безусловно, стал большой вехой их биографии.

Выбор нового редактора словаря БКРС произошел естественно. Сам В.М. Алексеев в Макете словаря 1948 г. писал о своем возможном преемнике: «И.М. Ошанин – наилучший знаток официального языка, разговорного языка и политической терминологии современного Китая; лингвист, теоретик грамматики и историк китайского языка. Наиболее из всех ценный сотрудник и редактор...» [Алексеев 1948, с. 11-13]. К этому присовокуплялось и то, что И.М. Ошанин в 1947 г. защитил

¹ Чжоу Сун-юань (?-?), этнический китаец, приехал в Москву из Владивостока. Консультант по средневековым текстам и прекрасный знаток русского языка, представитель высокой китайской интеллигенции. Доцент МГУ. Соч.: [Ван 1954].

докторскую диссертацию «Слово и часть речи в китайском языке» (кандидатская была защищена им в 1943 г.) (Архив ИВ РАН. Б.п. Список работ Ошанина И.М. (печатные и диссертации)). Д.А. Воскресенский, ученик Ошанина, утверждает, что рабочая группа была создана в 1950-е гг., по партийному приказу сверху [Воскресенский 2018], см. также [Воскресенский 2000, с. 166]. Что касается работы и словарей самого Ошанина, он еще в 1930-е годы начал публиковать свои китайско-русские словари и учебники, продолжая эти публикации вплоть до 1956 г. (когда под его редакцией вышел словарь Г.М. Григорьева) [Ошанин 1931 (1935), 1940, 1946а, 1946б, 1952 (1958); Григорьев 1956]. Эти работы опирались, прежде всего, на современный китайский язык, содержали большое количество политической, казенной и официальной лексики, а также военную тематику (он много лет преподавал в Военном институте иностранных языков, издавал учебники и словари).

По сведениям из личного дела И.М. Ошанина (ИВ РАН), начало работы над китайско-русскими словарями пришлось сразу на послевоенные годы, но тогда работа "шла сама собой". В 1946 г. Ошанин был привлечен к работе над словарем Алексева, включен в состав рабочей группы. «С 1946 г., когда ленинградский словарный коллектив возобновил работу, по приглашению В.М. Алексева я стал заместителем главного редактора словаря. Однако рукопись была еще далека до завершения, и В.М. Алексеев не успел подготовить ее к печати», – писал И.М. Ошанин в Предисловии к БКРС [Ошанин 1983, с. 5]. А в конце 1940-х работу решено было форсировать в связи с возросшими государственными интересами на Дальнем Востоке. «В 1950 г., – писал И.М. Ошанин в Предисловии к БКРС, – он [Алексеев] предложил мне на основе ленинградской рукописи составить и издать учебный словарь меньшего размера, словарь, который позволил бы нам обеспечить учащихся и практических работников необходимым пособием для перевода текстов с китайского языка» [там же], хотя, судя по документам, Ошанин был назначен редактором так наз. «Малого китайско-русского словаря» еще 18 ноября 1949 г. (Архив ИВ РАН. Личное дело И.М. Ошанина. 1949. Л. 10.). Действительно, тогда и время, и его энергетика были другими. Государству требовался прежде всего не академический, а современный политический и деловой словарь, отвечающий запросам настоящего времени. Эта задача была выполнена в Институте Востоковедения АН СССР коллективом московских и ленинградских китаистов, и словарь в сокращенном виде вышел в 1952 г. [Архив ИВ РАН. Л. 21; Ошанин 1952] Впоследствии этот словарь дважды переиздавался

в СССР (в 1955 и 1958 гг.), дважды – в КНР (в 1955 г. и в 1958 г. в Шанхае) [Ошанин 1955].

Несмотря на столь мощный задел, рукопись БКРС могла остаться мертвым грузом, если бы не энергия и целеустремленность Ильи Михайловича Ошанина, перед которым после окончания второй мировой войны и послевоенных изменений встал тяжелая задача «...подобрать авторский коллектив, способный решить такую задачу», что было весьма нелегко [Россия и Китай 2013, с. 10]. А нужен был коллектив единомышленников и энтузиастов, хороших специалистов, профессионалов, что было после прошедшей тяжелейшей войны весьма непросто. Все авторы словаря – советские китаеведы, многие из которых в течение долгого времени работали в различных зарубежных представительствах СССР в Китае или находились там по специфическим обстоятельствам, и были хорошо знакомы с китайскими и зарубежными коллегами. Чаще всего они были знатоками и восточных, и западных языков, что, безусловно, давало им простор кругозора и возможность свободного ориентирования в лексикографическом материале.

Дату начала работы над БКРС новой московской группы И.М. Ошанина многие источники определяют 1956 годом, через 5 лет после смерти В.М. Алексева; сам же И.М. Ошанин подтверждает это в Предисловии к БКРС: «Работа по составлению БКРС была начата в 1956 г.» [Ошанин 1983. Т.1, с. 5]. Однако после ознакомления с личным делом И.М. Ошанина выяснилось, что еще до смерти акад. В.М. Алексева (12 мая 1951 г.) в Ленинград 11 января 1951 г. командирована группа китаистов из Москвы в составе: зам. директора, д.и.н. Авдиева В.И., зав. сектором Китая, д.э.н. Масленникова В.А., снс, д.фил.н. Ошанина И.М., мнс, канд.фил.н. Эйдлина Л.З. [Архив ИВ РАН. 1949. Л. 47]. Согласно Приказу по ИВ АН командировка длится 4 дня, с 12 по 15 января 1951 г. [там же] (напомним также, что 12 января – день рождения акад. В.М. Алексева). Мы предполагаем, что эта рабочая группа должна была ознакомиться с Рабочими материалами группы Алексева и перевезти картотеку в Москву. 12 января 1951 г. в ИВ АН СССР был издан приказ № 3 с утверждением состава редколлегии словаря БКРС, согласно которому главным редактором назначался И.М. Ошанин, редакторами: В.С. Колоколов и Н.Н. Коротков; коллектив сотрудников установлен в составе: Пентковский В.И. (Ученый секретарь Коллектива), Горбачева З.И., Илющенко В.П., Сыромятников Н.А., Скрыпник Н.И. [Архив ИВ РАН. 1951. Л. 48]. В приказе имеются формулировки «с целью упорядочения организационной работы по составлению китайско-русского словаря и чтобы

закончить его в намеченные сроки и на высоком уровне...», а также «...работа коллектива выполняется строго по индивидуальному графику в установленные главным редактором сроки... Обязать гл. редактора т. Ошанина И.М. один раз в месяц делать сообщения на дирекции о ходе работы над составлением китайско-русского словаря» [там же], что говорит о жестких сроках работы над проектом.

Те же сведения сообщает в своей критической статье и Б.Л. Рифтин: «После ... смерти [Алексеева В.М.] в 1951 г. вся картошка была передана в Москву профессору И.М. Ошанину, и новый большой коллектив стал дополнять словарь, пользуясь полученными из Китая новыми лексикографическими материалами» [Рифтин 2010, с. 285-286]. Действительно, И.М. Ошанин и его группа не раз посещали КНР с целью пополнить арсенал источников новыми лексикографическими современными словарями (1950, 1955, 1957) [Архив ИВ РАН. 1955. Б.п.].

Далее Б.Л. Рифтин скептически оценивает работу нового коллектива: «Одновременно была проведена и новая редактура, при этом подробные и сочные определения, идущие от Алексеева, были заменены простыми обычными, принятыми в словарях. При этом многое просто было выброшено. Например, под сочетанием *гу сэ мы* не найдем интересного объяснения о серой бумаге, на которой писались траурные извещения. Осталось только значение «патина», но добавлено «аромат (налёт) античности». Кстати, нет объяснения про серую бумагу и в 12-томном «Большом словаре китайского языка» ... Сняты и жаргонные словечки, вроде *гудун* – антикварная вещь, имеющее значение «нечестный покупатель» (тоже не отмеченное в «Большом словаре китайского языка»). Словарь в новом виде под редакцией Ошанина был издан в 4-х томах в 1983 г., на нем есть посвящение светлой памяти Алексеева, но о его огромной работе над словарем в Предисловии сказано весьма скупо в общих словах...» [Рифтин 2010, с. 285-286].

Критиком словаря выступает и д.ф.н. А.И. Кобзев. В частности, он говорит о том, что «с точки зрения теоретической базы, которая зафиксирована в Предисловии к 1-му тому, – она, с т.зр. сравнения современной лингвистики, очень слабая. И написали ее Суханов (китаец) и Панасюк, которые не были лингвистами-теоретиками; кроме того, там содержится много ошибок в отличие от Тезисов, которые к словарю давал акад. Алексеев ... Этот словарь создали все выдающиеся российские китаисты, а Ошанин был просто руководителем, организатором, а начинка вся – «алексеевская» ... К сожалению, в силу исторических причин трагедия продолжилась, и этот величай-

ший труд всей российской синологии, которая впервые получила Государственную премию в 1986 г. /Лауреат Государственной премии СССР (1986)/ оказался потерянным с точки зрения авторства, потому что его печатали тоже по конъюнктурным соображениям – наш прославленный академик Примаков... Конечно, честь и слава, что они это сделали, но основную массу людей, которые создавали этот труд, – ее представили очень узко – в списке авторов – вообще не назвали, и в целом непонятно – кто там основной, кто не основной... В общем, в нем оказались и случайные люди, кто выжил, кто «рядом стоял», кто был к руководству поближе, – и вот так и получилась вся эта история» [Кобзев 2018].

Почему же начало работы московской группы Ошанина датируется 1956 г.? Во-первых, необходимо было в рабочем порядке разобраться с картошкой и распределить задания по рабочим группам и персоналиям; во-вторых, в 1950-1953 гг. И.М. Ошанин был назначен со-переводчиком и редактором другого важного задания партии и советского правительства: он занимался переводами трудов Мао Цзэдуна (Тт. 1-4), очень большого и ответственного проекта того времени [Мао Цзэ-дун 1952-1953; Архив ИВ РАН. 1955. Б.п.]. В-третьих, до назначения главным редактором БКРС, И.М. Ошанин занимался изданием своих словарей (см. выше), активной преподавательской деятельностью (совмещал работу в ИВ РАН в Институте военных переводчиков и Дипломатической академии МИДа); это при весьма энергичной деятельности по изданию массы статей, посвященных китайскому языку, его истории и лексикографии; см. также неопубликованные рукописи¹. В 1950-м году Ошанин И.М. стал членом партии, что вменяло ему обязательную учебу и сдачу экзаменов в Университете марксизма-ленинизма. В 1940-е и нач. 1950-х гг. ученые испытывают прессинг кампании против космополитизма и марксизма в языкознании [Алпатов 1993; Альмов 2009], что в конечном итоге приводит к смерти В.М. Алексеева и других выдающихся ученых. Обстановка была не из простых.

Создание первого в СССР Большого китайско-русского словаря потребовало немало сил от большого коллектива, который трудился в течение 1930-1950-х гг., когда оказалось, что Большой терпор 1937-1938 гг. и вторая мировая война выкосили большую часть опытных китаистов. Но еще почти 20 лет до нач. 1980-х понадооби-

¹ Ошаниным И.М. в период с 1945-1958 гг. было издано 8 статей в центральных журналах, создано рукописей – 2; произведена редактура 8 статей и 3-х словарей. Ист.: Архив ИВ РАН. Личное дело И.М. Ошанина. Б.п. Список опубликованных работ. 1958 г.

лось для того, чтобы Словарь был, наконец, сформирован, несколько раз перепроверен и отпечатан тиражом 16 000 экз. Словарь БКРС охватывает «с максимальной полнотой иероглифы и их сочетания, обозначающие лексические и фразеологические единицы разговорного (байхуа¹) и старого книжного (вэньянь²) национального китайского языка, слова и речения из древнекитайских литературных памятников, лексику и фразеологию, специфическую для средне- и новокитайского языка, общеупотребительную научную и техническую терминологию, обычную в прессе и в общей литературе. Лексический материал расположен по русской графической системе Васильева-Пещурова-Розенберга-Колоколова» [Ошанин 1983, с. 7].

История Словаря, таким образом, тесно связана с именами Алексеева и Ошанина, первый географически связан с Петербургом, другой – с Москвой; и, можно сказать, подобная разделенность отразила и разносторонние цели словаря: питерцы стремились создать универсальный академический словарь, включавший в себя лексику древнего языка, средневековья, литературные формы, лексику исторических хроник, быта разных эпох, специальных наук, то есть, главным образом, языка «вэньяня» (литературного); москвичи же видели словарь «в государственном прагматическом ключе», то есть как учебное пособие для изучающих китайский язык и практиков (дипломатов, торговых и проч. представителей, переводчиков, экономистов, юристов) и стремились сузить рамки словаря до современного разговорного уровня, делали словарь утилитарного направления, который все же включал в себя и некоторые сведения из литературных и иных источников, но, главным образом, основанного на байхуа, разговорном китайском языке. Значит, ядро, концепцию словаря создал Алексеев, а вот воплотил в жизнь – Ошанин. И друг без друга, без вклада в работу двух выдающихся лингвистов своего времени, не было бы никакого словаря. В.М. Алексеев в свое время дал следующую оценку вкладу Ошанина в дело изучения и анализа китайского языка: «Превосходное знание китайского языка во всех его стилях, видах и формах, отличающее [Ошанина] среди прочих его товарищей по синологии, соединилось в его работе с исключительной способностью видеть язык как бы

¹ Байхуа (кит. 白話文 / 白话文, пиньинь báihuàwén – повседневный язык) — официальная система записи современного разговорного китайского языка. Одна из форм китайского письма. Является наиболее близкой к разговорной норме китайского языка, создаёт лексическую и грамматическую основу современного литературного китайского языка.

² Вэньянь (кит. упр. 文言, пиньинь: wényán), или «классический китайский язык», — письменный язык, использовавшийся в Китае до начала XX века.

со стороны, анализировать его, доискиваться секретов – его сепаратизации, инкорпорации, биномизации – вникать в его словосоставление. К этому присоединяется редкое стремление и умение автора делать выводы на каждом шагу, следить за развитием своей мысли, все время закрепляя себя на каждой новой позиции с уверенностью и научным проникновением в дальнейшее...» [Воскресенский 2000, с. 166]. В окончательном виде Словарь содержит 16 тысяч гнездовых иероглифов и около 250 тыс. слов и выражений.

За свою деятельность Ошанин И.М. был награжден премией Президента Академии Наук 1954 года «За коллективный труд (редактор) «Китайско-русский словарь» в размере 5000 руб. на коллектив из 9 человек 19 ноября 1954 г. [Архив ИВ РАН. Б.г. Б.п.], а также получил благодарность 7 декабря 1955 года «За подготовку второго издания китайско-русского словаря». Что касается БКРС, то этот словарь был удостоен Государственной премии 1986 г. (Лауреаты Государственной премии СССР, 1986).

Д.Н. Воскресенский писал: «... Начиная с пятидесятых годов, работая в Институтах китаеведения и востоковедения, Илья Михайлович все свое время продолжал отдавать работе над словарем. Он работал не один. Вокруг него сложился коллектив китаистов разных возрастов, который постоянно менялся, что, конечно, затрудняло работу и из-за чего она затягивалась. Душой этого коллектива был Илья Михайлович, который направлял всю работу, выполнял одновременно и роль общего редактора и автора многих статей и даже сверщика. Он уточнял значения слов, искал и находил подходящие русские эквиваленты. Сохранившиеся страницы словарных гнезд свидетельствуют о его поистине титанической работе...» [Воскресенский 2000, с. 167-168]. «Возобновившаяся после кончины академика В.М. Алексеева работа над БКРС, – писал акад. С.Л. Тихвинский, – протекала зачастую в обстановке острых научных дискуссий. Споры велись вокруг определения объема и содержания (профиля) словаря. Во многих дискуссиях позиция И.М. Ошанина подвергалась критике, объем словаря предлагалось сократить вдвое. Тем не менее составительскому коллективу удалось отстоять свои позиции, принципиально обоснованные еще в трудах академика В.М. Алексеева относительно сосуществования в китайском языке двух стилей – книжного и разговорного (вэньяня и байхуа): «Пока симбиоз двух языков (традиционного и разговорного) продолжается, – писал В.М. Алексеев, – современный словарь китайского языка всегда будет чуть ли не вдвое больше прежних словарей такого же типа, не знавших этого компромисса. Делать по отдельному словарю на каждый язык, ис-

кусственно разделяя их во имя современного языка, право же, не стоит», – писал В.М. Алексеев в Тезисах к Пробному макету (с. 30)» [Тихвинский 1986, с.138]. Но существовала еще одна проблема, и весьма важная. «С небывалым объемом словаря, – писал С.Л. Тихвинский, – связывались и сомнения в возможности осуществления его издания собственными силами. И эти проблемы коллективом словарников были своевременно приняты во внимание. Не дожидаясь окончания авторской работы над БКРС, коллектив стал искать пути полиграфического исполнения этого труда. Множество попыток, предпринятых в этом направлении в течение целого десятилетия (1968-1978), не имели успеха по одной-единственной причине: во всех издательствах и типографиях отвечали, что нет нужного комплекта иероглифических шрифтов и что появление такого комплекта в будущем не предвидится. В этом, казалось, безнадежном положении решение проблемы пришло совершенно неожиданно: сотрудник Института востоковедения АН СССР кандидат технических наук Б.В. Борисов, заинтересовавшись положением БКРС, разработал для него метод оригинал-макета, при котором иероглифы в буквенный текст фотонабора монтировались с переводных литер. В течение почти шести лет подготовки издания БКРС Б.В. Борисов руководил всеми полиграфическими работами вплоть до их полного завершения» [там же, с. 138-139].

Уже будучи в большом возрасте и довольно больным, освобожденный по состоянию здоровья от всех заданий отдела по Институту востоковедения, И.М. Ошанин пишет заявление в дирекцию следующего содержания: «По поручению покойных академиков В.М. Алексеева и А.А. Губера, я был выдвинут на должность главного редактора большого китайско-русского словаря, над которым я работаю почти 20 лет с 1962 года. Поэтому прошу институт изыскать способ сохранить за мной словарную работу над большим словарем, на выполнение которой я решил посвятить всю мою жизнь. Добавлю, что и впредь буду готов выполнять любые задания института» [Архив ИВ РАН, 1980. Б.л.]. Умер И.М. Ошанин в 1982 году, повторив судьбу своего учителя, так и не дождавшись выхода словаря. Как писал С.Л. Тихвинский, «конечный результат трудов своего коллектива Илье Михайловичу довелось увидеть лишь в гранках» [Тихвинский 1986, с. 137].

Как уже сказано, Большой китайско-русский словарь включил в себя около 16 тысяч гнездовых иероглифов и свыше 250 тысяч производных слов и выражений. Словник был создан на основе китайских словарей «Гоюй цыдянь», «Сяньдай ханьюй цыдянь», «Цыхай». При

работе над словарем использованы и другие лексикографические работы, опубликованные в Китае и за его пределами вплоть до 1979 г.

«Создание БКРС, – делает вывод С.Л. Тихвинский, – стало возможным благодаря многолетнему самоотверженному труду наших китайистов, в числе которых, рядом с главным редактором БКРС И.М. Ошаниным, личный авторский вклад которого в словарь – большая часть из 15,5 тыс. гнездовых и многих производных статей, следует назвать многолетнего сотрудника, контрольного редактора и консультанта И.И. Советова-Ченя и заместителя (с 1962 г.) главного редактора А.И. Мелналкниса, китайиста-библиографа и лексикографа, принимавшего участие в издании «Русско-китайского словаря» (1951) и работавшего над БКРС непрерывно с 1957 по 1984 г.» [там же, с. 139]. Далее С.Л. Тихвинский перечисляет основных сотрудников коллектива ошанинского словаря: китайиста-лексикографа Г.М. Григорьеву-Абрамсона, другого лексикографа В.С. Кузеса, китайистов Б.Г. Мудрова, З.И. Баранову; В.Ф. Суханова, сотрудников ИВ АН Цзэн Сюфу, Чжоу Сун-юаня, Ду Исиня – живых носителей китайского языка; переводчика китайской литературы В.А. Панасюка (отдавшего словарю 17 лет своей жизни); К.Ф. Калинина (словарника), В.Г. Орлова (роспись и медицинская терминология) и многих других, а также главного редактора восточной литературы изд-ва «Наука» О.К. Дрейера [там же].

«Словарь достаточно полный, – пишет в критической статье Б.Л. Рифтин, – но нередко его недостаточно. Идеально полного словаря китайского языка до сих пор не составлено, и выполнить эту работу едва ли вообще возможно. Пользоваться этим словарем не очень удобно из-за многотомности. Практически можно сперва обратиться к разным однотомным изданиям словаря Ошанина, предшествующим появлению большого словаря» [Рифтин 2010, с. 352-353]. Действительно, словарь несколько громоздок и в практической жизни (если не заниматься академическими исследованиями) доставляет неудобства (его нельзя возить с собой, и даже при работе за компьютером он тяжеловесен). В связи с перечисленным жизнь внесла естественные коррективы: новые технологии внедрились и в лексикографическую жизнь, установив там свои правила и законы.

Новая жизнь старого словаря.

«Сегодня четырехтомный «Большой китайско-русский словарь» под редакцией И.М. Ошанина существует и в электронном варианте по адресу <http://allanguages.valuehost.ru/db/dviever/bkrs2.html>, и которым обычно пользуются студенты и все, изучающие китайский язык», – пишет Б.Л. Рифтин [Рифтин 2010, с. 352-353]. Да, сегодня

мы все пользуемся электронным БКРС (имеет кодовое название 大 БКРС, чтобы отличаться), и такая незаменимая для китаиста-профессионала вещь, как электронный словарь, живет и постоянно востребована; вместе с тем он систематически пополняется новым словарным корпусом.

В этом «живом словаре» есть доля труда и таланта советских китаистов, и, конечно, это главный труд жизни И.М. Ошанина, который в течение многих и многих лет был бессменным энтузиастом-трудоголиком, верным своей идее создать этот корпус. Мы задались вопросом, как создавался уже современный БКРС (электронный), и кто же этим занимался. Работая в КНР, уже во второй половине 2000-х годов, все китаисты-практики обнаружили для себя прекрасный ресурс 大 БКРС, которым можно пользоваться он-лайн в качестве справочной или осведомительной литературы (начал функционировать в 2006 г.).

В течение нескольких лет энтузиасты-волонтеры и студенты набирали словарные статьи БКРС Ошанина в электронном варианте. «На русском ничего лучше Ошанина (оригинальный БКРС) нет, но он сам по себе уже устаревает и имеет к началу 2000-х гг. довольно много недочётов. Это, наверное, самый крупный словарь по древнекитайскому языку, имеет, разумеется, достаточно характерный оттенок советского словаря, содержит статьи с открытой коммунистической пропагандой и т.д.», – пишут пользователи¹. «Многие сетуют, – пишут комментаторы, – что этот словарь не всегда содержит все нужные значения иероглифа. 大 БКРС, то он не просто не содержит, а нацелен исключительно на современный язык. Хотя иероглифы и довольно сильно с вэньянем пересекаются ... Бумажный БКРС И.М. Ошанина, который в ядре этого словаря, создавался в первую очередь для классических текстов (и его хватало целым поколениям советских и российских китаистов), в дополнение еще вводились китайско-китайские словари. Единственное, чего нет в электронном БКРС – толкований некоторых редких слов. Так, некоторые слова вэньяня даже в сателлитах содержат только древние примеры, а толкования при этом отсутствуют...» [Форум БКРС, апрель 2018].

Мы обратились к редакторам БКРС с просьбой пояснить и сообщить сведения о создании электронного БКРС, его статистику, кто участвовал в создании электронной базы, как работали, кого привле-

кали, сколько лет это составило в целом, кто проверял из специалистов, помогали ли студенты ИСАА и других вузов и т.д. К сожалению, главред электронного словаря не смог ответить на наши вопросы, сославшись на коммерческие секреты и проч. Впрочем, перепроверяя для сдачи данного текста все ссылки, мы нашли небольшой только что появившийся раздел «История БКРС» (в течение месяца со времени нашего запроса): «*Краткая история 大 БКРС*. В 2003~ 2005 гг. группой добровольцев осуществилась оцифровка БКРС Ошанина (тот самый БКРС), он стал первым электронным китайско-русским словарём, это был большой прорыв в русскоязычной китаистике. Работа происходила последовательно на форумах Восточное полушарие, Мир Языка, ПВФ. Проект по оцифровке БКРС начался в 2007 г. как личный проект по изучению китайского и веб-программирования, постепенно перерос в нечто большее. В 2010 г. на сайте появился форум, изначально был посвящён словарю и языку, но постепенно перерос в "о Китае". Сайт активно развивается до сих пор, как сам словарь, так и смежные разделы» [Краткая история БКРС, май 2018]. «大 БКРС (bkrs.info) – первый электронный китайский словарь с возможностью правок на основе оцифрованного БКРС. В проекте приняли участие профессиональные китаисты, студенты, стажеры и т.д. Многие работали совершенно анонимно, не рассчитывая на какие-то вознаграждения, славу, опубликование фамилии» (Из ответа редактора БКРС на наш запрос, апрель 2018).

Нам удалось разыскать участника оцифровки словаря нач. 2000-х годов, который ответил на многие наши вопросы. Вот что нам ответили: «Работа над е-БКРС началась в 2003 году на востоковедческом форуме "Восточное полушарие". Основной задачей стало оцифровать четыре тома БКРС. Так как программное обеспечение в то время было еще слабым, вся работа производилась вручную. Проект существовал около 4 лет. За 4 года в работе над оцифровкой приняло участие более 20 человек. В работе были задействованы в основном студенты, а также непрофессиональные любители китайского языка. В конце работы оцифрованный текст БКРС был переведен в формат lsd для подключения словаря к программе АВВУУ Lingvo. В дополнение к основной базе БКРС было сделано несколько словарей современной лексики различной тематики. Все файлы бы-

¹ Из обсуждения на страницах электронного БКРС : <https://bkrs.info/taolun/index.php>. Дата обращения: апрель 2018.

ли выложены в открытый доступ для скачивания» (из интервью с М.Г. Григорьевой¹, май 2018).

Однако нас интересовал еще вопрос «организации процесса оцифровки», на что наш респондент ответила:

«Если про организацию процесса, то у нас раздел был сначала на Восточном полушарии, где мы размещали наши объявления, потом мы ушли на другой отдельный форум, мне или Олегу Панкову писали желающие принять участие, мы высылали отсканированные страницы БКРС и шаблон, по которому нужно было набирать текст. Олег сводил всё, проставлял нужные теги и форматировал в lsd.

На самом деле основной набор текста был выполнен несколькими участниками. Дмитрий Шереметев (инженер из Гомеля), Олег Мурашко (биолог из Минска, работал на Тайване в университете), Константин Войцеховский (веб-дизайнер из Днепропетровска) и я (Мария Григорьева). Остальные делали по несколько страниц, и будет сложно перечислить их имена. Но они все были участниками форума "Восточное полушарие" и, скорее всего, они-то и были студентами. Те, кто набивал основную часть, учили язык самостоятельно... Техническая поддержка, подготовка сканов, сведение оцифрованного материала, перевод в формат Lingvo, поддержка сначала раздела на форуме Восточное полушарие, а потом организация своих площадок для работы – Олег Панков (редактор нескольких информационных каналов о Китае, сейчас он на @daokedao) и Алексей Дьяков (системный администратор из Санкт-Петербурга). Если нужно сказать о профессиональных переводчиках, которые поддерживали нас, то нам помогали еще Дмитрий Шакура (он тогда студентом был, потом долго работал в Пекине в посольстве, сейчас в посольстве в Токио, очень хороший переводчик с китайского), сейчас уже подзабылось, но он какой-то словарь тоже сам сделал, который вошел потом в дополнительные словари к e-БКРС, и Вадим Дубровский (переводчик с Тайваня, известный как Сат Абхава), ну и все жители Восточного полушария. Нам сильно Отмахов помогал, это админ «Полушария». Алик Крисской (Папа Хуху) оказывал моральную поддержку, Илья Мансуров (MIR из издательства "Восточная книга", бывший Муравей) ну и т.д. Как дополнение: К бкрс.инфо мы отношения уже не имеем, они просто взяли базу из открытых источников. У нас вся работа была основана на энтузиазме. Но мы технически не осилили бы делать и поддерживать сайт. А они молодцы, – много лет существуют уже...».

¹ Мария Константиновна Григорьева – выпускающий редактор группы информации на китайском языке (информационная лента на китайском языке) в МИА "Россия сегодня".

Вот так удалось восстановить совсем недавнюю историю создания нового варианта (электронного) 大 БКРС. На страницах словаря есть нечто вроде Декларации: «О словаре 大 БКРС. 大 БКРС – открытый редактируемый большой китайско-русско-китайский словарь. Цель 大 БКРС: создание идеального словаря для практической работы с современным китайским языком. Основные принципы словаря: полнота – словарь включает в себя не только слова, но и устойчивые сочетания; практичность – словарь нацелен на непосредственную работу с современным китайским языком; открытость – словарь открыт и доступен в удобном для использования виде всем участникам. Словарь нацелен на переводчиков и развивается исходя из их нужд» [О словаре 大 БКРС, май 2018].

Благодаря разделу «Статистика» на 大 БКРС мы ознакомились с важными сведениями по количественным характеристикам электронного словаря: всего на конец апреля 2018 года он содержал слов: китайских 2943501; русских 171244; примеров 300 623; качество словаря = 16.453%, из них: качественных слов 484 284, мусорных слов 2459217. Регистрация словаря датирована 2010.03» [Статистика словаря 大 БКРС, апрель 2018]. «Сайт bkrс.info посвящён словарю 大 БКРС, китайскому языку и Китаю. Сайт предназначен для тех, кто как-то связан с китайским языком или Китаем. Цель сайта bkrс.info – работа над словарём 大 БКРС. Попутное изучение и обсуждения китайского языка и Китая» [Статистика словаря 大 БКРС, апрель 2018].

Таким образом, создание бумажного и электронного, живого современного словаря БКРС включает в себя массу различных исторических сведений, работу больших коллективов, талантливых и преданных делу руководителей проектов и тесно связано с именами В.М. Алексеева и И.М. Ошанина. Современный 大 БКРС является постоянно обновляемым и уточняемым подобием бумажного БКРС, который имеет уже свою самостоятельную жизнь.

Источники

1. Архив ИВ РАН. Личное дело И.М. Ошанина. Л. 10. Выписка из распоряжения № 36 по Московской группе Института Востоковедения АН СССР от 18.11.1949 г., г. Москва; Б.п. Список работ Ошанина И.М. (изданные и диссертации); Л. 48. Выписка из Приказа № 3 по Институту Востоковедения АН СССР от 12.01.1951 г., г. Москва; Б.п. «Участвовал в работе коллектива как переводчик и редактор». 4.02.1955. Личная подпись И.М. Ошанина; Б.п. Приказы по институту о командировках в КНР и ГДР; там же. Б.п. Президиум АН СССР. Распоряжение № 46-2077 от 24.10.1955 о командировании

- 21 октября 1955 г. в КНР для участия в Конференции по стандартизации китайского языка: И.М. Ошанина, Н.Н. Короткова... сроком на 15 дней; Б.п. Список опубликованных работ И.М. Ошанина, 1958 г.; Б.п. Сведения о наградах из Личного листа по учету кадров; Б.п. Из Заявления Ошанина от 24 ноября 1980 г. на имя директора института Востоковедения акад. Е.М. Примакова.
2. Лауреаты Государственной премии СССР в области науки и техники (1986-1991): Ошанин И.М., руководитель работы, Дрейер О.К., гл. редактор гл. редакции восточной литературы издательства «Наука», Борисов Б.В., Кузес В.С., снс., Баранова З.И., Панасюк В.А., Ворожцова Т.П., мнс, Григорьев-Абрамсон Г.М., Мелналкснис А.И., бывший мнс. ИВ АН СССР; Мудров Б.Г., доцент военного института; Суханов В.Ф., зав. кафедрой ВАВТ; Советов-Чень, И.И., филолог, – за создание большого китайско-русского словаря в 4 томах (1983-1984). Ист.: Постановление ЦК КПСС И СМ СССР «О присуждении Государственных премий СССР в области науки и техники». Газета «Правда» от ноября 1986 г. [электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лауреаты_Государственной_премии_СССР_в_области_науки_и_техники_\(1986-1991\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лауреаты_Государственной_премии_СССР_в_области_науки_и_техники_(1986-1991)). Дата обращения: май 2018.

Литература

3. Алексеев В.М. *Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация*. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 178 с.
4. Алексеев В.М. Выступление акад. В.М. Алексеева на заседании Президиума АН СССР 5 июня 1938 г. // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. Вып. III. М., 2008. С. 443.
5. Алексеев В.М. Тезисы о современном двуязычном словаре современного иностранного языка с приложением их к словарю китайско-русскому // *Китайско-русский словарь. Пробный макет словаря*. М. & Л., 1948. С. 3-44.
6. Алексеев В.М. О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии // *Краткие сообщения Института востоковедения*. Т. VIII. М.: Языкознание, 1956.
7. Алексеев В.М. Некоторые даты жизни и деятельности В.М. Алексеева, отмеченные им самим // *Литература и культура Китая. Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева*. М., 1972. С. 160.
8. Алпатов В.М. Марр, марризм и сталинизм // *Философские исследования*. 1993. № 4. С. 271-288.

9. Алымов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940-1950-х годов // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 97.
10. Баньковская М.В. Алексеев Василий Михайлович // *Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь*. Т. 1-4. СПб.: РНБ, 1995 [электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=6.
11. Барк В. (сост.). *Военный русско-китайский китайско-русский словарь*. С прилож. Русско-китайского и Китайско-Русского словаря / Ху-Цзя, ред. М.: Сов. энциклопедия (тип. ОГИЗ РСФСР), 1937. 152 с. (Прилож. 248 с.). Тираж 10 тыс. экз.
12. Березницкий С.В. Деятельность Восточного института как важный этап становления академической школы этнографии на Дальнем Востоке России / *Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXXII международной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (28 ноября-2 декабря 2011)*. Вып. XXVII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2011. С. 96-97.
13. БКРС – *Большой китайско-русский словарь по русской графической системе*. В четырех томах. Около 250 000 слов и выражений / ИВ АН СССР; сост. коллективом китаистов под рук. и ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит.-ры, 1983-1984.
14. Ван, Ляо-и. *Основы китайской грамматики* / Пер. с китайск. Г.И. Райской. Под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Сун-юаня. М.: Изд-во иностр. лит.-ры, 1954. 263 с.
15. Вольнец А. *Три первых военных словаря* [электронный ресурс]. URL: <https://alter-vij.livejournal.com/150488.html>. Дата обращения: март 2018. Дата размещения 29.10.2010.
16. Вольнец А. *Китайские иероглифы латынью, сталинские профессора и советские антисоветчики...* [электронный ресурс]. URL: <https://alter-vij.livejournal.com/156081.html>. Дата обращения: март 2018. Дата размещения 06.05.2011.
17. Воскресенский Д.Н. И.М. Ошанин – выдающийся ученый и педагог (К столетию со дня рождения) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2000. № 3. С. 161-168.
18. Воскресенский Д.Н. *Интервью с Дмитрием Николаевичем Воскресенским* / Интервью: В.Ц. Головачёв, М.С. Осташева, М.Ю. Ульянов. ИВ РАН. М.: ИВ РАН, 2018 (в печати)

19. Выступление акад. В.М. Алексеева на заседании Президиума АН СССР 5 июня 1938 г. // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. Вып. III. М., 2008. С. 443.
20. Гавристова Т.М. Леонтьевский Захар Федорович / *Яркиедея* [электронный ресурс]. URL: https://yarwiki.ru/article/986/leontevskij-zahar-fedorovich#disqus_thread. Дата обращения: май 2018.
21. Гак В.Г. (1990а). Лексикография // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 258-259.
22. Гак В.Г. (1990б) Словарь // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 462-464.
23. Грегори, Е.В. *Словарь китайских военных терминов*. Мукден: тип. Пейянг Пресс в г. Тяньцзинь, 1927. 451 с. Тираж не указан.
24. Г.М. Григорьев. *Краткий китайско-русский словарь* / Под ред. проф. И.М. Ошанина. 2-е изд., перераб. и доп. Гос. изд-во Иностран. и иностранных языков, 1956. Б.м., переизд. фототипическим способом.
25. Жервэ Н.Н. & Козырева М.Г. «Возьмем любовь путей земных основой...» Лев Николаевич Гумилёв и Ленинградский университет // *Санкт-Петербургский университет*. СПб.: СПбГУ, 02.10.2012. № 12 (3854). С. 9-18.
26. Кленин И.Д. & Щичко В. *Лексикология китайского языка. Курс лекций*. М.: Восточная книга, 2013. 272 с.
27. Кобзев А.И. Российская китаистика / *Драмы и фарсы российской китаистики. Научный сборник*. Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 19. М.: ИВ РАН, 2016. 600 с.
28. Кобзев А.И. К истории российской китаистики // Дацышен В.Г.. *Изучение истории Китая в России (XVIII – пер. пол. XX вв.)*. М., 2017. С. 3-15.
29. Кобзев А.И. Выступление на ОГК 28 апреля 2018 г. (комментарий и дополнение к докладу по БКРС) / *XLVIII научная конференция «Общество и государство в Китае», 26-28 апреля 2018 года. К 200-летию Института востоковедения РАН. Программа* [электронный ресурс]. URL: <https://china.ivran.ru/novosti?artid=9320> Дата обращения: апрель 2018.
30. *Краткая история БКРС. Происхождение БКРС* [электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/p95>. Дата обращения: май 2018.
31. Мамаев И. & Колоколов В. *Китай. Страна, народ, история*. М.: Воениздат, 1924. 272 с. Тираж 10 000 экз.
32. Мао Цзэ-дун. *Избр. соч., (пер. с кит.)*. Тт. 1-4. / Ред. И.М. Ошанин. М., Изд-во нац. лит., 1952-1953.
33. *О словаре 大BKPC* [электронный ресурс]. URL: https://bkrs.info/w/O_словаре_大_BKPC. Дата обращения: май 2018.
34. Ошанин И.М. *Учебник китайского языка байхуа* / Московский институт востоковедения (МИВ). – М., 1931; переизд. М., 1935.
35. Ошанин И.М. и др. *Учебник китайского литературного и разговорного языка*. Б.м.: Высш. дип. школа МИД, 1940.
36. Ошанин И.М. *Учебник китайского языка для 1-го года обучения*. Б.м.: Воениздат, 1946а.
37. Ошанин И.М. *Пособие по китайской официальной переписке*. Лейпциг: Воениздат, 1946б.
38. Ошанин И.М. (гл. ред.). *Китайско-русский словарь*. Около 65 000 слов и выражений / ИВ АН СССР. Б.м.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952.
39. Ошанин И.М. (гл. ред.). *Китайско-русский словарь*. Более 70 000 слов и выражений / ИВ АН СССР. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Переизд. М., 1958; КНР: 1955, Шанхай, 1958.
40. Ошанин И.М. Предисловие к «Большому китайско-русскому словарю» // *БКРС*. Т. I. – М.: Наука, 1983. С. 5-9.
41. Палладий 1909 – *Полный китайско-русский словарь, составленный по словарям Чжайльса, архимандрита Палладия, П.С. Попова и других* / под ред. епископа Иннокентия. Т. 1-2. Пекин : Пекинская духовная миссия, 1909. 980 с.
42. Попова И.Ф. Становление лексикографии китайского языка в России // *Страны и народы Востока. Вып. XXXV: коллекции, тексты и их «биографии»* / под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. СПб.: Институт восточных рукописей РАН, 2014. С. 291-304.
43. Рифтин Б.Л. О синологических словарях и справочниках, старых и новых // Алексеев В.М. *Рабочая библиография китаиста: Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая*. СПб.: БАН; Альфарет, 2010. С. 278-371. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rasl.ru/editions/rifitin_2010.pdf. Дата обращения: март 2018.
44. *Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений* / Под ред. А.В. Лукина. М.: Весь мир, 2013. 704 с.
45. Серебряков Е.А. Продолжатель традиций синологической школы академика В.М. Алексеева, выдающийся знаток китайской литературы и прекрасный переводчик-поэт (к 100-летию со дня рождения докт. филол. наук, проф. Льва Залмановича Эйдлина) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 13. 2010. Вып. 2. С. 228-234.

46. Сизова А.А. *Консульская служба России в Монголии (1861–1917)*. М.: Наука – Вост. лит., 2015. – 295 с.
47. *Статистика словаря 大 БКРС* [электронный ресурс]. URL: https://bkrs.info/w/bkrs.info/%D0%BE_Статистика_словаря_大_БКРС. Дата обращения: апрель 2018.
48. Сторожук А.Г. Предисловие // Васильев В.П. *Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. Составлен для руководства студентов профессором Санкт-Петербургского университета В. П. Васильевым* / Переиздание Штаб-квартиры Ин-та Конфуция и Вост. фак. СПбГУ по случаю проведения в 2010 г. Года китайского языка в России. СПб.: Студия «НП-Принт», 2010. 484 с.
49. Тихвинский С.Л. *Фундаментальный лексикографический труд. Большой китайско-русский словарь*. В 4-х томах. Под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Наука, 1983-1984 / *Советское востоковедение*. М., 1986. С. 136-140.
50. *Форум БКРС* [электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/taolun/forum-11.html>. Дата обращения: апрель 2018.
51. Хохлов А.Н. Алексеев Василий Михайлович (14.01.1881 – 12.05.1951) // *Биографии ученых (1920 – 1950-е гг.)*. – М., б.и., б.г. С. 18-24. [Электронный ресурс]. URL: http://www.arran.ru/data/collections/col116_.pdf. Дата обращения: апрель 2018.
52. Шаренберг-Шорлемер, В.Н. фон. *Опыт краткого словаря военных и морских терминов и выражений, вошедших в современный китайский язык*. Von Scharenberg. Dictionnaire Chinois-Russe / Печ. по решению Генерального штаба Российской империи № 473 от 9 сентября 1909 г. (по ст. стилю). Пекин: тип. Успенского монастыря при Русской духовной миссии в Пекине, 1910. 827 с. Тираж не указан.
53. Rey, Alain. *Miroirs du monde: une histoire de l'encyclopédisme*. Paris: Fayard, 2007.
54. Rey, Alain. *Dictionnaire amoureux des dictionnaires*. Paris: Plon, 2011.

II. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ВОСТОКОВЕДНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В.А. Андреева
ИЯз РАН (Москва)

О разработке словарной статьи в Новом Большом вьетнамско-русском словаре

Новый Большой вьетнамско-русский словарь (БВРС), вышедший из печати в декабре 2012 года, – проект, осуществленный Институтом языкознания РАН совместно с Институтом лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук. Работа над этим проектом начиналась по инициативе В.М. Солнцева в отделе языков Института востоковедения РАН. На сегодняшний день Новый Большой вьетнамско-русский словарь является словарём с самым полным научно сбалансированным словником из всех существующих двуязычных, а возможно, и толковых словарей вьетнамского языка. От других словарей его также отличает подробная разработка словарной статьи с максимально полной лексикографической информацией и богатым иллюстративным материалом.

На рубеже веков во Вьетнаме было издано некоторое количество больших вьетнамско-иноязычных словарей, однако ни один из них не удовлетворял в полной мере запросам современных пользователей по ряду причин. Так, имелись вопросы к полноте словарей. Словники всех словарей были неполными, в них отсутствовал ряд как вполне традиционных, так и новых лексических единиц, появившихся во вьетнамском языке в значительном количестве на рубеже тысячелетия. Наблюдалось отсутствие современной экономической, юридической, компьютерной терминологии. К тому же словники вышеперечисленных словарей, как и словники толковых словарей вьетнамского языка, значительно отличались друг от друга. Так, например, если во вьетнамско-английском словаре Данг Тянь Лиэу и Ле Кха Ке у гнездового слова thịt «мясо» была всего одна производная статья thịt thà [Đặng Chấn Liêu & Lê Khả Kế 1992, с. 977], то во вьетнамско-английском словаре Буй Фунга было выделено 60 заглавных словарных статей, производных от слова thịt «мясо», среди которых в качестве отдельных словарных статей фигурировали, например, такие единицы, как thịt luộc «отварное мясо», thịt hộp

«мясные консервы», *thịt khô* «сушеное мясо», *thịt mỡ* «жирное мясо», *thịt ôi* «протухшее мясо» и т.п. [Bùi Phụng 1993, с. 1368]. В толковом словаре вьетнамского языка под редакцией Хоанг Фе насчитывается 25 статей, производных от слова *gà* «курица» [Từ điển tiếng Việt 2000, с. 368-369], в то время как в Большом словаре вьетнамского языка под редакцией Нгуен Ньы И таких статей 158. Помимо различных пород кур, видов птиц семейства куриных и фразеологических единиц, сюда в качестве заглавных словарных статей включены также многочисленны блюда вьетнамской кухни типа *gà luộc* «отварная курица», *gà nấu hạt sen* «курица с зёрнами лотоса», *gà rán sốt chanh* «курица, жаренная в лимонном соусе» и т.п. Такие различные подходы к выделению заглавных статей зачастую приводили к разнице в разработке и рубрикации значений слова. Так, например, у многозначного глагола *đánh* в словаре Буй Фунга было выделено только три значения [Bùi Phụng 1993, с. 355], в то время как в толковом словаре вьетнамского языка под ред. Хоанг Фе таких значений насчитывалось 27 [Từ điển tiếng Việt 2000, с. 285-286]. Во многих случаях отсутствие выделения частей речи при разработке словарной единицы приводило к существованию словарных статей, где через запятую, без дифференциации и учета реального функционирования слова в языке указывались переводные эквиваленты разных частей речи. Так, во вьетнамско-русском словаре Глебовой и Соколова к слову *đói* даны следующие переводные эквиваленты: «испытывать голод, быть голодным; голодать; голодный; голодающий; голод» [Глебова & Соколов 1992, с. 213]. В словарях отсутствовала цельная система частеречных, отраслевых, частотных, стилистических, этимологических помет.

Авторы поставили перед собой задачу создать двуязычный словарь, который отражал бы фундаментальные тенденции развития современной лексикографии, в частности, тенденцию к полифункциональности словарных изданий. Как отмечает Ю.Д. Апресян, отличительной чертой всей современной лексикографии является «синтез филологии и культуры в широком смысле слова», «переход от чисто филологического описания слова к цельному филологическому и культурному описанию слова-вещи, слова-понятия, с привлечением элементов энциклопедического и этнолингвистического знания» [Апресян 1993, с. 6, 7]. Общеизвестно, что «в силу практических моментов подавляющее большинство двуязычных словарей имеет одновременно двух адресатов» [Берков 1996, с. 9], что обычно приводит к некоторой избыточности словаря. Что касается адресной направленности Нового Большого вьетнамско-русского словаря, то

авторы изначально определили адресатом словаря как вьетнамских, так и русскоязычных пользователей, руководствуясь при этом принципом контрастивного описания единиц вьетнамского языка на фоне языковой системы русского языка, выделения языковых расхождений, а, следовательно, и тех трудностей, которые могут возникнуть у носителей обоих языков, а также принципом всестороннего учета этих трудностей на всех уровнях языковой системы.

При составлении словаря авторам предстояло решить ряд теоретических и практических проблем, касающихся создания как макроструктуры (словника), так и микроструктуры (словарной статьи) словаря.

На уровне микросистемы словаря задача создания словаря двух генетически и типологически далеких языков требовала глубокой разработки структуры и содержания словарных статей, выработки разнообразных средств для адекватного описания словарных единиц и перевода их на другой язык, определения соотношения в словаре лингвистической информации о слове и энциклопедических и страноведческих сведений. При разработке микроструктуры (словарной статьи) словаря необходимо было решить проблемы выработки критериев определения частеречной принадлежности единиц, разработки методов разграничения значений слов и определения порядка (принципов) расположения значений слова, создания унифицированного лексикографического оформления для каждого типа словарных статей.

Как и в любом другом изолирующем языке, к одним из самых спорных вопросов во вьетнамском языкознании относится вопрос выделения частей речи и определения частеречной принадлежности слов. Составители БВРС, как и большинство вьетнамских ученых, исходят из безусловного признания наличия частей речи во вьетнамском языке. Однокоренные разнофункциональные слова даются в рамках одной словарной статьи под римскими цифрами, что по сути представляет собой концептуальную оценку их в качестве конверсионных (грамматических) омонимов, а не полифункциональных слов. Примеры, приводимые в качестве иллюстраций функционирования этих слов во вьетнамском языке, свидетельствуют о наличии у них разных парадигм. Известно, что оценка разноуровневых единиц данного рода как полифункциональных (например, так называемые глаголы-предлоги) зачастую приводила к утверждениям об отсутствии грамматических элементов в изолирующих языках и представлениям об этих языках как о лексических языках, лишенных

грамматики, что в действительности неадекватно отображает реальные системы языков данного региона.

В основу системы частей речи вьетнамского языка в Новом БВРС положена система частей речи, представленная в «Грамматике вьетнамского языка» 1983 г., разработанная в Институте языкознания СРВ. В соответствии с этой системой, во вьетнамском языке выделяются следующие части речи: существительные (включая классификаторы и числительные); глаголы; прилагательные; местоимения; вспомогательные (служебные) слова; соединительные слова (предлоги и союзы); частицы; междометия. Однако учитывая, что Новый БВРС является двуязычным словарем, и принимая во внимание последние достижения в области исследования вьетнамского и других восточных языков, в частеречной системе Нового БВРС имеются определенные отличия от системы частей речи, изложенной в «Грамматике вьетнамского языка», а именно: 1) классификаторы выделяются из разряда существительных и даются как служебные единицы, поскольку они не обладают номинативной функцией и представляют собой регулярные и продуктивные слово- и формообразовательные элементы; 2) из разряда существительных в качестве отдельной части речи выделяются числительные; 3) из разряда вспомогательных (служебных) слов выделяются: а) грамматические показатели (времени, результата, вида, множественного числа, отрицания, сравнения, императива и т.п.); б) словообразовательные элементы и компоненты (субстантиваторы, адвербиализаторы и т.п.); в) наречия меры и степени, наречия времени; 4) отдельно даются звукоподражательные слова; 5) из класса прилагательных выделяются наречия в том случае, если они способны выступать в функции определения только к глаголу; если же слово способно выступать более чем в одной функции, то есть как определение к существительному и к глаголу, что естественно для вьетнамского языка, то частеречная принадлежность определяется на основе частотности функционирования, а менее характерные примеры употребления даются в рамках одного и того же значения за знаком «змейка», с соответствующими русскими эквивалентами, что демонстрирует относительно регулярное употребление слова в функции другой части речи.

Одной из основных проблем переводной лексикографии является членение слова на значения. Каждое слово в каждом конкретном языке обладает своей самостоятельной семантической структурой, независимо от того, каким количеством эквивалентов весь объем его значений может быть передан в другом языке. Однако со-

временные тенденции в двуязычной лексикографии показывают, что на практике определяющим в вычленении значений многозначного слова в двуязычном словаре является семантическая специфика выходящего языка. Поэтому зачастую количество рубрикаций в словарных статьях вьетнамского толкового словаря и вьетнамско-русского не совпадают. Особое внимание уделяется разработке словарной статьи в случае значительного расхождения в значении и функционировании слов. Значения лексической единицы, как правило, даются в порядке убывания употребительности от центра к периферии, от прямых значений к переносным. Терминологические значения даются после общеупотребительных. Примеры также располагаются от более употребительных к менее употребительным, от менее развернутых (сочетаний) к более развернутым (предложениям).

Чрезвычайно важным фактором для двуязычного сопоставительного словаря представляется системность, то есть системное описание и сопоставление так называемых (по терминологии Апресяна) лексикографических типов – более или менее компактных групп лексем, обладающих рядом общих морфологических, синтаксических, семантических, сочетаемостных и иных свойств, которые требуют единообразного описания в словаре [Апресян 1993, с. 16]. Составители стремились выявить как можно большее количество таких лексикографических групп в исходном вьетнамском языке (особенно обладающих ярко выраженной спецификой в сопоставлении с русским) и обеспечить унификацию разработки, единообразие подачи информации и передачи ее эквивалентными средствами русского языка в словарных статьях одного типа.

Так, например, для единиц, относящихся к лексико-грамматической категории существительных, в первую очередь единообразно должны быть разработаны словарные статьи, содержащие многочисленные разнообразные термины родства: mẹ – мать, bố, cha – отец, bà – бабушка, ông – дедушка, chị – старшая сестра, anh – старший брат, em – младший брат или младшая сестра, cháu – внук, племянник, bác – дядя по отцу – старший брат отца, chú – дядя по отцу – младший брат отца и т.д. Термины родства во вьетнамском языке широко употребляются в функции личных местоимений и классификаторов. В толковых словарях вьетнамского языка отмечаются отдельные случаи функционального употребления данных единиц, однако лишь в сопоставлении с русским языком, как представляется авторам, удалось создать единообразное систематизированное лексикографическое описание единиц данного типа. Так, в Новом БВРС

в таких статьях в рамках одной словарной статьи выделяются грамматические омонимы, отмеченные римскими цифрами. Например: **ông I d. суц.** 1. дедушка, дед (*ласк.* дедуля); ~ và cháu дедушка и внук { дедушкин, дедов; đó là quà tặng của ~ đây это дедушкин подарок 2. господин (*при вежливом обращении или упоминании; при имени, звании, должности и т. п.*); ~ bộ trưởng господин министр; ~ Thăng господин Тханг; kính thưa các ~ bà! дамы и господа! **II đ. мест. личн.** 1. *1л. ед. ч. я (дедушка о себе при обращении к внукам; пожилой мужчина о себе при обращении к детям и молодёжи); cháu ơi, lại đây với ~ внучок, иди ко мне { [của] ~ мой; свой 2. 2л. ед. ч. ты, вежл. Вы (при обращении внуков к дедушке, взрослых детей к отцу пожилого возраста; вежливое обращение к мужчине пожилого возраста) { [của] ~ твой; вежл. Ваш 3. 3л. ед. ч. он (о дедушке, пожилом мужчине) { [của] ~ его; свой 4. разг. 1л. ед. ч. я (рассерженный мужчина о себе с угрозой, предостережением); rồi sẽ biết mày ~! ты у меня получишь!; я тебе покажу! 5. разг. 2л. ед. ч. ты; старик; братец, браток (дружеское фамильярное обращение к равным себе или младшим по возрасту); ~ giúp mình một tay помоги-ка мне немного [, старик, братец] III I. клф. 1. (для суц. со значением пожилой мужчина; при терминах родства лиц мужского пола пожилого возраста, а также равного или младшего возраста при дружеском, фамильярном отношении); ~ bác sĩ доктор, врач; ~ chủ хозяин; ~ bố vợ тесть; ~ anh vợ шурин; ~ lão hàng xóm старик-сосед; пожилой сосед... 2. (для суц., обозначающих почитаемых лиц, мифологические персонажи, божества); ~ bụt Будда; ~ thiên lôi божество грома; ~ Táo дух домашнего очага.*

Составители стремились к единообразной разработке в словаре так называемых локативов: trên «верх», dưới «низ», trong «внутренность, внутренняя сторона, внутри», ngoài «внешняя (наружная) сторона, снаружи», giữa «середина», trước «перед, впереди», sau «зад, сзади», quanh «вокруг». В статьях при словах этого типа выделяется несколько грамматических омонимов: существительное, прилагательное, предлог. Например: **dưới I d. суц.** (*ант. trên*) 1. низ; đã tìm khắp ~ ấy mà không thấy искал везде там внизу, но не нашёл; đứng ở ~ cùng trong danh sách находиться (стоять) в самом низу списка (на самом последнем месте в списке); để sách ở tận ~ cùng положить книгу в самый низ { внизу, снизу; вниз; ở ~ có bề bơi внизу есть бассейн; đứng trên nhìn xuống ~ стоять вверху и смотреть вниз; từ ~ lên trên снизу вверх 2. разг. низы, массы; младшие ở trên ~ một lòng руководители и массы (верхи и низы) единодушны; kính trên nhường

~ почитать старших, уступать младшим **II t. прил.** (*ант. trên*) 1. нижний; ngắn [tủ] ~ нижняя полка; hàm ~ нижняя челюсть; chi ~ нижние конечности... 2. низший; нижестоящий; младший; các tầng lớp ~ của xã hội низшие слои (низы) общества; cấp ~ нижестоящая инстанция; нижестоящие; подчинённые; giáo viên dạy các lớp ~ учитель младших классов... **III k. предл.** указывает на: 1. (положение непосредственно под чем-л.) под; để ~ bàn поставит (положить) под стол;.. ngồi ~ tán lá cây сидеть под деревом; tiêm ~ da подкожное вливание, подкожная инъекция 2. (положение внизу, в нижней части чего-л. в соответствии с принятой пространственной либо географической ориентацией) на; у; в; ~ sàn на полу; ~ đáy biển на дне моря;.. ~ chân núi у подножия горы, под горой; ngồi ~ đất сидеть на земле bơi ~ sông купаться в реке;.. chỉ ấy làm ở ~ huyện она работает в уезде; từ ~ Thái Bình lên Hà Nội из Тхай Биня поехать в Ханой; ~ miền xuôi на равнине; ~ hạ nguồn в нижнем течении реки 3. (положение ниже какой-л. точки отсчёта, границы, рубежа) до, ниже, меньше; trẻ em ~ 7 tuổi дети до (младше) семь лет; cảm trẻ em ~ 16 tuổi дети до шестнадцати лет не допускаются; 5 độ ~ không пять градусов ниже нуля; giá ~ một trăm nghìn đồng цена меньше ста тысяч донгов...

Локативы, относительно грамматической природы которых не существует единого мнения среди вьетнамистов, представляют немалую трудность в первую очередь для русскоязычных пользователей словаря, поскольку они отражают совершенно иную пространственную модель мира, иные ментальные (когнитивные) представления в частности о пространстве. Например, в русском языке часть зала, расположенную ближе к сцене, называют передней частью («сидеть впереди, в передних рядах»), а во вьетнамском языке – верхней; верхняя одежда по-вьетнамски называется áo ngoài – «наружная одежда», а нижнее белье – áo trong «внутренняя одежда». Фраза «nó chơi ngoài vườn» (он + гулять + снаружи, с внешней стороны + сад) означает «гулять в саду» (т.е. с внешней стороны дома, снаружи, не в доме), а не гулять снаружи сада, как можно было бы предположить. Авторы словаря постарались максимально полно отразить семантико-грамматическую структуру локативов.

Новую для вьетнамской лексикографии трактовку получили в Новом БВРС случаи регулярного синтаксического употребления в атрибутивной функции существительных и глаголов (как правило, переводящихся на русский язык прилагательными или причастиями). Соответствующее употребление отмечается знаком «змейка» в конце каждого значения слова, после которого приводится русский

эквивалент-прилагательное, причастие или наречие: **trường**₁ *d. суц.* [bức] стена, стѣнка, ограда, загородка; *chân* ~ цѳоколь (основание стѣны) { стѣнной, настѣнный; *báo* ~ стѣнная газета; *tranh* ~ настѣнная роспись...; **giải phóng** *I đg. гл. 1.* освобождать;... ~ *các dân tộc bị áp bức* освобождать угнетѣнные народы;... { а) освободительный; *chiến tranh* ~ освободительная война; *phong trào* ~ *dân tộc* национально-освободительное движение б) освобожденный, свободный; *khu* ~ освобожденный (свободный) район. В случаях, когда второй элемент превратился в несомненное прилагательное, выделяется соответствующий лексико-грамматический омоним: **cảm giác** *I d. суц.* ощущение, чувство; ~ *đau (đói, lạnh)* ощущение (чувство) боли (голода, холода)... **II t. прил. биол.** сенсорный, чувствующий, чувствительный; *dây thần kinh* ~ сенсорные нервные волокна; *tế bào* ~ сенсорная (чувствительная) клетка.

Словарная статья в Новом БВРС отличается от словарной статьи в толковом словаре полнотой и глубиной разработки за счет лексико-грамматических, стилистических, терминологических, частотных и других помет, которых в Словаре насчитывается свыше 250, а также за счет дополнительных пояснений, обилия иллюстративного материала с вариантами перевода.

Словарные статьи при словах, относящихся к общеупотребительной лексике, помимо частеречных, стилистических и иных помет, во многих случаях снабжены дополнительной информацией, охватывающей отношения сходства, противоположности, иерархии. В целях достижения системности подачи лексики в Словаре при заглавной единице с пометой *тж.* даются диалектальные, орфографические и позиционные варианты заглавной единицы, а также близкие синонимы, не различающиеся при переводе. Отношения антонимии также используются в целях наиболее полного раскрытия семантики слова. Так, например, при двух значениях слова *bại*, входящих в разные антонимические ряды, приводятся оба антонима: **bại**₁ *đg. гл. 1.* (ант. *thắng*) терпѣть поражение (крах, провал), быть побежденным, проигрывать, быть проигравшим, быть (оказываться, оставаться) в проигрыше; *quân địch đã* ~ *hoàn toàn* вражеские войска потерпѣли полное поражение; *chuyển* ~ *thành thắng* превратить поражение в побѣду; *kẻ thắng người* ~ *кто-то* побеждает, а *кто-то* проигрывает;... **2.** (ант. *thành*) не удаваться, не получаться, не выходить, не выгорать *разг.*, срываться *разг.*; *chưa biết việc sẽ thành hay* ~ неизвестно, получится (выгорит) дело или нет (или сорвется)...

Приведение антонимов при разработке параметрических прилагательных, допускающих определение, выраженное счетным комплексом, типа *gộng* «широкий», *saو* «высокий», *nặng* «тяжелый» и т.п., помогает вьетнамскому пользователю избежать типичной ошибки перевода: «чемодан тяжелый 10 килограммов»: **nặng** *I t. прил. 1.* (ант. *nhẹ*) тяжелый, неподъемный (*передвигаемый, переносимый и т.п. с трудом*); *hòn đá* ~ тяжелый камень; ~ *như chì* тяжелый как свинец // *láy повт. nặng nặng* *ослабл. 2.* имеющий *такой-то* вес, *такого-то* веса, *весом в...*, *весающий столько-то*; *anh* ~ *bao nhiêu?* какой твой вес?, сколько ты вешишь?; *đứa bé* ~ 10 kg ребенок весит (вес ребенка) десять килограммов; *bao gạo* ~ *năm mươi cân* мешок риса весит (весом) пятьдесят килограммов.

При разработке словарной статьи составители руководствовались принципом контрастивного описания единиц вьетнамского языка на фоне языковой системы русского языка и принципом всестороннего учета трудностей пользователей – носителей как русского, так и вьетнамского языков. В Новом Большом вьетнамско-русском словаре представлены различные типы словарных статей, отличающиеся характером разработки.

1. Словарная статья при слове, относящемся к общеупотребительной лексике, характеризуется наибольшей глубиной и полнотой описания значений заглавной единицы и ее функционирования в речи. Помимо частеречных, стилистических и иных помет, русских переводных эквивалентов и иллюстративных материалов, показывающих сочетаемость слова и трудные случаи перевода, статьи снабжены дополнительной информацией.

Для существительных приводятся классификаторы и классифицирующие элементы: **ghế**₁ *d. суц. 1.* [cái, chiếc] стул (*мн.* стулья, *уменьш.* стульчик); кресло; скамья, скамейка; сиденье; табурет. При многозначных существительных дается несколько классификаторов, к каждому значению. За знаком змейки показывается регулярное употребление в атрибутивной функции: **sách**₂ *d. суц.* [cuốn, quyển] книга; книжка; издание; литература; ... { книжный; *siêu triển lãm* ~ книжная выставка; *hội chợ* ~ книжная ярмарка. При собирательных существительных с обобщенным значением, семантика которых накладывает определенные ограничения на их сочетаемость (в частности, такие существительные не сочетаются с классификаторами и числительными), имеются специальные пометы, предупреждающие об этой особенности, часто приводится расшифровка составляющих компонентов слова. Например, **bàn ghế** *d. суц. собир.* *стол и стул;

méбель ж.; меблирówka, обстанówka; có sẵn ~ меблированный; **đèn đuốc** *d. суц. разг. собир.* *лампа и факел; свет, освещение; chuẩn bị phòng màn, ~ подготовить декорации и освещение (свет).

Для глаголов после знака змейки показывается употребление в атрибутивной функции, а в конце разработки словарной статьи после знака двух параллельных линий (//) даются различные словообразовательные и формообразовательные модели, показывается образование отглагольных существительных при помощи субстантиваторов: **phá hoại** *đg. гл. 1.* разрушáть, губítь, уничтожáть; cơn bão ~ nhà cửa, làng mạc урагáн разрушил домá, деревни; lũ lụt ~ hết mùa màng наводнение уничтожило (погубило) весь урожай // sự ~ разрушéние, уничтожéние; вандализм; hành động ~ акт вандализма; kẻ ~ vandál **2.** срывáть, подрывáть, нарушáть, разрушáть, саботировáть; ~ hội nghị các nguyên thủ quốc gia сорвáть совещáние глав государств; ~ hòa bình (hữu nghị) подрывáть (разрушáть) мир (дружбу)... { подрывнóй, диверсионнóй, вредительскóй; hoạt động ~ подрывнáя деятелъность, диверсионнáя рáботá, вредительство; nhóm ~ диверсионнáя группá // sự (vụ, sự) ~ диверсия, саботáж, вредительство; kẻ ~ ngàìм саботáжник, диверсáнт, вредитель. Приводятся дивергентные повторы с фонетическими изменениями, широко распространенные во вьетнамском языке, и пометы, указывающие на различные модификации лексического значения: ослабление либо усиление признака, многократность, длительность и т. п.: **ốm** *đg. гл. 1.* чувствовáть озноб; знобит, лихорадит; bị ~ sốt чувствовáть озноб; sự quá ~ cả xương sống от стрáха мурашки бéгают по спинé // *láy повт.* оп ốm *ослабл.*; **phập phồng** *đg. гл.* поднимáться и опускáться; раздувáться, надувáться, вздымáться; hai cánh mũi ~ нóздри раздувáются.. // *láy повт.* phập phà phập phồng *многокр.*

Для прилагательных также даются повторы с указанием их грамматического значения: **rỗng tuếch** *t. прил. разг. неодобр.* абсолютно (совершенно) пустóй; tủ ~ пустóй шкаф; nhà cửa ~ абсолютно пустóй дом, в дóме шарóm покáтí... // *láy повт.* rỗng tuếch rỗng tuóch *усил.* Приводится словообразование существительных при помощи субстантиваторов: **giả dối** *t. прил.* лжívый, лóжный, фальшívый, лицемёрный, неискренний, притвóрный; lời lẽ ~ лжívые словá, ложь; nụ cười ~ лжívая (притвóрная, фальшívая) улыбка; lời tán tụng ~ лицемёрное восхвалéние (славослóвие)... { лжívо, лицемёрно, неискренне, нечéstно... // [sự, thói] ~ ложь, лжívость, лицемéрие. За знаком змейки приводятся русские эквиваленты при употреблении в функции определения к глаголу: **nhanh nhẩu** *t. прил.* быстрóй,

расторópный, проворнóй; живóй; mồm miệng ~ быстрóй на язык; ~ trong mọi việc проворнóй (расторópный) в делах; tính nết ~ живóй темперамент { быстрó, расторópно, проворно; живó; ~ nói ngay быстрó отвéтить (найтí отвéт). К прилагательным даются также единицы, образованные с помощью показателей становления признака *ra, đi, lại*: **đẹp** *t. прил. 1.* красивóй (*ср. ст.* красивее, красивей и *поэт.* крáше); đẹp rá ~ красивáя дéвушка; ... // ~ *ra* хорошéть; chị trông ~ *ra* đáу вы похорошéли; **già** *I t. прил. 1.* (*ант.* tré; non, to) старóй; старческóй, стариковскóй; bố mẹ ~ старóе (престарéлье) родителí; cây tre ~ старóй бамбук; ... // ~ *đi* старéть, старítься; ông cụ đã ~ *đi* nhiều он сýльно постарéл; làm ~ *đi* старítь; những nỗi bất hạnh làm con người ~ *đi* несчáстья (бéды) старят человекá; cái ~ старóсть.

При звукоподражательных словах в скобках курсивом дается описание объекта звукоподражания: **ngầu ngầu** *tth. звукоподр.* (хрусту при разжéвывании чего-л. твёрдого, хрустящего) хруп-хруп, хрум-хрум; nhai sụn ~ с хрустом жевáть хрящí, хрустéть (хрумкáть) хрящáми; **rung rềng** *tth. звукоподр.* (звяканью, позвякиванию, звону, лязганью металлических предметов); xích sắt kêu ~ железные цéпи позвякивают (звякают, звенят); trong túi ~ toàn tiền xu в карма́не позвякивают (звенят) монéты).

Для грамматических показателей и словообразовательных элементов приводится подробное функционально-грамматическое описание этих единиц с примерами на все оттенки значений и случаи употребления: **các** *ст. показатель множественности (указывает на полную множественность, часто употр. при обращении, с терминами родства)*; ~ cấp chính quyền властные инстанции; ~ nước Đông Dương стрáны Индокитáя;.. thưa ~ đồng chí thân mến! дорогíе товарищи!; **đá** *pt. словообр.* (первый компонент сложных слов, означающий множество, всесторонний охват, разнообразный состав) много-, поли-, мульти-; ~ nguyên tử многоatóмный; ~ dạng многообразный, разнообразный; ~ sinh tố поливитамины; ~ vector мультивéктор, поливéктор; **phản** *II pt. словообр.* анти-, контр-; ~ khoa học антинаучный; ~ dân chủ антидемократический; ~ cách mạng контрреволюционнóй.

2. Словарная статья при слове, относящемся к страноведческой лексике, содержит толкование, описание и дополнительные пояснения энциклопедического характера, культурно-исторические комментарии. Например: **oản** *d. суц.* [phảm] ритуáльный кекс «oản» (из муки жареного клейкого риса и сахарного сиропа, спрессованный в форму усечённого конуса, используется в ритуальных целях для

подношения Будде); *đóng mẩu phở* ~ *Iê Phật* сделать (изготовить) несколько ритуальных кексов «оан» для подношения Будде; **bánh chung** *d. суц. кулин.* пирог «бантьынг» (квадратной формы; символизирует землю; начинка из маиса и свинины или сладкая; заворачивается в лист маранты или банана и варится несколько часов до готовности; традиционное вьетнамское угощение на Новый год по лунному календарю).

3. Словарная статья при терминологической единице содержит русский эквивалент и в необходимых случаях снабжается примером употребления, например: **đơn nhân** *t. прил. биол.* мононуклеарный; *bạch cầu* ~ мононуклеарный лейкоцит; при существительных, обозначающих единицы флоры и фауны, приводятся латинские названия: **tam thất** *d. суц. бот.* [câu] женьшень гималайский, ложный женьшень, псевдоженьшень (*Panax pseudo-ginseng*; ценное лекарственное растение).

4. Словарная статья при китайских и других иноязычных заимствованиях снабжается этимологической пометой на языке оригинала и содержит иллюстративный материал для более точного понимания семантики слова: **nhân quyền** *d. суц.* права человека; *tôn trọng* (bảo vệ) ~ уважать (защищать) права человека; *bản Tuyên ngôn quốc tế về* ~ Всеобщая декларация прав человека *kum.* 人权權; **phát xít** *d. суц.* [tên; bọn] фашист; фашисты { фашистский; *tư tưởng* ~ фашистская идеология // *chủ nghĩa* ~ фашизм *фр.* fascisme

В случае если лексическая единица устарела и не употребляется в современном языке, приводится лишь перевод на русский язык без примеров.

5. При фразеологизме (фразеологические единицы в Словаре даются заглавными словарными статьями) курсивом приводится буквально-смысловой перевод с сохранением образной основы, затем дается русский смысловой перевод, а также приводится полный или частичный русский фразеологический эквивалент либо фразеологический аналог, если таковые имеются. Например: **kẻ ăn ốc người đổ vỏ** *tng. фразеол. разг.* *один ест улиток, другой выбрасывает раковины; один заварил кашу, а другой вынужден расхлебывать; ≈ кому пироги и пышки, кому синяки и шишки.

Основным методическим принципом при разработке русской части Нового БВРС является учет трудностей, возникающих у носителей вьетнамского языка при изучении русского языка. При русских эквивалентах приводятся специальные пометы и формы слов в некоторых трудных для вьетнамцев случаях, например: осо-

бые случаи образования множественного числа (лист – листы, листья; зуб – зубы, зубья; город – города); род существительного, когда его нельзя определить по формальным признакам (гость, кость, дядя, кофе); особые случаи образования совершенного вида глаголов (считать – счесть, ловить – поймать); двухвидовые глаголы (организовать, игнорировать); уменьшительно-ласкательные формы существительных (брат – братик, братишка, братец), степени сравнения некоторых прилагательных и наречий (красивый – красивее, красивей и краше; много – больше) и т. п. При разработке статей обращается внимание на подбор примеров с прогнозированием ошибок при переводе, например, при числительном hai «два» кроме эквивалентов два, двое, второй даются такие примеры, как hai lần – возможный вариант перевода два раза вместо дважды, вдвое или двукратный (два раза герой вместо дважды герой, два раза чемпион вместо двукратный чемпион), и т. п. При переводе заглавного слова при отсутствии в русском языке полного эквивалента дается несколько неполных эквивалентов в виде синонимического ряда, а при переводе примеров также приводятся возможные варианты перевода с целью представить пользователю возможность выбрать лучший вариант.

Двуязычный словарь представляет собой последовательное сопоставительное описание лексико-грамматических систем двух языков. Авторы надеются, что в результате сопоставления лексикографических систем вьетнамского и русского языков в Новом Большом вьетнамско-русском словаре были разработаны принципы лексикографического описания и выработаны способы подачи языковых единиц, отвечающие информационным запросам носителей как русского, так и вьетнамского языков.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексикографическая концепция Нового Большого англо-русского словаря // Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. *Новый Большой англо-русский словарь*. М.: Русский язык, 1993. Т. 1. С. 6-17.
2. Берков В.П. *Двуязычная лексикография: учебник*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 248 с.
3. Глебова И.И. & Соколов А.А. *Вьетнамско-русский словарь*. М.: Русский язык, 1992. 792 с.
4. *Новый Большой вьетнамско-русский словарь в 2 т.* / Ин-т языкознания РАН; Ин-т лексикографии и энциклопедий ВАОН. М.:

Издательская фирма «Восточная литература», 2012. Т.1: А-К – 1276 с., Т.2: L-Z – 1270 с.

5. Bùi Phụng. Từ điển Việt Anh. Tái bản lần thứ tư. Hà Nội: Nhà xuất bản Giáo dục, 1993. 1709 tr.
6. Đặng Chân Liêu, Lê Khả Kế. Từ điển Việt - Anh. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1992. 1173 tr.
7. Lê Khả Kế, Nguyễn Lân. Từ điển Việt - Pháp. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1992. 1681 tr.
8. Ngữ pháp tiếng Việt. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1983. 282 tr.
9. Từ điển tiếng Việt. Hoàng Phê chủ biên. In lần thứ bảy. Hà Nội – Đà Nẵng: Nhà xuất bản Đà Nẵng, Trung tâm Từ điển học, 2000. 1221 tr.

В.Б. Иванов

ИСАА МГУ (Москва)

Электронная и бумажная версии Большого персидско-русского словаря

Введение

В конце XX века произошли события, которые оказали существенное влияние на статус и развитие иранских языков. С одной стороны, в Иране после Исламской Революции 1979 года вместе с пришедшими реалиями образовался новый пласт лексики, практически не отражённый в ранее изданных толковых словарях. С другой стороны, после распада СССР на постсоветском пространстве образовался значительный слой лексики, характерный для новой жизни, который также не был отражён в переводных словарях. Аналогичные процессы затронули соседние с Ираном страны: Афганистан и Таджикистан, где опыт иранского словотворчества и терминологического строительства используется на благо развития своих государственных языков.

В Иране издавна работают Российские учреждения (посольство, консульства, Аэрофлот, Торгпредство, ИТАР-ТАСС и т.д.), которым требуется перевод документации с персидского на русский и с русского на персидский во всё возрастающих масштабах. Помимо этого, российские специалисты заняты на строительстве различных объектов, из котор самым крупным на данный момент является Бушерская АЭС.

После распада СССР и образования на его территории новых государств в Иране появилось множество учреждений (посольств, консульств и т.п.), которые часто их используют русский язык в качестве языка-посредника при переводе документов, составления посланий и т.п. Нарастает поток туристов в Иран из России и государств СНГ и в противоположном направлении, что требует соответствующей работы турагентств, перевода договоров, реклам и т.д.

Растёт число студентов в иранских ВУЗах, на специальностях, связанных с изучением русского языка. В школах разрешено изучение русского языка в качестве иностранного. Многие изучают русский язык на курсах и частным образом.

Большая часть учреждений активно использует русско-персидские и персидско-русские бумажные словари для обеспечения пе-

реписки и ведения документации. Подобными словарями часто пользуются в самых разнообразных целях в Таджикистане и Афганистане, где много техники российского производства, сопровождаемой подробной документацией.

Опыт прежних словарей

В лингвистике широко известен двухтомный Персидско-русский словарь под общей редакцией д.ф.н. проф. Ю.А. Рубинчика (1923-2012) (полный список его авторов приведён ниже в разделе «Литература»). Этот выдающийся труд, который вышел в свет в 1970 г. и несколько раз переиздавался в Советском Союзе и Иране, стал настольной книгой иранистов в России, странах СНГ (особенно в Таджикистане), русистов в Иране и Афганистане. Одним из его достижений стало широкое привлечение фразеологии, в то время как в более ранних изданиях на этот важный компонент лексикографии вообще не обращали внимания (например, в словаре [Амид 1986] фразеология вообще отсутствует).

Однако за последние полвека персидский язык претерпел значительные изменения, которые, естественно, не отражены в данной работе. Все эти, а также многие другие современные реалии, получили соответствующие названия в персидском языке, которые в свою очередь нашли своё место в персидской фразеологии. После 1970 года (года первого издания словаря) в нашей жизни появились персональные компьютеры, мобильная связь и информатика, которые пронизывают все сферы нашей деятельности, но не отражены в двухтомном словаре. Существенно обновилась структура реалий в военном деле, в космосе, в экономике, искусстве и многих других сферах нашей жизни.

Одновременно в процессе пользования двухтомным словарём обнаружили некоторые неудобства. Орфография словаря устарела. Применяемая в нём кириллическая транскрипция не соответствовала ни современным российским, ни иранским, ни, тем более, международным стандартам. Из его словника были намеренно удалены устаревшие слова классического периода, которые были в других словарях того времени. Практически, чтобы перевести какую-либо цитату из классического стихотворения, приходилось пользоваться несколькими словарями.

Для сокращения объёма словаря использовались разные приёмы. Например, при подаче фразеологии использовалась тильда (~) вместо заглавного слова словарной статьи. Разбиение словарной статьи на несколько разделов (именной, глагольной фразеологии, фра-

зеологизмов-предложений), возможно, были полезны для языковедов, но тормозили работу переводчиков, которым при поиске слов приходилось производить дополнительные умственные операции и лишней раз листать словарь. Современные академические словари (такие, как «Полный словарь персидского языка под редакцией А.А. Садеги», Тегеран, 2013, 2016) строятся так, чтобы максимально облегчить работу пользователя: тильда не используется, каждое значение слова и фразеологизмы даются с новой строчки, при каждом слове помимо латинской транскрипции указывается ряд других параметров. Они помимо самой современной лексики содержат также слова классического периода. Все эти соображения по существу потребовали разработку нового персидского-русского словаря с более удобной структурой.

Наиболее солидные словари [Рубинчик 1970], [Садеги 2013, 2016], [Анвар 2002], пятитомный этимологический словарь [Хасандуст 2014] и многие другие представляют собой замкнутый контур, т.е. значения слова (а также фразеологизмов) в них пронумерованы. Из любой точки любого тома многотысячестраничного словаря на них могут быть сделаны ссылки, типа «→ 2ایجاد» (стрелочка вправо означает см.). Если составитель вставляет в список новое значение или меняет их порядок, то он должен проверить весь словарь в поисках ссылок и исправить их. Мы пытаемся разомкнуть описанный контур, где это возможно. В Большом персидско-русском словаре (далее БПРС) делаются ссылки не на номер значения, а на само значение, типа «→ 2ایجاد [ijād] *создание*». Это ощутимо увеличивает объём словаря, но помимо размыкания контура, ещё и создаёт удобства для пользователя. Ему надо меньше листать словарь.

На момент написания данной статьи вышло только два тома иранского академического толкового словаря [Садеги 2013] и [Садеги 2016], примерно по тысяче страниц каждый. Это самый полный и выверенный из известных персидских словарей, поэтому мы на него ориентируемся и под него исправляем недостатки прежних словарей. В нём порядок значений слов с точки зрения русскоязычного пользователя не всегда оптимален, т.е. в качестве первого значения слова может быть дано исторически более раннее, но не самое частотное. Нам уже приходилось выслушивать пожелание о том, чтобы поменять в БПРС порядок значений применительно ко вкусам русскоязычных пользователей. Однако, заглядывая в будущее, мы решили их оставить в том порядке, какой есть. В будущем надо будет пополнить БПРС. Иранцы планируют выпустить свой академический словарь в 35 томах, т.е. его объём будет около 35 000 страниц. Там

будут ссылки на два первых тома. Для развертывания этих ссылок нужно будет просматривать значения слов в первых томах. Мы существенно сэкономим время будущих составителей, если сохраним первоначальную нумерацию значений. Тогда им не нужно будет просматривать словарь-источник.

Принципы составления БПРС

В БПРС, который на момент издания первого тома содержит 75 000 словарных статей, в качестве основного исходного материала вошёл двухтомный словарь под редакцией Ю.А. Рубинчика, который содержит около 44000 словарных статей. Материал двухтомного словаря подвергся значительной переработке: была изменена структура словарных статей, исправлено написание сложных слов, европейских заимствований, глагольных форм (приставка می [mi-] теперь пишется разрывно) и многих других лексико-грамматических единиц в соответствии с новой академической орфографией от 2001 года [Персидская орфография... 2002/1381]. Кириллическая транскрипция переведена на латиницу, соответствующую иранскому стандарту де факто, как в 8-томном словаре [Анвары 2002/1381] и академическом [Садеги 2013, 2016]. Добавлена транскрипция для примеров и фразеологизмов, что создало удобства для европейских пользователей, но существенно увеличило объём словаря.

В словник было добавлено около 3000 словарных статей не публиковавшегося персидско-русского словаря по информатике (автор Иванов В.Б.). Далее в него был добавлен словарь новых слов [Наджафов & Бакуи 2010], который содержит около 6400 словарных статей. Поскольку этот словарь имеет общую часть с двумя другими упомянутыми словарями, итоговое количество словарных статей из двух последних словарей, вошедших в БПРС, несколько меньше суммы упомянутых исходных чисел. БПРС постоянно пополняется лексикой из самых различных источников, как с самой современной лексикой, так и с архаичной, которая нужна при чтении рукописей и документов на классическом персидском языке. БПРС был существенно пополнен лексикой, фразеологией и примерами из 8-томного словаря [Анвары 2002/1381]. Кроме того, в него вошли также материалы других словарей (см. раздел «Список литературы»).

Словарные статьи БПРС содержат больше полей (структурных элементов), чем в ранее опубликованных словарях. Их структура сделана более удобной для пользователя. Введено указание частеречной принадлежности слов. Вместо тильды, которая заменяла заглавное слово при повторах внутри словарной статьи, указывается

его полное написание. Вместо звёздочек (*), которыми обозначались маркированные изафетным показателем имени, в персидском тексте теперь ставятся стандартные огласовки (◌ kasre и ◌ ye-ye kuček) и даётся соответствующая транскрипция. Там, где это возможно, приводятся синонимы, реже антонимы.

В двухтомном словаре [Рубинчик 1970] для уточнения значений названий растений помимо их русского перевода приводились латинские названия. Эта полезная практика была расширена. Добавлены латинские названия животных и птиц, многие научно-технические термины (наиболее часто по информатике) даны с английскими (реже с французскими) эквивалентами.

Входом в словарную статью также, как и раньше, является заглавное персидское слово, которое дано полужирным шрифтом. Затем следует сокращённое указание на его частеречную принадлежность, например, *суц., прил., гл.* и т.п. Основы настоящего времени у неправильных глаголов, которые занимают промежуточное положение между словами и суффиксами (полуаффиксы, аффиксоиды) получают сокращение ОНВ. Поскольку традиционно в иранские словари в качестве заглавного слова вносятся не только слова, но и их части (морфемы, суффиксы, приставки), в этом случае заглавное слово может начинаться с дефиса, а в качестве частеречной принадлежности даётся сокращение *морф.* (морфема) с последующим пояснением её употребления. Затем может приводиться другая грамматическая информация о слове: ломаное множественное или единственное число существительных, ОНВ неправильных глаголов, сравнительная степень прилагательных и т.п. Последнее частично практиковалось и в двухтомном словаре [Рубинчик 1970].

Далее могут следовать стилистические пометы, например, *разг., уст., книжн.* и т.д. Потом может приводиться этимологическая информация, например, آب [āb] *суц.* ← *пехл.* āb ← *др.-перс.* *ā-bā-*вода*. Таковую запись надо понимать, как то, что персидское слово آب [āb] *вода* происходит от среднеперсидского āb, которое в свою очередь происходит от реконструированного древнеперсидского ā-bā-.

Если слово заимствовано из арабского языка, то при нём может приводиться исходное арабское написание. В этом случае приводится также и его фонологическая транскрипция, которую можно условно назвать арабской, так как она содержит только фонемы персидского языка и не содержит специфически арабских фонем, таких как [d], [t], [s], [z], кратких [i], [u] и т.п. Т.е. она отражает такое арабское произношение, которому учат в иранских школах. В транскрипции арабских словосочетаний, употребляющихся в персидском как

единое сложное слово, для облегчения членения и произношения арабский артикль отделяется с обеих сторон дефисами, например, بين المللى [beyn-ol-melali] *международный*, بين السطور [beyn-os-sotur] *межстрочный*, بين النهرين [Beyn-on-nahreyn] *Междуречье*. Дефисом также отделяется преверб (глагольная приставка) в транскрипции приставочных глаголов, например, بازگرداندن [bāz-gardāndan] *возвращать*, برخاستن [bar-xāstan] *вставать*.

Если в полном варианте произношения слова могут быть сдвоенные согласные, которые, как правило, не реализуются в обычной речи, то слово приводится только в одном варианте (полном). Вариант с одиночным согласным для экономии места не приводится, например, بچه [bačče] *ребёнок* в обычной речи произносится [bače], но последний вариант в словаре не приводится.

Аналогично, в словах указывается только квазидифтонг [ow]. Его укороченный разговорный вариант [o] не указывается. Например, хотя слово موعد [mo'wed] *срок* в речи стягивается до [mo'ed], последний вариант не приводится.

Ранее в персидском алфавите было 32 буквы: графема хамза (ء) считалась орфографическим знаком, а надстрочный знак мадда (◌̇) считался огласовкой, поэтому буквы алеф (ا) и алеф с маддой (آ) считались за одну букву. Из этих 32 букв 28 было взято из арабского алфавита, а 4 буквы (پ [p], چ [č], ژ [ž], گ [g]) более 1200 лет тому назад были добавлены персами для передачи фонем, отсутствующих в классическом арабском языке. Кроме того, в начале исламской эры персы поменяли в алфавите порядок следования трёх последних букв: в арабском было و، ه، ا, а в персидском стало و، ه، ي. Арабские графемы тэ марбута (ة), алеф с хамзой вверху (آ), алеф с хамзой внизу (ا), танвин дамма (◌̇), танвин кясра (◌̈) и алеф с васлой (آ) могут встретиться в цитатах из Корана, но в обычном персидском тексте не употребляются. Наличие этих букв сигнализирует читателю о том, что он имеет дело с арабскими выражениями, включёнными в персидский текст.

Согласно новым правилам (см. Персидская орфография 2002):

- разделены буквы алеф (ا) и алеф с маддой (آ)
- вынесена в отдельную букву хамза (ء)
- разрывно пишется глагольная словоизменительная приставка می mi.

Исправлено написание ряда западных заимствований, например, تلفون [telefon] телефон (старое написание) → تلفن [telefon] (современное написание).

В нашем словаре не используется ставшее нынче модным указание изафетной связи слов, оканчивающихся на [-e], через букву ی

[ye-ye bozorg], например, خانه‌ی ما [xāne-ye mā] *наш дом*. Вместо этого используется рекомендуемое академической орфографией традиционное написание с хамзой (آ) [ye-ye kuček] خانه‌ما [xāne-ye mā].

Отечественные словари не включали рисунки, в то время как иранские издания их широко используют. Для ряда иранских реалий включение рисунков оказывается весьма полезным. Графическая информация даёт больше информации читателю, чем пространственные объяснения. Иногда графика позволяет уточнить значение слова. Например, в двухтомном словаре [Рубинчик 1970] слово آبخوری [ābxori] переводится как недоуздок. В академическом словаре [Садеги 2013] в объяснениях к этому слову приводится рисунок (см. Рис. 1). Проверка значения этого слова с помощью рисунка по Интернету показала, что это слово надо правильно переводить как удила.

Рисунок 1. Удила, изображённые в объяснениях к слову آبخوری [ābxori]

Для уменьшения размеров файла словаря используются миниатюрные рисунки в виде сжатых серых гравюр в формате png или jpg.

Особенности электронной версии

Прежние словари, в том числе ранее упоминавшийся двухтомный словарь [Рубинчик 1970], писались на карточках от руки, готовились на пишущих машинках и набирались высокой печатью. Производительность труда составителей была невысокой. Путь от карточки до набора был долгим. Пока словарь был в работе, им было пользоваться нельзя.

С начала 90-х годов практикуется постоянно совершенствующийся компьютерный набор. Он имеет то преимущество, что словарём можно пользоваться уже в процессе его подготовки. Проблема была в том, чтобы информацию, содержащуюся в бумажных словарях (особенно [Рубинчик 1970]), перенести в компьютер. В начале 2000-х уже появились программные средства, работающие с арабицей (Windows 2000, Office 2000). Однако в середине 2000-х годов, когда начиналась работа над БПРС, компьютерных приложений, способных автоматически распознавать смешанный текст, содержащий символы кириллицы, латиницы, арабицы (а в ряде случаев и греческого алфавита), ещё не было. Такая программа (FineReader-11) появилась только в 2013 году. К сожалению, и на сегодняшний день она работает только с арабским языком, персидские символы она распознаёт неправильно. Это исключает её использование для нашего проекта. Поэтому БПРС набирался и продолжает набираться вручную.

В процессе совершенствования компьютерного набора определилось несколько подходов для работы со словарями. Наиболее простой из них – набор сплошного текста в текстовом редакторе (старый способ). Каждая словарная статья здесь представляет собой один абзац. Помимо простоты набора он имеет то преимущество, что наиболее близок к бумажной версии и требует минимума форматирования. Однако удобство поиска нужной информации в такого рода файлах далеко от оптимального. Они очень объёмны. Для поиска требуется загрузка громоздкого неспециализированного приложения – Microsoft Word. Поиск идёт медленно. Это практически исключает пользование им на малой вычислительной технике – планшетах, смартфонах.

Более удобны для поиска реляционные базы данных, среди которых наиболее известен Microsoft Access (новый метод). Там каждая словарная статья форматируется в одну Запись (Record). В такого рода файлах поиск не только более быстр, но и более точен, поскольку записи разделены на поля (слово на персидском, транскрипция, перевод, частеречная принадлежность, пример и т.п.). Однако Microsoft Access очень неудобен для набора, в особенности транскрипции с диакритиками.

На практике приходится пользоваться старым методом с введением большого количества макрокоманд, с помощью которых части словарной статьи форматируются в псевдополя, начинающиеся каждое с новой строчки. Т.е. разделителем полей является символ разрыва строки. Каждое поле занимает строго определённое место в абзаце: входное персидское слово следует за символом абзаца, транскрипция – за первым разрывом строки, частеречная принадлежность и другая грамматическая информация – за вторым и т.д. Грамматическая информация даётся в виде помет, т.е. сокращений, напечатанных другим шрифтом; как правило, курсивом и меньшим кеглем, например, *суц.*, *прил.*, *нар.*, *гл.* Аналогично изображаются лексические и стилистические пометы: *разг.*, *уст.*, *книжн.*

Число полей – величина переменная. Их может быть: минимум одно (частеречная принадлежность), а максимум неограничен. Нужное поле может быть найдено, если мы знаем номер разрыва строки после которого оно находится. Значения слов располагаются после символа разрыва строки и следующей за ним цифры (см. ниже) и т.п. Запросы и поиск можно производить по любому полю арабицей, кириллицей, латиницей. Поэтому персидско-русский словарь практически можно использовать и как обратный – русско-персидский.

Разным частям речи присваивается разный набор полей, например, в число полей входят (если таковые имеются):

- у глаголов – неправильная форма ОНВ (основы настоящего времени);
- у существительных единственного числа – неправильная форма множественного числа;
- у существительных множественного числа – форма единственного числа;
- у прилагательных – неправильная форма сравнительной степени.

Большое число полей приводит к большому числу коротких строк. Объём электронной версии составляет ≈ 5700 страниц А4 в техническом формате (т.е. без вёрстки).

Орфографические варианты входного персидского слова (если таковые имеются) подаются через знак альтернативы (!). Наличие орфографических вариантов объясняется возможностью слитного или разрывного написания соединяющихся букв внутри слова, например:

آبگوشتی|آبگوشتی

[ābgušti]

суц.

1) *разг.* продавец супа

2) лавка, в которой подают суп.

Произносительные варианты в фонологической транскрипции (если таковые имеются) также разделяются знаком альтернативы, например:

مادهگرا

[māddegerā|māddegarā]

суц.

филос. → ماتریالیست [māteryālist].

Сходным образом обозначаются и фразеологические варианты, например, строчка

ابتلا فرمودن|کردن|نمودن [ebtelā farmudan|kardan|nemudan] подвергнуть испытанию

означает, что этот фразеологизм может функционировать в трёх вариантах: ابتلا فرمودن [ebtelā farmudan], ابتلا کردن [ebtelā kardan], ابتلا نمودن [ebtelā nemudan]. Этот способ наиболее компактен. Некоторые многокомпонентные фразеологизмы из-за большого числа альтернатив теряют наглядность, но традиционный описательный способ подачи альтернатив через громоздкие объяснения ещё менее нагляден, так что будущему пользователю придётся набраться терпения, чтобы в этих альтернативах разобраться (неминуемые издержки компактности).

В нашем словаре не используется также ставшее нынче модным указание разрывного написания внутри слова с помощью обыч-

ного пробела, например, سابقه دار [sābeqedār] *имеющий прецедент*. Академическая грамматика возражает против такого написания и рекомендует разрывное написание с помощью нулевого пробела (с кодом U+200C по Юникоду), т.е. سابقه‌دار [sābeqedār].

Значения фразеологизмов приводятся с новой строчки и помечаются строчными буквами русского алфавита со скобкой, например:

ابرو خم نکردن [abru xam nakardan]

а) стерпеть, перенести

б) не подать и вида; и бровью не повести

в) ни ухом ни рылом *букв. не согнуть брови* ≈ خم به ابرو نیاوردن [xam be abru nayāvardan].

В состав словарной статьи могут входить примеры из литературных произведений и Интернета. Примеры, если их мало, могут следовать сразу за значением слова. Если число примеров и фразеологизмов превышает 5, то они выносятся в отдельную часть словарной статьи и сортируются по персидскому алфавиту.

В плане омонимии различаются полные омонимы и омоформы. Полные омонимы приводятся в одной словарной статье, например, три омонима существительного باز [bāz] – *сокол, база и мера длины* – помещены в один список значений под разными номерами:

باز

[bāz]

сущ.

1) **ястреб; сокол**

باز شکاری [bāz-e šekāri] *охотничий сокол*

2) *хим.* основание

3) **база**

باز جنگی [bāz-e jangi] *военная база*

4) *уст.* локоть (*мера длины, равная расстоянию от кончиков пальцев до локтя*)

5) **четверть, пядь.**

В этом смысле оформление омонима и значения слова не различаются. Омоформы, т.е. разные части речи, совпадающие по звучанию в основной словарной форме, считаются разными словами и вынесены в разные статьи. Например, для каждой части речи слова باز [bāz] – *сокол* (существительное), *открытый* (прилагательное), *снова* (наречие) – предусмотрены отдельные словарные статьи.

Правильный порядок слов в многотомном словаре был бы невозможен без автоматической сортировки слов по персидскому алфавиту. К сожалению, встроенные в Windows процедуры дают не совсем правильный порядок (с точки зрения академической орфографии). Первой буквой в персидском алфавите фирма Майкрософт

считает алеф (ا) (без знака мадда), в то время как первой буквой должна быть хамза (ء), затем алеф с маддой (آ), и только потом должен следовать алеф (ا) (без мадды). Поэтому составителю приходится после каждой сортировки производить ручную коррекцию. Как известно, всякая ручная операция на таком большом массиве слов (порядка 75 тысяч) является дополнительным источником ошибок.

В дальнейшем в электронной версии планируется использование мультимедийных вставок (звуковых и видеофайлов), а также гиперссылок в тех случаях, когда используются обычные ссылки (после знака →).

Литература

1. Амид Х. Словарь (В трёх томах). Тегеран, 1986/1365 فرهنگ عمید، ح. فرهنگ انتشارات امیر کبیر، تهران (на перс. яз.).
2. Анвари Х. Большой словарь «Сохан» (в восьми томах), Тегеран, 2002/1381 فرهنگ بزرگ سخن، ح. انوری، تهران (на перс. яз.).
3. Асси М. & Абдеали М. *Основные лингвистические термины*, Тегеран: Энтешаратеэлми-во фарханги, 1995/1375 م. وازگان عاصی، م. عبدعلی، تهران: شرکت انتشارات علمی و فرهنگی گزیده زبانشناسی، تهران (на перс. яз.).
4. Моин М. *Персидский словарь* (средний), Амир Кабир, Тегеран, 1996 م. معین، م. فرهنگ فارسی (متوسط). انتشارات امیر کبیر، تهران، تهران، امیر کبیر (на перс. яз.).
5. Наджафов Г.Г. & Бакуи А. *Персидско-русский словарь новых слов*. М.: Рудомино, 2010.
6. *Персидская орфография, утверждённая Академией языка и литературы*. Тегеран, 2002/1381 دستور خط فارسی. مصوب فرهنگستان زبان و ادب فارسی (на перс. яз.).
7. Рубинчик Ю.А. (автор грамм. очерка), Османов Н.О., Дорри Д.Х., Киселёва Л.Н., Сарычев С.С., Ерёмкина К.Н., Галимова Г.А., Алиев Г.Ю., Муравьёва Л.Н., Козлов Г.И. *Персидско-русский словарь* (в двух томах) / Общ. ред. Рубинчик Ю.А., ред.-конс. Гаэмпанах Г. М.: Советская энциклопедия, 1970.
8. Садеги А.А. (ред.) *Полный словарь персидского языка*. Том I / Академия персидского языка и литературы. Тегеран, 2013/1392 فرهنگ جامع زبان فارسی (на перс. яз.).
9. Садеги А.А. (ред.) *Полный словарь персидского языка*. Том II / Академия персидского языка и литературы. Тегеран, 2016/1395 فرهنگ جامع زبان فارسی (на перс. яз.).
10. Фаррахи Могими М. *Лингводидактический словарь* / Ун-т Элм-о санъате Иран. Тегеран, 1997/1376 م. فرهنگ زبانشناسی و فراہی مقیمی، م. فرهنگ زبان‌آموزی، تهران: دانشگاه علم و صنعت ایران (на перс. яз.).

11. Хайям С. *Персидско-английский однотомный словарь*. Изд. II. Тегеран: Фарханге моасер, 2011/1390 حییم، س. فرهنگ فارسی-انگلیسی یک جلدی (на перс. яз.) تهران: فرهنگ معاصر (نسخه 2).
12. Хасандуст М. *Этимологический словарь персидского языка*. В 5 томах / Академия персидского языка и литературы. Тегеран, 2014/1393 حسن‌دوست، م. فرهنگ ریشه‌شناختی زبان فارسی، تهران، فرهنگستان زبان و ادب فارسی (на перс. яз.).
13. Хомаюн Х. *Словарь терминов по лингвистике и родственных дисциплин / Ин-т гуманитарных и культурологических исследований*, Тегеран, 2000/1379 همایون، ه. واژه‌نامه زبان‌شناسی و علوم وابسته. تهران: مطالعات فرهنگی پژوهشگاه علوم انسانی و (на перс. яз.).
14. *Электронный интернет-словарь «Важейаб»* [электронный ресурс]. URL: <http://www.vajehyab.com/>.
15. *Электронный интернет-словарь терминов, утверждённых Академией персидского языка и литературы* [электронный ресурс]. URL: <http://www.persianacademy.ir/fa/word>.

К.Д. Михайлов
МАДИ ГТУ (Москва)

К разработке серии русско-китайско-английских учебных словарей-минимумов по автодорожной тематике

Введение

Бурное автодорожное строительство, развернувшееся в Китае в последние два десятилетия, вывело страну в мировые лидеры по протяженности скоростных дорог с показателем в 136 тыс. км на конец 2017 г. К 2020 г. общая сеть высокоскоростных магистралей должна соединить все города с населением более 200 тыс. жителей. Одновременно в КНР сооружаются уникальнейшие объекты дорожной инфраструктуры, такие как самый протяженный и глубокий в мире подводный автомобильный тоннель, который станет частью тоннельно-мостового автомобильного перехода, соединяющего Гонконг и Макао с г. Чжухай в континентальной части страны. В этих условиях повышается роль китайских специалистов в области дорожного строительства, расширяются их международные связи в этой области.

Мы являемся свидетелями того, как в последние годы активизируется поступательное развитие всего комплекса отношений между двумя нашими странами. При этом новый импульс получают двусторонние связи как в области транспортных проектов, так и в сфере высшего образования. Сегодня в МАДИ обучаются десятки студентов из КНР, в том числе по специальностям, связанным с дорожным строительством.

Помочь студентам в овладении русским языком призван подготовительный факультет МАДИ для иностранных студентов, являющийся старейшим в стране после подготовительного факультета МГУ. Здесь студентам преподают русский язык, общетеоретические дисциплины и страноведение.

Однако отдельным направлением развития языковых навыков студентов, особенно важным при последующем изучении специальных дисциплин, является овладение узкоспециальной терминологией. Решать эту задачу призваны разработанные на кафедре иностранных языков МАДИ в сотрудничестве с профильными кафедрами учебные русско-китайско-английские терминологические словари-минимумы «Автомобильные дороги» и «Автодорожные мосты». Третьим пособием в этом ряду станет готовящийся к изданию русско-китайско-английский словарь-минимум «Транспортные тоннели»

Серия терминологических словарей-минимумов, выпускаемая в МАДИ, представляет собой совокупность одинаковых по жанру и характеру лексикографирования словарей, различающихся лишь тематикой массивов вовлеченных в описание языковых единиц. Серия началась выпуском двуязычных русско-английских и англо-русских словарей по темам: «Автомобильные дороги», «Автомобильные мосты», «Транспортные тоннели», «Автомобильный сервис», «Таможенное дело», ведется работа над другими словарями серии. Первым трехязычным словарем стал Русско-вьетнамско-английский словарь «Автомобильные дороги», в составлении которого принимали участие сотрудники Университета транспорта и коммуникаций в Ханое. Затем была начата работа по выпуску китайских трехязычных словарей. Параллельно на основе гранта, полученного от фонда «Русский мир», были подготовлены и выпущены пять русско-киргизско-английских словарей, в составлении которых приняли участие киргизские специалисты. Таким образом, трехязычная серия представлена на сегодняшний день китайским, вьетнамским и киргизским языками. В состав авторского коллектива входят ведущие преподаватели соответствующих технических дисциплин, специалисты кафедры иностранных языков, а также обучающиеся в МАДИ аспиранты и магистранты.

Авторы китайских словарей серии учитывали результаты работы по стандартизации соответствующей терминологии на китайском языке, проводившейся в последние годы китайскими специалистами в области дорожного строительства. Имеется в виду прежде всего изданный в 2006 году «Дорожно-технический словарь», подготовленный силами специалистов профильного Чан'аньского Университета под эгидой специальной редакционной группы Министерства транспорта КНР. Авторы этого издания стремились отразить современный технический уровень дорожно-строительной и автотранспортной отраслей страны и провели большую работу по научной классификации и стандартизации автодорожной терминологии. Также в работе использовались соответствующие отраслевые стандарты КНР.

Предназначение и сфера использования

Главной целью трехязычных учебных словарей-минимумов является оказание помощи студентам-иностранцам, для которых родным языком является китайский, в овладении узкоспециальной терминологией на русском языке в области проектирования, строительства и эксплуатации автомобильных дорог. Они предназначены

для аудиторной и самостоятельной работы студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Для студентов бакалавриата они могут быть полезны при изучении технических дисциплин «Эксплуатация автомобильных дорог», «Строительство автомобильных дорог», «Производственная база дорожного строительства», «Реконструкция автомобильных дорог», «Технологические процессы в строительстве» и других.

При освоении магистерских программ сфера использования словарей охватывает такие дисциплины, как «Методы решения научно-технических задач в строительстве», «Мониторинг, диагностика и управление состоянием автомобильных дорог», «Основы теории надежности автомобильных дорог», «Строительство дорог в особых условиях».

Словари могут быть использованы и китайскими аспирантами, которые проводят исследовательскую работу в МАДИ и других российских ВУЗах. Они могут стать для них справочниками при чтении научно-технической литературы и специальных журналов на русском языке. Кроме того, словари могут быть полезны инженерам обеих стран в процессе письменного и устного профессионального общения при реализации совместных проектов в области автодорожного строительства.

Включение в словари английских терминов существенно расширяет возможности их применения, так как позволяет использовать их для чтения англоязычной технической литературы, написания статей, а также для устного общения специалистов. Словарь-минимум может оказать помощь специалистам при осуществлении сопоставления и унификации технических терминов на китайском, русском и английском языках.

Словари могут найти применение и среди преподавателей русского языка как иностранного при составлении ими своих учебно-методических материалов.

Соответствие требованиям

При составлении словарей авторы ориентировались на требования руководящих документов в области образования. Владение терминологией по специальности для студентов-иностранцев является необходимым условием эффективного использования русского языка для решения образовательных и профессиональных задач.

В соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения выпускник бакалавриата должен владеть одним из ино-

странных языков, уметь логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь, быть способным к обобщению, анализу, восприятию информации, а также к кооперации с коллегами. Особое значение имеет также умение использовать в своей профессиональной деятельности нормативные правовые документы, что невозможно без владения специальной терминологией на русском языке.

Выпускник магистратуры, в свою очередь, должен свободно пользоваться русским и иностранным языками как средством делового общения; обладать способностью демонстрировать знания фундаментальных и прикладных дисциплин, преподаваемых в магистратуре; умением вести сбор, анализ и систематизацию информации по теме исследования; готовить научно-технические отчеты, обзоры публикаций по теме исследования, а также оформлять, представлять и докладывать результаты работы. Выполнение этих видов деятельности, равно как и осуществление анализа, синтеза и критического обобщения профессиональной информации, невозможно без совершенного знания узкоспециальной терминологии.

При составлении словарей ставилась задача создания единого терминологического пространства и обеспечения требований принципа преемственности. При этом связь между профилирующими дисциплинами и предметами «Русский язык как иностранный» и «Иностранный язык» является чрезвычайно важной. Успешное и эффективное овладение терминологией на иностранном языке в неязыковом вузе напрямую зависит от качества усвоения обучающимися важнейших понятий специальных дисциплин. В свою очередь изучение терминологии на занятиях по иностранному языку способствует более прочному и глубокому усвоению базовых понятий путем образования устойчивых обратных связей, при которых имеет место синтез научных понятий в рамках изучения иностранного языка и специальной дисциплины.

Описание

Словари серии представляют собой отобранную и организованную совокупность узкоспециальных терминов указанной отрасли, предназначенную для усвоения обучающимися в процессе получения инженерного образования на разных этапах обучения. Словари способствуют расширению потенциального лексического запаса обучающихся посредством самостоятельной семантизации ими неизвестных терминов с опорой на известные элементы и словообразовательные модели.

При составлении словарей для вышеуказанных целей авторы исходили из достаточно широкого понимания термина как слова или словосочетания, обозначающего понятие специальной области знания или деятельности, а в качестве особенностей термина рассматривали его системность, наличие определения, стилистическую нейтральность.

Включение в словарь-минимум не только однословных терминов, но и учебных терминологических единиц, состоящих из словосочетаний, представлялось принципиально важным, так как, с одной стороны, это отражает их распространенность в специальных технических текстах, с другой стороны, создает необходимые условия для усвоения многословного термина как единого целого.

Основной состав терминологического списка представлен главным образом именами существительными, так как они имеют практически неограниченные возможности в плане терминообразования, и их словосочетаниями. В состав терминов-словосочетаний входят имена прилагательные и наречия. Каждый словарь серии включает от 300 до 500 узкоспециальных терминов, что значительно превышает минимум в 160 лексических единиц, рекомендуемый для студентов, и может считаться достаточным для обучающихся в магистратуре и аспирантуре.

Главная учебная цель терминологического словаря-минимума определила в качестве основного подхода к отбору лексических единиц тематический принцип. Тематическая организация терминов позволяет включать слова и словосочетания, которые составляют ядро терминологической системы конкретной сферы деятельности, отражают структуру ее логического построения и классификацию ее разделов. Кроме того, представление лексических единиц по темам облегчает их запоминание.

Структура и содержание

Все словари серии стандартизированы по структуре. Каждый состоит из четырех частей и включает основную русско-китайско-английскую тематическую часть и четыре вспомогательные алфавитные части. Имеются приложения, содержащие дополнительный иллюстративный материал.

Русско-китайско-английская тематическая часть предназначена для усвоения базовых терминов и включает несколько разделов, названия которых представлены на русском, английском и китайском языках.

Оформление словарной статьи тематической части словаря определяется также его учебным назначением. Понятно, что усвоение термина как лексической единицы требует ознакомления обучающихся с графической и звуковой формой слова, а также его значением. В словарной статье тематической части настоящего словаря-минимума представлены: термин (слово или словосочетание) на русском языке, знакомящий с его графической формой, его эквивалент на английском и китайском языках, раскрывающий его значение, а также дефиниция термина на русском, способствующая формированию представления о его применении.

Китайские переводы терминов в словаре даны как в стандартном для КНР упрощенном иероглифическом написании, так и латиницей в общепринятой звукобуквенной системе пиньинь с указанием тона. Данные в дидактической части ознакомительные фонетические таблицы позволяют уточнить произношение даже пользователям, не знакомым с фонетикой китайского языка. Для этого используется принятая сейчас в нашей стране для транскрибирования китайского языка кириллицей система Палладия.

Кроме того, многие термины, обозначающие конкретные понятия, снабжены иллюстрациями, которые приводятся либо в тематической части, либо в приложении. Известно, что зрительный образ способствует лучшему запоминанию терминов на русском языке. Внутри раздела принята сквозная нумерация.

Достаточно большой объем отобранных терминов создает возможности для его более широкого применения в процессе устного и письменного общения в процессе обучения. Выполнение этой задачи потребовало представления терминов не только по тематическому принципу, но и в алфавитном порядке и определило необходимость разработки трех дополнительных частей: русско-китайско-английской, китайско-русско-английской и англо-русско-китайской.

Русско-китайско-английская алфавитная часть словаря-минимума содержит отобранные термины на русском языке в алфавитном порядке, их эквиваленты на китайском и английском языках, а также ссылки на местонахождение терминов в тематической части. Наличие ссылок позволяет быстро найти определение, возможные синонимы термина и иллюстрации, что делает возможным использование данной части словаря-минимума при чтении учебных и научно-технических текстов по специальности на русском языке.

Китайско-русско-английская алфавитная часть словаря-минимума в свою очередь содержит отобранные термины на китайском языке в алфавитном порядке и их эквиваленты на русском и англий-

ском языках. В каждой словарной статье также приводятся ссылки на номера терминов в тематической части. Наличие в данной части русских и английских эквивалентов делает возможным использование словаря-минимума при подготовке текстов статей и их аннотаций на иностранных языках, данная часть может быть также использована при составлении текстов устных выступлений и презентаций на международных семинарах и конференциях по вопросам специальности.

В англо-русско-китайской части английские эквиваленты отобранных терминов расположены в алфавитном порядке и снабжены транскрипцией, обеспечивающей знакомство обучающихся со звуковой формой термина. В процессе работы над транскрипцией терминологических словосочетаний в учебных целях авторы руководствовались основными правилами английской фонетики, а также правилами семантического равноправия компонентов, т.е. равноправием их смыслового значения. Наличие данной части словаря позволяет использовать его для чтения и перевода учебной и технической литературы на английском языке, сверяясь в то же время с русским вариантом термина, применяемого в процессе обучения.

Заключение

Таким образом, разработанные в МАДИ трехязычные терминологические словари-минимумы призваны дополнить имеющееся лексикографическое обеспечение учебного процесса. Они содержат основные тематически представленные узкоспециальные термины по данной специальности и носят многофункциональный характер. Применение словаря-минимума в образовательной и производственной деятельности будет способствовать повышению уровня профессиональной компетентности современных инженеров, а также дальнейшему укреплению дружественных связей между Россией и КНР в различных сферах.

Литература

1. Полякова Т.Ю. Терминология как основа формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции инженера // *Вестник ФГОУ ВПО Московский гос. агроинженерный ун-т им. В.П. Горячкина*. 2012. Том 4. № 2 (55). С. 15-18.
2. *Учебный англо-русский и русско-английский терминологический словарь-минимум "Автодорожные мосты"* / авт. Полякова Т.Ю., Карасева Н.Г., Поляков Д.В. Под ред. проф. В.Ю. Полякова. Сер.: Учеб-

- ные терминологические словари-минимумы. Вып. 4. М.: МАДИ, 2015. 120 с.
3. *Учебный англо-русский и русско-английский терминологический словарь-минимум "Автомобильные дороги"* / авт. Полякова Т.Ю., Каменецкая А.А., Джафаров Р.М., Дмитриев С.М. Сер.: Учебные терминологические словари-минимумы. Вып. 2. М.: МАДИ, 2014.
 4. *Учебный англо-русский и русско-английский терминологический словарь-минимум "Автомобильный сервис"* / авт. Полякова Т.Ю., Ерещенко Е.В., Ременцов А.Н., Синявский В.В. Сер.: Учебные терминологические словари-минимумы. Вып. 3. М.: МАДИ, 2014.
 5. *Учебный англо-русский и русско-английский терминологический словарь-минимум "Автомобильный сервис"* / авт. Полякова Т.Ю., Ерещенко Е.В., Ременцов А.Н., Синявский В.В., Шатманов О.Т., Жумалиева Г.Э. Под ред. проф. А.А. Солнцева. Сер.: Учебные терминологические словари-минимумы. Вып.10. М.: МАДИ, 2017. 163 с.
 6. *Учебный англо-русский и русско-английский терминологический словарь-минимум "Транспортные тоннели"* / авт. Полякова Т.Ю., Тишкова И.А., Маковский Л.В. Сер.: Учебные терминологические словари-минимумы. Вып.1. М.: МАДИ, 2013. 100 с.
 7. *Учебный немецко-русский и русско-немецкий терминологический словарь-минимум "Автомобильный сервис"* / авт. Полякова Т.Ю., Ерещенко Е.В., Заболотских Л.В., Лосавио О.В., Ременцов А.Н., Синявский В.В. Сер.: Учебные терминологические словари-минимумы. Вып. 7. М.: МАДИ, 2017. 149 с.
 8. *Учебный русско-вьетнамско-английский терминологический словарь-минимум "Автомобильные дороги"* / авт. Полякова Т.Ю., Ван Кхием Буй, Джафаров Р.М., Дмитриев С.М., Каменецкая А.А. и др. Под ред. В.В. Ушакова. Сер.: Учебные терминологические словари-минимумы. Вып. 5. М.: МАДИ, 2014. 311 с.
 9. *Учебный русско-киргизский и киргизско-русский терминологический словарь-минимум "Автомобильные дороги и дорожная инфраструктура"* / авт. Полякова Т.Ю., Джафаров Р.М., Дмитриев С.М., Абдыкалыков А.А., Жумалиева Г.Э., Маданбеков Н.Ж. Сер.: Учебные терминологические словари-минимумы. Вып. 9. М.: МАДИ, 2017. 209 с.
 10. *Учебный русско-киргизский и киргизско-русский терминологический словарь-минимум "Мосты"* / авт. Полякова Т.Ю., Карасева Н.Г., Поляков Д.В., Абдыкалыков А.А., Жумалиева Г.Э., Жумабаев Р.А., Арымбаева Б.А. Сер.: Учебные терминологические словари-минимумы. Вып. 11. М.: МАДИ, 2017. 119 с.
 11. *Учебный русско-киргизский и киргизско-русский терминологический словарь-минимум "Таможенное дело"* / авт. Полякова Т.Ю., Д.В. Алёшкина, Д.Б. Ефименко, Н.Н. Рыжкова, С.А. Филатов, О.Т. Шатманов. Сер.: Учебные терминологические словари-минимумы. Вып. 12. М.: МАДИ, 2017. 119 с.
 12. *Учебный русско-киргизский и киргизско-русский терминологический словарь-минимум "Транспортные тоннели"* / авт. Полякова Т.Ю., Маковский Л.В., Тишкова И.А., Абдыкалыков А.А., Жумалиева Г.Э., Маданбеков Н.Ж., Курманбекуулу Н. Сер.: Учебные и терминологические словари-минимумы. Вып. 8. М.: МАДИ, 2017. 108 с.
 13. *Учебный русско-китайско-английский терминологический словарь-минимум "Автомобильные мосты"* / авт. Полякова Т.Ю., Карасева Н.Г., Поляков Д.В., Михайлов К.Д. Сер.: Учебные терминологические словари-минимумы. Вып. 4. М.: МАДИ, 2015. 120 с.
 14. *Учебный русско-китайско-английский терминологический словарь-минимум "Автомобильные дороги"* / авт. Полякова Т.Ю., Джафаров Р.М., Дмитриев С.М., Каменецкая А.А., Михайлов К.Д. Сер.: Учебные терминологические словари-минимумы. Вып. 6. М.: МАДИ, 2015. 292 с.

А.Н. Сбоев
ДВФУ (Владивосток)

Словари и сборники интернет-лексики современного китайского языка

Последние несколько десятилетий лингвисты активно исследуют интернет-коммуникацию и интернет-лексику. И это неслучайно, ведь часть лексики, используемой в процессе коммуникации в Интернете, впоследствии может выйти за пределы интернет-пространства и проникнуть в язык повседневного общения.

Неоспоримым доказательством популярности интернет-лексики в Китае служит тот факт, что ее употребляет не только молодежь, но и старшее поколение, например, представители руководства КНР. Так, в новогодней поздравительной речи в 2015 году председатель КНР Си Цзиньпин употребил популярное в Интернете словосочетание 点赞 *diǎn zàn* 'поставить лайк / лайкнуть'. Он сказал: «...为了做好这些工作, 我们的各级干部也是蛮拼的。当然, 没有人民支持, 这些工作难以做好的, 我要为我们伟大的人民点赞». *Wèi le zuòhǎo zhèxiē gōngzuò, wǒmen de gè jí gānbù yěshì mǎn pīn de. Dāngrán, méiyǒu rénmin zhīchí, zhèxiē gōngzuò shì nányú zuòhǎo de, wǒ yào wèi wǒmen wěidà de rénmin diǎn zàn* '...ради выполнения этих задач мы отдавали все силы. Конечно, без поддержки народа, мы бы не смогли должным образом справиться с этой работой. Я должен «поставить лайк» нашему великому народу» [习近平: 干部也“蛮拼的”为人民“点赞” (дата обращения: 15.02.2016)].

8 марта 2015 г. министр иностранных дел КНР Ван И на пресс-конференции, отвечая на вопрос журналиста из Нигерии, также употребил это интернет-словосочетание: «我们还向疫区派出医务人员近千人次, 他们冒着感染的风险, 为非洲人民的健康奋战在疫区。我们要向他们致敬, 为他们点赞». *Wǒmen hái xiàng yìqū pàichū yīwù rényuán jìn qiān réncì, tāmen màozhe gǎnrǎn de fēngxiǎn, wèi fēizhōu rénmín de jiànkāng fènzhàn zài yìqū. Wǒmen yào xiàng tāmen zhìjìng, wèi tāmen diǎn zàn* 'Мы еще направили около тысячи медицинских работников в зараженные районы, эти работники подвергаются риску заражения, они борются за выздоровление жителей Африки в данных районах. Мы должны выразить им уважение, «поставить им лайк»' [王毅: 为奋战在西非埃博拉疫区的医护人员点赞 (дата обращения: 10.01.2016)].

Среди российских исследователей, изучавших компьютерную и интернет-лексику китайского языка, нужно отметить Ю.Г. Лемешко

и Д.В. Львова [2003], Е.С. Жолобову [2004], А.М. Розвезева [2007] и других. Так, например, А.М. Розвезев является автором «Китайско-русского, русско-китайского словаря компьютерной лексики» [2007] Данный словарь хотя и содержит около 6000 слов и словосочетаний, однако слов, относящихся к интернет-коммуникации, нами было обнаружено только 25 (к таким словам мы относим сленгизмы, жаргонизмы и иную лексику, реализуемую в основном в чатах, форумах, блогах и т.д.). Остальные слова представляют собой терминологиическую компьютерную лексику.

В «Китайско-русском словаре новых слов и выражений», составителями которого являются В.Г. Буров и А.Л. Семенов [2007], интернет-лексика не входит в состав самого словаря, а вынесена в приложение под названием «Термины Сети», включающее 49 слов. Данные слова расположены в порядке расположения букв, принятых в «Пиньинь цзыму», построенном на основе латинского алфавита, и представляющие собой слова, образованные на основе созвучия (13), заимствованные слова (10), слова с новым значением в интернет-коммуникации (19) и собственно термины интернет-коммуникации (7). Стоит также отметить, что в данном словаре не указывается частеречная принадлежность лексических единиц, дается лишь транскрипция и значение слова.

В Китае интернет-коммуникация и интернет-лексика изучается достаточно активно. Интернет-коммуникацию изучали китайские лингвисты Юй Гэньюань [2001, 2003], Люй Минчэнь [2008], Чжан Юньхуэй [2010], Тан Мэйин [2010] и другие.

В современных словарях неологизмов появляется все больше и больше лексики интернет-общения, однако в последние годы также стали появляться словари и сборники, содержащие только интернет-лексику. Данные словари и сборники как раз и стали предметом нашего исследования.

Некоторые китайские лингвисты считают интернет-лексику частью молодежного сленга. Так, например, Хуан Тао в работе «流行语与社会时尚文化» *liúxíngyǔ yǔ shèhuì shíshàng wénhuà* (Модные слова и общественно-популярная культура) выделяет отдельную главу «网络流行语» *wǎngluò liúxíng yǔ* (Модные слова Интернета) [Хуан Тао, 2003]. В «Словаре неологизмов Синьхуа» Интернет-термины также выделяются в отдельную главу [新华新词语词典, 2003]. В «Словаре современного китайского сленга» под редакцией Ли Шуцзюаня и Янь Лигана [Ли Шуцзюань 2009] включена некоторая интернет-лексика, но без выделения в отдельную главу или приложение. В то же время у некоторых слов молодежного сленга, вклю-

ченных в словарь, обозначены только новые значения, используемые в повседневной жизни, и не указаны новые значения, используемые именно при интернет-общении. Например, значение слова 雷 *léi* в данном словаре записано как «гром (метафорическое обозначение катастрофы, бедствия)», однако в интернет-коммуникации это слово употребляется в ином значении – «шокирующий». Слово 嫩 *nèn* в интернет-коммуникации используется для обозначения местоимения «ты», тогда как в данном словаре этому слову дается значение «молодой, неопытный».

Материалом исследования послужили «Словарь интернет-языка Синьхуа» (3) [2946 лексических единиц и сочетаний и 280 эмограмм (идеограммы, изображающие эмоции)], «Новейший словарь терминов интернет-коммуникации» (4) [2011 единиц и сочетаний и 327 эмограмм], «Сборник интернет-неологизмов» (2) [670 единиц и сочетаний], сборник «Слова Интернета» (1) [208 единиц и сочетаний].

В 2012 году издательством «Шаньбу иньшугуань» выпущен «Словарь интернет-языка Синьхуа», составителем которого является Ван Лэй (3). Он содержит 2946 лексических единиц. Этот словарь построен, как принято в современной китайской лексикографии, на фонетической системе алфавита «Пиньинь цзыму», хотя стоит отметить, что в него включены и иностранные заимствования в неассимилированном виде. В настоящей работе мы взяли данный словарь за основу при подсчете количества лексических единиц, относящихся к той или иной семантико-тематической группе, так как данный словарь издан раньше всех среди других словарей, являющихся материалом для данного исследования, и содержит больше всех лексических единиц.

В марте 2014 года был издан «Новейший словарь терминов интернет-коммуникации» (4). Данный словарь состоит из 2011 единиц, помимо этого также содержит 327 эмограмм. «Новейший словарь терминов интернет-коммуникации» разбит на несколько частей: слова в иероглифическом виде, буквенные слова, слова, записанные цифрами, эмограммы. Лексические единицы первых двух частей словаря расположены на основе алфавита «Пиньинь цзыму», цифровые слова расположены в порядке следования чисел от 0 до 9.

В апреле 2014 года пекинское издательство «Цзефанцзюнь чубаньшэ» издает «Сборник интернет-неологизмов» (2), в котором содержится 670 слов и словосочетаний. Как и в указанных выше словарях, слова и выражения в данном сборнике расположены в порядке следования букв алфавита «Пиньинь цзыму», однако сборник

тоже включает несколько английских заимствований в неассимилированном виде либо заимствования, записанные в буквенно-иероглифическом виде.

Интересным представляется построение сборника «Слова Интернета» (1). Данный сборник разбит на несколько глав: 热词 ‘популярные слова’ (62 лексические единицы), 流行语 ‘популярные выражения’ (68 выражений), 创作体 ‘мем-стили’ (стили общения в чатах, на форумах, в блогах и т.д., каждый из которых имеет свои особенности в лексике, синтаксисе и в ритме построения фразы) (31), 圈言 圈语 ‘слова, употребляемые в определенных кругах’ (47). Порядок слов или выражений в каждой отдельно взятой главе соответствует расположению букв алфавита «Пиньинь цзыму».

Анализ состава лексических единиц указанных выше словарей и сборников интернет-лексики выявил достаточно сильное отличие словарей интернет-лексики от других словарей китайского языка, что обусловлено тем, что при написании слова в интернет-коммуникации пользователи Сети используют все возможные знаки, имеющиеся на клавиатуре, таким образом появляются различные смешанные образования, которые сочетают в себе различные языки, знаки препинания, цифры и т.д. В интернет-лексике сочетаются китайский и иностранные языки, древний и современный язык, путунхуа и различные диалекты. Это «мозаика», для создания которой пользователям Интернета пришлось использовать всю свою силу воображения и весь набор знаний [张玉玲 2014, с. 28]. Остановимся на некоторых явных особенностях современных словарей и сборников интернет-лексики китайского языка.

Так, 28,1% всей лексики «Словаря интернет-языка Синьхуа» составляют буквенные слова. Эти буквенные слова включают в себя английские сокращения и аббревиатуры (PC – Personal computer ‘персональный компьютер’, BTW – by the way ‘кстати, между прочим’, OMG – oh my God ‘о, Боже’, LOL – laugh out loud ‘громко, вслух смеяться’, GF – girlfriend ‘подруга’, E – electronic ‘электронный’, H – how ‘как’, W – where ‘где’, JAM – just a moment ‘один момент, секундочку’, HRU – How are you ‘как дела?’, BBL – be back later ‘скоро вернусь’), их в словаре 21,2%, и китайские сокращения на основе пиньинь (BB – 宝贝 *bàobèi* ‘любимый, малыш’, LZ – 楼主 *lóuzhǔ* ‘автор темы на форуме’, LG – 老公 *lǎogōng* ‘муж’, LP – 老婆 *lǎopó* ‘жена’, GG – 哥哥 *gēge* ‘брат’, JJ – 姐姐 *jiějie* ‘сестра’, TCL – 太丑了 *tài chǒu le* ‘слишком отвратительный’, PLMM – 漂亮美眉 *piàoliang měiméi* ‘красивая девушка’), 6,4% от всей лексики «Словаря интернет-языка Синьхуа».

Цифровые слова не менее распространены среди интернет-пользователей, что также повлияло на включение таких слов в большом количестве в «Словарь интернет-языка Синьхуа». Данный словарь содержит 482 слова и словосочетания, записанные цифрами (16,3% всей лексики словаря), большинство их которых (15,2%) являются цифровыми омофонами, то есть цифровыми словами, созданными на основе созвучия, например: 56 *wú liú* – 无聊 *wúliáo* ‘скучно’, 687 *liù bā qī* – 对不起 *duìbùqǐ* ‘извини’.

В «Новейшем словаре терминов интернет-коммуникации» буквенные слова составляют 28,9% лексики словаря (561 слово и словосочетание). Цифровые слова составляют 12% от всей лексики словаря (241 слово и выражение).

«Сборник интернет-неологизмов» содержит 14 слов, записанных полностью буквами, и ни одного слова, записанного полностью цифрами. Данный факт говорит о том, что цифровые слова и словосочетания не воспринимаются как неологизмы, ведь они не являются новыми словами как таковыми, нова только лишь форма их написания.

В сборнике «Слова Интернета» также отсутствуют слова, записанные цифрами, а слов, записанных полностью буквами, всего три. Стоит также отметить и визуальные образования. Несколько слов, созданных таким способом, записаны в данный сборник.

Визуальные образования в интернет-лексике китайского языка могут быть записаны с помощью иероглифов, букв и цифр. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры:

山 □ 山 *shān kǒu shān* обозначает популярную компьютерную игру World of Warcraft, так как название игры сокращенно записывается как WOW, а буква W внешне похожа на иероглиф 山 *shān*, буква O схожа с иероглифом 口 *kǒu*. При визуальном образовании не играют роли те значения, которые имеют морфемы, записываемые данными иероглифами (в слове 山 □ 山 *shān kǒu shān* это морфемы 山 *shān* ‘гора’ и 口 *kǒu* ‘рот’);

“Op” имеет значение ‘младенец’, где “O” изображает голову ребенка, а буква “n” – его небольшое тело;

177155 ‘мисс, госпожа’, так как сочетание цифр 177 внешне схоже с буквой “m”, 1 – с буквой “l”, 5 – с буквой “s”, что вместе выглядит как слово miss ‘мисс, госпожа’.

0,6% лексики «Словаря интернет-языка Синьхуа» образовано данным способом.

Эмограммы – идеограммы, изображающие эмоции. Их можно разделить на символные: :-), ^_^; =^_^=; символно-цифровые: :-9,

0-0; ^0^; 8-); символно-буквенные: :-D, :-I, :-P, :-C; и графические, которые можно автоматически вставлять в различных программах. Стоит заметить, что эмограммы в анализируемых словарях и сборниках никак не структурированы и даны в разнородной последовательности.

Необходимо отметить, что все рассматриваемые словари и сборники интернет-лексики включают в себя не только слова и словосочетания, но и популярные в Интернете фразы и выражения. В «Словаре интернет-языка Синьхуа» и «Сборнике интернет-неологизмов» таких выражений 23 и 10 соответственно. «Новейший словарь терминов интернет-коммуникации» содержит только два выражения. Такие выражения записаны наряду с другими словами по расположению букв алфавита «Пиньинь цзыму», то есть по инициали первого слова в составе высказывания.

В сборнике «Слова Интернета» такие выражения вынесены в отдельную главу – 流行语 ‘популярные выражения’, всего их 68 выражений (32,7% всех единиц сборника), например:

百度一下，就知道。 *Bǎidù yíxià, jiù zhīdào* ‘Зайди в Байду (китайская поисковая система) и узнаешь’.

躺着也中枪 *tǎngzhe yě zhòngqiāng* ‘быть задетым без причины, беспричинно получить критику’ (досл. лежа быть пораженным пикой).

做人别太 CNN *zuòrén bié tài CNN* ‘Честный человек не должен быть слишком CNN’.

哥吃的不是面，是寂寞。 *Gē chī de bùshì miàn, shì jìmò*. ‘Я ем лапшу от скуки’ (говорящий имеет в виду, что ему совсем не хочется есть лапшу, но так как ему скучно или одиноко, он ее ест).

Проанализировав источники данного исследования, а также учитывая современные тенденции развития китайского языка, можно выделить следующие вопросы, с которыми будут сталкиваться составители словарей современного китайского языка:

1. Как записывать слова, записанные с помощью цифр? Стоит ли записывать их в порядке следования букв в алфавите «Пиньинь цзыму» или стоит делать отдельное приложение к словарю или отдельную главу, включающую все цифровые слова, как это было сделано составителем «Новейшего словаря терминов интернет-коммуникации».

В интернет-коммуникации цифрами может быть записано слово или словосочетание (88 *bābā* – 拜拜 *báibái* ‘пока’), а может быть записано и целое предложение (520 *wǒ ài nǐ* – 我爱你 *wǒ ài nǐ* ‘я тебя люблю’). Не ясен вопрос об их разграничении: справедливо ли будет в равной степени вносить их в словарь.

И, наконец, стоит ли разграничивать цифровые слова, созданные по созвучию с иностранным словом или словосочетанием (419 *four one nine* – *for one night* ‘на одну ночь’) и по созвучию со словом или словосочетанием китайского языка (7456 *qī sì wǔ liù* – 气死我了 *qìsǐ wǒ le* ‘рассердил меня’).

2. Схожие вопросы возникают и с буквенными словами, ведь буквенные слова, как и цифровые, могут обозначать слово (GG – 哥哥 *gēge* ‘брат’) или словосочетание (PLMM – 漂亮美眉 *piàoliang měiméi* ‘красивая девушка’), также могут быть как заимствованными (GF – girlfriend ‘подруга’), так и буквенной записью китайских слов (LZ – 楼主 *lóuzhǔ* ‘автор темы на форуме’).

3. Как поступать с популярными выражениями? В рассмотренных нами источниках представлены два разных подхода к их введению в словарь: запись по алфавиту наряду с другими словами или выделение их в отдельную группу.

4. Нужно ли вносить в словарь эмограммы? В «Словаре интернет-языка Синьхуа» они даны в приложении, там их всего 280, в «Новейшем словаре терминов интернет-коммуникации» эмограммы являются одной из составных частей словаря, наряду с другими частями, включающими слова, записываемые иероглифами, буквами и цифрами.

Ответы на эти вопросы современная китайская лексикография решает сейчас и будет решать в ближайшее время, так как вопрос изучения интернет-лексики будет становиться актуальнее ввиду современных тенденций развития языка. В словарях современного китайского языка стоит ожидать появления в еще большем количестве слов, маркированных как интернет-слова и употребляемых в интернет-коммуникации.

Источники

1. 网络那些词儿 / 马中红, 陈霖主编. – 北京: 清华大学出版社, 2014. – 372 页. {*Слова Интернета* / сост.: Ма Чжунхун, Чэнь Линьчжу. Пекин: Изд-во университета Цинхуа, 2014. 372 с.}
2. 网络新词语选编 / 总政治部宣传部编. – 北京: 解放军出版社, 2014. – 230 页. {*Сборник интернет-неологизмов* / Отдел пропаганды и агитации Главного политического управления. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 2014. 213 с.}
3. 新华网络语言词典 / 汪磊主编. – 北京: 商务印书馆, 2012. – 233 页. {*Словарь интернет-языка Синьхуа* / сост.: Ван Лэй. Пекин: Шаньью иньшугуань, 2012. 233 с.}

4. 最新网络交际用语词典 / 周建民, 熊一民主编. – 增订本, – 北京: 中国社会科学出版社, 2014. – 522 页. {*Новейший словарь терминов интернет-коммуникации* / сост.: Чжоу Цзяньминь, Сюань Иминь. – испр. и дополн. издание. Пекин: Чжунго шэжухуэй кэсюэ чубаньшэ, 2014. 522 с.}

Литература

1. Буров В.Г., Семенас А.Л. *Китайско-русский словарь новых слов и выражений*. М.: Восточная книга, 2007. 736 с.
2. Жолобова Е.С. Неологизмы в китайском языке нового периода и сложности их перевода // *Материалы XII международной конференции «Китайское языкознание. Изолирующие языки»*. М., 22-23 июня 2004 г. С. 103-106.
3. Лемешко Ю.Г., Львов Д.В. Лингвистические и социолингвистические особенности интернет-лексики современного китайского языка // *3-я Международная научная конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах»*. Благовещенск: АмГУ, 2003. С. 201-204.
4. Ли Шудзюань, Янь Лиган. *Словарь современного китайского сленга*. М.: Sinolingua: Восточная книга, 2009. 256 с.
5. Розвезев А.М. *Китайско-русский, русско-китайский словарь компьютерной лексики*. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 188 с.
6. 黄涛. *流行语与社会时尚文化*. 上海: 上海辞书出版社, 2003. 115 页. {Хуан Тао. *Модные слова и общественно-популярная культура*. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2003. 115 с.},
7. 吕明臣. *网络语言研究* /吕明臣. – 长春: 吉林大学出版社, 2008. – 242 页. {Люй Минчэнь. *Исследование интернет-языка*. Чанчунь: Изд-во Цзилинского университета, 2008. 242 с.}
8. 汤玫英. *网络语言新探* / 汤玫英. – 郑州: 河南人民出版社, 2010. – 243 页. {Тан Мэйин. *Новейшее исследование интернет-языка*. Чжэнчжоу: Хэнань жэньминь чубаньшэ, 2010. 243 с.}
9. 王毅: 为奋战在西非埃博拉疫区的医护人员点赞 // 网易财经网. – [электронный ресурс]. URL: <http://money.163.com/15/0308/11/AK6AQ4QI00253B0H.html> (дата обращения: 10.01.2016). {Ван И: Ставлю лайк медицинским работникам, борющимся с вирусом Эбола в Западной Африке // *Интернет-сайт Ваньи «Финансы и экономика»*},
10. 习近平: 干部也“蛮拼的”为人民“点赞” // 新浪网新闻中心. [электронный ресурс]. URL: <http://news.sina.com.cn/o/2015-01-01/023931350337.shtml> (дата обращения: 15.02.2016). {Си Цзиньпин: руководящий кадры упорно старались, ставлю «лайк» народу // Пресс-центр Sina.com.}

11. 新华新词语词典: 2003 年版 / 商务印书馆辞书研究中心编写. – 北京: 商务印书馆, 2003. – 455 页 {*Словарь неологизмов Синьхуа* / составитель: исследовательский центр лексикографии издательства Шаньу иньшугуань. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2003. 455 с.}.
12. 于根元. 网络语言概说. 北京: 中国经济出版社, 2001. 230 页 {Юй Гэньюань. *Введение в Интернет-язык*. Пекин: Чжунго цзинцзи чубаньшэ, 2001. 230 с.}.
13. 于根元. 应用语言学概论. 北京: 商务印书馆, 2003. 301 页. {Юй Гэньюань. *Введение в прикладную лингвистику* / Гэньюань Юй. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2003. 301 с.}.
14. 张玉玲. 网络语言的语体学研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2014. 195 页 {Чжан Юйлин. *Исследование стиля интернет-языка*. Пекин: Чжунго шэьуэй кэсюэ чубаньшэ, 2014. 195 с.}.
15. 张云辉. 网络语言语法与语用研究. 上海: 学林出版社, 2010. 257 页. {Чжан Юньхуэй. *Исследование грамматики и прагматики интернет-языка*. Шанхай: Сюэлинь чубаньшэ, 2010. 257 с.}

А.В. Громова
ИСАА МГУ (Москва)

Лексикография диалектов и языковых разновидностей Ирана в начале XXI в.

«Работа по сбору и фиксации диалектов необычайно важна. Достаточно упомянуть, что благодаря изучению и анализу диалектов можно разрешить некоторые лингвистические загадки и познать не изведенные ранее особенности языка. В современных условиях многие из диалектов Ирана ушли в небытие, многие другие оказались забыты и уступили свое место стандартному персидскому языку или другим диалектам, и этот процесс значительно ускорился в связи с развитием современных коммуникационных технологий. Именно поэтому представляется необходимым предпринять меры, направленные на срочное выявление, сбор, фиксацию и описание диалектов Ирана», – говорится в программном документе, подготовленном под эгидой Академии персидского языка и литературы Фархангестан, под названием «Руководство по сбору диалектов для Сокровищницы диалектов Ирана» (Rāhnamā 2012, S. 1).

В начале XXI в. при стремительной модернизации жизни иранского общества, урбанизации и монолингвальной системе образования сложился весьма неблагоприятный фон для сохранения богатой лингвистической географии страны. Конституция допускает использование «местных и племенных языков в прессе и СМИ, а также в преподавании литературы на этих языках», однако языком официальных документов, деловой переписки и учебников является персидский (статья 15 Основного закона Исламской республики Иран (Qānun-e asāsi 1979)). Несомненно, традиционные и интернет-СМИ играют все большую роль в жизни иранского общества, и львиная доля программ предполагает использование официального или разговорного регистра персидского языка, миноритарным языкам и диалектам отводится лишь скромное место в репортажах или интервью, где преобладает спонтанная речь. Нивелированию языкового многообразия в Иране способствуют и миграционные процессы, которые характеризуются стремлением молодежи перебраться в крупные города, где языком межэтнического общения является персидский. На персидском идет образование в школе, иногда диалект можно изучать в форме факультатива, однако не всегда ясно, сколько будет желающих изучать язык старшего поколения, сфера использования которого связана прежде всего с традиционными способами хозяйствования (земледелия и ско-

товодства), с традиционной медициной, с фольклором (См. подробнее [Ruhbaxš 1996; Baširnežād 2004-1005, 2007; Samar & Navidinia & Mehrani 2010] и литературу в них).

Академия персидского языка и литературы Фархангестан, которая является главным органом проведения языковой политики в Иране, активно поддерживает проекты по документированию и изучению идиомов Ирана [Mahmudi-Baxtiyāri 2010, s. 98-101], в частности, публикацию словарей, а также участвует в подготовке лингвистических атласов отдельных останов Ирана [Qoli-Fāmiyān 2011; Najafiyān Ā. & Mowsavi T. & Rowšan B. & Mollāyi Pāšāvi 2015; Rostambeyk Tafriši 2016 (1395)]. В последние годы резко вырос интерес к фольклорному диалектальному материалу, список исследований по сказкам разных народов Ирана занимает не менее десяти страниц [Bahrāmi Sāmāni 2009, s. 228-239]. Одним из ключевых направлений работы иранских диалектологов является подготовка различных словарей [Rostambeyk Tafriši 2016 (1394), s. 118-120].

Во многом бурное развитие иранской диалектологии в начале XXI в. обусловлено практической необходимостью, а именно постоянным процессом терминотворчества в рамках политики пуризма, последовательно проводимой в современном Иране, и, следовательно, поиском внутренних ресурсов персидского языка для создания собственных эквивалентов многочисленным европеизмам.

Согласно программному документу «Принципы и критерии словозамены» (Osul 2009), подготовленному Отделом словозамены и утвержденному Академией Фархангестан в 2009 г., лексика языков и диалектов Ирана является одним из источников словообразовательного материала (пункт 2.3), вместе с лексемами и корнями из древнеиранских и среднеиранских языков (пункт 3.3).

«Если для передачи определенного понятия не удастся подобрать эквивалент в персидском лексиконе, – значится в пункте 3.2 (Osul 2009), – возможно использование слов из живых иранских языков и диалектов. Несмотря на то, что диалектизмы употребляются на ограниченной территории и это обстоятельство несколько вредит такому свойству языка, как общепонятность, использование лексем из языков, родственных персидскому языку, является предпочтительным в сравнении с применением чужих лексем. Эти слова рекомендуются для использования не в системе общеупотребительной лексики, а в составе научной терминологии и языка для специальных целей, где их использование, при необходимости, не должно вызывать трудностей».

Как примеры слов, утвержденных Академией Фархангестан, приводятся *xošāb* из диалекта нишабури для замены галлицизма *kompot* ‘компот’ и *gombidan* из идиомов южного Ирана как эквивалент ‘разрушаться’ (*collapse*) в астрономии.

В «Руководстве по сбору диалектов» целесообразность и необходимость сбора диалектального материала объясняется следующими целями и мотивами:

- диалекты Ирана являются ценным источником для лингвистических, литературных, социологических, этнографических и исторических исследований;
- выявление и возрождение не сохранившихся в современном персидском языке архаичных и редких лексем в текстах на классическом персидском или на других иранских языках;
- изучение процессов фонетических/фонологических, морфологических, синтаксических, лексических и семантических изменений, происходящих в разных регионах с течением времени;
- более точная классификация языков и диалектов Ирана и уточнение отношений и связей между ними;
- подготовка необходимого материала для сравнительно-исторических исследований, особенно в таких аспектах, как реконструкция древних форм и установление значения имен собственных;
- подготовка исконного иранского материала для создания и замены лексем в персидском языке;
- сбор данных для составления этимологического словаря персидского языка;
- сбор данных для создания лингвистического атласа Ирана;
- изучение различных языковых структур и, как результат, лучшее представление о языковых универсалиях и о возможности оценки лингвистических теорий;
- знакомство с традициями, верованиями и культурными и социальными реалиями различных регионов;
- сбор и фиксация данных исчезающих диалектов для их изучения в будущем (Rāhnamā 2012, S. 2-3).

В настоящее время работа исследовательской группы «Иранские языки» Фархангестан ведется по двум комплементарным направлениям: история иранских языков и диалектология на синхронном уровне, что нашло отражение в нескольких крупных лексикографических проектах (<http://www.persianacademy.ir/fa/zia.aspx>):

1) Тематический словарь языков Древнего Ирана. Здесь особое внимание уделяется этимологическому анализу с целью дальнейшего использования в процессе терминотворчества лексических эле-

ментов авестийского, древнеперсидского, парфянского и среднеперсидского, а также согдийского, хотаносакского, хорезмийского и бактрийского языков. Первая часть (Rezāyi-Bāqbidī 2011) охватывает названия животных и соматическую лексику, вторая часть (Rezāyi-Bāqbidī 2013) посвящена растениям и продуктам питания.

2) Сравнительно-тематический словарь новоиранских языков и диалектов (Hasandust 2011). Структурно этот двухтомник делится на 746 словарных статей (входов), сгруппированных по таким предметным областям, как природа и окружающий мир, время, стороны света и пространственные отношения, растения и фрукты, животные и все с ними связанное; сомонимы и все, что с ними связано; термины родства, кушания, место обитания и жилище, инструменты, одежда, цвета, глаголы, качества и образ действия, местоимения, числительные. Использован материал более 100 разновидностей современного иранского языкового ареала.

3) Сокровищница диалектов Ирана. Ее публикация представляет собой результат полевых исследований, к которым эффективно привлекается широкая общественность.

«Составление «Сокровищницы диалектов Ирана» – это один из приоритетных проектов нашего Отдела, утвержденный Академией персидского языка и литературы в 2010-2011 (1389) г.», – отметила в интервью, опубликованном 3 февраля 2016 г. на официальном сайте Фархангестан, заместитель руководителя Отдела по исследованию иранских языков и диалектов Академии Фархангестан. На самом деле, подчеркнула госпожа Джамиле Хасанзаде, речь идет о работе, начатой доктором Абдоннаби Салами в 2004 (1383) г. с публикацией «Диалектологической сокровищницы Фарса».

Для воплощения в жизнь этого плана были подготовлена анкета, опубликованная на портале Академии Фархангестан под названием «Руководство по сбору диалектов». Эта анкета служит моделью для описания диалектологических данных, принятой в каждом томе «Сокровищницы диалектов Ирана», она включает около 2500 слов, 100 предложений и один короткий рассказ или диалог. По сути эти лингвистические данные являются сырым материалом, на основе которого можно приступить к анализу отдельных фонетических, морфологических, синтаксических и лексико-семантических аспектов изучаемой языковой разновидности» (см. подробнее <http://www.persianacademy.ir/fa/Y141194.aspx>).

К моменту начала проекта имя А. Салами было известно в научных кругах благодаря «Словарю диалекта давани» (Salāmi 2002b), носителем которого он является. Речь идет о словаре в традицион-

ном понимании, ведь персидский термин *farhang* (один из ряда синонимов для передачи концепта ‘словарь’) – это прежде всего культура, сокровищницей которой и является словарь.

Структурно, помимо предисловия и введения, словарь давани включает:

1. заметки о фонетической системе давани А. Садеги (Salāmi 2002b, s. 13-20),
2. краткие сведения об истории Давана (s. 21-24),
3. очерк о строе диалекта Давани М. Батени (s. 27-35),
4. 40-страничное описание грамматики диалекта давани (s. 37-76),
5. давани-персидский словарь (s. 77-451),
6. список лексем, общих для давани и среднеперсидского языка (s. 453-463),
7. перечень топонимов Давана без перевода и комментариев (s. 464-486),
8. примеры пословиц на давани с переводом на персидский и объяснениями контекста их использования (s. 488-498),
9. избранные газели и четверостишья на давани, написанных А. Салами, с переводом на персидский (s. 499-507),
10. две народные сказки на давани с переводом на персидский (s. 509-536).

Таким образом, в словаре можно найти не только перевод или объяснение отдельных диалектальных лексем, но и ряд естественных (а не переводных) диалектальных текстов, что несомненно, обладает большой ценностью. Массовое привлечение фольклорного материала при издании словарей миноритарных языков, диалектов и языковых разновидностей Ирана – часто используемый прием. Так, среди 13 монографий, опубликованных с 1380 (2001 г.) по ширазскому наречию, десять являются словарями и сборниками поговорок и местных устойчивых наречий, в том числе «Слова и идиоматические обороты Ширази и Казеруна», «Словарь слов и выражений, распространенных в Ширазе», «Собрание ширазских пословиц и поговорок», «Слова и выражения на ширази», «Избранное из ширазских пословиц и поговорок», «Смешное чтение: словарь саркастических оборотов и выражений, распространенных в ширазском говоре», «Описание ширазского диалекта», «Культура ширазцев» [Soltāni 2015, s. 65-82].

О пути от создания традиционного словаря давани (Salāmi 2002b) до «Диалектологической сокровищницы Фарса» (Salāmi 2004) и «Руководства по сбору диалектов» (Rāhnamā 2012) можно судить по следующему отрывку интервью А. Салами (<http://gapolap.blogfa.com/post-587.aspx>):

«Когда тридцать с лишним лет назад я занимался составлением «Словаря диалекта давани», я отправил известному ученому, ныне покойному доктору Ахмаду Тафаззоли статью под названием «Структура глагола в диалекте давани». Изучив ее, он отправил ее другому знаменитому специалисту, доктору Али-Ашрафу Садеги для публикации в журнале «Языкознание» («Zabānšenāsi»). По прочтении статьи доктор Садеги обратил внимание на некоторые интересные моменты в плане фонетики и фонологии. Так, после нескольких встреч и многочисленных дискуссий, он написал статью «Заметки о фонетическом строе диалекта давани», которая вышла вместе с моей статьей в журнале «Zabānšenāsi». Стимулом к написанию статьи, по словам доктора Садеги, стало наличие некоторых характерных черт в фонологии, а точнее говоря, существование некоторых фонологических несоответствий, которые делают данный диалект уникальным среди других диалектов Ирана».

Это предложение побудило меня к тому, чтобы составить – для оценки правильности или ошибочности этой теории – опросник по 16 темам и разослать его сотрудникам Центра народной культуры по всему остану Фарс с просьбой обсудить с носителями разных диалектов эквиваленты записанных в опроснике персидских слов и прислать их перевод в Центр народной культуры. Эта переписка продолжалась в течение двух лет, за это время мне были присланы материалы по нескольким диалектам.

В 1380 (2001) г., когда готовился к выходу в свет «Словарь диалекта давани», я представил эти опросники в Академию Фархангестан и просил о поддержке более строгой в научном плане реализации этого проекта. За год необходимые бюрократические процедуры были пройдены и в 1381 (2002) г. этот план был принят, с тем чтобы я мог начать работу по сбору диалектов Фарса в формате составления диалектологической базы данных Фарса. 2 июля 2002 г. я отправился в первую исследовательскую экспедицию в Фарсе, в деревню Кялани в окрестностях города Казерун. В ходе постоянных поездок по южной части остана Фарс, самым западным пунктом которых стала деревня Пирин в провинции Мамасани, а самым восточным – поселения Эхве и Балучи в Ларестане, были собраны материалы по 50 диалектам провинции Мамасани, округов Маркази, Хешт, Баладех и Ноудан провинции Казерун, округа Кухмарре-йе Сорхи в провинции Шираз и разных районов так называемого старого Ларестана».

На данный момент издано 7 томов по 72 языковым разновидностям Фарса, для каждого из которых описаны следующие семантические домены:

- сомонимы (113 лексем),
- утварь, рабочие инструменты, полезные ископаемые (203),
- бедствия и болезни (89),
- родственники и близкие (108),
- строительство (80),
- одежда и украшения (69),
- растения и продукты питания (193),
- животные (166),
- явления природы и окружающий мир (79),
- числительные и единицы измерения (141),
- цвета и вкусы (19),
- качества и свойства человека (126).

Также даются местоимения (44), антонимы (113), полная парадигма 10 простых глаголов, неполная – 126, 94 сложных глагола, в общей сложности 1773 словарных единицы. Кроме того, имеется сто предложений, в которых отражены основные особенности грамматики диалектов, иногда один короткий рассказ или диалог.

Полевые исследования диалектов получили продолжение в других останях Ирана. Работа по языковым разновидностям Исфahanа, опубликованные доктором Хабибом Борджияном во втором томе «Сокровищницы диалектов Ирана», была начата еще в 2004 (1383) г. Однако издание этого труда по ряду причин, в том числе финансового характера, откладывалось несколько лет, пока в 2014-2015 (1393) г. не была окончена верстка второго тома серии, посвященной древним говорам Исфahanа (Vorjiūān 2016). Третий том этого исследования, посвященного девяти диалектам окрестностей города Кашан, готовится к печати. Параллельно ведется работа по другим 18 языковым разновидностям остана Исфahan, которые войдут в четвертый и пятый тома. Два года назад вышел том, посвященный 9 диалектам остана Керманшах (Morādi 2016). Во всех этих работах используется изложенная выше схема тематического описания лексикона, введенная в (Salāmi 2004) и утвержденная в (Rāhnamā 2012).

«Если попытаться в целом охарактеризовать ситуацию с реализацией проекта по составлению диалектологического атласа Ирана, – подчеркивает доктор Хасанзаде, – необходимо отметить, что с момента, когда в 2011-2012 (1390) г. Академия Фархангестан пригласила к сотрудничеству диалектологов страны, очень многие с энтузиазмом выразили свою готовность помочь в составлении «Сокровищницы языковых разновидностей Ирана». Получив от нашего отдела выше упомянутую анкету, добровольцы присылали нам пилотный образец своей работы и, после его одобрения, приступали к

заполнению анкеты. На данный момент наш отдел получил описания нескольких групп диалектов в разных областях Ирана, одобрил их и приступил в редакторской правке. Данные по некоторым диалектам после уточнения и редактирования недавно были опубликованы, например, это языковые разновидности, вошедшие в шестой и седьмой том «Диалектологической сокровищницы Фарса», в первый и второй том серии, посвященной остану Исфahan. К сожалению, из-за проблем с финансированием в последние годы процесс публикации материалов был очень медленным, по той же причине еще не удалось провести специальные курсы для диалектологов, которые заняты в этой работе» (<http://www.persianacademy.ir/fa/Y141194.aspx>).

Таким образом, несмотря на некоторые трудности организационного характера, генеральной линией описания языковых разновидностей Ирана, которая получила поддержку Академии, стала попытка совместить фиксацию лексики, прежде всего, общеупотребительной, в объеме более 1500 единиц, и представление текстового материала, необходимого для анализа основных грамматических категорий: в упомянутых 100 предложениях можно найти минимальные пары для оппозиции по числу, определенности, одушевленности имен, временным и аспектуальным характеристикам глагола, наклонению; для анализа изафетной конструкции есть десятки примеров и в предложениях, и в словарной подборке, поскольку многие понятия передаются именными группами, оформленными изафетной связью, а не в рамках одной словоформы.

Еще ярче эта идея описания прежде всего грамматики изучаемых идиомов проявляется в «Дескриптивном словаре языковых разновидностей Ирана» (Kalbāssi 2009). Словарной статьей, или входом, в нем считается идиом, всего их описано 221, среди которых 4 языка (армянский, турецкий, арабский, стандартный персидский), 43 варианта (акцента) стандартного персидского, 31 диалект Центрального Ирана, 15 диалектов Юга Ирана, 14 разновидностей лурского, 10 – курдского, 8 – гилянского, 8 – диалектов Хорасана, 3 разновидности лаки, 2 диалекта белуджского, 1 разновидность татского.

Для каждого идиома представлены транскрипция и глоссирование следующего текста:

«Однажды некий человек и некий солдат шли вместе по дороге. У солдата был кувшин, в котором была простокваша. Он сказал человеку:

– Возьми этот кувшин и донеси его до деревни. Я тебе дам два риала.

Взял человек кувшин, поставил себе на плечо. Дорогой он размышлял и говорил сам с собой:

– Возьму я эти два риала и куплю яиц. Потом яйцо положу под курицу-наседку. Из яйца выйдет цыпленок, цыпленок вырастет и станет курочкой. Эта курица нанесет яиц, и станут ее цыплята большими. Потом всех этих кур я продам и куплю телочку. Телочка станет коровой и отелится. Два-три теленка принесет. Тогда я всех этот телят продам и женюсь. Жена родит мне сына. Пойду я в мечеть читать намаз. Жена скажет ребенку: «Иди, скажи отцу, чтобы пришел». Я ему говорю, что не приду.

Про себя он это говорил и выпустил кувшин из рук, и кувшин упал. Вся простокваша пролилась на землю.

Солдат сказал:

– Почему ты пролил мою простоквашу?

Человек сказал:

– Ребенок мой где? Я был в мечети, говорил моему ребенку, что не приду.

– Да чем же ты был занят? – сказал солдат.

– Я истратил твои два риала, – сказал он, – и мне хватало всего на тот момент. И кувшин я твой разбил.

Далее дан минимальный грамматический комментарий и кратко описаны особенности фонетики и лексики каждого идиома. При всей сложности использования, такой формат подачи материала позволяет увидеть использование базовой лексики в естественном контексте.

Еще одним важным направлением развития современной диалектальной лексикографии в Иране можно назвать публикацию подборок специальной лексики, связанной с определенными предметными областями, например, камню (Sajjādi 2015). Так, отдельные статьи посвящены

1) животноводству: «Исследование животноводческой лексики в диалекте давани» (Salāmi 2002a), «Специальная лексика скотоводства в диалекте Генаве» (Jalālpur 2014), «Специальная лексика и терминология скотоводства в диалекте Кухмарре-йе Нодан, Джаруг и Сорхи в Фарсе» (Hājīyāni & Jabbāre 2014), «Лексика и терминология, описывающая домашний скот и животноводство в лурском диалекте Бави» (Rezāyi 2016), «Лексика и терминология, описывающая домашний скот и животноводство в лурском диалекте провинции Ланде» (Xorrami & Masihpur 2016);

2) агрикультуре, в частности, в зависимости от сельскохозяйственных традиций отдельных регионов, особое внимание уделяется выращиванию фиников, винограда, риса: «Лексика и терминология, связанная с финиковыми пальмами, деревьями и растениями города

Фин» (Najibi Fini 2013), «Лексика и терминология, посвященная финикам в диалекте Котич» (Ra'isi 2013), «Виноград в культуре народа Давана» (Salāmi 2006), «Лексика и терминология рисоводства в гилияки» (Sabzalipur & Āserāqi & Safari 2015);

3) мореходству: «Специальная лексика диалекта Генаве, связанная с лодками и мореходством» (Jalālpur 2012), «Специальная лексика диалекта минаби, связанная с лодками и мореходством» (Najibi Fini & Zakeri 2016), «Специальная лексика диалекта Ленге, посвященная морю и мореплаванию» (Hājjiyāni & Šarifi 2014).

Данные статьи строятся по единой модели: после общей характеристики исследуемого идиома и описания географических особенностей местности, с которыми связано развитие того или иного сектора экономики, дается комментированный список терминов, описывающих отдельные блоки изучаемой лексики. Например, животноводческая терминология в диалекте Кухмарре-йе Нодан, Джаруг и Сорхи подразделяется на названия разных видов лошадей (в зависимости от масти), коз (в зависимости от возраста, окраса, формы ушей и рогов), овец (в зависимости от цвета шерсти, формы ушей, возраста), верблюдов, мулов, ослов (Hājjiyāni & Jabbāre 2014, s. 187-190), далее приводится список глаголов, связанных с описанием выпаса и перегона скота (s. 191), перечень частей тела, список болезней домашних животных, молочной продукции, необходимых инструментов, утвари и построек, связанных с уходом за домашним скотом (s. 192-199).

Поскольку чаще всего в стандартном персидском языке отсутствуют эквиваленты специальной диалектальной терминологии, словарная статья в подборке представляет собой развернутое объяснение включенного в список понятия. В перечне посуды можно увидеть: «xīg – емкость, сделанная из кожи козы или козленка, в которой хранится растительное масло или виноградный сироп; dūedūn – емкость, сделанная из овечьей кожи, в которой хранят дуг (кисломолочный напиток); dūlæk – емкость из овечьей кожи, которую используют летом, чтобы сохранить воду прохладной» (Hājjiyāni & Jabbāre 2014, s. 194).

Отдельно следует выделить работы теоретического и методологического характера: о преимуществах использования корпусов в диалектологии [Rostambeyk Tafriši 2016 (1394), s.133-137], о принципах составления диалектологических словарей [Sabzalipur 2014, s. 78-81]. Среди прочего отмечается

- необходимость соблюдения норм международной фонетической транскрипции,
- четкое определение ареала распространения диалекта,

- правильный выбор заглавного слова статьи (исходная, а не производная форма слова),
- использование примеров в тексте словарной статьи,
- создание алфавитного указателя в тематическом словаре,
- разъяснение принципов пользования словарем и наличие списка сокращений,
- приведение необходимых метаданных (сведений о носителях-информантах),
- указание поморфемного членения слова,
- помета о частеречной принадлежности лексемы,
- отказ от попыток провести этимологический анализ лексемы,
- размещение эквивалента на языке перевода.

Как можно видеть из приведенного выше краткого обзора, не вся в изобилии представленная в Иране лексикографическая продукция соответствует этим строгим требованиям. Авторы словарей по-разному делают выбор между классами лексики (общеупотребительная лексика vs. профессиональный язык для специальных целей), ориентируются на разный уровень конкретности описания окружающего мира и его предметных сфер (всеохватность и базовая лексика vs. узкая и профильная, связанная с определенным семантическим полем терминология). Иранские лингвисты неодинаково подходят к вопросу о самодостаточности лексикографического описания, тем более, что часто нахождение эквивалента на персидском практически невозможно в силу специфики описываемого понятия или предмета. Поэтому предпочтение отдается или развернутой дефиниции, или в целом контексту и основное внимание уделяется функционированию исследуемых единиц в повествовании. Естественным следствием этого стремления становится резкое возрастание доли грамматического материала, зафиксированного в словаре, и в целом по-другому решается и вопрос о соотношении лексикона и грамматики, необходимых для описания конкретной языковой разновидности. Наибольшая удача выпадает на долю тех диалектов, которые попали в словари разных типов. Поскольку главная задача иранской лексикографии на современном этапе – зафиксировать исчезающее языковое многообразие страны, а для документации любого идиома чем больше материала, тем лучше.

Источники

1. Borjiyān H. Ganjine-ye guyešhā-ye irāni (ostān-e Esfahān) {Сокровищница диалектов Ирана (остан Исфahan)}. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, 1394 (2016). D. 2. 366 s.

2. Hājīyāni F. & Jabbāre A. Vāzehā va estelāhāt-e viže-ye dāmdāri dar guyeš-e Kuhmarre-ye Nodān, Jaruq va Sorxi-ye Fārs {Специальная лексика и терминология скотоводства в диалекте Кухмарре-йе Нодан, Джаруq и Сорхи в Фарсе} // Zabānhā va guyešhā-ye irāni {Языки и диалекты Ирана}. № 3. 1392 (2014). P. 183-200. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/03/ZG-03-10.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.
3. Hājīyāni F. & Šarifi Y. Vāzehā-ye viže-ye daryā-vo daryānavardi dar guyeš-e lenge'i {Специальная лексика диалекта Ленге, посвященная морю и мореплаванию} // Zabānhā va guyešhā-ye irāni {Языки и диалекты Ирана}. № 4. 1393 (2014). P. 175-200. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/04/ZG-04-08.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.
4. Hasandust M. Farhang-e tatbiqi-mowzu'i-ye zabānhā va guyešhā-ye irāni-ye now {Сравнительно-тематический словарь новоиранских языков и диалектов}. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, 1389 (2011). 2 j. 1189 s.
5. Jalālpur H. Vāzehā-ye extesāsi-ye lenj-o lenjdāri dar guyeš-e Genāve {Специальная лексика диалекта Генаве, связанная с лодками и мореходством} // Zabānhā va guyešhā-ye irāni {Языки и диалекты Ирана}. № 1. 1391 (2012). P. 203-222. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/01/ZG-01-11.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.
6. Jalālpur H. Vāzehā-ye viže-ye dāmdāri dar guyeš-e Genāve {Специальная лексика скотоводства в диалекте Генаве} // Zabānhā va guyešhā-ye irāni {Языки и диалекты Ирана}. № 3. 1392 (2014). P. 167-182. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/03/ZG-03-09.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.
7. Kalbāssi I. Farhang-e towsifi-ye gunehā-ya zabāni-ye Irān {Дескриптивный словарь языковых разновидностей Ирана}. Tehrān: Pažuhešgāh-e 'olom-e ensāni va motāle'āt-e farhangi, 1388 (2009): 896 s.
8. Morādi M. Ganjine-ye guyešhā-ye irāni (ostān-e Kerumānšāh) {Сокровищница диалектов Ирана (остан Керманшах)}. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, 1394 (2016). 362 s.
9. Najibi Fini B. Vāzehā va estelāhāt-e marbut be deraxt-e naxl, giyāhān-o deraxtān-e maxsus-e šahr-e Fin {Лексика и терминология, связанная с финиковыми пальмами, деревьями и растениями города Фин} // Zabānhā va guyešhā-ye irāni {Языки и диалекты Ирана}. № 2. 1392 (2013). P. 161-174. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/02/ZG-02-12.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.
10. Najibi Fini B. & Zākeri S. Vāzehā-ye viže-ye lenj-o lenjdāri dar guyeš-e minābi {Специальная лексика диалекта минаби, связанная с лодками и мореходством} // Zabānhā va guyešhā-ye irāni {Языки и диалекты Ирана}. № 6. 1395 (2016). P. 197-214. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/06/ZG-06-10.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.
11. Osul 2009 – Osul-o zavābet-e vāžegozini {Принципы и критерии терминотворчества}. Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi. Goruh-e vāžegozini, 1388 (2009). URL: <http://www.persianacademy.ir/UserFiles/File/OSOUL/310488.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.
12. Qānun-e asāsi 1979 // Qānun-e asāsi-ye Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān {Конституция Исламской Республики Иран}. 1358 (1979). URL: <http://www.ghanoonasasi.ir/Portal/home/?event/26796/26805/21898/> اصول 177-گانهي قانون اساسي جمهوري اسلامي ايران. Дата обращения: 11.06.2018.
13. Ra'isi M. Vāzehā va estelāhāt-e marbut be xormā dar guyeš-e kotiči {Лексика и терминология, посвященная финикам в диалекте Котич} // Zabānhā va guyešhā-ye irāni {Языки и диалекты Ирана}. № 2. 1392 (2013). S. 175-188. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/02/ZG-02-13.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.
14. Rāhnamā-ye gerd'āvāri-ye guyešhā {Руководство по сбору диалектов}. Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1391 (2012). URL: <http://www.persianacademy.ir/UserFiles/File/Guoyesh01.zip>. Дата обращения: 11.06.2018.
15. Rezāyi A. Vāzehā va estelāhāt-e marbut be dām-o dāmdāri dar guyeš-e lori-ye Bāvi {Лексика и терминология, описывающая домашний скот и животноводство в лурском диалекте Бави} // Zabānhā va guyešhā-ye irāni {Языки и диалекты Ирана}. № 6. 1395 (2016). S. 185-196. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/06/ZG-06-09.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.
16. Rezāyi-Bāqbidī H. Vāženāme-ye mowzu'i-ye zabānhā-ye bāstāni-ye Irān {Тематический словарь древнеиранских языков}. J. 1. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, 1390 (2011). 184 s.
17. Rezāyi-Bāqbidī H. Vāženāme-ye mowzu'i-ye zabānhā-ye bāstāni-ye Irān {Тематический словарь древнеиранских языков}. J. 2. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, 1391 (2013). 142 s.
18. Sabzalipur Č. & Čerāqi R. & Safāri R. Vāzehā va estelāhāt-e berenj-o berenjkāri dar guyeš-e gilaki {Лексика и терминология рисоводства в гиляки} // Zabānhā va guyešhā-ye irāni {Языки и диалекты Ирана}. № 5. 1394 (2015). S. 173-204. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/05/ZG-05-09.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.

19. Sajjādi S.M. Važehā va estelāhāt-e marbut be sang dar zabān-e hawrāmi (guyeš-e Nawramān Taxt) {Лексика и устойчивые обороты, связанные с камнем в языке хаврами (диалект Хавраман-Техт)} // Zabānhā va guyešhā-ye irāni {Языки и диалекты Ирана}. № 5. 1394 (2015). S. 205-216. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/05/ZG-05-10.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.
20. Salāmi 2002a – Salāmi A. Barresi-ye vāzegān-e dāmdāri dar guyeš-e davāni {Исследование животноводческой лексики в диалекте давани} // Nāme-ye Farhangestān {Вестник Фархангестан}. 1381 (2002). № 19. S. 100-121. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/NF/19/NF-19-07.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.
21. Salāmi 2002b – Salāmi A. Farhang-e guyeš-e davāni {Словарь диалекта давани}. Tehrān: Našr-e āsār-e farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi. 1381 (2002). 537 s.
22. Salāmi A. Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs {Диалектологическая сокровищница Фарса}. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, 1383 (2004). J. 1. 366 s.
23. Salāmi A. Angur dar farhang-e mardom-e Davān {Виноград в культуре народа Давана} // Guyeššenāsi {Диалектология}. 1385 (2006). № 5. S. 120-137. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/old/05/GU-05-10.PDF>. Дата обращения: 11.06.2018.
24. Horrāmi S. & Masihipur M. Važehā va estelāhāt-e marbut be dām-o dāmdāri dar guyeš-e lori-ye šahrestān-e Lande {Лексика и терминология, описывающая домашний скот и животноводство в лурском диалекте провинции Ланде} // Zabānhā va guyešhā-ye irāni {Языки и диалекты Ирана}. № 6. 1395 (2016). S. 167-184. URL: <http://persianacademy.ir/UserFiles/File/ZG/06/ZG-06-08e.pdf>. Дата обращения: 11.06.2018.

Литература

1. Bahrāmi Sāmāni Š. Manba'shenāsi-ye afsānehā va afsānešenāsi {Источниковедение волшебных сказок и сказковедение} // Farhang-e mardom-e Irān {Культура иранского народа}. 1388 (2009). № 17. S. 227-239. URL: http://www.iribresearch.ir/Farhang_Mardom/pdf%2f17%2f17_509.pdf. Дата обращения: 11.06.2018.
2. Bašimežād H. Zabānhā-ye mahalli-ye Irān va durnemā-ye āyande {Локальные языки Ирана и грядущие перспективы} // Zabān-o zabānšenāsi. S. 3. № 1. 1386 (2007). P. 115-126. URL: <http://fa.journals.sid.ir/ViewPaper.aspx?id=87375>. Дата обращения: 11.06.2018.

3. Bašimežād H. Zabānhā-ye mahalli-ye Irān va xatar-e enqerāz {Локальные языки Ирана и риск исчезновения} // Farhang-e mardom-e Irān {Культура иранского народа}. 1383 (2004-2005). № 5-6. P. 65-84. URL: http://www.iribresearch.ir/Farhang_Mardom/pdf/5_6/5_6_320.pdf. Дата обращения: 11.06.2018.
4. Mahmudi-Baxtiyāri B. Mostanadsāzi-o barresi-ye guyešhā-ye irāni be 'onvān-e mirās-e farhangī {Документирование и исследование диалектов Ирана как объектов культурного наследия} // Majalle-ye zabānšenāsi va guyešhā-ye Xorāsān {Журнал языкознания и диалектов Хорасана}. S. 2. № 2. 1389 (2010). P. 85-103. URL: <https://jlkd.um.ac.ir/index.php/lj/article/view/15906>. Дата обращения: 11.06.2018.
5. Najafiyān Ā. & Mowsavi T. & Rowšan B. & Mollāyi Pāšāvi S. Atlas-e guyeši va guyeššanji-ye karāne-ye jonub-e šarqi-ye daryā-ye Māzandarān be raveš-e basāmad-e vāke {Диалектологический атлас и диалектометрия юго-восточного побережья Каспийского моря с использованием анализа частоты гласных} // Majalle-ye zabānšenāsi va guyešhā-ye Xorāsān {Журнал языкознания и диалектов Хорасана}. S. 6. № 11. 1394 (2015). P. 79-98. URL: <https://jlkd.um.ac.ir/index.php/lj/article/view/37495>. Дата обращения: 11.06.2018.
6. Qoli-Fāmiyān 'A. Be su-ye tarrāhi-ye atlas-e zabāni-ye guyeš-e gilaki {На пути к составлению лингвистического атласа гиляки} // Adabrazūhi {Филологическое исследование}. № 17. 1390 (2011). P. 150-183. URL: http://adab.guilan.ac.ir/article_411.html. Дата обращения: 11.06.2018.
7. Rostambeyk Tafriši A. Atlas-e guyeš-i va andāzegiri-ye fāselehā-ye guyeši dar ostan-e Hāmedān {Лингвистический атлас и диалектометрия остана Хамадан} // Jostārhā-ye zabāni {Лингвистические исследования}. S. 7. № 1. 1395 (2016). P. 59-80. URL: http://lrr.modares.ac.ir/article_11299.html. Дата обращения: 11.06.2018.
8. Rostambeyk Tafriši A. Raveššenāsi-ye pažuheš dar motāle'āt-e guyeššenāsi {Методология диалектологических исследований} // Zabānšenāxt {Лингвист}. S. 6. № 2. 1394 (2016). P. 117-143. URL: http://languagestudy.ihcs.ac.ir/article_2190.html. Дата обращения: 11.06.2018.
9. Ruhbaxš 'A. Sābeqe-ye lahješenāsi-ye 'elmi dar Irān {История научной диалектологии в Иране} // Nāme-ye Farhangestān {Вестник Фархангестан}. S. 2. № 3. 1375 (1996). P. 176-181. URL: <http://persianacademy.ir/fa/nf07.aspx>. Дата обращения: 11.06.2018.
10. Sabzalipur J. & Nikgohar S.F. Farfangnegāri-ye guyeši (Motāle'e-ye mowredi: barresi-ye farfangnegāri dar gilaki) {Диалектальная лексикография (тематическое исследование: анализ лексикографии гиляки)}

// Zabānpažuhi {Языкознание}. 1393 (2014). № 11. S. 65-96. URL: http://jlr.alzahra.ac.ir/article_1091_1e56a11885695d1c51b04f39d5ccb0c8.pdf. Дата обращения: 11.06.2018.

11. Samar R.-Gh. & Navidinia H. & Mehrani M. Globalization, Standardization, and Dialect Leveling in Iran // *Iranian Journal of Applied Language Studies*. 2010. Vol. 2, No 1. P. 17-30. URL: http://ijals.usb.ac.ir/article_59_0.html. Дата обращения: 11.06.2018.
12. Soltāni A. & Parvān H. Ketābšenāsi-ye towsifi-ye āsār-e pažuhi-ye lahje-ye širāzi {Дескриптивная библиография исследований по ширазскому наречию} // *Faslnāme-ye adabiyāt mahalli-ye Irānzamin {Журнал народной словесности Иранской земли}*. D. 5. № 2. 1394 (2015). P. 65-104. URL: http://adabemahali.iauyasooj.ac.ir/article_517785_d761e1013d8057b4aa45bd6d17bc1e15.pdf. Дата обращения: 11.06.2018.

Е.К. Молчанова
ИБ РАН (Москва)
С. Сальманпур (Дубай)

Диалектные словари в Иране¹ (на материале ларестанского говора Эвази)

1. Введение

Ларестан – уезд в провинции Фарс в южном Иране. К юго-востоку от г. Шираз живут носители довольно большой группы ларских, или ларестанских, диалектов, в их числе собственно ларский (в городе Лар), диалект Гарраша, диалект Эваза и др. Ларские диалекты относятся к юго-западной группе иранских языков (той же, что и государственный персидский язык). Имеется солидный и уже переизданный словарь Ларестана, написанный известным иранским исследователем и лексикографом Ахмадом Эгтедари, и еще несколько словарей ларских диалектов. Одна из авторов настоящей статьи, г-жа Сильвана Сальманпур (ОАЭ, Дубай), уроженка Эваза, известная поэтесса и общественный деятель, пишет стихи на говоре Эвази. Другие поэты и писатели, историки, лингвисты и другие ученые, родившиеся там же, а также в других регионах Ирана, в последние 50 лет включали ларестанские говоры в сферу своих произведений и исследований. Не будем перечислять полный их список, назовем лишь подвижника полевой лингвистики д-ра Абдунаби Саями. К ним можно добавить еще ряд авторов из других стран мира (Япония, Россия, Америка). Однако проблемы адекватной и, главное, подробной передачи лексики ларестанских говоров, в том числе Эвази, были решены далеко не полностью.

Что касается словаря собственно говора Эвази, то первый такой словарь – **на английском языке** – был издан в 2007 г. уроженцем Эваза, ныне живущим в Америке, в штате Вирджиния, д-ром **Саидом Махмудианом**. Книга называется *Encyclopedia LARESTANICA*, включает 310 страниц; лексемы передаются персидскими буквами и латиницей, они снабжены английским переводом.

В 2011 г. уроженец Эваза, живущий в ОАЭ, **Фарук Зияи** издал в Ширазе сборник своих стихов на Эвази (256 стр.) с транскрипцией

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ, грант № 17-04-00563а.

и с персидским переводом. В конце каждого стихотворения дан перечень лексем Эвази и их значение по-персидски. Книга снабжена иллюстрациями с видами Эваза.

В 2012 г. в Тегеране вышла в свет книга избранных стихов Сильваны Сальманпур «Песни ... степи» (525 стр.), написанных на говоре Эвази. В ней 75 страниц посвящены проблемам транскрипции Эвази и 80 страниц – словарю еговора. Сюда включено 1195 лексем Эвази с транскрипцией и персидским переводом.

Все же лексический состав этих двух поэтических сборников не охватывает всю имеющуюся лексику Эвази.

В 2017 г. к наличному лексикографическому собранию добавился «Словарь говора населения Эваза» двух авторов, супружеской пары: г-жи Насрин Энсафпур и г-на Мохаммада Рафи Зияи (Ensaferpur, Nasrin, Ziyā'i, Mohammad Rafi'. *Vāže-nāmeje guyeše mardome Avaz.Tehrān, pašre Axtarān*, 1396 (2017). Последний, к сожалению, умер в 2016 г. Он был уроженцем Эваза (а жил в Тегеране) и его горячим патриотом. Он очень любил свой говор (Эвази). Судьба его сложилась трудно. Он был писателем (писал для детей), исследователем и художником-карикатуристом. Последняя его ипостась отразилась в анализируемом словаре: в нем представлены изящные, иногда шуточные миниатюры Мохаммада Рафи Зияи, иллюстрирующие те или иные статьи. Более 10 лет Мохаммад Рафи Зияи собирал языковой материал Эвази, пословицы, воспоминания, свои рисунки, снимки, сделанные им со своего фотоаппарата. Обработка, упорядочивание, толкование собранного материала, его классификация, перевод на персидский язык, набор и подготовка словаря к печати осуществлялись совместно двумя авторами, о чем г-жа Насрин Энсафпур пишет в начале словаря, в разделе «Памяти Мохаммада Рафи Зияи». Первоначально авторы предполагали издать словарь Эвази объемом не более 200 страниц, но вышло более тысячи страниц. Это наиболее полный словарь говора. Словарь был сдан в печать в 2015 г., но Мохаммад Рафи Зияи не успел его увидеть в печатном виде. Словарю предпослано посвящение: «Всем людям Эваза».

В «Предисловии» к словарю за подписью Мохаммада Рафи Зияи (с. 15-16) он пишет, что авторы ставили своей задачей уделить наибольшее внимание традиционной лексике Эвази, которой пользовались и пользуются их родители, но не современной расхожей лексике. В течение 10 лет они записывали разговорную речь жителей Эваза, встречаясь для этого с представителями самых разных занятий и опрашивая их о деталях их профессии в далеком прошлом и

о названиях соответствующих инструментов и приспособлений, о которых современные жители не имеют представления. Носители говора оказывали им помощь. Далее он очень подробно перечисляет те профессии и занятия, у представителей которых была записана информация: земледельцы (богарного и поливного земледелия), те, кто пользовался водой, поднимаемой из колодца или реки с помощью водяного колеса; те, кто выращивал финиковые пальмы; охотники, скотоводы, пастухи, возчики соли и разносчики воды, повара и хлебопеки, домохозяйки, ткачихи, портные, изготовители местной обуви, каменщики и строители хранилищ воды («аб-амбаров») и подземных каналов, кузнецы, слесари, заготовители и продавцы дров, мелкие торговцы и т.д.

К словарю прилагаются: описание позиции говора Эвази среди других иранских языков и диалектов; слово о городе Эваз и его истории; описание характерных особенностей говора; грамматика говора; парадигма спряжения некоторых глаголов Эвази.

«Словарь говора Эвази» является **диалектологическим двуязычным толковым**. Он построен по порядку персидского алфавита. Толкования в статьях даются по-персидски. Вместе с тем авторы-составители там, где могли, давали **этимологию** диалектных лексем – по имеющимся научным источникам или предлагаемую ими самими. Например, на с. 333: *berē* «паук» они связывают с глаголом *beresta* «прясть» (без ссылок). Этимология дается далеко не везде.

Исходя из принципа отбора лексики – преимущественно традиционной – этот словарь можно назвать также **историческим**.

Совершенно очевидно, что авторы стремились вложить в словарь как можно больше **этно-культурной** информации. Многие статьи и иллюстрации (картинки и фото) к ним посвящены исконным занятиям населения Эваза: земледелию, посеву и уборке зерновых культур, плодоводству, сохранению воды в жарком климате, разнообразному строительству, скотоводству, охоте и др. – со всеми присущими им особенностями. Большое внимание уделено выращиванию и обработке всех частей **финиковой пальмы**. Плодам ее посвящена подробная статья «*Ortmā*» (т.е. хурма) на с. 197-203. Структура статьи такова. Сначала приводится среднеперсидское соответствие (*armāw*), отмеченное в известном пехлевийском сочинении «Ассирийское дерево и коза». Затем перечисляются сорта фиников, произрастающие в Эвазе, и упоминания о финиках в иранских исторических памятниках; описаны последовательные этапы роста и развития плода (с их соответствующими наименованиями), его формы,

цвет и величина. Состояние полной спелости фиников – *rotab* (это слово можно увидеть на экспортных коробках фиников из Ирана – авт.). Сказано, что спелые финики едят с кисломолочными напитками (кашк, дуг, маст) и с кунжутной халвой. Несколько страниц посвящено вредителям финиковой пальмы. После того, как снят урожай фиников, их очищают и складывают в большие глиняные кувшины коричневого или черного цвета ёмкостью от 40 до 60 килограммов, а сверху заливают сиропом, суслом или патокой (из винограда или фиников), чтобы потреблять их в течение года. Сказано, что снятые с пальмы финики несут домой и расстилают на циновке из пальмовых листьев. Затем назначают день для очищения фиников, этим занимаются несколько женщин и девушек. После очистки финики просушивают, рассыпав их на белой хлопчатобумажной ткани (но не на нейлоновой, запах которой они впитают в себя), и выдерживают в течение трех дней на крыше дома в холодке – перед тем, как помещать в кувшины. От солнца их покрывают кисеёй. Попорченные финики идут на корм скоту. Процедуры отбора, очистки и проветривания фиников все время находятся под контролем и проводятся ранним утром во избежание нагревания плодов и чтобы уберечь их от ос. Заливать финики в кувшинах можно только холодной жидкостью и через фильтр. При этом финики слегка утрамбовывают, чтобы не оставалось пустот. Наполненные кувшины покрывают белой хлопчатобумажной тканью, завязывают и сверху прикрывают подносом. Описан порядок благотворительного подношения фиников частным лицам и вакуфного подношения мечетям (с. 201).

Сказанное касалось плодов финиковой пальмы. Несколько страниц в словаре (с. 1110-1113) посвящено дереву. Оно называется *moh* или *tox*. Высаженные пальмы, при соблюдении всех необходимых условий, начинают плодоносить через четыре года. Финиковые косточки содержат очень много растительного жира. Цветы и плоды имеют лекарственную ценность. Отдельно описаны листья и ветки пальмы и их части (с. 410, 415-416). Разнообразны виды финиковой пальмы, они перечислены в словаре. Чаще всего в Эвазе разводят сорта Хасаи и Шахани. Особые статьи посвящены саженцам (с. 1112) и мужским особям финиковой пальмы, последние называют *mohe noār* (с. 1113), тогда как у женских деревьев специального имени нет. Описан способ их опыления (с. 183). Несколько терминов связаны с тем, как снимают урожай с финиковых пальм. Плоды находятся на большой высоте. Человек, который срезает гроздь фиников, называется *mohbol*. Он поднимается по стволу пальмы вверх с помощью

специальной плотной и широкой петли, называемой *parvānd*, срезает гроздь плодов, кладет в другой *parvānd* или в корзину и отправляет их вниз (на веревке). Это устройство изображено на картинке (с. 406-407). *Parvānd* должен быть связан/соткан из пряденой козьей, овечьей или верблюжьей шерсти.

Две словообразовательные модели с именной основой *moh* (там же): *mohbū* «хранитель, сторож пальмовой рощи»; *mohdū* «место, где посажены финиковые пальмы, небольшая пальмовая роща».

Многочисленны изделия из разных частей финиковой пальмы. Например, веер (*bādzan*). Из небольших листьев молодой пальмы плетут циновку размером 20 на 25 см, вставляют ее в длинную и тонкую расщепленную палочку (это часть пальмовой ветки) размером 40-45 см и закрепляют также с помощью лоскутками крашеной ткани (с.273). Такие живописные веера готовят к свадебному обряду. Из листьев пальмы плели мелкие изделия развлекательного характера. Их называют *kowsara* (с. 997). В их числе игрушки для детей в виде животных: жеребенка, верблюжонка, птицы. Внутри клали свежие финики и дарили детям. Плелись также для фиников изящные корзины кубической или прямоугольной формы.

Использование частей финиковой пальмы в детских играх. В статье *aspuke* (с. 210) речь идет о высохшей ветке финиковой пальмы, ее очищали от листьев и шипов, а на одном конце их оставляли (как хвост) и отдавали эту ветку детям. Дети садились на нее верхом и играли в лошадку (так переводится слово *aspuke*). Статья сопровождается миниатюрным изображением мальчика верхом на *aspuke*.

В названиях двух статей (с. 215) присутствует лексема *astuk* «косточка»: *astuk čexūna* – вид коллективной игры с косточками фиников; *astuk koāla* – в этой игре выкапывают десять ямок в два ряда по пять, и два игрока по очереди набирают в руку определенное количество финиковых косточек и по одной раскладывают их в ямки; затем, по очереди, выбирают косточки из первой ямки и по одной перекалывают во все последующие, из второй, из третьей и т.д.

Многие статьи сопровождаются пунктом «**поверья**». Вот некоторые из них. Подаяние вечером в пятницу на помин умершего – это доброе дело, оно вознаграждается. В Эвазе на помин умерших дают финики (с. 201). В Эвазе следили за тем, чтобы пальма плодоносила. Если этого не случалось, приводили беременную женщину с палкой, она ходила вокруг пальмы, била ее палкой и пела: «Я беременна, и ты давай плоды!» В каждом дворе в Эвазе сажали хотя бы одну финиковую пальму. Во время свадьбы, когда невесту приводили в дом жениха и она отказывалась войти в дом, жених должен был задобрить ее подарком. В качестве такового ей предоставляли владение посаженной во дворе пальмой. Далее. Сообщается, что шакалы очень любят финики. Когда они голодны, то на закате солнца или рано утром направляются в пальмовую рощу за финиками. Голодный шакал поет, когда спелые финики падают на землю (*tālāp-tālāp* – звукоподражат.): *tālāp-tālāp!* Душа моя, куда ты упал? Мне (надо) найти тебя!» Наевшись фиников, шакал засыпает под пальмой. Если падает финик, он вскакивает и поет: «*tālāp!* Болезнь и боль! Он так падает, что пугает меня до смерти!» (с. 1112). Другие примеры. При статье *asp* «конь, лошадь» (с. 209-210): «если лошадь отказывается пить воду из источника, значит, в этом источнике водятся дивы и пери»; при статье *barra* «новорожденный ягненок»: «если первый родившийся ягненок белого цвета, то год будет удачным, если черного цвета – плохим» (с. 332).

В словаре много **фразеологизмов и пословиц**. Приведем некоторые из них в переводе. Устойчивые сочетания: *ormā arda* –

зимой финики едят с кунжутной халвой; *ormā kašk* – финики едят с кашком обычно в виде закуски или в качестве полдника. Выражение «финик (букв. голова/верхушка финика) в рот твоему отцу» (с. 201). По словам авторов словаря, «внешне фраза выглядит оскорбительной, она говорится в притворном тоне и как будто резко детям в порядке наказания; но на самом деле оскорбительной не является и подразумевает одну штуку финика в рот твоему отцу». Пословица «высаживает сто финиковых пальм, но одна из них не приносит плодов», ее эквивалент: «изготавливает сто ножей, один из них без черенка» (с. 1111). Говорится о хвастливом человеке и болтуне; «финики попали в лапы цыгана/нищего» (с. 201). Говорится о человеке неопытном или непригодном для дела, но занявшегося им.

Выше мы привели лишь один объект и продукт деятельности жителей Эваза, а именно финиковую пальму. Из материала видно, насколько важен этот объект и как тесно он связан с разными сторонами физического и духовного существования населения. В анализируемом словаре таких объектов много, из чего можно сделать заключение, что его с полным правом можно назвать кратким **энциклопедическим** словарем Эваза и, шире, всего Ларестана.

А.С. Крылова
ИВ РАН (Москва)

Словарь языка куллу: проблемы полевой лексикографии

1. Введение

Куллу – индоарийский язык, относящийся к группе химачальских пахари и распространённый в районе Куллу штата Химачал-Прадеш (Индия). Куллу не имеет литературной нормы и стандартизированной письменности. Согласно переписи населения Индии 2001 года, на языке куллу говорят около 170 тысяч человек. Официальным языком штата является хинди, который используется как язык преподавания в школе, язык официальных учреждений, средств массовой информации, городской и междиалектной коммуникации. Престиж куллу по сравнению с хинди и английским невысок, и его сфера употребления постепенно сужается. Дети школьного возраста используют главным образом хинди, а на куллу говорят только с бабушками и дедушками. Кроме того, стремительное развитие страны приводит к изменениям в быту, сельском хозяйстве, социальном устройстве, губительно влияя на экологическую обстановку даже в малозаселённых горных регионах. Многие объекты материальной и духовной культуры, природные явления, биологические виды уходят в прошлое, а вместе с ними уходит культурная и природная лексика местных языков.

Существующие грамматические описания куллу не содержат словаря. Лексика языков Западных Гималаев представляет собой сложнейшую картину, в которой переплетаются влияния различных индоарийских (хинди и пенджаби, языки пахари) и дардских языков, санскрита, персидского, арабского и английского, субстратных сино-тибетских и бурушаски. Создание полноценного словаря куллу, основанного на полевых данных и современных методах, чрезвычайно важно для сравнительно-исторического, типологического и ареального языкознания. Проект полевого исследования, которое ведётся нами с 2014 года, предусматривает и создание такого словаря в современном онлайн-формате, работа ведётся при помощи программ Fieldworks и Lingvodoc.

2. Формат словарной статьи

Словарная статья должна включать следующие данные:

- 1) Транскрипция исходной формы на основе МФА.
- 2) Перевод на английский и русский языки.

3) Грамматическая информация: часть речи; для существительных род, способ образования множественного числа (или помета Sg Tantum / Pl Tantum); для глаголов переходность, модель управления, нестандартная перфектная основа; для прилагательных сведения об изменяемости и модели управления.

4) Помета об источнике, из которого получена информация о лексической единице.

Также по возможности планируется добавление перевода на хинди, этимологической информации, диалектологической информации, фразеологизмов, примеров с приложением звуковых файлов.

3. Методы исследования лексики

Полевая лексикография предполагает различные методы исследования. При подготовке словаря куллу были использованы следующие:

Стимул: лексическая анкета-гезаурус на языке-посреднике	
Область применения	первичный этап
Пласты лексики	активный словарный запас, легко переводимая лексика
Необходимость глоссирования	нет
Многоэтапность работы с информантом	нет
Стимул: грамматическая фразовая анкета на языке-посреднике	
Область применения	первичный этап
Пласты лексики	активный словарный запас, легко переводимая лексика
Необходимость глоссирования	да
Многоэтапность работы с информантом	нет
Спонтанный текст (без стимула)	
Область применения	первичный этап
Пласты лексики	редкая лексика, фразеологизмы
Необходимость глоссирования	да
Многоэтапность работы с информантом	да
Стимул: лексическая анкета с указанием приблизительных звучаний и значений слов языка-объекта	
Область применения	вторичный этап

Пласты лексики	редкая, выходящая из употребления лексика
Необходимость глоссирования	нет
Многоэтапность работы с информантом	да

Наиболее прямым, подходящим для первого этапа исследования языка является тезаурусный метод. Он предполагает опрос при помощи лексической анкеты, построенной по тезаурусному принципу, включающей в себя основные понятия, составляющие предполагаемую картину мира носителя языка: человек, природа, пространство, время, фауна, флора, общество, материальная культура, духовная культура, действия, процессы и состояния, признаки, количественные характеристики, меры, местоимения, служебность. В качестве базы для такой анкеты нами был выбран тезаурус, использованный в издании [Самарина 2011], в силу относительной близости природного и культурного окружения: в Индии и Вьетнаме преобладает тропический климат, а пищевой базой и основным зерновым в сельском хозяйстве является рис. Тем не менее, тезаурус подвергся существенной переработке. В 2014 году в рамках нашего проекта было собрано около 1000 словарных единиц. Этот способ позволил получить базовую лексику в начале исследования, грамматическая информация собиралась позже, когда появилось достаточно данных о морфологии языка.

Другим важным источником лексики является сбор грамматических анкет, при котором стимулом являются предложения на английском языке или хинди. Этот способ позволяет получить примеры словоупотребления лексики, и, таким образом, выяснить грамматическую информацию. Однако набор лексики, использованной в грамматических анкетах, как правило, весьма ограничен: их непосредственной целью является изучение грамматики, а затруднения информанта при переводе лексики, не находящейся в его активном словарном запасе, могут лишь усложнить эту задачу.

Пополнить словарь редкой и семантически специфичной лексикой помогает расшифровка спонтанных текстов: фольклора и рассказов, порождённых информантом без участия стимула. Такие тексты часто содержат необычную фразеологию, выходящую из употребления лексику, и при этом дают примеры её словоупотребления, иногда позволяющие выяснить грамматическую информацию. Однако извлечение лексики из спонтанных текстов требует, помимо записи текстов, длительной последующей работы с ними: расшифровке текста с информантом, последующего глоссирования, поправок и уточнений.

Четвёртым источником лексики может являться работа предыдущих исследователей. Из двух наиболее подробных описаний куллуи очерк Ранганатхи [Ranganatha 1980] содержит список из приблизительно 800 слов с английскими переводами, но без необходимой грамматической информации. Кроме того, сама направленность книги Ранганатхи предполагает значительное влияние хинди на полученные полевые данные, и действительно, многие из слов, приведённых в его списке, согласно данным исторической фонетики и нашим полевым данным, относятся к лексике хинди. Грамматика Тхакура [Thakur 1975], написанная на хинди, более точна фактически, содержит значительно больше лексики, однако эта лексика не представлена в виде словника, а рассеяна по всему тексту грамматики, зачастую без грамматической информации и переводов, и дана в фонетически неоднозначной транскрипции на основе письменности деванагари. Однако этот источник требует многоэтапной работы. В индийской лингвистической традиции ещё со времён грамматик пракритов, написанных на санскрите, огромное внимание уделяется этимологии и сравнительно-историческому описанию языков (хотя и далёкому от современных принципов сравнительно-исторического языкознания). Не является исключением и книга М.Р. Тхакура. Наиболее богаты лексически её разделы, посвящённые этимологии. Лексика, имеющая индоарийское происхождение, как правило, приводится без перевода, но с санскритским источником, по которому можно предположить приблизительную семантику. (*bhaṣ* > *bāṣṇā*, *caḥṣuroga* > *cukṛī*). Любая лексика, имеющая параллели в хинди, также обычно даётся без перевода (*śūrū*, *dhuā*). Лексика, заимствованная, по предположению М.Р. Тхакура, из неиндоарийских языков, как правило, приводится с переводом, но не всегда достаточно однозначным (например: *ṭārgī* ‘маленькая хижина в полях’, *hiṣā* ‘тот, у кого порезана губа’). Почти никогда не указывается род и тип склонения существительных, модель управления глаголов. Первичной задачей полевого лексикографа в данном случае является составление лексической анкеты на основе текста грамматики. Слова, записанные в неоднозначной транскрипции на основе деванагари, выписываются в приблизительной индологической транскрипции. Создаётся анкета, в которой стимулом является приблизительное звучание слова, в качестве уточнения даётся приблизительное значение слова, а затем предлагаются на выбор словосочетания и фразы с искомым словом, позволяющие уточнить грамматическую информацию. Реакцией информанта должно быть правильное произнесение слова, уточнение его значения и выбор правильного словосочетания из нескольких, построенных исследователем. Эта кропотливая работа влечёт за собой и постоянное редактирование анкеты: уточнение звучаний и

значений, вычёркивание неупотребительных слов, добавление слов, отсутствовавших в анкете, но данных информантом в результате цепочки фонетических или семантических ассоциаций. В результате как состав словаря, так и картина мира носителя языка пополняется той редкой природной и культурной лексикой, которая могла бы быть утрачена навсегда. Однако часть лексики, полученной таким образом, получает недостаточно точное толкование со стороны информанта, например:

- dzaū – «такая трава, её не едят, используют для лечения зубов и в религиозных целях»;
- ubaṇ – «трава на пшеничном поле, которую трудно отличить от пшеницы»;
- khāzī – «кожная болезнь»;
- bukka – «лесной плод, похож на гриб. Только гриб с ножкой, а этот – шарик без ножки. Съедобный, его жарят с овощами»;
- dzhaurkā – «растение с широкими листьями, бывает чёрное и белое. Белое едят, чёрное нет»;
- goṭ – «пышный хлеб, испечённый на топлёном масле в ритуальных целях»;
- gūlī – «палка для обмолачивания кукурузы, а ещё детская игра в палочки».

Итак, некоторая часть природной и культурной лексики даже таким образом не получает достаточно ясного толкования. В этом случае для работы над словарём требуется междисциплинарный подход, включающий в себя работу с этнографами, фольклористами и представителями естественных наук.

4. Словарная транскрипция

Важнейшим аспектом описания, без которого невозможно создание словаря, является разработка единой транскрипции. Такая транскрипция требует понимания фонологии и морфонологии языка, а потому её разработка невозможна на первичном этапе исследования. Таким образом, значительная часть лексики предварительно будет собрана и записана до выработки транскрипции, в записи, близкой к фонетической. Как существующие источники, так и наши собственные полевые данные дают картину широкой диалектной и индивидуальной произносительной вариативности:

[Thakur 1975]	[Ranganatha 1980]	Перевод
tsəkṇā	sakkṇa	‘поднимать’
bonhṇā	bōnnhṇa	‘связывать’
bhedzṇā	bhejjṇa	‘посылать’
ḍūbṇā	ḍubbṇa	‘тонуть’

rūpā	ruppa	‘серебро’
mōrd	mōrd	‘мужчина’

Литература	Наши данные	Перевод
tsəkṇā	tsekṇa	‘поднимать’
ca:kku	tʃakku	‘нож’
gəlotṭa	glotṭa	‘щека’
surjə	su:rədz~surdz	‘солнце’
əwchi	ətʃʰi	‘глаз’
	pra:ṇa~pura:ṇa	‘старый’
	ika:ssi~kasi	‘81’
	nəri:ṇue~nṛi:nue	‘99’
	unūndza~nundza	‘49’

Как можно заметить, фонетическая запись, в особенности гласных, чрезвычайно разнообразна. Очевидны следующие явления:

- варьирование наличия/отсутствия гласного, в особенности э
- варьирование долгого/краткого гласного
- варьирование одиночных/геминированных согласных
- варьирование по ряду гласного среднего подъёма ə/ə/ε

Систематизировать эту непростую ситуацию помогает предположение о законе открытого слога, ударении «по латинскому правилу» (такое правило распространяется в той или иной мере на все новоиндоарийские языки, кроме махараштри, см: [Masica 1991]) и установление правил позиционной фонологии, при которой различные системы вокализма устанавливаются для конечных, ударных и безударных неконечных слогов.

Общий инвентарь гласных морфем, на основе которого разрабатывается транскрипция, выглядит следующим образом:

	передний	средний	задний
верхний	i		u
средний	ē	z	ō
нижний		ā	

Правила ударения:

- В двусложных словах ударение падает на второй гласный от конца.
- В многосложных словах ударение падает на второй гласный от конца, если он долгий.
- Если он краткий, ударение падает на третий гласный от конца.

Удлинение гласного и геминация последующего согласного являются факультативными признаками ударности слога. Также обязательным признаком является усиление артикуляции, в результате которого з в ударном слоге может реализоваться в одном из вариантов: ē/ḅ.

Гласные ударного слога:

	передний	средний	задний
верхний	ī		ū
средний	ē	ē (ḅ)	ō
нижний		ā	

В конечной безударной позиции артикуляция всех гласных ослабляется, но все, кроме з, приобретают фонетическую долготу. з чаще всего реализуется как ø, но при перечислительной интонации может звучать как сверхкраткое э.

Гласные конечного безударного слога:

	передний	средний	задний
верхний	ī		ū
средний	ē	э (ø)	ō
нижний		ā	

В безударной неконечной позиции i, ē > i; u, o > u; з, a > э. В беглом произношении любой безударный гласный может редуцироваться в э. При этом в первом предударном и первом заударном слогах гласный может подвергаться количественной редукции вплоть до полного выпадения.

Гласные неконечного безударного слога:

	передний	средний	задний
верхний	i		u
средний		э	

Таким образом, позиционная фонология в значительной мере снимает фонетическую вариативность, препятствующую созданию полноценного словаря. Однако сами правила, устанавливающие глубинный уровень системы, ударение и переход к поверхностному уровню, было невозможно установить до тех пор, пока не был собран достаточно большой материал, позволяющий сделать выводы о синхронной и исторической фонетике куллуи. Полевая лексикография языка, ранее не имевшего ни словаря, ни стандартизованной письменности, – задача, требующая нескольких циклов постоянной проверки и уточнения собранного материала.

Литература

1. Мазо О.М., Нгуен Хыу Хоань, Нгуен Ван Лой, Самарина И.В. Языки гэлао. *Материалы к сопоставительному словарю кадайских языков*. М.: Academia. 2011. 944 с.
2. Masica, C.P. *The Indo-Aryan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. 1991. 539 с.
3. Ranganatha, M. R. *Survey of Mandiali and Kului in Himachal Pradesh. Census of India. 1971*. Language monograph No. 7. New Delhi: Office of the Registrar General, India, Language Division. 1980. 168 с.
4. Thakur, M. R. *Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men*. Dehli: Sanmarg Prakashan. 1975. 328 с.

С.А. Крылов
ИВ РАН (Москва)

О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка)

Одной из традиционных задач общей и частной лексикографии является типология словарей, то есть классификация словарей по некоторым их существенным признакам.

Классификация есть логическое разбиение; множества объектов, выделяемые на основе некоторого одного различительного признака, не должны пересекаться. Но реальное разнообразие объектов и реальная сложность эмпирически наблюдаемых множеств этих объектов нередко сталкивает нас с классификационными проблемами нескольких логических типов. Одна из них – нечёткость (диффузность) границ между выделяемыми классами; другая – то, что часто эмпирический объект обладает разными чертами, сближающими его с объектами взаимоисключающих (ранее выделенных) классов. В таких случаях целесообразно внести уточнения в сами классификационные признаки, на которых основывались прежние классификации; а иногда удобно ввести в рассмотрение гибридные классы объектов.

В лексикографии выделяют три основных параметра классификации словарей: (1) по словнику; (2) по структуре словарных статей; и (3) по порядку следования вокабул. В параметре (3) выделяют три типа: 3А. Алфавитный (в том числе 3А' прямой и 3А'' обратный //инверсионный); 3Б. Ранговый (так наз. «частотный»); 3В. систематический (//Тематический).

При этом внутри каждого из типов параметра (3) возможно наложение дополнительного признака: «с гнездованием» vs. «без гнездования». Строго говоря, гнездование – параметр не бинарный, потому что бывает гнездование многоуровневое (хотя количество уровней гнездования редко превышает 3-4; а обычно уровень лишь один).

В структурно-вероятностной модели монгольского языка широко используются гибридные типы словарей. Так, частотный (статистический) принцип – используется не только в ранговых (где он является стержневым), но также в алфавитных (прямых и инверсионных) словарях. В гнездовых словарях на нулевом уровне гнездования может использоваться иной принцип упорядочения, чем на первом, а на первом – иной, чем на втором: так, на 0-м уровне словарь может быть алфавитным инверсионным, на I уровне – систематическим, на II уровне – алфавитным прямым. При этом такой словарь по

структуре словарной статьи относится к частотным, так как даёт информацию о встречаемости единиц в корпусе.

В качестве примера, иллюстрирующего гибридный словарь с многоуровневым гнездованием, рассмотрим частотный словарь аналитических словоформ современного монгольского языка. Ниже в иллюстративных целях приводится небольшой фрагмент такого словаря. Приведённый словарь совмещает признаки частотного словаря, прямого алфавитного словаря, обратного алфавитного словаря и рангового словаря, то есть представляет собой как раз типичный случай гибридного словаря, и потому может считаться иллюстрацией понятия гибридного словаря.

Фрагмент частотного словаря монгольских аналитических словоформ

В указанном словаре ставится задача измерить употребительность аналитических форм монгольского языка. Одна из главных трудностей такого исследования заключается в том, что границы самого инвентаря аналитических форм не вполне ясны. По-видимому, это множество имеет диффузную природу, то есть его границы расплывчаты. Тем не менее они поддаются исследованию достаточно точными методами, если эти методы будут иметь характер, адекватный своему реальному объекту, то есть количественный характер. Для этого необходимо на некотором первичном этапе исследования услышаться, какие именно формально диагностируемые признаки есть у аналитических форм.

Представляется, что эвристически наиболее плодотворный подход к аналитическим формам – так называемый «широкий» подход, представленный в так наз. теории «грамматикализации» (А. Мейе, 1912)¹, а также «грамматизации» (в отечественном языкознании), на-пример, работами В.В. Виноградова [1947], С.Д. Кацнельсона [1948], В.М. Жирмунского [1963], В.Г. Гака [1965], Ю.С. Маслова [1975, 1987] и других авторов. Но эти авторы при выделении аналитических форм не прибегают к количественным (статистическим, квантитативным) методам, ограничиваясь характеристикой семантической и синтаксической специфики аналитических конструкций, образуемых этими аналитическими формами; таким образом встаёт вопрос о применимости вероятностно-дистрибутивного подхода к самой процедуре выделения аналитических форм.

¹ См. также работы Б. Хайне, Кр. Лемана, Дж. Байби (1980-х гг.), а в XXI в. – работы Н. Р. Сумбатовой, Т.А. Майсака и др.

Целью словаря является первичная квантитативная систематизация материала монгольского языка на материале специально разработанного автором Генерального корпуса современного монгольского языка (ГКМЯ-1а), представленного в ряде предшествующих публикаций автора (см. [Крылов 2014] и указанную там литературу)¹. Изложение материала будет наиболее наглядным, если мы представим его в словарной форме.

Аналитические словоформы монгольского языка. Классификация по аналитическим грамматемам

В прямой алфавитный список включены не все аналитические словоформы монгольского языка, а лишь наиболее употребительные. Пороговое значение для включения в список составляет 10 вхождений в корпус ГКМЯ-1а, или 9 ipm. Таких словоформ оказалось 1818.

Аналитическая грамматема представлена как сочетание определённой структурной модели с определённой синтетической грамматемой.

В первой зоне словарной статьи приводится (полужирным неподчёркнутым курсивным шрифтом) та структурная модель, к которой относится данная аналитическая словоформа (всего словарь содержит 285 структурных моделей). Структурная модель состоит из постоянного и переменного компонентов (константа+переменная). Постоянный компонент представляет собой некоторую служебную (или полуслужебную) словоформу (или, в некоторых случаях, комплекс служебных словоформ). Переменный компонент представляет собой условный обобщённый символ знаменательной синтетической словоформы (в качестве такого условного символа выбран значок W).

Переменный компонент (знаменательная синтетическая словоформа), в свою очередь, по своей структуре бинарен. Он представляет собой сочетание служебного (грамматического) компонента (то есть некоторой синтетической условной грамматемы) с некоторой условной лексемой. Синтетическая условная грамматема в словаре представлена её именем, а условная лексема (ради компактности) не приводится вообще; однако читатель большей частью может легко догадаться, какая лексема имеется в виду, так как соответствующая словоформа в статье приведена.

Во второй зоне (полужирным подчёркнутым прямым шрифтом) приводится та грамматема (грамматическая форма), к которой

¹ Принципы квантитативной систематизации содержательно восходят к концепции дистрибутивно-статистического анализа А.Я. Шайкевича, см. [Шайкевич и др. 2013, 2016].

принадлежит синтетическая словоформа, функционирующая как знаменательный компонент данной аналитической словоформы.

В третьей зоне (полужирным неподчёркнутым прямым шрифтом) приводится суммарная относительная частотность (в ipm) данной аналитической грамматемы в корпусе ГКМЯ-1а.

В четвёртой зоне (полужирным неподчёркнутым курсивным шрифтом) приводится сама синтетическая словоформа, функционирующая в роли знаменательного компонента данной аналитической формы. Словоформа даётся в квазиорфографической записи. Квазиорфографическая запись отличается от орфографической лишь в том, что в ней нейтрализованы различия между собственными и нарицательными именами, выраженные посредством заглавности / строчности начальной буквы словоформы.

В пятой зоне (светлым неподчёркнутым прямым шрифтом) приводится суммарная относительная частотность (измеренная в ipm) той аналитической грамматемы, которая (в сочетании с условной лексемой) образует данную аналитическую форму, по корпусу ГМЯ-1а. Пороговое значение 9 ipm.

Повтор имени аналитической структурной модели заменяется символом тильды (~), а повтор имени синтетической грамматемы заменяется на символ знака равенства (=).

Частотность аналитических грамматем и аналитических словоформ, которыми они представлены

<i>W_aa</i> VF.IND.PRS1 15 яана 15	<i>W_алга</i> NOM 61 хэрэг 20; ~ = хун 19;
~ NOM 123 баги 33; ~ = ах 32;	~ = арга 11; ~ = даанч 11
~ = аав 29; ~ = жанжисн 10;	~ NOM & CAR-NOM 10 сураггүй 10
~ = найз 10; ~ = дарга 9	<i>W_алдан</i> NOM 52 инээд 18; ~ = хөл
<i>W_аваад</i> CVB.CNGR 24 татаж 14;	14; ~ = ухаан 11; ~ = уулга 9
~ = шүүрч 10	~ ABS-NOM 48 санаа 48
<i>W_авсан</i> CVB.CNGR 12 худалдаж	~ NOM & ABS-NOM 39 дуу 39
12	<i>W_аль_нь</i> NOM 12 аль 12
<i>W_авч</i> CVB.MOD 131 шүүрэн 41;	<i>W_бүхэн_нь</i> NOM 10 энэ 10
~ = татан 23; ~ = хүлээн 20;	<i>W_бөгөөд</i> NOM 12 хун 12
~ = тэврэн 18; ~ = угтан 18;	~ NOM & COM-NOM 11 сүртэй 11
~ = таслан 11	~ PC.PROSP-NOM 10 үзэгдэх 10
~ NOM & REL-NOM & CVB.MOD	<i>W_байв</i> CVB.CNGR 54 зогсож 32;
10 тосон 10	~ = санагдаж 13;
<i>W_адил</i> NOM & POSS.REFL 26	~ = ажиллаж 9
лугаа 26	<i>W_байгаа_бол</i> CVB.CNGR 9 гэж 9
~ REL-NOM 18 нэгэн 18	<i>W_байгаа_нь</i> CVB.CNGR 13 гэж 13
~ {TEMP GEN-NOM} 9 урьдын 9	

W_байгаа юм шиг **CVB.CNGR 22** гэж 22
 W_байгаа юм **CVB.CNGR 12** гэж 12
 W_байгаа **CVB.CNGR 173** гэж 63;
 ~ = зогсож 33; ~ = идэж 18;
 ~ = унтаж 18; ~ = хүлээж 11;
 ~ = харагдаж 11; ~ = урсаж 10;
 ~ = тоглож 9
 ~ **DAT 10** энд 10
 W_байгааг **CVB.CNGR 20** гэж 20
 W_байгаад **CVB.CNGR 19** тулгаж 10; ~ = гэж 9
 W_байдаг билээ **{PART} & ABS-NOM 11** юу 11
 W_байдаг **CVB.CNGR 18** гэж 18
 W_байж **NOM 13** хүн 13
 ~ **CVB.CNGR 11** гэж 11
 W_байжээ **NOM 20** хүн 10; ~ = энэ 10
 W_байлаа **NOM 51** хүн 22; ~ = хэрэг 16; ~ = тэр 13
 ~ **COM-NOM 11** хэрэгтэй 11
 ~ **CVB.CNGR 72** зогсож 26;
 ~ = санагдаж 15; ~ = хүлээж 11;
 ~ = унтаж 10; ~ = чичирч 10
 W_байн **CVB.MOD 18** байн 18
 W_байна **вэ {ADV}ESSI 9** хаана 9
 W_байна **даа NOM 9** хүн 9
 W_байна **уу NOM 40** сайн 40
 ~ **CVB.CNGR 36** санаж 18; ~ = гэж 18
 W_байна **{ADV}ESSI 31** хаана 31
 ~ **SBJ 18** би 18
 ~ **NOM 181** хүн 35; ~ = энэ 22;
 ~ = тийм 19; ~ = сайхан 18; ~ = ямар 17; ~ = тэр 13; ~ = сайн 11; ~ = бэлэн 10; ~ = газар 9; ~ = морь 9; ~ = муу 9;
 ~ = хэрэг 9
 ~ **COM-NOM 10** хэрэгтэй 10
 ~ **{PART} & ABS-NOM 19** юу 19
 ~ **{ADV}NOM 26** хаа 26
 ~ **CVB.CNGR 206** гэж 115;

~ = харагдаж 18; ~ = асууж 17;
 ~ = санаж 16; ~ = зогсож 12;
 ~ = итгэж 10; ~ = хүлээж 9;
 ~ = хүсэж 9
 ~ **{ADV} & CVB.CNGR 17** яаж 17
 ~ **{PART} 16** мөн 16
 W_байсан юм **NOM 10** хүн 10
 W_байсан **NOM 14** хүн 14
 ~ **CVB.CNGR 67** зогсож 24;
 ~ = гэж 20; ~ = ажиллаж 12;
 ~ = хүлээж 11
 W_байснаа **CAR-NOM 16** дуугүй 16
 ~ **CVB.CNGR 32** ширтэж 12;
 ~ = зогсож 11; ~ = ажиглаж 9
 W_байтал **NOM & PC.DUR-CAR-NOM 10** амжаагүй 10
 ~ **CVB.CNGR 39** тэгж 20; ~ = гэж 19
 ~ **NOM & CVB.CNGR 11** чингээж 11
 W_байтугай **NOM 36** тэр 26;
 ~ = хүн 10
 W_байх билээ **SBJ 10** хэн 10
 ~ **{PART} & ABS-NOM 15** юу 15
 W_байх **вэ NOM 33** юу 33
 W_байх **уу CVB.CNGR 12** гэж 12
 W_байх **NOM 18** тийм 9; ~ = хүн 9
 W_байхад **CVB.CNGR 15** гэж 15
 W_байхгүй **CVB.CNGR 13** гэж 13
 W_барин **ACC 9** зүгийг 9
 W_барьсан **DAT-POSS.REFL 10** гартаа 10
 W_бий **NOM 31** ёс 11; ~ = хүн 11;
 ~ = тийм 9
 ~ **CVB.CNGR 14** гэж 14
 ~ **{PART} 9** бас 9
 W_билээ **VF.IND.PRS1 58** гэнэ 58
 ~ **SBJ 17** хэн 17
 ~ **NOM 71** энэ 26; ~ = тэр 21;
 ~ = хүн 13; ~ = сан 11
 ~ **PC.PRF-NOM 10** гэсэн 10
 ~ **PC.PROSP-NOM 13** чадах 13
 ~ **{PART} & ABS-NOM 68** юу 68

~ **PC.US-NOM 28** яадаг 28
 ~ **NOM & PC.US-NOM 10** болдог 10
 ~ **CVB.CNGR 15** гэж 15
 W_биш **ABL 15** түүнээс 15
 ~ **PC.PROSP-ABL 26** болохоос 26
 ~ **NOM 86** хүн 40; ~ = тийм 24;
 ~ = хэрэг 22
 W_бодож **CVB.MOD 32** хэмээн 22;
 ~ = эргэцүүлэн 10
 ~ **{PART} & ABS-NOM 13** юу 13
 W_бол **SBJ 57** би 41; ~ = чи 16
 ~ **COP.IRREAL & PC.US-COP.IRREAL 20** болдогсон 20
 ~ **{ADV} & DAT-POSS.REFL 11** үнэндээ 11
 ~ **NOM 407** энэ 288; ~ = тэр 52;
 ~ = хүн 33; ~ = тийм 19; ~ = сан 15
 ~ **PL3-NOM 11** эд 11
 ~ **PC.PRF-NOM 25** мэдсэн 14;
 ~ = тэгсэн 11
 ~ **PC.PROSP-NOM 11** гэх 11
 ~ **NOM & CAR-NOM 49** аягүй 49
 ~ **PC.PROSP-CAR-NOM 34** авахгүй 13; ~ = тэгэхгүй 11; ~ = өгөхгүй 10
 ~ **ABS-NOM 29** нэг 29
 ~ **PC.US-NOM 46** гэдэг 46
 ~ **{TEMP}NOM 26** одоо 26
 ~ **{POST.REL}DAT 9** тухайд 9
 ~ **{PART} 40** эс 26; ~ = үгүй 14
 W_болж байгааг **{PART} & ABS-NOM 18** юу 18
 W_болж **NOM 80** хүн 36; ~ = тус 14;
 ~ = их 11; ~ = эр 10; ~ = аз 9
 ~ **CAR-NOM 9** аргагүй 9
 ~ **{PART} & ABS-NOM 11** юу 11
 ~ **{TEMP}NOM 9** орой 9
 W_боллоо **NOM 11** цаг 11
 ~ **{PART} & ABS-NOM 10** юу 10
 W_болно **NOM 16** хэрэг 16
 ~ **{PART} 17** үл 17
 W_болов **NOM 13** овогтон 13
 ~ **COM-NOM 11** хэрэгтэй 11
 ~ **CAR-NOM 18** дуугүй 18

~ **NOM & CAR-NOM 13** чимээгүй 13
 ~ **{PART} & ABS-NOM 28** юу 28
 W_боловч **SBJ 11** хэн 11
 ~ **NOM 40** ямар 19; ~ = бага 12;
 ~ = хүн 9
 ~ **PC.PRF-NOM 50** гэсэн 41;
 ~ = оролдсон 9
 ~ **PC.PROSP-NOM 11** гэх 11
 W_болон **NOM 24** бодол 24
 W_болоод **NOM 10** том 10
 ~ **{PART} & ABS-NOM 12** юу 12
 W_болох **вэ {PART} & ABS-NOM 10** юу 10
 W_болох **NOM 19** тус 10; ~ = хүн 9
 W_болохгүй **NOM 10** огт 10
 W_болохоор **NOM 82** аль 40; ~ = хүн 28; ~ = тийм 14
 ~ **{TEMP}NOM 9** одоо 9
 W_болохыг **SBJ 15** хэн 15
 ~ **NOM 9** хүн 9
 ~ **{PART} & ABS-NOM 32** юу 32
 W_болсон **NOM 48** дасал 22; ~ = цаг 15; ~ = цус 11
 ~ **NOM & ABS-NOM 13** эх 13
 W_бэ **SBJ 48** хэн 48
 ~ **NOM 89** хүн 50; ~ = амьтан 26;
 ~ = сайхан 13
 W_вэ **дээ PC.PROSP-NOM 9** гэх 9
 W_вэ **VF.IND.PRS1 9** хэлнэ 9
 ~ **{ADV}ESSI 32** хаана 32
 ~ **NOM 201** энэ 48; ~ = тэр 37;
 ~ = аль 33; ~ = хэрэг 32; ~ = улс 20;
 ~ = гэж 11; ~ = зөлийг 11; ~ = хүүхэд 9
 ~ **PC.PROSP-NOM 87** гэх 61;
 ~ = яах 17; ~ = таарах 9
 ~ **PC.DUR-NOM 10** яагаа 10
 ~ **NOM & ABS-NOM 14** юу 14
 ~ **{PART} & ABS-NOM 106** юу 106
 ~ **PC.ACT-NOM 13** гэгч 13
 W_гадна **PC.PROSP-ABL 10** болохоос 10
 W_гарган **NOM 21** царай 21

W_гарч ABL 17 гэрээс 17
 ~ **NOM 11** хүн 11
 ~ **ABS-NOM 21** чимээ 21
 ~ **NOM & ABS-NOM 18** дуу 18
 ~ **{LOC|LAT} 9** гадагш 9
W_гуйй NOM? 12 чогжсмаа 12
 ~ **POSS.REFL 10** сүхээ 10
 ~ **NOM 90** дүгэр 22; ~ = банди 18;
 ~ = шарав 11; ~ = ням 11; ~ = янжин
 10; ~ = овгон 9; ~ = эрдэнэ 9
 ~ **{PART} 11** жав 11
W_гэнэ CVB.CNGR 9 гэж 9
W_гэх_вэ NOM 14 тэр 14
W_даа VF.IND.PRS1 14 яана 14
 ~ **ABL 13** хаанаас 13
 ~ **PC.PROSP-POSS.REFL 10** бай-
 хаа 10
 ~ **NOM 35** амьтан 14; ~ = яамай 11;
 ~ = яришг 10
 ~ **{PART} & ABS-NOM 21** юу 21
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP 35** ай 35
 ~ **{COMM} 18** за 18
W_дараа GEN-NOM 26 жилийн 16;
 ~ = цагийн 10
 ~ **NOM & GEN-NOM 26** хоногийн
 26
 ~ **PC.PRF-GEN-NOM 34** явсны 23;
 ~ = болсны 11
 ~ **GEN-NOM & PC.PRF-GEN-
 NOM 10** өнгөрсний 10
W_дор NOM 9 тэртээ 9
 ~ **REL-NOM 9** нэгэн 9
 ~ **GEN-NOM 11** тэнгэрийн 11
 ~ **NOM & GEN-NOM 15** сарны 15
 ~ **ABS-NOM 11** нэг 11
W_дотор REL-NOM 20 модон 10;
 ~ = усан 10
 ~ **GEN-NOM 106** гэрийн 30;
 ~ = зуурын 24; ~ = түүний 13;
 ~ = хүний 11; ~ = сэтгэлийн 10;
 ~ = миний 9; ~ = жилийн 9
 ~ **NOM & GEN-NOM 16** хоногийн
 16

W_дотроо REL-NOM 13 аман 13
W_дунд NOM 61 тэр 21; ~ = шөнө
 18; ~ = өдөр 11; ~ = бага 11
 ~ **GEN-NOM 47** олны 21;
 ~ = харанхуйн 15; ~ = хүмүүсийн 11
 ~ **NOM & GEN-NOM 31** эдний 11;
 ~ = зуны 11; ~ = намрын 9
 ~ **PL3-REL-GEN-NOM 14** тэдний
 14
 ~ **ABS-GEN-NOM 9** хоёрын 9
W_дэргэд GEN-NOM 34 галын 23;
 ~ = миний 11
W_дээ PC.PROSP-QUEST(S) 32
 байхав 19; ~ = яахав 13
 ~ **NOM 114** хүн 47; ~ = тийм 27;
 ~ = энэ 20; ~ = тэр 11; ~ = хэрэг 9
 ~ **CAR-NOM 37** байлгүй 37
 ~ **CVB.CNGR 41** гэж 41
 ~ **VF.IND.AOR 10** гэхэв 10
 ~ **{PART} 123** шив 57; ~ = ээ 52;
 ~ = үгүй 14
W_дээр нь NOM 10 толгой 10
W_дээр CVB.MOD 16 зүлгэн 16
 ~ **GEN-SUBST-POSS.REFL 10**
 түүнийхээ 10
 ~ **NOM 413** орон 41; ~ = эрэг 31;
 ~ = толгой 30; ~ = дээл 24; ~ = газар
 22; ~ = дэнж 20; ~ = сандал 20;
 ~ = шалан 20; ~ = зам 18; ~ = хорвоо
 18; ~ = гар 16; ~ = бүр 15; ~ = буудал
 13; ~ = ертөнц 12; ~ = зах 11;
 ~ = ирмэг 11; ~ = талбай 11; ~ = гал
 11; ~ = хичээл 11; ~ = хог 11;
 ~ = дэлхий 10; ~ = тавцан 10;
 ~ = өвөр 9; ~ = дэвсгэр 9; ~ = хацар 9
 ~ **REL-NOM 320** ширрэн 40;
 ~ = чулуун 33; ~ = даваан 23;
 ~ = цаасан 18; ~ = түүн 18; ~ = уяан
 17; ~ = морин 16; ~ = нуруун 16;
 ~ = хаалган 16; ~ = үүдэн 13;
 ~ = ногоон 13; ~ = цасан 13;
 ~ = модон 12; ~ = нүдэн 11;
 ~ = тэргэн 11; ~ = хүрэн 11;

~ = мөсөн 11; ~ = усан 10; ~ = нүүрэн
 9; ~ = юман 9
 ~ **NOM & REL-NOM 22** мөрөн 11;
 ~ = элсэн 11
 ~ **PC.US-NOM 9** гэдэг 9
 ~ **{TEMP}NOM 25** орой 25
W_дээрээ NOM 148 орон 33; ~ = хөл
 23; ~ = өвдөг 18; ~ = өвөр 17; ~ = гар
 16; ~ = эмээл 16; ~ = толгой 14;
 ~ = хэрэг 11
 ~ **REL-NOM 34** морин 12; ~ = алган
 11; ~ = дөрөөн 11
 ~ **NOM & REL-NOM 17** мөрөн 17
 ~ **{TEMP}NOM 13** орой 13
W_ирэж CVB.MOD 21 давхин 12;
 ~ = хүрэлцэн 9
 ~ **NOM & GEN-NOM & CVB.MOD
 17** гүйн 17
 ~ **DAT-POSS.REFL 9** гэртээ 9
 ~ **NOM 15** хүн 15
W_ирлээ CVB.CNGR 10 буцаж 10
 ~ **CVB.ANT 15** хүрээд 15
W_ирнэ CVB.CONDI 11 заавал 11
W_ирэх NOM 11 өдөр 11
W_ирээд DAT-POSS.REFL 12 гэр-
 тээ 12
 ~ **CVB.CNGR 40** буцаж 16;
 ~ = гүйж 12; ~ = давхиж 12
W_их_л CVB.CNGR 11 гэж 11
W_л_биш ABS-NOM 11 нэг 11
W_л_дээ NOM 11 тийм 11
W_л GEN/ACC 18 бүхий 18
 ~ **SBJ 47** би 30; ~ = чи 17
 ~ **POSS.REFL 19** өөрөө 19
 ~ **DAT-POSS.REFL 35** ердөө 35
 ~ **PC.PROSP-DAT-POSS.REFL 13**
 гэхдээ 13
 ~ **NOM 706** их 257; ~ = дэмий 92;
 ~ = төдий 53; ~ = тэр 44; ~ = ийм 37;
 ~ = энэ 34; ~ = арай 33; ~ = улам 18;
 ~ = аанай 17; ~ = тийм 17; ~ = хүн
 15; ~ = өнөөх 14; ~ = зөвхөн 11;
 ~ = нээрээ 11; ~ = хоёр 11; ~ = цөм

11; ~ = бүх 11; ~ = чухам 11;
 ~ = нөгөө 9
 ~ **COM-NOM 91** ёстой 91
 ~ **NOM & COM-NOM 20** золтой 20
 ~ **REL-A.COM-NOM 13** нэгэнт 13
 ~ **GEN-NOM 14** миний 14
 ~ **CAR-NOM 35** аргагүй 35
 ~ **PC.DUR-NOM 25** эгээ 25
 ~ **ABS-NOM 248** нэг 248
 ~ **{PART} & ABS-NOM 9** юу 9
 ~ **{TEMP}ABS-NOM 25** сая 25
 ~ **PC.US-NOM 11** гэдэг 11
 ~ **{TEMP}NOM 41** одоо 41
 ~ **VF.OPT.IMP 11** хий 11
 ~ **CVB.CNGR 46** гэж 24; ~ = ингэж
 13; ~ = тэгж 9
 ~ **INSTR 39** зүгээр 39
 ~ **NOM & VF.OPT.JUSS 38** бараг
 38
 ~ **NOM & DAT 16** шууд 16
 ~ **CVB.ANT 177** тэгээд 77; ~ = гээд
 60; ~ = ингээд 40
 ~ **NOM & CVB.ANT 50** дахиад 50
 ~ **NOM & DAT & CVB.ANT 11**
 ахиад 11
 ~ **{TEMP} 16** дандаа 16
 ~ **{PART} 389** мөн 202; ~ = бас 187
 ~ **{ADV} 74** яг 74
W_минь ACC 15 зүрхийг 15
 ~ **SBJ 165** чи 90; ~ = та 75
 ~ **NOM 1178** хүү 253; ~ = ээж 59;
 ~ = аав 54; ~ = дүү 49; ~ = охин 47;
 ~ = зурх 40; ~ = өвгөн 35; ~ = бурхан
 34; ~ = нөхөр 34; ~ = орон 33;
 ~ = хөөрхий 33; ~ = тэр 32; ~ = ах 31;
 ~ = эрдэнэ 31; ~ = хонгор 30;
 ~ = сэтгэл 29; ~ = нас 28; ~ = нутаг
 27; ~ = нөхөд 24; ~ = найз 21; ~ = эвий
 21; ~ = бие 20; ~ = үр 19; ~ = тэнгэр
 18; ~ = эцэг 18; ~ = ижий 18;
 ~ = морь 14; ~ = эгч 14; ~ = эжий 13;
 ~ = дарга 12; ~ = эзэн 12; ~ = долгор
 11; ~ = амраг 11; ~ = москва 11;

~ = наваан 11; ~ = эхнэр 11; ~ = багш
 10; ~ = хүүхэд 10
 ~ N.PL4A-NOM 20 хүүхдүүд 20
 ~ NOM & PC.PRF-NOM 11 төрсөн
 11
 ~ NOM & REL-NOM 10 чулуун 10
 ~ GEN-NOM 96 орны 26;
 ~ = нутгийн 17; ~ = ээжийн 17;
 ~ = биеийн 9; ~ = сэтгэлийн 9;
 ~ = хүүгийн 9; ~ = чиний 9
 ~ NOM & GEN-NOM 30 насны 19;
 ~ = төрийн 11
 ~ NOM & CAR-NOM & CAR-
 NOM 11 бүсгүй 11

~ DAT 20 зурхэнд 10; ~ = сэтгэлд 10
 ~ NOM & DAT 9 анд 9
 ~ NOM & A.COM-NOM & DAT 17
 хайрт 17
W_мэднэ NOM 31 сайн 31
 ~ {PART} 35 үл 35
W_мэдэж ACC 9 учрыг 9
W_мэдэх {PART} 11 үл 11
W_мэдэхгүй NOM & VF.OPT.IMP
 10 хэл 10
W_мэт NOM 35 энэ 21; ~ = буй 14
 ~ PC.PRF-NOM 35 гэсэн 35
 ~ PC.PROSP-NOM 40 гэх 30;
 ~ = инээмсэглэх 10

Заключение

Квантитативный подход к выделению множества монгольских аналитических грамматем и их классификации позволяет представить это множество как имеющее нечёткие, диффузные границы (ср. известное понятие «fuzzy sets»). Тем не менее оно поддаётся изучению точными методами, если эти методы носят вероятностно-статистический характер.

Литература

1. Виноградов В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М., 1947.
2. Гак В.Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // *Аналитические конструкции в языках различных типов*. М., 1965. С. 129-143.
3. Жирмунский 1963 – Жирмунский В.М. Об аналитических конструкциях (1963) // Жирмунский В.М. *Общее и германское языкознание*. Л.: Наука, ЛО, 1976. С. 82-125.
4. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // *Вестник ЛГУ*. 1948. № 2 (см. также: Кацнельсон С.Д. *Общее и типологическое языкознание*. Л., 1986).
5. Крылов С.А. *Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. (в 6 ч.) Ч. 2. Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на базе Генерального корпуса современного монгольского языка)*. М.: Наука, Восточная литература. 2014. 637 с.

6. Маслов Ю.С. *Введение в языкознание*. М.: Высшая школа, 1975 (2-е изд., М.: Высшая школа, 1987).
7. Шайкевич и др. 2013 – Шайкевич А.Я., Андриющенко В.М., Ребецкая Н.А. *Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850-1870-х гг.* Том 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 504 с.
8. Шайкевич и др. 2016 – Шайкевич А.Я., Андриющенко В.М., Ребецкая Н.А. *Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850-1870-х гг.* Том 2. М.: Языки славянской культуры, 2016. 850 с.

К.И. Демич
А. В. Костыркин
ИВ РАН (Москва)

Японское слово в электронном словаре: Категории леммы, лексемы, словарного и заголовочного слова в структуре словарного описания

По мере более глубокого освоения словарным делом современной цифровой среды все актуальнее становится уточнение таких базовых лексикографических категорий, как понятия леммы, лексемы, словарного и заголовочного слова. Без этого невозможно правильное построение структуры электронного словаря, который предъявляет более жесткие требования к лексикографическому описанию. Исследования в этой области уже имеют свою историю. Весомый вклад в общую разработку данной проблематики внесли отечественные языковеды: А.М. Пешковский, А.И. Смирницкий, А.А. Зализняк, И.А. Мельчук, Ю.Д. Апресян, С.Е. Яхонтов, Л.Н. Засорина, А.Я. Шайкевич. Среди западных концепций следует отметить подход Х. Бергенхольца и Х. Агербо. Применительно к японской лексикографии все заявленные категории имеют свою специфику, особым образом сопрягаются с подходами традиционного японского языкознания и требуют повышенного внимания при адаптации к задачам современной электронной лексикографии. Из отечественных японистов этой тематикой занимались А.А. Пашковский, З.М. Шаляпина, В.М. Алпатов, А.А. Холодович. Из японских разработок особо важное значение здесь имеют пионерские исследования, проводившиеся с начала 1950-х гг. группой под руководством Мидзутани Сидзуо. Модели, также имеющие параллели в отечественной лексикографии, использовались при создании электронных словарей семейства UniDic под руководством Дэна Ясухару в рамках корпусных проектов «Института японского языка».

С начала 1950-х гг. на фоне открывшейся перспективы использования ЭВМ для автоматического анализа текста начинают ставиться и соответствующие практические задачи подготовки машинных словарей, частотных словарей и конкордансов в промышленных масштабах. В связи с чем растет потребность в морфологическом анализе текста и, соответственно, в разработке четкой формализации процедур лемматизации, основной целью которых является выделение в тексте отдельных словоформ и сведение их к одной основной форме. Не сложно заметить, что на этом этапе схема лемматизации имела каскадный вид и изначально копировала собственно конвейерный процесс

работы с перфокартами или так называемыми бланк-картами. Она могла распространяться как на коллектив лингвистов с распределенными задачами, так и на одного лингвиста-оператора, выполняющего некоторый комплекс операций в системе «человек-машина».

Одним из первых и наиболее ярких примеров такой каскадной схемы лемматизации можно назвать разработки итальянского католического священника Роберто Бузы [Буза 1957] при составлении словоуказателя к «Сумме теологии» Фомы Аквинского. Первые результаты группы Р.Бузы были получены в 1951 г., где процесс состоял из последовательности операций, выполняемых с использованием перфораторов, сортировальных машин, и ручных операций (Рис. 1).

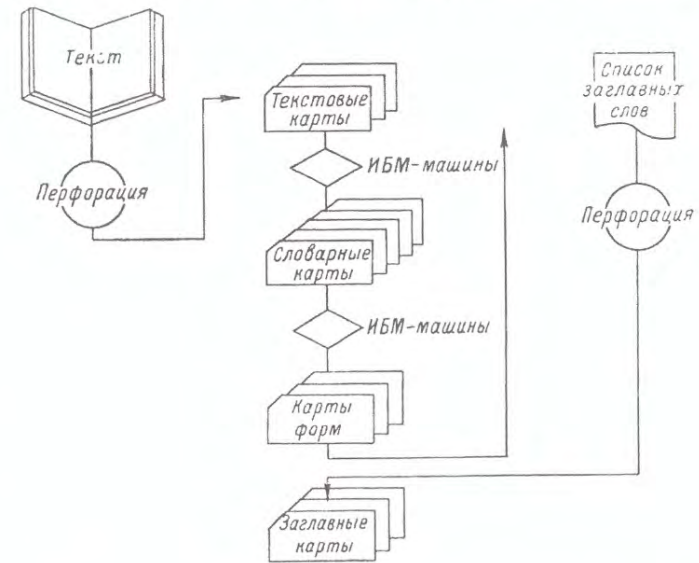

Рис. 1

Выделяемые в тексте на первом этапе слова заносились на «текстовые карты», на основе группировки которых составлялись «карты словоформ», а последние вручную сводились к одной форме, на которую также заводилась соответствующая карта.

Схожую схему мы можем найти в статье японского лингвиста Мидзутани Сидзуо, которая представляет порядок работы группы специалистов в ходе статистического обследования лексики женских журналов в 1953 г. [Мидзутани 1953]. Роспись слов на карточки, их сортировка и подсчет данных выполнялись вручную, но отдельные

этапы схемы были спроектированы так, что они могли быть переданы машине для автоматической обработки (Рис. 2).

При последующих исследованиях в 1970-е гг. это замещение ручной работы автоматической и было осуществлено [Обследование 1970–73]. В частности, были реализованы алгоритмы отождествления и различения омофонов и омографов. Пока обработка (сортировка и обсчет) материала производилась большей частью вручную, отождествление счетных единиц осуществлялось в скрытом виде, с опорой на разные признаки, в том числе и интуитивные, и как проблема не осознавалась. По мере перехода к подлинной автоматизации и за действия реальных ЭВМ, эта проблема начала проявлять себя на разных участках и локально решаться, как формализованно, так и, по-прежнему, интуитивно.

В конечном итоге мы можем отметить, что иерархия лингвистических категорий, задействованных при этом, копировала этапы обработки эмпирического материала. Прямолинейная, однонаправленная процедурная схема оказалась унаследована концептуальной схемой лемматизации. Таким способом, в частности, строится каскадная схема лемматизации у Л.Н. Засориной [1972], которая ложится в теоретическое основание процедур подсчета при работе над построением «Частотного словаря русского языка» [1977]. Его выход стал вехой в отечественной количественной лингвистике. В это время в стране разворачиваются схожие проекты количественного направления, в частности, можно назвать работы «Лаборатории вычислительной лингвистики» в МГУ под руководством В.М. Андрущенко [2014]. Предельный отказ от семантического анализа у Засориной стал радикализацией исследовательских принципов, от которых исходно отталкивалась группа Н.Д. Андреева [1967]. В дальнейшем пример возвращения к методам с учетом семантики, как минимум к различению дифференциальных значений (differential meaning у Смита-Харриса [Арутюнова и др. 1964, с. 195]), мы находим у А.Я. Шайкевича, представившего результаты дистрибутивно-статистического анализа языка русской прозы второй половины XIX в. в виде частотного словаря, в котором проводится различение лексических и частерных омонимов [Шайкевич и др. 2013, с. 157-495].

В своей программной статье Засорина [1972] противопоставляет текстовое и словарное слово и преодолевает дистанцию между ними в несколько этапов, на каждом из которых выделяет самостоятельные сущности: текстовые слова, словоформы, лексемы и, наконец, словарные слова. При таком подходе строго не различаются

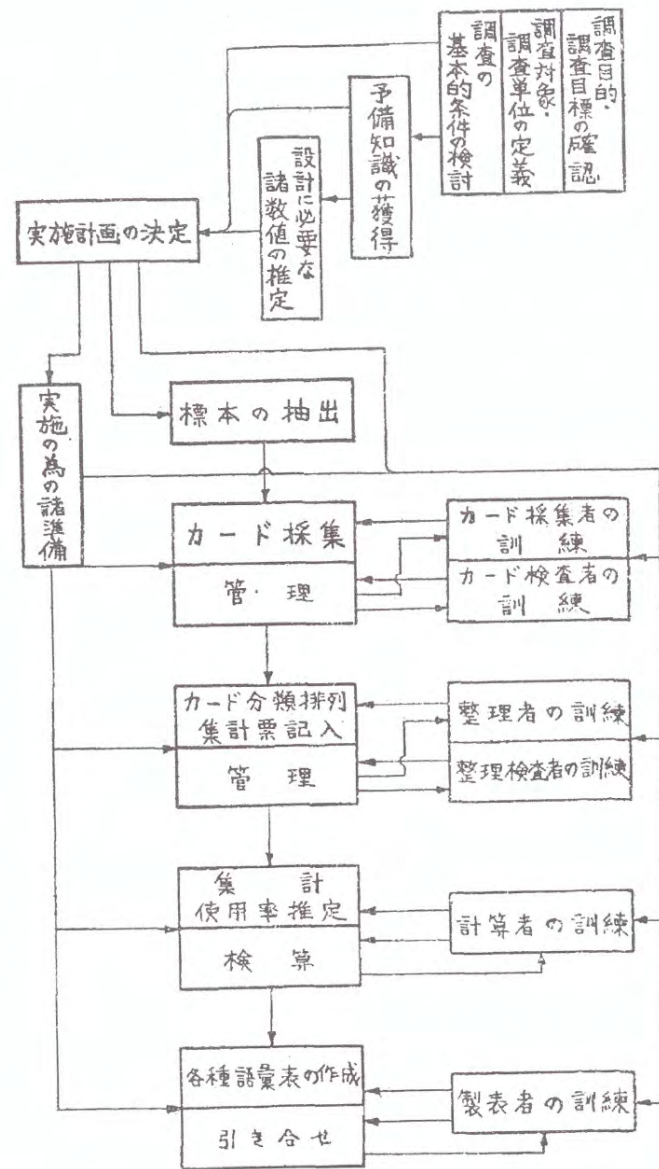

Рис. 2

заголовочное слово, лексема и лемма. Так, Засорина часто, говоря о словарном слове, имеет в виду скорее лемму, а под лексемой понимает словоизменительную парадигму. Следы такого же понимания можно найти и в других работах по структуре словарного описания. Например, у Франца Хаусманна и Герберта Виганда [Hausmann & Wiegand 2003] мы видим, что заголовочное слово и словарное слово – всего лишь разные взгляды на лемму как представителя парадигмы с точки зрения микро- и макро-структуры словаря. Со второй половины 50-х гг. XX в. фокус исследовательского интереса смещается от формализованных лексико-статистических подходов к вопросам согласования лексической и грамматической семантики. Скрытые интуитивные процедуры обсуждаются в явном виде специалистами в области лексикологии и лексикографии. Параллельно с лексико-статистическими исследованиями также в области машинного перевода начали вставать более принципиальные вопросы: «что нужно считать и что следует объединять при счете, чтобы получить полезный итог?» [Булл и др. 1957 (1955), с. 138]. Нехватка ресурса памяти в запоминающих устройствах в 1950-е гг. вместе с решением вопроса, какие единицы помещать в машинный словарь, привела к обнаружению более фундаментальной проблемы: необходимости осмысления природы помещаемых в словарь единиц. Практическое требование формулировать задачи целиком в терминах машинной идентификации проблематизировало «обычное понятие слова» и даже вело к возможности отказа от него. Требовалось выявить такие характеристики слова, которые делали бы его уникальным в пространстве машинного словаря. Американские лингвисты Уильям Булл, Чарльз Эфрика и Дэниэл Тэйчроу [Булл и др. 1957 (1955)] предложили взглянуть на проблему с точки зрения контрастивизма: «решение вопроса о том, считать ли две различные формы одного и того же слова за одну или за две, в конечном итоге зависит целиком от языка перевода или от степени точности перевода, удовлетворяющей читателя» [там же, с. 138]. Ответ на эти вопросы, по их мнению, частично зависит «от возможностей машины, от подготовленных для нее программ, метода запоминания и соотношения между языком на «входе» и языком на «выходе».

Формализованная модель лемматизации получает переосмысление, хотя на первых этапах общая схема сохраняется. Так, например, А.И. Смирницкий [1957, с. 20] предложил «обозначать слово как одно и то же в разных словоформах термином лексема», придав ему значение конечного обобщающего результата лемматизации. Сам термин «лексема», получивший широкое хождение как в отечествен-

ной, так и в мировой лингвистике, восходит к А.М. Пешковскому, который ввел его в научный оборот в 1918 г., понимая под ним «слово как тип», «ассоциативную группу, в состав которой входят слова, одинаковые или почти одинаковые по звукам, имеющие при этом или одинаковые значения, или значения, представляющиеся в сознании говорящих как видоизменения одного и того же значения» [Дурново 2001 (1924), с. 56]. Подход Пешковского–Смирницкого получил интересное развитие в работах Зализняка [2002 (1967), с. 22, 108], Жолковского и Мельчука [1995 (1988), с. 51] и Апресяна [Апресян и др. 2010, с. 18, 57, 70]. Так, в модели «Смысл←Текст» нашло свое применение понятие «лексемы» в ограниченном номинативном значении.

В немецкой теоретической лексикографии мы можем найти аналог такого понимания лексемы в техническом понятии «смыслового объекта» (meaning item), с помощью которого Бергенхольд и Агербо предлагают уйти от противопоставления омонимии и полисемии, заменив единое описание многозначного слова в рамках общей словарной статьи набором статей, посвящённых каждому его значению. Каждое из значений в этом случае ассоциируется посредством процедуры лемматизации со всей словоизменительной парадигмой и образует, таким образом, некоторый элементарный смысловой объект, способный удовлетворить, по мысли авторов, базовые информационные запросы читателей словаря. В отличие от более ранних каскадных моделей, схема лемматизации у Бергенхольца и Агербо имеет циклический вид, предполагающий множественные возвратно-поступательные итерации, последовательность и результат которых изначально не детерминированы (Рис.3) [Bergenholtz & Agerbo 2014, с. 137]. При этом категория леммы и смыслового объекта, по своей сути являющегося версией лексемы в ограниченном номинативном значении, в этой схеме сопрягаются более сложным образом, чем в предыдущих каскадных моделях.

Исследования отечественных японистов, продолживших разрабатывать эту тематику, показали, что как общелингвистическое понятие категория «лексемы» требует уточнения. Выяснилось, что вследствие нечеткости границы между японским словоизменением и словообразованием, в частности, в системе японского залога, прямой перенос понятия «лексемы» на японский материал невозможен. Помимо особенностей агглютинативного строя японский язык характеризуется еще и тем, что производные залоговые формы в нем проявляют разную степень регулярности семантической деривации и лексической самостоятельности, в зависимости от чего распадаются на несколько классов

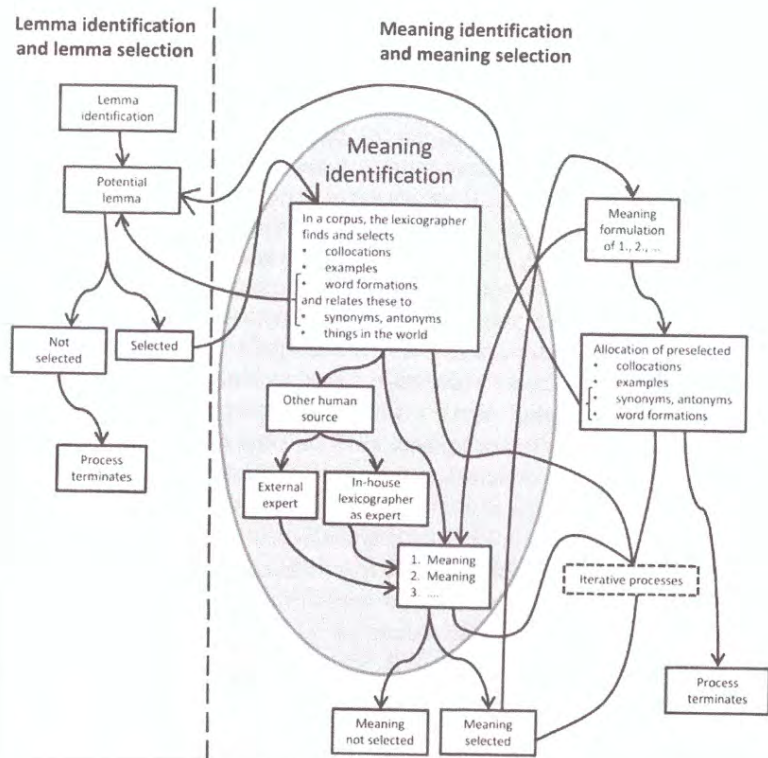

Рис. 3

по типу переопределения актантно-валентных связей при залоговых трансформациях, не теряя при этом связи с формой производящего активного залога в рамках своеобразной «сверх-парадигмы». Для корректного разрешения этого парадокса А.А. Холодович [1979, с. 28-31] предложил использовать дополнительные уточненные понятия «суперлексемы» и «квазисуперлексемы», приложимые к совокупности залоговых форм в зависимости от степени лексикализации последних.

Возвращаясь к рассмотрению собственно японских концепций, нужно сказать, что уже при обследовании лексики женских журналов в токийском Институте японского языка в 1953 г. Мидзутани [Обследование 1953, с. 20] было предложено формализованное понятие «альфа-единицы» (α 単位), рассчитанное на работу с письменной формой языка. В его основу легло традиционное для японского языкознания понятие синтаксического слова «бунсэцу» (文節), изна-

начально выделенное Хасимото Синкити по фонологическим критериям [Алпатов 1983, с. 12]. Его применение позволяло при подсчете лексики выстраивать схему лемматизации и применять соответствующие процедуры, схожие со схемами и процедурами для флективных языков, прежде всего европейских. Отличие от европейской лексики заключалось в том, что в силу специфики агглютинативного строя японского языка такие альфа-единицы могли приводиться не к одной, а сразу к нескольким леммам. Результаты этих исследований публиковались в виде частотных словарей, где в качестве обобщающей и идентифицирующей категории также было выбрано традиционное для японской лексикографии, но теперь более формализованное заголовочное слово «мидаси» (見出し). Суть формализации заключалась в последовательном проведении идентификационного принципа, согласно которому при подсчете японских слов конечная счетная единица отождествлялась с помощью сразу нескольких графических записей, как с опорой на слоговую азбуку, так и на иероглифический вариант. Такую, по необходимости избыточную, двойную идентификацию можно назвать орфографической парой, или сокращенно орфпарой. Суть этого принципа в том, что при обобщении и фиксации словарного материала в качестве заголовков строго сопоставляются друг с другом такие варианты записи слова, которые в обычном тексте редко оказываются сопоставлены в явном виде. Составляющие такой пары назывались «ёмиганой» (запись слоговой азбукой для чтения) и «дайхё-кэй» (代表形), то есть канонической формой записи. Некоторые единицы словаря были идентифицированы целым набором таких парных орфографических вариантов, представленных в ориентированной на читателя условной краткой записи, которая может быть названа «декоративным заголовком».

Словарные данные печатались в виде таблицы, строки в которой при чтении по горизонтали образуют словарные записи, то есть, микроструктуры, а при чтении столбца с заголовками «мидаси» по вертикали совокупность позиций такого списка составляет словник словаря, то есть, его макроструктуру.

В последующих работах того же Института при обследовании лексики журналов общей тематики в 1957-1958 гг. было введено понятие «бета-единицы» [Обследование 1958, с. 10]. В его основу лег принцип поиска коротких этимологически однородных единиц (гогэн танги, 語源単位), приближающихся по своим характеристикам к морфемам или образованным по модели китайских биномов их простейшим комбинациям. В дальнейших исследованиях, проводившихся

там же с использованием ЭВМ, альфа-единицы стали прототипом «длинных единиц», а бета-единицы – прототипом «коротких единиц», которые затем получили распространение в работах и других исследовательских коллективов. В дальнейших исследованиях, проходивших на фоне успехов японских систем клавиатурного ввода, необходимость строгой формализации языковых описаний для их представления в электронном виде привела к смещению акцента с лемматизации текста на задачу идентификации японских лексем, которая была воспринята на этом этапе как первоочередная. Из соотношения между единицами двух типов – бета и альфа – впоследствии ушел парадигматический аспект, а синтагматический вышел на первый план.

В работах по автоматическому анализу японских текстов сложился определенный формат машинно-ориентированных морфологических словарей, первые из которых, в частности проект IPADIC в рамках создания компьютеров 5-го поколения 80-х, начала 90-х, строились с частичным отходом от принципа идентификации слова по орфопаре. Ведущая роль при этом отводилась опоре на иероглифическую запись, фонетический вариант понимался как вспомогательный. В дальнейшем принцип двойной равноправной идентификации по орфопаре был восстановлен в правах. В качестве примера такого возвращения к ранним идеям Мидзутани можно назвать наиболее теоретически разработанный морфологический словарь UniDic, созданный в рамках крупномасштабных корпусных проектов токийского Института японского языка [Огура и др. 2010]. Однако такое возвращение оказалось непоследовательным. Непосредственно в базе хранятся только короткие единицы бета-типа. Альфа-единицы, в основе которых лежит представление о синтаксическом слове и которые служат аналогом словоформ во флективных языках, восстанавливаются алгоритмически, сторонними по отношению к морфологическому анализатору приложениями, не имеющими прямого доступа к словарной базе, например, «Comain». В словаре UniDic единицей описания является лексема, представленная леммой. Однако, поскольку синтез альфа-единиц опирается на генеративистскую модель, парадигма оказывается представлена виртуально и потенциально не ограничена, так что в качестве альфа-единиц в пределе могут выступать сложные конструкции, например, глагольные коллокации. Таким образом проблематизируется как категория леммы, так и сама схема лемматизации. Акцент на идентификации лексических единиц по орфопаре в силу семантической природы иероглифического письма при таком подходе к морфологическому анализу является еще одним способом уйти от различения омонимии и полисемии. В тех слу-

чаях и в той мере, в какой орфопара не может быть полноценным заголовком, она не может полноценно представлять и словарное слово. В таких случаях можно говорить только о реестровых словах, т.е. позиции в списке орфографических вариантов, а не о словарном слове как элементе словника, которое должно быть представлено целым набором реестровых слов. Таким образом проблематизируется и категория лексем.

Анализ результатов японских разработок и накопленный опыт работы над «Японско-русским электронным словарем» дают нам достаточные основания сделать вывод, что словарное и заголовочное слово в японском словаре – это не просто аспекты одной и той же сущности, взятые на разных уровнях словарного описания, а две заметно различающиеся категории, которые в формальном и содержательном плане предполагают работу с лексическим материалом разной степени обобщения. Словарное слово как элемент словника представляет материал на макро-уровне, где решается задача первичной формализованной идентификации слова. В силу агглютинативного характера японского языка, в нем задача отождествления слова оказывается приоритетнее анализа словоизменения. С ней непосредственно связаны функции упорядоченного хранения материала, его поиска с помощью особого поискового интерфейса, поиска единиц словника, представленного списком, а также функция обеспечения безлимитного доступа к словарному материалу по гипертекстовым ссылкам посредством задания внутреннего адресного пространства словаря. Кроме того, в японском задача идентификации лексики осложнена наличием у слова множества графических форм разной степени каноничности и разной степени связанности графики с лексической семантикой. Для их фиксации лучше всего подходит система орфопар, где каждая пара понимается как два взаимосвязанных орфографических варианта записи одного и того же японского слова, акцентирующих внимание, соответственно, на фонетической и графической форме его записи. При таком подходе на макро-уровне поэлементный состав словника японского словаря может быть представлен списком орфопар в качестве реестровых слов.

Объектом описания словаря является лексема, представленная на микро-уровне (внутри посвященной ей словарной статье) заголовочным словом. С его помощью при переходе с макро- на микро-уровень проводится дополнительная содержательная идентификация слова: преимущественно в порядке различения омонимов и разных значений многозначных слов. На основе такого подхода в электронном японском словаре заголовочное слово может оформляться двумя

способами одновременно, исходя из двух разных задач: 1) в виде декоративных заголовков, отражающих графические варианты записи одного слова, для непосредственного извлечения лексико-семантической информации читателем с учетом способности графической формы японского слова указывать на отдельное значение и в соответствии с релевантностью каждого орфографического варианта; 2) в виде скрытых поисковых ключей для машинной обработки и алгоритмического согласования структур микро- и макро-уровней. Поисковые ключи представляют собой набор орфопар, сложность которого соответствует степени вариативности орфографической записи слова. Каждый ключ в таком наборе идентичен соответствующему элементу в списочном представлении словника и отсылает к нему на макро-уровне.

Несмотря на дискуссионность вопроса о существовании полноценной словоизменяющей парадигмы в агглютинативных языках [Булыгина & Крылов 1990], применительно к словарному поиску в японском электронном словаре проблема лемматизации встает не менее остро, как и для флективных языков переход от эмпирического материала к словарному в целом решается сходными методами. Категория грамматической парадигмы в японском имеет свою специфику, выраженную в частности, в невозможности провести четкую границу между словоизменением и словообразованием. От излишней теоретической усложненности здесь удастся уйти с помощью понятия синтаксического слова. Одна из сложностей лемматизации японского текста состоит в том, что лемму как представителя грамматической парадигмы также необходимо идентифицировать в форме орфопары, что не всегда удастся сделать однозначно, поскольку эмпирические (текстовые) слова, как правило, представлены в одной из орфографических форм предполагаемой пары. Категория леммы или словарной формы слова, будучи сущностно связана с определенным медио-уровнем словаря (парадигматическим классом слова), проявляет себя на уровне макро- и микро-структур в том, что как и элементы словника (словарные слова), так и заголовки словарных статей в скрытом или декоративном оформлении подаются в словарной форме, т.е. в форме леммы, посредством чего основной объект словарного описания, лексема, представленная на микро-уровне заголовочным словом, идентифицируется со своей грамматической парадигмой.

Литература

1. Алпатов В.М. Предисловие // *Языкознание в Японии*. Общ. ред. И.Ф. Вардуля. М.: Радуга, 1983.

2. Андреев Н.Д. *Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании*. Л.: Наука, 1967.
3. Андрищенко В.М. Мемуарное приветствие по случаю 50-летия лаборатории автоматизированных лексикографических систем // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2014. №8 (130).
4. Апресян и др. 2010 – Апресян Ю.Д., Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова и др. *Перспектив активнаго словаря русскогo языка*. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010.
5. Арутюнова и др. 1964 – Арутюнова Н.Д., Г.А. Климов, Е.С. Кубрякова. Американский структурализм // *Основные направления структурализма* / ред. М.М. Гухман, В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1964, с. 177-306.
6. Буза Р. Электротехника при механизации филологического анализа (1957) // Засорина Л.Н. (сост.). *Автоматизация в лингвистике*. М. & Л.: Наука, 1966. С. 13-23.
7. Булл и др. 1957 (1955) – Булл У., Ч. Эффрика и Д. Тэйчроу Некоторые проблемы «слова» // *Машинный перевод* / Под ред. П.С.Кузнецова. М.: Изд. иностранной литературы, 1957 (на англ. 1955). С. 125-146.
8. Булыгина Т.В. & Крылов С.А. Лексема // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия. 1990. С. 257.
9. Дурново Н.Н. *Грамматический словарь*. М.–Пг., 1924. 2-е изд. М.: «Флинта», «Наука», 2001.
10. Жолковский & Мельчук 1995 (1988) – Igor Melčuk, Alexander Zholkovsky. The explanatory combinatorial dictionary // M. Evens (ed.), *Relational Models of the Lexicon*, Cambridge 1988. P. 41-74. Переизд. в: Мельчук И.А. *Русский язык в модели «Смысл–Текст»*. М.–Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995.
11. Зализняк А.А. *«Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. М.: Языки славянской культуры, 2002.
12. Засорина Л.Н. Слово текстовое и словарное (о типах вариативности слова) // *Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Материалы IX зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала*. Пермь, 1972. С. 172-174.
13. Мидзугани Сидзуо. *Общее описание обследований лексики* [語彙調査 大体=Гои тэса дайтай] // Гэнго, т. 15. Токио, 1953. С. 58–69.

14. Обследование 1953 – *Обследование современной лексики. Язык дамских журналов* [現代語の語彙調査 婦人雑誌の用語=Гэндайго но гои тэса. Фудзин дзасси но ёго]. Токио: Гос. ин-т японского языка [国立国語研究所=Кокурицу кокуго кэнкюдзё], 1953.
15. Обследование 1958 – *Обследование современной лексики. Язык общих журналов. Ч. 2.* [現代語の語彙調査 : 総合雑誌の用語 前編=Гэндайго но гои тэса: Сого дзасси но ёго]. Токио: Гос. Ин-т японского языка, 1958.
16. Обследование 1970–73 – *Обследование лексики газет с использованием ЭВМ.* Выпуски 1 (1970), 2 (1971), 3 (1972), 4 (1973) [電子計算機による新聞の語彙調査 1=Дэнси кэйсанки ни ёру симбун но гои тэса 1]. Токио: Гос. Ин-т японского языка.
17. Огура и др. 2010 – Огура Хидэки, Хара Хироси, Огисо Тосинобу, Коисо Ханаи, Мияути Саяка [小椋秀樹, 原裕, 小木曾智信, 小磯花絵, 宮内佐夜香]. О различении слов в морфологическом словаре UniDic [形態素解析辞書 UniDic における同語異語判別について=Кэйтайго кайсэй дзисё UniDic ни окэру дого-иго хамбэцу ни цуитэ] // 16-я Конференция Общества обработки языка [言語処理学会第 16 回次大会]. Токио, 2010. С. 486-489.
18. Смирницкий А.И. *Синтаксис английского языка.* М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1957.
19. Холодович А.А. *Проблемы грамматической теории.* Л.: Наука, 1979.
20. Частотный словарь 1977 – В.А.Аграев, В.В.Бородин, Л.Н.Засорина и др. *Частотный словарь русского языка.* Под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977.
21. Шайкевич и др. 2013 – Шайкевич А.Я., Андрищенко В.М., Ребецкая Н.А. *Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т.1.* М.: Языки славянской культуры, 2013.
22. Bergenholtz & Agerbo 2014 – Henning Bergenholtz, Heidi Agerbo. Meaning Identification and Meaning Selection for General Language Monolingual Dictionaries // *Journal of Language and Communication in Business.* 2014. No. 52. P. 125-139.
23. Hausmann & Wiegand 2003 – Franz J. Hausmann, Herbert E. Wiegand. Component Parts and Structures of General Monolingual dictionaries: a Survey // *Lexicography. Critical Concepts* / Ed. by R.R.K. Hartman. Vol. III. Lexicography, Metalexigraphy and Reference Science. Routledge, 2003. P. 207-254.

Знаки препинания как объект лексикографии (на японском материале)

1. Введение

В современной лингвистической науке, как и во многих ее практических приложениях, пунктуация в целом продолжает занимать периферийное место. В японском языке, где процессы ее всеобщего распространения и стандартизации активизировались в XX в., знаки препинания до сих пор почти не подвергались систематическому изучению – несмотря на то, что уже давно вошли в письменную речь.

В таких условиях выбор знаков препинания в качестве объекта лексикографического описания выглядит особенно необычным шагом. Тем не менее, нам известно два японских лингвистических словаря-справочника, посвященных этим единицам письменного языка. Это «Словарь практического употребления пунктуации» [О:руй 2006], составленный Масатоси Оруем, одним из немногих специалистов по японской пунктуации, и «Словарь практического употребления пунктуации, специальных знаков и символов» [Сё:гаккан 2007], подготовленный коллективом авторов из лексикографического отдела издательства «Сёгаккан».

2. Обзор известных словарей

По охвату материала оба источника заметно выходят за рамки того круга явлений, на который, вероятно, мог бы рассчитывать читатель без специальной подготовки, скажем, русский лингвист, в своих представлениях привязанный к стандартному набору «школьной пунктуации» (о разных подходах к границам понятия «пунктуация» и его трактовке в японской традиции см. [Зверев 2016]). Даже словарь [О:руй 2006], в заглавии которого вынесено только слово «пунктуация» (句読点 *куто:тэн*), описывает, в числе прочего, и разнообразную диакритику (в т.ч. знаки ударений), а менее специализированный словарь [Сё:гаккан 2007] охватывает еще больше единиц – например, знаки музыкальной нотации и математических операций.

Расположение знаков в обоих словарях отражает их распределение по традиционным классам, которые более или менее четко выделяются на основании функциональных особенностей, внешнего вида или сферы употребления знаков. Материал словаря [О:руй 2006] классифицирован по следующим разделам (в скобках даны примеры):

1) «разделительные знаки» (、 ; ?); 2) «парные знаки» (〈〉「」“”); 3) многоточия (…); 4) тире (—); 5) «соединительные знаки» (-); 6) знаки ударений и пр. диакритика (ゝ); 7) знаки примечаний (* ※); 8) знаки повтора (々); 9) «знаки выделения» (капитализация, курсив, «боковые запяты»); 10) знаки абзаца (пропуск строки).

В словаре [Сё:гаккан 2007] 7 разделов в основном соответствуют классам, перечисленным выше, хотя в целом охватывают больше единиц. При этом разные виды тире и многоточия включены в «соединительные знаки», вместе со знаками примечаний описываются всевозможные «декоративные знаки» (★♥), а нематериальные и не-сегментные средства не рассматриваются (имеется только раздел для надстрочных выделительных знаков типа «боковых запяты»). Помимо этого, в словарь включены: 8) стрелки (↓↔); 9) «коммерческие знаки» (@™); 10) математические знаки (+ = ∈); 11) музыкальные знаки (♪ ♭); 12) единицы измерения (\$ %); 13) сокращения (& ℞).

Хотя в обоих словарях знаки упорядочены похожим способом по условным классам, порядок следования разделов и знаков внутри них во многом не совпадает, и даже в наборе классов и распределении по ним имеются расхождения (ср. уточнения выше).

В пунктуационной лексикографии немало трудностей вызывает массовое отсутствие у единиц описания сегментных устных коррелятов. Эта особенность препятствует построению словаря по фонетическому принципу. Не имея возможности организовать обычный фонетический поиск, составители словарей вынуждены прибегать к альтернативным решениям.

Во-первых, навигацию по словарям облегчает упомянутая группировка знаков по условным классам. Зная, к какому классу относится знак, действительно, проще отыскать его в словаре, однако принадлежность некоторых знаков может быть неочевидной для неподготовленного читателя и к тому же варьировать по словарям. Например, в словаре [О:руй 2006] апостроф описывается как «парный знак» (очевидно, из-за внешнего сходства с кавычкой), а в [Сё:гаккан 2007] – как «разделительный».

Во-вторых, каждый из словарей дополнительно снабжен двумя указателями, которые позволяют узнать номер страницы с описанием нужного знака по его названию или графической форме.

Указатель первого типа упорядочен по чтению названия в алфавитном порядке. Один знак можно найти под разными названиями в разных местах указателя (например, ? как 疑問符 *гимонфу* или クエストン・マーク *куэсутён-ма:ку*). Недостаток такого указателя,

впрочем, заключается в том, что многие названия – это термины, известные только узким специалистам, редакторам или типографам, но не обычному читателю.

Эта проблема отчасти решается графическим указателем, где в качестве входа для поиска номера нужной страницы выступает сам знак. В графическом указателе словаря [О:руй 2006] знаки упорядочены по перечислявшимся ранее традиционным классам, так что этот указатель, по сути, просто отражает реальный порядок следования знаков в словаре – как компактное оглавление (все знаки, описанные в словаре, уместились на одной странице). В словаре [Сё:гаккан 2007] использована оригинальная система поиска по графическим компонентам-ключам, подобно тому, как это практикуется в словарях иероглифов.

Два словаря несколько различаются по устройству статей и характеру наполняющей их информации.

В словаре [О:руй 2006] заголовок статьи включает сам знак и его основное – наиболее популярное, общераспространенное – название в японском языке. В ряде случаев в заголовке дополнительно уточняются некоторые особенности начертания, например, знаки, для которых при переводе между горизонтальным и вертикальным письмом предусмотрен поворот, даются сразу в двух вариантах ориентации. Прочая информация распределяется по следующим разделам (полный набор содержат не все статьи):

- 1) «оригинальное название». Названия того же знака (знаков той же формы) в языках, отличных от японского, как правило, английском.
- 2) «форма». Словесное описание внешнего вида знака.
- 3) «происхождение». Этимология графической формы, названия, сведения об историческом употреблении.
- 4) «наименование». Альтернативные японские, английские названия знака.
- 5) «способ употребления». Краткая общая характеристика контекстов употребления и иллюстративные примеры из японского, английского языков, по возможности классифицированные по разным функциям. Как правило, это самый объемный раздел статьи.

В словаре [Сё:гаккан 2007] каждая статья открывается заголовочным комплексом, в котором, помимо самого знака, указываются следующие сведения:

- 1) основное японское название знака и чтение этого названия.

- 2) альтернативные японские названия знака. При заимствованиях гайрайго дается и оригинальное название в западноевропейском языке-источнике (аналогично – и при основном названии).
- 3) способы набора знака в разных компьютерных системах ввода.
- 4) числовые коды знака в различных кодировках.

Основное содержание статьи составляет классификация (часто – многоуровневая) разных контекстов употребления знака с краткой характеристикой соответствующей функции; приводятся иллюстративные примеры из японского, английского, в особых случаях – других языков.

Примечательно, что оба словаря почти не содержат информации о том, как следует озвучивать знаки препинания при прочтении¹. Вероятно, это отражает не только известные объективные трудности в указании устных коррелятов (нетривиальность соответствий или фактическое отсутствие), но и характерное восприятие пунктуации как специфически письменного явления, отношения которого со звучащей речью, как минимум, должны оставаться на втором плане.

3. Лексикография и теория пунктуации

В данном разделе мы бы хотели проследить, как на специфике пунктуационной лексикографии сказываются некоторые особенности традиционных взглядов на пунктуацию, связанные с важными проблемами ее теоретического изучения. Содержание обоих словарей хорошо вписывается в картину типичных представлений и в то же время способствует закреплению этой картины у читателей.

Традиционный подход к пунктуации акцентирует внимание на ее поверхностно-графическом аспекте, тогда как общелингвистический аппарат лексико-грамматического анализа находит при этом крайне ограниченное применение (об этой проблеме см. [Зверев 2014, 2018]). Иными словами, знаки препинания скорее мыслятся и анализируются как графемы, а не (служебные) лексемы; синтагматически, соответственно, они чаще представляются не столько полноценными синтаксемами, сколько графемами, которые непосредственно функционируют на синтаксическом уровне.

В устройстве словарей отражение этой особенности можно увидеть в распределении материала по словарным статьям по принципу сугубо формальной общности. Не лексемы или подобные им двусторонние языковые сущности, а именно поверхностно-графиче-

¹ Заметим, что чтение названия знака, в принципе, можно расценивать и как чтение самого знака в маргинальном автономном употреблении.

ские единицы выступают в этих словарях центральными единицами описания. Поэтому материал в них организован таким образом, что каждая статья соответствует, в первом приближении, одной графеме (или устойчивому сочетанию графем), так что в одной статье гнездутся все ее возможные употребления. Вероятнее всего, такое решение не только явилось технически удобным способом представления материала, но и отвечало привычным для авторов и читателей взглядам на пунктуацию.

Приведем несколько примеров.

С одной стороны, японская (、) и европейская (,) запятые в рассмотренных словарях оказались разнесены по разным статьям, хотя в японском они практически функционируют как графические варианты, эквивалентные почти во всех употреблениях. Аналогичным образом отдельные словарные статьи посвящены японскому (。) и европейскому (.) вариантам точки¹.

Нестандартные графические варианты многоточия (、 、 、 /。 。 。 /。 。 。) в словаре [Сё:гаккан 2007] описываются, соответственно, в статьях про запятую (、), точку (。) и срединную точку (・), а не в статье про многоточие (…). Существенно и то, что в таком употреблении перечисленные три знака-компонента сами по себе выступают феноменами только графического уровня, лишенные какого-либо собственного означаемого. Для устаревшей формы многоточия из двух точек (・ ・) в обоих словарях также выделена отдельная статья.

С другой стороны, в единой словарной статье [Сё:гаккан 2007, с. 67-70] описаны употребления тильды (ゝ) в контекстах типа 東京 ー大阪 ‘Токио–Осака’ и в контекстах типа おいしいゝ ‘вкусно!’. Тем самым, в одной статье оказались объединены, соответственно, падежный междулог и эмоционально-экспрессивный маркер. По-видимому, в системе письменного японского языка эти две единицы следуют расценивать как омонимы, и при стандартном в лексикографии подходе они учитывались бы по отдельности.

¹ Всю специфику, присущую разным вариантам в рамках японского языка, при описании их в единой статье вполне можно было бы раскрыть в ряде уточнений, как это сделано в иных случаях. Впрочем, для наблюдаемой группировки точек и запятых могли быть и более веские причины. Из-за того, что авторы стремятся охватить материал не только японского, но и других языков (хотя бы поверхностно), еще больше трудностей вызвала бы необходимость учитывать и специфику последних (например, в «западных» языках не используются японские точка и запятая), что могло бы совсем запутать описание.

Если в словаре [Сё:гаккан 2007, с. 67-70] они, по крайней мере, составляют разные подпункты статьи, то в словаре [О:руй 2006, с. 118] падежный междулог \sim и омонимичный ему показатель «сокращения» (еще один графический вариант многоточия в его основном употреблении) совсем никак структурно не противопоставлены: описание единственного выделенного случая употребления тильды гласит: «Используется, чтобы указывать на значение 'от...до' или на сокращение».

В одной и той же статье [Сё:гаккан 2007, с. 28-29] описываются «западная» (английская и пр.) точка с запятой (;) и греческий пунктуационный показатель вопроса (;). Последний, соответственно, описывается отдельно от вопросительного знака ?, так что графика получает в этом отношении приоритет над семантикой. Можно утверждать, что статья в целом призвана характеризовать некую поверхностно-графическую единицу ;, а названные двусторонние единицы, для которых она служит внешней стороной, можно было бы считать омонимами, однако не так просто указать ту языковую систему, в рамках которой их следует выделять.

Еще более сложный случай представляет собой описание нотки (♪) в разделе «музыкальных знаков» словаря [Сё:гаккан 2007, с. 224]. В рамках одной словарной статьи описывается и элемент музыкальной нотации (нота длительностью ¼), и экспрессивный маркер для выражения оживленности, приподнятого настроения (ср. ブドウジュースみたいでおいしいねー♪ «Как вкусно, похоже на виноградный сок!»). В первом употреблении ♪ не относится к пунктуации и вообще не принадлежит системе письменного японского языка (а возможно, даже не является языковой единицей), во втором — принципиально не отличается от восклицательного знака !. Остается неясным, как назвать описанное в статье парадигматическое графическое единство: если это «графема», то какому языку она принадлежит?

Последние примеры отчасти иллюстрируют еще одну характерную черту популярных представлений о знаках препинания, а именно стирание обычных межъязыковых границ.

В среде специалистов в области языка, как и среди обычных носителей, прочные корни имеет стереотип, согласно которому внешне сходные пунктуационные единицы употребляются более или менее одинаково во всех языках, в которых встречаются; межъязыковые различия при таком поверхностном взгляде остаются незамеченными или просто игнорируются как несущественные. Так, пере-

водчики принимают знаки препинания за «ложных друзей», часто механически копируют пунктуационную графику (применительно к русско-английскому переводу показательные наблюдения приводятся в статье [Baer & Bystrova-McIntyre 2009, p. 167-168]).

В рамках такого «обобщающего подхода» пунктуационные единицы разных языков свободно объединяются, отождествляются друг с другом. Как уже было нами отмечено, подобным взглядом скорее отвечала бы трактовка пунктуации (во всяком случае, имеющей корни в единой европейской традиции) как особого «языка» со специфическим назначением, который в своих отдельных диалектных разновидностях интегрируется в состав разных письменных языков [Зверев 2015, с. 142].

Иначе говоря, пунктуацию представляют своеобразным слоем интернациональной служебной лексики или, в большей степени, графиками. По своему статусу знаки препинания сближаются, например, с буквами латиницы, которые используются — со своими особенностями — в графике разных письменных языков и при этом мыслятся как некие надъязыковые парадигматические единства, составляющие «обобщенный» латинский алфавит.

В содержании словарей типичное для предметной области отношение к межъязыковым границам проявляется, прежде всего, в общем отборе единиц описания — в стремлении охватить материал практически любых языков. В словари одинаково включаются и специфически японские знаки (и вышедшая из употребления контурная запятая 白点 *сиротэн*, и стандартный для современного языка знак долготы 長音符 *тё:онгу*), и такие, которые совсем не встречаются в японском (от диакритических знаков ударения до испанских перевернутых восклицательного и вопросительного знаков). Хотя оба издания предназначены для японских читателей, это, безусловно, не словари японской пунктуации — едва ли их можно назвать словарями какого-то определенного языка (или языков).

Не менее отчетливо установка на межъязыковое обобщение выражается в наполнении конкретных статей. В словаре [Сё:гаккан 2007] взятые из английского языка примеры подаются как иллюстрация явлений всей «западной пунктуации» вообще и ставятся в один ряд с примерами использования графически идентичных пунктуационных единиц в японском языке. Если словарь [Сё:гаккан 2007], как правило, все же описывает японские и «западные» употребления в разных подпунктах одной статьи, то в словаре [О:руй 2006] не наблюдается и такого разграничения: японские и английские примеры просто перемежаются друг с другом (особенно показатель-

на статья про тире [О:руй 2006, с. 111-116]). Такая подача формирует однозначное впечатление, что во всех случаях речь идет об одной и той же единице, которая выступает то в японском, то в английском вербальном окружении.

5. Заключение

Рассмотренные словари представляют собой чрезвычайно интересный результат работы специалистов в мало разработанной области лингвистики. Как показывает наш опыт, словарь [Сё:гаккан 2007] на сегодняшний день следует считать наиболее полным и качественно подготовленным собранием сведений о японской пунктуации; к тому же, он содержит немало информации о смежных явлениях японского и других языков. Ценности обоим изданиям добавляют авторские эссе, выдержки из нормативных документов и другие материалы, дополняющие словарные статьи.

Словари, описывающие знаки препинания, оказались во многом не похожи на привычные лексикографические описания непунктуационных языковых единиц (см. раздел 3). Если бы составители этих словарей в большей мере придерживались стандартов, принятых в «канонической» лексикографии, результат их работы должен был бы скорее напоминать словарные описания служебных слов или, возможно, словари иероглифов. Наблюдаемые отклонения, однако, нельзя расценивать как безусловный недостаток. Какими бы странными или спорными ни казались предложенные лексикографические решения с точки зрения лингвистической теории, они хорошо адаптированы под ожидания пользователей с типичными представлениями о предмете и так или иначе оправдываются практическим удобством.

Литература

1. Зверев А.С. Знаки препинания конца предложения как заключительные частицы письменного японского языка // *Вопросы языкознания*. М., 2014. № 6. С. 92-110.
2. Зверев А.С. Системцентризм и антропоцентризм в изучении пунктуации: в поисках объективных критериев выделения знаков препинания // *Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Алпатов. Труды научной конференции. Институт востоковедения РАН 22-23 апреля 2015 г.* Том 2. М.: ИВ РАН, 2016. С. 136-144.
3. Зверев А.С. Графическая связность: линейно-синтагматический статус японских пунктуационных показателей // *Вестн. Том. гос. ун-та*. Томск, 2018. № 426. С. 27-38.

4. Baer B.J., Bystrova-McIntyre T. Assessing cohesion: Developing assessment tools on the basis of comparable corpora // Angelelli C.V., Jacobson H.E. (eds). *Testing and Assessment in Translation and Interpreting Studies. A call for dialogue between research and practice*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2009. P. 159-184
5. 大類雅敏 О:руй Масатоси 句読点活用辞典 [Куто:тэн кацүё: дзитэн {Словарь практического употребления пунктуации}]. Токио: Эйко:, 2006.
6. 句読点、記号・符号活用辞典 [Куто:тэн киго: фуго: кацүё: дзитэн {Словарь практического употребления пунктуации, специальных знаков и символов}]. Токио: Сёгаккан, 2007.

III. ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА

В.М. Алпатов
ИЯз РАН (Москва)

Словарные и грамматические языки

1. Введение

Одним из кардинальных противопоставлений в лингвистике является противопоставление двух типов лингвистических описаний: словаря и грамматики.

Из двух этих способов основным, несомненно, является словарь. В принципе любая грамматическая информация, кроме разве что информации о правилах порядка элементов, может целиком быть включена в словарь. Первичность словаря и подчиненный характер грамматики выявляется и в связи с исследованиями по прикладной лингвистике [Шаляпина 1991]. Часто грамматические правила представляют собой сокращение и «вынесение за скобку» информации, которая в словаре многократно бы повторялась. Такое сокращение может, во-первых, служить целям экономии описаний, во-вторых, моделировать реальные психолингвистические процессы.

Тезису о первичности словаря не противоречит тот факт, что в привычной для нас европейской лингвистической традиции жанр грамматики сложился раньше, а также привычное представление о словаре как о периферийном типе описания. Грамматические правила требуют коррекции, которая в развитых обществах осуществляется в школе; особенно это важно для флективных языков. Знакомство же со словарем обычно происходит стихийно, через речевое общение или знакомство с текстами. Словари нужны там, где язык культуры недостаточно понятен, поэтому в Европе поначалу словари существовали в виде глосс, где толковались лишь непонятные слова в памятниках. Бурное развитие новых методов в лингвистике XX в. раньше проявилось в грамматике, чем в лексикографии, поскольку грамматические правила стандартнее и схематичнее. Такой разрыв мог приводить к представлениям о словаре как о чисто практическом по своим задачам способе описания, не поддающемся строгим научным методам. Но в последние десятилетия именно проблемы лексической семантики оказались в центре внимания теоретической лингвистики.

По-видимому, противопоставление грамматики и словаря в лингвистике отражает объективно существующие различия в устройстве психолингвистического механизма человека. Сейчас, когда лингвис-

тика всё чаще не удовлетворяется представлениями о «черном ящике» и стремится изучать то, что происходит «на самом деле», необходимо это учитывать.

Как показывают психолингвистические и нейролингвистические исследования, в мозгу человека имеются набор постоянно хранящихся единиц (лексикон) и некоторое множество операций с ними: операций комбинирования (синтаксис) и операций модификации (морфология). «Можно говорить о «слоях», составляющих язык: это лексикон – сложно и по разным принципам организованные списки лексем, словоформ и т.д.; *вычислительные процедуры*, обеспечивающие грамматику (морфологию, синтаксис, семантику и фонологию), механизмы членения речевого континуума, поступающего извне, и прагматика» [Черниговская 2010, с. 631]. Что касается морфологии, то реальные грамматические правила, существование которых подтверждается данными афазий, дают возможность сочетать хранимые в мозгу единицы между собой и в то же время минимизировать количество этих единиц. Если в языке имеется словоизменение, то достаточно хранить в мозгу лишь исходные единицы (формы именительного падежа единственного числа, инфинитива, основы и пр.), а всё остальное получать из них применением грамматических правил. Моделирующие такой механизм античные схемы склонения и спряжения, где словоформы не делились на значимые части, более психологически адекватны, чем позже появившееся описание в терминах «корень – аффикс» [Головастикова 1980].

Границы между грамматикой и словарем достаточно подвижны, они могут проводиться лишь из соображений практического удобства или просто по традиции (ничем иным нельзя объяснить, например, принятое включение в грамматики числительных первого десятка). Бывают пограничные явления: служебные слова обычно описывают и в словарях, и в грамматиках. Очень часто, иногда в ущерб последовательности, но обеспечивая практическое удобство, в словари включают всё, что не является регулярным, например, отдельные словоформы неправильных глаголов. Противопоставление словарного грамматическому как нерегулярного регулярному обосновал Л.В. Щерба [Щерба 1957, с. 16]. Такая точка зрения, вероятно, тоже имеет психолингвистические основания: нерегулярные формы могут храниться особо, что особенно видно для языков типа английского.

Однако соотношение грамматики и словаря – не постоянная величина для любого языка, оно зависит от его строя. И здесь, как нам кажется, и проявляется различие флективных, агглютинативных и изо-

лирующих, или аморфных языков¹, которое обычно не связывают с разграничением двух видов лингвистического описания. Разные языки оказываются по-разному устроенными с точки зрения соотношения вышеупомянутых механизмов. Недаром данное различие языков, введенное в лингвистику еще в начале XIX в. и первоначально основанное на представлениях о стадийном развитии языков, впоследствии отброшенным наукой, осталось в лингвистике основополагающим признаком для их классификации, пережив не одну смену научных парадигм. Видимо, основатели типологии А. и Ф. Шлегели и В. фон Гумбольдт² интуитивно нащупали нечто существенное и важное, хотя и не смогли дать ему адекватное объяснение. О каждом из этих трех понятий написаны горы литературы; писал об этом и автор данной статьи [Алпатов 1985, 1996]; обе статьи перепечатаны в [Алпатов 2017]. Прежде чем предложить еще один возможный, на наш взгляд, подход к разграничению этих понятий, отметим два, не всегда четко осознаваемых свойства многих типологических классификаций, основанных на понятии флексии, агглютинации и изоляции.

Во-первых, исходный пункт – не эталонные признаки, а эталонные естественные языки. Эталонными флективными языками были древнегреческий, латинский, позднее также санскрит, а для лингвистов России и СССР – в первую очередь русский. Эталонным агглютинативным языком чаще всего бывал турецкий, но мог быть и монгольский, татарский, венгерский и т.д., однако всегда либо уральский, либо (чаще) алтайский язык. Изолирующим эталоном всегда был китайский; впрочем, и здесь часто учитывались фактически два языка, не вполне совпадающих по свойствам: классический (вэньянь) и новый («мандаринский»). Обычно исследователь уже заранее знал некоторые свойства этих языков (реальные или несколько утрированные), далее эти свойства обобщались, очищались от неизбежных исключений и непоследовательностей, затем полученный результат мог распространяться на другие языки.

По воспоминаниям П.С. Кузнецова, в начале 30-х гг. невежественный аспирант московского НИИ языкознания, читая студентам пробную лекцию на тему «Морфологическая классификация языков», на вопрос, что такое агглютинация, ответил: «Это монголь-

¹ Впрочем, иногда используют в разных значениях оба термина, называя аморфными языки без грамматических категорий, а изолирующими – языки, где есть только несинтаксические категории [Яхонтов 2016 (1975), с. 244]

² В. фон Гумбольдт выделял еще инкорпорирующий тип языков, но делал это по другим основаниям. Впоследствии Э. Сепир отнес соответствующий признак к другому параметру.

ское слово» [Воспоминания ... 2003, с. 210]. Ответ не столь анекдотичен, как это может показаться. Аспирант, не зная латинское происхождение термина, верно уловил суть его употребления. Признаки агглютинации, как бы они ни понимались, всегда будут характерными для монгольского и близких к нему по строю алтайских языков. В число признаков агглютинативных языков могут даже включать явно ареальные признаки этих языков вроде сингармонизма, см., например, [Агглютинация 1990] (статья не подписана). Так же часто поступают и с изолирующими языками.

Представляется, что некорректно определять флективные (агглютинативные, изолирующие) языки как языки, для которых характерна флексия (агглютинация, изоляция). Реально имеется в виду обратное: флексией (агглютинацией, изоляцией) в том или ином смысле именуется явление, типологически существенное для эталонных флективных (агглютинативных, изолирующих) языков. Естественный эталон не надо смешивать с искусственным эталоном в смысле В. Скалички – Б.А. Успенского [Успенский 1965, с. 58-64]. Последний – результат некоторых операций над естественным эталоном, связанных с очищением его от непоследовательностей.

Во-вторых, в большинстве классификаций, использующих идею о разграничении флективных, агглютинативных и изолирующих языков, эти языки располагаются в определенном порядке (тогда как место инкорпорирующих языков было менее ясно). Так было и в стадийных классификациях: изолирующие языки там рассматривались как низшая стадия, агглютинативные – как средняя стадия и флективные – как высшая стадия. И после отказа от стадийности сохранилось представление о трех типах как о некоторой шкале, где агглютинативные языки занимают среднее положение.

Такое представление подтверждается статистическими данными, приводимыми в книге [Квантитативная 1982]. В ней вводится среди прочих «индекс агглютинативности», связанный с соединением морфем без изменений на стыках (традиционно – один из основных признаков агглютинативности). Подсчет этого индекса для разных языков дает нетрадиционные результаты: наиболее «агглютинативными» оказываются как раз изолирующие языки (96 – 100), индекс же для традиционно агглютинативных языков ниже, колеблясь от 80 до 97 и не достигая 100 ни для одного из них. Вероятно, агглютинация в данном смысле в первую очередь ощущалась для языков типа турецкого (индекс агглютинации, по [Квантитативная 1982] – 93), тогда как для языков типа китайского (индекс агглютинации, по [Квантитативная 1982] – 100) она не замечалась из-за существования

более «экзотических» для европейского наблюдателя свойств. Для флективных языков индекс закономерно дает низшие цифры от 50 для арабского языка до 14 в одном из санскритских текстов.

Существенные признаки, различающие три класса языков, имеют некоторый разброс, но связь между ними вряд ли случайна. В каждом классе имеется некоторый центр, представленный указанными выше языками, и периферия. Флективные и изолирующие языки – некоторые полярные классы, агглютинативные находятся посередине. Можно предложить некоторую гипотезу, позволяющую объяснить сущность данных классов языков.

В эталонных флективных языках (санскрит, древнегреческий, латинский, русский) важнейшее значение имеет грамматика, прежде всего морфология. Возьмем русский как эталонно флективный язык. Морфологические (в широком смысле слова) правила здесь достаточно разнообразны: это и правила словоизменения, и правила словосложения, и правила словообразования. Слово русского языка, как правило, – сложное по структуре целое, а операции со словами далеко не сводятся к простому их соположению. Поэтому в русской национальной лингвистической традиции такое значение имеет свойство слова, именуемое оформленностью [Алпатов 2015]. Описывать операции со словами вроде склонения или спряжения в словаре явно неэкономно, сюда можно включать лишь уникальные операции вроде супплетивизма и образования неправильных глаголов, типовые же операции закономерно выносятся в грамматику. Отмечу, что в отличие от словарей английского языка, где обязательно приводятся списки неправильных глаголов, в русских словарях так делать не принято. Такие языки, как русский, максимально грамматичны, а в грамматическом описании значительное место занимает парадигматика. Именно по этому пути шли те лингвистические традиции, которые формировались на основе наблюдений над языками подобного типа: европейская традиция во всех ее первоначальных вариантах до XIX в. включительно, арабская, индийская. А в Японии к XVIII в. самостоятельно сформировалась грамматика как вид описания: в системе японского глагола (включая предикативное прилагательное) черты флективности несомненны.

Противоположный полюс составляют изолирующие языки типа китайского. Их грамматика может быть сведена к синтаксису в широком понимании этого термина: все правила сводятся к правилам порядка и правилам формальной и семантической сочетаемости элементов. Описание же парадигм, составляющее для флективных языков едва ли не основную часть грамматик, для языков типа ки-

тайского оказывается ненужным. Изолирующие языки словарны. И не удивительно, что китайская традиция самостоятельно не разработала грамматику как способ описания, ограничиваясь составлением словарей, среди которых были и словари грамматических элементов («пустых слов»). Первая грамматика в Китае появилась в 1898 г. уже под европейским влиянием.

Для современного китайского языка в отличие от вэньяня сравнительно легко выделяются типовые правила синтагматики словоформ, см. [Семенас 1992]. Однако эти правила прежде всего семантически: типовую сочетаемость имеют единицы не с определенной формальной структурой или грамматической характеристикой, а с определенным обобщенным значением. Многие из таких правил сохраняют силу, независимо от того, как интерпретируются сочетания слогомorfем – как сложные слова или как словосочетания. Все правила сочетаемости для китайского и сходных с ним языков могут быть представлены как словарные. Семантические ограничения естественно включаются в толкование, а более формальные ограничения сочетаемости (например, у служебных элементов) индивидуальны для каждой конкретной единицы и опять-таки могут записываться в словаре, как это и делалось в китайской традиции.

Агглютинативные языки типа алтайских оказываются промежуточными между максимально словарными и максимально грамматическими. У них есть свойство, сближающее их с изолирующими языками и отделяющее от флективных языков. Как указывал С.Е. Яхонтов, здесь «слово имеет основную форму, состоящую из чистого корня (или основы, т.е. нескольких корней или корня со словообразующим аффиксом), без всяких дополнительных служебных элементов; при образовании других форм само слово не изменяется, на него лишь наращиваются различные служебные морфемы – аффиксы и частицы. В этих языках слово – вполне реальная вещь, в то время как в языках флективных оно представляет собой абстракцию, в речи мы встречаем лишь отдельные словоформы; слово, помещаемое в словаре, есть в действительности лишь одна из форм, условно «представляющая» слово» [Яхонтов 2016 [1965], с. 131-132]. Однако именно в агглютинативных языках количество грамматических элементов максимально как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане. В одной из статей традиционное описание агглютинативной словоформы уподобляется «паровозу с вагончиками» [Вахтин 1994]. К корню может присоединяться до десятка таких «вагончиков»; такое присоединение невозможно ни во флективных языках, ни в изолирующих языках. Редко в какой флективной словоформе можно

встретить более трех-четырёх аффиксов, много «пустых слов» подряд тем более невозможно. Грамматики европейского типа, основанные на выделении парадигм, для таких языков психологически неадекватны. Уже величина парадигм препятствует этому. В арчинском языке в Дагестане (он не принадлежит к числу эталонных языков, но типологически к ним близок) от одного глагольного корня может быть потенциально образовано более полутора миллионов форм [Кибрик и др. 1977, т. 3, с. 36]. В принципе агглютинативные языки могут быть описаны и словарным способом, так делали в Японии в первые века после освоения китайской лингвистики, однако потом возникли грамматики.

В японской традиции с XVIII в. также грамматика отделяется от словаря, но несколько иначе. Основу морфологии составляет не парадигматика, а синтагматика. Для каждого грамматического элемента, прежде всего, выявляется, с какой из форм словоизменения глагола (или предшествующего грамматического показателя, которые тоже могут иметь парадигму) он сочетается [Алпатов 1979, с. 25-31, 49-51]. По-видимому, именно такое описание психологически наиболее адекватно. При этом выделение парадигм, пусть в урезанном виде, связано с тем, что японский язык в подсистеме глагола обладает несомненным сходством с флективными языками. Чисто агглютинативная система имени описывается только синтагматически, в виде ограничений на сочетаемость. Если же явных ограничений нет, то описание по сути словарно, однако производится одновременно и в словарях, и в грамматиках; такой же подход имеет место и в европейской традиции в отношении служебных слов, тогда как аффиксы не принято включать в словари.

«Разные модели морфологии отличаются друг от друга прежде всего тем, что ориентированы на языки разных типов»; один тип считается эталонным, а прочие типы – отклонениями от эталона [Плунгян 2000, с. 71]. Европейская традиция эталоном считала какой-либо синтетический флективный язык (древнегреческий, латинский, русский и др.), а дескриптивисты более всего ориентировались на «агглютинативный идеал» [Плунгян 2000, с. 71-72], не потому, что для них агглютинативные языки привычнее, а потому, что этот подход проще и не требует усложнения описания за счет изменений на стыках морфем. В наши же дни нередко «идеалом» считается строй английского языка, в результате чего морфология растворяется в синтаксисе.

Ф. де Соссюр оценивал изолирующие языки как «ультралексические», а флективные – как «ультраграмматические» [Соссюр 1977 [1916], с. 165-166]. Эти термины он понимал не совсем в смыс-

ле, который употреблен здесь, но представляется, что можно тут найти связь. Итак, на одном полюсе находятся изолирующие языки типа китайского; такие языки могут быть описаны почти целиком с помощью словаря с добавлением лишь правил порядка элементов. На другом полюсе – флективные языки; их можно также назвать парадигматически ориентированными. Для их описания необходима грамматика, причем в ней большое место занимает парадигматика. Агглютинативные языки могут быть названы синтагматически ориентированными. Для их описания желателен сочетание словаря и грамматики, но часть описания, концентрируемая в грамматике для флективных языков, здесь может быть перенесена в словарь; в самой же грамматике преобладает синтагматика.

Такие различия в подходе к языкам, вероятно, связаны с психологической адекватностью той или иной модели описания.

Литература

1. Агглютинация // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 17.
2. Алпатов В.М. *Структура грамматических единиц в современном японском языке*. М.: Наука, 1979. 149 с.
3. Алпатов В.М. Об уточнении понятий «флективный язык» и «агглютинативный язык» // *Лингвистическая типология*. М.: Наука, 1985. С. 92-101
4. Алпатов В.М. Еще раз о флексии, агглютинации и изоляции // *Московский лингвистический журнал*. 1996. Том 3. С. 34-45.
5. Алпатов В.М. Особенности русской лингвистики // *Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения*. Ч.1. М.: МГИМО(Ун-т), 2015. С. 10-21.
6. Алпатов В.М. *Японистика. Теория языка. Социолингвистика. История языкознания*. М., 2017.
7. Вахтин Н.Б. Словоизменительная морфема и грамматическая категория: эскимосские формы с двойным временем // *Изв. РАН, сер. лит. и яз.* 1994. Т. 53. № 4.
8. Воспоминания П.С. Кузнецова, Публикация, вступление и комментарии В.М. Алпатова // *Московский лингвистический журнал*. 2003. т. 7. № 1. С. 155-250.
9. Головастикова А.Н. К проблеме психологической адекватности моделей русского словоизменения // *Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980)*. М., 1980.
10. *Квантитативная типология языков Азии и Африки*. Л., 1982.

11. Кибрик А.Е. *Опыт структурного описания арчинского языка*. Т. 3. М.: Изд-во МГУ, 1977.
12. Плунгян В.А. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М., 2000.
13. Семенас А.Л. *Лексикология современного китайского языка*. М. 1992.
14. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. *Труды по языкознанию*. М., 1977.
15. Успенский Б.А. *Структурная типология языков*. М., 1965.
16. Черниговская Т.В. Мозг и язык: врождённые модели или обучающая сеть? // *Научные сессии общих собраний Российской академии наук. 2002-2009*. М., 2010.
17. Шаляпина З.М. Грамматика и ее соотношение со словарем при словоцентрическом подходе к языку (на опыте формализованного лингвистического описания) // *Вопросы языкознания*. 1991, № 5. с. 42-54.
18. Щерба Л.В. *Избранные работы по русскому языку*. М., 1957.
19. Яхонтов С.Е. О морфологической классификации языков // *Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С.Е. Яхонтова*. СПб., 2016.
20. Яхонтов С.Е. Грамматические категории аморфного языка // *Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С.Е. Яхонтова*. СПб., 2016.

Т.Г. Погибенко
ИВ РАН (Москва)

Лексический комплекс в австроазиатских языках

1. Введение

Данная статья посвящена проблеме лексического комплекса (ЛК) в австроазиатских языках в сопоставительном и диахроническом аспектах.

Комплексность единиц номинации является важной типологической чертой изолирующих языков Азии. ЛК – это комбинации полнозначных слов, представляющие собой структурные и семантические единства особого рода. ЛК отличаются от сложных слов и словосочетаний. ЛК выражает комплекс семантических компонентов, объединенных в одну семантическую структуру, и не является единицей с фиксированным типом синтаксической или семантической связи компонентов.

ЛК отличаются от свободных словосочетаний характером связи компонентов: в них отсутствует синтаксическая связь, а семантическая связь сводится к тому, что в составе ЛК семантические структуры компонентов либо объединяются, как это, например, происходит в синонимических ЛК, либо перестраиваются, т.е. изменяется их иерархическая конфигурация, в результате возникает новое значение, например: кхмер. *nijəj kuu (khniə)* ‘обсуждать, советоваться’ (букв. ‘говорить – думать – (вместе)'). Объединение семантических структур компонентов не всегда происходит по четко определенным принципам.

В ЛК возможна синонимическая замена компонентов и редукция компонентов в дискурсе. Для некоторых типов глагольных ЛК нормой является дистантное расположение компонентов из-за возможности/обязательности инкорпорирования в ЛК объектных ИГ с зависимыми элементами.

ЛК отличаются от сложных слов тем, что в сложных словах, как правило, невозможна редукция и синонимическая замена компонентов, кроме того, сложные слова могут иметь асинтаксический порядок слов, хотя и не часто. Редукция и синонимическая замена компонентов в сложных словах приводит к утрате значения исходной единицы, например: кхмер. *tuk phne:k* ‘слезы’ – *tuk* ‘вода’, *phne:k* ‘глаза’ – *riəv phne:k* ‘жидкость глаза’. Изменение порядка следования компонентов с асинтаксического на синтаксический приводит к образованию свободного словосочетания, например, кхмер. *srəh srej* ‘красавица’ – *srej srəh* ‘красивая женщина’.

ЛК представлены во всех трех ветвях АА языков – мунда, никобарских, мон-кхмерских, несмотря на то, что они принадлежат к разным языковым типам: полисинтетическому, агглютинирующему и изолирующему, соответственно. ЛК из разных языков, выражающие одно и то же значение, могут не быть когнатами. Они могут содержать компоненты, не являющиеся родственными словами, как, например, кхаси *ap mrong* ‘ждать, выжидать’, букв. ‘wait, stay for – watchfully, expectantly (as a dog when sitting)’ (KhE) и кхмер. *rəŋ sam* ‘ждать, ожидать’, букв. ‘ждать, ожидать – ждать, ожидать; караулить, стеречь’. В этих ЛК только *mrong* и *rəŋ* являются когнатами. Слово *mrong* – это результат адвербаллизации формы зависимой предикации с аффиксом *m-/m-*¹.

Разнообразные пути развития ЛК в диахронии АА языков привели к целому ряду аномальных, непонятных в современных языках явлений, таких как «эхо-формы» в языках мунда, большое количество слов с асемантическими слогами в мон-кхмерских языках, обилие единиц номинации, имеющих форму повторов.

Несмотря на то, что в АА языках ЛК является единицей исключительно частотной, проблема лексического комплекса практически остается неизученной, не говоря уже о том, что не все признают его существование. Традиционно ЛК относят к разряду сложных слов либо идиоматических словосочетаний. Вопрос о необходимости выделения ЛК в кхмерском языке, как особой единицы номинации, был поставлен Д.И. Еловковым в работе [Еловков 2006]. В этой работе под ЛК понимается широкий класс лексических единиц, отличающихся от свободных словосочетаний, но включающий в себя сложные слова. Вопросы, связанные с принципами выделения, классификации и функциональными особенностями ЛК в АА языках отчасти были затронуты в статье [Погибенко 2012a].

Игнорирование ЛК как особой единицы номинации затрудняет преподавание языков и не позволяет выработать единообразные и непротиворечивые принципы составления двуязычных словарей (см., например, предисловие к НБВРС). Непризнание ЛК как единицы номинации создает немалые трудности для сравнительных и исторических исследований.

Сравнение АА языков позволяет предполагать, что ЛК существовал в праязыке. Рефлексы ЛК в современных АА разнообразны и представляют собой, в основном, языковые единицы двух типов:

¹ Редкие случаи адвербаллизации инфиксных форм зависимой предикации отмечаются в кхмерском языке, например: *mri:k mri:k* ‘медленно, постепенно раскрывая’ и *ri:k* ‘открываться, распускаться’. См. также [Погибенко 2012b, с. 97-98].

собственно ЛК и производные слова, где один из компонентов либо является аффиксом, либо асемантическим морфом.

2. Типы ЛК в австроазиатских языках

В МК языках ЛК имеют разнообразную структуру. Они состоят из слов разных частей речи и функционируют как разные части речи. Классификация по составу и по функциям ЛК в кхмерском языке подробно описывается в книге [Еловков 2006].

ЛК делятся на две группы – именные и глагольные – в зависимости от того, имя или глагол выступает в позиции первого компонента. Именные ЛК менее разнообразны, но они более структурированы по форме и по значению и, фактически, мигрируют в сторону именного словообразования и словоизменения. Рассмотрим два типа именных ЛК.

2.1 ЛК «имя+имя»

ЛК со структурой «имя+имя» Д.И. Еловков определяет следующим образом:

«В этих ЛК первый компонент называет ту или иную часть, тот или иной аспект предмета-явления, выделяя, таким образом, ту часть, тот аспект предмета-явления, которые «участвуют» в данной конкретной ситуации» [Еловков 2006, с. 114].

В изолирующих языках Азии в сочетаниях «есть рыбу», «прыгнуть в реку», как правило, будут употребляться не слова «рыба» и «река», а ЛК «мясо – рыба», «вода – река». Функциональное объяснение такому явлению находим в работе [Золотова и др. 1998, с. 38]:

«Слово-лексема еще не является синтаксической единицей, слово – единица лексики, а в разных его формах могут реализоваться или актуализироваться разные стороны его общего значения, разные семы, предопределяющие различие в синтаксическом употреблении. Так, например, в локативных формах *в лесу, за лесом, над лесом, из леса, из-за леса, возле леса* актуализируется значение места, пространства (занятого множеством деревьев), в творительном пути движения – *лесом* значение протяженности пространства, в объектных приглагольных формах *рубить лес, губить лес, сажать лес, любоваться лесом* актуализируется предметное значение (множества деревьев), в сочетаниях типа *лес рук, лес флагов* – количественное значение (множества деревьев)».

В изолирующих языках Азии существует аналогичная потребность различения слова, принадлежащего лексической системе – лексемы, и слова, конституирующего синтаксическую структуру – синтаксемы. Различие только в средствах: в изолирующих языках используется ЛК, в котором та конкретная сторона общего значения лексемы, которая актуализируется, выражается лексически в первом компоненте. Примеры: кхмер. *pra:sa:t* ‘храм’, ЛК *tuə pra:sa:t* ‘храм’ (букв. ‘тело – храм’):

- (1) кхмер. *tuə pra:sa:t preəh ko riəp pi: ət*
‘Храм Преах Ко построен (букв. изготовлен) из кирпича’

кхмер. *prəla:j* ‘ручей’, ЛК *dv:ŋ prəla:j* ‘ручей’ (букв. ‘тело – ручей’):

- (2) кхмер. *prəla:j crəh prəvəətə?sa? muəj hou nǝəm tuk dv: thla: chvəŋ tuw bəmpəŋ stuŋ siəm riəp ət chup chə: taŋ pi: crəəŋ sata?vəət mə:k haəj*
‘Исторический ручей течет, вот уже много веков подряд, неся свои прозрачные, чистые воды, чтобы наполнить реку Сиемриеп’ (Тие Срэнг, с. 1)
- (2a) кхмер. *tŋaj nih nəw ta:m dv:ŋ prəla:j juve?cəŋ mǝə?k kəmpuŋ piŋut ru:p cəmlak ateita? sdac kumləŋ nəw ti: nuh khnoŋ pə:l pjiəba:l cətuŋi: kləŋ*
‘В тот день в этом ручье какой-то молодой человек обследовал изображение легендарного прокаженного короля, находившегося в этом месте во время лечения от проказы’ (Тие Срэнг, с. 1)

Кхмерский ЛК *dv:ŋ prəla:j* можно сравнить с вьет. ЛК *dòng sông* ‘река’ (букв. ‘поток – река’). В НБВРС со значением ‘река’ отдельным входением дается *dòng* с пометой «разг. сокр. от *dòng sông*», другими словами, составители словаря считают короткую и длинную формы этого ЛК стилистическими вариантами.

ма *ʔə ʔiər* ‘девочка’, ЛК *rùp ʔə ʔiər* ‘девочка’ (букв. ‘форма – девочка’):

- (3) ма *cì dül cənaŋ rùp ʔə ʔiər*
‘нарисовать девочку’ (КЛФ 70).

ма *təŋ ~ trəŋ* ‘школа’, ЛК *hìw təŋ* ‘школа’ (букв. ‘дом – школа’):

- (4) ма *caw gam là dà ne hìw tət*
‘Люди работают за школой’ (ВПР 92)

- (4a) ма *bə dít ʔaŋ gam hək bal dít³ trəŋ mà khaj*
‘В детстве я учился с ним в одной школе’ (СКД 167)

ма *ti* ‘рука’, ЛК *tə³ ti* ‘рука’ (букв. ‘место – рука’):

- (5) ма *mi là khaj lè ti tət³ ti*
‘Ты поранил его в руку’ (ПРП 133a)

ма *gè jŋŋ* ‘скамья’, ЛК *tə gè jŋŋ* ‘скамья’ (букв. ‘место – стул – длинный’):

- (6) ма *bul ʔaŋ lè ŋgij tə gè rəla jŋŋ*
‘Мы сели на бамбуковую (*rəla*) скамью’ (АТР 64)

ма *ja?* ‘семья’, ЛК *hìw ja?* ‘семья’ (букв. ‘дом (строение) – семья’)¹:

- (7) ма *hìw ja? bi gè dǝ? nəm kəm*
‘Сколько детей было в вашей семье’ (АТР 115)

ма *dà?* ‘река’, ЛК *ŋhəŋ dà?* ‘река’ (букв. ‘поток – река’):

- (8) ма *təm nhaj praŋ rəbəŋ dà? dǝŋ gəŋ lè gə rəwəl dà? dít*
‘В сухой сезон эта большая река превращается в ручей’ (СКД 79)

- (8a) ма *ŋhəŋ dà? dv ʔə? ləgaj*
‘Эта река не широкая’ (СЛЖ 116 (АФ))

Важными особенностями ЛК рассмотренного типа являются следующие.

1) ЛК могут выступать только в вершине ИГ. В других позициях используется моно компонентная номинация. Примеры:

ма *rəluŋ* ‘колодец’, ЛК *dà? rəluŋ* ‘колодец’ (букв. ‘вода – колодец’):

- (9) ма *ʔəm dv dà? rəluŋ bə tu?*
‘Где здесь находится колодец?’ (ВПР 150)

- (9a) ма *dà? ʔaj bə rəluŋ dv kà ŋan*
‘Вода из этого колодца очень вкусная’ (АТР 66 (PH))

ма *dà?* ‘река’, ЛК *ŋhəŋ dà?* ‘река’ (букв. ‘поток – река’). Ср. (10) и (8a):

- (10) ма *ka lət dè tap tàm bər dà? dv*
‘Рыба ходит метать икру в притоки этой реки’ (СКД 97)

¹ Внутренняя форма этого ЛК непростая. С одной стороны, он является семантической калькой с вьет. *gia đình* ‘семья’ (букв. ‘семья – общинный дом’) (НБВРС), где компоненты расположены в другом порядке. С другой стороны, компонент *ja?* ‘семья’ – это вьетнамское заимствование, ср. вьет. *nhà* ‘дом (постройка)’.

2) Во второй и последующих номинациях ЛК редуцируются. В следующем примере из языка ма ЛК *nhùn dà?* ‘река’ во второй номинации выступает в редуцированной форме *dà?*.

- (11) ма *chì dəm rəbu? jat nhùn dà? wà dù? rələ? dà? kan ɲan*
 ‘Ствол дерева плывет вниз по течению реки. Плыть на лодке вверх по течению трудно’ (OMB 58 (PH))

2.2 ЛК «термин родства+старый/маленький»

Этот тип ЛК распространен, например, в кхмерском, вьетнамском, ксингмул и ма. В словарях он представлен небольшим количеством единиц, однако частота его употребления в дискурсе высока. По этой модели от терминов родства образуются имена общие, не имеющие в своей семантической структуре дейктического компонента «степень/характер родства». То, что прилагательные «старый/маленький» используются не как определения в свободных словосочетаниях, подтверждается тем, что модификация по признаку «возраст» осуществляется посредством первых компонентов. Примеры:

	термин родства	имя общее	
кхмер.	<i>ta:</i> ‘дедушка’	<i>ta: cah</i> ‘дедушка, старик, пожилой мужчина’	(букв. ‘дедушка – старый’)
	<i>doun</i> ‘бабушка’	<i>doun cah</i> ‘бабушка, пожилая женщина’	(букв. ‘бабушка – старый’)
вьет.	<i>cụ</i> ‘прадед’	<i>cụ già</i> ‘старик’	(букв. ‘прадед – старый’)
	<i>ông</i> ‘дедушка’	<i>ông già</i> ‘старик’	(букв. ‘дедушка – старый’)
	<i>chú</i> ‘дядя (младший брат отца)’	<i>chú bé</i> ‘ребенок, паренек’	(букв. ‘дядя – маленький’),
	<i>cậu</i> ‘дядя (младший брат матери)’	<i>cậu bé</i> ‘мальчик’	(букв. ‘дядя – маленький’)
	<i>cô</i> ‘старшая сестра’	<i>cô bé</i> ‘девочка’	(букв. ‘старшая сестра – маленький’)
	<i>em</i> ‘младший сиблинг’	<i>em bé</i> ‘ребенок’	(букв. ‘младший сиблинг – маленький’)
ма	<i>paŋ</i> ‘дедушка’	<i>paŋ kra</i> ‘старик,’	(букв. ‘дедушка –

		пожилой мужчина’	старый’)
	<i>kòn</i> ‘ребенок (сын или дочь)’	<i>kòn dít</i> ‘ребенок’	(букв. ‘ребенок – маленький’)
ксинг-мул	<i>ʔa:j</i> ‘отец’	<i>ʔa:j khəlgə:</i> ‘старик’	(букв. ‘отец – старый’)
	<i>kə:n nɨŋ</i> ‘дочь’	<i>kə:n nɨŋ ne?</i> ‘девочка’	(букв. ‘ребенок – женщина – маленький’)
	<i>kiəp</i> ‘младший сиблинг’	<i>kiəp ne?</i> ‘мальчик’	(букв. ‘младший сиблинг – маленький’)

Правила редукции ЛК данного типа в разных языках не совпадают. В следующих примерах во вьетнамском предложении во второй номинации ЛК подвергаются редукции, а в языке ма не подвергаются.

- (8) вьет. *Cụ già cho chú bé ăn nhưng chú ta không thích giúp cụ*
 ма *paŋ kra lè əj kòn dít sa gə kòn dít ỳ? kòn kòl paŋ kra*
 ‘Старик накормил мальчика, а мальчик не захотел помочь старику’ (СЛЖ 114 (АФ))

2.3 Глагольные ЛК

Глагольные ЛК (ГЛК) по ряду признаков отличаются и от глагольных конструкций, таких как сериальные, конструкции с предикатными актантами, и от сложных слов, образованных по копулятивной модели. Но традиционно ГЛК относят к сложным словам, образованным по копулятивной модели. Однако термин «копулятивный» не отражает тип связи между компонентами комплекса. Между компонентами ГЛК семантическая связь сводится к тому, что каждый из них вносит свой вклад в семантическую структуру всего комплекса, обеспечивая пути семантической деривации исходной моно компонентной номинации. В рамках глагольного лексического комплекса решается задача создания насколько можно более полной и адекватной концептуализации описываемой ситуации.

Это свойство ЛК хорошо видно при сравнении с другими языками. Например, русск. *yítu chuz/ot* переводится на кхмерский язык разными ЛК: *liə le:ŋ* ‘уходить (с работы, в отставку, с поста, от жены)’, букв. ‘покидать – бросать, оставлять, покидать’; *liə chup* ‘уходить (с работы, из спорта)’, букв. ‘покидать, оставлять – переставать’. Разными ЛК будет переводиться русск. *крикнуть*: *sraek pra:p*, букв. ‘кричать – сообщать’, *sraek haw*, букв. ‘кричать – звать’, *sraek suə*, букв. ‘кричать – спрашивать’. Для перевода слова *эмигрировать* так-

же можно использовать разные ЛК. Словарь предлагает следующее выражение:

- (12) *coul srok thvə: vntao prvə:h* ‘эмигрировать’ (букв. ‘везжать – страна – делать – внутри + миграция = иммиграция’) (PhD)

Здесь используется модель «делать х», где х – семантическая калька, повторяющая внутреннюю форму слова «иммиграция», причем слово *prvə:h* ‘эмигрировать, переселяться’ – заимствование из пали. В статье, однако, нам встретился ЛК со значением ‘эмигрировать’, состоящий из пяти глаголов исконной лексики:

- (13) *rŭət kè:c mək crək kaon (nəw prvətè:h ba:raŋ)* ‘эмигрировать (во Францию)’ (букв. ‘бежать – уклоняться, избегать – приезжать – укрываться – находить приют’)

Этот ЛК с большой конкретностью концептуализирует ситуацию вынужденной политической эмиграции. Его лексические компоненты выражают следующие смыслы: *rŭət* ‘бежать’ – быстрый способ отъезда, *kè:c* ‘уклоняться, избегать’ – существование опасности, как причину отъезда, *crək* ‘укрываться’ и *kaon* ‘находить приют’ – местонахождение, скрывающее от опасности.

Этот пример показывает, что глагольный ЛК – это единица, позволяющая выразить на поверхностном уровне компоненты смысла, которые остаются невыраженными в моно лексемных глагольных номинациях синтетических языков.

В словаре данный ЛК мы не найдем. В словарь попадают комбинации более устойчивые, частотные или имитирующие форму повторов. ГЛК существенно увеличивают экспрессивные возможности языка. Они могут порождаться в речи. Некоторые исследователи называют их речевыми словами¹.

Рассмотрим пример из языка ма:

- (14) ма *chə hŭp nən təm tu? sŭn ?iər dam trũ bal*
вьет. *Rất thú vị khi gà chọi nhau*
‘Интересно смотреть, когда дерутся петухи’
(СЛЖ 29) – ЛК *chə hŭp* ‘интересно’ (букв. ‘любить, нравится – довольный’)

Компоненты ЛК *chə hŭp* выражают разные смыслы, содержащиеся в толковании русской лексемы *интересно*: «Р интересно Х-у = Р вызывает у Х-а положительные эмоции, приятное чувство,

¹ Речевыми словами их называл Л.Н. Морев (устная коммуникация).

например, возбуждения, новизны, радости, волнения, и Х хочет повторять свой контакт с Р или делать Р»¹. Глагол *chə*, который прогlossирован вьет. *thích* ‘нравиться, любить’, является носителем смысла «предпочтение», а *hŭp*, который прогlossирован вьет. *khôai* ‘приятный, прекрасный, довольный’, является носителем смысла «удовольствие». Во вьетнамском диагностическом предложении используется комплекс *thũ vị* ‘интересный, занимательный, приятный, забавный’, букв. ‘приятный – желудок’ – ЛК, который перешел в разряд идиом, поскольку утратил свойства прозрачности и выводимости значения целого из значения компонентов².

Рассмотренные примеры демонстрируют способность ГЛК выстраивать детальную концептуализацию ситуации. Еще одна функция, которую выполняет ЛК – это выражение инкорпорированных и экс-корпорированных участников ситуации. В работе [Падучева 2004] инкорпорированным участником ситуации называется тот, который обычно не получает синтаксической роли. Ср. **видеть глазами*, но *увидеть собственными глазами*. Рассмотрим эту функцию на следующих примерах перевода с русского языка на вьетнамский язык:

- (15) Джузеппе **надел** очки, обмотанные бечевкой, – так как очки были тоже старые, – **повертел в руке** полено и начал его тесать топориком. (А. Толстой)
Bác Giu-dép-phơ đeo đôi kính buộc xoắn một sợi dây lên mắt – đôi mắt kính cũng già nua tuổi tác lắm rồi
Bác cầm thanh củi lật đi lật lại, rồi lái rìu đẽo cho vuông.

При переводе на вьетнамский язык моно компонентных номинаций *повертел* и *надел* используются ГЛК:

cầm < > lật đi lật lại, букв. ‘брать, держать < > – переворачивать – идти – переворачивать – возвращаться’. Глагол *cầm* ‘держат, брать’ в своей семантической структуре имеет актант «рука», который при переводе на вьетнамский язык не получает выражения в поверхностной структуре предложения, т.е. является инкорпорированным:

¹ В данном случае был использован формат толкования синонимического ряда *надоесть* в [НОСС 2004, с. 570].

² Вьет. *thũ vị* относится к семантическому классу предикатов гедонистической оценки, апеллирующих к чувственному опыту – так они определяются в работе [Арутюнова 1988, с. 18]. Предикаты данного семантического типа в АА языках часто содержат в своем составе названия внутренних органов и частей тела: «сердце», «желудок», «живот» и др., например, кар *vu:ai lo:n* ‘to be hot (through fever)’, букв. ‘испытывать жар – сердце, чрево, желудок, внутренности’, *vu:ai-kui* ‘to be hot (from the sun)’, букв. ‘испытывать жар – голова’ [Whitehead 1993].

deo < > *lên* (*măt*) ‘надеть’, букв. ‘носить < > – поднимать(ся) – (лицо)’. Компонент *lên* ‘поднимать(ся)’ открывает объектную валентность, и в поверхностной структуре появляется актант *măt* ‘лицо’, который в русском предложении является инкорпорированным.

3. Рефлексы ЛК в австроазиатских языках

В современных АА языках стратегия семантической деривации при помощи лексических комплексов используется в разной степени. В языках мунда и никобарских отмечается большое количество сложнопроизводных слов, построенных по семантическим моделям ЛК в МК языках. Так, в языке сора в сложных словах выступает элемент *-sida:*, например, *table-sida:* ‘убирать’ (букв. ‘удалять-бросать’), *go:η-le-sida:* ‘прогонять’ (букв. ‘прогонять-бросать’). Это коррелирует с распространенной семантической моделью ГЛК в МК языках, в которой второй компонент выражает уход, исчезновение, удаление, утрату.

В языках мунда и никобарских языках в полисиллабических словах есть много фоссилизированных рефлексов ЛК предшествующих периодов. Отмечаются разные типы соответствий.

Суффиксы в языках мунда могут быть когнатами полнозначных или служебных слов в МК языках. Например, суффикс фреквентатива в сора *lo:* является когнатом кхмерского глагола *tłöap* ‘быть привыкшим, иметь обыкновение; показатель неопределеннократного действия в прошлом’ (КРС):

- (16) сора *gugu-lo:-te-n*
звать-FREQ-NPST-INTR
‘Он часто меня зовет’ (Anderson, с. 240)
- (17) кхмер. *khnom tlöap mə:k dol prətè:h nih*
‘Я бывал в этой стране’ (КРС)

Суффиксы в мунда и никобарских языках могут не являться когнатами, но быть семантическими соответствиями полнозначным или служебным словам в МК языках:

- (18) кар *chu:-tə* ‘вытирать’, *chu:t-ngə* ‘стирать’
кхмер. *cut ceɲ* ‘вытирать, стирать’, букв. ‘вытирать – выходить, уходить’

Кар *chu:t* и кхмер. *cut* – когнаты ‘вытирать, стирать’. В кар это слово отмечается с суффиксом *-tə*, который обозначает движение вниз или по направлению к объекту, и суффиксом *-ngə*, который обозначает уход, исчезновение, утрату.

В следующем примере слово нанкаури с направительным суффиксом *lare* и ЛК кхмерского языка содержат элемент-когнат «стоять», хотя порядок компонентов не совпадает. Вьетнамский ЛК содержит компоненты, которые не являются когнатами компонентов ЛК языка нанкаури, но их значение и порядок следования такой же, как в примере из нанкаури.

- (19) нанк. *shiak-lare* ‘вставать’, букв. ‘стоять – суффикс движения вверх или к северу’
кхмер. *ηə:p chə:* ‘вставать’, букв. ‘подниматься – стоять’
кхмер. *kraok chə:* ‘вставать’, букв. ‘подниматься – стоять’
вьет. *đứng lên* ‘вставать’, букв. ‘стоять – подниматься; на’

В языках мунда обращают на себя внимание некоторые особенности вспомогательных глаголов, которые указывают на их происхождение от компонентов ГЛК. Вспомогательных глаголов много, и они образуют разные структурные типы конструкций. Есть, например, такие, в которых маркеры финитности устанавливаются и на главном, и на вспомогательном глаголе. Это напоминает явление повтора темпорально-аспектуальных показателей при каждом компоненте ГЛК в кхмерском, например:

- (20) кхмер. *dəη lu:* ‘узнать, услышать’, букв. ‘знать – слышать’
ba:n dəη ba:n lu:, букв. ‘PRF – знать – PRF – слышать’

Как отмечает Г. Андерсон [Anderson 2007, с. 239], кроме грамматикализованных глаголов, часто встречающихся в других языках мира, таких, как «давать», «идти», «сидеть», «быть» и др., в языках мунда можно обнаружить грамматикализации и менее типичных для этой роли глаголов, например, в языке гутоб «ударять» выражает интенсивность действия, в языках гутоб, ремо «бросать» выражает завершенность действия. Много других, по выражению Андерсона, необычных глаголов участвуют как вспомогательные в формировании универбальных конструкций, которые в синхронии осознаются как «complex verb forms». В таких формах, как признается Андерсон, не во всех случаях можно определить исходное значение «of a fused auxiliary element».

Помимо того, что вспомогательных глаголов в языках мунда много, их спектр значений слишком велик. При этом одни и те же грамматические значения в разных языках мунда выражаются разными глаголами. Многие вспомогательные глаголы стали глагольными суффиксами, и среди них немало таких, значение которых размыто, и им часто приписываются такие значения, как эмфатичность, интенсивность, ассертивность [Anderson 2007, с. 243]. Все эти особенности

вспомогательных глаголов в языках мунда можно было бы объяснить их происхождением от полнозначных глаголов ГЛК, в которых они могли варьировать и конкурировать с другими глаголами со сходным значением. Такое мы можем наблюдать в ГЛК в современных МК языках. Во многих суффиксах и вспомогательных глаголах языков мунда узнаваемы полнозначные глаголы МК языков. Например:

- (21) сора *dʒum-a:dʒ-a*
eat-COMPL-IMP
'eat it (all) up' (Anderson 2007, с. 240)
джурай *lakod-ro'dʒ*
carry-ANT
'carry first ...' (Anderson 2007, с. 241)
кхмер. *nam ba:j ruəc haəj*
есть – рис – **заканчивать**; REZ – PRF
- (22) ремо *baɬ-oʔ suŋ-o-niŋ*
slap-PST.TR COMPL-PST.TR-1SG
'I finished slapping' (Anderson 2007, с. 234)
вьет. *lam xong việc*
делать – **закончить**; REZ – работа
'закончить делать работу'
remo *bəba ɬen-t-iŋ*
slap PROGR-PST.INTR-NPST-1SG
'I have been slapping' (Anderson 2007, с. 233)
вьет. *nó ɬang ngu*
3sg → DUR – спать
'Он сейчас спит'

В следующих примерах из трех МК языков – кхаси, вьетнамского и кхмерского – отмечаются и когнаты, и семантические соответствия. В языке кхаси комплексная единица является словом, в кхмерском и вьетнамском языках – лексическим комплексом:

- (23) кхаси *aibuit* 'советовать', букв. 'давать – искусство, умение'¹
вьет. *cho biệt* 'сообщать', букв. 'давать – знать'
кхм. *əoj dəŋ* 'сообщать', букв. 'давать – знать'

В никобарских языках кар и нанкаури АА лексический комплекс, как и в языках мунда, представлен на разных диахронических

¹ В кхаси *buit* как свободная глагольная форма не существует, однако наличие номинализаций *jiŋtbit* и *kabuit* 'искусство, умение' свидетельствуют о том, что глагол *buit* существовал.

уровнях. Нижний уровень – это компоненты ЛК, ставшие суффиксами. В никобарских языках их возведение к АА глаголам затруднено, потому что их встраивание в словоформу сопровождалось фузией и переразложением слогов. Верхний уровень – это ЛК, функционирующие на данном синхронном срезе. В никобарских языках, как и в языках мунда, уже сформировалась новая морфология агглютинативного типа. При этом старая АА морфология синтетического типа здесь пока еще остается живой и продуктивной. Самое удивительное это то, что ЛК могут образовываться на базе полисиллабических слов, производных при помощи единиц новой морфологии. Например:

- (24) *rāngóre mana kuñiŋre, rāŋen ɔ*
замолчать 2SG NOM выходить оставлять 3SG OBL
'Молчи и выйди из него' (Марк 1-25)

Компонент ЛК *kuñiŋre* содержит корень *kuñi*, суффикс *-Vñ* со значением направленности действия наружу и суффикс *-re* со значением рефлексива. Компонент *rāŋen* содержит асемантичный корень *rā* и суффикс, выражающий значение исчезновения или потери, который в кар представлен алломорфами *-ŋə*, *-ŋen*, *-Vŋ*.

Характерно, что в орфографии источника компоненты данного ЛК представлены как копредикаты, через запятую. На наш взгляд, запятую преподобный Дж. Уайтхед использовал как инструмент гиперкоррекции, поскольку он не понимал характера той языковой единицы, которую использовал носитель языка.

С другой стороны, в никобарских языках, так же как и в языках мунда отмечается большое количество сложнопроизводных слов, построенных по семантическим моделям ЛК в МК языках. Многие из них содержат морфы, являющиеся когнатами компонентов ЛК в МК языках.

- (25) кар *i-lə:-ren* 'вести кого-то', букв. 'идти вместе-направляться -BEN'
кхмер. *daə ɬpuh tuw* 'идти куда-то', букв. 'идти – направляться – к'
кхмер. *duŋ ɬət* 'знать, понимать чьи-то чувства, мысли и др.', букв. 'знать – сердце'
кар *akaha-[el]-lə:n* 'знать', букв. 'знать-[в]-сердце'
кар *ɬūt-ngə* 'стирать', букв. 'вытирать-суффикс, обозначающий уход, исчезновение, утрату'
кхмер. *cut seŋ* 'вытирать, стирать', букв. 'вытирать – выходить'

В качестве заключения можно сказать следующее. Судя по всему, глагольный ЛК был широко представлен в праязыке. Процесс

образования ЛК продолжался в языках-потомках. В современных языках ЛК оставили очень разные рефлексы, которые в плане содержания различаются степенью утраты одним из компонентов комплекса свойства самостоятельности и полноточности, а в плане выражения – характером представленности в поверхностной структуре номинации. Сравнивая АА языки, можно выявить некоторые общие семантические модели глагольных ЛК, которые существовали уже на прото-АА уровне.

Сокращения

АА	австроазиатские (языки)
АТР	анкета «Атрибутивные отношения»
вьет.	вьетнамский
ВПР	анкета «Вопросительные предложения»
ГЛК	глагольный лексический комплекс
ИГ	именная группа
кхмер.	кхмерский
КЛФ	анкета «Классификаторы»
ЛК	лексический комплекс
МК	мон-кхмерские (языки)
ОМВ	анкета «Обстоятельства места и времени»
ППП	анкета «Простые предложения»
РЕЧ	анкета «Части речи»
СКД	анкета «Сказуемое – дополнение»
СЛЖ	анкета «Сложные предложения»
ANT	предшествование
BEN	бенефактив
COMPL	комплетив
DUR	дуратив
FREQ	фреквентатив
IMP	императив
INTR	интранзитив
NPST	настояще-будущее время
PRF	перфектив
PROGR	прогрессив
PST	прошедшее время
REZ	результатив
SG	ед. число
TR	транзитив

Источники

1. КРС – Горгониев Ю.А. *Кхмерско-русский словарь*. М.: Русский язык, 1984.

2. *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык ксингмул*. М.: Наука. Гл. ред, вост. лит., 1990.
3. *Материалы российско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1981 года. Язык ма*. (рукопись).
4. НБВРС – *Новый большой вьетнамско-русский словарь*. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2012.
5. Тие Срэнг. *Тосу кнонг ка секса*. Пномпень, 1972.
6. Толстой А. *Золотой ключик или приключения Буратино* (на вьетнамском языке). Ханой: Nhà xuất bản văn học, 1983.
7. KhE – U. Nissor Singh. *Khasi-English Dictionary*. Shillong, 1906.
8. PhD – *Phum Dictionary* {электронный словарь кхмерского языка}.
9. Ramamurti G. V. *English-Sora dictionary*. Madras, 1933.
10. Whitehead G. St. *Mark in Car-Nicobarese*. Rangoon: The British and Foreign Bible Society, 1918.
11. Whitehead G. *Dictionary of the Car-Nicobarese language*. Rangoon, 1925.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. М.: Наука, 1988.
2. Еловков Д.И. *Структура кхмерского языка. Фонетика. Фонология. Грамматика. Лексика. Семантика*. С.-Пб.: Филол. фак-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка / Ин-т русского языка РАН; Филол. фак-т МГУ. М.: Филол. фак-т МГУ, 1998.*
4. НОСС – *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ин-т русского языка РАН. Москва-Вена: Языки славянской культуры, 2004.*
5. Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Погибенко Т.Г. (2012а). Глагольный лексический комплекс в кхмерском языке // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы X Международной конференции*. М.: ИД «Ключ-С», 2012. С. 199-209.
7. Погибенко Т.Г. (2012б). *Австроазиатские языки: проблемы грамматической реконструкции*. М.: ИВ РАН, 2012.
8. Anderson G. *The Munda verb*. Berlin & Mew York: Mouton de Gruyter, 2007.
9. Kin Sok. *La grammaire du khmer modern*. Paris: Editions You Feng, Librairie Éditeur, 1999.

Об одном типе графических синонимов в системе китайских глаголов

Вследствие особенностей развития китайского языка на данный момент существует достаточно большое количество синонимов, в том числе и среди глаголов, которые представляют собой следующие пары:

- односложная форма слова, обычно обозначающая более широкое понятие или имеющая большее количество значений;
- двусложная форма слова как структурный вариант односложной лексической единицы.

Следует отметить, что двусложная форма является сложным словом и при наличии односложной формы с тем же значением возникают вопросы: действительно ли двусложный вариант является отдельным словом или все-таки словосочетанием; а если он является словом, то каковы его отличия от односложной формы. В данной работе мы попробуем проанализировать данную проблему на примере сложных слов, образованных копулятивным способом, в частности, по суммирующему типу, к данному типу можно отнести, например 学习 (xiéxí) ‘учиться, обучаться’:

(I) 我 学习。 wǒ xiéxí. я учиться «Я учусь».	(II) *我 学。 wǒ xié. я учиться, учить * «Я учусь». / * «Я учу».
(III) *我 学习 英语。 wǒ xiéxí yīngyǔ. я учиться английский язык «*Я учу английский язык».	(IV) 我 学 英语。 wǒ xié yīngyǔ. я учиться, английский язык учить ский язык «Я учу английский язык».

Пример (I) грамматичен, и наличие двусложной формы 学习 xiéxí обеспечивает возможность опустить дополнение после глагола. В отличие от него пример (II) уже не является грамматичным, так как односложная форма глагола 学 xié требует после себя постановки дополнения. В примерах (III) и (IV) обратная ситуация: более правильно при наличии дополнения употреблять односложную форму 学 xié (IV) (в поисковой системе baidu.com данный поисковый за-

прос выдает 12 200 000 результатов (Baidu 2018), а двусложная форма 学习 xiéxí (III), наоборот, практически не используется (Baidu 2018) и при наличии дополнения считается избыточной.

Попробуем объяснить наличие в языке данной пары синонимов и различия в их употреблении. На наш взгляд: во-первых, в глаголе 学习 xiéxí компонент 习 xí играет роль показателя возвратности глагола, то есть маркирует более широкий вариант глагола 学 xié, который допускает значения как ‘учиться’ самому так и ‘учить’ других. Данное предположение сделано на основе значения самого глагола 习 xí ‘практиковать/ся; усвоить; быть опытным в чем-л.’ (BKRS 2018) все значения которого однозначно характеризуют навыки и умения только самого субъекта. Также, если посмотреть примеры других глаголов, в которых есть компонент 习 xí, то мы увидим, что они тоже являются возвратными глаголами, например:

- 习惯 xíguàn ‘привыкать, приучаться’ (является двусложным синонимом 惯 guàn ‘привыкать; любить; баловать (детей)’ (BKRS 2018),
- 练习 liànxí ‘упражняться, тренироваться; практиковаться; тренировать (напр. память)’ (является двусложным синонимом 练 liàn ‘вываривать и отбеливать (шёлк); обучать; обучаться; выступать (на арене)’ (BKRS 2018).

Во-вторых, посмотрев на значения приведенных двусложных глаголов и значения их односложных синонимов, мы видим, что компонент 习 xí позволяет даже в отсутствие субъекта и объекта действия практически однозначно определить значение двусложного глагола, что невозможно сделать в случае односложного глагола.

В-третьих, в силу стремления любого языка к упрощению в примере (IV) достаточно употребить односложную форму, значение которой однозначно определяется из окружающего контекста и данный пример является грамматически правильным. А постанова в это же предложение двусложной формы (III) даёт неправильный пример, что на наш взгляд обусловлено, с одной стороны, избыточностью (более основная причина) и, возможно, ещё наличием компонента 习 xí, который придает значение возвратности и, как и в русском языке, в китайском не является грамматичной форма ‘я учусь английский язык’.

Итак, в синонимической паре 学 xié ‘учиться, учить’ – 学习 xiéxí ‘учиться, обучаться’ за счет компонента 习 xí двусложная форма 学习 xiéxí получает, с одной стороны, более конкретное значение (не требующее после себя обязательного дополнения), с другой, сужается (практически до нуля) количество вариантов использования дополнений после данной формы. Односложный вариант, напротив,

охотно принимает после себя дополнение и не может быть использован без него.

Источники

1. BKRS 2018 – Большой китайско-русский словарь (он-лайн версия) [электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/>. Дата обращения: май 2018 г.
2. Baidu 2018 – Поисковая система Baidu [электронный ресурс]. URL: <http://www.baidu.com/>, Дата обращения: май 2018 г.

Литература

1. Семенас А.Л. О синтагматической семантике копулятивного сложения в китайском языке. // Исследования по китайскому языку. М., 1973.
2. Солнцева Н.В. & Солнцев В.М. Теоретическая грамматика современного китайского языка. М., 1975.
3. Семенас А.Л. Лексикология современного китайского языка. – М., 1992.

Е.Л. Рудницкая
ИВ РАН (Москва)
С.-Г. Хван
Университет Ёнсе (Сеул)

Сочетаемость полувспомогательных глаголов с лексическими глаголами в корейском языке: внутренний предел и точка отсчета¹

1. Введение

В исследованиях сериальных конструкций корейских синтаксистов выделяется группа «аспектуальных» конструкций [Choi 2003]. В такой конструкции второй глагол сериальной конструкции [V_1+V_2] (V_2) является по своим морфосинтаксическим характеристикам вспомогательным [Cho 1996], ср. [Sohn 1999, p. 386-388]. К аспектуальным вспомогательным глаголам S.-S. Choi, относит, в числе других, *pelī-* ‘бросать’ с комплетивным значением и *tau-* ‘снабжать’ с итеративным значением. Эти и другие полнозначные глаголы могут приобретать аспектуальное значение (комплетив, семельфактив, терминатив, результатив, дуратив, континуатив) в конструкции V_1+V_2 . V_1 в данной конструкции стоит в нефинитной форме (конверба/деепричастия) на *-e/a* или *-ko*, более подробно см. [Рудницкая & Хван 2016].

- (1) Top-ul **kaph**(V_1)-a **pelī**(V_2)-ess-ta
деньги-ACC возвращать-LNK бросать-PST-DEC
‘(Я ему) вернул деньги (взятые в долг)’ [V_1 – достижение, комплетив]

С другой стороны, в грамматике [Yeon & Brown 2011, p. 235-240, 249-250] значение указанных и других (*iss-* ‘существовать’, *pelī-* ‘бросать’, *mal-* ‘переставать’, *nau-* ‘вынимать’, *noh-* ‘класть’, *twu-* ‘откладывать’, *o-* ‘приходить’, *ka-* ‘идти’) V_2 излагается более развернуто, и оказывается, что это значение включает модальные компоненты, а не сводится к чисто аспектуальному. На это указывают также некоторые словари, например, (SKLD 2008; NIKLD 2018). Если учитывать более точное значение указанных V_2 и их сочетаемость с разными аспектуальными классами V_1 в конструкции

¹ Мы выражаем благодарность участникам конференции «Востоковедные чтения 2018. Лексикология и лексикография. К 200-летию ИВ РАН» и В.Ю. Апресян за полезные замечания.

[V₁+V₂], не все V₂ можно однозначно отнести к вспомогательным глаголам с аспектуальным значением¹.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы на основании развернутых определений в словарях и сочетаемости рассматриваемых V₂ определить соотношение аспектуального и модального компонента в их значении.

2. Имеющиеся исследования по изучаемой конструкции в корейском языке

Проблема аспектуальных характеристик V₁ исследовалась на примерах результативной конструкции [V₁-e/a + V₂ (iss- 'существовать')] и прогрессивной конструкции [V₁-ko + V₂ (iss-)] работе [J.-В. Kim 2013]. По определению из [Плунгян 2010, с. 298], результатив обозначает «естественный результат предельного процесса». Данные [J.-В. Kim 2013, р. 1048, 1051] в общем, но не полностью подтверждают это определение. Конструкция [V₁-e/a + V₂ (iss-ta)] возможна, только если V₁ – действие или процесс, которое **достигло своего предела, и этому пределу предшествовала «подготовительная» фаза движения к этому пределу**. В этой конструкции в позиции V₁ может быть не любой глагол, обозначающий достижение или совершение (по терминологии З. Вендлера), а только обладающий определенными свойством предельности (telic). Также, исходя из предконтекста или из знаний о мире должно быть возможно восстановить ту ситуацию, которая предшествовала пределу и привела к результирующему состоянию.

Например, *swuk*- 'умереть' – совершение, которому, по крайней мере в некоторых случаях, соответствует некоторый подготовительный период, и затем после совершения наступает результирующее состояние (мертвый). Если говорить о дереве, возможна результативная конструкция *swuk*(V₁)-e *iss*(V₂)- 'умереть-LNK быть-' «быть мертвым (о дереве)». С другой стороны, такие моментальные совершения, как *phokpalha*- 'взорваться', не употребляются в данной конструкции, хотя теоретически можно представить себе ситуацию – результат взрыва. В то же время такие достижения, как *ttena*- 'уйти', значение которых не предполагает подготовительной фазы, можно употребить в результативной конструкции [V₁-e/a + V₂ (iss-)].

¹ Это отмечают многие исследователи: [Плунгян 2010, с. 307-308; Koenig & Roognima 2009, р. 286-287; Гращенков 2016, с. 362, п. 4.4.3]. В последних двух работах приводятся ссылки на подобные факты, связанные с сериальными конструкциями в хинди и в тюркских языках.

Также аспектуальной считается «прогрессивная» конструкция [Sohn 1999, р. 386] [V₁-ko + V₂ (iss-ta 'существовать')]. По работе [Плунгян 2010, с. 300], прогрессив обозначает ««динамическую» длительность». Конструкцию [V₁-ko + V₂ (iss-ta)] скорее следует считать континуативной (обозначающей срединную фазу любой ситуации, см. [Плунгян 2010, с. 303-305]): в ней V₁ может быть как деятельностью (процессом), так и (устойчивым) состоянием [Падучева 2009, с. 8] типа *salangha*- 'любить' [J.-В. Kim 2013, р. 1062]; ср. (7б) ниже. Таким образом, значение даже «общепризнанно-аспектуальных» конструкций отличается от канонического: результативная не полностью укладывается в определение результата, а прогрессивная имеет признаки континуативной.

В работе [Jung, L. & Kim 2017] рассматривается один из глаголов V₂ в конструкции [V₁-e/a + V₂ (nay- 'вынимать')]. Авторы показывают, что эту конструкцию нельзя считать комплетивной, как это традиционно принято считать. V₂ *nay*- обозначает, что ситуация V₁ закончилась и что ее субъект в продолжении этой ситуации испытывал определенные трудности (модальный компонент), однако окончание V₁ может быть вызвано не только предельностью V₁, как в (2а), но и заданием временного промежутка, как в (2б). В (2б) *kyenti*- 'терпеть' – это состояние, а не достижение, и в (2б) возможно только обстоятельство длительности *...tongan* 'в течение', сочетающееся с неопредельными глаголами и почти всегда, но не обязательно подразумевающее окончание состояния.

- (2) а. Jina-ka ku chayk-ul
Джина-NOM тот книга-ACC
ilk(V₁)-e nay(V₂)-ess-ta
читать-LNK вынимать-PST-DEC

'Джина прочла книгу, и во время чтения претерпевала какие-то трудности'
[V₁ – предельный глагол, есть значение комплетива].

- б. Yenghi-ka kothong-ul [il nyen tongan/#il nyen maney]
Ёнги-NOM боль-ACC один год в.течение/#один год через
kyenti(V₁)-e nay(V₂)-ess-ta
терпеть-LNK вынимать-PST-DEC

'Ёнги терпела боль в течение года / # перестала терпеть боль через год (for a year/#after a year), и ей это было трудно'
[V₁ – устойчивое состояние, нет значения комплетива/ терминатива].

В работе [Jung & L. Kim 2017] отмечается важное свойство V₂ с модальным компонентом: этот компонент не входит в ассерцию, несмотря на то, что V₂, содержащий этот компонент, по морфосин-

таксическим критериям доминирует над V_1 [Рудницкая & Хван 2016]. Так, если задать общий вопрос к (2а), ответ на него будет характеризовать истинность или ложность V_1 как события (ответом будет то, прочла ли Джина книгу, а не то, было ли ей трудно ее читать).

Синтаксический анализ конструкций с *nau-* [Jung & L. Kim 2017], который отталкивается от того, что у *nau-* есть только модальный компонент значения, не полностью согласуется с принятым синтаксическим анализом «аспектуальных сериальных» конструкций: авторы предлагают адъюнкцию полу-вспомогательного глагола (v_2 вместо V_2) к v – вершине vP , доминирующей над V_1P .

3. Семантический анализ терминативных V_2 (*pe-li-*, *mal-*) и континуативных V_2 (*o-*, *ka-*)

Согласно [Yeop & Brown 2011, p. 240], *pe-li-* ‘бросать’ как V_2 выражает негативное отношение говорящего к произошедшему событию. Это может быть контролируемое субъектом-говорящим действие, которое уже закончено, или любое событие, которое осуществилось. Что касается *mal-* ‘переставать’, [Yeop & Brown 2011, p. 249-250], [NIKLD 2018] отмечают, что в роли V_2 *mal-* характеризует событие как ожидаемое говорящим (о нем уже упоминалось, или его осуществление подразумевалось в предконтексте) и как вызывающее сожаление говорящего¹.

Во многих контекстах *pe-li-* и *mal-* взаимозаменяемы; рассмотрим такой контекст. В (3а) просто сообщается об аварии на заводе, а в (3б) говорится о том, оборудование на заводе долго барахлило, так что авария (V_1) ожидаема и оценивается негативно (V_2). В мере (3б) возможно употребление и *pe-li-* и *mal-*.

(3) а. Kongcang-eyse sako-ka ilena(V)-ss-ta
завод-LOC авария-NOM случаться-PST-DEC

‘На заводе произошла авария’ [V_1 – событие, совершение].

б. Thelthelkeli-ko thelthelkeli-taka sako-ka
барахлить-CVB.CONJ барахлить-CVB авария-NOM
na(V₁)-ko mal(V₂)-ass-ta/ na(V₁)-Ø peli(V₂)-ess-ta
появляться-LNK переставать-PST-DEC/ п.-LNK бросать-PST-DEC

(На этом заводе оборудование очень старое.) ‘Оно барахлило, барахлило, и потом произошла авария’ [V_1 – событие и одновременно негативный и ожидаемый факт].

¹ Таким образом, *pe-li-*, в отличие от *mal-*, допускает контролируемость V_1 говорящим и неожиданность V_1 , а *mal-* предполагает, что V_1 так или иначе ожидалось говорящим. Отрицательная оценка входит в значение обоих V_2 .

Поскольку (см. [Рудницкая 1994, с. 116]) оценочное значение относится к модальной рамке, а не к ассерции высказывания, возникает вопрос: есть ли еще один, ассертивный компонент в (3б) или в (1) и (2а-б)? [Jung & L. & Kim 2017] утверждают, что у *nau-* как V_2 есть только модальный компонент (см. выше). Тем не менее не до конца ясно, есть ли у *nau-* в случае (2а-б) ассертивный компонент типа ‘ V_1 закончилось, хотя, возможно, не достигло внутреннего предела’. Тут нужны дополнительные данные.

Конструкция [$V_1 + V_2$] с V_2 *pe-li-* и *mal-* может обозначать только достижения и свершения, но не состояния или деятельности. Это аргумент за то, что *pe-li-* и *mal-* имеют компонент типа ‘у V_1 есть внутренний предел’. Когда *pe-li-* и *mal-* сочетаются с достижениями (как в (1)) или свершениями (как в (3б)), данный компонент этих глаголов дублирует семантику V_1 (у достижений есть внутренний предел, а свершения – это моментальные ситуации). Можно считать, что в (3б) аспектуальный компонент *pe-li- / mal-* подавляется контекстом, и кажется, что эти V_2 выражают только модальный компонент: ‘тот факт, что произошла авария, (мог ожидаться говорящим) и оценивается негативно’.

Кроме того, *pe-li-* и *mal-* могут сочетаться с отрицательной пропозицией, которая обозначает, что V_1 не имело места, как в (4):

(4) Nwun-i (ta) nok(V₁)-ci [anh-ko
снег-NOM (весь) таять-LNK.NEG [NEG-LNK
mal(V₂)-ass-ta] / [anh-a peli(V₂)-ess-ta]
переставать-PST-DEC] / [NEG-LNK бросать-PST-DEC]

(Контекст: Был снегопад. Нужно было пойти, но невозможно. По прогнозу завтра снег должен был растаять, но этого не произошло) ‘(Можно было ожидать, что снег не растает, вопреки прогнозу), снег не растаял, (и это плохо)’ (для *mal-*)
‘Снег не растаял, и это расстроило меня’ (для *pe-li-*).

В (4) V_1 в контексте *mal-* и *pe-li-* нельзя считать событием/ ситуацией, а нужно считать фактом. Согласно работе [Арутюнова 1988, с. 132-140], признаками факта, среди других, является возможность быть «отрицательным» (то есть обозначать несостоявшуюся ситуацию) и то, что факт – объект оценки говорящего. В (4) истинная отрицательная пропозиция ‘снег не растаял’. Факт не может сочетаться с аспектуальным компонентом V_2 , даже если формулировать этот компонент в самом общем виде (‘у V_1 есть внутренний предел’). В (4) данный компонент зачеркивается.

В контексте V_1 – предельного контролируемого процесса – возможно отрицание именно V_2 без V_1 как аспектуального служебного глагола, ср. (5) с интерпретациями (i)- (ii)¹.

- (5) Ton-ul **ta** **kaph**(V_1)-a
 деньги весь возвращать-LNK
peli(V_2)-ci **anh**-ass-ta
 бросать-LNK.NEG NEG-PST-DEC

(i) (**ta**) ‘(Я ему) не вернул деньги, (и это плохо)’ [отрицается V_1]
 (ii) (**ta**) ‘(Я) начал, но не закончил возвращать (ему) деньги, **и то, что не закончил возвращать деньги, плохо**’ [V_1 – деятельность, отрицается завершенность V_1 , то есть **ta**]

В (5) при интерпретации (ii) негативной оценке подвергается то, что возврат денег не закончен (см. перевод), так что выражающий эту оценку V_2 *peli-* не может быть в сфере действия отрицания: эту сферу действия составляет *ta* ‘все’. Но в (5) все же можно постулировать абстрактный аспектуальный компонент в значении V_2 *peli-*. ‘ V_1 (возвращение денег) имеет внутренний предел (который фиксируется *ta*)’. Модальный компонент V_2 – ‘незаконченность V_1 (отрицание [$ta+V_1$]) оценивается говорящим негативно’. Предел V_1 – неопредельного процесс [Падучева 2011, с. 8] в (6) – задает *ta*, а не *peli-/ mal-*. Пример (6) анализируется аналогично.

- (6) Namwu-ka **ta** **cala**(V_1)-Ø **peli**(V_2)-ess-ta/
 дерево-NOM весь расти-LNK бросать-PST-DEC
 / **cala**(V_1)-ko **mal**(V_2)-ass-ta
 расти-LNK переставать-PST-DEC

‘Дерево полностью выросло, **и то, что оно полностью выросло, плохо**’ [V_1 – неопредельный процесс роста – в данном случае закончен (на что указывает *ta*)]

Получается, что *peli-* (и *mal-*) не содержат в своем значении конкретно-аспектуального компонента (комплетив/ терминатив), а только фиксируют внутренний предел у V_1 . Тогда значение этих V_2 должно состоять из частей: ‘у V_1 есть внутренний предел’ и ‘ V_1 как факт могло ожидать говорящим и оценивается говорящим негативно [относится к модальному компоненту высказывания]’. Более де-

¹ В этом примере и далее в примере (6) на законченность действий *kaph-* ‘возвращать’ и *cala-* ‘расти’ указывает местоимение *ta* ‘все’ (ср. *ta ha-* ‘сделать все (полностью)’). При интерпретации (ii) примера (5) и в примере (6) опущение *ta* оценивается как понижающее степень грамматичности предложения.

тальное описание аспектуального компонента и соотношения обоих компонентов требует дальнейшего изучения¹.

Теперь рассмотрим V_2 *o-* ‘приходить’ и *ka-* ‘идти’, которые, согласно [Sohn 1999, р. 387] обозначают «устойчивый» (persistentive) вид, что приблизительно соответствует континуативу/ дуративу. Однако в соответствии с [Yeon & Brown 2011, р. 235-236], (NIKLD 2018), *o-* в качестве V_2 обозначает, что состояние или деятельность (процесс) имели место ранее и продолжают до заданной точки отсчета (чаще всего это настоящий момент). *Ka-* обозначает, что состояние или деятельность, имевшие место до настоящего момента, продолжают в настоящий момент (или в какой-то другой заданный момент) и должны окончиться в какой-то момент в недалеком будущем. Ср. [Никольский 1962, с. 106-107].

С одной стороны, конструкции с V_2 *o-* и *ka-* похожи на дуративные / континуативные конструкции [V_1 -*ko* + V_2 (*iss-* ‘существовать’)], см. п. 2. Однако для конструкции с *iss-* важно именно продолжение ситуации (состояния, деятельности) в определенный момент, заданный контекстом, и тут не важно соотношение этого момента с моментом речи. Так, в (7а-б) можно употребить только *iss-*, но не *o-/ka-*.

- (7) а. Swuni-ka cipwung-ul **chilha**(V_1)-ko **iss**(V_2)-ta
 Суни-NOM крыша-ACC красить-LNK существовать-DEC
 ‘Суни красит крышу’ [V_1 – действие, дуратив]

- б. Swuni-nun namphey-n-ul
 Суни-TOP муж-ACC
 acwu **salangha**(V_2)-ko **iss**(V_2)-ta
 очень любить-LNK существовать-DEC
 ‘Суни очень любит мужа’ [V_1 – состояние, континуатив]

Если в предложении делается акцент на соотношение с настоящим моментом, то используется *o-/ka-*. Такое употребление можно рассматривать как метафорический перенос движения как перемещения в пространстве на движение по временной оси: в случае *o-* – к точке отсчета / моменту речи (‘приходить **сюда**’); в случае *ka-* – движение к некоторой заданной в контексте точке будущего от момента речи (‘идти **отсюда куда-то**’). Так, в (8а) состояние ‘любить’ продолжалось вплоть до настоящего момента, а в (8б) процесс ‘ки-

¹ Такое устройство значения *peli-* и *mal-*, вероятно, может быть описано с помощью аппарата слабых смысловых компонентов, ср. [Апресян 1995, с. 161; Богуславский 1985, с. 30; Падучева 2004, с. 94].

петь' продолжается в настоящий момент, и предполагается достижение предела процесса кипения в будущем.

(8) а. Hakswu-nun sikum-kkaci casin-ul
Хаксу-ТОР сейчас-POST RFL-ACC

salangha(V₁)-e o(V₂)-ass-ta
любить-LNK приходит-PST-DEC

'Хаксу до сегодняшнего дня любил себя,' (но сегодня он поменял свое мнение) [V₁ – состояние, континуатив как продолжение состояния до точки отсчета – момента речевого акта]

б. Mwul-i teywueci(V₁)-e ka(V₂)-n-ta
вода-NOM нагреваться-LNK идти-PRS-DEC

'Вода нагревается' (и скоро закипит) [дуратив: V₁ 'нагреваться' – непрерывный процесс, но в данной ситуации этот процесс скоро достигнет своего предела (кипения), продолжаясь в момент речи]

Таким образом, была проанализирована семантическая структура и употребление некоторых полувспомогательных глаголов в так называемой аспектуальной сериальной конструкции [V₁ + V₂]: *pe*li-, *mal*- (терминатив) и *o*-, *ka*- (континуатив). Исходя из данных грамматик и словарей и из собранного материала, было показано, что у *pe*li- и *mal*- есть модальный и, возможно, аспектуальный компоненты. Аспектуальный компонент формулируется в достаточно общем виде, и о его наличии можно говорить только исходя из сочетаемости. Глаголы *o*- и *ka*- построены на метафорическом переносе движения в пространстве на временную ось, и поэтому эти глаголы не чисто континуативные, а содержат ссылку на точку отсчета, как глаголы *o*- 'приходить (сюда)' *ka*- 'идти (куда-то)' в прямом значении. Эти данные говорят о неполной грамматикализации описанных V₂ как аспектуальных показателей, см. [Гращенко 2016, с. 243, 417].

Если предположить, что аспектуальный компонент содержится в значении *pe*li- и *mal*-¹, синтаксический анализ V₂ из работы [Jung & L. Kim 2017] кажется менее объяснительным, чем более общепринятый анализ [Choi 2003; Гращенко 2016, п. 2.5.3; Рудницкая & Хван 2016].

Сокращения

ACC – аккузатив, CVB – деепричастие, CONJ – соединительный, DEC – изъявительный, LOC – локатив, LNK – показатель нефинитной формы глагола в сериальной конструкции, NEG – отрицание, NOM –

¹ Ср. определение *pe*li- и *mal*- в (YKD 2008), где модальный компонент вообще не упоминается

номинатив, PL – множественное число, POL – частица вежливости, POST – послелог, PST – прошедшее время, RFL – возвратное местоимение, SIM – одновременность, TOP – топик, V₁/ V₂ – члены сериальной конструкции.

Источники

1. NIKLD 2018 – 국립국어원 한국어-영어 학습사전 (Kwuklipkwukewon Hankwuke-Yenge Haksupsacen {National institute of Korean Language's Korean-English Learner's Dictionary}) [электронный ресурс]. URL: <https://krdict.korean.go.kr/eng/mainAction>. Дата обращения: 10 мая 2018 г.
2. SKLD 2008 – 국립국어원 표준국어대사전 (Kwuklipkwukewon Pyo-cwunkwuketaysacen {Standard Korean Language Dictionary}). Seoul: The National Institute of Korean Language. 1999. [электронный ресурс]. URL: <http://stdweb2.korean.go.kr/main.jsp/16>. Дата обращения: 22 апреля 2018 г.
3. YKD 2008 – 연세한국어사전 (Yonsei Hankwukesacen {Yonsei Korean Dictionary}). Seoul: Dwusantonga, 2008. 2144 p..

Литература

1. Апресян Ю.Д. *Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды*. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. 766 с.
2. Арутюнова Н.Д. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. М.: 1988. 341 с.
3. Богуславский И.М. *Исследования по синтаксической семантике*. М.: Наука, 1985. 175 с.
4. Гращенко П.В. *Композициональность в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков*. Дисс. на соиск. степени доктора филол. наук. М.: МГУ, 2016.
5. Никольский Л.Б. *Служебные слова в корейском языке*. М.: Изд. Вост. лит., 1962. 180 с.
6. Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 607 с.
7. Падучева Е.В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // *Вопросы языкознания*. 2009. № 6. С. 3-21.
8. Плулунян, В.А. *Общая морфология. Введение в проблематику*. Изд. 3. М.: УРСС, 2010. 384 с.
9. Рудницкая Е.Л. Некоторые классы сентенциальных наречий в русском языке. Семантика. Синтаксис. Лексикография // *Вопросы языкознания*. 1994. № 1. С. 114-125.

10. Рудницкая Е.Л., Хван С.-Г. Конструкции с сериализаторами в корейском языке (в сравнении тюркскими языками) // *Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию В.М. Аллатова. Труды научной конференции*. В двух томах / Отв. ред. З.М. Шаляпина. Сост., ред. А.С. Панина, А.С. Зверев. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. Том 2. С. 81-104.
11. Cho S.-Y. Auxiliary verb constructions in Korean // *Studies in the Linguistic Sciences*. 1996. Vol. 23. No 2. P. 1-24.
12. Choi S.-S. Serial verbs and the empty category // *Proceedings of the workshop on Multi-Verb constructions Trondheim Summer School 2003* / ed. by D. Beermann and L. Hellan. Trondheim: Norwegian University of Science and Technology, 2003. P. 39-48.
13. Jung H.-K. & Kim L. Auxiliary Verbs as Head-adjoined Expressives in Korean: Against the Aspectual Approach // U. Penn. *Working Papers in Linguistics*. 2017. Vol. 23. No 1. P. 93-99.
14. Kim J.-B. Aspectual properties of Korean imperfective constructions // *Language and linguistics*. 2013. Vol 14. No 6. P. 1035-1074.
15. Koenig J.-P. & Poornima S. Hindi Aspectual Complex Predicates // *Proceedings of the HPSG09 Conference*, Georg-August-Universität Göttingen, Germany / ed. by S. Müller. CSLI Publications, 2009. P. 276-296.
16. Sohn H.-M. *The Korean language*. Cambridge (Mass.): CUP, 1999. 468 p.
17. Yeon J. & Brown L. *Korean. A comprehensive grammar*. London & New York: Routledge, 2011. 476 p.

В.А. Муравьева
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Лексические и грамматические средства обеспечения целостности и связности китайского текста

1. Введение

Дискурсивные слова – это довольно новая, пока еще малоизученная область лингвистики, подвижная и сложная, и действительно, в традиционной лингвистической терминологии для этого класса слов четкого определения и общепринятого названия пока не сложилось. В нашей работе мы будем пользоваться терминами «дискурсивное слово», «дискурсив», «дискурсивный маркер», обращаясь к фрагменту лексической системы языка, который служит средством фиксации отношений между отдельными компонентами дискурса. Термины «дискурсив», «дискурсивное слово», «дискурсивный маркер» вошли в лингвистику относительно недавно. Существуют разные представления о разграничении сфер их употребления. Чаще всего под ними понимается некая коммуникативная единица, придающая «особый дискурсивный статус» фрагменту дискурса, обладающая определенной дискурсивной семантикой, передающая коммуникативно-прагматическую информацию. Дискурсивы устанавливают связь, соотношение между двумя или более составляющими дискурса.

По сути дела, дискурсивные слова – это единицы особого типа, которые обеспечивают связность и целостность текста и отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего. Эти единицы управляют процессом общения, выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом [Баранов и др. 1993, с. 7].

Кроме того, эти единицы играют важную роль не только в процессе построения и понимания текста, но и в ходе овладения языком. Также и при утрате языка начинается все именно с потери этого класса слов, в исчезающих языках носители полностью утрачивают их раньше, чем слова других семантических классов [Викторова 2014а, с. 13].

Дискурсивные слова разнообразны по своей структуре и значению, их состав тоже дискусионен. Традиционное деление знаменательных слов на лексико-грамматические классы – наречия, частицы, союзы, междометия – не позволяет отнести дискурсивные слова к какой-либо из этих категорий. Кроме этого, как в общих, так и в специализированных словарях наблюдается разноречивость в граммати-

ческой классификации дискурсивных слов и их употреблений, одно и то же слово может определяться как наречие, частица или вводное слово, поэтому именно введение термина «дискурсив», «дискурсивное слово» помогает избежать проблемы определения принадлежности их к какой-либо традиционной части речи [Кобозева & Захаров 2004, с. 293].

Китайский текст изобилует словами, которые по своим функциям относятся к дискурсивам. Дискурсивные маркеры не являются обязательными элементами китайского предложения, но, очевидно, облегчают восприятие и интерпретацию высказывания, повышают экспрессивность речи. В этой связи исследование дискурсивов на материале китайского текста в перспективе поставит перед лингвистами задачу составления словаря дискурсивных слов современного китайского языка.

В настоящее время в связи с тем, что интерес к изучению дискурсивных слов неуклонно растет, в отечественной лингвистике также появилось немало работ, связанных с изучением дискурсивных слов на материале конкретных текстов разной тематики и содержания, а в особенности работ, посвященных анализу устного дискурса, диалогической и монологической речи. Что касается работ отечественных лингвистов по изучению дискурсивных слов на материале восточных языков, то здесь мы обращаемся к проекту группы лингвистов СПбГУ «Линейные и нелинейные способы обеспечения целостности и связности текста на языках Азии и Африки» под руководством В.Б. Касевича [Касевич и др. 2014]. К дискурсивным словам в рамках этого исследования были отнесены четыре разряда единиц:

1. Коннекторы (коннективы).

Они подчеркивают преемственность изложения или наоборот, указывают на переход к другому смысловому блоку текста.

Мы хотели бы, далее, предложить...

Однако никто не сможет нас упрекнуть в том, что...

2. Единицы, передающие семантику сильной эмфазы.

Это такие языковые средства, которые подчеркивают истинность, базальтернативность пропозиции, лежащей в основе высказывания.

Ну, кто же этого не знает! (кто же...не).

3. Единицы, передающие семантику слабой эмфазы.

К этому разряду относятся классические дискурсивные слова – частицы *ведь, то, же* и им подобные. Семантическая область, с которой связаны дискурсивные частицы этого разряда – слабая эмфаза: распределение и акцентирование информации, передаваемой компонентами высказывания.

Я ведь и раньше говорил Вам об этом.

Ведь, и – дискурсивные слова с семантикой слабой эмфазы. *Ведь* подчеркивает истинность *говорил* и подчеркивает истинность *раньше*.

4. Единицы, выражающие контрастивную тему.

К этому разряду относятся частицы типа *-то*, например:

Иванов-то понимает, а вот остальные – не уверен.

С опорой на эту классификацию дискурсивных слов нами был проведен анализ восточных текстов, который показал, что практически во всех рассмотренных в рамках проекта текстах на восточных языках, включая СКЯ, чаще всего встречаются слова с семантикой слабой эмфазы и коннекторы, в то же время общее количество дискурсивных слов в текстах на разных языках существенно различается. К примеру, в китайском нарративном тексте может встретиться около пятнадцати различных дискурсивных слов, в то время как в японском всего лишь два [Кобозева & Захаров 2004, с. 86-90]. В китайском тексте часто встречаются слова, которые по функциям можно отнести к дискурсивным словам, а по семантике – к модальным, то есть дающим логическую или эмоциональную оценку ситуации.

В китайском языке мы выделяем следующие группы дискурсивных слов:

1. Слова с эпистемической модальностью.

Как показали исследования, китайский текст изобилует словами, которые по своим функциям относятся к дискурсивным словам, а по своей семантике – к модальным, дающим логическую или эмоциональную оценку ситуации [Колпачкова 2014, с. 94]. В научно-учебной литературе этой группе ДС традиционно приписывается значение «оценки говорящим сообщаемого с точки зрения достоверности (уверенность, предположение, возможность, неуверенность)». Изучение этой группы дискурсивных слов как способа выражения модальности особенно важно для тех, кто изучает китайский язык и стремится овладеть им, ведь речь иностранца является наиболее приближенной к речи носителя, если он использует модальные дискурсивные слова.

Здесь относятся слова с такой модальностью, которая связана с информацией об источнике знания. Такие слова либо подчеркивают, либо смягчают степень уверенности говорящего в истинности высказывания:

其实 *qí shí* ‘по сути же дела, на самом же деле, фактически же’,
也许 *yě xǔ* ‘возможно, может быть’, 好像 *hǎo xiàng* ‘кажется, каза-

лось бы', 可能 kě néng, 有可能 yǒu kě néng, 肯定 kěn dìng, 当然 dāng rán, 未必 wèi bì, 不到 (得) bù dào (dé) и другие.

2. Слова, совмещающие оценочную и связующую функции.

Особым средством выражения субъективной модальности являются дискурсивные слова, которые совмещают в себе и оценочно-интерпретирующую, и связующую функции. К таким мы отнесем следующие дискурсивные слова:

反正 fǎn zhèng 'так или иначе, во всяком случае', 难道 nán dào (难道说 nándào shuō) 'неужели, разве', 毕竟 bì jìng 'в конце концов, наконец, всё-таки, всё же, как-никак', 无论 wú lùn 'вне зависимости от...; не смотря на...', 哪怕 nǎ pà 'хотя бы, пусть даже' и другие.

3. «Чистые» коннективы.

Говоря о коннекторах в китайском языке, мы обращаемся к так называемым «чистым» коннекторам, которые не несут в себе оценочно-интерпретационной функции, а лишь выполняют связующую функцию в тексте. Как было сказано выше, под коннектором в современном китайском языке мы подразумеваем тип дискурсивных слов, функции которых определяются в первую очередь текстовыми целями. В текстах нарративного характера такие слова обеспечивают продвижение повествования вперед, представляют нужную фоновую информацию, конкретизируют детали происходящего, обеспечивают общую связность и логичность текста, а также соединяют в одно целое отдельные части текста [Колпачкова 2014, с. 92]. Нужно отметить, что при переводе дискурсивов на русский язык, мы должны давать несколько вариантов перевода, так как в русском языке между словами часто может возникать значительная семантическая разница.

Чистые коннективы в свою очередь можно распределить по более мелким классам:

- Коннекторы, выражающие логические, причинно-следственные отношения между составляющими дискурса.

所以 suǒyǐ, 因此 yīncǐ, 因而 yīnér 'поэтому', 因为 yīnwèi, 于...原因 yú... yuányīn, 由于...因 yóuyú... yīn 'потому что, по этой причине', 那 nà, 那么 nàme 'таким образом, соответственно', 这样一 zhèyàng yí lái, 这么着 zhèmezhe 'таким образом, следовательно, соответственно', 从而 cóngér 'следовательно'.

- Коннекторы аддитивной семантики, которые прерывают смысловую часть и/или начинают новую тему.

对 duì, 对了 duìle 'между прочим, кстати говоря, а вот еще', 而且 érqiě, 并且 bìngqiě 'к тому же', 再说 zài shuō, 也 yě 'к тому же,

также и', 顺便 shùnbiàn shuō, 说话回来 shuō huà huí lái 'кстати говоря', 况且 kuàngqiě 'к тому же, притом', 加之 jiāzhī, 再加 zài jiā, 再加上 zài jiā shàng 'к тому же, притом, вдобавок', 何况 hékuàng 'что же и говорить, тем более, что'.

- Маркеры переключения.
但是 dànshì, 但 dàn, 可是 kěshì, 可 kě 'но', 然而 ránér 'но, однако, все же, все-таки', 不过 bùguò 'однако', 还是 hái shì 'все равно', 虽然 suīrán, 虽说 suīshuō, 虽 suī 'хотя', 即便 jìbiàn, 尽管 jǐnguǎn 'пусть даже, если даже, допустим'.

К маркерам переключения мы также отнесем составные конструкции: 尽管...还是 jǐnguǎn...hái shì, 即便...还是 jìbiàn...hái shì 'пусть даже, хоть и, хотя бы даже...все равно, все-таки, все же', 即便...也 jìbiàn...yě 'пусть даже...все равно'.

- Детализирующие коннекторы.
换句话说 huàn jù huà shuō 'иными словами', 具体来说 jùtí lái shuō, 具体地讲 jùtí de jiǎng 'говоря конкретно, в частности', 特别是 tèbié shì, 尤其是 yóuqí shì 'в частности, особенно'.

4. Слова, передающие семантику эмфазы.

К классическим дискурсивным словам с семантикой эмфазы относятся частицы, являющиеся важным средством эмоционально-логического выделения структурных элементов предложения, увеличивают смысловую значимость слов и словосочетаний.

Мы выделяем следующие классы дискурсивных слов, передающих семантику эмфазы в современном китайском языке:

- Выделительные или усилительные дискурсивы – ставятся перед выделяемым словом, сюда мы относим слова различной частеречной принадлежности: союзы и частицы, а также разрывные (составные) выделительные конструкции:

就 jiù, 就是 jiùshì, 便 biàn, 便是 biànshì 'именно, именно это и есть, а именно, буквально, как раз', 才 cái, 即 jí 'именно, как раз', 甚至 shènzhì 乃至 nǎizhì 'даже и, а то и даже'.

Составные конструкции с семантикой сильной эмфазы: 就是...也 jiùshì...yě, 就连...也 jiù lián...yě, 连...都 lián...dōu, 甚至...也 shènzhì...yě, 甚至...都 shèn zhì...dōu 'даже, и то'.

- Ограничительные дискурсивы – ставятся перед выделяемым словом: 只 zhǐ, 只是 zhǐshì, 只有 zhǐyǒu, 仅 jǐn, 光 guāng, 惟 wéi 'только, только лишь, всего, всего-навсего, единственно', 不过 bùguò 'не более, не больше, чем'.

Адъективное управление: типология, семантика, синтаксис
1. Введение. Основные семантические участники
адъективных предикатов

5. Частицы, служащие для выделения контрастной темы.

К этому типу относятся дискурсивные слова, использование которых связано с нарушением каких-либо ожиданий, допустим, нарушен обычный порядок изложения и имеется переход к новой теме: 嘛 ma, 啊 a, 呢 ne, 吧 ba [Колпачкова 2014, с. 91-94].

В ходе исследования мы выяснили, что китайский текст изобилует дискурсивными словами. Такие языковые единицы не являются обязательными элементами китайского предложения, но очевидно, что они облегчают восприятие и интерпретацию высказывания, повышают экспрессивность речи. В связи с этим детальное рассмотрение системы дискурсивных слов в китайском языке представляется нам перспективным и интересным, и, как следствие, возникает задача разработки в дальнейшем комплексной классификации дискурсивных слов китайского языка и, возможно, разработка специального словаря дискурсивных слов современного и древнего китайского языка.

Литература

1. Баранов и др. 1993 – Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
2. Викторова 2014а – Викторова Е.Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // *Изв. Саратовского университета Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2014. Т. 14. Вып. 1. С.10-15.
3. Викторова 2014б – Викторова Е.Ю. Синкретизм дискурсивных слов // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 14-21.
4. Касевич и др. 2014 – Касевич В.Б., Берникова О.А., Гроховский П.Л., Инюшкина Е.И., Колпачкова Е.Н., Шубная Д.И., Яхонтова Н.С. Дискурсивные слова восточного текста // *Сборник материалов XI Международной научной конференции Языки стран Дальнего Востока Юго-Восточной Азии и Западной Африки*. СПб., 2014. С. 86-90.
5. Кобозева И.М. & Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // *Доклады международной конференции Диалог*. М.: Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 292-297.
6. Колпачкова Е.Н. Модальные и дискурсивные слова в современном китайском языке // *Сборник материалов XI Международной научной конференции Языки стран Дальнего Востока Юго-Восточной Азии и Западной Африки*. СПб., 2014. С. 91-94.

Прилагательные часто задают градуальный признак. Употребляя лексемы, кодирующие такой признак, говорящий оценивает место описываемого объекта на шкале, ср.: *высокий дом* – ‘дом, который по моему мнению, превышает норму размера для данных объектов’. Одним из наиболее типичных для прилагательных участников, таким образом, является роль субъекта оценки:

- (1) английский (интернет)
Molly might be too sweet for some readers.
‘Молли может быть слишком слащава для кого-то из читателей.’

- (2) багвалинский
di-ha ab miq' š'eralu=b ek'a
я-DAT этот дорога узкая=N COP
‘Эта дорога для меня (мне) узкая.’

Типологически устойчивым способом оформления субъекта оценки является датив. В русском субъект оценки кодируется дативом или предложной группой с *для*, в случае английского – предложной группой с *for* или *to*, и т.д.

Другой типологически распространенный участник задаваемых прилагательными ситуаций – бенефактив или малефактив, часто также выражающийся дативом или предложной группой (английское *for / to*, французское *à / pour* и т.д.):

- (3) английский (интернет)
These fruits are harmful for you.
‘Эти фрукты вредны тебе.’

- (4) французский (интернет)
L'alcool est nuisible à la sante.
‘Алкоголь вреден для здоровья.’

- (5) венгерский [Rákosi 2006, с. 79]
Jó volt János-nak a találkozás.
хороший COP Джон-DAT DEF встреча
‘Встреча была удобна Джону.’

(6) осетинский
 Ацы хæринаг сывалл-æтт-æн пайда у
 этот пища ребенок-PL-DAT полезный быть.PRES.3.SG
 'Эта еда полезна детям.'

(7) киргизский (интернет)
 ал жак жылкы-лар-га жайлуу
 этот сторона лошади-PL-DAT удобный
 'с этой стороны лошадям удобнее'

(8) багвалинский
 o=j hakuj ia zaraliija=j ek^oa
 этот=F женщина я.1.PL.DAT вредный=F COP
 'Эта женщина нам вредна.'

В несколько расширенной трактовке подобный участник соответствует также стимулу:

(9) осетинский [Выдрин 2011, с. 241]
 Асимо-имæ ныхас кæн-ын адæймаг-æн
 Асимо-COM слово делать.PRES-INF человек-DAT
 æхцон у
 приятный быть.PRES.3.SG
 'С Асимо (имя робота) человеку приятно разговаривать.'

Еще один типологически устойчивый семантический тип – лексем, постулирующие тождество, равенство, сходство по некоторому признаку, а также обратные отношения. Участники таких прилагательных обычно кодируются множественным числом, сочиненной именной группой, комитативом или предложной / косвенно-падежной группой:

(10) английский
 a. *The segment A and the segment B are equal.*
 'Отрезок А и отрезок В равны.'
 b. *The segment A is equal to the segment B.*
 'Отрезок А равен отрезку В.'

(11) французский
 a. *Les Francais et les etrangers sont egals en droit.*
 'Французы и иностранцы равны в правах.'
 b. *Les Francais sont egals en droit aux etrangers.*
 'Французы равны в правах иностранцам.'

(12) багвалинский
 a. anwar=la patimati=la w=at'as ek^oa
 Анвар=AND Патимат=AND М=другой COP
 'Анвар и Патимат разные.'
 b. anwar w=at'as ek^oa patimat-i-č
 Анвар М=другой COP Патимат-OBL-CONT
 'Анвар другой, чем {от} Патимат.'

(13) лезгинский (Д. Ганенков, у.с.)
 stɣa-jar [[pahliwan-r-i-z] uɣsar] q'ehal-ar
 брат-PL(ABS) борец-PL-OBL-DAT похожий храбрец-PL
 tir.
 быть:PST
 'Братья были смельчаки, похожие на пахливанов.'

Другой семантический источник адъективного управления – лексем с модальным значением:

(14) татарский
 Син мин-га кирэк.
 ты я-DAT нужно
 'Ты мне нужен.'

Подобные единицы, однако, далеко не всегда являются полноценными прилагательными, ср., например, русские *можно / надо*, не изменяющиеся по родам и числам и не имеющие полных форм.

2. Синтаксические типы участников и структура группы прилагательного

Исследования аргументной структуры (т.е. набора семантических участников и способа их реализации в синтаксисе) обычно проводятся на материале глагольных лексем. В ряде работ, однако, предпринимались попытки изучить адъективное управление, см. [Cinque 1990], [Stowell 1991], [Bennis 2004], [Гращенко & Кобозева 2017] и др.

Один из самых известных типов синтаксических конструкций с управляющими прилагательными – так называемый «tough movement» [Chomsky 1981] и др. Предикативные прилагательные типа *трудно / легко* допускают как безличное употребление, так и употребление с экспериенциальным участником в роли субъекта:

(15) английский
 a. *It is tough / easy to please John.*
 'Это трудно / легко – угодить Джону.'
 b. *John is tough / easy to please.*
 'Джону трудно / легко угодить.'

Прямой объект инфинитивов в конструкциях типа (15.b) соответствует субъекту главной именной предикации. В ранних генеративных работах предполагалось, что объект инфинитивного оборота поднимается в позицию субъекта главной клаузы. Затем было предложено считать, что Джон в примере (15.b) является аргументом прилагательного и контролирует переменную в объектной позиции. Конструкции данного типа, таким образом, представляют нам возможный пример прилагательных, располагающих собственным субъектом.

Относительно существования у прилагательных прямого объекта лингвисты (почти?) не спорят. Чрезвычайно важным представляется эмпирический факт, состоящий в том, что комплементы прилагательных никогда не бывают оформлены аккузативом. Это обобщение, насколько нам известно, верно во всех языках. Даже в тех случаях, когда в языке имеются стативные глаголы, синонимичные с прилагательными, лишь глагольные, но не адъективные лексемы могут управлять аккузативом:

- (16) а. *Я знаю Петю.*
 б. *Петя мне знаком / известен.*
 б.' **Петя меня знаком / известен.*
 б.'' **Я знаком / известен Петю.*

- (17) английский
 а. *I like this car.*
 'Я люблю эту машину.'
 б. *This car is good for me.*
 б.' **This car is good me.*
 б.'' **I am good this car.*
 'Эта машина мне подходит [=хороша].'

Согласно идее, известной как «обобщение Бурцио», за вставление внешнего аргумента и присваивание аккузатива отвечает одна и та же функциональная проекция, так называемое малое *v*, см. [Burzio 1986]. Невозможность аккузативного маркирования с этой точки зрения означает, что группа прилагательного не может проецировать малое *v*, и, как следствие, – в проекции прилагательного не может быть внешнего аргумента.

В работе [Cinque 1990] предпринята попытка перенести идею Бурцио о многоуровневой структуре глагольной группы на материал адъективной проекции. Чинкве подразделил прилагательные на неэргативные и эргативные (аналог неаккузативных глаголов). Лишь неэргативные прилагательные могут задавать внешнего участника (Джианни):

- (18) итальянский [Cinque 1990, с. 2-3]
 а. *Gianni è certo / sicuro che verrò.*
 Джианни COP уверенный что я.приду
 'Джианни уверен, что я приду.'
 б. *Che verrò è certo / sicuro.*
 что я.приду COP уверенный
 'Что я приду, это наверняка.'

Таким образом, предполагается, что в структуре неэргативных прилагательных имеется уровень проекции аР, ответственный за введение внешнего участника.

Следуя Cinque [1990], X. Беннис [Bennis 2004] различает два класса прилагательных в нидерландском: эргативные (например, *duidelijk* 'ясный', *bekend* 'известный') и неэргативные¹ (*trouw* 'верный', *verrassend* 'послушный').

Аргументы эргативных прилагательных присоединяются внутри группы лексического прилагательного (AdjIn в приведенной ниже структуре):

- (19) нидерландский [Bennis 2004, с. 92]
 [AdjInP mij [AdjIn' deze mensen [AdjIn bekend]]]
 мне эти люди известны
 'эти люди мне известны'

Неэргативные прилагательные, наоборот, похожи на неэргативные глаголы: они присоединяют свои подлежащие в позиции спецификатора вершины легкого прилагательного (AdjEx ниже):

- (20) нидерландский [Bennis 2004, с. 92]
 [AdjExp deze mensen [AdjEx mij [AdjIn trouw]]]
 эти люди мне преданы
 'эти люди мне преданы'

Легкое (=малое) прилагательное, согласно Беннису, отличается от легкого (=малого) глагола двумя свойствами: оно не приписывает падеж и допускает только стативную (а не динамическую) интерпретацию. Непрямое дополнение при обоих типах прилагательных располагается в спецификаторе лексической группы.

Различие в структуре различных типов прилагательных приводит к различным правилам дистрибуции. Например, в нидерланд-

¹ Терминология для прилагательных здесь слегка расходится с таковой для глаголов: термин «эргативный», исторически предшествовавший термину «неаккузативный», примерно соответствует ему. Авторы работ про прилагательные хотели сделать терминологию более различительной.

ском неэргативные прилагательные (*bekend* etc.) допускают инверсию, в то время как эргативные – нет:

(21) нидерландский [Bennis 2004, с. 93]

A. dat **die jongen hem** / **hem die jongen**
что этот мальчик ему / ему этот мальчик
bekend is
известен COP

‘то, что этот мальчик ему известен’

b. dat **die jongen hem** / ***hem die jongen**
что этот мальчик ему / ему этот мальчик
trouw is
предан COP

‘то, что этот мальчик ему предан’

В [Stowell 1991] для английских прилагательных также постулируется многоуровневая структура, см. также [Landau 2006] и другие работы. Наблюдается, например, различие в свойствах ментальных прилагательных (*clever* ‘умный’; *mean* ‘подлый’) и прилагательных субъектного контроля (*eager* ‘нетерпеливый’; *reluctant* ‘вынужденный’):

(22) английский [Stowell 1991, с. 106]

a. *John was clever / mean to punish the dog.*

‘Джон был умен / подл и наказал собаку.’

b. *It was clever / mean of John to punish the dog.*

‘Это было умно / подло со стороны Джона, наказать собаку.’

(23) английский [Stowell 1991, с. 114]

a. *Bill was eager / reluctant to punish the dog.*

‘Билл был нетерпелив / вынужден, и наказал собаку.’

b. **It was eager / reluctant of Bill to punish the dog.*

Ожид.: ‘Это было нетерпеливо / вынужденно со стороны

Билла, что он наказал собаку.’

Как предполагается в [Stowell 1991], участники ментальных прилагательных порождаются как комплемент и могут задаваться предложной группой с *of*. В то же время прилагательные типа *eager* всегда имеют внешний аргумент и, следовательно, не могут принимать *of*-комплемента. Участник, выраженный инфинитивом, согласно Стауэлли, является в действительности синтаксическим адыонктом, см. также [Kertz 2006].

Стауэлл также предполагает, что введение событийных комплементов (инфинитивов) изменяет семантический тип прилагательных,

превращая их из предикатов индивидуального уровня в предикаты стадияльного уровня, ср.: *Петя умный* (ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА) и *Петя оказался достаточно умен, чтобы наказать собаку* (СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА, актуальное проявление некоторого качества – Петя может быть вовсе не умный, но ему хватило ума...). Такой подход развивает гипотезу, предложенную А. Кратцер, – предикаты событийного уровня отличаются от стадияльных предикатов как раз присутствием событийного аргумента, см. [Kratzer 1989], см., однако, [Kertz 2006].

3. Сентенциальные комплементы прилагательных в русском языке

Русские прилагательные сложно подразделить на имеющие внешнего и внутреннего участника. Опишем вкратце основные модели сентенциального управления прилагательных в русском языке.

Во-первых, отметим, что «*tough* передвижение» в русском языке отсутствует в том виде, как оно есть в английском:

(24) а. *Обмануть Петю (нам) легко / трудно.*

б. **Петя легкий / трудный (чтобы) обмануть.*

Далее, русские прилагательные часто присоединяют финитные клаузы с союзом *что*. В этом случае может быть эксплицитно выражен дативный экспериенцер:

(25) *(Нам) Известно / странно / забавно, что Петя поступил в аспирантуру.*

Для некоторых прилагательных дативный экспериенцер недопустим:

(26) (**Нам) Возможно / примечательно / глупо / удачно, что Петя поступил в аспирантуру.*

Ряд прилагательных допускает сентенциальный комплемент в инфинитиве, субъект которого кореферентен с выраженным или имплицитным дативным экспериенцером:

(27) *(Нам) Странно / забавно / опасно / полезно спать днем на солнце.*

Есть также лексемы, похожие на неэргативные итальянские прилагательные, в русском, однако, не допускающие эргативного варианта:

(28) а. *Мы уверены / согласны / горды / счастливы, что Петя поступил в аспирантуру.*

б. **Что Петя поступил в аспирантуру, уверено / согласно / гордо / счастливо.*

Отдельный класс русских прилагательных напоминает английские ментальные прилагательные. Такие адъективы выражают ментальный субъект как номинативное подлежащее, присоединяя при этом сентенциальный актант в инфинитиве, предваряемый *чтобы*. Как и их английские аналоги, такие прилагательные могут употребляться в безличной конструкции с инфинитивом:

- (29) а. *Петя (достаточно) предусмотрителен / умен / глуп / прозорлив, чтобы поступить в аспирантуру.*
 б. *Поступить в аспирантуру – (это) предусмотрительно / умно / глупо / прозорливо.*

Наконец, есть класс модальных прилагательных, присоединяющих инфинитив желательного наклонения со *чтобы* и факультативный экспериенцер:

- (30) *(Нам) Нужно / возможно / необходимо / хорошо, чтобы Петя поступил в аспирантуру.*

Этим не исчерпывается перечень моделей управления русских прилагательных с сентенциальными комплементами. Как бы то ни было, выделить класс адъективов с внешним и внутренним участником на русском материале достаточно проблематично.

Еще одна интересная проблема, связанная с адъективным управлением в русском – распределение дативного кодирования и предложной группы с *для*. Будучи на первый взгляд синонимичны и совпадая в широком круге контекстов, две данные техники, тем не менее, часто расходятся, ср.: *возможное *нам / для нас решение; известная мне / *для меня история.*

4. Способность к реализации аргументов у прилагательных в различных синтаксических функциях

Прилагательные могут реализовывать свои валентности, выступая в предикативной функции, как это имело место в большинстве приведенных выше примеров. Наряду с этим различные языки допускают выражение адъективных участников в атрибутивной позиции и даже в случае употребления прилагательного в сравнительной конструкции.

Приведем несколько примеров на сохранение участников в сравнительных конструкциях:

- (31) английский (интернет)
The Sun looks bigger because it is closer [to us] than the stars.
 ‘Солнце выглядит крупнее, потому что оно ближе к нам, чем звезды’

- (32) французский (интернет)
C'était plus simple [pour moi] de m'installer en France.
 ‘Мне было проще осесть во Франции.’

Как можно понять по русским переводам английского и французского примеров, в русском прилагательные в сравнительной функции также сохраняют управление.

Обратимся теперь к атрибутивной функции – наиболее типологически «нестабильной» с точки зрения возможности реализации семантических участников. В некоторых языках атрибутивное употребление прилагательных абсолютно естественно, ср., например, русский:

- (33) (интернет)
 а. ... *между тем как [гордый [своим умом]] зрелый человек, беря даваемое ему железо, разложит его на несуществующие элементы и будет с вами спорить.*
 б. *Комментарии к фото наверняка порадовали [гордую [своим чадом]] мать.*
 с. *Конечно, сегодня эти слова обращены к самодовольному и [гордому [своими технологическими завоеваниями]] человеку.*

Даже некоторые тюркские языки, прилагательные которых в целом не очень расположены иметь валентности, иногда демонстрируют атрибутивное употребление с зависимыми:

- (34) киргизский [Юдахин 1985]
 [[мал кыштат-уу-га] жайлуу] жер
 скот зимовать-NMN-DAT хороший земля
 ‘место, удобное для зимовки скота’

- (35) киргизский (интернет)
 [[эмчек эмизген энелер учун] зыяндуу] азык-тар
 грудь кормящие матери для вредный продукт.PL
 ‘продукты, вредные для кормящих матерей’

Приведем также примеры из немецкого и шведского. Отметим, что во всех грамматических примерах (киргизских, немецких, шведских) зависимые прилагательных располагаются слева, исключение составляет лишь русский (см. выше):

- (36) немецкий [Cinque 2010, с. 45]
 die [[dem Mann] treue] Frau
 DEF DEF-DAT муж верный жена
 ‘жена, верная своему мужу’

- (37) шведский [Cinque 2010, с. 45]
 en [[mig] motbjudande] tanke
 DAT мне отвратительный мысль
 'отвратительная мне мысль'

В то же время английский язык не допускает выражения валентностей в атрибутивной позиции. Эта закономерность подпадает под наблюдение, сделанное А. Холмбергом и названное «Конечное-над-конечным» (Final-over-Final Constraint), см. [Holmberg 2000]. Ограничение заключается в том, что в составляющие с конечной вершиной можно вкладывать лишь другие составляющие с конечной – но не начальной! – вершиной. Примеры из киргизского, немецкого и шведского не нарушают данного ограничения, так как зависимые прилагательных располагаются слева.

Ограничение конечное-над-конечным релевантно для английского:

- (38) английский (интернет)
 a. *health-promotion programs [appropriate [for older people]]*
 b. **[appropriate [for older people]] health-promotion programs*
 'подходящие для людей старшего поколения программы здоровья'

- (39) английский (интернет)
 a. *food [suitable [for everyone]]*
 b. **suitable for everyone food*
 'пригодная всем пища'

В [Biberauer et al. 2009] принцип конечное-над-конечным объясняется при помощи двух постулатов: Аксиомы линейного соответствия Кейна и правила наследования комплементов стремления к линейаризации. Аксиома линейного соответствия, см. [Кауне 1993], предписывает универсальный порядок глубинный структуры во всех языках. В частности, комплемент всегда должен следовать после вершины. Конкретный язык может требовать поверхностного линейного порядка, обратного глубинному, – в этом случае задействуются правила линейаризации, которые передвигают комплемент налево. Согласно [Biberauer et al. 2009], однако, если вершина матричной фразы требует линейаризации от вложенной составляющей, то и вложенная вершина должна линейаризовать (=передвинуть влево) свой комплемент – см. примеры из киргизского, немецкого и шведского.

В [Cinque 2010] приводятся примеры других языков, в которых, как и в английском, релевантно ограничение на употребление атрибутивного препозитивного прилагательного с комплементами:

- (40) испанский [Cinque 2010, с. 45]
 *Los [fáciles de resolver] problemas
 DEF легкий INF решать проблема
 Ожид.: 'легкая для решения проблема'

- (41) итальянский [Cinque 2010, с. 45]
 *Il [simile ad un vocabolario] libro
 DEF похожий на INDF словарь книга
 Ожид.: 'похожая на словарь книга'

Чинкве объясняет запрет на атрибутивное употребление с комплементом ролью прилагательных как вершины функциональной проекции. Позиция комплемента в этом случае оказывается заполнена более низкими функциональными проекциями, и места для предположно-падежных зависимых не остается.

Тот факт, что в языках типа русского описанное выше ограничение нарушается, навело некоторых исследователей на мысль о том, что оно носит не абсолютный характер, а является приоритизирующим. Дж. Хокинз предложил искать причины нежелательности расположения «конечное-над-начальным» (случай русских атрибутивных прилагательных с комплементом) в стремлении языков к более экономичному парсингу [Hawkins 1994].

Рассмотрим следующие конструкции с русскими прилагательными:

- (42)
 a. [[подходящие [для людей старшего поколения]] программы]
 a.' [программы, [подходящие [для людей старшего поколения]]]
 b. [[пригодная [всем]] пища]
 b.' [пища, [пригодная [всем]]]

В исходных примерах распознавание именной группы происходит следующим образом: получив на вход прилагательное (*пригодная*), слушающий начинает ждать его синтаксического «хозяина» – вершинное имя (*пища*). Это ожидание, однако, затягивается, так как необходимо еще проанализировать адъективное зависимое (*всем*). Такая стратегия приводит к излишнему задействованию оперативной памяти и является неэкономной.

В преобразованных примерах со штрихом ([[пища, [пригодная [всем]]]) такой проблемы не возникает – прилагательное следует непосредственно за именной вершиной. Установление зависимости не связано с ожиданием во время распознавания комплемента прилагательного. Последовательная постпозиция, таким образом, является (как и последовательная препозиция) более эффективной стратегией.

Выбор стратегии парсинга связан с выбором более или менее эффективной, а не универсально возможной или невозможной структуры. Предложенный Хокинзом механизм, таким образом, совместим с ситуацией частичного запрета и лучше объясняет грамматичность комплементов атрибутивных прилагательных в одних языках и их неграмматичность в других.

С другой стороны, следуя той же логике, сложно объяснить абсолютный запрет на подобные структуры в английском – они бы ожидались всего лишь более редкими. Есть, однако, один эффект, говорящий в пользу подхода с позиций эффективности парсинга.

Английский и ряд других языков, см. [Sheehan et al. 2017] и приведенные там работы, прибегает к извлечению адъективного комплемента в постпозицию к имени.

- (43) английский [Sheehan et al. 2017, с. 132]
 а. *a difficult book [for anyone to read]*
 ‘книга, сложная для прочтения для любого’
 б. *an easy book [to persuade someone to read]*
 ‘книга, которую любого легко убедить прочесть’

- (44) французский (интернет)
C’était une nouvelle information [pour moi].
 ‘Это новая для меня информация.’

Это возможно, однако, только для прилагательных индивидуально уровня, стадийные предикаты в таких случаях неграмматичны:

- (45) английский [Sheehan et al. 2017, p. 132]
 а. **an anxious foreigner to make himself understood*
 Ожид.: ‘иностранец, слишком обеспокоенный, чтобы объясниться’
 б. **an aware child that there is a war*

Ожид.: ‘осознающий, что здесь война, ребенок’
 Подытоживая, отметим, что атрибутивная позиция зачастую препятствует выражению адъективных участников, ср., впрочем, русский, где (почти?) никаких ограничений подобного свойства не представлено. Ряд языков прибегает к постпозиции всей адъективной группы (*мица, пригодная всем; food suitable for everyone*). В некоторых случаях выбирается даже непроективная стратегия, заключающаяся в расположении комплемента группы прилагательного после именной вершины (*suitable food for everyone*). Последний вариант, впрочем, ограничен. Наряду с запретом на вынос зависимых «через голову» вершинного имени для английских стадийных прилагательных, можно сказать, что русский вообще не склонен к подобной стратегии, ср. **пригодная пища всем* и т.д.

5. Заключение

Адъективные лексемы регулярно демонстрируют способность вводить различных семантических участников. Типологически наиболее устойчивы дативные и синонимичные дативу предложно-падежные группы, оформляющие субъект оценки, бенефактив / малефактив, стимул, экспериенцер и схожие роли. Наряду с этим прилагательные в языках мира могут задавать ситуации тождества / равенства и т.д., кодирующиеся множественным числом, сочинением, или предложно-падежными группами.

Прилагательные в различных языках могут задавать синтаксические актанты. В ряде случаев дискутируется возможность признания у прилагательных внешних оболочек синтаксической проекции, однако русский материал не демонстрирует регулярного противопоставления внешних и внутренних участников. Универсалией представляется неспособность прилагательных к управлению аккузативом, что отличает их от глаголов (в том числе и стативных).

Наконец, прилагательные могут задавать имеющиеся у них аргументы в предикативной позиции и в сравнительных конструкциях. Что касается использования аргументов в атрибутивной позиции, то языки здесь существенно разделяются. Некоторые языки, такие как русский, не располагают ограничениями на атрибутивное использование аргументов. В ряде других языков (например, в английском) аргументы прилагательных в составе именной группы не могут быть выражены. Причины этого могут лежать как в ограничениях на синтаксическую структуру, так и в выборе языком более предпочтительной стратегии парсинга.

Сокращения

1 – первое лицо	F – женский род
3 – третье лицо	INF – инфинитив
ABS – абсолютив	INDF – неопределенность
AND – сочинение	M – мужской род
COM – комитатив	OBL – показатель косвенной основы
CONT – контэссив	PL – множественное число
COP – приименная связка	PRES – настоящее время
DAT – датив	PST – прошедшее время
DEF – определенность	

Литература

1. Выдрин А.П. Система модальности осетинского языка в сопоставительном освещении / Дисс. на соискание степени кандидата филол. наук. СПб: ИЛИ РАН, 2011. 344 с.

2. Гращенков П.В. & Кобозева И.М. Семантические классы и управление прилагательных // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.)*. Вып. 16 (23): В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во РГГУ, 2017. С. 134-149.
3. Юдахин К.К. *Киргизско-русский словарь*. Фрунзе, 1985.
4. Bennis, H. Unergative Adjectives and Psych Verbs // Alexiadou, Artemis, Elena Anagnostopoulou and Martin Everaert (eds.). *The Unaccusativity Puzzle: Studies on the Syntax-Lexicon Interface*. Oxford, 2004.
5. Biberauer et al. 2009 – Biberauer Th. & Holmberg A. & Roberts I. Linearization and the architecture of grammar: A view from the final-over-final constraint // *StiL-studies in linguistics (Proceedings of XXXV incontro di grammatica generativa)* / ed. by V. Moscati and E. Servidio. University of Siena CISCL Working Papers №3. 2009. P. 77–89.
6. Burzio L. *Italian syntax*. Dordrecht: Reidel, 1986. 468 p.
7. Chomsky N. *Lectures on government and binding*. Dordrecht: Foris, 1981. 371 p.
8. Cinque, G. Ergative Adjectives and the Lexicalist Hypothesis // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1998. Vol. 8. P. 1-40.
9. Cinque, G. *The Syntax of Adjectives. A Comparative Study*. Cambridge, MA.: MIT Press, 2010. 220 p.
10. Hawkins, J.A. *A Performance Theory of Order and Constituency. Cambridge Studies in Linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. 496 p.
11. Holmberg A. Deriving OV order in Finnish // *The derivation of VO and OV* / ed. by P. Svenonius. Amsterdam: Benjamins, 2000. P. 123-152.
12. Kayne R. *The antisymmetry of syntax* / Linguistic Inquiry Monograph. No. 25. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. 213 p.
13. Kertz, L. Evaluative Adjectives: An Adjunct Control Analysis // *Proceedings of the 25th WCCFL*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project. 2006. P. 229-235.
14. Kratzer, A. Stage-level and Individual-level Predicates // Gregory Carlson & Francis Jeffrey Pelletier (eds.). *The Generic Book*. The University of Chicago Press, 1995. P. 125-75.
15. Rákosi, G. *Dative experiencer predicates in Hungarian*. Utrecht: LOT, 2006. P. 251.
16. Sheehan M. & Biberauer Th. & Roberts I. & Holmberg A.. *The Final-Over-Final Condition: A Syntactic Universal*. MIT Press, 2017. 464 p.
17. Stowell, T. Subjects across categories // *The Linguistic Review*. 1983. Vol. 2. P. 285-312.

IV. ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

О.В.Столбова
ИВ РАН (Москва)

К проблеме семантической реконструкции (на материале «Этимологического словаря чадских языков»)

Семантическая реконструкция (т.е. процедура восстановления древнего значения слова), наряду с фонологической, является составляющей этимологического исследования, устанавливающего происхождение слов в отдельных языках.

Задача семантической реконструкции – наиболее точно и полно описать значение реконструируемых лексических единиц. Если фонетическая реконструкция – это полностью формализованная процедура, то «приемы семантической реконструкции – это 1. хорошая эмпирия (правильное описание значений и употреблений слов) + 2. неизменный здравый смысл (готовность к пониманию специфики воссоздаваемой эволюции значения без анахронистических атрибуций современных воззрений древним эпохам) и +3. компетентность в типологии формирования близких значений в разных языках, и все это – на фоне прочного знания формально-этимологических приемов или принципов, за которыми должны стоять вся сравнительная грамматика и все общее языкознание» [Трубачев, с. 197].

Наиболее сложно воссоздать эволюцию значения, если для лексики отдельных языков характерна синхронная полисемия – совмещение двух и более разных (неблизких) значений в пределах одного слова. В таких случаях, прежде всего важно определить, насколько часто совмещаются конкретные значения на синхронном уровне. При положительном ответе на этот вопрос, можно полагать, что полисемия наблюдалась и на уровне праязыка. Следовательно, необходимо понять, каким образом она возникла.

В качестве примера рассмотрим лексику с семантикой ‘строить’, ‘лепить горшки’ и ‘плести’ в чадских языках¹. Этимологиче-

¹ Чадские, семитские, кушитские, омотские, берберские и древне-египетский языки образуют афразийскую макро-семью.

ский словарь чадских языков [Столбова 2016] включает несколько релевантных чадских корней, а именно ¹:

1. *yVn-, *yVwVn- ‘строить, лепить горшки, плести’: Зап. Paa *hʷàn, hʷanti* ‘to build, mould (eg. a pot)’, Siri *wunu, Jimbin wan, Miya yan, Kariya wan* ‘to build, mould, plait, weave’; Ngizim *gàunú, Duwai gùuno*, Bade *gòonu* ‘to plait a big mat’; Центр. Fali *ɣəná* ‘to build’; Gude *ɣənə* ‘to build with clay’, Jimjimen *həne* ‘to build’.

2. Центр. ‘строить, лепить горшки, плести’: Bura *hin(a)* ‘to mould pottery, grain bin; to weave a mat’, Wamdiu *xurəw, Hildi xuryà, Kilba hərà* ‘to build’; Mbuko *hān* ‘faire’ (*a han doh* ‘faire un maison’), Vame *han* ‘to build, weave (a straw mat)’, Baka *hàr* ‘bâtir’, Moloko *har* ‘to make, build’, Dzəpaw *hin* Mesme *hin* ‘to build’.

3. *gVn- ‘строить, лепить горшки, плести’: Зап. Hausa *gínà* ‘to build with clay bricks, mould pottery’; Guus *ŋ-giin* ‘to plait, build’, Boghom *kaan*, Zaar *n-geen* ‘to build’, Dyarim *gən* ‘to mould pottery’; Центр. Buduma *gun* ‘to build, plait’, Zina *gàná* ‘to build’, Gizey, Masa, Nam, Lew, Musey, Marba *gín* ‘to spin, twist’, Mesme *gín* ‘to twist’; Вост. Toram *gin* ‘faire, construire’. Для этого чадского корня удалось обнаружить надежную параллель в кушитских языках: Burji *gin* ‘to plait’, Afar *gin* ‘to twist a rope’ [Sasse, с. 81], Saho *gine* ‘to build, make’ [Vergary, с. 92].

4. *(n-)gVr- ‘строить (навес, ограду), плести’: Центр. Mbuko *ngaray* ‘to build (tent, shed, fence)’; Вост. Lele *gār* ‘tresser, modeler, construire’, Kaba, Nch *-gar* ‘tresser’.

5. *nVm- ‘строить (навес, ограду), плести’: Зап. Ngz *nəmú, ləmú* ‘to weave a net; construct using mud and/or mud bricks, mould pottery, form from clay’; Bade *əlmú* ‘to build or form from mud or cement; braid rope’, Duwai *ləmúwo* ‘to build; plait (hair, rope)’; Центр. Margi *nima-*, Mada *ólmo* ‘to plait’.

Во всех случаях полисемия явно восходит к прачадскому уровню (поскольку в каждом из приведенных примеров она наблюдается в нескольких языках), что позволяет нам объединить в рамках одной этимологии также и лексику с «неблизким» значением ² (‘строить’ и ‘плести’). Иначе нам пришлось бы вместо каждой этимологии реконструировать несколько омонимичных и слабо документированных кор-

¹ Все этимологии имеют следующую структуру: реконструированная форма под ‘звездочкой’, предполагаемое исходное значение, рефлекс в отдельных чадских языках, с указанием, к какой группе они принадлежат (Зап. – Западная, Вост. – Восточная, Центр. – Центральная). Значение каждой формы дается на языке источника. Названия языков даются в латинице с заглавной буквы.

² Разумеется, если нет претензий фонологического характера.

ней. Например, надо было бы разделить *gVn- ‘строить, лепить горшки, плести’ на: а. *gVn- ‘строить, плести’, б. *gVn- ‘строить (и лепить горшки)’, в. *gVn- ‘плести’. Реконструируя единый корень с многозначной семантикой, мы предполагаем, что в каких-то языках могло закрепиться лишь одно из исходных значений. Такое объяснение кажется логичным, например, для пары: Afar *gin-* ‘to plait (a rope)’, Saho *gine* ‘to build, make’, учитывая, что эти два языка образуют даже не подгруппу, а ‘dialect cluster’ внутри восточнокушитской семьи. Еще одной причиной появления ‘неблизких’ значений является недостаточно хорошая эмпирия (см. выше первый из приемов семантической реконструкции по Трубачеву). Дело в том, что полисемия характерна для лексики из словарей, но не из небольших списков слов (особенно, устроенных по обратному принципу). См., например, Lele *gār* ‘tresser, modeler, construire’, Kabalai, Nanchere *-gar* ‘tresser’. Все три языка входят в одну подгруппу восточной ветви. Но лексика языка Леле цитируется по словарю, а двух других – по списку из 120 слов.

Можно полагать, что полисемия ‘строить’ – ‘лепить горшки’ – ‘плести’ не характерна для семитских языков. По крайней мере, ни в специальном исследовании по строительной лексике языков Южной Аравии [Белова 2008], ни в двухтомном словаре арабского языка [Biberstein-Kazimirski, р. 1860] нет ни одного подобного примера. Частично совпадающая полисемия в арабском глаголе *šll* ‘строить, шить’ [указ. соч., с. 1262] носит вторичный характер. По мнению А.Г. Беловой (устное сообщение), семантический переход ‘строить’ > ‘шить’ характерен для лексики кочевников, которые шьют/строят свои шатры из шкур животных.

Тем не менее, и в семитских языках удалось обнаружить релевантный материал. Так, в многотомном словаре аккадского языка нашелся один-единственный глагол с такой же полисемией: *kašāru* ‘to tie, bind together, to join, construct building’ [Gelb k, р. 257]. Вероятно, данная полисемия сохранилась в аккадском, поскольку в строительстве, наряду с деревом и глиной, активно использовался тростник (см., например, *nadū* ‘to erect a reed-hut, to lay the foundation of a building, to erect a house, to build a fortress’ [Gelb n, р. 130], *hašāšu* ‘to build a reed-structure’ [Gelb h, р. 169] и под.).

Рассматриваемая полисемия сохранилась и в эфио-семитских языках. Так, В. Леслау [Leslau, р. 361] рассматривает как когнаты следующие формы: тигре *mawāra* ‘tie together’, *māro* ‘ring of willow branches used in the roof of a round hut’ и геез *marawa* ‘place cross-

pieces in building a house wall'¹. В обоих случаях в семитских языках произошел семантический сдвиг: 'плести' > 'связывать'.

Таким образом, можно констатировать, что рассматриваемая полисемия характерна для чадских языков и ее следы сохраняются в семитских и кушитских. Однако в данном случае даже прочного знания формально-этимологических приемов или принципов (критерий 3 по Трубачеву) недостаточно для того, чтобы понять, как и почему произошла семантическая эволюция.

Для решения этой проблемы необходимы экстралингвистические данные. Анализ полисемии 'строить' – 'лепить горшки' – 'плести', но на более глубоком уровне (на материале ностратического макросемьи) стал в свое время предметом исследования А.Б. Долгопольского [Долгопольский 1972]. И, опираясь на данные археологов, он сделал вывод о том, что «значение 'плести, сплетать' и есть «древнее первоначальное значение»², поскольку «Неолитический глиняный горшок восходит к мезолитической плетенке обмазанной глиной. С другой стороны, к плетеным сооружениям восходит и важнейший тип жилищ Передней Азии протонеолитической эпохи». По остаткам овальных и круглых в плане жилищ археологи установили, что каркасы делались из тростниковой плетенки, обмазанной глиной.

Эти материальные свидетельства, находясь в полном соответствии с лингвистическими данными, объясняют, каким образом возникает полисемия 'плести' – 'строить' – 'лепить горшки'. А как показывает лексика африканских языков, эта полисемия сохранялась и на прачадском уровне.

Еще один пример характерного для адских языков совмещения семантики – 'жить' и 'сидеть'. Эта лексика хорошо этимологизируется не только на чадском, но и на афразийском уровне, см. следующие примеры.

6. **dVm-* 'жить, сидеть': Зап. Geji *dəm-ti*, Zul *dimi* 'to sit, live', Bghom *tam*, Guruntum *dām*, Zul *dāmi* 'to sit'; Центр. Bura *dam* 'permanently or at least semi-permanently located', Masa *dām* 'assis'; Вост. Tobanga *žome* 'habiter', Somrai *dām-* 'habiter' [Barreteau 1982], *dāma* 'to sit' [Lukas 1937]³; Mígama *dūmmò* 'durer, passer beaucoup de temps'. Внешняя параллель представлена материалом семитских языков: Sabaic *dwm* 'lasting, permanent', Arabic *dwm* 'durer, continuer

¹ В качестве внешней параллели можно предложить еще египетский глагол *mr* 'zusammenbinden, fesseln, tie, bind' [Erman & Grapow II, p. 105].

² Здесь и далее цитируется по [К 85-летию... 2015, p. 174]

³ Еще один пример недостаточно хорошей эмпирии – очевидно, что каждый из авторов неполно описал семантику глагола.

d'exister', Ugaritic *dm* 'to remain still', Hebrew *dmm*, *dmy* 'to rest', Mehri *dwm* 'to stay in one place' [Olmo Lete, p. 269].

7. Чад. **tVn(Vʔ)-* 'жить, (о)сесть (> положить)': Зап. Gerka *túnj* 'to sit down', Tangale *teene* 'to put, place down, settle', Jimi *tə-tən* 'to sit', Tala *tənu* 'to live'; Центр. Buwal *táj* 'to place feet', Gizey, Masa, Musey *tún*, Ham, Lew, Marba *tín* 'mettre, poser'. Арабская параллель – *tnʔ* 's'arreter et séjourner dans un endroit' [Biberstein, p. 208].

8. **zVn-* 'оставаться на месте, жить, сидеть': Зап. Karfa *zanây* 'dwell, live, sit (down)', (производное имя) Mangar *mu-nzan* 'life'; Центр. Logone *zen* 'sitzen, bleiben'; Вост. Mokilko *ʔózzinè* 'passer, rester une année'. Арабская параллель – *znʔ* 'rester à un endroit' [Biberstein, p. 1015].

9. **dVHVw-* > *dVw-* 'опустить(ся), поселиться': Зап. Goemai *dúu* 'put down, place', Bolewa *dówu*, Ngamo *dèi-kò* 'sit (down), dwell', Ngizim *dāawí* 'to put, place', Duwai *dā* 'down, on the ground'; Центр. Gude *dəhə* 'carefully set down (container)'. В этом случае в чадских языках произошел семантический сдвиг: 'to live' > 'to dwell', но исходное значение сохранилось в омотских языках: прото-омотский **deʔ-* 'to live, dwell' [Bender, p. 143].

10. **sVʔk-* 'жить, сидеть': Зап. Paa *šiki* 'to sit, dwell, live', Polci *šik* 'to live, sit', Dott *suk* 'to sit, dwell'; Центр. Masa *súk* 'to sit down, to rest', Dari *súk*, Dzepaw *súk* 's'asseoir, rester'. Этот чадский корень может быть генетически связан с семитским **škn* 'жить поселиться' [Белова 2004, с. 196], отметим семантику арабского рефлекса: *skn* 'быть неподвижным, спокойным; останавливаться где-либо; поселиться, жить, обитать где-либо'

Как следует из приведенного материала, кроме основных значений ('жить' и 'сидеть') мы наблюдаем еще 'длиться', 'поселиться', а также 'сесть' и 'положить'. Особого внимания в данном случае заслуживают арабские когнаты со значением 'остановиться где-либо'. Можно предположить, что именно 'остановиться в каком-либо месте' и было первоначальной семантикой, из которой легко выводятся все остальные значения. Также логично, что это значение сохранилось у кочевников-арабов, но исчезло у оседлых земледельцев (носителей чадских языков).

Синхронная полисемия в чадских языках, тем более на прачадском уровне, впервые стала предметом исследования. На основе проанализированного материала можно предположить, что в тех случаях, когда совмещение конкретных значений действительно типично для языковой семьи, можно не только восстановить эволюцию значения, но и объединить лексику с неблизкой семантикой. Однако

это возможно только на основе полной лексической базы по чадским языкам, прошедшей этап фонологической реконструкции, с привлечением материала других языков афразийской семьи и экстралингвистических данных.

Литература¹

1. Белова А.Г. Сравнительно-исторический аспект многозначности корнеслова арабского языка. М.: ИВ РАН, 2004.
2. Белова А.Г. Культурная лексика Южной Аравии в сравнительно-историческом аспекте (термины материальной культуры – названия стройматериалов). М.: ИВ РАН, 2008.
3. Долгопольский А.Б. Какие языки родственны европейским? // Наука и человечество: доступно и точно о главном в мировой науке. Международный ежегодник. М.: Знание, 1971-1972. С. 106-119.
4. К 85-летию Арона Борисовича Долгопольского. М.: ИЯЗ РАН, 2015.
5. Столбова О.В. Этимологический словарь чадских языков / Chadic Etymological Dictionary. М.: ИВ РАН, 2016.
6. Трубачев, О.Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М.: Наука, 1988. С. 197-222.
7. Barreteau, D. & H. Jungraithmayr. Le verbe en sibine // H. Jungraithmayr, ed. *The Chad Languages in the Hamitosemitic-Nigrific Border Area*. Berlin: Reimer, 1982. P. 192-229.
8. Bender, M.L. *Proto-Omotc Phonology and Lexicon*. Carbondale: SIU Printing/Duplicating, Southern Illinois University, 2003.
9. Biberstein-Kazimirski, A. de. *Dictionnaire arabe-français*. 2 vol. Paris: Maisonneuve et Co., 1860.
10. Erman, A., Grapow, H. *Wörterbuch der Ägyptischen Sprache*. VI Bds. Berlin: Akademie, 1937-1971.
11. Gelb, I.J. et al. (eds.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Glückstadt: J.J. Augustin, 1957-2010.
12. Leslau, W. *Comparative Dictionary of Ge'ez*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1987.
13. Sasse, H.-J. *Etymological Dictionary of Burji*. Hamburg: Buske, 1982.
14. Vergary, M. & R. Vergary. *A basic Saho-English-Italian Dictionary*. Published in Asmara (Eritrea), 2003.

¹ Список источников по чадским языкам см. в: Stolbova, O. Chadic Lexical Database. Issue III. М.: ИВ РАН, 2009. P. 15-22 (доступен на сайте <https://chadicnewsletter.wordpress.com/download/>).

И.Б. Иткин

ИВ РАН ~ НИУ ВШЭ (Москва)

Tokh. A *pāsrāk**, (?) В *paśrāk* "уступ, терраса / gradin, terrasse / ledge, terrace"¹

Cette petite note lexicographique a paru grâce à trois circonstances importantes pour les études tokhariennes A:

1) la grammaire fameuse [Sieg & Siegling & Schulze 1931] contient un grand nombre de suppositions textologiques, morphologiques etc., qui n'ont pas attiré l'attention suffisante: par exemple, ils ne sont pas souvent prises en considération ni dans le «Thesaurus...» [Poucha 1955], ni dans la publication des textes tokhariens réalisée par [CETOM];

2) la grande plupart des textes tokhariens A sont mutilés de telle façon que pour certaines formes on ne peut pas trouver une seule occurrence intacte. C'est juste non seulement pour les ἀπαξ λεγόμενα, mais quelquefois aussi pour les mots attestés en plusieurs documents: cf. [Бурлак & Иткин 2004, с. 29, сн. 3] à propos du mot *kanak* «vêtement de coton» dans [Sieg & Siegling 1921] et [Itkin 2016] à propos de la forme *lālamṣk(e)[ñ]* N Pl m de *lālamṣke* «tendre» dans le corpus entier tokharien A;

3) des textes inédits tokhariens A de la collection de Berlin dont les photographies et la translittération préliminaire [Tamaï 2007] sont maintenant disponibles sur le site Web TITUS puissent prêter aux chercheurs beaucoup d'information utile.

Dans [Sieg & Siegling & Schulze 1931, p. 49, 137, fn. 3], trois fragments tokhariens A incluant la séquence *pāsrā-* sont mentionnés². D'après [Sieg & Siegling 1921], on peut présenter ces trois fragments de façon suivante:

tricām pāsrā k·s·dā //// (A 183 a2)

|| *uttarenam* || *spāt wsā-šinās ṣulasā ñä* – – *ñkiṃ tsāknāntr=äm* ♦
stwar pāsrā //// (A 264 b8)

//// (*spāt wsā-šinās ṣulasā stwar pāsrā* – – *vṛkṣāntu wimāñantu koṃ ma_{as}(ñ)* //// (A 301 a7).

Pour la ligne 183 a2 les auteurs de la grammaire proposent la lecture *pāsrāk·s(a)dā(mat·)* ////, ce que "auf einen Stamm *pāsrāk* führt" [Sieg & Siegling & Schulze 1931, p. 137, fn. 3]. À notre connaissance,

¹ Je remercie vivement S.V. Malyshev pour son aide multiforme.

² L'adresse 246 b8 [Sieg & Siegling & Schulze 1931, p. 49] est une coquille au lieu de 264 b8.

cette proposition a passé inaperçue; cependant, elle peut être confirmée sans aucune réserve.

Dans un des fragments inédits de Berlin on trouve la ligne */// [śr]āksaṃ ṅā[kt]· ///* (A THT 1464 b5; la lecture [śr] est certaine). Puisque la division */// [śr]ā ksaṃ* est impossible – la forme ***ksaṃ* n'existe pas, – nous n'avons que deux variantes réelles: */// [śr]āksaṃ* (Loc Pl) et */// [śr]āk saṃ* (N ou N-Acc suivi du pronom démonstratif). Car il n'y a pas d'autres mots tokhariens A finissant en *-śrāk*, la conjecture */// (pā)[śr]āksaṃ ~ /// (pā)[śr]āk saṃ* est indubitable.

La conjecture *s(a)dā(matt·)* *///* est supportée par deux raisons. Primo, la consonne après *dā* est partiellement visible, et la lecture [m]· semble la meilleure (sinon unique). Outre cela, la reconstruction *s(a)dā[m](atti)* *///* est peut-être préférable: cf. l'adjectif *sadāmatti-ṣinā* *///* (A 283 a4). Cette reconstruction même est donnée dans [Siegling PK, p. 92]. Secundo, dans la ligne 183 a1 au lieu de *kar·t·pā[·]* *///* [Sieg & Siegling 1921, p. 92] on doit lire *kar(o)t(a)pā[n](i)* *///*: cette interprétation a été proposée indépendamment dans [Siegling PK, p. 92] et [Carling 2009, p. 104]. Les *sadāmatta*'s et les *karoṭapāṇi*'s sont deux espèces d'êtres surnaturels bien connus dans la mythologie indienne.

Les fragments 264 b8 et 301 a7, très ressemblants l'un à l'autre, mentionnent **quatre pāśrāk**'s. Le fragment 183 a2 nous fait savoir que les *sadāmatta*'s ont quelque relation avec **le troisième pāśrāk**; la forme *kar(o)t(a)pā[n](i)* *///* en 183 a1 est sans contexte, mais il est vraisemblable que nous avons ici l'énumération des *pāśrāk*'s. Les sept montagnes d'or achèvent le tableau: il s'agit de la cosmologie bouddhique organisée autour du mont Meru, et les quatre *pāśrāk*'s sont **les quatre gradins, ou terrasses**, de ce grand mont. Les *sadāmatta*'s (litt. "toujours enivrés, toujours excités") habitent effectivement le troisième gradin, et les *karoṭapāṇi*'s – le premier. Voici un exemple tirée de l'Abhidharmakośakārikā de Vasubandhu (les caractères gras sont à nous. – I.I.):

karoṭapāṇayas tāsū mālādhārās **sadāmadāḥ** |
mahārājikadevās ca **parvateṣv** api **saptasu** (3:64)

[Pradhan 1967, p. 167]

"They are the **Karoṭapāṇis**, the Mālādhāras, the **Sadāmattas** and the two Mahārājikas; and also on the **seven mountains**" [Abhidharmakośabhāṣyam..., p. 462].

Et l'autocommentaire suivant, dont la traduction est aussi plutôt traduction-commentaire:

prathamāyāṃ **pariṣaṇḍāyāṃ** **karoṭapāṇayo** nāma yakṣāḥ
pratīvasanti | dvitīyāyāṃ mālādhārās **tr̥tīyāyāṃ** sadāmadāḥ **sadāmattāḥ** |

sarva ete caturmahārājakāyikāḥ | caturthiyāṃ tu catvāro mahārājāḥ svayāṃ
pratīvasanti tatparicārās ca [Pradhan 1967, ibid.].

"On the first **terrace** reside the Yakṣas "**Pitcher in their Hand**": on the second, the "Wearers of Crowns"; **on the third the "Always Intoxicated"** (*sadāmatta*, which the Kārikā calls *sadāmada*): all these gods belong to the Cāturmahārājakāyikas. At the fourth terrace are the Four Kings in person with their attendants: these gods are called the Cāturmahārājakāyikas, the Four Great Kings.

As the Cāturmahārājakāyikas inhabit Meru, so too they have villages and towns **on the seven mountains of gold**, Yugandhara, etc. Also the gods of this class are the most numerous of the gods" [Abhidharmakośabhāṣyam...: ibid.].

Quelles formes casuelles du mot *pāśrāk** sont attestées en tokharien A? Pour la ligne THT 1464 b5 il y a deux possibilités de division: */// (pā)[śr]āk saṃ ṅā[kt]· ///* et */// (pā)[śr]āksaṃ ṅā[kt]· ///* (v. plus haut). La première présuppose une syntaxe très compliquée. La deuxième semble étrange, parce que pour le sens "sur le gradin ~ les gradins" on attendrait plutôt le perlatif. Mais pour la ligne 183 a2 la lecture *pāśrāk(ā)* semble exclue du point de vue paléographique: en ce cas, le *ā* serait visible. Cela signifie que le sens spatial est exprimé ici par le locatif, et nous disposons de deux formes obliques: Loc Sg *pāśrāk(am)* (183 a2) et Loc Pl *(pā)[śr]āksaṃ* (THT 1464 b5). La reconstruction *pāśrā(ksaṃ)* est possible (bien qu'improvable pour le moment) aussi pour les lignes 264 b8 et 301 a7. Le segment *ṅā – ṅiṃ tsāknāntr=āṃ* (264 b8) reste énigmatique (et la feuille A 264 est perdue).

En théorie, la forme *(pā)[śr]āksaṃ* est compatible avec deux formes de l'Acc Pl différentes: *pāśrākās** (N Pl *pāśrāki**) et *pāśrākas** (N Pl *pāśrākāṅ**). Mais la variante *pāśrākās** semble très peu probable: parmi les lexèmes tokhariennes A du type *ṣont* "rue" – N Pl *ṣontaṅ* (v., par exemple, la liste dans [Sieg & Siegling & Schulze 1931, p. 103-104]) il n'y a pas de mots polysyllabiques avec dernière voyelle longue. Au contraire, parmi les lexèmes tokhariennes A du type *śiśāk* "lion" – N Pl *śiśki* il y a beaucoup de mots comme *āsāṃ* "siège", *kāltāṅk* "tambour (?)", *kuccatāk** "haute maison, tour" etc.

En tokharien B on trouve *pāśrāk* (ἄπαξ λεγόμενον dans PK AS 17H a1; laissé sans traduction par [CEToM], non mentionné dans [Adams 2013]). La ligne a1 est fort endommagée: le mot suivant est *etsuw(ai)* "vers, non loin de": la traduction "non loin du gradin", quoique sensé, est loin d'être sûre.

Néanmoins, la correspondance A *pāśrāk** ~ B *paśrāk* est régulière (cf., par exemple, A *ānāntāpā* ~ B *anāntapa* "infiniment, continuellement

(?)"), et la forme phonétique de la lexème en question est assez spécifique pour que la coïncidence fortuite soit peu probable.

L'étymologie du A *pāśrāk**, (?) B *paśrāk* (PT **pāśərākə*) "gradin, terrasse" nous reste inconnue. Aucune dérivation intra-tocharienne n'est à proposer, une source indo-iranienne quelconque est aussi difficile à trouver¹.

Quoi qu'il en soit, on peut espérer que le vocabulaire tocharien s'est désormais complété d'une lexème nouvelle.

Abréviations

Acc – accusative	N-Acc – nominatif-accusatif
Loc – locative	Pl – pluriel
m – (genre) masculine	Sg – singulier
N – nominative	

Références bibliographiques

1. Бурлак & Иткин 2004 – Бурлак С. А., Иткин И. Б. Тохарский текст А 446: еще одна рукопись тохарской версии Maitreyasamitinataka // *Вопросы языкознания*. 2004. № 3. С. 24-35.
2. Abhidharmakośabhāṣyam... – *Abhidharmakośabhāṣyam of Vasubandhu*. Volume II / Translated into French by Louis de La Vallée Poussin. English Version by Leo M. Pruden. Berkeley, Calif., 1988-1990 (URL: http://lirs.ru/lib/kosa/Abhidharmakosabhasyam,vol_2,Vasubandhu,Poussin,Pruden,1991.pdf).
3. Adams, D.Q. *A Dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged*. Vol. I–II. Amsterdam & New York, 2013.
4. Carling 2009 – *Dictionary and thesaurus of Tocharian A. Volume 1: A–J* / Compiled by Gerd Carling in collaboration with Georges-Jean Pinault and Werner Winter. Wiesbaden, 2009.
5. SEToM – *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts* [электронный ресурс]. URL: <http://www.univie.ac.at/tocharian/>.
6. Itkin 2016 – Itkin I.B. The tender ghost (Tocharian B lalaṃške "tender" – Tocharian A ?) // *Tocharian and Indo-European studies*. Vol. 17. Copenhagen, 2016. P. 65-75.
7. Poucha P. *Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A*. Praha, 1955.
8. Pradhan, P. (ed.). *Abhidharm-koshabhāṣya of Vasubandhu*. Patna, 1967 (URL: <https://ia800108.us.archive.org/15/items/0b.VAsubandhuAbh.Kosa>)

Bhasya1967Pradhan/0b.%20VAsubandhu%2C%20Abh.KosaBhasya%201967%20Pradhan.pdf).

9. Sieg & Siegling 1921 – *Tocharische Sprachreste*. Hrsg. v. E. Sieg und W. Siegling, Bd. 1. Die Texte. Berlin – Leipzig, 1921.
10. Sieg & Siegling & Schulze 1931 – Sieg E., Siegling W. *Tocharische Grammatik* / Im Auftrage der Preussischen Akademie der Wissenschaften bearbeitet im Gemeinschaft mit W. Schulze. Göttingen, 1931.
11. Siegling PK – Personal and annotated copy of [Sieg & Siegling 1921] by Wilhelm Siegling. Scanned by Douglas Q. Adams with the technical assistance of Michael Tarabulski and Kevin Dobbins [электронный ресурс]. URL:<http://www.univie.ac.at/tocharian/?Siegling>, pers. copy.
12. Tamai 2007 – Tamai, T. *A preliminary edition of unpublished texts from the Berlin Turfan Collection* [электронный ресурс]. URL: <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/thtframe.htm>.

¹ S.V. Malyshev et I.S. Yakubovich (p.c.) m'ont attiré l'attention sur le verbe sanskrit *upa-śri-*, avestique *upa-śray-* "s'appuyer, s'accouder", mais le nom avec le suffixe *-k-* n'est attesté nulle part et la sémantique n'est pas convaincante.

мыслью наставлял». Такой перевод тем более вероятен, что словосочетание *swār rake* встречается, как минимум, еще во фрагментах (А 58 b3) и (А 79 a5) – и там также можно обойтись без каких-либо допущений и перевести это словосочетание как «приятная речь».

Для второго случая предлагаем следующее: «...этот охотник, с полными слез глазами, сбивчиво говорит».

Некоторая «неполнозначность» *rake* в данном случае находит аналогию в вышеприведенных примерах со словосочетанием *rake trāṅk-*. Сюда же можно добавить (А 220 b2) /// *ālyākyām praṣṭam weñā rake pācār mācrac* : «...в иное время [=в другой раз?] я сказал слово [=обратился к?] отцу и матери...». Как мы далее убедимся, из всей триады *rake* имело самый общий смысл (что, видимо, и сказалось на большем количестве примеров), а потому могло «модифицировать» глагол *trāṅk-*, так что «сказать слово кому-то», вероятно, значило «обратиться к кому-то», «сказать уважительное слово» – «сказать вежливо», а «сказать со сбивчивой речью» – «сказать сбивчиво, запинаясь». В тохарском А действительно существовали подобные «сложные глаголы», в т.ч. и переходные [Бурлак & Иткин 2013, с. 440]. В этой связи особенно примечательно, что в (YQ II.9 b7) *weñār rake* управляет аккузативом (*metrakām*).

Лексема *rake* проявляет тенденцию к генерализации значения и в еще одном случае, правда, уже в несколько ином аспекте. В рассмотренных нами примерах несколько раз встречаются перечисления и противопоставления некоторых понятий, характерные для буддийской доктрины, и в них фигурирует именно *rake*.

Во-первых, это триада «физическое-вербальное-ментальное» (выделено нами):

(А 218 b3) : *mā ñi wāsklune mā rake pātsāk paramāñū kṣaṃ yārmaṃ naṣ kus ne ālu s_ukac mā tāṣ* : «There is no **movement**, no **word** or thought of mine, [not] even within the measure of the smallest moment, which would not be for the happiness of others».

(А 371 b1) || *[t]a-waknā rakeṣi tri waknā pātskaṣi tri waknā kapśñāṣi ratkā warkā lāntā lysisā k_ulewāsā ype śāstāsā mudrāka* /// «<Трех> видов словесное, трех видов мысленное, трех видов телесное на войско, на охоту, на царя, на воров, на женщин, на землевладельцев [печати-мудры наложил?]...»

(YQ II.15 b4-5) /// *(kā)lpāc : kapśaṃ rake pātsāk_{yo} kāsu skamat kākropuṣ pṣṭākās śāmnā_{b5}(ñ :)* «... if you have attained ..., be sure to have become those who have always accumulated virtue with **body**, **word**, and **mind**, oh monks!» (перевод [Ji et al. 1998, p. 139]).

Во-вторых, «тело-речь»:

(А 399.20+2383.1 a2) /// *4 rake kapśa[ñi]* /// «...4 Речь и тело...».

(YQ N.5 b2) *(ra)keyo kapśiñño pat yāmeñc* || «...речью или телом делают».

Впрочем, поскольку данные фрагменты крайне обрывочны, может оказаться, что это лишь часть первой триады.

Последним случаем является отрывок, возможно содержащий часть перечисления элементов Восьмеричного пути:

(А 305 a2) /// *(kā)lym(e)yā rake kālymeyā yāmlune* • «...правильная речь, правильное деяние».

Исходя из этого, мы можем говорить о наличии (до некоторой степени) «терминологического» значения у данной лексемы, являющейся, таким образом, главным понятием для обозначения вербальной сферы.

Что касается центральных значений, то «speech»/«речь» уже неоднократно встречалась в примерах выше, «word»/«слово» же можно проиллюстрировать следующим:

(А 71 a2) : *rake camāṣ pānāsmār nmāsmām kapśño śl=āñcālyi* : «Слово у него вымалываю я, склоняюсь телом, с почтительно сложенными руками...» (перевод И.Б. Иткина, устное сообщение).

(А 19 b5-6) *piṣṣ ānand pṭāñākte rakeyo brhad(yut)_{b6}(ku)ntistsekānac peṭ* «Иди, Ананда, скажи горшечнику Брихадьюти словами Будды-бога» (перевод [Бурлак & Иткин 2013, с. 442]).

Как видим, несмотря на то, что в обоих случаях *rake* употребляется в единственном числе, оно может значить и «слово», и «слова».

На этом фоне примечательно, что все случаи использования форм множественного числа (что характерно, их всего 4 из 41: (А 16 a6), (А 230 a3), (А 230 a4-5), (А 371 b2)) можно перевести как «слова», но не как «речи».

Кроме вышесказанного, для *rake* можно отметить следующие нюансы употребления:

- При нем не употреблялись указательные местоимения.
- Оно использовалось при цитатах.

Вторая лексема – *plāc* – стояла в рассматриваемой триаде особняком, обладая рядом заметных отличий в семантике и употреблении. В частности, у нее, вероятно, не было таких значений, как «слово» или «слова» (что подкрепляется и тем наблюдением, что она не использовалась при цитатах). Пожалуй, существует единственный контрпример:

(А 5 b3) : *mātsratsi oki mā plāc cranṅās mā karyā* : «as if ashamed she did not say a word and she did not laugh».

Впрочем, учитывая контекст – это эпизод Пуньванта-джатаки, повествующий о встрече художника и механической девушки, – во-первых, выбор синонима может объясняться требованиями метра;

во-вторых, можно предложить и перевод «не заговаривала», т.е. «не вступала в беседу», поскольку для данной лексемы прослеживается заметный акцент на коммуникации. Например (в том же эпизоде):

(A 7 a3-4) *kyal mā nāṣ tā(maṃ) a4 tuṅkyo plāc wāwim* «Why should I not have a conversation because of love to her?».

Этот акцент особенно ярко выражен в своеобразных формулах-экспозициях «разговор/диалог должен пониматься как происходящий в...», предварявших отдельные сцены в буддийских драмах. Например:

(A 299 a8) || *sās nu tāpārka plāc jambudvipaṃ ywārckā parnoreyo yetusām ketumatī rīyaṃ kārsnāl(y)[i]* || «but now this dialogue should be understood [as taking place] in the city of Ketumatī, adorned with splendour, in the middle of Jambudvīpa».

Ср. также (A 144 a5), (A 288 b5-6) = (YQ I.1 a7-8).

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что у *plāc* присутствовало значение «разговор, диалог». Другим же распространенным значением было «речь» или «речи», но, в отличие от *rake*, отражавшего процессуальный аспект, «говорение», *plāc* обозначало речь, ограниченную во времени, имеющую начало и конец. В этом смысле можно судить и о большем внимании к содержательному аспекту речи по сравнению с *rake*.

Причем в отдельных случаях мы можем говорить даже о речи как выступлении:

(A 288 a4) *weñeñc klyo – – – (abhiṣe)[k]ṣ(i)nā(m) plāc metrā(kyāp) yārkaṅt* «The noble (people) will say praises to the Maitreya as a consecration speech».

«Конкретность» подчеркивалась и тем, что *plāc*, в отличие от *rake*, могло употребляться с указательными местоимениями, и тем, что оно несколько чаще использовалось во множественном числе (5 раз из 24). При этом мы не заметили особенных различий при употреблении в единственном и множественном числах, разве что во всех случаях множественного числа это почти наверняка «речи», а не «разговоры/диалоги».

Третья лексема, *weñlune*, будучи отглагольным существительным, автоматически сближается в значении с более абстрактным и процессуальным *rake*. Она также может употребляться при цитате, ср. (A 214 b6) = (YQ II.2 a1), (A 219 a5), и в перечислениях «терминов». В последнем случае, однако, «элементы» перечислений оказываются иными и не производят впечатления устоявшихся формул или «терминов»:

(A 94 a2) || *kālkālune lmā(l)[u]n(e) w(e)ñlune* «...движение, сидение [= неподвижность?] и речь».

(A 307 a6) || *(wārpāluneyāṣ) || weñluneyāṣ • rapurñeyāṣ māntluneyāṣ kem-pālkuneyāṣ nārkaṣlune penu pāñ ṣurmantyo kaknu ṣeṣ to* – «the keeping away from [idle] talk, from greed, from malice, from the wrong path will also be given by the five causes (...)».

Для данной лексемы не зафиксирован ни один случай употребления множественного числа, что, в общем-то, объясняется абстрактным характером этого существительного. Основные же ее значения можно передавать как «речь», «говорение», «слова», но никогда как «слово». Стоит отметить также, что нет ни одного случая, где бы она употреблялась с прилагательными, характеризующими речь с акустической или эмоциональной точки зрения.

При этом, в отличие от *rake*, *weñlune* может употребляться с указательными местоимениями, однако этот (единственный известный) случай привязан к другому, специфическому его значению – «утверждение, суждение» / «statement»:

(A 15 a2) *sās wasām weñlune mā kārsāl ke śpālmeṃ ke wārce* «(Therefore) this our statement[s] is not to be checked: which is superior, which is inferior?».

В целом же можно говорить о достаточно заметном присутствии данного значения, даже несмотря на общую немногочисленность и отрывочность примеров с *weñlune*.

Возможно, именно следствием последнего обстоятельства является то, что для *weñlune*, в отличие не только от первой, но и от второй рассматриваемой лексемы, не найдено ни одного случая употребления с глаголом *trāṅk-* «говорить, произносить». Даже если это была попытка избежать тавтологии, не встречается и каких-либо иных глаголов (эпизодически встречающихся у остальных лексем – например, «дать»), которые бы позволили передать конструкцию типа «производить речь».

Подводя итоги, мы можем сказать, что основным словом для обозначения речевой деятельности, несомненно, было *rake*, которое в целом можно охарактеризовать как «речь как процесс, говорение», абстрактная речь. Видимо, как доминирующая роль, так и отвлеченное значение данного слова способствовали его специфическому, «терминологическому» употреблению. В то же время, судя по всему, только для *rake* возможен перевод «слово» (именно в единственном числе).

Weñlume было до некоторой степени синонимично *rake*, также обладая довольно отвлеченным характером. Однако оно выделялось и специфическим значением «суждение, утверждение».

Наконец, *plāc* резко противостояло остальным лексемам. Это «речь как выступление, связный текст», это конкретная речь, имеющая начало и конец и рассматриваемая, прежде всего, с содержательной точки зрения. Специфическим же значением в данном случае было «разговор, диалог».

Переводы «voice» и «sense» для любого из данных слов можно расценивать как некорректные.

Источники

СЕТoM – *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts* [электронный ресурс]. URL: <https://www.univie.ac.at/tocharian/> Дата обращения: 24 февраля 2018 г.

Литература

1. Бурлак С.А., Иткин И.Б. Тохарские языки // *Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии* / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик. Москва: Academia, 2013. С. 386-485.
2. Carling et al. – Carling, G., Pinault, G.-J., Winter, W. *Dictionary and thesaurus of Tocharian A*. Volume 1: A-J. Compiled by Gerd Carling in collaboration with George-Jean Pinault and Werner Winter. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009.
3. Ji X., Winter & W., Pinault, G.-J. *Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China* / Transliterated, translated and annotated by Ji Xianlin in collaboration with Werner Winter, Georges-Jean Pinault. Berlin / New York: de Gruyter, 1998 (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, vol. 113).
4. Poucha, P. *Thesaurus Linguae Tocharicae Dialecti A*. Praha: Státní Pedagogické Nakladatelství, 1955.
5. Siegling, W. Personal and annotated copy of *Tocharische Sprachreste* / Hsbg. von E. Sieg und W. Siegling, Bd. 1. Die Texte. Berlin; Leipzig, 1921.

Гетерограммы в лувийских и палайских текстах

1. Введение

В данной статье речь пойдет об особенностях использования шумеро-аккадской клинописи в древней Малой Азии. Культурно доминирующим языком в этом ареале во втором тысячелетии до н.э. был хеттский – индоевропейский язык, принадлежащий к анатолийской группе. На территории Малой Азии в то время, о котором мы поведём речь, располагалось государство хеттов со столицей в городе Хаттуса. Тексты на хеттском языке записывались на глиняных табличках при помощи клинописи, которая первоначально возникла в Месопотамии и использовалась там для записи шумерского, а позднее также и аккадского языков.

В хеттском письме использовались как фонетические написания хеттских словоформ, так и написания с элементами шумерского и аккадского языков. Такие написания мы будем называть гетерографическими (см. [Kudrinski & Yakubovich 2016]). В транслитерации шумерограммы обозначаются заглавными буквами, а аккадограммы – заглавным курсивом. Шумерограммы и аккадограммы во множестве присутствуют в хеттских текстах любого жанра. Принцип гетерографического письма был прост: вместо записи исходного слова при помощи слоговых знаков писец использовал в тексте написание соответствующего ему по значению шумерского или аккадского слова. Шумерограммы в хеттской клинописи также активно использовались в значении детерминативов – произносимых указателей на семантический класс лексем. Детерминативы принято транслитерировать заглавными надстрочными буквами.

В последние годы появилось сразу несколько исследований, посвящённых особенностям гетерографических написаний в хеттских текстах. Наибольшего внимания среди них заслуживает монография [Weeden 2011] – самое объёмное и тщательное исследование употребления шумерограмм аккадограмм в хеттских текстах.

Следует, однако, сказать, что клинописные тексты, найденные в архивах Хаттусы, не ограничиваются лишь записями хеттского языка. Сегодня в нашем распоряжении имеется достаточно большое количество клинописных текстов и на других языках древней Аннатолии. Хеттский сохранял свой статус официального языка на всём протяжении существования царства Хаттусы. В то же время он не являлся единственным языком, функционировавшим в его границах.

В данной статье речь пойдёт о текстах на лувийском и палайском языках – оба этих языка, как и родственный им хеттский, также относятся к анатолийской группе индоевропейских языков.

На палайском языке говорили на севере Анатолийского полуострова на территории, которая в текстах хеттских законов называется Пала. Значимость палайского языка в царстве Хаттусы, по всей видимости, падала с течением второго тысячелетия до нашей эры. Считается, что палайский язык в основном использовался в духовных практиках, так как все известные нам палайские тексты – это записи ритуалов. Неясно, оставался ли палайский язык живым языком на всём протяжении существования царства Хаттусы (см. [Касьян & Шацков 2013, с. 98]).

Что касается лувийского, то, в отличие от палайского языка, во втором тысячелетии до нашей эры он постепенно расширял сферу своего влияния и ареал своего распространения. Во времена становления хеттского государства на лувийском говорили в центральной и южной части полуострова, но затем этот язык распространился в регион Кичшувадны и северо-западную Сирию. В столице Хаттусе постепенно росло число носителей лувийского, что привело к билингвизму, а затем и к тому, что хеттский язык уступил свои позиции лувийскому в повседневном общении (см. [Якубович 2013, с. 107]). Лувийские тексты в клинописи – это в основном записи текстов заклинаний, которые писцы старались фиксировать максимально точно, дабы впоследствии заклинание могло быть успешно использовано тем, кто будет читать текст.

В отличие от текстов на хеттском языке, в лувийских и палайских клинописных текстах гетерограммы встречаются куда реже, и, возможно, именно поэтому особенности их употребления до сей поры не стали предметом большого числа исследований. В данной статье мы попробуем сравнить особенности использования гетерограмм при записи лувийского и палайского языков. В разделе 2 речь пойдёт об инвентаре гетерограмм в палайских и лувийских текстах, в разделе 3 будет затронута тема функций гетерографических написаний в текстах на этих языках. В разделе 4 будут приведены основные выводы данной работы.

2. Инвентарь гетерограмм

Как уже было сказано, инвентарь гетерограмм, которые использовались в палайских и лувийских текстах, был значительно меньше инвентаря гетерограмм, который мы встречаем в текстах на хеттском языке. Это касается как самостоятельных лексем, так и детерминативов. В то же время, инвентарь гетерограмм, который

использовался для записи лувийских текстов, значительно обширнее того, что представлен в палайских текстах, где гетерографические написания ограничены всего несколькими случаями.

Любопытно также, что почти все вхождения гетерограмм в палайских и лувийских текстах ограничены исключительно употреблением шумерограмм. Так, в палайских текстах нам не встретилось ни одной аккадограммы; в лувийских текстах аккадограммы также практически отсутствуют, исключение составляют лишь несколько ребусных написаний, а также один контекст, где употребляется аккадографический предлог:

(1)	<i>a=ta</i>	<i>a-[ap-p]a</i>	DINGIR.MEŠ- <i>an-za</i>
	PTCL=3SG.NOM.N	снова	бог.PL-DAT.PL
	ŠA	EN	SÍSKUR
	GEN	господин	ритуал
	<i>ni-[iš]</i>	<i>a-ú-i-ti</i>	<i>pár-ra-an</i>
	PROHIB	приходить.PRS.3SG	перед

'Пусть больше не является перед богами господина (=заказчика) ритуала' (KUB 35.54 obv. ii 39'-41'), см. [Starke 1985, p. 67].

Поскольку контекст выше представляет собой единственный известный случай употребления аккадографического предлога ŠA в лувийском контексте, любые попытки его интерпретации так или иначе обречены на спекулятивность. Тем не менее, попробуем предположить, что в данном случае писец решил использовать аккадограмму для уточнения синтаксической структуры предложения. Составная именная группа DINGIR.MEŠ-*an-za* EN SÍSKUR в этом контексте разрывается переносом строки, поэтому писец мог использовать ŠA в начале новой строки для того, чтобы подчеркнуть синтаксическую связь между частями именной группы.

Как бы то ни было, практически полное отсутствие аккадограмм в текстах на лувийском и палайском языках представляет собой любопытный факт. Вероятно, шумерограммы воспринимались хеттскими писцами как более ядерные элементы клинописной системы, которые употреблялись в клинописных текстах на любых языках. В то же время употребление аккадограмм в клинописи могло рассматриваться как графическое средство, специфичное для записи хеттского языка, которое, в свою очередь, было связано с особенностями развития хеттской письменности. Так, многие исследователи полагают, что первоначально, непосредственно после заимствования, хетты использовали шумеро-аккадскую клинопись для письма на аккадском языке и лишь позднее, вероятно, через несколько переходных этапов, адаптировали эту систему письма для фонетических

написаний хеттских словоформ. В результате использование аккадограмм для записи хеттских словоформ и оформления на письме хеттских синтаксических конструкций позднее могло восприниматься уже как непреложная орфографическая норма. В то же время у палайского и лувийского языков не было какой-либо письменной традиции, поэтому использование аккадографических написаний для их записи не могло быть ничем обусловлено.

Как уже отмечено, шумерограммы в палайских текстах представлены всего несколькими контекстами, в то время как в лувийских текстах встречается гораздо больше шумерограмм. Такая существенная разница, вероятно, обусловлена разным уровнем владения этими языками в писцовой среде. Очевидно, что использование шумерограмм в качестве детерминативов или в качестве замены фонетических написаний словоформ в равной мере требует от писца понимания семантики записываемых элементов текста. Таким образом, если писцы плохо понимали тексты на палайском языке, то и употребление гетерограмм в создаваемых ими клинописных палайских текстах не могло быть таким широким, как в текстах на лувийском, который широко использовался в Хаттусе.

Немногочисленные примеры употребления гетерограмм в палайском контексте подтверждают эту гипотезу. Так, детерминативы в палайских текстах употребляются всякий раз исключительно с лексемами, лексическое значение которых могло быть доступно писцу даже с минимальной компетенцией в палайском: либо с именами собственными (например, с топонимами, как в случае ^{URU}*Lihzīna*, КВо 32.18 obv. i 14'), либо с лексемами, которые имеют прямые соответствия в хеттском и пишутся в хеттских текстах с теми же детерминативами (как в случае ^{MUNUS}*tawananna* 'титул царицы)' (КВо 19.152 obv. i 17') и др.).

В качестве замены фонетических написаний в палайском контексте использовались несколько шумерограмм, причём для большинства из них также можно показать, что их употребление при записи палайского языка могло быть обусловлено их значением в хеттских текстах. Рассмотрим, например, употребление в палайских текстах шумерограммы А.А:

Эта шумерограмма могла использоваться в хеттских текстах для записи существительного *tiwa* 'сила', как отдельно, так и в составе, например, сложных имён собственных. Пример – запись личного имени Мицрамува в виде ^{MIZRA}-А.А (КВо 4.12 obv. 6), где первая часть имени записана фонетически, а для записи фрагмента *-tiwa* писец использовал шумерограмму вместо того, чтобы прибегать к написанию при помощи слоговых знаков. В палайском тек-

те KUB 35.165 мы находим написание, где А.А также используется для передачи фонетического значения [tiwa]: А.А-*ntan* (= *miwantan* 'сильный. ACC. SG'). Очевидно, мотивацией для употребления гетерограммы в данном случае послужило то, что прилагательное *miwantan* является когнатом для известного хеттского слова, и писцу было легко распознать эту этимологическую связь. Таким образом, в данном случае писец, даже слабо знакомый с палайским языком, мог правильно по смыслу употребить шумерограмму.

Итак, в палайском контексте шумерограммы практически не использовались, а если использовались, то во всех понятных для нас случаях они обозначали прозрачные палайские когнаты хеттских лексем. Этот факт говорит в пользу гипотезы о том, что писцы Хаттусы слабо владели палайским языком и именно поэтому лишь спорадически использовали гетерограммы.

В то же время, в отличие от того, что мы наблюдаем в палайских текстах, для лувийских текстов нет оснований предполагать, что мотивацией для использования гетерограмм могла стать схожесть определённых лувийских лексем с соответствующими хеттскими: во многих случаях известно, что это не так.

Тем не менее, требует объяснения тот факт, что частота гетерографических написаний в лувийских текстах заметно ниже, чем в хеттских текстах, несмотря на то, что уровень владения лувийским языком в писцовой среде едва ли мог быть существенно ниже уровня владения хеттским. С одной стороны, малое количество гетерограмм в лувийском контексте могло быть связано с тем, что у лувийского языка во времена создания этих текстов не было такой обширной письменной традиции, как у хеттского языка, и, очевидно, было меньше устойчивых соответствий между лувийскими лексемами и гетерограммами. С другой стороны, заметную роль могли играть и жанровые особенности лувийских клинописных текстов, о которых ведётся речь. Как уже было сказано, большинство клинописных лувийских памятников представляют собой записи заклинаний и тексты ритуалов, которые писцы старались максимально точно отразить на письме на языке оригинала для того, чтобы в дальнейшем текст мог быть использован в магической практике. Широкое использование гетерограмм для замены фонетических написаний могло бы внести в запись этих текстов неуместную в данном случае неоднозначность. В то же время использование детерминативов неоднозначности в текст не вносило – и поэтому детерминативы в лувийском контексте представлены едва ли заметно меньше, чем в хеттских текстах.

3. Функции гетерограмм

Как представляется, основной мотивацией для использования в палайских и лувийских текстах гетерографических написаний являлось стремление к аббревиации. Такой вывод позволяет сделать, в частности, сравнение копий одного и того же текста. Так, например, при сопоставлении палайского фрагмента KBo 19.152 obv. i (CX) с его позднейшей копией KBo 19.153 rev. ? iii (HX) можно заметить, что на месте многих фонетических написаний в исходном тексте писец при переписывании употребил шумерограммы, сокращая при этом общее число знаков, которые ему пришлось написать.

Несомненным свидетельством стремления писцов к аббревиации при использовании гетерограмм является также использование и в палайских, и в лувийских клинописных текстах шумерограммы KI.MIN 'то же самое', функционально идентичной современным типографским знакам повтора (см., например, KUB 35.165 rev. 11'–13' для палайского).

В некоторых случаях гетерографические написания могли использоваться для семантической дизамбигуации. Так, например, лувийские притяжательные прилагательные иногда сопровождалась на письме шумерографическими показателями множественного числа. В таких контекстах эти морфемы указывали на число посессора, которое в некоторых падежных формах прилагательных однозначно не выражалось: так, например, в KUB 35.48 obv. ii 15 встретилось написание SISKUR.HI.A-*ši-in* EN-*an* 'господин (=заказчик) ритуала', где шумерографический показатель множественного числа HI.A указывает на множественное число посессора, в то время как форма притяжательного прилагательного SISKUR.HI.A-*ši-in* 'ритуальный' нейтральна по числу.

В других случаях показатели множественного числа на притяжательных прилагательных могли использоваться скорее для лексической дизамбигуации, как в случае написания IGI.HI.A-za GIG-z[(a)] 'глазная болезнь' (KUB 35.88 rev. iii 15).

В анатолийской клинописи шумерограмма IGI имела несколько различных значений: помимо того, что она имела значение 'глаз', с её помощью могли записываться и некоторые другие лексемы, например, хетт. *menahhanda* (IGI-*anda*). В тех случаях, однако, когда шумерограмму IGI на письме сопровождал показатель множественного числа HI.A, IGI использовалась со значением 'глаз'. Таким образом, в контексте выше шумерографический показатель множественного числа HI.A указывает на то, что шумерограмма IGI соответствует лувийскому притяжательному прилагательному со значением 'глазной'.

4. Выводы

В данной статье было показано, что состав и частотность гетерограмм, использовавшихся при записи лувийских и палайских текстов, определялась жанром текста, а также степенью компетенции писца в том или ином языке. Также был сделан вывод о том, что основной функцией гетерограмм в палайском и лувийском контексте была аббревиация.

Источники

1. KBo = Keilschrifttexte aus Boghazköy.
2. KUB = Keilschrifturkunden aus Boghazköy.

Литература

1. Касьян А.С. & Шацков А.В. Палайский язык // Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик (ред.). *Языки мира: реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии*. М.: Академия, 2013. С. 97-106.
2. Якубович И.С. Лувийский язык // Ю. Б. Коряков, А. А. Кибрик (ред.). *Языки мира: реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии*. М.: Академия, 2013. С. 106-130.
3. Kudrinski, M. & Yakubovich, I.S. Sumerograms and Akkadograms in Hittite: Ideograms, Logograms, Allograms or Heterograms? // *Altorientalische Forschungen*. 2016. Vol. 43 (1-2). S. 53-66.
4. Starke F. *Die keilschrift-Luwischen Texte in Umschrift*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985.
5. Weeden M. *Hittite Logograms and Hittite Scholarship*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011.

**Морская лексика в арабском языке
(к вопросу о формировании словарного состава языка
и о его языковой картине мира)**

1. Введение

Арабскому мореплаванию и его истории посвящено много отечественных и зарубежных трудов, которые опираются на археологические, этнографические и письменные источники¹.

Данная статья представляет первый опыт лингвистического исследования арабской лексики, связанной с морем и мореплаванием. Языковой, а именно лексический, материал представляет объективный источник, в котором отражается языковая картина мира древних жителей Аравийского полуострова, преимущественно сухопутных кочевников, скотоводов и, частично, земледельцев. Как язык сухопутного общества осваивает водные пространства и способы их преодоления?

Первые известные способы преодоления водных преград на Ближнем Востоке археологи и историки относят к середине III тысячелетия до н. э. ([Шумовский 1985, с. 19]). Речное и морское судоходство активно развивалось в эпоху древнеегипетской цивилизации в долине Нила и на Красном море, в эпоху шумеро-аккадской цивилизации – в долинах Тигра и Евфрата и в Заливе. Бассейн Средиземного моря осваивали финикийцы.

Древние жители Аравийского полуострова в силу его географического положения оказались в разных природных условиях, которые определяли их образ жизни и хозяйства.

Так, на южном побережье Аравийского полуострова следы рыболовецких поселений восходят к древнейшему периоду *досайхадской* цивилизации².

Жители Внутренней Аравии, не располагая большими водными ресурсами и не имея водных путей сообщения, вели кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, а в благоприятных условиях земледелием [Бруннер 2004].

Вместе с тем ранние памятники арабского языка свидетельствуют о том, что древним жителям Внутренней Аравии были знакомы большие водные пространства и средства их преодоления. Морская лексика отмечается как в тексте Корана, так и в доисламской поэзии. Рукописное наследие эпохи расцвета арабской культуры, эпохи развития географической литературы, явившейся следствием развития как сухопутных, так и морских путешествий, дает новый пласт терминов, связанных с морем и мореплаванием.

В лексическом фонде арабского языка и современных арабских диалектов мы выделяем первичную и производную лексику, обозначающую природные объекты, и специальную (терминологическую) лексику, обозначающую первые и простейшие средства передвижения на воде.

В разделе культурной лексики анализируются наиболее известные и употребительные наименования плавательных средств и их оборудования. Специальные названия различных видов судов и снаряжения не рассматриваются.

Естественно, что процесс формирования лексики, обозначающей природные объекты и явления, и процесс формирования культурной лексики, относящейся к артефактам, происходили в разные исторические эпохи. Однако каждый из них является показательным.

1. Природные объекты

1.1. Базовая лексика, первичные (непроизводные основы)

1.1.а. *Arab yamm-* «море; большая река»: *Sem Akk Bab iāme Ug ym Ph ym Hbr yām Aram Syr yamm-ō* [Fronzaroli 1965, p. 288; KB, p. 383; Bustāni II, p. 2447; BK II, p. 1634]. Лексема отмечена в тексте Корана: *...fa nabaḏnā-hum fi l-yammī* [Q, p. 28-40]... «и бросили Мы их (о войске фараона) в море» [Крачковский 1963, с. 310]. Также – [Q, p. 7-136, 20-39, 78, 97; 28-7; 51-40]¹.

Входит ли лексема *yamm-* «море» в лексический фонд арабского языка как единица общесемитского наследия или же является заимствованием из арамейско-сирийской лексики? Часть семитологов и арабистов относят лексему к фонду северо-западных семитских языков, а в арабской лексике считают заимствованием из арамейско-сирийского [Fronzaroli, *ibid.*; Zammit 2002, p. 445-446]. Другая часть оставляет вопрос открытым [Ambros 2004, p. 300].

¹ См. работы В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, Т.А. Шумовского с большим обзором специальной литературы на данную тему [Шумовский 1985, с. 533-540]; также по арабской географической литературе [Странствие... 2015].

² О древнейших прибрежных поселениях и периодизации культур [Амирханов 2004; Французов 2014, с. 60-63].

¹ Традиционный комментарий к Корану *yamm- baḥr-* (*yamm-* «море, большая река, Нил») [20-39; 51-46] может свидетельствовать о малой известности и ограниченной употребительности лексемы *yamm-* в арабоязычном обществе.

В арабской традиционной лексикографии корневая основа *yamm-* имеет ограниченное гнездо производных форм: глагол/пассив – «быть брошенным в море; разливаясь, выйти из берегов (о море)» [Bustānī, p. 2447; BK II, p. 1634]; производная глагольная форма (V-Stem) – «обмазываться песком, золой, сухой землей в качестве омовения (за неимением воды)» [ibid.].

Основы-омонимы *yamm-* / *yamat-* / *yamām-at-* «дикий голубь»; и глагольные *ymm* (V-Stem) «стремиться к чему-л., направляться к чему-л.» [ibid.] возникают как корневые фонетические варианты основ *ḥatām-* «голубь» и *'mm* «быть впереди, перед; направляться» в результате чередования *ḥ:u* и *'u* [Юшманов 1998 (1938), с. 154-156].

Контекстное употребление лексемы *yamm-* «море» в Коране отмечено в тех частях текста, которые связаны в историями Ноя [20-97] и Моисея [20-39].

Как термин, противопоставляющий водный объект суше, лексема *yamm-* в тексте Корана не отмечена. Ср. в библейском тексте: «и назвал Бог сушу (*yāḥašā*) землю, а собрание вод (*miqwē ḥatāmāyim*) назвал морями (*yāmīm*)» [Книга Бытия, стих 10; англ. пер. Genesis, стих 10]; тогда как противопоставление «суши и моря» в тексте Корана использует термины иного происхождения: *...wa ya 'lamu mā fi l-barrī wa l-baḥrī* [Q, p. 6-59] «знает Он, что на суше и на море» [Крачковский 1963, с. 110]. Также [Q, p. 6-63, 27-63, 30-41].

Следует отметить, что лексема **yam(m)-* образует «большую изоглоссу», включающую помимо семитских языков и другие языки афразийской макросемьи: Sem **yam(m)* Eg *'im/jm* (<Sem)¹ Copt *CIOM/IOM/IAM* «море» Cush Bed *yam* «вода, река» Chad **jama* «вода» [Дьяконов 1965, с. 42; Долгопольский 1973, с. 185].

В семитологической и афразийской компаративистике сопоставляются возможные реконструкции Afras **mā'y-* «вода»: Sem **yam* / **yamm* «вода, река» [ibid.].

1.1.b. Arab *baḥr-* – «море; большая река; большое водное пространство» [BK I, p. 88]. В семитских: ESA : Sab *bḥr* «море; водоем; цистерна» [Müller 2010, p. 146; Biella, p. 39]. В сабейском следует отметить контекст, в котором термин *bḥr* противопоставляется термину «суша»: *b-bḥr-n w-ybs-n* «on sea and dry land» [Biella, p. 39] «на море и на суше». Ethioseme : Gz *bāḥr* «sea / море; lake / озеро; ocean /

¹ Eg *im/jm* «das Meer / море» [E/G I, p. 78] отмечается в древнеегипетском как относительно позднее заимствование (Dip. 18) из северо-западных семитских. Собственно египетское название *wzd- wr* «Meer / море» [E/G I, p. 269] связано, по-видимому, с названием цвета *wzd* «das grosse Grün / большая зелень» < *wzd* «зеленый, зеленеть» [ibid., p. 264].

океан; large river / большая река»; Te *baḥr* Tna *baḥri* Har *bāḥar* Amh *bahər/bar* «sea / море» [Leslau 1987, p. 91].

Как заимствование отмечается в Sem Aram-Syr *baḥr-ā* (< Arab) «море» [Fronzaroli 1968, p. V-288; DRS I, p. 56-57; Leslau 1987, p. 91]. Также как заимствование отмечено в кушитских: Bilin *bāḥar* Sa *bāḥerā* Bed *behār* Qem *bār* [Reinisch, p. 319; Leslau, 1987, p. 91]. В других контактных языках как заимствования следует отметить *baḥr* «море» в персидском и в курдском [ЭСКЯ, I, p. 110].

Название *baḥr-* образует более ограниченную, «южную» изоглоссу. В отличие от семитской корневой основы **yam(m)-*, которую гипотетически можно возвести к древнейшей базовой основе **mā'y-* «вода», корневая основа *baḥr-* не имеет в языках «южной» изоглоссы каких-либо семантических связей с понятиями воды и водоемов. Напротив, в арабской лексической системе корневая основа *bḥr* образует названия, характеризующие земное пространство: *baḥr-at-* «страна, местность; дуг, низина (также – «болото», «поселение у реки)» [Bustānī, I, p. 74; BK I, p. 88-89]¹. Ср. также в Sem : ESA Sab *bḥr* «sea / море» и «côte littoral / морское побережье», «dépression / низина», «plaine / равнина» [SD, p. 27; Biella, p. 39]; Ethioseme : Gz *bāḥer* «region, land / область, страна» [Leslau 1987, p. 91]; (?) Akk *būr-u* (II a synonym for «open country» / синонимическое обозначение открытой местности, территории» [CDA, p. 39].

Рассмотренный круг значений позволяет предположить, что термин *baḥr-* как обозначение обширного водного пространства восходит к общему понятию «обширное открытое пространство», которое сухопутные жители использовали уже и для обозначения открытого водного пространства.

1.1.c. Arab *mawḡ-* «волна»; v. *mwḡ(ū)* «волноваться, бушевать (о море); колебаться, колыхаться; дрожать, трепетать» (< **mwḡ*) [Bustānī, II, p. 2104; BK, II, p. 1160].

Sem Hbr *mwḡ* (v.) «wanken / колебаться, колыхаться»; (nif.) «wogen / волноваться, бушевать, колыхаться» [KB, p. 501]; Ethioseme : Gz *mogad* / *mawḡad* Tna Amh *mogad* Amh *māwḡ* Te *moḡ* «wake, flood, tempest / волна, прилив, подъем воды, буря» [Leslau 1987, p. 332]; MSA *māwḡat* EC *mibḡat* (pl. *mōḡ*) «wave / волна; rough sea / бурное

¹ В традиционной арабской лексикографии именная форма *baḥr-* определяется «от противного»: «*baḥr-* противоположность *barr-* «суша»; для уточнения добавлялось определение *baḥru l-milḥi* или *al-baḥru l-māliḥu* «соленое (волное) пространство» [Bustānī, ibid.]. Ср. название моря в нубийском языке (Донгола), где это название образуется от названия более близкого объекта: Nub *uru* «река» > *umbudn uru* «соленая река/море» [Armbruster 1965, p. 209].

море» [Johnstone 1987, p. 274]. Формы в эфиосемитских и современных южноаравийских языках могут свидетельствовать об их заимствовании из арабского (*mawg-at-* «волна», имя единичности). В арабском именная форма входит в корневое гнездо глагольных и производных форм, связанных с понятием колебательных движений.

Лексема *mawġ* (*mawg-*) в прямом и переносном значениях отмечена в тексте Корана (о деяниях неверующих): *...ka zulumātīn fī baħrin luġiyyun taġšā-hu mawġun min fawqi-hi mawġun min fawqi-hi siħābun* [Q, p. 24-40] «...как мрак над морской пучиной. Покрывает ее волна, над которой волна, над которой – облако» [Крачковский 1963, с. 280]; и в доисламской поэзии: *'atat qabā'ilu Kalbīn tamūġu ka-mawġi l-baħri taħta ġamāmatīn* [Полосин 1995, с. 436] «Явились кальбитские племена, бушующ подобно бушеванию моря под тучами».

В специализированной лексике кочевого общества производная форма передает более узкое значение: *mawġā* (n. f.) – «верблюдица, у которой во время бега ёрзают подпружные седельные ремни» [Bustānī, II, p. 2104].

По ареалу распространения корневая основа **mwg* «волна» образует «южную» изоглоссу.

1.2. Производная лексика, заимствования

1.2.a. *Arab muħīt-* «океан» [BK, I, p. 515] <*al-baħru l-muħītu* «окружающее море». Форма *muħīt-* (part. act.) < v. *ħwt* (IV–Stem) «окружать / оберегать» [Bustānī, I, p. 475; Гиргас, с. 195]. В традиционной лексикографии как самостоятельное обозначение «океан» не отмечается (см. [Bustānī, I, p. 475]). Равно как и в энциклопедическом словаре XX в.: *al-baħru l-muħītu – huwa l- 'uqiyanūsū...* «море окружающее – ὠκεάνης – «океан» (греч.), окружающий сушу (*yābisat-*) со всех сторон» [Мундж., с. 162].

В Коране форма активного причастия *muħīt-* отмечена в своем основном значении *wa li-llāhi mā fī s-samāwāti wa mā fī l-arḍi wa kāna – llāhu bi-kulli šay'in muħītun* [Q, p. 4-125/126] «Аллаху принадлежит то, что в небесах, и то, что на земле; и Аллах всякую вещь объемлет» (объемлющий) [Крачковский 1963, с. 84].

Таким образом, можно предположить, что понятие «океан» формируется позже и получает специальное наименование на основе производной конструкции «море окружающее [сушу]». Определение «окружающее» (*muħīt*) впоследствии «отрывается и становится самостоятельным термином. По происхождению вся конструкция представляет семантическую кальку с греческого «океан – кругосветная река, окружающая сушу».

1.2.b. *Arab rāmūz-* «море» [Bustānī, I, p. 795-796; BK, II, p. 1099] – именная форма данного значения включается в гнездо консонантного трехсогласного корня *rmz*, полисемичного как в глагольных, так и в именных формах. Значение *rāmūz-* представляется в данном гнезде изолированным. Одно из многих значений глагольного корня *rmz* «быть подвижным, в постоянном движении» позволяет предположить окказиональное образование отглагольного прилагательного. Возможно так же предположить местный субстрат¹.

1.3. Наиболее ограниченную семитскую «морскую» изоглоссу составляет название моря в современных южноаравийских языках:

MSA : *Mhr rawrām Jib remrem Soq rānhām* «sea / море» [Johnstone 1987, p. 333] *Hōbyot* (Oman) *rawrām* id. [Nakano 2013, p. 204-205].

Соответствия в семитских языках не обнаружены.

Лексика единого происхождения образует, таким образом, узкую «южноаравийскую» изоглоссу.

2. Культурная лексика. Простейшие плавательные средства

2.1. Первичные (непроизводные) основы

2.1.a. *Arab ramaṭ* «плот из бревен» [Bustānī, I, p. 794; BK, I, p. 921]. В однокорневом гнезде представляется изолированной именной основой. Слабая семантическая связь прослеживается с единственной производной формой (part. pass. I-Stem) в словосочетании *bi'run marmūṭatun* «колодец, стенки которого обложены деревом (а не камнем)» [Bustānī, ibid.; BK I, ibid.]. Однокорневые именные формы иного значения: *ramaṭ-* «остаток молока в вымени дойной самки; ремень, которым прикрепляют к поперечной перекладке бурдюк с молоком, чтобы, раскачивая его, сбить масло». Таковы же другие именные формы: *rimṭ-* «вид горьковато-соленого растения, которым питаются верблюды»; «вид кустарника из семьи тамариска, растет в песках и хорошо горит, давая много углей» [BK I, p. 921].

Sem : *Ethiosemit* : *Gz rams / ramas* [Leslau 1987, p. 471] MSA : *Soq remeš* [ibid.] «плот». ADD : *Yemen ramaṭ* (Тихама – побережье Красного моря); *Aden ramaš* «плот», *ramaš* «плот для рыбной ловли» [Behnstedt, p. 463; Piamenta, p. 188].

¹ Ср., например, именную основу аналогичной морфологической модели *C₁āC₂ūC₃- māzūr-* «espèce d'oiseau que les marins observent et qui leur présage une mer tranquille lorsqu'il pond sur le rivage» [BK II, p. 1099; Bustānī, II, p. 2043] «некая птица, по поведению которой моряки определяют: если она откладывает яйца на берегу, то море будет спокойным».

Обнаруженный материал позволяет наметить особую изоглоссу южного ареала языков побережья Аравийского и Красного морей.

Следует отметить, что в приведенных диалектах функционирует и «свой» консонантный глагольный корень *rmf* в сугубо «сухопутном» значении: «прореживать, пропалывать дурру (злаковое зерновое растение) через 20 дней после посева» [ibid.].

2.1.b. Arab *tawf* / *tūf* «плот, паром, составленный из надутых бурдюков для плавания по воде и перевозки грузов» [Bustānī, II, p. 1264]; «для переправы через реки» [BK, II, p. 120-121]. В других семитских языках соответствия (или заимствования) не обнаружены. В арабских диалектах ADD : Yemen (v.) *tawf* «пустить в плавание»¹; (n.) *tōf* (pl. 'atwāf) «большая циновка из соломы» [Piamenta 1991, p. 310]; Yemen Tihāma *tūf* «плот» [Behnstedt, p. 791].

В данном значении лексема *tawf* образует узкую «арабскую» изоглоссу.

В арабском корнеслове гнездо консонантного корня **(w)f* включает корневые основы различного происхождения:

(1) Глагольная основа *tawf* «обходить вокруг чего-либо». Далее наблюдается развитие в двух семантических направлениях: (а) «обходить вокруг какого-либо святилища, посещать памятное место, навещать»; (б) «совершать обход, патрулировать (> патруль, ночной дозор)». Ср. Sem Akk *tāp*- «to twist, wind» [CDA, p. 413] «крутить(-ся), вить(-ся); вертеть(-ся)»; ESA : Sab *tawf* «umherlaufen, kontrollieren» [Stein 2010, p. 733] «бегать взад-вперед, вокруг, обегать; проверять»; MSA : Mhr v. *tōf* (*yətāwif*) «to scout, reconnoitre; to visit» [Johnstone 1987, p. 412-413] «разведывать; посещать (больного)».

(2) Глагольно-именная основа Arab *tawf* «наводнять, переполнять»; *tufān*- «ливень; поток; потоп» [Bustānī, II, p. 1264; BK, II, p. 120-121]. Так же – Sem **tVP* / **twP* «наполнять; потоп». Основа реконструируется на сравнительном материале афразийских языков как **tVf* / **twf* «to overflow / переполнять; to drip / течь, капать» [HCVA 1995, # 4, p. 32].

Сравнительный материал других афразийских языков свидетельствует о том, что полисемия арабских основ *tawf* (1) и *tawf* (2) отражает их различную этимологическую историю: если *tawf* (2) < Афраз

¹ В современном литературном арабском и в некоторых арабских диалектах можно отметить вторичное образование глагольной основы со значением «плавать, держаться на воде» [Баранов 1976, с. 484-485; М/С, с. 309].

**tVf* / **twf*, то Arab *tawf* (1) может восходить к Sem **t(w)P*, т. е. – к корням различного консонантного состава.

2.2. Производная лексика, заимствования

2.2.a. Arab *ām-at*- «бурдюк, надутый воздухом, для водной переправы» [BK, II: 413]; в арабской лексикографии объясняется через *tūf* : *ām-at- at-tūfi llaḏī yurkabu fi l-mā'i* [Bustānī, II, p. 1474] ...« *tūf*, на котором переправляются по воде». Входит в гнездо глагольной основы *'wm* «плыть (о человек, животном, о плавсредствах)», также – «идти маршевой поступью (о верблюде)». (?) ESA : Sab ('wm) *'m* (perf.) «march, proceed / двигаться походным порядком, маршировать» [Biella, p. 358]. В других семитских языках корневая основа *'wm* в сходных значениях не отмечена. (?) АДД Сир. диалект *'wm* (II-Stem) «быть залитым водой, быть переполненным водой» [М/С, с. 351]. Семантика, хотя и связана с водой, но к понятийному полю «движения по воде» мало соответствует.

2.2.b. Arab *kalak*- «барка; плот, паром». Термин включается в словарь литературной лексики с пометой территориального функционирования – (Ирак) [Баранов 1976, с. 697; Bustānī, II, p. 1873; BK, II, p. 925]. В арабской лексикографии объясняется как *tawf*- и отмечается как заимствование из персидского языка. В других арабских диалектах основа с данным значением не отмечена.

Sem Akk *kalakk-(um)* II «a kind of box / вид короба; кузов повозки», NA *kelek* «raft / плот»¹.

Древнеаккадский термин проникает как в другие семитские языки (также – в арабский), так и в другие контактные языки месопотамского ареала более позднего периода: перс. *kālāk* *курд.* *kalāk* / *kalak* / *kalik* «плот из бурдюков; паром; лодка» [Миллер 1953, с. 404; ЭСКЯ, I, с. 506].

Древний термин *kalak*- в системе древнейших плавсредств формирует, таким образом, «месопотамскую» изоглоссу.

3. Лодка, судно (как родовой термин)

3.1. Arab : непроезженные термины не обнаружены.

3.2. Производная лексика, заимствования

3.2.a. Arab *markab*- «судно» < «любое транспортное («ездовое») средство: повозка, лодка, корабль, челнок» [BK, I, p. 912-914]. Более общее определение в арабской лексикографии: *markab- fi- l-burri wa l-baḥri* [Bustānī, I, p. 788-789] «ездовое средство на суше и

¹ Подробное описание «парома/плота – *kalakku*» в древней Месопотамии см. [Шумовский 1985, с. 22].

на море». В арабском – производная именная форма образована от глагольной основы *rkb* «ездить верхом». Трехсогласный корень восходит к общесемитскому корнеслову: *Akk rkb* «to ride, mount, ride on chariot, boat, animal / ездить верхом (на животном), на повозке, на судне [CDA, p. 266] *Ug Hbr Aram Syr Mnd ESA : Sab Ethiosemit : Gz; MSA rkb* idem. [KB, p. 890-891; SD, p. 117; Leslau 1987, p. 469; Johnstone 1987, p. 322-323]¹.

В значении «лодка, судно» термин *markab* отмечается также в *Ethiosemit : Gz markab* [Leslau 1987, p. 664] *MSA : Mhr mārkeb* [Johnstone 1987, p. 493]; в кушитских: *Bed merkab / mirkab* «grosses Schiff / большое судно» [Reinisch, p. 326]. С тем же значением функционирует в современных арабских диалектах.

В арабском языке узкое (специализированное) значение глагольной основы «садиться верхом, ездить верхом на животном» расширяется по мере развития и освоения новых средств передвижения. Ср. в тексте Корана [43-12]: ...*wa ḡa'ala la-kum mina l-fulki wa l-an'āmi mā tarkabūna* «...и сделал Он вам из судна и животных то, на чем вы ездите» [Крачковский 1963, с. 388]. В более «литературном» переводе «сотворил вам для езды и суда, и животных». В современном арабском используется в контекстах с новыми видами транспорта (автобус, автомобиль), *rākib-* (part. act. I–Stem) (pl. *rukkāb*) – «верховой, наездник»; также «пассажир».

В персидском *markab* заимствован также в двух значениях: «верховое животное»; «судно, корабль» [Миллер 1953, с. 484].

3.2.b. *Arab safīnat-* «судно, корабль». Лексема отмечена в лексике доисламского периода [Полосин 1995, с. 227] и в тексте Корана: *amma s-safīnatu fa kānāt li-masākīna ya'malūna fi l-baḥri* [18-79/80] «что касается судна, то оно принадлежало беднякам, [которые] работали в море» [Крачковский 1963, с. 236]². Лексема является ранним заимствованием из северо-западных семитских: *Aram Syr spitt-ā* (< *səpīn-t-ā*) «судно, корабль» [Ambros 2004, p. 134]. *Sem : Akk NA sapīnat-u / šappīnat-u* «boat» (< *Aram*) [CDA, p. 317] «лодка, судно»; *Hbr sapīna* «Schiff (mit Deck) / судно (с палубой)», *sappān-* «Schiffer / моряк» [KB, p. 664-665] *Mnd spīnt-a* «судно» [ibid.]. Ср. *Hbr* (n.) *sippān* «Decke eines Raums / покрытие, потолок», (v.) *spn* «decken mit Holz überziehen / покрывать (деревом)» [ibid.]. В *Arab* также: *saffān-*

¹ Второе значение основы **rkb*, связанное с физиологическими понятиями, см. [SED, I, p. 316-317, № 60].

² Также [Q, p. 29-15] в истории Ноя.

«qui construit des vaisseaux, architecte naval / корабельщик, кораблестроитель» [BK, I, p. 1102-1103]; *ma-sfan-* «верфь» [Баранов 1976, с. 361]¹. В других контактных языках: *MSA : Mhr saḡyēn / saḡyēn* (pl. poet.) «ships / корабли» [Johnstone 1987, p. 343] (< *Arab*) *Kypd saḡīna* «корабль, судно» [ЭСКЯ, II, с. 227].

3.2.c. *Arab fulk-* (m/f.) «судно, корабль, челнок» [BK, II, p. 633; Баранов 1976, с. 609]². Лексема отмечена: в доисламской поэзии: ...*fulkun mušarra'atun 'ala l-'amwāḡi* [Полосин 1995, с. 378] ...«парусное судно на волнах»; в тексте Корана: ...*wa saḡḡara la-kumu l-fulka li-taḡriya fi l-baḥri bi-amri-hi...* [14-32/37] ...«и Он [Аллах] подчинил вам суда, чтобы они ходили в море по Его повелению»... [Крачковский 1963, с. 202]. Лексема косвенным образом или непосредственно заимствована из греческого *epholkion* «небольшая лодка на буксире у корабля» [Ambros 2004, p. 2016]³. *Sem : ESA : Sab (*flk)* (< (pl.) *'flk* «ship / судно, корабль» [SD, p. 44], ср. в контексте ... *'s'dq- m w-'flk-m* «...ferry boats and fellucas» [Biella, p. 404] «паромы и фелюги».

Арабская корневая основа *flk-2* именного значения «орбита (небесного тела), небесная сфера» со вторичными глагольными производными основами восходит к общему семитскому фонду: *Sem *plk* «крутить (веретено), скручивать (прясть); круговращение»; *Akk pilakku Ug Ph Hbr Aram* (idem.); *Ethiosemit : Gz falak* «celestial sphere, orbit» [Leslau 1987, p. 159] < *Arab* «небесная сфера, орбита».

4. Средства передвижения на воде.

4.1. «Весло < грести»; «весло < крыло».

4.1.a. *Arab v. qdf* «грести веслами» (I, II–Stem) < «бросать / отбрасывать, метать» [Баранов 1976, с. 627; BK, II, p. 696]; *miqdāf-* (*mi-qdāf-*) («имя орудия действия») «весло» [ibid.]. *Sem Ethiosemit : Tna qāzafa Te qāzfa Amh qāzafa* «row, steer (a boat)» [Leslau 1987, p. 257-258] «грести; рулить (веслом), управлять лодкой» *MSA : Mhr maqdāf C muqdef Soqotri muqdif* «oar» [Johnstone 1987, p. 224] «весло»; *Höbyot qəḡōf* «to row» [Nakano 2013, p. 128] «грести».

¹ В то же время отметим в арабском «свое» корневое гнездо: (v.) *sfn* «сдирать (кожу, шкуру), стирать, сметать что-л. с поверхности (о ветре, поднимающем пыль)»; (n.) *safan-* «предмет с шершавой поверхностью для очистки и выравнивания другой поверхности (наждак)» [BK, I, p. 1102-1103; Баранов 1976, с. 361].

² В соответствующем контексте – «Ноев ковчег».

³ *Arab fulūkat* – «лодка, шлюпка; фелюга» [Баранов 1976, с. 609] в своей вторичной форме входит в европейские языки как «фелюга» [BK, II, p. 633].

Глагольная корневая основа в арабском корневом фонде имеет широкий круг значений, часть из которых может представлять результат более позднего семантического развития. Ср.: «бросать (в кого-либо камни)» > «праща, катапульта»; «забрасывать грязью», «выплесывать» > «оскорблять». В кругу значений «бросать, отбрасывать» возможно семантическое развитие в направлении «гребли на воде». Ср. объяснение в энциклопедии, данное «веслу»: *miqdāf- ḥašabatun tuḍrabu fi l-mā'i wa tuḍfa 'u l-markabu 'ila l-'amām* [Мундж., с. 615-623] «*miqdāf-* деревяшка, которой бьют по воде и толкают судно вперед».

Вместе с этим следует учесть иную, возможную, линию развития значения «гребли». В корневом гнезде *qdf* отмечены именны основы *qadf-* / *qadaf-* / *qadf-at-* «give, berge, bord» [BK, II, p. 696] «берег, крутой береговой откос, край». Учитывая эти формы (непроизводные), можно предположить семантическое развитие характеристики движения «от берега», от которого «отталкиваются» сначала – шестом, позже – веслом.

Этимологическое исследование консонантного конца *qdf* осложняется фонетическим явлением, отмечаемым для консонантной системы как арабского, так и других семитских языков. Это явление известно как «чередование согласных» и «корневые варианты» в семитских языках» [Юшманов 1998 (1938), с. 130, 144-147; Майзель 1983; Zemánek 1996]. В арабской лексикографии рассматриваемый нами (условно – как первичный) **qdf* имеет следующие фонетические варианты¹: *ḡdf* «грести» (с чередованием *q* : **g*); *ḡdf* [idem] (с чередованием *ḡ* : *d*, *q* : **g*) [BK, I, p. 265, 269]. Ср. также производные формы: *ḡādīf-* «gameur, marin / гребец, моряк»; *ḡādīf-* «game, aviron / весло» [BK, II, p. 440], где в консонантном корне (*q* : *ḡ*)². (Примеры аналогичных фонетических чередований см. также в [Zemánek 1996, p. 24-28; 60-61]. *Arab ḡdf* «грести» можно сопоставить с *Ethiosem* : *Gz ḥdf / ḥaddafa* «row, steer (a boat) / грести, управлять, рулить (судном), также *ḥadaf / ḥaddāf / māḥaddaf* «oar, rudder / весло, рулевое весло, руль» [Leslau 1987, p. 257-258]. Нарушение регулярного соответствия (*Arab ḡ* : *Gz*) может свидетельствовать о заимствовании.

В сопоставлении с семитским корнесловом *Arab qdf* (v.) в значениях «бросать, отбрасывать, забрасывать камнями; > тошнить, вы-

¹ С учетом, что *Arab ḡ* < **g*. Аффрикатизация среднеязычного **g* происходит в исторический период, отмечается уже с X в. н. э.

² Следует упомянуть близкий по «морской» тематике термин *ḥadaf* «якорь» (< *ḥdf* «бросать, ронять») [BK, I, p. 547], где возможно чередование *q* : *h*.

плесывать; > оскорблять, поносить» представляется корневым вариантом *Sem *gdp / gdp*. Ср. *Sem* : *Hbr gdp* «werfen (Steine, Anklage («бросать (камни, обвинения) *Aram Syr Mnd gdp* idem., *Arab ḡdf* (< *gdf*) idem. *Ethiosem* : *Gz Te Tna Amh gdp* idem.; (?) *ESA* : *Sab ḡdf* «be stubborn / упрямиться, кощунствовать» [DRS, II, p. 102; KB, p. 172; BK, I, p. 265; Leslau 1987, p. 181; Biella, p. 66]¹. Поскольку не весь семитский материал имеет параллельное значение «грести, гребля», можно предположить, что *Arab qdf* совмещает два относительно разных значения от корней разного фонетического состава: (1) «грести» < **qdf/p*; (2) «бросать, швырять» < **gdp / *gdp*. Первая предложенная линия этимологического развития «бросать, отбрасывать» > «отталкиваться» > «грести» отражает результат семантической контаминации: «забрасывать весла в воду» и «отталкиваться от воды».

«Весло» – крыло».

Фонетические варианты арабскому *qdf* «грести / весло», а именно, – *ḡdf / ḡdf* (где *ḡ* < **g*) открывают еще одно направление семантического развития или контаминации значений. Ср.: *Arab ḡdf / ḡdf* наряду со значениями «бросать, метать» имеют значения «voler, voltiger / летать, порхать» [BK, I, p. 265, 269], «двигать крыльями, руками, заводя их назад» [ibid.]. Более детальное пояснение характера движения подводит к следующему значению – «грести». Ср. также производную полисемантическую именную форму *miḡdāf-* «стрела; крыло (птицы); весло» [ibid.] и другой фонетический корневой вариант *ḡudāf-* «aile noire / черное крыло» [BK, II, p. 440]².

Этимологическая история консонантного корня рассматривается семитологами в двух направлениях:

(a) *Arab ḡdf* «летать; крыло», соответствия в *Sem* : *Aram (Syr) ḡadap* «летать» *Akk a-gapp / gapp Hbr Postbibl. gap Aram gadp-ā / gappā Mand gdp NSyr gepp-ā* «крыло» [DRS, II, p. 102] < *Sem *gVp*;

(b) *Arab miḡdāf-* «крыло» *JudAram gadp-ā Mnd gadpa* < *Sem *gadp-* «wing / крыло» [SED, I, p. 70, № 74].

Движение парными конечностями – «махать крыльями» вполне могло послужить прообразом названию движения «махать веслами», когда появляются лодки и суда с парными веслами.

¹ К этой группе корневых фонетических вариантов следует добавить также *Arab ḥdf / ḥdf* «бросать, швырять» [BK, I, p. 547, 549], где чередуются *q/h* и *d/d*.

² Спецификация по цвету связана с однокорневым именем *ḡudāf-* «ворон / ворона» [ibid.].

Термин *miqdāf*- (с фонетическими вариантами) образует «южную» изоглоссу, охватывающую языки Южной Аравии и Восточной Африки.

4.1.b. «Периферийные» весла

(1) Arab *sayb*- «деревянный брус / шест, которым сталкивают лодку на воду» [Lane, p. 1481; Bustānī, I, p. 996; BK, I, p. 1173]¹. Arab DD : Yemen *sayb* «long-bladed oar / весло с длинной лопастью», также «Ruder / рулевое весло» [Piamenta, p. 240; Behnstedt, p. 600-601]; Hadramout *sāba(t) / sīb* «весло»; *sayyab* (v. II-Stem) «грести» [Landberg, Hdr, p. 172, 615]. Sem : MSA : Mhr Soq *sayb* «весло» [Johnstone 1987, p. 565] Hōbyot *sēb* id. [Nakano 2013, p. 128-129]. Cush : Beq *sēb / sib* «Ruder / весло» [Reinisch 1895, p. 322].

Термин образует ограниченную южно-аравийскую изоглоссу, восходит к лексике южноаравийских языков приморских районов полуострова.

(2) Arab. DD : Yemen *rwm* (v.) «row / грести»; *rowma / rōm* «rowing, pole, oar / гребущий шест, весло» [Piamenta, p. 188]; также *rōm* «Stake / морской шест для отталкивания» [Behnstedt, p. 475]; *rūm-at-* «perche du bateau / лодочный шест» [Landberg, Hdr, p. 172]. Ср. в другой форме *rūmīyu* «routelle / маленькая балка» [Belot, p. 280].

В традиционной лексикографии дается несколько иное толкование однокорневой леммы: *roumīyu-* / *rūmīyu- širā'u s-safīnati l-fāriġa / -* «спущенный парус» [LA, p. 1783; Bustānī, I, p. 819], «the sail of an empty ship» [Lane, III, p. 1195]². При спущенном парусе переходят на греблю и судно становится гребным (?).

В арабском корневом фонде и в сравнительных материалах других семитских языков возможные соответствия не обнаружены.

По-видимому, ограниченный круг однокорневых терминов судноходной тематики восходит к южноаравийскому или красноморскому субстрату. Возможным указанием на «красноморскую» изоглоссу предполагаем Copt *pi-mrom*, которое сопоставляется с Arab *ramrīm* «navis alta»³ (древнее гребное судно?).

¹ В словари современного литературного арабского языка лексема не включена. В традиционной арабской лексикографии *sayb* объясняется через другой, арабский, термин *ardā s-safīnati* (также – *mirdā / mirdīyu-*), т. е. «брус, которым сталкивают лодку на воду» [BK, I, p. 851] < v. *rdh*(IV-Stem) «метнуть камень в кого-л.; пустить лошадь во весь опор».

² В арабской лексикографии термин *rūmīyu* «спущенный парус» противопоставляется противоположному *-murbi'- širā'u s-safīnati l-mal'ā*, распушенный парус», т. е. парус, полностью надутый ветром» [Bustānī, I, p. 720; BK < I, p. 810-811].

³ Ссылаемся на любезное сообщение венгерского египтолога Габора Такача.

4.2. «Парус»

4.2.a. Arab *širā'*- «парус». Лексема в данном значении известна в доисламской поэзии. Ср. производную форму от корневой основы *šr' : *fulkun mušarra'tun* [Полосин 1995, с. 249] «судно парусное (букв. «снабженное парусом») – part. pass. от деноминативной основы II-Stem. Как «парус» эта именная основа отмечена в традиционной арабской лексикографии и в лексике современного арабского языка (Bustānī, I, p. 1029-1030; BK, I, p. 1216-1217; Баранов 1976, с. 400).

ADD : Yemen *širā'* «Segel / парус» [Behnstedt, p. 638-639] Hadramout *širā'* id., там же отмечена деноминативная глагольная форма: *bāšarri' al-markab...* «я подниму паруса корабля...» [Landberg, Hdr., p. 139-140; 574]. Sem : Ethioseme : Gz *šarā' / šarrā' Te Tna šara'* «canvas / парусина; sail / парус», Har *šara* «canvas / парусина; tent / навес, палатка» [Leslau 1987, p. 532-533] MSA : Mhr *širē EC šerā' Soq širā'* «sail / парус» [Johnstone 1987, p. 182]. Также в кушитских: Bedaue *širā' Saho Afar sirā' / sirā* id. [Reinisch 1895, p. 331; Leslau 1987: ibid.].

В арабской лексикографии термин *širā'* включается в большое корневое гнездо *šr' с широким диапазоном глагольных и именных значений. Одно из первичных значений можно было бы отметить как «направлять к какой-либо цели». Семантическое поле этого обобщенного понятия включает более узкие, специализированные значения: (а) «вести стадо к водопою» (лексика древнего скотоводческого общества); «нацеливать (с движением снизу вверх) копье; натягивать тетиву лука» (лексика древнего кочевнического общества); (б) «направлять, нацеливать» (с направлением «вверх, наверх»: «вытянуть шею (о верблюде), «поднять что-либо наверх, водрузить» > «установить порядок, закон». Семантическая линия «направление вверх, установление чего-л. над (головой) включает соответствующие объекты с названием, производным от общего консонантного корня šr' : *širā'*- «всё, что поднято, водружено наверх» [Bustānī, I, p. 1029-1030]: «верхушка копья; тетива лука; знамя на древке; парус на мачте»¹.

Круг специализированных значений на основе понятия «поднимать . подвешивать» подробно рассмотрен на материалах йеменских и хадрамаутских диалектов начала XX века в [Landberg, Hdr].

Семантическое поле в классическом арабском языке охватывает два круга понятий, намеченных в пунктах (а) и (б).

¹ В доисламской поэзии «поднимают знамена, отправляясь в бой», «нацеливают копья» и т. п. [Полосин 1995, с. 249] – под консонантным корнем šr'.

(а) «вести стадо к водопою» (входит в лексическую систему древнего скотоводческого общества) > «направлять на истинный путь» (> «установить, предписать закон»). Ср. в бытовом тексте производную именную форму *šarī'at*- «путь к воде» [Гиргас, с. 404; ВК, I, р. 1217] и «прямой путь поведения» [Q: 45-18; Крачковский 1963, с. 397].

(б) «нацелить, направить вверх» (как древнее, одно из исходных, значение) > «установить наверху какой-либо объект» и «предписать, установить священный закон» [Гиргас, с. 404]. Ср. близкие значения в ESA : *Sab s²r'* «*ériger, construire / воздвигать, сооружать*» [SD, р. 133]; *s²r'-t* (n.) «*oberer Mauersims / верхний карниз на стене*» [Müller 2010, р. 217]. В Ethiosem : *Gz šr'* (v.) также Tne Te Amh «*set forth, in order; establish / установить порядок, закон*» [Leslau 1987, с. 532-533] < Arab; MSA : *Mhr šar'* «*Holy Law*» [Johnston 1987, р. 182] < Arab.

Судоходный термин *širā'*- «парус», восходящий к древнему кругу значений(б), образует «южную» изоглоссу языков Аравии и Восточной Африки.

4.2.b. Arab ġall- «парус». Лексема данного значения отмечена в традиционной арабской лексикографии [Bustānī, I, р. 398-399; Мундж., с. 95; ВК, I, р. 304-308]. В словарях современного литературного языка в данном значении не отмечается. В рассматриваемых диалектах в данном значении лексема не обнаружена. В привлекаемых сравнительных материалах семитских языков соответствия отсутствуют.

В пределах арабского корнеслова именные основы *ġall*- / *ġull-at*- связаны с корневым гнездом *ġll* с широким семантическим полем «покрывать (> осенять)». Ср.: Arab ġall- «попона, чепрак (лошади, осла)»; *ġull-at*-; *ġill-/ġalāl-at*- «покрывало, одеяние»; также – глагольные основы «покрывать попоной, покрывалом» > покрывать > осенять > быть великим (размером), всеобъемлющим» [Bustānī, I, р. 389-399; ВК, I, р. 307-308; Баранов 1976, с. 132; Wehr, 1952, р. 115]. В этих значениях отмечается в доисламской поэзии: *...ḥiṣānun māla 'an-hu ġilālu-hu* [Полосин 1995, с. 89-90] «...конь, с которого сползли его чепраки» (здесь – форма мн. ч. < *ġull*-).

Также – в современных диалектах: Arab DD : Yemen ġilālah «*gobe, tunic (women) / женское платье, одеяние*» [Piamenta, р. 70]; Syr D ġulāt «чепрак (для осла)»; *ġulālah* «покрывало; занавеска», (v.) *ġll* (II-Stem) «покрывать; закрывать занавеской» [M/C, с. 141] Maroc ġlāil (pl.) «оборка на женской одежде» [Ferré, р. 90] Hass ġlāl «набедренная повязка из белого покрывала поверх основной женской одежды»

[Taine-Cheikh, р. 321]. Ср. также в MSA : Mhr ġillūten (< *ġill*-) «*Decke / покрывало, попона, покрывало*» [Johnstone 1987, р. 118] < (?) Arab ¹.

4.2.c. Arab qil'- / *qilā'*- «парус» [Bustānī, II, р. 1765–1767], также *qilā'-at*- id. [ВК, II, р. 804; Баранов 1976, с. 656]. Arab DD : Maroc qlā' [Ferré, р. 176-177] Malta qala' «парус, парусина» [Bugeja, р. 115, 117] Syr. D ql' (II-Stem) «отправляться в путь» [M/C, с. 406].

В арабской лексикографии лексема включается в большое гнездо трехсогласного корня *ql'* широкого семантического поля: «вырывать (с корнем), вытаскивать; скидывать / снимать одежду; сняться с места жительства; не удержаться в седле», > «снять с поста, должности». Ср. Sem : MSA : Mhr ql' E qela' C qela' «*leave / покидать, уезжать*» [Johnstone 1987, р. 229] Ethiosem : *Gz ql'* (v.) «*uncover, open / снимать, раскрывать*» [Leslau 1987, р. 426-427], также – фонетический вариант *Gz kl'* (где *k/q*) «*pull out, undress / вытаскивать, снимать одежду*» [ibid., р. 282]; (?) Hbr ql' «*schleudern / бросать, метать камнями*»; (n.) *qela'* «катапульта, праща», однако отмечается иное значение именной формы *qela'* «*Vorhand / занавес, завеса*» [KB, р. 841]. Ср. Arab qil'- (n.) «жилет, нагрудник» [Мундж., с. 650-651], т. е. «всё, что можно «снять, скинуть»?»

Имеющегося языкового материала недостаточно, чтобы установить происхождение данного термина *qilā'* «парус»: является ли эта именная основа результатом семантического развития понятий «снимать, раскрывать > разворачивать (ткань > парус)» или же именная основа *qilā'*- (< **qil'*) входит в группу корневых вариантов с метатезой '*ql'/lq* общего значения «связывать, подвязывать, подвешивать» (см. [ВК, II, р. 319-320; 343-345]).

По данным современных арабских диалектов *qilā'*- «парус» с производными образует «средиземноморскую» изоглоссу.

5. Сравнительный анализ арабского и семитского материала показывает, что, если базовое название «воды» можно реконструировать не только для прасемитского состояния, но и для более глубокого, афразийского уровня (как **mw/y/*² [см. 1.1.a]), то для прасемитского названия «моря» общую реконструкцию установить трудно. Sem yam(m) отмечается не во всех известных нам семитских языках.

¹ Ср. также изолированные архитектурные термины в Sem : Akk gull-at-u «*capital of a column / капитель колонны*» Hbr gull-ā «*horizontal projection on pillars / горизонтальный выступ на столбах, колоннах*» Ethiosem : *Gz Tna Amh g^wallal-at* «*metal ornament placed atop a church / металлический орнамент на верхней части церкви*» [Leslau 1987, р. 191].

² Sem *māy- [Fronzaroli 1965, р. 146, № 3.21].

В арабский словарный фонд лексема *yamm-* входит, однако по степени употребительности отстает в периферийный пласт словарного состава и не служит основой для нового словообразования.

Sem **yam(m)* «море» вытесняется другим названием «сухопутного» происхождения – *baħr-* «обширное открытое пространство». Первоначальное, исходное значение этой именной основы сохраняется как в арабском, так и в эпиграфических и эфиосемитских языках наряду со значением «море». В арабском языке *baħr-* служит корневой базой для гнезда производной лексики и терминов, связанных с семантическим полем «море»: *baħr-iyu-* (adj.) – «морской», *baħr-at-* (n.) – «пруд», *buħayr-at-* «озеро», *baħħār-* «морьяк», *buħār-* «морская болезнь», *baħr-iyu-at-* «морское дело, морской флот»; *bħr* (IV-Stem) «отплывать, выходить в море»; (V-Stem) «углубляться (во что-л.)» и т.п. [Баранов 1976, с. 57]. Arab. DD : Yemen *baħarī* «Seeman / морьяк» [Behnstedt, p. 61], *baħħār* «fisher / рыбака» [Piamenta, p. 20]¹; Maroc *baħri* «marin, matelot / морьяк, матрос» [Fergé, p. 7]² Hass *baħri* id. [Taine-Cheikh, p. 55-56].

Производная основа *baħħār-* (также – *baħriyyu-* в значении «морьяк, матрос») функционирует в классическом арабском и в современном арабском наряду с древним заимствованным термином *mallāħ-* «морьяк, морьяк, ведущий судно» < Aram *mal(l)ah-ā* «морьяк», также в Sem : Ug *mlħ* Hbr *malāħ* < Akk *malāħ-u / malahh-u* «sailor, shipwright / морьяк, корабельщик» < Sum *MA.LAḤ* [KB, p. 528; CDA, p. 192-193]. В арабской лексической системе заимствованный термин послужил основой для более позднего словообразования *milāħ-at-* (n.) «мореплавание», *milāħ-iyu-* (adj.) «судоходный; навигационный».

По своему консонантному составу заимствованный термин включается арабской лексикографией в большое гнездо производных форм, связанных с именной основой *milħ-* «соль», восходящей к общесемитскому фонду. В результате на уровне производных форм возникает полная омонимия: (1) *mallāħ-* «торговец солью; владелец соляного промысла»; (2) *mallāħ-* «морьяк». Следует заметить, что традиционная арабская лексикография в этом разделе поясняет *mallāħ-* (2) в отличие от «торговца солью» другим термином –

¹ Но там же: *baħħār* «наездник верблюда» < *baħri* «молодой верблюд, быстрый в беге» [ibid.].

² Но там же: *bāħħār* «садовник, огородник-бахчевик» [ibid.] < *bħēra* «сад, огород, бахча».

nawtiyyu- «морьяк», заимствованным из греческого *nautis* «мореплаватель; морьяк, гребец»¹.

Специализированное название нового понятия, связанного с мировым океаном, получает описательный термин от исходного «*baħr-* / море», а именно – (более древний) *baħru z-zulūmāt* «темное² море» [BK, I, p. 89], позже, также на основе своего корневого фонда – *al-baħru l-muħīṭ* «море окружающее».

Таким образом, система названий природных объектов складывается на основе арабского корневого фонда, восходящего к общесемитскому. Более поздние понятия получают производную (семантически или морфологически) форму термина.

Простейшие способы переправы – надутые бурдюки, использовались на реках и небольших водоемах.

(1) Происхождение названия *ṭawf-/ṭūf-* остается неясным. Хотя традиционная арабская лексикография описывает этот вид плота как «бурдюки (*qirab-* pl.), надутые воздухом и связанные один с другим наподобие плоской площадки, на которой переезжают (*yurkabu*) по воде и перевозят грузы» [Bustānī, II, p. 1264], сам термин *ṭawf-/ṭūf-* в значении «бурдюк» в арабском словарном фонде не отмечен. В описании плота *ṭawf-/ṭūf-* (как мы показали в переводе) используется известный и распространенный арабский термин *qirb-at-* (pl. *qirab-*) «бурдюк». Дополнительное пояснение плоту *ṭawf-/ṭūf-* дается как *ramaṭ-* с добавлением: «но *ramaṭ-* – из дерева» [ibid.].

(2) Второй плот из бурдюков *'ām-at-* описывается через термин *ṭūf-* [Bustānī, II, p. 1417]. Древнее заимствование становится основой для развития гнезда производных глагольных и именных форм. В современном арабском группа терминов, связанных с понятием «плавучести», расширяется, ср.: *'ā'im-at-* (part. act., f.) «баржа, плавающий док», *'awwām-* (n. m.) «пловец», *'awwām-at-* (n., f.) «поплавок; буй»; «понтон» и т. п. [Баранов 1976, с. 551]. Именная основа *'ām-at-* в значении первичной функции бурдюка (для хранения и перевозки жидкостей) в арабской лексикографии не отмечена.

(3) В отличие от плотов «бурдючной» конструкции плот из бревен *ramaṭ-*, по-видимому, получил свое название из субстратной лексики приморского населения Аравийского полуострова.

¹ Arab *nawtiyyu-* «морьяк» включается в словари классического и современного арабского языка [Bustānī, II, p. 3350; BK, II: 1363; Мундж., с. 845; Баранов 1976, с. 837].

² Определение *zulūmāt-* (с первичным значением «темный, мрачный») включает коннотацию «малопонятный, неясный, загадочный».

Первые названия морских судов в арабской лексике представлены древними заимствованиями *safīnat*- и *fulk*-. Именно эти термины встречаются в Коране в контекстах, связанных с морем [18-71, 79; 29-15; 43-12; 14-32, 37]. В доисламской поэзии *safīnat*- используется поэтами также и в переносном смысле: ...*admā'a min-hā ka-s-safīnati*... [Полосин 1925, с. 227] ...«рыжая [верблюдица] среди них, подобная кораблю...». Термин *fulk*- используется в контексте оснащения корабля *fulkun mušrra'atun* «парусное судно».

Как родовой термин *safīnat*- функционирует и в современном арабском языке.

Лексема *markab*- представляет одну из древнейших производных форм в лексике арабского кочевого общества. Являясь первоначально результатом морфологического словообразования по модели «места действия» («то, на чем сидят / едут верхом»), лексема расширяет семантику, продолжая перенос значения: «повозка, все виды наземных средств передвижения» > «средства водного передвижения». Равно как и глагольная основа *rkb* продолжает семантическое развитие от верхового наездника до пассажира наземного и водного транспорта.

Названия вёсел в рассмотренной группе лексем восходят к разным исходным понятиям и действиям. Основное название весла *miqdāf*- представляет отглагольное образование по модели «имени действия». Характер самого действия – отталкивание от воды. В то же время, работа парными веслами ассоциируется с работой парных конечностей (крыльев, плавников).

Названия «периферийных» вёсел *sayb* и *roum* восходят к названиям одиночного шеста, которым отталкиваются от берега или от дна водоема на мелководье. В связи с этой функцией возможно и перенесение названия на рулевое весло (*sayb*).

Название паруса *širā'*-, образованное от глагольного корня *šr'* с широким понятийным полем значений «движения к какой-либо цели». Отглагольное имя *širā'*-, в первоначальном значении «знамя, пика копья» (< «нечто, поднятое над головой»), становится наиболее распространенным морским термином, от которого образуется уже новая, вторичная лексика еще в доисламский период (ср. *mušarra'*-prt. pass. II-Stem) – «снабженный парусом, парусный»).

Название паруса *ġall*- / *ġull-at*- восходит к именной основе – названию конского снаряжения кочевого быта. Первоначальное значение «попоны» и подобных же видов покрывала для верхних животных со временем приобретает значения, связанные с наименованиями различного вида одежды, а в судоходной практике – наименование развернутого паруса.

Происхождение термина *qil'*- / *qilā'*- «парус» установить труднее. Если учитывать явление корневых фонетических вариантов, эту форму можно соотнести как с корневым глагольным гнездом *ql'*- «вырывать; срывать, снимать», так и с гнездом *'ql* «связывать, подвязывать», поскольку парус допускает оба вида действий. Возможна и контаминация значений в связи с метатезой корневых согласных.

Этимологический и контекстный анализ «морской» лексики арабского языка и арабских диалектов может представить один из фрагментов языковой картины мира сухопутного общества, осваивающего водные пространства.

Грамматические сокращения

дефис – отделяет суффикс, окончание

adj. – прилагательное

C (лат.) – корневой согласный

f. – женский род

m. – мужской род

n. – имя, именная основа

part. act. – причастие активного залога

part. pass. – причастие пассивного залога

pl. – множественное число

Stem (I, II, IV, V...) – глагольная основа, I – первичная; II-X – расширенная

v. – глагол, глагольный корень (консонантный)

V – гласный корневой или производной основы.

Сокращенные названия языков и диалектов

Курд. – курдский; перс. – персидский; Сир. диалект – сирийский диалект; Afras – афразийский (афразийские языки); Akk – аккадский; Amh – амхарский; Arab – арабский (язык); Arab DD/ADD – арабские диалекты; Aram – арамейский (арамейские языки); Bab – аккадско-вавилонский; Beḏ – язык бедае (кушитский); Bilin – билин (кушитский); Chad – чадские (языки); Copt – коптский; Cush – кушитский (кушитские языки); Eg – древнеегипетский; Epigr / ESA – эпиграфические южноаравийские (языки); Ethiosemitic – эфиосемитские (языки); Gz – язык геэз; Har – харари; Hass – хассанийя, диалект Мавритании; Hbr – древнееврейский; Hobyot – хобйот (язык, MSA); Jib – джиббали (язык, MSA); Jud Aram – иудео-арамейский; Malta – мальтийский язык; Maroc – марокканский диалект; Mhr – мехри (язык); E – восточный мехри; C – центральный мехри; Mnd – мандейский; MSA – современные южноаравийские (языки); Nub – нубийский; Ph – финикийский; Postbibl – древнееврейский постбиблейский; Qem – кемант (кушитский); Sa – сахо-афар (кушитский); Sab – сабейский; Sem – семитский, семитские языки; Soq – сокотри (язык, MSA); Sum – шумерский (язык); Syr – сирийский (ара-

мейский); Syg D – сирийский диалект; Те – тигре; Tna – тиграй/тигринья; Ug – угаритский.

Литература

1. Амирханов Х.А. Кана – поселение древних рыбаков на побережье Аденоского залива // *Scripta Yemenica. Исследования по Южной Аравии*. М.: Вост. лит-ра РАН, 2004. С. 84-95.
2. Баранов Х.К. *Арабско-русский словарь*. Изд. 5-е. М., 1976.
3. Бартольд В.В. Коран и море // Бартольд В.В. *Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и арабского халифата*. М., 1966.
4. Бруннер Ули. Южноаравийская гидравлическая цивилизация // *Scripta Yemenica. Исследования по Южной Аравии*. М.: Вост. лит-ра РАН, 2004. С. 127-144.
5. Гиргас В. *Словарь к арабской хрестоматии и Корану*. Казань, 1881. Переизд. М. & СПб.: Изд. «Диля», 2008.
6. Долгопольский А.Б. *Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков*. М.: Наука, 1973.
7. Дьяконов И.М. *Семито-хамитские языки*. М.: Наука: ГРВЛ, 1965.
8. Крачковский 1963 – *Коран* / Пер. и комм. И.Ю. Крачковского. М.: Вост. лит., 1963.
9. Майзель С.С. *Пути развития корневого фонда семитских языков* / Ред., вступ. ст., дополнения А.Ю. Милитарев. М.: Наука, ГРВЛ, 1983.
10. Миллер – *Персидско-русский словарь* / Сост. проф. Б.В. Миллер. М.: 2-е. Гос.-изд. иностр. и национ. словарей, 1953.
11. М/С – М. Массарани, В.С. Сегаль. *Арабско-русский словарь сирийского диалекта*. М.: Русский язык, 1978.
12. Мундж. – Al-Munǧidu fi l-luǧati wa l-'adab wa l-'ulūm {*Энциклопедический словарь по языку и словесности*. Изд. 18-е}. Вагүт, 1965.
13. Полосин Вл. В. *Словарь поэтов племени Абс. VI–VIII вв.* М.: Вост. лит., 1995.
14. *Странствие Ибн Батуты*. Каталог выставки. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2015.
15. Французов С.А. *История Хадрамаута с древнейших времен до конца британского владычества*. Т. I. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2014.
16. ЭСКЯ – Цаболов Р.Л. *Этимологический словарь курдского языка*. Т. I. М.: Наука, ГРВЛ, 2001; т. II. М.: Вост. лит. РАН, 2010.

17. Шумовский 1985 – Ахмад ибн Маджид. *Книга польз об основах и правилах морской науки. Критический текст, перевод, комментарий, исследование и указатели Т.А. Шумовского*. М.: ГРВЛ, 1985.
18. Юшманов Н.В. *Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии*. М.: Вост. лит., 1998 (1938).
19. Ambros, Arne A. *A Concise Dictionary of Koranic Arabic. Compiled by Arne A. Ambros with the collaboration of Stephan Procházka*. Wiesbaden: Reicher Verlag, 2004.
20. Armbruster C.H. *Dongolese Nubian. A Lexicon. Nubian-English; English-Nubian*. Cambridge, 1965.
21. Behnstedt (Beh.) – P. Behnstedt. *Die nordjemenitischen Dialekte*. Т. I. Atlas. Т. 2. Glossar. Wiesbaden, 1985-1996; 2006.
22. Biella, J.C. *Dictionary of Old South Arabic. Sabaen Dialect*. Chico, CA, 1982.
23. BK I, II – Kazimirski A. de Biberstein. *Dictionnaire Arabe-français*. Т. I–II. Paris, 1860.
24. Bugeja, Pawlu. *Kelmet il-Malti*. 2 ed. Malta: Publ. Gulf Ltd., 1984.
25. Bustānī – Buṭros al-Bustānī. *Qu l-Muḥīṭ* (a Concise Arabic Dictionary). Librairie du Libān. Beirut, 1969 (ed. reprint).
26. CDA – *A Concise Dictionary of Akkadian* / Ed. by Jeremy Black, Andrew George, Nicolas Postgate. 2-ed. (corrected) printing. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000.
27. DRS – D. Cohen. *Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées, dans les langues sémitiques*. La Haye & Paris: éd. Mouton, 1970-1999.
28. E/G – A. Erman, H. Grapow. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I-V. Berlin: Akademie-Verlag, 1957-1971.
29. Ferré D. *Lexique Marocain-français*. Maroc, б/г.
30. Fronzaroli, P. Studi sul lessico comune semitico // *Rendiconti della Classe di Scienze morali, storiche e filologiche*. Ser. VIII, col. XIX, fasc. 7-12; vol. XX, fasc. 3-16; vol. XXIII, fasc. 7-12.
31. HCVA – Diakonoff J.M., Belova A.G., Chetverukhin A.S., Militarev A.Yu. Porkomovsky V.Ya., Stolbova O.V. Historical Comparative Vocabulary of Afrasian // *St. Petersburg Journal of African Studies*. № 2, 1994; № 3, 1994; № 4, 1995; № 5, 1995; № 6, 1997.
32. Johnstone, T.M. *Mehri Lexicon and English-Mehri Word-list*, SOAS. L., 1987.
33. KB – L. Koehler, W. Baumgartner. *Lexicon in Veteris Testamenti Libros*. Leiden: Ed. Brill, 1958.

34. LA – *Lisān al-Arab al-Muḥīṭ li Manzūr b. Mukram b. Muḥammad. Taḥqīq Jūsuf al-Ḥayyāt wa Nadīm Muršali*. Beirut, 1970.
35. Landberg, Ḥḍr – C. Landberg. *Études sur les dialectes de l'Arabie Méridionale*. Vol. I. Ḥaḍramōūt. Leiden, 1901.
36. Lane, Y.W. *Maddu-l-Kamoos. An Arabic-English Lexicon*, v. I–VIII. London–Edinburgh, 1863–1893.
37. Leslau, W. *Comparative Dictionary of Ge'ez*. Wiesbaden, 1987.
38. Müller, W. *Sabäische Inschriften nach Ären datiert*. Wiesbaden, Harrassovitz Verlag, 2010.
39. Nakano, A. *Hōbyot (Oman) Vocabulary*. Ed. by Robert Ratcliffe. Tokyo University of Foreign Studies. Tokyo, 2013.
40. Pimenta, M. *Dictionary of Post-Classical Yemeni Arabic*. Leiden & N.Y. & København & Köln, 1990.
41. Q – *Qoran / Коран*. Дамаск, 1963.
42. Reinisch, L. *Wörterbuch der Beḍāuye-Sprache*. Wien, 1895.
43. Reinisch, L. *Wörterbuch der Saho-Sprache*. Wien, 1890.
44. SD – Beeston A.T.L., M.A. Ghul, W.W. Müller, J. Ryckmans. *Sabaic Dictionary (English-French-Arabic)*. Louvaine-la-Neuve: Ed. Peeters, 1982.
45. SED, I – A. Militarev, L. Kogan & all. *Semitic Etymological Dictionary. Vol. 1. Anatomy of Man and Animals*. Ugarit-Verlag. Münster, 2000.
46. Stein, P. *Die altsüdarabischen Minuskelschriften auf Holzstäbchen aus der Bayerischen Staatsbibliothek in München*. Bd. 1. Tübingen – Berlin, Ernst Wasmuth Verlag, 2010.
47. Taine-Cheikh, Catherine. *Dictionnaire Ḥassāniyya-Français*. Fasc.2. Paris: ed. Geuthner, 1989.
48. Wehr, H. *Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart*. Leipzig: Otto Harrassowitz Verl., 1952.
49. Zammit, M. *A Comparative lexical Study of Qur'ānic Arabic*. Leiden & Boston & Köln: Brill, 2002.
50. Zemánek, P. *The Origins of Pharyngealization in Semitic*. Praha: Enigma corp., Ltd., 1996.

К этимологии терминов «народной географии» в иранских языках

Слова, обозначающие стороны света: «восток», «запад», «север», «юг», – в разных иранских языках имеют различную этимологию. Их происхождение обусловлено историей языков и в конечном счете историей народов. При этом принципы становления этих обозначений как терминов «народной географии» в разных языках оказываются относительно едиными в плане типологии их семантических мотиваций.

Как известно, в современных «крупных» литературных языках используются стандартные научные географические термины разного происхождения. В персидском и таджикском языках употребительны главным образом арабоязычные термины, заимствованные еще в средние века в классический персидский язык, однако обозначения востока и запада представлены параллельно и собственно иранскими эквивалентами, восходящими к элементам древнеиранского лексикона. В языке пашто данная терминология в основном заимствована из персидского языка, и лишь единичные названия возникли на собственной почве, но по словообразовательным моделям, типологически сходным с персидскими.

«Восток»: перс. *xāvar* (иран.), тадж. *šarq, mašriq* (араб.), *oftobbaro, xovar* (иран.); пашто *šarq, mašraq* (араб.), *Imarxātó, xātíz* (иран.).

«Запад»: перс. *γarb* (араб.), *bāxtar* (иран.); тадж. *γarb, mayrib* (араб.), *boxtar* (иран.); пашто *γarb, mayrib* (араб.), *Imarlvédá, Imarprevātó* (иран.).

«Север»: перс. *šemal* (араб.); тадж. *šimol* (араб.); пашто *šimál, qutb* (араб.), *šəu xvā* (иран.).

«Юг»: перс. *janub* (араб.); тадж. *janub* (араб.); пашто *suháyl, junúb* (араб.).

Вместе с тем, в разных иранских языках, начиная с глубокой древности, существовали и существуют поныне также другие обозначения сторон света. Они возникли вначале в качестве бытовых слов с пространственными значениями, а затем закрепились как термины «народной географии». Их этимология базируется на исконных словах, значение которых свидетельствует о том, что древние представители ираноязычных племен и народов по-разному воспринимали элементы пространства и связь пространства и времени. Рассмотрим наиболее показательные названия, засвидетельствованные

в письменных памятниках и в живых языках. Материал приводится в том виде, в котором он представлен в «Этимологическом словаре иранских языков» (далее ЭСИЯ)¹.

Первая группа терминов могла возникнуть в глубокой древности, в период кочевого животноводства.

От пространных слов, обозначающих (1) «позади, назад, сзади» и (2) «вперед, вперед», образованы названия различных сторон света. При этом иногда в разных текстах на одном и том же языке одно и то же слово может означать противоположные стороны:

(1) **apa* – наречие, префикс ‘от, прочь, позади’: авест. поздн. *apāxtara-*, *apāxδra-* 1) ‘расположенный позади’; 2) ‘северный’ [Bartholomae 1904, Sp. 79-80]; ср.-перс. ран. *apāxtar*, поздн. *abāxtar* 1) ‘запад’; 2) ‘север’; кл. перс. *bāxtar* ‘запад’; тадж. *boxtar* 1) ‘запад’; 2) ‘восток’; совр. перс. *bāxtar* 1) ‘запад’; 2) устар. ‘восток’; 3) истор. ‘Бактрия’; парф. *abāxtar* ‘север’; согд. *p’s* [pās], *p’s kyr’n* [pās kirān] ‘север, северная сторона’ (при этом [pās] < **apāčja-* ‘задний’). См. [ЭСИЯ 1, с. 182 и сл.].

(2) **fra*, *frā* – наречие, префикс ‘вперед, впереди, прежде’: авест. поздний *frāpaça-* ‘западный’ [Bartholomae 1904, Sp. 1015-1016]; согд. будд. *fr’s-kyr’n*, ман. *fr’s-kyr’n* [frās-kirān] ‘юг, южная сторона’ (с *frās-* < **frāča-* ‘вперед, передний’). См. [ЭСИЯ 3, с. 53 и сл.].

Эти слова, зафиксированные, начиная с текстов Авесты, могут свидетельствовать о направлении перекочевки древних иранских племен: откуда и куда передвигалось то или иное племя, какая сторона света (или историческая область) в период закрепления термина оставалась у него позади, какая была перед ним. Характерно, что, судя по зафиксированным словам, основным направлением движения было с севера на юг.

От слов, обозначающих (3) «вверху, вверх», (4) «внизу, вниз, под» тоже образованы названия разных сторон света:

(3) **uskāt* – наречие ‘вверху, вверх’: авест. поздн. **uskāt* наречие ‘вверху, вверх’: согд. будд. *sky kyr’n* [aske kirān] ‘восток, восточная сторона’ < ‘верхняя сторона’ [ЭСИЯ, картотека]

(4) **adah* наречие ‘внизу, вниз; под’: авест. поздн. *adara-*: 1) ‘нижний’; 2) ‘западный (о ветре)’ [Bartholomae 1904, Sp. 57–58];

¹ Все этимологии приводятся по «Этимологическому словарю иранских языков», разрабатываемому в Институте языкознания РАН при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00122-ОГН. Поскольку в Словаре содержатся отсылки к более ранней литературе и обсуждение спорных и дискуссионных этимологий, в данной статье указания на более ранние работы приводятся только при необходимости верификации транскрипции или значения слов.

согд. будд. *č’δr kyr’n* [čādār kirān] ‘запад’ < ‘нижняя сторона’. См. [ЭСИЯ 1, с. 80-81].

Эта группа терминов сохраняет, по видимому, свидетельства о направлении перемещения племени вдоль долины большой реки – вверх и вниз по ее течению. Возможно, они относятся также к названиям ветров, дующих снизу или сверху вдоль долины. О движении вдоль долины реки могут свидетельствовать и слова, образованные от именной основы со значением (5) «правый», если имеется в виду правый берег реки:

(5) **dašina-* ‘правый (о руке, стороне), правильный’: авест. поздн. *dašina-* 1) ‘правый; правая сторона’; 2) ‘запад’ [Bartholomae 1904, Sp. 703]; согд. *δšny* [dašne] ‘благоприятный, южный (о ветре)’. См. [ЭСИЯ 2, с. 379-380].

Общей для всей рассмотренной выше группы терминов является возможность обозначения разных сторон света одними и теми же словами, из этимологически единых компонентов.

Вторая группа терминов может относиться к разным периодам в истории ираноязычных народов.

Конкретное и теперь уже безвариантное обозначение сторон света наблюдается в словах, в состав которых входит основа слова «солнце», что естественно для быта и для терминологии «народной географии» и кочевых, и оседлых племен: солнце было основным ориентиром в пространстве и времени.

Слова с буквальным значением (6) «восход солнца» используются как термин «восток», а (7) «закат солнца» – «запад». Это отмечается в композитах с разными обозначениями солнца: с праиранским, восходящим к индоевропейскому, и со вторичным, осознаваемым как «Бог-солнце». Композиты с праиранским обозначением солнца:

(6) **x^var-āsān(a)-* ‘восход солнца; восток’ (← ‘солнце приходящее’ – сложение из **x^var-* ‘Солнце’ и *āsān-* – причастие настоящего времени от инхотивной основы глагола ‘приходить’ (см. корень *²*ai-* [ЭСИЯ 1, с. 109]): ср.-перс. *x^varāsān*, *hvarāsān* ‘восход солнца; восток’; кл. перс. *xurāsān* 1) ‘восток’; 2) истор. ‘Хорасан’; совр. перс. *xorāsān* 1) устар. ‘восток’; 2) ‘Хорасан’ (а также перс. устар. *xor* ‘солнце, восток’); парф. *hvarāsān* ‘восток’; согд. ман. *xwrsn* [xwarasan] ‘восток, восход солнца’ и производные: согд. ман. *xwrsnč(y)k* [xwarasančik] ‘восточный’, хр. *xwrsn qyr’n* [xwarasan kirān] ‘восток, Хорасан’, букв. ‘восхода солнца сторона’ (ср.: шугн. *xūr-pal* 1) ‘восход солнца’; 2) ‘восток’ из *pal* ‘восход (о светилах)’). См. [ЭСИЯ 3, с. 438 и сл.].

(7) **x^var-parān-* ‘закат солнца; запад’ (сложение из **x^var-* ‘Солнце’ и причастие **parān-* от глагола ‘проходить, перехо-

диль'): ср.-перс. *x^var-barān* 'запад; заход солнца', а также ср.-перс. *x^var-nivār* 'запад' ← 'закат солнца'; парф. *hwṛnyfr'n* [*hwar-ni-frān*] 'закат солнца, запад'; согд. ман., хр. *xwrtxyz* [*xwar-txiz*] 'закат, запад', вторичные согд. *xwrtx'yzčyk* [*xwar-txiz-čik*] 'западный', *xwrtxyz kyr'n* [*xwar-txiz kirān*] 'запад; западная сторона' (ср.: шугн. *xīr-nīst* 'заход солнца, закат' (вторая часть – основа инфинитива глагола 'сидеться, сидеть')). См. [ЭСИЯ 3, с. 438 и сл.].

Та же тенденция налицо в языках, где исконное название солнца было вытеснено вторичным – именем древнеиранского и древнеиндийского божества Митры и осознавалось первоначально как «Бог-солнце». Засвидетельствовано в памятниках бактрийского языка: (8) «восток», (9) «запад».

(8) Бактр. *μῖροασαβο* [*mir(o)-asan(o)*] 'восток' < **miθrāsāna-* 'восход солнца', *μῖροσανηλο* [*mirosanēl(o)*] наречие с предлогом *асо* [*aso*] 'к востоку' [Sims-Williams 2007, p. 233-234].

(9) Бактр. *μῖροναφραβο* [*miro-nafran(o)*] 'запад' < **miθra-nifrāna-* 'закат солнца'; *μῖροναφαρανηλο* [*miro-nafaranēl(o)*] наречие с предлогом *асо* [*aso*] 'к западу' [Sims-Williams 2007, p. 233-234]. См. [ЭСИЯ 5, с. 366 и сл.].

В единичных языках в качестве указания на (10) восток и (11) запад используются соответственно слова (10) «утренняя заря» и (11) «вечер».

(10) **uśah-* 'утренняя заря': согд. будд. 'wš'y' *kyr'n* [*uśāy kirān*] 'восток, восточная область'; авест. поздн. *upaōšahva-* 'расположенный к востоку, восточный' (< **upa-uśah-va-*); авест. поздн. *uśastara-* 'расположенный к утру, восточный' (< **uśas-tara-*) [Bartholomae 1904, Sp. 390, 415]. См. [ЭСИЯ 1, с. 263].

(11) **dauša-* 'вечер, тьма; запад': авест. поздн. *daošatara-*, *daošastara-* 'вечерний, находящийся к западу, западнее' [Bartholomae 1904, Sp. 674]; ср.-перс. *dōšastar* 'запад'. См. [ЭСИЯ 2, с. 419-420].

Однако основным ориентиром для определения направления на восток и на запад, а также для названия стран, находящихся на востоке или западе, как уже говорилось, являлось солнце, что свидетельствуется не только этимологией этих слов в «народной географии», но и переходом их в статус официальных терминов.

Иной понятийный принцип наблюдается в «народной географии» для обозначения «юга» и особенно «севера»: этимология этих слов базируется иногда на самых неожиданных понятиях.

Указание на «юг» связано косвенным образом с понятием времени: оно отмечено в виде слов, обозначающих «полдень», «середина дня», независимо от происхождения слова «день»: ср. сложные слова, состоящие из компонентов «половина» + «день», со словом «день» различной этимологии, ср. (12a) и (12б).

(12a) **naima-raučah-* 'полдень' (**naima-* 'половина', **raučah-* 'день'): ср.-перс. ран. *nēm-rōč*, поздн. *nēm-rōz* 1) 'полдень'; 2) 'юг'; кл. перс. *nīm-rōz* 'полдень'; бактр. *νῆμωροσο* [*nēmo-rōso*] 'юг' < **naima-raučah-*, букв. 'полдень' и производные: *νῆμωροσοβαρο* [*nēmo-rōso-baro*] наречие 'далее на юг, южнее' (с **pāra* 'далее'), *νῆμωροσανο* [*nemo-rōs(o)-ano*] имя 'юг' (с суф. *-avo* [-ano]). [См. ЭСИЯ 5, с. 439 и сл.].

(12б) **naima-maiθa-* 'полдень' (**naima-* 'половина', **maiθa-* 'день'): согд. ман. *нумуд* [*nēmēθ*] 'полдень; юг' из более раннего **nēm-mēθ* 'полдень'; согд. *нумуд kyr'n* [*nēmēθ kirān*] 'юг, южная сторона'; согд. хр. *нумуд-w'dy* [*nēmēθ-wādē*] 'юг'; согд. ман. *нумудčyk* [*nēm-mēθ-čik*] 'относящийся к югу, расположенный на юге; полуденный'. См. [ЭСИЯ 5, с. 439 и сл.].

Встречается и описательное определение полдня: (13) «время, подходящее для трапезы»:

(13) **aram* 'подходящий, соответствующий' + **pitwa-* 'пища, питание; трапеза': авест. *arēm.piθwā*, *rapīθwā-* 'полдень' < **arēm-piθwā-* 'время (подходящее для) трапезы', *rapīθwina-* 'в полдень', *rapīθwitara-* 'южный' [Bartholomae 1904, Sp. 1509]. Хотаносакский *rravyi pata* 'южный регион' (*rravya* < **rapitā-*). См. [ЭСИЯ 1, с. 206].

Случаев более или менее общего принципа в названиях (14) «севера» не обнаружено – они различны по языкам и ненадежны. В качестве примера можно привести хотаносакское *nyūvajsa* 'север' из **anaiba-* 'плохой', букв. **a-naiba-* 'не-хороший' [Bailey 1979, p. 194]. См. [ЭСИЯ 5, с. 437].

Типологически сходная картина названия сторон света в «народной географии» наблюдается в разных языках мира. Важна роль названий «солнца» в этимологиях терминов «восток» и «запад» и связь «полудня» с обозначениями «юга». Нередко официальная терминология и названия, относящиеся к «народной географии» расходятся. Ср., например, в русском языке: слова *восток* (из церковно-славянского, при ст.-слав. *въстокъ*), [Фасмер I, с. 357], *запад* (ст.-слав. *западъ*, то есть 'заход (солнца)') [Фасмер II, с. 78] соотносятся с понятием «солнце», однако названия севера и юга имеют различную историю. Термин *север* этимологически связан с названием северного ветра в ряде индоевропейских языков [Фасмер III, с. 588-589], а этимология *юг* неоднозначна [Фасмер IV, с. 526]. Вместе с тем, в «народной географии» издавна использовались обозначения, связанные с понятием времени: *полуденный* 'южный', *пол(у)ночный* 'северный', а также имена, связанные с названиями разных местных ветров.

Аналогичная семантическая зависимость отмечается и в других языках мира.

Сокращения

авест. – авестийский	поздн. – поздний
араб. – арабский	ран. – ранний
бактр. – бактрийский	тадж. – таджикский
будд. – буддийские тексты	совр. – современный
иран. – иранский	согд. – согдийский
истор. – исторический	ср.-перс. – среднеперсидский
кл. перс. – классический	ст.-слав. – старославянский
персидский	устар. – устарелое
ман. – манихейские тексты	хр. – христианские тексты
парф. – парфянский	шугн. – шугнанский
перс. – персидский	

Литература

1. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с немецкого и дополнения О.Н.Трубачева. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964-1973.
2. ЭСИЯ – Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1-3. М.: Вост. лит., 2000-2007.
3. Эдельман Д.И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 4-5. М.: Вост. лит., 2011-2015.
4. Bailey H.W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge & London & New York & Melbourne, 1979.
5. Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904 (repr.: Berlin & New York, 1979).
6. Sims-Williams N. *Bactrian Documents from Northern Afghanistan. II: Letters and Buddhist Texts*. Publ. in the United States by The Nour Foundation in association with Azimuth Editions, 2007.

Е.А. Хамаева

Д.М. Домашевская

Иркутский гос. ун-т (Иркутск)

Этимологии базовых знаков китайской письменности

1. Введение

Принято считать, что предмет этимологии как раздела языкознания заключается в изучении источников и процесса формирования словарного состава языка и реконструкция словарного состава языка древнейшего периода (обычно дописьменного). Соответственно, этимология прежде всего связана с лексикой и семантикой [Топоров 2004, с. 10]. А два основных участника порождения слова как некоей важной, отчасти даже основоположной единицы языка – есть звук и смысл [Топоров 2004, с. 12].

По-другому обстоит дело в китайском языке, который обладает идеографическим письмом. Если знаки языка представляют собой иероглифы, которые есть графические изображения, имеющие свое значение [Готлиб 2007, с. 8], – то мы также пытаемся вскрыть значение, но уже не в связке «звук – значение», а скорее в связке «графический знак, иероглиф – значение». Это значит, что и этимология таких знаков будет представлять собой нечто иное – реконструкцию не столько звучания единицы в связи со значением, а реконструкцию ее написания, ее графической формы.

Безусловно, китайская письменная система «в своей непосредственности воспринимается, прежде всего, как словесная, логографическая» [Готлиб 2007, с. 40]. Но следует обратить внимание на то, что знаки китайской письменности «определенным образом организованы, и эта организация носит свой, своеобразный характер, в значительной степени отличный от принятой организации лексического состава языка» [Готлиб 2007, с. 9].

Все это говорит о том, что в китайском языке возможна не только логографическая этимология, но и идеографическая этимология, которая будет носить скорее семиотический характер, поскольку китайский иероглиф «прежде всего является знаком» [Готлиб 2007, с. 40] и их анализ следует осуществлять именно в семиотическом аспекте.

Первая работа в этом направлении была осуществлена древними китайцами еще в 100 г. н.э., когда Сюй Шэнем (30-124) был составлен словарь «Шо вэнь цзе цзы», который «почти до конца XIX в. был главным источником сведений о древнейшем состоянии китай-

ской письменности» [Духовная культура Китая 2009]. Как известно, именно в этом словаре впервые различаются простые знаки – вэнь (文) и сложные – цзы (字), приводится описание шести категорий иероглифов – лю шу, впервые представляется называемая в отечественном языкознании «ключевая система» расположения знаков. В частности, все иероглифы объединены в пятьсот сорок групп по входящим в их состав основным смысловым элементам (бушоу). Именно эти пятьсот сорок простых знаков, которые легли в основу всего множества сложных китайских иероглифов, и представляется возможным признать базовыми знаками китайской письменности.

«Шовэнь» занимает уникальное место в истории китайской грамматики. Со времен Ханьской эпохи и до наших дней, все работы китайских ученых, посвященные происхождению и развитию китайского письма, неизменно базировались на «Шовэне» как на основной работе.

Многочисленна и литература об этом словаре: насчитываются тысячи томов комментариев и разъяснений, которые охватывают обширный период времени от Танской эпохи до современности. Помимо этого существует литература не меньшего объема, посвященная критике «Шовэня», но критике мягкой, отмечающей отдельные ошибки и неточности лексикона.

Между тем, многие современные китайские и отечественные ученые указывают на некоторые существенные недостатки словаря. В частности, выдающийся советский синолог И.М. Ошанин еще в середине 20 века отмечал то, что ««Шовэнь» – иероглифический лексикон ханьской эпохи, основанный на почерке *сяочжуань*» [Отечественные труды... 2014, с. 166].

Это значит, что он, во-первых, оперирует высокоразвитым иероглифическим письмом, прошедшим большую графическую эволюцию. Во-вторых, демонстрирует знаки с композиционными изменениями, порой кардинальными изменениями состава сложного знака. И, в-третьих, часто представляет так называемые «переосмысленные старые иероглифы» в духе мировоззрения господствующих классов более поздней эпохи [Отечественные труды... 2014]. Тем самым, этимологии, предложенные в словаре Шовэнь, могут быть субъективными, многие из них требуют верификации. Это мы можем увидеть на примере иероглифа «一 yī (один)», который в словаре «Шовэнь» трактуется следующим образом: 惟初太始，道立于一，造分天地，化成萬物。凡一之屬皆从一。式，古文一。于悉切 («Великое начало всех начал. Дао базируется на нем. В созидании – делит небо и землю, в разложении – образует все сущее») [许慎 1996].

Даже этот небольшой пример может стать иллюстрацией того, что «Шовэнь» находится под сильнейшим влиянием философии Лаоцзы и Конфуция, что «Шовэнь» создан в ханьскую эпоху, эпоху реакции против циньских реформ, эпоху расцвета конфуцианского мировоззрения и реставрации философских концепций классических школ [Отечественные труды... 2014, с. 166].

Археологические раскопки, проводившиеся в Китае в начале двадцатого века, позволили обнаружить и исследовать ряд древних письменных культур эпохи неолита (культуры Цзяху, Давэнькоу, Яншао 9000-3000 гг. до н.э.). Именно в тот период были открыты знаки Цзягувэнь и Цзиньвэнь, знаки, исторически предшествовавшие стилю сяочжуань, (стилю, в котором написан словарь Шовэнь), которые дали возможность по-новому взглянуть на происхождение китайского письма.

Новые археологические открытия вызвали волну интереса к проблемам возникновения и развития китайского письма. Ряд китайских и отечественных ученых (Тан Лань [唐兰 2005], Ван Нин [王宁 015], Цю Сигуй [裘錫圭 2002], Цзоу Сяоли [邹晓丽 1988], В.П. Васильев [1884, 1898], С.М. Георгиевский [1888], Ю.В. Бунаков [1940], И.М. Ошанин [1943], А.Ф. Кондрашевский [1982], А.Я. Шер [1968], О.М. Готлиб [2002, 2007] и др.) обратились к этим письменным материалам с целью их исследовать, сопоставить новые и старые данные, и проверить достоверность этимологий Сюй Шэня в том числе. Все это привело, с одной стороны, к возникновению большого числа работ совершенно спекулятивного характера, когда некоторые авторы начинают додумывать, выражать свои субъективные точки зрения относительно возможного происхождения того или иного знака. С другой стороны, по-прежнему невозможно сказать, что в Китае существует единодушие в интерпретации ряда знаков. В отечественной синологии подобных этимологических словарей китайских письменных знаков на сегодняшний день по-прежнему нет.

В качестве примера представляется возможным рассмотреть один из знаков словаря Сюй Шэня – знак «труп (shī 尸)».

Не нарушая существующую традицию, прежде всего, следует продемонстрировать характеристику данной пиктограммы, предложенную Сюй Шэнем. В словаре Шовэнь знак «труп (shī 尸)» описывается довольно кратко и выглядит следующим образом «陳也。象臥之形。凡尸之屬皆从尸。式脂切», что значит «изображение лежащего ничком человека». Сегодня, безусловно, сложно судить о том, насколько в форме данного иероглифа изобразительной катего-

рии угадывается лежащий человек. Возможно, более целостное представление об этимологии данного знака может сложиться в результате сопоставительного анализа с точками зрения других грамматологов.

Для сравнения рассмотрим этимологию этого же знака, предложенную китайским исследователем Цзоу Сяоли [邹晓丽 1988]. Надо отметить, что автор не только пытается показать эволюцию развития всех 540 знаков, предложенных Сюй Шэнем, за счет введения дополнительной информации о трансформации знака в разные исторические периоды (в период цзягувэнь и цзиньвэнь в том числе), но также группирует их по тематическим группам тезаурусного типа.

У Цзоу Сяоли представлена довольно подробная словарная статья, в которой представлена эволюция знака: в период Цзягувэнь знак имел вид 𠂇, в период Цзиньвэнь – 𠂈, в период Поздняя Чжоу – 𠂉 и 𠂊. Словарная статья объясняет: «знаком 尸 обозначался сидящий человек, выступавший в роли умершего предка во время жертвоприношения, принимающего подношения (жертвоприношения) от своих родственников-потомков. Так как данный сидящий человек символизирует умершего человека, знак «труп» изображает человека недвижимого в сидячем положении. Впоследствии к знаку «труп» был добавлен элемент «смерть (死)», в результате был образован другой знак (так называемая, разнопись) «труп ши (屍)» и только после этого знак «尸 Ши» стал выступать в значении «труп, мертвое тело» [邹晓丽 1988].

Кроме того, продолжает Цзоу Сяоли, знак «shī 尸» начинает использоваться в значении знака «yí 夷 (покойник)» в эпоху поздняя Чжоу.

В электронном словаре пиктограмм Vividict (в основе которого лежит целый ряд этимологических словарей) дается следующее определение знака «труп (shī 尸)»: знаки «尸 труп» и «人 человек» имеют родственное происхождение. В период Цзягувэнь знак изображал сидящего человека – 𠂇. Древняя традиция позволяла живому человеку сидеть на месте жертвоприношения, чтобы «от имени покойного» принимать соблезновения народа. В период Цзиньвэнь (надписей на бронзе) знак пишется практически так же, как и в период Цзягувэнь и изображает сидящего человека 𠂇. В стиле Чжуань форма знака довольно серьезно меняется, исчезает изображение «руки» – 𠂇. Уже в стиле Кайшу знак приобретает свой современный вид и теряет первоначальную связь с изображением сидящего человека – 尸. Авторы словаря подчеркивают, что если знаком «shī 屍»

обозначался труп действительно мертвого человека, то знаком «shī 尸» – обычно «живой человек, который исполняет роль мертвого». В древней литературе оба знака часто взаимозаменялись.

Таким образом, анализ показал, что в первом этимологическом словаре Сюй Шэня представлен уже «упрощенный» вариант знака «труп» без руки – 尸. Даже с учетом образности и изменений данной пиктограммы в нем очень сложно распознать сидящего или лежащего ничком человека. В то время, как знаки стиля Цзягувэнь и Цзиньвэнь дают более полное представление об их первоначальной этимологии.

В отечественной синологии исследованием древнекитайского письма занимались такие выдающиеся ученые конца 19 – начала 20 вв., как В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, Ю.В. Бунаков, И.М. Ошанин. Оценивая указанные сочинения с позиций современного состояния лингвистики вообще и грамматологии в частности, необходимо отметить, что в них можно найти глубокое предвидение эволюции научных знаний, некие предтечи нынешнего их состояния. Между тем, невозможно сказать, что эти работы получили широкую известность в научных кругах.

В частности, диссертационное исследование И.М. Ошанина «Происхождение, развитие и структура современного китайского письма», защищенное в 1943 году, удивительно точно описывает, комментирует и указывает на недостатки этимологического словаря Шо вэнь цзе цзы. В частности, «весь подход «Шовэня» к иероглифическому письму», пишет автор, «может являться субъективным, отражающим мировоззрение господствующих классов феодального общества и, следовательно, бесконечно далеким образом мышления первобытного человеческого коллектива, создавшего первые символы и идеограммы» [Отечественные труды... 2014, с. 166].

К сожалению, несмотря на сохранившиеся теоретические выводы и замечания о развитии китайской письменности и словаре Шовэнь в том числе, практическая часть диссертационного исследования И.М. Ошанина, к которой автор делает отсылки в иллюстрации примеров, утеряна. Соответственно, выводы великого ученого, представляется возможным подтвердить только эмпирическим путем, путем восстановления и анализа языковых данных.

Таким образом, этимологии базовых знаков китайской письменности требуют дальнейшего изучения и осмысления. Это в определенной степени представляется возможным осуществить в рамках научного проекта (исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «Этимологии базовых знаков китайской письменности» №18-012-00412). Коллективом авторов бу-

дуг сопоставлены этимологии Сюй Шэня с данными других китайских этимологических словарей (словарь 李学勤), а также работами некоторых китайских ученых грамматологов (таких, как Цзоу Сяоли, Ван Нин, Цю Сигуй и др.) на предмет установления и анализа возможных первичных форм и этимологий.

Источники

许慎.说文解字.北京,中华书局出版,1996

Литература

1. Бунаков Ю.В. Китайская письменность // *Китай, история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость*. Ленинград, 1940. №1. С. 352-384.
2. Васильев В.П. *Анализ китайских иероглифов*. Часть 1-я. Изд. 2-е. – СПб: Типография Безобразова и Комп., 1898. 133 с.
3. Васильев В.П. *Анализ китайских иероглифов*. Часть 2-я. *Элементы китайской письменности*. СПб: Печатня А. Григорьева, 1884. 99 с.
4. Георгиевский С.М. *Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа*. СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1888. 180 с.
5. Готлиб О.М. *Основы грамматики китайской письменности*. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 284 с.
6. *Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т.* / Гл. ред. М.Л. Титаренко [и др.]. Т. 1. *Философия* / Под ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова. М.: Вост. лит., 2006. 727 с.
7. Кондрашевский А.Ф. *Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей «шювэня»*. Автореф. канд. дисс. М.: МГУ, 1982.
8. *Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв.* : В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, Ю.В. Бунаков, И.М. Опанин / авторы: Готлиб О.М., Кремнёв Е.В., Шишмарева Т.Е. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.
9. Опанин И.М. *Происхождение, развитие и структура современного китайского письма*: дис. ... канд. филол. наук. М: Военный институт иностранных языков Красной Армии, 1943.
10. Топоров В.Н. *Исследования по этимологии и семантике*. Т. I: *Теория и некоторые частные ее приложения*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 816 с.
11. Шер А.Я. *Что нужно знать о китайской письменности*. М.: Наука, 1968.
12. 邹晓丽.文字学概要:函授教材.北京,2008.258 p.
13. 唐兰.中国文字学.上海古籍出版社,2005.312 p.
14. 王宁.汉字构形学导论.北京:商务印书馆出版,2015.365 p.
15. 裘锡圭.文字学概要.北京:商务印书馆,1988 第1版,2002 第8次印刷。

Т.В. Топорова
ИЯз РАН (Москва)

Сопоставительный анализ обозначений дороги, пути в «Старшей Эдде» и «Ригведе»

1. Введение

Тематика *дороги, пути* приобретает особую актуальность по экстралингвистическим соображениям: дело в том, что «во времена Ригведы племена ариев вели полукочевой образ жизни – они медленно продвигались в глубь полуострова Индостан с северо-запада на юго-восток, завоёвывая местные племена» [Елизаренкова 1999, с. 72], поэтому понятие *дороги, пути* не могло не быть исключительно важным при таких обстоятельствах.

Комплексный анализ наименований *дороги, пути* в «Ригведе» был осуществлён Т.Я. Елизаренковой (см. подробнее [Елизаренкова 1999, с. 72-93]), составившей уникальные «словарики узуса того или иного синонима в гимнах РВ в их соотношении с типами мифологических контекстов и со стилистическими особенностями текста» [Елизаренкова 1999, с. 17], и это всестороннее исследование служит базой для сравнения с эддическими фактами.

Главная цель настоящей статьи состоит в выявлении сходств и различий в номинациях *дороги, пути*, зафиксированных в двух эпических произведениях – древнеисландской «Старшей Эдде» и древнеиндийской «Ригведе», причём внимания и интерпретации заслуживают мельчайшие, даже самые незначительные на первый взгляд контексты, обнаруживающие интересующие нас явления.

Обратимся к исследованию наиболее релевантных совпадений языковых эддических и ведийских фактов, к перечислению и трактовке которых мы и переходим:

1) **Структура семантического поля** *дорога, путь* приблизительно одинакова: в «Старшей Эдде» ему принадлежат одиннадцать существительных, а в «Ригведе» – более десяти существительных; этот феномен тем более удивителен, что мы имеем дело с корпусом текстов совершенно разного объёма, ср. 1028 ведийских гимнов на фоне более чем компактного собрания эддических песен.

2) **Состав семантического поля** *дорога, путь* неоднороден: он включает и окказионализмы, дериваты глагола (например, др.-исл. *ferð* ‘поездка, путь’, *føert* ‘поездка, путь’; *bál-för* ‘погребального

костра путь’; др.-инд. *éman-* ‘движение’, ‘путь’ (корень *i-* ‘идти’, ‘ехать’, ‘двигаться’; *cáraṇa-* ‘движение, странствие’, ‘путь’ (корень *car-* ‘двигаться’, ‘ехать’, ‘странствовать’ и др. [Елизаренкова 1999, с. 92]), и композиты (др.-исл. *logn-for* ‘тишины путь’), *stígr* ‘тропа’ (не в виде простой лексемы, а в качестве второго компонента сложных слов – *vil-stígr* ‘радости тропа’, *flug-stígr* ‘полёта тропа’; *vá-stígr* ‘несчастья тропа’; *villi-stígr* ‘дикая тропа’); др.-инд. *su-gá-*, *su-pátha-* ‘хороший путь’), а также лексемы, для которых значение ‘*дорога*’ не является основным.

3) Не менее уникальным можно считать и доминирование **вин. над.** в функции прямого объекта в составе парадигм различных номинаций *дороги, пути*. В «Ригведе» максимальной частотностью отличается синтаксическая конструкция «создавать / делать *дорогу*» (примеры см. ниже), зафиксированная и в «Младшей Эдде», ср. *Þeir gáfu staðar öllum eldingum, sumum á himni, sumar fóru lausar undir himni, ok settu þó þeim stað ok sköpuðu göngu þeim* (SnE: Gylf. 7, 19) «Они [боги] дали место всякой искорке: одни укрепили на небе, другие же пустили летать в поднебесье, но и этим назначили своё место и *создали* им *пути*»; *gera þar á bálfor Baldrs* (SnE: Gylf. 48, 52) «*сделать погребального костра путь* Бальдра».

4) **Семантические мотивировки** *дороги, пути*:

а) **дорога, путь – забег**: *hann munn freista at renna skeið nokkur við einhvern þann, er Útgardaloki fær til* (SnE: Gylf. 45, 29) «он должен попробовать *пробежать* некоторый *путь* со всяким, на кого укажет Утгарда-Локи»; *Þá taka þeir er fyrsta skeið ok er Hugi því framarr* (SnE: Gylf. 45, 37) «Начинают они первый *забег* (= *путь*), и Хуги настолько опережает»; *Þá taka þeir aprt annat skeið* (SnE: Gylf. 45, 42) «Начинают они второй *забег* (= *путь*)»; *jáyantam ájma pramṛṇántam ójasā | imāṃ sajātā ānu vīrayadhvam* (РВ X, 103, 6) «Выигрывающему *забег*, с силой раздробляющему – ему, о соплеменники, подражайте в геройстве!» (об Индре) [Елизаренкова 1999, с. 85].

б) **дорога, путь – след**: *hitto þar slóð Fáfnis* (Fm. проз. 3) «*нашли там след* (= *путь*) Фафнира-змея»; *Sigurðr reið eptir slóð Fáfnis* (Fm. проз. 44) «Сигурд *поскакал по следу* (=пути) Фафнира-змея»; *véda vātasya vartaním* (РВ I, 25, 9) «Он (Варуна) знает *путь* (*след*) ветра» [Елизаренкова 1999, с. 86].

в) **дорога, путь – водный путь**: *Þórr tók árar ok ræri, ok þótti Hymí skríðr verða af róðri hans* (SnE: Gylf. 47, 29) «Тор взял вёсла и стал грести, и показалось Хюмиру, что образуется *расстояние* от его грёбли»; *áramayaḥ sárapasas tārāya kām | turvītaḥ sa vaṃyāya sa srutím* (РВ II, с. 13, 12) «Ты остановил текучие воды, чтобы (их мож-

но было) пересечь, для Турвита и Вайи ты (создал) *путь*» [Елизаренкова 1999, с. 88].

г) **дорога, путь – шаг**: «*scriðr m. 'schritt', gleitende bewegung, fahrt (des schiffes: Háv. 82)*» [Kuhn 1968, с. 179]; др.-инд. *vrájana-* ‘путешествие’, ‘путь’ < *vraja-* ‘шагать’, ‘идти пешком’, ‘путешествовать’ (PB V, 3, 2) [Елизаренкова 1999, с. 92].

д) **дорога – быстрое движение**: þat var eitt sinn, er hon **reið**, at vanir þökkurir sá **reið** hennar í loptinu (Gylf. 34, 39) «Это было один раз, когда она [богиня Гна] скакала, и некоторые ваны видели её *путь* (= скачку) по воздуху»*; др.-инд. *ájman-* < *áj-* ‘гнать’, ‘погонять’, «соответственно *ájman-* обозначает путь, по которому осуществляется быстрое движение» [Елизаренкова 1999, с. 84].

е) **дорога, шаг – поворот, вращение**: heim í sinni **snúaz** (Alv. 1) «домой в *пути повернуться*»*; þá **snúask** þeir til **ferðar** (SnE: Gylf. 46, 5) «*поворачивают* они в *дорогу*»*; др.-инд. *vartani-* < *vrt-* ‘поворачивать(ся)’, ‘катить(ся)’, ‘вертеть(ся)’ имеет следующие значения: 1) перекачивание, бег; 2) обод колеса; 3) колея; 4) дорога [Елизаренкова 1999, с. 85].

5) **Дорогу, путь можно измерить, выделить её части**:

а) «**Середина дороги**» («**средняя дорога**»): Gecc hann meirr at þat **miðgar brautar** (Rp. 2; 6; 20; 33) «Шёл он по самой *средней дороге*»*; jagáma sūgo *ádhvano vímadhyam* (PB X, 179, 2) «Солнце достигло середины (своего) *пути*» [Елизаренкова 1999, с. 80].

б) «**Конец дорог(и)**» – др.-исл. *skeiðs-endi* ‘дороги конец’ (Gylf. 45, 38; 42); др.-инд. *pathám visargé* (PB X, 5, 6) «в конце дорог» (= в конце света) [Елизаренкова 1999, с. 75-76].

в) «**Богов дорога**» – др.-исл. *regin-braut, goð-vegr*; др.-инд. *pánthā devayānā* (PB VII, 76, 2) [Елизаренкова 1999, с. 74].

г) «**Мёртвых дорога**»: др.-исл. *hel-vegr, val-sinni*; «это название пути – др.-инд. *path-* и *pathiā-* употребляются также в связи с царём мёртвых Ямой; ср. *путь умерших* в PB X, 14, 2» [Елизаренкова 1999, с. 75, 79].

д) «**Солнца дорога**»: sú scal **ríða**, þá er regin deyiá, // móður **brautir** mæg (Vm. 47) «она [дочь солнца] должна *скакать*, когда боги умрут, // матери *дорогами* дева»*; Hversu stýrir hann **gang sólar** еða tungls? (SnE: Gylf. 10, 1; 11) «А как правит он **дорогой** солнца и звёзд?»; rádat *pathó váguṣaḥ sūryāya* (PB VII, 87, 1) «Варуна проложил пути солнцу» [Елизаренкова 1999, с. 86].

е) «**Рек дорога**»: enn af hans hornom drúpr í Hvergelmi, // þaðan eigo vötn öll **vega** (Grm. 26) «в Хвергельмир (подземный источник) падает влага с рогов (оленя Эйктюрнира) – // оттуда имеют все *реки*

пути»; др.-инд. *path-* употребляется также в связи с *реками*, которые следуют по *пути*, пробуравленному для них Индрой» [Елизаренкова 1999, с. 75].

10) «**Коня дорога**»: Gull var þar eigi á Grana **leiðo** (Vkv. 14) «Золота не было на *пути* Грани (коня Сигурда)»*; samánám *ájmat*, páru eti jágrviḥ (PB III, 2, 12) «Кружит он, бодрствующий, по одному и тому же *пути*»¹ [Елизаренкова 1999, с. 84].

11) «**Владыка дороги**»: nökkurr myndi vera **stjórnari** himintunglanna, sá er stilla myndi **gang** þeira at vilja sínum, <...> hann gæðr **gangi** himintungla (SnE: Prol. 1, 18-24) «есть некто *управляющий* небесными светилами, соразмеря по своей воле их *путь*, <...> он управляет *путём* небесных светил»; др.-инд. *pathas pate* (PB VI, 53, 1) [Елизаренкова 1999, с. 75].

12) «**Прямая дорога**»: Gecc Rígr at þat **réttar brautir** (Rp. 14; 26) «Шёл снова Риг *прямыми дорогами*»*; sugó hí vo aryaman mitra pánthā // anḥṣaró varuṇa sādhrú ásti (PB II, 27, 6) «Ведь ваш *путь* легко проходим, о Арьяман (и) // Митра, он без шипов (и) *прям*, о Варуна» [Елизаренкова 1999, с. 74].

13) «**Окольная дорога**»: *Afhvarf* mikit er til illz vinar (Háv. 34) «*Окольный путь* большой есть к плохому другу»*; др.-инд. *vípathi-* ‘идуший окольными путями’ » [Елизаренкова 1999, с. 78].

14) «**Длинная / далеко простирающаяся дорога**»: Völundr, líðandi um **langan veg** (Vkv. 8) «Вёлунд, пришедший из *длинного пути*»*; çrutvá hávam maruto yád dha yáthā | bhúma rejante *ádhvani právikte* (PB VI, 50, 5) «Когда же, услышав зов, вы выезжаете, о Маруты, трясется земли на *далеко простирающемся* вашем *пути*» [Елизаренкова 1999, с. 79].

15) «**Широкая дорога**»: Allar vóro af scafnar, þær er vóro á ristnar, // oc hverfðar við inn helga mið, // oc sendar á *víða vega* (Sd. 18) «Все [руны] были соскоблены, они были вырезаны // и смешаны со священным мёдом, // и посланы на *широкие дороги*»*; urítu po gātúṃ kṛṇu soma mīḍhvaḥ (PB IX, 85, 4) «Создай нам *широкий путь*, о Сом щедрый!» [Елизаренкова 1999, с. 82].

16) «**Хорошая дорога**»: ok var þar **gott skeið** at renna eptir sléttum velli (SnE: Gylf. 45, 34) «и была там *хорошая дорога* пробежать по ровному полю»*; др.-инд. *su-gá-, su-pátha-* ‘хороший путь’, [Елизаренкова 1999, с. 90-91].

17) Вторичное значение «**истинный, праведный путь**»: *Afhvarf* mikit er til illz vinar, // ... enn til góðs vinar liggja *gagnvegir* (Háv.

¹ «Об Агни, курсирующем между богами и людьми и имплицитно сравниваемом с конем, которого гоняют по кругу» [Елизаренкова 1999, с. 84].

34) «Окольный (= кривой, неправильный) путь большой есть к плохому другу, // ... а к хорошему другу лежат *прямые* (= праведные) *пути*»*; «в гимне Ашвинам VIII, 22, 7 *ṛtásya pathibhiḥ* «путями (вселенского) закона» Гельднер переводит как «истинный путь», и это значение зафиксировано в словаре Бётлинга» [Елизаренкова 1999, с. 73].

18) «Создать, сделать дорогу»: *ok sköruðu göngu þeim* (SnE: Gylf. 7, 19) «и *создали* им (небесным светилам) *пути*»; *sómāsaḥ kṛṇvate pathāḥ | rávamānāsa índavaḥ* (PB IX, 101, 8) «Соки сомы *создают* себе *пути*, эти очищающиеся капли» [Елизаренкова 1999, с. 78]; *kárta no ádhvan ā sugám* (PB VI, 51, 15) «*Создайте* нам хороший *путь* в странствии!» [Елизаренкова 1999, с. 79].

19) «Видеть дорогу»: *ok sá þeir ferð hans* (Gylf. 5; 8) «и они *предвидели* его *путь*»*; *vanir nökkurir sá reið hennar í loptinu* (SnE: Gylf. 34, 39) «некоторые ваны *видели* её *путь* по воздуху»*; *prá me ránthā devayānā* (PB VII, 76, 2) «стали мне *видны* *пути*, ведущие к богам» [Елизаренкова 1999, с. 74].

20) «Знать или найти дорогу»: *hvert lystir yðr leið at kanna* (НН. II 5) «куда вам хочется *путь* *узнать?*»*; *Fram lágo brautir, fundo vástígo* // *oc systor son sáran á meidi* (Нм. 17) «Впереди лежали дороги, *нашли* *несчастья* *дорогу* // и сына сестры мёртвого на дереве»*; *vidvān pathīnām* (PB V, 1, 11) «знаток путей» [Елизаренкова 1999, с. 75]; «в падежной парадигме *path-* очень употребителен вин. пад., для которого характерны следующие контексты: *знать* или *найти* *путь*, например, для жертвы к богам или для захвата добычи» [Елизаренкова 1999, 77].

21) «Проходить путь»: *vegr*, *er vætki trøðr* (Háv. 119) «*дорога*, по которой никто не *ступает*»*; *sádā sugáḥ pítumán astu ránthā* (PB III, 54, 21) «Да будет (наш) *путь* всегда легко проходимым, богатым питанием» [Елизаренкова 1999, с. 83].

22) Антитеза *дорога, путь – дом*: *heim í sinni snúaz* (Alv. 1) «*домой* в *пути* повернуться»*; *yáthā sám ádhvañ chám duroné* (PB X, 37, 10) «Чтоб счастье было *пути*, счастье в *доме*» [Елизаренкова 1999, с. 80].

23) Метафора *дорога, путь – судьба*: *leið vísa þú – lagt er alt fyrir -, // mér, ef þú vilt, móðurbróðir!* (Grp. 24) «*путь* покажи, – всё положено (то есть предопределено) -, // знаменитый, мне, матери брат!»*; *svastí ránthām ānu carema | sūryācandramāsāv iva* (PB V, 51, 15) «На благо пусть идём мы по *пути*, словно солнце и луна!», др.-инд. *path-* обозначает здесь *путь* *смертных* – их *жизненный путь*» [Елизаренкова 1999, с. 76].

24) Метафора *дорога, путь – выход*: ... *við Gunnarr at fá tvær leiðir* (Am. 21) «... с Гуннараром получить два *пути* (два решения, два

варианта)»*; «вин. пад. *gāni-* значит, как правило, «создать широкий *путь*», «создать *счастливы* *выход*» [Елизаренкова 1999, с. 77-78].

25) *Дорога, путь в космогоническом мифе*: *Hver er leið til himins af jǫrðu?* (SnE: Gylf. 12, 1) «Какой есть *путь* к небу с земли?»*¹; «Космический *путь* сомы – это *путь* *дождя* с неба на землю» [Елизаренкова 1999, с. 88].

26) *Дорога, путь в мифе о сакральном напитке*: др.-исл. *vil-stígr* ‘радости тропа’ (Háv. 100); фигурирует в *мифе* о «*мёде поэзии*», в котором служит для номинации *дороги* *Одина* к великанше Гуннлёд, охраняющей сакральный напиток, дарующий поэтическое искусство тому, кто его вкушает; в гимнах Соме-Паваманы описывается либо «*путь* *сока* через *цедилку* из овечьей шерсти в сосуд, где его смешивают с добавлениями в ритуале приготовления амриты, или мифический *путь* *Сомы* на небо. Ср., например, IX, 91, 3» [Елизаренкова 1999, с. 75].

27) *Этимологическая фигура* в номинации *дороги, пути*: *Þat var eitt sinn, er hon reið, at vanir nökkurir sá reið hennar í loptinu* (SnE: Gylf. 34, 39) «Это было один раз, когда она [богиня Гна] *скакала*, и некоторые ваны *видели* её *путь* (= *скачку*) по воздуху»*; *uśā āra svāsus tāmah | sám vartayati vartaniṃ sujātātā* (PB X, 172, 4) «Ушас *мрак* (своей) сестры (прогоняет) прочь. | Она *свёртывает* её *след*, потому что (сама) прекраснорождённая» [Елизаренкова 1999, с. 86].

Подводя итоги сравнительного анализа номинаций *дороги, пути* в древнеисландских «Старшей» и «Младшей Эдде» и древнеиндийской «Ригведе», следует отметить большое количество совпадений, затрагивающих практически все сферы их реализации – общее число компонентов в семантическом поле, обнаруживающем к тому же изоморфизм структуры, одинаковая ключевая синтаксическая функция прямого объекта, выраженного *вин. пад.*, параллелизм семантических мотивировок, как правило, детерминированных видом движения или его скоростью (*дорога, путь* как *забег, шаг, водный путь, след, поворот, вращение, быстрое перемещение*) и физических характеристик (в частности, свойства быть *измеренной*, представлять *часть* и *целое*, иметь *середину* и *конец*). Эддический и ведийский материал позволяет выявить многочисленные словосочетания или миниконтексты, в которых фигурируют обозначения *дороги, пути, киноры*, которые можно распределить по трём группам: *именные* (*богов дорога, мёртвых дорога; солнца дорога; рек дорога; коня дорога; владыка дороги*), *атрибутивные* (*прямая дорога, окольная доро-*

¹ В эддической мифопоэтической модели мира *дорогу, путь* с земли на небо реализовал мост Биврёст, букв. «дрожащее расстояние».

га, широкая дорога, хорошая дорога), глагольные (создать, сделать дорогу; видеть дорогу; знать, найти дорогу). Особого упоминания заслуживает то обстоятельство, что зафиксированы и более сложные концепты: антитеза *дорога, путь – дом* и переносные значения (ср. метафоры *дорога, путь – жизненный путь; дорога, путь – выход, решение*). Соотношение исследуемых нами лексем и обозначаемых ими денотатов в языке «Ригведы» и «Старшей» и «Младшей Эдды» определяется не в последней степени моделью мира и мифологии в ведийских ариев и древних исландцев, демонстрирующих и в этой области совпадения, ср. участие *дороги, пути* в космогоническом мифе (*дорога с земли на небо; солнца дорога; рек дорога; владыка дороги; создать, сделать дорогу* – о демиургической деятельности богов) и в мифе о сакральном напитке. Особую ценность приобретает засвидетельствованная в обоих ареалах этимологическая фигура в номинации *дороги, пути*, которую можно трактовать как один из реликтов индоевропейского поэтического языка. Большое количество совпадений, репрезентированных в обозначениях *дороги, пути* в «Ригведе» и «Старшей» и «Младшей Эдде» объясняется, по всей вероятности, наличием в этих произведениях письменности мощного мифологического пласта общих представлений, типичных для архаичной модели мира, который в значительной степени обуславливает выбор обозначения *дороги, пути* в каждом конкретном случае, а также их функционированием в качестве блестящих образцов индоевропейского поэтического языка. Разумеется, нельзя полностью исключать возможности чисто типологического сходства; например, как языковые универсалии можно трактовать семантические мотивировки *дороги, пути*, производные от видов движения.

Основные различия, касающиеся номинаций *дороги, пути*, объясняются прежде всего различным статусом и соответственно стилем исследуемых текстов – культовой поэзии, преследующей цель установить коммуникацию между адептом и божеством, рассматриваемой сквозь призму ритуала («Ригведа»), и песен мифологического и героического содержания («Старшая» и «Младшая Эдда»). Именно по этой причине в «Ригведе» акцентируется внимание на **благоприятном** для адепта аспекте *дороги* – её положительных коннотациях, достигающих в некоторых гимнах апофеоза – её прославления. Кроме того нельзя упускать из вида и ещё одну особенность стиля «Ригведы» – стремления довести до божества желаемую информацию всеми возможными способами, в том числе и её дублированием. Ср. гимн богу Пушану (I, 42, 1-3), считающемуся покровителем

дорог и путешествий, «сознательную игру различными названиями дороги, которую ведёт поэт» [Елизаренкова 1999, с. 89]. Помимо прочего номинациям *дороги, пути*, как и в целом лексике «Ригведы», свойственна высокая степень метафоричности и символичности, чего нельзя сказать о «Старшей» и «Младшей Эдде».

Сокращения

PВ – «Ригведа»

Названия песен «Старшей Эдды»

Alv.	Alvíssmál	“Речи Альвиса”
Am.	Atlamál in grœnlensco	“Гренландские речи Атли”
Fm.	Fáfnismál	“Речи Фафнира”
Grm.	Grímnismál	“Речи Гримнира”
Grp.	Grípisspá	“Пророчество Грипира”
Háv.	Hávamál	“Речи Высокого”
HH.	Helgaqviða Hundingsbana	«Вторая песнь о Хельги убийце Хундинга»
H.	önnor	Хундинга»
Hm.	Hamðismál	«Речи Хамдира»
Rþ.	Rígsþula	«Песнь о Риге»
Sd.	Sigrdrífomál	“Речи Сигдривы”
Vkv.	Völundarqviða	«Песнь о Вёлунде»
Vm.	Vafþrúðnismál	“Речи Вафтруднира”

Названия глав «Младшей Эдды»

Gylf.	Gylfaginning	«Видение Гюльви»
Prol.	Prologus	“Пролог”
SnE	Edda Snorra Sturlusonar	“Младшая Эдда”

Источники

1. Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.
2. Snorri Sturluson. Edda. Udg. af Finnur Jónsson. København, 1900.

Литература

1. Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. М.: Вост. лит., 1999. 240 с.
2. Kuhn H. Kurzes Wörterbuch / Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. Bd. II. Dritte umgearbeitete Aufl. des kommentierenden Glossars. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968. 245 S.

А.А. Блинов
ИВ РАН (Москва)

Эвфемистические обороты для обозначения понятия смерти в арабском языке

1. Введение

Эвфемизм – это слово или словесный оборот, употребляемые с целью смягчить грубое выражение. Они широко используются в речи и на письме как синонимы грубых или считающихся неприличными лексем. Очевидно, что появление эвфемизмов связано с так наз. языковыми табу, возникшими еще в глубокой древности и запрещающими прямые указания на такие опасные предметы и явления, как, например, боги и болезни, поскольку считалось, что их упоминание может вызвать само явление. Именно тогда обнаруживалась слабость человека перед подобными явлениями, которые он не мог объяснить. Сюда также относятся и различные наименования смерти, произнесения которых в древности старались всячески избежать.

Если рассматривать употребление языковых табу в арабском языке, то можно констатировать, что, по всей вероятности, появление эвфемизмов пришлось на период Джахилии, т.е. до принятия арабами ислама. Арабы, так же как и многие другие народы, верили, что упоминание определенных слов (например, обозначений смерти, названий болезней, имен некоторых животных и джиннов) может навлечь на говорящего беды и напасти. Как отмечают в этой связи иракские ученые Н.Дж. Хади и М.А. Джасим, арабы считали, что «произнесение слова «смерть» сразу вызывает смерть, а также произнесение слова «змея» вызывает ее из норы, и она жалит того, кто вызвал или произнес ее название» [Хади & Джасим 2016, с. 114].

Первый памятник арабского литературного языка – священный Коран – также содержал большое количество эвфемизмов, предназначенных для опосредованного указания на социально неприемлемые явления в арабском обществе, такие как интимные отношения и физиологические функции. Таким образом, можно сделать вывод, что это явление укоренилось в арабском языке уже в глубокой древности.

Более того, арабские ученые начали изучение подобных языковых фактов уже с 8 в. н.э., когда появилась книга ведущего арабского грамматиста того времени Йахйа ибн Зияда аль-Фарра (761-822) «Значения Корана». Тем не менее и он, и большинство ученых после него приравнивали эвфемизмы в арабском языке к метонимии (от араб. *kināyah*), с помощью которой арабы заменяли недопустимые

выражения. Среди них можно выделить таких известных писателей, поэтов, богословов и лингвистов, как Абу Усман аль-Джахиз (775-868), Аль-Мубаррад (826-898), Ибн Фарис (?-1004/1005), Абу Мансур ас-Саалиби (961-1038), Абд аль-Кахир Аль-Джурджани (1009-1078) и многие другие. Понимая под эвфемизмом метонимию, они исключали из его анализа оценочный компонент, чем значительно обедняли рассмотрение многогранной структуры эвфемизма, хотя с формальной точки зрения были правы в его трактовке как переноса наименования с одного предмета на другой на основании их смежности.

Другие арабские ученые, напротив, старались придумать новый термин для обозначения понятия «эвфемизм», хотя их изыскания скорее сводились к описательному наименованию этого явления. Так, в качестве эквивалента понятия «эвфемизм» Ибн Кутайба использовал термины *at-talattuf* «любезность, учтивость, вежливость» и *husnu t-ta'tīd* «красота намеков» [Ibn Qutaybah 1986, p. 214-215], Абу Хиляль аль-Аскари (?-1010) ввел в научный оборот для его обозначения термин *muḥassin lafẓiyyu* «словесное украшение» [Al-'Askarī 1952, p. 427], а Ибн Рашик (1000-1064) наряду с *al-kināyah* активно внедрил термин *tawḡiyah* «двусмысленность» [Ibn Rašīq 1972, p. 311-312].

Интересно, что проблема выделения отдельного термина для обозначения понятия «эвфемизм», стоявшая перед средневековыми учеными на протяжении многих столетий, сохраняется в арабской лингвистике и в настоящее время. Общеизвестными терминами до сих пор остаются *al-kināyah* «метонимия» и в меньшей степени *at-talattuf* «любезность, учтивость, вежливость», однако в различных арабских странах предпринимаются попытки найти новый эквивалент для замены этого понятия. Например, это такие термины, как *husnu t-ta'bīr* «красота выражения», предложенный иракским ученым Хакимом Маликом Лаиби в 1980 г. [La'ībī 1980, p. 105], *at-talṭīf* «смягчение», представленный тунисским филологом Мухаммадом аль-Хади ат-Тараблуси в 1981 г. [At-Tarāblusī 1981, p. 213], *talṭīfu l-'ibārah* «смягчение фразы», разработанный ливанским исследователем Мухаммадом Али аль-Хули в 1982 г. [Al-Khulī 1982, p. 282], или *tahwīn* «облегчение», включенный лексикографами из Бейрута Кямилем аль-Мухандисом и Маджи Вахбой в составленный ими «Словарь арабских терминов в языке и литературе» [Wahba 1984, p. 125].

В последнее время в арабском мире появилось большое количество исследований, посвященных не только эвфемизмам в общем, но и эвфемистическим оборотам для обозначения понятия смерти в арабском языке. Среди них можно выделить, например, работу иорданских ученых Омара Мухаммеда Бани Муфарраджа и Фавваза аль-

Абида аль-Хакка «Социолингвистическое исследование эвфемистических выражений для обозначения смерти в иорданском диалекте арабского языка» [Mofarrej & Al-Haq 2015], труд египетского лингвиста Мухаммеда Мазина Галая «Эвфемизмы для обозначения смерти в английском и арабском языке: концептуальный подход к метафоризации» [Galal 2014], статью сирийской исследовательницы Сальмы Хаддад «Эвфемизация смерти» [Haddad 2009] и многие другие.

К сожалению, за пределами арабского мира данному вопросу уделяется сравнительно небольшое внимание. Из крупнейших работ в данной области можно вспомнить разве что докторскую диссертацию индийского исследователя Ахмеда Мухаммеда Салиха «Табуированные слова и эвфемизмы в английском и арабском языке: контрастивное исследование» [Salih 2013], в которой значительное место занимает раздел, посвященный эвфемистическим конструкциям для описания смерти; имя и фамилия ученого, несомненно, выдают в нем арабское происхождение.

В отечественной арабистике арабские эвфемизмы остаются практически неисследованными. Даже те немногочисленные статьи, которые публиковались в российских изданиях по данной теме, были написаны арабскими учеными (например, статья иракских языковедов Н.Дж. Хади и М.А. Джасима «Об эвфемизме и табуированном эвфемизме в арабском языке» [Хади & Джасим 2016], напечатанная в волгоградском журнале «Наука и мир» и затрагивающая в том числе вопросы, рассматриваемые в настоящей статье). Кроме того, отдельные положения, касающиеся тематики настоящей работы, рассматривались также в статье иранских ученых Х. Изанлу и Х. Голами «Эвфемизация и дисфемизация концепта “смерть” в персидском языке», появившейся на страницах отечественного журнала «Молодой ученый» [Изанлу & Голами 2012].

В настоящей статье описываются различные классификации эвфемизмов для обозначения понятия смерти в арабском языке, разработанные арабскими учеными в настоящее время. Они демонстрируют разнообразные средства метафоризации, эвфемизации и метонимизации, используемые для передачи семантических оттенков понятия «смерть» в арабском языке, показывают особый взгляд самих арабов на процесс перехода к загробной жизни, опирающийся на арабо-мусульманское мировоззрение и нестандартное восприятие жизни и смерти, отражают избыток речевых оборотов и религиозных формул, употребляющихся в быту и на страницах арабской прессы.

Все языковые факты снабжены подробными текстовыми иллюстрациями из газет арабского мира для наглядного подтвержде-

ния их употребления в современном арабском литературном языке. В рамках данной работы все эвфемизмы для обозначения смерти переведены буквально с целью демонстрации особенностей их семантической структуры, несмотря на то что при обычном переводе их значение рекомендуется передавать при помощи наиболее нейтральных и эмоционально неокрашенных единиц в русском языке, поскольку именно им отдается приоритет в рамках материалов прессы, которые содержат только фактическую информацию.

2. Эвфемистические обороты для обозначения смерти

Арабская языковая картина мира складывается на основе мусульманских представлений о жизни, смерти, Боге и т.д. Арабы отличаются особым фаталистическим отношением к смерти, поэтому все богатство метафорических образов в арабском языке проявляется при рассмотрении стандартных способов описания смерти арабами, считающими ее переходом в другой мир, встречей с Всевышним и т.д. Например, *'intaqalat 'ilā rahmati-llah/d-dāri l-'āhīrah/dāri l-baqā'/r-rafiqi l-'a'lā'liwāri rabbihā* букв. «она перенеслась на милость Аллаха/в последний мир/в вечный мир/к Высшему Товарищу/ближе к Господу своему».

В исламе смерть рассматривается как путешествие или переход от одной жизни к другой, т.е. от материальной жизни к нематериальной или вечной. Это путешествие начинается с рождения и заканчивается смертью, когда люди встречают своего Творца или Создателя. Тогда наступает новая жизнь, правда, с иным видом и в другом месте, однако эта жизнь, как полагают арабы, даже лучше предыдущей. Например, в священном Коране написано следующее: *bal tu'shirūna l-hayāta d-dunyā wa l-'āhīrah hayrun and 'abqā* «Но нет! Вы отдаете предпочтение мирской жизни, хотя Последняя жизнь¹ – лучше и дольше»² [Коран, сура 87, аят 16-17].

Вера в возмещение к обещанной вечной жизни после смерти (маад) является одним из основных идейных принципов ислама. Мусульмане считают себя всего лишь прохожими или пришельцами в земной жизни, ищущими бессмертия и вечной жизни. Они воспринимают смерть как нечто неизбежное и предначертанное, т.е. мактуб (от араб. «написанное, предписанное»), после чего на небесах их будут судить по делам в земной жизни. По их мнению, неотвратимость смерти – это реальность, от которой не скрыться. Вне зависимости

¹ Здесь под Последней жизнью имеется в виду загробная жизнь.

² Здесь и далее – перевод Э. Кулиева.

от своей религиозной принадлежности, все арабы в той или иной степени разделяют эти убеждения.

Таким образом, несомненно, что «такая картина смерти, естественно, не должна вызывать страх в глазах верующих и совершающих праведные поступки» [Изанлу & Голами 2012, с. 181]. Следовательно, эвфемизация понятия «смерть и все, что с ней связано» в мусульманский период не была вызвана реакцией на табуированную лексику, обозначающую смерть и страх перед ней, а скорее служила для приукрашивания речи и речевой деятельности, демонстрируя исключительное ораторское искусство арабов, хотя, как мы уже упоминали выше, в эпоху Джахилии табуированные слова играли очень важную роль в жизни жителей Аравийского полуострова.

На этот аспект жизни арабского общества указывают и иорданские ученые Омар Мухаммед Бани Муфарадж и Фавваз аль-Абид аль-Хакк, отмечая, что «религия побуждает иорданцев, как и всех мусульман, не бояться смерти и говорить о ней привычно, чтобы напоминать им о другой, загробной жизни» [Mofarrej & Al-Haq 2015, p. 115].

Вслед за сирийским лингвистом, доктором Сальмой Хаддад мы можем разделить эвфемистические обороты для обозначения понятия смерти на 13 категорий³ [Haddad 2009, p. 50-53]:

1. Эвфемизация смерти как умиротворения и избавления от тягот и лишений земной жизни, невзгод, трудностей и т.д.

В данном случае подразумевается, что только после смерти люди находят покой, обретают мир. Сюда относятся такие эвфемизмы, как *qaḍaḍa bi-s-salām* «упокоиться с миром», *'irtāha* «успокоиться» (особенно когда смерть происходит после долгой борьбы с болезнью), *rāha wa taraka š-šaqā 'alā mīn baqā* «отправиться на покой и оставить все беды оставшимся» (сир. д.), *'irtāha min ha-d-dunyā* «отправиться из этого мира» (сир. д.); *'allah yatawallāhu bi-rahmatihī* «Аллах охватил его своей милостью» (употребляется в случае тяжелой болезни); *ar-rāḥatu l-'abadiyyah* «вечный покой» и т.д.

Такие эвфемистические обороты широко употребляются в арабской прессе. Например: *ba'da šalāšati 'ašhur 'alā wafātihi..ḡūrḡ māykl yarqudu bi-salām 'ilā ḡānibi wālidatihi* «Спустя три месяца после его смерти... Джордж Майкл покоемся с миром рядом со своей матерью» (Журнал «Ас-Сеййидати», Саудовская Аравия, 30.03.2017).

2. Эвфемизация смерти путем прямого или косвенного указания на религию.

³ Отнесение эвфемизма к одной или другой категории носит до некоторой степени условный характер, поскольку во многих случаях он может быть включен сразу в несколько групп одновременно.

Сюда относятся такие эвфемизмы, как *'intaqala 'ilā rahmati-llah ta'ālā* «перенестись на милость Всевышнего Аллаха», *'intaqala 'ilā ḡiwāri rabbihi* «перенестись ближе к Господу своему», *labbā nidā' rabbihi* «ответить на зов Господа своего», *yarhamuhu-llah* «да смилуется над ним Аллах! (соотв. церк. царство ему небесное!)», *'aslama g-rūh* «отдать Богу душу», *'intaqala 'ilā d-dāri l-'āḥirah* «перенестись в последний мир», *laqiya waḡha rabbihi* «встретить лик Господа своего», *fi zimmati-llah* «задолжать Аллаху», *naṭaqa š-šahādah* «произнести слова исповедования веры (перед смертью)», *fi dunyā l-haqq* «в мире Аллаха», *fi dāri l-haqq* «в доме Аллаха», *tagammadahu-llah bi-rahmatihī* «Аллах охватил его своей милостью», *'irtāhama* «быть одаренным милостью» (сир. д.), *sa'ida 'ilā s-samā'* «вознестись на небо», *'aḡaḡahu-llah* «Аллах забрал его к себе», *'iḡtārahu-llah* «Аллах выбрал его», *fi ḡannāti l-huld* «в садах бессмертия (т.е. райских кушач)», *'aḡaḡa-llah 'amānatahu* «Аллах забрал его безопасность», *ma'a l-'anbiyā'* wa *s-sālihīn* «вместе с пророками и праведниками», *ma'a l-'anbiyā'* wa *s-sādīqīn* «вместе с пророками и друзьями», *bayna yadayi l-mawlā* «в руках Господа», *bayna 'altāfi-llah* «в божьей милости», *tawaffāhu-llah* «Аллах взял его к себе» и многие другие.

Несомненно, что это самая многочисленная группа среди всех эвфемизмов, обозначающих понятие смерти в арабском языке. Она отражает принятое в арабо-мусульманской культуре многообразие упоминаний имен Аллаха и обращений к Всевышнему, показывает разносторонность специальных религиозных формул и клише, демонстрирует особое отношение арабов к таким конструкциям.

Ср. употребление таких выражений в арабских газетах и журналах: «*'ilā ḡannāti l-huld yā 'abī*... wadda'ati š-šarḡiyyah fi mawkib ḡanā'iziyy mahīb, masā'a l-yawmi l-'išnayn, ḡuḡmāna hānī 'abdi r-rahmān 'ulwān 'ibna qar'yati l-qabah «В сады бессмертия, отец мой»...Сегодня вечером Эш-Шаркия проводила в последний путь жителя деревни аль-Каба Хани Абдаррахмана Ульвана в ходе торжественной похоронной процессии» (Газета «Вето», Египет, 05.12.2017).

3. Эвфемизация смерти путем прямого или косвенного выражения эмоций.

В данном случае эвфемистический оборот, заменяющий слово со значением смерти, содержит указание на присутствие других живых людей (например, *raḡala 'annā* «ушел от нас, покинул нас») или обозначает их прямое или косвенное отношение к этому событию.

Сюда относятся такие эвфемизмы, как *ḡāba 'annā* «ушел от нас», *ḡāḡaranā* «покинул нас», *lam ya'ud baynanā* «его больше нет среди нас», *fāraḡanā* «оставил нас», *wada'anā* «покинул нас», *'inhatafa*

min bayna 'aydīnā «он был вырван из наших рук» (сир. д.), rāha min bayna 'aydīnā «ушел из наших рук» и т.д.

Например: fa-fi 28 šubbāt 1988 **gādarana mīhā** 'il nu'aymah 'an tis'ah wa tis'in 'āman tārikan warā'ahu siḡilan hāfilan bi-l-qissah wa s-sīrah wa s-sard wa r-riwāyah wa š-ši'r wa n-naqd wa l-fikr wa l-falsafah «28 февраля 1988 г. Михаил Нуайме **ушел от нас** в возрасте 99 лет, оставив после себя большую коллекцию рассказов, повестей, воспоминаний, романов, стихов, критических статей, размышлений и философских сочинений» (Газета «Ан-Нахар», Ливан, 28.02.2018).

4. Эвфемизация смерти путем описания ее процесса или ушедшего.

Сюда относятся такие эвфемизмы, как lafaḏa r-rūh «испустить дух», lafaḏa 'anfusahu l-'aḥīrah «испустить последние вздохи», muḥammalan «обремененный», maḥmūlan 'alā ḏahrihi «несомый на спине», maḥmūlan 'alā l-'aktāf «несомый на плечах» (во время похоронной процессии), 'alā qafāhu «на затылке» (сир. д.), saqaḏa «пасть» (особенно в бою либо при возникновении неожиданного происшествия, например взрыва), fāraqati r-rūhu l-ḡasad «дух покинул тело», fāraqathu r-rūh «душа оставила его», ḏala'at rūhuhu «его дух вознесся» и т.д.

Например: «qā'atu 3»... makān lan tansāhu 'usratu muḥtafā 'iṣā 'abdi s-salāmi l-muḥāmi 'allaḏī **lafaḏa 'anfusahu l-'aḥīrah** bi-maḥkamati 'isti'nāfi l-qāhirah li-l-'ahwāli š-šahsiyyah fi maḥkamati l-qāhirati l-ḡadīd 'aṣnā' ta'diyati wāḡibihi li-'aḥari laḥḏah fi 'umrihi wa 'atlaqa 'alayhi l-muḥāmūn fi tilka l- laḥḏah «šahīda r-rūbi l-'aswad» «“Зал 3”...место, которое не забудет семья адвоката Мустафы Исы Абд ас-Саляма, **испустившего последние вздохи** в апелляционном суде Каира по гражданским делам в новом суде Каира во время исполнения своего долга в последний раз в своей жизни; адвокаты назвали его в этот миг “жертвой черной мантии”» (Газета «Соут аль-ā», Египет, 05.02.2018).

5. Эвфемизация смерти через медицинский жаргон.

Это, например, такой эвфемизм, как laqad baḏalnā kull mā fi wus'inā «мы сделали все, что в наших силах», который часто используют врачи, чтобы избежать упоминания смерти при сообщении о ней родственникам покойного.

Например: min ḡānibihi, qāla d-duktūr hiṣām 'abū 'iṣah, 'ustāzu l-ḡirāhah, mudīru l-'istiqbāl: «mutawaffā waḡala fi ḥālah muta'aḥīrah ḡiddan wa 'ahluhu yarfiḏūna l-'i'tirāf bi-haḏā wa yuḥammilūnanā mas'ūliyyata wafātihi raḡma 'annanā **baḏalnā kull mā fi wus'inā** li-'inqāzihi «В свою очередь доктор Хишам Абу Иша, профессор хи-

рургии и заведующий приемным отделением, сказал: “Покойного привезли слишком поздно, а его семья отказывается это признавать и возлагает на нас ответственность за его смерть, хотя **мы сделали все, что в наших силах**, чтобы спасти его”» (Газета «Мыср аль-Йоум», Египет, 07.12.2013).

6. Эвфемизация смерти путем метафоризации связанных с ней событий, таких как погребение, тело умершего, гроб, могила, похоронные церемонии, объявления о смерти и т.д.

Это такие эвфемизмы, как an-na'š «катафалк», wāḡā š-šarā «предавать земле», mašwāhu l-'aḥīr «его последняя обитель», al-ḡuṣmān «тело», marāsimu t-tašyī' «церемония прощания», mawkiḏu t-tašyī' «похоронное шествие», 'iklīlu z-zuhūr «цветочный венок», taḥta t-turāb «под землей», na'yatu fāḏil «сообщение о смерти достойного человека¹», ḏala'ūhu «его проводили в последний путь» (сир. д.) (говорится, когда тело покойного покидает место смерти по дороге на кладбище), aš-šawbu l-'abyaḏ (al-kafan) «белый саван», 'allah yarhamu turābahu (сир. д.) «Аллах смилостивился над его прахом», ḡuṣmānuhu t-tāhir «непорочное тело» и т.д.

Например: wa bada'at **marāsimu t-tašyī'** fi t-tāsi'ah wa n-niṣf sabāḥan wifqa tawqīti mūmbāy qabla 'iḥrāqi l-ḡuṣṣah wifqa t-tuqūsi l-hindiyyah fi tamāmi š-šāliṣah wa n-niṣf ba'da ḏ-ḏuhr «**Церемония прощания** началась в 9:30 утра по мумбайскому времени после кремации тела согласно индуистским обрядам ровно в 3:30 пополудни (Журнал «Ляха», Ливан, 02.03.2018).

7. Эвфемизация смерти путем ее описания как движение в определенном направлении.

Этот пункт во многом перекликается с пунктом 2, поскольку здесь передается идея перемещения на небеса для встречи с Создателем.

Сюда относятся такие эвфемизмы, как 'intaqala 'ilā r-rafiqi l-'a'lā «перенестись к высшему товарищу» 'intaqala 'ilā l-'ālamī l-'aḥar «перенестись в последний мир», ṣa'idat rūhuhu 'ilā s-samā' «его душа вознеслась на небо», 'ādat rūhuhu 'ilā bāri'ihā «его душа вернулась к своему Создателю», 'āda 'ilā t-turāb «вернуться в землю», 'inda-llah «у Аллаха» и т.д.

Например: **wa-ntaqala l-faqīd 'ilā r-rafiqi l-'a'lā** yawma s-sādis min tiṣrīna š-šāni 'āma 2001 wa qāma 'ālu l-faqīd bi-'iṣḏāri kitāb ḥāss bi-tawṣīq mā nuṣira fi s-ṣiḥāfati l-mahalliyyah wa l-'arabiyyah wa-l-

¹ Хотя при переводе на русский язык упоминается слово «смерть», в арабском оригинале оно отсутствует. Так обычно озаглавливают некрологи или извещения о смерти, которые имеют следующее буквальное значение в переводе с арабского языка: «сообщение о достойном человеке».

'alamiyyah 'ani l-faqīd ba'da raḥīlihi «**Покойный перенесся к вышему товарищу** 6 ноября 2001 г., и его семья издала книгу для подтверждения того, что было опубликовано в местной, арабской и мировой прессе об усопшем после его ухода из жизни» (Газета «Аммон», Иордания, 06.11.2017).

8. Эвфемизация смерти путем ее описания как движение в неопределенном направлении.

Здесь относятся такие эвфемизмы, как raḥala «уходить» (также в этом значении в сирийском диалекте употребляются глаголы mašā, rāḥa и 'itkalla), fāraqa l-hayāt «уйти из жизни», ḥaraḡa mina d-dunyā «покинуть мир», mašā mina d-dunyā (сир. д.) «уйти из мира» и т.д.

Например, wa qad fāraqa l-hayāt fī l-'āšir min šaḥri yūniyū min 'ām 323 mlādiyyan fī qaṣri nibūḥazi nissar fī madīnati bābil fī l-'irāq (bilād mā warā'a n-nahrayn) «**Он ушел из жизни 10 июня 323 года нашей эры во дворце Навуходоносора в городе Вавилон в Ираке (стране Месопотамии)**» (Газета «Аль-Фаджр», Египет, 01.03.2018).

9. Эвфемизация смерти путем метафоризации покойного.

Здесь относятся такие эвфемизмы, как al-faqīd «утраченный, потерянный; смерть которого будет утратой», al-marḥūm «тот, к кому проявлено милосердие; покойный», al-maḡfūr lahu «прощенный, с отпущенными грехами, умерший», al-ma'sūf 'alayi «оплакиваемый», al-ma'sūf 'alā šabābihi «оплакиваемый юноша», al-mutawaffā «скончавшийся», ar-raḥīl «ушедший, усопший» и т.д.

Например: 'intaqala 'ilā raḥmati-llah ta'ālā 'išra nawbah qalbiyyah ḥaddah al-ma'sūf 'alā šabābihi ḥasan salmān at-ṭarāwanah naḡlu ma'āli l-'ustāz salmān at-ṭarāwanah «**Оплакиваемый юноша Хасан Сальман ат-Таравана, сын профессора Сальмана ат-Тараваны, перенесся на милость Всевышнего Аллаха после острого сердечного приступа**» (Газета «Аммон», Иордания, 11.12.2017).

10. Эвфемизация смерти путем акцентирования внимания на жизни.

Здесь относятся такие эвфемизмы, как at-ta'mīn 'alā l-hayāt «страхование жизни» (вместо выражения at-ta'mīn 'inda l-mawt «страхование на случай смерти»), zawḡu l-marḥūm «жена покойного» (вместо выражения 'armalatu l-marḥūm¹ «вдова покойного»), lakum tūla l-baqā' «желаю вам долгой жизни» (вместо выражения ḡanbakum 'allahu l-mawt «рядом с вами бог смерти»).

Например: lahu r-raḥmah wa lakum man ba'dahu tūla l-baqā' «**Желаем ему божьей милости, а тем, кто после него, долгой жизни**» (Газета «Панорама», Израиль, 20.02.2018).

¹ Это выражение практически никогда не используется в некрологах или извещениях о смерти.

11. Эвфемизация смерти путем использования особых речевых формул для облегчения ее последствий полностью или частично.

Арабы употребляют определенные социальные клише для облегчения последствий смерти и сглаживания связанных с этим негативных эмоций и боли утраты (например, ba'da 'umr ṭawīl «после долгих лет жизни», lā samḥa-llah «не существует щедрости Аллаха», lā qadra-llah «не существует предопределения Аллаха», ba'tdu š-šarḡ «далекий от зла» и т.д.). Такие обороты, в частности, используются главным образом в рамках предсказания смерти.

Например: wa tahaddašat 'an ba'di l-mu'awwiqāt minhā naqsu l-'aydi l-ḥabīrah fī binā'i wa tarmīmi l-'abniyati l-ḥaḡariyyah bi-l-ḥiḡarati s-sawdā' wa 'anna ḥazā l-mu'awwiq sayatafāqamu ma'a z-zaman fimā law faqadnā (ba'da 'umr ṭawīl) aš-šaḥsiyyūna l-mutabaqqiyyūna bi-ḥazihi l-mihnah «**Она рассказала, что существует несколько препятствий, среди которых недостаток специалистов, занимающихся строительством и сооружением зданий из черного камня, и эти препятствия будут только накапливаться со временем, если мы потеряем (после долгих лет жизни) оставшихся людей этой профессии**» (Газета «Тишрин», Сирия, 22.02.2018).

12. Эвфемизация смерти при помощи художественных образов, почерпнутых из природы.

Здесь относятся такие эвфемизмы, как 'inqaṣafa 'umruhu (сир. д.) «его жизнь оборвалась» (употребляется в случае ранней смерти по аналогии с преждевременно сломанными цветами), zābat rūhuhu «его душа растаяла», fādat rūhuhu «его душа вышла из тела¹», ḥārat waraqatuhu (сир. д.) «его листок упал» и т.д.

Например, kāna niyāfatuhu qad sāfara 'ilā l-wilāyāti l-muttahidah li-l-'ilāḡ wa lakin fādat rūhuhu t-ṭāhirah fī sā'ah muta'ahḥirah min masā' 'amsi bi-tawqīti l-qāhirah «**Его высокопреосвященство уехал на лечение в США, однако его непорочная душа вышла из тела** вчера вечером в позднем часу по каирскому времени» (Газета «Аль-Фаджр», Египет, 17.02.2018).

13. Различные виды эвфемизации смерти

Здесь относятся такие эвфемизмы, как tuwuffīya «скончаться», 'atathu l-maniyyah «пришла его судьба», wāfahu l-'aḡl «его смертный час пробил», lam ya'ud 'alā qaydi l-hayāt «он уже не держит жизнь в узах», laqiya maṣra'ahu «он нашел свою гибель», laqiya hatafahu «он встретил свою кончину», dafa'a hayātahu fī sabīl.. «он за-

¹ По аналогии с наводнением, при котором река выходит из берегов.

платил своей жизнью во имя...», *hallat nihāyatuhu* «пришел его конец», *ǧā'a yawmuhu* «наступил его день», *ǧā'at sā'atuhu* «пробил его час», *radā* «гибель», *ǧā'a habaruhu* (сир. д.) «пришла его весть», *ḥalaṣa 'umruhu* (сир. д.), «его жизнь кончилась», *'ayyāmuhu ma'dūdah* «его дни сочтены», *kullunā 'alā hażā t-tarīq* «все мы на этом пути», *laḥiqa bi-'aǧdādihī* «присоединиться к своим предкам», *'umruhu qaṣīr* «его жизнь сократилась» и т.д.

Например: **laqiya šahs hatafahu** *ǧarā'a 'aṣifah šalǧiyyah darabat ǧazīrat hūkaydū fi 'aqṣā šimāli l-yābāni l-yawma (l-ǧum'ah) waṣta tahzīrāt min 'imkāniyyati wuṣūli 'aṣifah šalǧiyyah 'akṣar šiddah* «**Один человек встретил свою кончину** вследствие метели, которая сегодня (в пятницу) нанесла удар по острову Хоккайдо на крайнем севере Японии на фоне предупреждений о возможном приходе более сильной вьюги (Общеарабская газета «Аш-Шарк аль-Аусат», 02.03.2018).

Вышеприведенную квалификацию дополнил индийский лингвист Ахмед Мухаммед Салих в своем труде «Табуированные слова и эвфемизмы в английском и арабском языке: контрастивное исследование» (2013 г.), предложив пять новых пунктов в дополнение к ней [Salih 2013, p. 188-189].

1. Эвфемизация смерти с использованием средств персонификации.

Например, в средние века значение смерти часто передавалось с помощью эвфемистического выражения *'ummu qaṣ'am* «мать Кашаама», которое употреблялось в качестве имени собственного. Это напоминает о другой глубоко укоренившейся традиции в арабской культуре, когда детям намеренно давали некрасивые имена при рождении, чтобы отогнать от них злых духов. Такие неприглядные личные имена, как *ǧahṣ* «осел» или *kulaub* «собачка», были весьма распространены среди арабов, начиная с возникновения ислама. В этой связи стоит отметить, что одну из жен пророка Мухаммеда звали *Zaynab, bintu ǧahṣ* «Зейнаб, дочь осла». Такие собственные имена до сих пор используются в различных частях арабского мира, хотя и не так часто, как раньше. В Египте, например, у больших семей все еще можно обнаружить такие традиционные фамилии, как *al-hayawān* «животное» или *al-himāg* «осел».

2. Эвфемизация смерти с использованием средств антономасии (употребления собственного имени в значении нарицательного).

Например, *warada ḥawda ǧatīm* «прийти в бассейн Гатима» является одним из таких эвфемизмов для обозначения понятия смерти, образованных от имени собственного или названия места¹.

3. Эвфемизация смерти путем указания на то, что смерть лучше жизни.

Сюда относится такой эвфемизм, как *al-hayātu d-dunyā matā' wa-l-'āḥirah dāru l-qarār* «земная жизнь только наслаждение, а загробная жизнь – это жизнь вечная и настоящая». Здесь прослеживается характерный для арабов фатализм, уже упоминавшийся выше в рамках настоящей работы.

Например: *'awṣā faḍīlatu 'imām wa ḥaṭību l-masǧidi l-harām aṣ-ṣayḥ ad-duktūr ṣāliḥ 'āl tālibu l-muslimīn bi-taqwā-llah wa 'anna ḥazihi l-hayāta d-dunyā matā' wa-l-'āḥirah dāru l-qarār* «Верховный имам и представитель мечети аль-Харам, шейх, доктор Салих Аль Талиб дал наставление мусульманам быть благочестивыми и сказал, что **данная земная жизнь только наслаждение, а загробная жизнь – это жизнь вечная и настоящая**» (Газета «Аль-Муватын», Саудовская Аравия, 20.10.2017).

4. Эвфемизация смерти путем ее физического описания или характеристики покойного.

Сюда относятся такие эвфемизмы, как *ṣahaṣa baṣaruhu* «зрение покинуло его» и *'aǧmaḍa 'aynāhu* «его глаза закрылись».

Например: *fi 6/11/2017 'aǧmaḍa l-marīd 'aynayhi 'ilā l-'abad* «**Больной закрыл свои глаза** навсегда 06.11.2017» (Газета «Ан-Нахар», Ливан, 01.03.2018).

5. Эвфемизация смерти путем ее метафоризации и метонимизации.

Метафоры часто используются для эвфемизации смерти в арабском языке. В этом отношении во многих случаях применяются различные цвета: *mawt 'abyaḍ* «белая смерть» обозначает внезапную смерть, *mawt 'aḥmar* «красная смерть» обозначает насильственную смерть, *mawt 'aswad* «черная смерть» обозначает смерть в результате удушья или утопления. Например: *al-mawt 'anwa'uhā 'l-mawtu l-'aḥmar*: *al-mawtu qatlan wa 'l-mawtu l-'abyaḍ*: *al-mawtu t-tabi'iyu 'awi l-mawt faǧ'atan wa 'l-mawtu l-'aswad*: *al-mawt ḥanaqan* «Существуют следующие виды смерти: **“красная смерть”** – насильственная смерть, **“белая смерть”** – естественная или внезапная

¹ Справедливости ради стоит отметить, что два вышеприведенных эвфемизма в пунктах 1 и 2 принадлежат скорее к языку средневековых сочинений и редко встречаются в современном арабском языке в общем и текстах арабских газет в частности, поэтому соответствующие примеры для них отсутствуют.

смерть, “черная смерть” – смерть от удушения» (Газета «Аль-Ахрам», Египет, 05.02.2018).

На частую метафоризацию смерти указывает и арабский ученый Мухаммед Фаргал, приводя следующий пример: *waḍa‘ haddan li-hayātihi* «положить конец своей жизни, т.е. покончить жизнь самоубийством» [Farghal 2005, p. 59]. Например: **wada‘a saġin maġribiyyu haddan li-hayātihi** bi-siġn “san vittore” fī mīlānū bi-‘itāliyā li-yusaġġalu ‘intihāruhu ka-šāni hālah li-saġin maġribiyyu fī ‘aqall min ‘usbū’ «**Марокканский заключенный покончил жизнь самоубийством** в тюрьме «Сан-Витторе» в итальянском городе Милан, что стало вторым случаем самоубийства марокканского заключенного менее чем за неделю (Газета «Менара», Марокко, 13.12.2017).

С другой стороны, для эвфемизации смерти также характерен прием метонимии. Например, персидский писатель 11 в. Абу Мансур ас-Саалиби в своей книге «Метонимия и намек», которая закрепила официальные правила использования эвфемизмов в арабском языке и стала каноническим трудом по данной тематике, указывал на метонимизацию смерти с использованием различных выражений, таких как *‘ista’šara-llah bihi* «Аллах выбрал его среди других» и *‘ihtāra-llah lahu n-nuqlah min dāri l-bawār ‘ilā dāri l-‘abrār* «Аллах выбрал для него переход из мира запустения в мир благочестивых людей» [Aš-Ša‘alibī 1998, p. 139]. Правда, в современных газетных текстах такие конструкции встречаются нечасто.

Указанная выше классификация эвфемизмов для обозначения понятия смерти в арабском языке может по праву считаться самой разносторонней и многочисленной и в полной мере демонстрирует многообразие таких единиц в арабском языке. Интерес к данной тематике среди арабских ученых постоянно возрастает в последние годы, и каждый из них стремится предложить собственную классификацию, отличную от вышеприведенной.

Например, египетский лингвист Мухаммед Мазин Гальяль разделил эвфемизмы для обозначения понятия смерти на 10 групп, причем большинство приведенных им эвфемизмов отсутствуют в исследованных выше работах других арабских ученых и поэтому имеют для нашего исследования особую ценность [Galal 2014, p. 159-165]:

1. Смерть – это лучшее место.

В данном случае подразумевается, что Аллах проявил благосклонность к умершему и выбрал его, чтобы тот был рядом с ним в лучшем мире. Сюда относятся такие эвфемизмы, как *‘istafāhu-llah li-ġiwārihi* «Аллах выбрал его, чтобы тот был ближе к нему», *‘ihtāra lahu-llah ma‘a ‘indahu* «Аллах выбрал его и взял его с со-

бой», *‘as‘adahu-llah bi-ġiwārihi* «Аллах осчастливил его своим соседством», *naqalahu-llah ‘ilā dāri riḍwānihi wa mahalli ġufrānihi* «Аллах перенес его в прибежище благосклонности и обитель прощения», *naqalahu-llah ‘ilā dāri karāmatihi* «Аллах перенес его в дом своего великодушия» и т.д. Даже последние моменты жизни рассматриваются как наслаждение: *kutibat lahu sa‘ādatu l-muhtaḍar* «Ему была предначертана радость нахождения при смерти».

Например: *wa qāla n-nā‘ib ‘an kutlati t-taġyūr wa l-‘islah yūnisu l-‘aṣṭal*: “inna l-muqāwamata š-šarisah ‘allatī wāġaha bihā š-šahīdu l-qā‘idu l-miġwār ‘ahmad naṣr ġarār katībah mina l-ġayši l-‘isrā‘iliyyu ba‘da muqāwamah ‘istamarat ‘iddat sā‘āt **istafāhu-llah ‘ilā ġiwārihi šahīdan** tu‘akkidu ‘alā hijāri l-ġihād wa l-muqāwamah» «Представитель блока “Изменение и реформа” Юнис аль-Асталь сказал: “Ожесточенное сопротивление, оказанное убитым отважным военачальником Ахмадом Насром Гараром батальону израильской армии, после боя, продолжавшегося несколько часов, во время которого **Аллах выбрал его мучеником, чтобы тот был ближе к нему**, подтверждает сделанный выбор в пользу борьбы и сопротивления» (Газета «Дунья аль-Ватан», Палестина, 06.02.2017).

2. Смерть – это жизнь.

В данном случае подразумевается, что после смерти существование человека возобновляется в новом месте, которое считается более высокой формой жизни. В этой связи арабы часто употребляют выражение *rafa‘ahu-llah ‘ilayhi* «Аллах вознес его к себе». Кроме того, мучеников после смерти никогда не называют «умершими», поскольку, согласно одному из аятов Корана, *wa lā taḥsabanna ‘allažina qutilū fī sabīli-llahi ‘amwātan bal ‘ahyā‘un ‘inda rabbihim yurzaqūna* «Никким образом не считай мертвыми тех, которые были убиты на пути Аллаха. Нет, они живы и получают удел у своего Господа» [Коран, сура 3, аят 169].

Например, *fa-‘isā ‘alayhi s-salām lam yamut bal rafa‘ahu-llah ‘ilayhi* «И Иса, да будет над ним мир, не умер, а **Аллах вознес его к себе**» (Газета «Дунья аль-Ватан», Палестина, 29.12.2017).

3. Смерть – это зов.

Эвфемизация понятия смерти в арабском языке иногда осуществляется с помощью концепта «зов», который снижает устрашающий эффект от произнесения слова «смерть». В этой связи в арабском языке в ходу такие конструкции, как *du‘iya wa ‘aġāba* «он был призван и ответил на зов» и *labbā nidā‘a rabbihi* «он ответил на зов Господа своего».

Например: taḥullu baynanā fī ḥaẓīhi l-'ayyāmi ž-zikrā l-'āširah li-rahīli šayhi l-mašāyih sāmi 'afāsi l-'udwān rahimahu-llah 'allaẓī **labbā nida'a rabbihi** fī s-sābi' wa l-'iṣrūna min 'aylūl li-'ām 2007 «В эти дни для нас наступает десятая годовщина со смерти великого шейха Сами Афаса аль-Удвана, да смилуется над ним Аллах, который **ответил на зов Господа своего** 27 сентября 2007 года» (Газета «Паннорама», Израиль, 29.09.2017).

4. Смерть – это оплата долга.

В данном случае подразумевается, что умерший выплачивает какой-либо неизбежный долг. Сюда относятся такие эвфемизмы, как qadā nahbahu «исполнить свой обет, долг» и ramāhu-llah bi-daynih «Аллах назначил ему долг».

Например: yaqūlu l-'amīlu s-sābiq fī ġihāzi l-'istiḥbārāti l-markaziyyati l-'amrikiyyah (CIA) brūs rīdl fī liqā' 'aġrāhu ma'ahu tilifizyūn BBC: 'inna ġihāza l-mūsāda l-'isrā'liyy mas'ūl 'an 'iġtiyāli l-qiyādiyyi l-filasṭīniyy mahmūd al-mabhūm 'allaẓī **qadā nahbahu** fī 'ahādī fanādiqī dubay fī fibrāyir 'ām 2010 «Бывший агент центрального разведывательного управления США (ЦРУ) Брюс Ридл рассказал на встрече с телевизионным каналом BBC, что израильская спецслужба “Моссад” несет ответственность за смерть палестинского командующего Махмуда аль-Мабхума, который **исполнил свой обет** в одной из гостиниц Дубая в феврале 2010 года» (Газета «Аш-Шарк», ОАЭ, 10.02.2018).

5. Смерть – это конечный пункт назначения.

В данном случае происходит подмена понятия «смерть» эвфемизмом «конечный пункт назначения». Здесь переход от жизни к смерти рассматривается арабами как путешествие к конечному пункту назначения, от земной к загробной жизни. Эвфемизация заключается в метафорическом осмыслении понятия «окончание жизни». Сюда относятся такие эвфемизмы, как qadā «провести свою жизнь», ḥāna «время наступило», qadā 'aġalahu «провести свой срок», 'inqadā 'aġaluhu «его срок истек», taṣarrama 'aġaluhu «его срок прошел», taṣarrama ḥablu ḥayātīhi «линия его жизни прервалась», 'inqadat 'ayyāmuhu «его дни закончились», 'inqadat muddatuhu «его срок миновал», 'inqadat 'anfāsuhu «его дыхание завершилось», 'istawfā 'anfāsahu «он исчерпал свое дыхание», 'istawfā 'ukulahu «он исчерпал свою пищу», 'istawfā žamā'a ḥayātīhi «он исчерпал жажду своей жизнью», žahaba 'ilā mašwāhu l-'aḥīr «он отправился в свою последнюю обитель».

Иногда смерть рассматривается как определенный момент времени, которого достигают все люди, поэтому в этой связи ис-

пользуется эвфемизм ḥīn «назначенное время», например: 'adrahahu ḥīnuhu «его время наступило», wafāhu ḥimāmuhu «его кончина наступила», balaġa l-waṣīyyah «он достиг срока исполнения завещания», halla bihi 'aṣṣaḍu l-mawā'īd «его постигло самое искреннее время». В некоторых случаях в арабском языке описывается отказ органов тела в последний момент жизни во избежание упоминания слова «смерть»: la'iqā 'isba'ahu «он зализал свой палец», 'isfarrat 'anāmīluhu «его кончики пальцев пожелтели».

Например: bi-ḥaẓīhi l-kalimah wadda'at wālidatu š-šahīd muhammad zayn al-ġa'barī naġlahā l-'iṣrīniyy fī l-mustašfā l-'ahliyy bi-madīnati l-ḥalīl ġanūba d-diffati l-ġarbiyyah qabla **tašyī'ihī 'ilā mašwāhu l-'aḥīr** «Этими словами мать убитого Мухаммада Зейна аль-Джаабари попрощалась со своим двадцатилетним сыном в местной больнице в городе Халиль южнее Западного берега реки Иордан перед тем, как **проводить его в последнюю обитель**» (Газета «Сафа», Палестина, 09.03.2018).

6. Смерть – это последнее путешествие.

В данном случае подразумевается, что умершего провожают в последний путь на небеса, он покидает мир живых и переносится в загробный мир. Сюда относятся такие эвфемизмы, как maḍā li-sabīlihi «он ушел своим путем», laḥīqa man ḡabara «он настиг тех, кто ушел», žahaba fī sabīli l-qurūni l-ḥāliyyah «он пошел по пути прошедших веков».

Например: faqad **maḍā li-sabīlihi** faġsalūhu wa kafanūhu wa dafanūhu wa 'inṣarafa n-nās «**Он ушел своим путем**, его омыли, завернули в саван и похоронили, а после этого народ разошелся» (Газета «Соут аль-Умма», Египет, 03.07.2017).

7. Смерть – это проигрыш.

В данном случае смерть представляется игрой, проигрыш в которой сравним с угасанием жизненного огня в теле человека. Сюда относятся такие эвфемизмы, как 'alaqahu ḥimāmuhu «его настигла его кончина», 'ihtabalahu ḥimāmuhu «его поймала в силки его кончина». Впрочем, такие конструкции в современных газетных текстах наблюдаются в редких случаях.

8. Смерть – это воссоединение

В данном случае подразумевается, что умерший воссоединяется со своими предками, Аллахом, Создателем и т.д. Сюда относятся такие эвфемизмы, как laqiya rabbahu «встретиться со своим Господом», 'afdā 'ilā rabbihi «отправиться к своему Господу», 'inṣarafa 'ilā ġīwāri rabbihi «направиться ближе к Господу своему», 'inqata'a 'ilā

ḡiwāri mawlāhu «направиться ближе к Господу своему», laḥiqa bi-l-laḥfi l-ḥabīr «присоединиться к Милостивому и Всеведущему».

Например: šayya 'at ḡumū' ḡafirah min 'ahāli muḥāfazati ḡabyā ḡuṣmāna š-šahīdi l-ḡundiyyu muḥammad 'abdallah šafi'ī 'allaḏī **laḡiya rabbahu** wa huwa yaḏūdu 'ani d-dīn wa l-waṭan fi l-haddi l-ḡanūbiyyu «Огромная толпа жителей провинции Сабйа проводила тело убитого солдата Мухаммада Абдаллы Шафии, который **встретился со своим Господом** во время исполнения своего долга и защиты родины на южной границе» (Газета «Оказ», Саудовская Аравия, 06.03.2018).

9. Смерть – это отречение от жизни и покорность.

В данном случае подразумевается, что смерть – это неизбежное событие, которому каждый должен уступить и покориться. Сюда относятся такие эвфемизмы, как 'aslama r-rūh 'ilā bāri'ihā «отдать душу Создателю», 'istaslama li-qaḏā'i-llah «подчиниться приговору Аллаха».

Например: šumma 'aslama r-rūh 'ilā bāri'ihā 'an 'umr yunāhizu l-86 'āman wa šahrayn wa 8 'ayyāman wa ba'da 'āmayn min wafātihi wa taḥdīdan yawma 10 nūfambar 1967 raḥalat zawḡatuhu zaynabu l-wakīl 'an 55 'āman «Затем **он отдал душу своему Создателю** в возрасте 86 лет, двух месяцев и восьми дней, а спустя два года после его смерти, точнее 10 ноября 1967 года, ушла из жизни его жена Зейнаб аль-Вакиль в возрасте 55 лет (Газета «Аль-Ахрам», Египет, 01.03.2018).

10. Смерть – это сон.

В данном случае подразумевается, что смерть напоминает сон. Сюда относятся такие эвфемизмы, как yaḡqudu fi s-salām «покойся с миром» и raḡada raḡdatahu l-'āḥirah «заснуть последним сном».

Например: wa kāna ḡalika qabla ḡuhri s-sabti l-māḡdi s-sādis min šahri 'ayyār 'ašiyata 'īdi sayyidati lubnān ba'da šu'ūrihi bi-waḡa' fi ḡahrihi 'az'aḡahu wa sa'afathu šaḡiqatuhu 'alā taḡattīhi wa 'istarāḡa fi subāt qaṣīr kāna **ruḡdatahu l-'aḡirah** «Это произошло до полудня в прошлую субботу, 6 мая, накануне праздника ливанской женщины после того, как он почувствовал тревожную боль в спине, его сестра помогла ему пройти, он немного отдохнул и **заснул последним сном**» (Газета «Ан-Нахар», Ливан, 09.05.2017).

Заключение

В целом в вышеуказанных примерах можно отметить преобладание типичных арабо-мусульманских терминов: 'allah «Аллах», rabb «господь», al-laḡif wa l-ḡabīr «Милостивый и Всеведущий», bāri' «Создатель», 'aḡal «срок», ḡīn «назначенный срок», ḡimām «кончина», maḡiyuḡa «судьба», dāru l-bawār «мир запустения» и т.д.

Таким образом, рассмотренные выше эвфемизмы для обозначения понятия смерти в арабском языке являются важной частью

повседневного жизненного уклада арабов, представляют богатство метафорических образов и форм, демонстрируют характерные черты арабо-мусульманского мироощущения и миропонимания.

Такие эвфемизмы активно употребляются как в рамках газетного стиля, значительно обогащая лексику местных журналистов и авторов, так и обычными людьми, использующими их в повседневной жизни. Это подтверждается многочисленными примерами из арабской прессы и народно-разговорных арабских диалектов, представляющих различные страны арабского мира. Несомненно, что в основе их популярности среди арабов лежат глубоко укоренившиеся традиции ораторского искусства и риторики, берущие свое начало еще в средние века.

Литература

1. Изанлу Х. & Голами Х. Эвфемизация и дисфемизация концепта «смерть» в персидском языке // *Молодой ученый*. Чита: Изд. «Молодой ученый», 2012. № 8 (43). С. 180-185.
2. *Коран. Перевод смыслов и комментарии* / Перевод Э. Кулиева. М.: Эксмо, 2012.
3. Хади Н.Дж. & Джасим М.А. Об эвфемизме и табуированном эвфемизме в арабском языке // *Наука и мир*. Волгоград: Научное обозрение, 2016. Т. 3, № 6 (34). С. 114-115.
4. Al-'Askarī A. *Kitābu s-ṡinā'atayn: al-kitābah wa š-ši'r*. Cairo: Dāru l-qalam, 1952.
5. Al-Khuli M. *A Dictionary of Theoretical Linguistics*. Beirut: Librairie du Liban, 1982.
6. Aš-Ša'alibī M. *Al-kināyah wa-t-ta'riḡ*. Cairo: Dāru qiba', 1998.
7. Aṭ-Ṭarābluṡī M. *Ḥaṡā'isu l-'uslūb fi š-šawqiyyāt*. Vol. 20. Tunis: Manšūrātu l-ḡāmi'ati t-tūnisiyyah, 1981.
8. Farghal, M. Arabic Euphemisms in English Translation // *International Journal of Arabic-English Studies*. Beirut, 2005. Vol. 6. P. 57-70.
9. Galal, M. Death Euphemism in English and Arabic: A Conceptual Metaphorization Approach // *International Journal of Linguistics*. New York, 2014. Vol. 6, No. 1. P. 153-170.
10. Haddad, S. Euphemising Death // *Damascus University Journal*. Damascus, 2009. Vol. 25, No. 1+2. P. 41-59.
11. Ibn Rašīq A. *Al-'umdaḡ fi maḡāsini š-ši'r wa 'ādābihi wa naḡdihi*. 4th Edition. Beirut: Daru l-ḡīl, 1972.
12. Ibn Qutaybah A. *'Uyūnu l-'aḡbār*. Baghdad: Daru l-ḡīl, 1986.

13. La'ibī H. *At-tarāduf fī l-lūġah*. Baghdad: Manšūrātu wizārati š-šaqaḩah wa l-'ilām, 1980.
14. Mofarrej O. & Al-Haq F. A Sociolinguistic Study of Euphemistic Death Expressions in Jordanian Arabic // *Arab World English Journal (AWEJ)*. Richmond, 2015. Vol. 6, No. 2. P. 110-130.
15. Salih A. *Taboo Words and Euphemism in English and Arabic: a Contrastive Study*. Pune: University of Pune, 2013.
16. Wahba M. & Al-Muhandis K. *Mu'ġamu l-mustalaġāti l-'arabiyyah fī l-lūġah wa l-'adab*. Beirut: Maktabatu lubnān, 1984.

Р.А. Янсон

СПбГУ (Санкт-Петербург)

О способах выражения понятия 'умирать' в бирманском языке

1. Введение

В бирманском языке нет слова 'смерть', это понятие выражается только путем субстантивации выражения 'умирать'. При этом представлена довольно развитая система способов выражения этого понятия. Их можно разделить на принятые в современном языке и встречающиеся в текстах разного периода. Современные выражения, в свою очередь, можно разделить на две категории: общеупотребительные и социально дифференцированные. Общеупотребительные термины имеют разную стилистическую окраску. В отдельных случаях контекст или эмоциональное состояние говорящего могут допускать нейтрализацию стилистических особенностей того или иного способа, когда речь идет о мирянах. Что касается монахов и лиц королевских кровей, здесь никакой вариативности в терминах не допускается.

Передать стилистические особенности того или иного выражения в терминах русской культуры крайне сложно, поэтому представляется, что специфика того или иного выражения может быть адекватно понята при дословном переводе. Тем не менее, в отдельных случаях дословный перевод выражений мы будем сопровождать приблизительным русским эквивалентом. Понятно, что эмоциональные и стилистические особенности одних и тех же понятий и способов их выражения могут со временем меняться, поэтому ниже описание конкретных способов при необходимости будет сопровождаться примерами из текстов разных периодов.

Наиболее частым и социально нейтральным в отношении понятия 'умирать' в современном языке является слово *θei*. Оно используется в простонародье и не применяется в отношении близких или родственников, и при этом не несет какой-либо стилистической окраски. Выступая в качестве финитной формы сказуемого с показателем настояще-прошедшего времени (*θei te*) имеет значение 'мертвый, умерший', с показателем перфекта (*θei pyi*) – 'умер'.

Чаще всего в быту используются термины *θei hsoun* (умирать-кончаться) и *hsoun θwa* (кончаться-уходить). По стилистике, вероятно, эти два термина ближе всего к русскому 'умер', т.е. они не несут какой-либо стилистической окраски.

Понятия 'умирать' и 'погибать' выражаются по-разному: для погибших в авариях и катастрофах применяются оба этих термина, для погибших в бою используется *kyu hsoun* (падать-кончатся).

В официальных сообщениях о смерти мирян и в некрологах используется термин *kwe lun* (скрывать, быть спрятанным – быть за пределом, быть в прошлом). Стилистически данный термин ближе всего к русскому 'скончаться', и именно он является наиболее употребительным для понятия 'умирать' в литературной форме языка. Данный термин появился в языке сравнительно недавно, поскольку не встречается в текстах до 20 в. Не исключено, что он возник под влиянием английского *to pass away*. В английский термин не включено понятие *to die*, которое соотносимо с бирманским *thei*, которое, в свою очередь, включается во все термины, и бирманцы сочли свои термины недостаточно 'культурными' на фоне английской традиции и ввели в обиход термин, не содержащий прямого указания на смерть.

Особое место в современном языке занимает термин *anissa yau*. Он применяется в исключительных случаях для подчеркивания особой важности усопшего лица. Исключительность этому термину придает компонент *anissa* от палийского *anacco* 'неясный, туманный' либо от палийского *annatto* 'нереальный, лишенный индивидуальности'. Бирманский компонент *yau* имеет значение 'прибывать, пребывать'. Использование палийских заимствований в бирманском языке всегда рассматривалось как переход высказывания (термина) к более высокому стилистически рангу. Трудно сказать, какими конкретно качествами должно обладать лицо, заслуживающее данного термина. Это определяется конкретными обстоятельствами и исторической эпохой. В частности, этот термин применим к главам государств, своим и зарубежным.

Для монахов стабильно используется термин *pyan tomu* (лететь-гонорифический аффикс). Он известен с древних времен и сохраняется в современном языке. Вероятно, ближайшим аналогом термина в русском языке будет 'вознесся'.

Для особ королевского рода стабильным на протяжении веков остается *nat uwa san* (дух-деревня-пребывать), т.е. 'пребывающий в обители небожителей'. Как известно, буддизм не признает наличие духов, хотя разного рода небожители представлены в буддийской космологии, поэтому данное выражение категорически не может быть использовано по отношению к монахам. К знатым людям это же выражение может применяться, но в слегка измененном виде – *nat uwa la* (дух-деревня-приходить). Дело в том, что слово *san* яв-

ляется узкоспециальным для обозначения времяпровождения королей, отсюда – использование бытового слова 'приходить'.

До того, как сформировалась современная система выражения понятия 'умирать', в текстах разных временных периодов для этого понятия встречаются следующие выражения. *thei min naingan yau* (умирать-кровать-страна-прибывать) 'прибыть в страну короля смерти'; *athe koun* (жизнь, возраст-кончатся); *bhawa ahsoun yau* (жизнь-конец-прибывать). Последний пример, по-видимому, стилистически выше, чем предыдущий, поскольку в этом выражении присутствует палийское слово *bhawa* 'жизнь'; *thei bhei yau* (умирать-зло, опасность-прибывать). Следующее выражение *ati meto taya yau* (стабильность-не-закон-прибыть) интересно тем, что в нем использован бирманский эквивалент палийского термина *anissa* 'нереальный, туманный', в бирманском варианте – 'закон нестабильности'.

В древних текстах широко используется упоминавшийся термин *thei* 'умирать'. Сфера его применения – указание на состояние рабов, жертвуемых храмам. При перечислении имен рабов в отдельных случаях имя сопровождается словом *thei*, что означает 'умерший, покойный'.

При переводах на бирманский палийских джатак наряду с собственными бирманскими терминами широко используется палийский термин *cuiti* (бирманский вариант – *sute*), который означает 'преображение, переход в другое состояние, смерть'. При этом данный термин употребляется в сочетании с аналогичными бирманскими, которые в таком случае приобретают несколько отличный от изначального смысл. Например, фраза *athe koun ywe sute i* (букв.: жизнь кончившись умер). Как мы помним, выражение *athe koun* использовалось бирманцами как вполне самостоятельное для выражения 'умирать'. Соответственно, приведенная фраза выглядит тавтологичной – 'умер-умер'. Однако поскольку в джатаках функционируют небожители, короли, которые по определению не умирают, фразу следует понимать следующим образом: его/ее срок (пребывания в определенном качестве) завершился, и он/она перешли в другое качество. Иными словами, понятие 'умирать' для бирманцев может иметь не прямое значение. В современном языке термин *sute* не употребляется.

Выше говорилось, что стилистика отдельных терминов может меняться в зависимости от обстоятельств или эмоционального состояния говорящего. Приведем один показательный пример из текста 14 в. Женщина пишет, что ее любимый муж умер (*pyan to mi*), и она, испугавшись мира нестабильности (*ati metho taya*), сделала большое подношение монахам. Поскольку у усопшего была жена, мы понима-

ем, что он не был монахом – буддийские монахи не могут иметь жен. Тем не менее, в состоянии отчаяния жена употребляет термин, являющийся узкоспециальным для монахов ('вознесся'). В отношении себя она использует термин, хотя и бирманский вариант, т.е. не содержащий пализма ('попасть в мир нестабильности'), предназначенный для исключительных случаев.

В заключение обратим внимание на то, что в отличие, скажем, от мусульманской, в бирманской культуре термины для понятия 'умирать' не содержат ни малейшего намека на возможное продолжение существования усопших, что является отражением буддийского мировоззрения, согласно которому невозможно предвидеть потустороннее существование индивида, поскольку оно определяется его кармой, содержание которой (хорошая-плохая) неизвестно. Исключение делается только для монахов и лиц королевского рода. При этом только королевским особам соответствующей терминологией предначертано продолжение их земного существования.

V. ОТДЕЛЬНЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ. ЛЕКСИКА И СТИЛИСТИКА. ФРАЗЕОЛОГИЯ

К.В. Антонян
ИЯз РАН (Москва)

Молодёжный жаргон в современном Китае

Статья посвящена современному китайскому молодёжному жаргону, или сленгу.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» жаргон определяется как разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе или возраста. Отмечается, что от общенародного языка жаргон отличается специфической лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Лексика жаргона пополняется за счет заимствований из других языков, но большая ее часть создается путем переоформления, а чаще – переосмысления общеупотребительных слов. В открытых группах (молодёжь как раз является примером такой группы) жаргон – это «коллективная игра». В замкнутых группах жаргон является сигналом, различающим «своего» и «чужого», а иногда – средством конспирации. Жаргонизмы нередко отражают юмористическое или фамильярное отношение к предметам действительности (ЛЭС 1990, с. 151).

В китайском языке и китайском языкознании понятийная область 'жаргон' охватывается такими терминами, как – в первую очередь – 俚语 liyu 'вульгаризм, сленг', а также 同行语 tonghangyu 'профессиональный жаргон' и 黑话 heihua 'воровской жаргон'. Менее употребительны термины 隐语 yinyu 'тайный язык' и 切口 qiekou 'арго, жаргон' [Горелов 1984, с. 171-173].

Близко к данному понятию жаргона понятие 流行语 liúxíngyǔ 'ходячие (или расхожие) слова и выражения'. Они представлены, в частности, в следующих справочниках (Щукин 2004, Buzzwords 2012, LXU 2014). Но, безусловно, не все ходячие выражения можно считать жаргонными.

В Китае активно ведется работа по фиксации новых слов и выражений. Большую работу по выявлению неологизмов и публикации полученных результатов постоянно осуществляет Государственный центр контроля и изучения языковых ресурсов в составе Министерства образования КНР. Кроме того, каждый год издательство «Коммерческая пресса» (Shangwu yinshuguan) выпускает сборники

новых слов (201(x)年汉语新词语, 201(x) nian Hanyu xin ciyu). Однако сленговые выражения в эти издания, как правило, не входят. Не представлены сленговые слова и выражения также и в отечественном издании (Буров & Семенас 2007), содержащем более 15 000 слов и выражений.

В Китае издаются также словари и учебные пособия по новой лексике, жаргонизмам и ходячим выражениям, рассчитанные в том числе на иностранцев (New Slang 2000; Buzzwords 2012; LXY 2014, Liu 2016). Пожалуй, на этом основании можно сделать вывод, что из этого пласта лексики не делается тайны; их готовы разъяснять иностранцам и даже включать в учебный процесс. Вообще говоря, бывает и иначе, ср. отмеченный В.М.Алпатовым в Японии принцип «Японский язык – для японцев» [Алпатов 2008, с. 37-40].

Традиционно китайское просторечие носило ярко выраженный региональный характер. В Пекине были свои жаргонные словечки, в Шанхае – свои, в Гуанчжоу – свои. Поэтому традиционно жаргонизмы в Китае изучались скорее по региональным, чем по возрастным и профессиональным признакам – пекинский сленг, шанхайский сленг (俚語 liyu) и т.п. Издавались и издаются соответствующие сборники, в которые включались не только слова, но и разнообразные идиоматические выражения.

В наше время складывается, однако, надрегиональный сленг – и прежде всего это сленг пользователей Интернета¹.

Интернет в Китае развивался стремительно. Появился Интернет в Китае в 1994 г. В 1997 г. в КНР к Интернету было подключено всего 40 тыс. пользователей. Популярность Интернета росла вместе с расширением объема информации на китайском языке и созданием поисковых серверов сначала на Тайване, а затем и в континентальном Китае. К середине 2003 года число китайских пользователей Интернета достигло 68 млн. человек (5,3% населения страны) [Завьялова 2005, с. 166]. По данным портала “China Internet Network Information Center”, число пользователей Интернета составило в декабре 2016 г. 731 млн. человек (CNNIC, p. 39).

В процентном отношении среди пользователей Интернета преобладает возрастная группа от 20 до 29 лет (приблизительно

¹ Когда работа над данной статьей была уже близка к завершению, в ИСАА при МГУ им. Ломоносова была защищена диссертация А.Н.Сбоева, посвященная анализу Интернет-лексики современного китайского языка [Сбоев 2018]. В этом исследовании весьма обстоятельно рассматривается Интернет-коммуникация в Китае, а также пути пополнения Интернет-лексики и особенности её функционирования.

30%), на втором месте – группа от 30 до 39 лет (23%), на третьем – группа от 10 до 19 лет (приблизительно 21%) (CNNIC, p. 46). То есть в основном Интернетом пользуется молодёжь: она составляет приблизительно 74% пользователей.

Среди китайских пользователей Интернета к середине нулевых годов XXI века сложился свой сленг, который получил название «марсианского языка» – 火星文 huoxingwen. Он популярен среди молодых пользователей – так называемых людей 九零后 jiulinghou, то есть родившихся после 1990 года (ML).

В марсианском языке могут использоваться традиционные (то есть неупрощённые) иероглифы, нестандартные иероглифы, видоизменённые иероглифы (например, в них могут убираться, добавляться или заменяться ключевые графемы, или радикалы), символы из различных алфавитов – латиницы, кириллицы, чжуинь цзыму, японской каны, а также некоторые другие символы.

Вот пример выражения на марсианском: последовательность цифр «8484». Расшифровывается она следующим образом. На общенациональном китайском языке – путунхуа – эта последовательность озвучивается как basi basi, что созвучно bushi bushi – ‘нет, нет’ (в иероглифической записи – 不是不是).

Приведем еще несколько примеров таких «цифровых» выражений:

88 – ba ba – bye-bye! (англ.) ‘пока!’

847 – ba si qi – 别生气 bie shengqi ‘не сердись’

8147 – ba yao si qi – 不要生气 bu yao shengqi ‘не сердись’

8384 – ba san ba si – 不三不四 bu san bu si ‘ни то ни сё, ни рыба ни мясо’

И наконец – 7708807080520!

На путунхуа эта последовательность цифр читается как qi qi ling ba ba ling qi ling ba ling wu er ling, что созвучно фразе 亲亲你, 抱抱你, 亲你抱你, 我爱你 qin qin ni, bao bao ni, qin ni bao ni, wo ai ni, что переводится как «Целую тебя, обнимаю тебя, целую тебя – обнимаю тебя, люблю тебя» (Сизов 2010, с. 7-8, с. 156; ML).

Функциональное назначение марсианского языка – коллективная игра, средство ухода от контроля взрослых и от цензуры.

Рассмотрим в качестве примера один из феноменов китайского коллективного Интернет-общения¹.

¹ Выражаем глубокую признательность Р.Г.Шапиро, который сообщил нам об этом феномене.

В китайском языке существует очень грубое выражение, представляющее собой буквальный аналог русскоязычного базового матерного выражения и состоящее из трех слогомorfем: 禽你妈 sao ni ma (чаще записывается как 操你妈, ввиду чрезвычайной грубости первого иероглифа; второй иероглиф значит 'твой', третий – 'мать'). Если записать это выражение другими иероглифами (а звучание его при этом сохранится), получится выражение 草泥马 caonima 'луговая лошадка', буквально – 'лошадка (из) травы и глины'. Появилось это животное в Интернете в 2009 году. Юные (и не очень) пользователи Интернета подбирали фотографии и картинки с изображением этого сказочного животного (как его визуальный представитель была выбрана альпака), сочиняли и выкладывали в сеть истории из жизни этой лошадки, песенки об этой лошадке, мультики об этой лошадке. Лошадка стала Интернет-мемом. Возникла иероглифическая лигатура (три иероглифа в одном), записывающая это выражение, а также печать – в традиционном китайском стиле. Всё это, по нашему мнению, представляет собой типичный образчик антиповедения. Понятие «антиповедение» было введено Б.А.Успенским; под антиповедением понимается поведение, сознательно нарушающее принятые нормы [Успенский 1994, с. 320].

Коллективная игра в «лошадку» быстро приобрела политическую направленность: и само выражение, и его символические заместители стали использоваться для выражения уничижительного отношения к политической системе и её органам. Поэтому эти элементы стали удаляться цензурой, а сайты, в том или ином виде их содержащие, стали подвергаться блокировке (GMH).

Следует отметить, что в китайском социуме языковая игра, основанная на созвучиях, не является изобретением нашего времени. Она существует не одну сотню лет. Умение разгадывать загадки, основанные на созвучиях, всегда высоко ценилось интеллектуалами. На созвучиях строится целый пласт китайских фразеологизмов – так называемых недоговорок-иносказаний (xiehouyu). Китайский язык с его необычайно развитой омонимией предоставляет для таких игр богатейшие возможности.

Созвучия используются, например, и в названиях Интернет-сайтов. Например, по адресу 1688.com расположен магазин “Ali-baba” (последовательность 1688 читается как yao liu ba ba).

Современный молодёжный жаргон как таковой, разумеется, шире и марсианского языка, и Интернет-сленга. Скажем несколько слов об источниках его формирования (помимо уже упомянутой языковой игры, основанной на созвучиях).

1. Региональный сленг. Слово или выражение из регионального сленга может войти в общенародный сленг. Ср.

阿狗阿猫 a gou a mao 'братец пёс и братец кот' – 'жалкие люди, люмпены' (изначально – шанхайский сленг, сейчас популярно на всём юге Китая) (Сизов 2010, с. 5).

2. Заимствования, в первую очередь – из английского языка. Например:

酷 ku 'крутой' – от английского cool (Liu 2016, p. 30);

粉丝 fensi 'фанат' – от английского fans (множественное число от fan; буквально это выражение значит «рисовая лапша») (Liu 2016, p. 54).

Заметим, что англоязычные заимствования весьма характерны и для русского молодёжного сленга; именно они являются основным средством его пополнения [Береговская 1996, с. 33].

3. Буквенные аббревиатуры: AA [ei-ei] – 'all apart' – 'раздельная оплата в ресторане, каждый платит сам за себя' (изначально – гонконгский сленг) (Сизов 2010, с. 5).

В том числе это могут быть сложные слова, включающие в себя буквенные аббревиатуры, ср. А 钱 (A qian, букв. 'деньги А') – 'казнокрадство, коррупция' (от англ. abuse; тайваньский сленг) (Сизов 2010, с. 5).

Буквенным аббревиатурам в современном китайском языке посвящено исследование К.А.Маркиной [Маркина 2008].

4. Переосмысление уже существующего слова:

八卦 ba gua 'восемь триграмм' – 'непроверенные слухи' (Сизов 2010, с. 9);

同志 tongzhi 'гей' (исходное значение – 'товарищ'; слово состоит из двух компонентов и буквально значит «общие устремления») (Liu 2016, p. 94).

5. Различного рода прецедентные единицы, например, реплики из кино и телепередач.

我是打酱油的 Wo shi da jiangyou de – буквально 'Я просто вышел за соевым соусом' – по следам телепередачи, в которой случайный прохожий в ответ на вопрос журналистки о его отношении к событиям произнёс эту фразу. Теперь она используется для того, чтобы уклониться от ответа (в аналогичной ситуации):

不好意思, 我是打酱油的! Bu hao yisi, wo shi da jiangyou de! 'Извините, знаете, я просто вышел за соусом!' (Buzzwords 2012, p. 10).

Современная исследовательница, лингвист и антрополог Цин Чжан обращает внимание на феномен, который она предлагает на-

звать Cosmopolitan Chinese 'космополитический китайский'. В Китае за годы реформ сформировался социальный слой людей с высоким уровнем доходов, имеющих хорошее образование и работающих в транснациональных корпорациях. Их речь характеризуется рядом особенностей, как фонетических (ориентацией на тайваньско-гонконгский произносительный стандарт), так и лексических, и прежде всего большим количеством заимствований из английского языка. «Космополитический китайский» также имеет надрегиональный характер [Zhang 2018].

Итак, можно сделать вывод о том, что современный китайский молодёжный сленг представляет собой динамично развивающуюся систему, пополняемую из различных источников. В условиях нынешней информационной среды, в условиях глобализации и распространения Интернета он становится надрегиональным и наддиалектным.

Источники

1. Буров В.Г. & Семенас А.Л. *Китайско-русский словарь новых слов и выражений*. М.: Восточная книга, 2007. 734 с.
2. Ли 2009 – Ли Шуцзюань, Янь Лиган. *Словарь современного китайского сленга* [中国最新俚语词典]. М.: Восточная книга, 2009. 256 с.
3. ЛЭС 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
4. Сизов С.Ю. *Китайско-русский словарь сленга* [中俄俚语词典]. М.: Восточная книга, 2010. 228 с.
5. Шукин А.А. *Справочник по новокитайскому сленгу* [中国最新俚语手册]. М.: Муравей, 2003. 120 с.
6. Шукин А.А. *Ходячие китайские выражения* [汉语流行口语]. М. Владивосток: Муравей, 2004. 89 с.
7. Buzzwords 2012 – *Hanyu liuxingyu. 汉语流行*. [Illustrated Chinese Buzzwords]. Beijing: Foreign Languages Press, 2012. 104 p.
8. CNNIC – *China Internet Network Information Center. The 39th Statistical Report on Internet Development in China (January 2017)*. URL: <http://cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/201706/P020170608523740585924.pdf>. Дата обращения: 18.06.2018.
9. GMH – *Grass Mud Horse* [электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Grass_Mud_Horse. Дата обращения: 18.06.2018.

10. LXY 2014 – *Hanyu liuxingyu xiao cidian. 汉语流行语小词典*. [A Dictionary of Popular Chinese Phrases in English]. Beijing: New World Press, 2014. 204 p.
11. Liu Yuntong. *A Dictionary of Slang among Chinese Youth*. Muenchen: LINCOS Studies in Chinese Linguistics, 2016. 124 p.
12. ML – *Martian Language* [электронный ресурс]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Martian_language. Дата обращения: 30.10.2017.
13. New Slang 2000 – *Zui xin Zhongguo liyu. 最新中国俚语*. [New Slang of China]. Beijing: Xinshijie chubanshe, 2000. 358 p.

Литература

1. Алпатов В.М. *Япония. Язык и культура*. М.: Языки славянских культур, 2008. 207 с.
2. Береговская Э.М. Молодёжный сленг: формирование и функционирование // *Вопросы языкознания*. М., 1996. № 3. С. 32-41.
3. Горелов В.И. *Лексикология китайского языка*. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
4. Завьялова О.И. Китаезычный ареал Азии в эпоху информационных технологий // *Проблемы Дальнего Востока*. М., 2005. № 1. С. 151-167.
5. Крнета Н.Д. Разделение молодежной речи в языке по признаку пола // *VII Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки*. Т. 1. М.: Гуманитарий, 2003. С. 175-184.
6. Маркина К.А. *Новые тенденции в развитии китайской лексики: буквенные слова китайского языка как проявление его интеграции с элементами иной типологии*. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
7. Сбоев А.Н. *Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2018. 33 с.
8. Успенский Б.А. Антиповедение в культуре древней Руси // Успенский Б.А. *Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры*. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. 364 с.
9. Zhang, Q. *Language and Social Change in China. Undoing Commonness through Cosmopolitan Mandarin*. N.Y. & London: Routledge, 2018. 198 p.

Гендерные стереотипы во фразеологии русского и китайского языков

1. Введение

Представления о мужественности и женственности и присущих им свойствах имеют место в каждой культуре, им отводится существенное пространство в обрядах, фольклоре, мифологическом сознании. Социокультурная обусловленность пола, его ритуализация и институционализация делают правомерным изучение гендерных стереотипов и их отражения в языке.

Гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения [Кирилина, с. 106].

Каждому из полов в отдельно взятой культуре приписывается ряд обязательных норм и оценок, регламентирующих гендерное поведение. Эта регламентация отражается в языке в виде устойчивых сочетаний, например: *Все бабы дуры; Волос долгий, ум короткий; Женщина - это прежде всего мать; Муж - глава семьи.* В китайском языке: 男女有别 *nánnǚ yǒubié* 'различие между мужчиной и женщиной' (в знач. к мужчине и женщине следует относиться по-разному), 女生外向 *nǚshēngwàixiàng* 'женщина с рождения смотрит в сторону' (её ожидает замужество с переездом в дом мужа) и т.п. Таким образом, язык и фразеология как его составляющая являются одним из важнейших источников знания о гендерной стереотипизации и ее изменении во времени.

Фразеологические единицы можно поделить на несколько семантических областей, внутри которых будут хорошо видны те или иные гендерные стереотипы, характерные для русской и китайской культур. Проанализировав языковой материал, мы решили остановиться на следующих семантических группах: морально-нравственные качества женщины, положение женщины в обществе, брак и семья, а также образ мужчины и андроцентричность языка.

1. Морально-нравственные качества женщины

Чаще всего в идиомах китайского языка преобладает негативная оценка женского характера. Женщины наделены рядом прототипических черт, создающих негативный стереотип: недалекый ум, болтливость, вздорный нрав, коварство:

女人舌头上没骨头 *nǚrén shétou shàng méi gǔtǒu* 'У женщины язык без костей';

女人头发长, 见识短 *nǚrén tóufǎ chǎng, jiànshì duǎn* 'У бабы волос длинный, да ум короткий' (намек на женскую глупость).

Что касается русского языка, то в нем фразеологизмы, стереотипизирующие женскую болтливость, также в избытке. В сборнике «Пословицы русского языка» В.И. Даля находим следующие примеры:

*С бабой не сговоришь, бабу не переговоришь;
Волос долог, а язык длинней.*

Еще больше в русском языке пословиц, констатирующих ограниченность женского ума, глупость, недалёковидность, взбалмошность, упрямство:

*Добрая кума живет и без ума;
Бабы умы разоряют дома;
Перекажи-поле - бабий ум.*

Женщина плаксива, но ее рыдания гроша ломаного не стоят. Слезы свидетельствуют о слабости женщины:

*Женский обычай - слезами беде помогать;
Баба слезами беде помогает.*

Женщина не рассматривается как слабое существо. Напротив, женщины проявляют свою волю и решительность вопреки попыткам мужчины им этой воли не давать:

*Я ее палкой, а она меня скалкой;
С ухватом баба хоть на медведя.*

Здесь можно вспомнить также стереотип, появившийся в русском языке благодаря поэту Николаю Некрасову. *Некрасовская женщина* – языковой стереотип, характеризующий идеально-героическую русскую женщину, которая *коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт*. В современной языковой ситуации используется для обозначения сильной, здоровой (исключительно русской) женщины с богатырским характером и, подчас, телосложением, обычно действующей без какого-либо мужчины-помощника.

В целом можно отметить, что как в русской, так и в китайской фразеологии преобладает негативная оценка морально-нравственных качеств женщины. В обеих лингвокультурах закрепились определенные стереотипические черты женского характера: болтливость, легкомысленность, недалекий ум. В русских пословицах, с одной стороны, подчеркивается женская эмоциональность, плаксивость, а с другой стороны, наоборот, выходят на первый план «богатырские» качества русской женщины: сила, мужество характера, отвага. В китайской фразеологии примеров «богатырского» характера женщины нами найдено не было. Также стоит отметить, что в большинстве гендерных фразеологизмов и паремий русского языка с негативной коннотацией фигурирует лексема *баба*, в которой уже содержится негативная оценка женщины. *Баба* из русских пословиц, как правило, обладает вздорным, взбалмошным характером, непостоянством, слабостью ума. В китайском же языке за лексемами *女 nǚ*, *妇 fù*, *娘 niáng* не закреплено однозначно отрицательной оценки.

2. Социальное положение женщины

В русских поговорках отражена преимущественно мужская картина мира и мужская власть в нем: *Жена не стекло (можно побить)*. Кроме того, имеет место оппозиция «мужское – женское» с коннотациями «правильное – неправильное»:

Муж пашет, жена пляшет;

Мужик тянет в одну сторону, баба в другую;

Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком.

В целом, в обыденном сознании носителя русского языка в древности концепт «женщина» оказывается противопоставлен своему контрагенту – концепту «мужчина», а оказывается контрадикторным по многим концептуальным основаниям человеку как таковому [Телия, с. 267]: *Курица не птица, а баба не человек*. Иными словами, в русских поговорках закреплена неполная принадлежность женщины к категории «человек».

В китайском языке не находим такого количества фразеологизмов с негативной семантикой. Наоборот, в китайском языке гораздо чаще, чем в русском, встречаются фразеологизмы с положительной окраской, в которых подчеркивается равноправие мужчин и женщин. Вероятно, это связано с тем, что первобытная система в Китае представляла собой матриархат.

巾帼不让须眉 jīnguó bù ràng xūméi ‘женщины не уступают мужчинам; женщины не хуже мужчин’;

妇女能顶半边天 fùnǚ néng dǐng bànbiāntiān ‘женщины держат половину неба’ (в знач. женщина имеет равные права с мужчиной)

Затем возникло конфуцианство с его строгими ограничениями в отношении женщин. В конфуцианских канонах подчеркивались принципиальные различия между предназначением мужчин и женщин. Конфуцианство призывало женщин быть женственными и учило развивать такие качества, как спокойствие, послушание, чистоплотность, трудолюбие, уважение к родственникам, сердечность по отношению к братьям мужа, учтивость с его друзьями [Линь, с. 136]. Согласно конфуцианской морали, женщине следует во всем подчиняться мужчине:

出嫁从夫, 夫死从子 chūjià cóng fū, fū sǐ zòng zǐ ‘после замужества слушайся мужа, после смерти мужа слушайся сына’;
夫贵妻荣 fū guì qī róng ‘у уважаемого мужа и жена в почете’.

«Выращивание червей шелкопрядов и ткачество – самые важные виды деятельности женщины», – заявляет поэт Лю Чжао, исследователь Конфуция. Следом за ними идет приготовление пищи для всех членов семьи, прислуживание за столом, забота о детях и стариках:

男主外女主内 nán zhǔ wài nǚ zhǔ nèi ‘Мужчина заботится о внешних делах, женщина о внутренних’;

男耕女织 nánēngnǚzhī ‘мужчины пахут, а женщины ткут’.

Женщина, которая вмешивается в дела мужа или хочет взять на себя роль главы семьи, становится объектом насмешек:

牝鸡司晨 pìnjī sī chén ‘курица (вместо петуха) возвещает рассвет’ (обр. в знач.: жена управляет мужем и его делом).

Бабе дорога – от печи до порога;

Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка всегда в избе;

Доброй жене домоседство не мука;

У кобылы хоть семеро жеребят, а хомут ей свой.

Таким образом, согласно русской и китайской фразеологии, обязанности мужчины и женщины оказываются четко разграничены: место мужчины – в поле или в городе на заработках, место женщины – в доме у печи. При этом китайская фразеология демонстрирует весьма противоречивый взгляд на положение женщины: с одной стороны, «женщины держат половину неба», а с другой подчеркивается их зависимое положение от мужчин. Это можно объяснить разницей во времени появления данных фразеологизмов, так как взгляды на роль женщины в обществе существенно менялись на протяжении китайской истории.

3. Брак и семья

Факту женитьбы, как в Китае, так и в России придается большое значение. Свадьба подразумевает объединение двух полов, создание семьи, установление родственных связей между двумя семьями, и, что самое важное, продолжение рода. Во фразеологии русского и китайского подчеркивается не только необходимость замужества для женщин, но и женитьбы для мужчин. В китайском:

男大当婚女大当嫁 *nán dà dāng hūn nǚ dà dāng jià* ‘взрослому мужчине нужно вовремя жениться, взрослой девушке – вовремя выйти замуж’;

老儿子娶媳妇 – 大事完毕 *lǎo erzi qǔ xīfu – dàshì wánbì* ‘сын женился – большое дело завершено’ (в знач. гора с плеч).

В русском языке также существует огромный пласт фразеологических единиц, описывающих важную роль брака и семьи для мужчин и женщин. Подчеркивается связанность двух людей, их зависимость друг от друга, причем в большинстве подобных фразеологизмов отмечается неполноценность неженатого мужчины:

Без мужа, что без головы; без жены, что без ума;

Мужчина без жены – что конь без узды;

Холостой – полчеловека;

Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки.

Доброта, ум, хозяйственность – три качества, которыми, в соответствии с русскими пословицами, должна быть наделена хорошая жена:

Три друга: отец, да мать, да верная жена;

Умная жена, как нищему сума (все сбережет);

От плохой жены состареешь, от хорошей помолодеешь;

Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать.

В китайском языке:

妻贤夫祸少, 妻贪夫祸少 *qī xián fū huò shǎo, qī tān fū huò duō* ‘добродетельность жены уменьшает несчастья мужа, а корысть жены несчастья мужа увеличивает’.

Мужчина в китайских фразеологизмах предстает как опора и глава семьи, также отдельно подчеркивается зависимость жены от мужа:

嫁汉嫁汉, 穿衣吃饭 *jià hàn jià hàn, chuān yī chīfàn* ‘женщина выходит замуж, чтобы иметь средства к существованию’

男子无妻是家无主, 妇人无夫是身无主 *nánzǐ wú qī shì jiā wú zhǔ, fù rén wú fū shì shēn wú zhǔ* ‘У мужчины без жены нет хозяйки в доме, у женщины без мужа в жизни нет опоры’.

Как считают китайцы, 男人最怕入错行, 女人最怕嫁错郎 *nánrén zuì pà rù cuò xíng, nǚrén zuì pà jià cuò láng* ‘Мужчина больше всего боится ошибочно выбрать профессию, а женщина – мужа’. Это подтверждает исключительную важность супружества в жизни женщины в Китае.

Таким образом, как в традиционном китайском обществе, так и на Руси брак являлся важнейшим событием в жизни человека. В китайском языке замужество и переход в семью мужа для девушки – явление неизбежное. При анализе гендерных фразеологизмов обнаруживаем, что роль жены в жизни мужа ничуть не уступает по важности роли мужа в жизни жены. Особенно много пословиц о сложностях холостой жизни в русском языке – холостой мужчина – «полчеловека».

В русских поговорках зачастую подчеркивается духовное родство мужа и жены, гармония в супружеских отношениях:

Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад;

Муж да жена – одна сатана;

В китайском языке находим аналоги:

一张床上不说出两样话 *yī zhāng chuángshàng shuōbùchū liǎngyàng huà* ‘Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится’ (букв. в одной постели не говорят по-разному);

鸾交凤友 *luánjiāo fèngyǒu* ‘достойные друг друга супруги’ (букв. луань¹ подружился с фениксом).

Как отмечает Н.А. Спешнев, брак в Китае зачастую и в наши дни носит формальный характер. Любовь и влечение противоположных полов фактически не играют первостепенной роли. Цель женитьбы – это соединение двух семей, имеющих отныне «единую» судьбу; главное – создать условия для продолжения рода [Спешнев, с. 233]. К условиям для идеального супружеского союза китайцы относят: обоюдное согласие, одинаковое социальное положение, внешнюю совместимость:

¹ В китайской традиционной культуре мужское начало зачастую ассоциируется с драконом 龙 *lóng*, мифическим морским змеем 蛟 *jiāo*, огненной птицей луань *luán*, единорогом 麟 *lín*. Женское начало связано с образами феникса 凤 *fèng* и лебедя 鹄 *gǔ*.

门当户对 *mén dāng hù duì* ‘пара одинакового общественного положения и происхождения’ (обр. о подходящей паре для брака)
郎才女貌 *láng cái nǚ mào* ‘талантливый молодой человек и красивая девушка’ (в знач. хорошая пара, идеальный союз).

В русских поговорках также складывается определенный образ идеального союза и взаимоотношений между супругами. Жена – это сердце, муж – голова, т.е. женщины эмоциональны, мужчины рациональны. Подчеркивается важность духовного единения:

Без мужа, что без головы; без жены, что без ума.

Муж жене отец, жена мужу венец.

Жена мужу пластырь, муж жене – пастырь.

Муж голова, жена – душа.

Духовное родство пуце плотского.

Традиционно в Китае и в России считалось, что девушка по достижении определенного возраста должна выйти замуж. В русском языке находим выражение – *девушка на выданье*, т.е. девушка, достигшая возраста, когда можно выходить замуж. В китайском языке есть несколько аналогичных по смыслу чэньюев:

待字之女 *dài zì zǐ nǚ* ‘ждушая помолвки девушка’;

待嫁姑娘 *dài jià gū niáng* ‘девушка, которой пора замуж’;

女大不中留 *nǚ dà bù zhōng liú* ‘выросшую девушку не следует задерживать дома’

В Китае традиционно существовали определенные требования к поведению невесты до свадьбы и женщины в супружеской жизни. На первое место здесь выступает понятие 贞操 *zhēncāo* ‘целомудрие’, которое, в свою очередь, подразумевает девственность и нравственную чистоту. До свадьбы требовалось 守洁 *shǒu jié* ‘сохранять чистоту’, после свадьбы – ‘соблюдать верность’ 守贞 *shǒuzhēn*, а в случае смерти мужа оставаться верной памяти супруга. Если же замужняя женщина вступала в связь с другим мужчиной, то общественная мораль называла такую женщину «доступной любому мужчине» [Спешнев, с. 244]. Однако, как замечает Линь Юйтан, в «Шицзине» есть множество историй о женщинах, сбежавших с любовниками [Линь, с. 162]. Строгие ограничения в отношении женщин в рамках брака появились позднее.

烈女不更二夫, 忠臣不事二君 *liè nǚ bù gēng èr fū zhōng chén bù shì èr jūn* ‘у добродетельной жены не может быть второго мужа, верный сановник служит лишь одному государю’;

Во времена династий Юань и Мин существовало правило, согласно которому если женщина работала в публичном доме, то мужчина из этой семьи обязан был носить на голове зеленый платок. Поэтому мужчина-рогоносец в Китае именуется «носящим зеленую шапку» 戴绿帽子 *dài lǜmàozi* [Спешнев, с. 244]. Мужчины же пользовались свободой отношений с женщинами: 妻不如妾, 妾不如偷 *qī bù rú qiè qiè bù rú tōu* ‘наложница лучше жены, а любовница лучше наложницы’.

В китайской фразеологии на первый план выступает целомудрие жены и неограниченная свобода мужа. Согласно русским пословицам, брак и для мужчины предполагает ряд обязательств, однако в приведенных выше фразеологических единицах жена скорее выступает как обуза для мужчины.

4. Образ мужчины и мужская картина мира

Анализ фразеологических единиц китайского языка, обладающих гендерной спецификой, позволил установить, что в языке доминирует андроцентрический взгляд, т.е. преимущественно отражена мужская картина мира, главенствующее положение в которой занимает мужчина:

男人是天, 女人是地 *nánrén shì tiān, nǚrén shì de* ‘Мужчина – небо, женщина – земля’ (земля не может быть выше неба, так и женщина не может быть главнее мужчины);

男尊女卑 *nán zūn nǚ bēi* ‘уважение к мужчине и презрение к женщине’ (превосходство мужчины над женщиной).

Мальчикам в традиционном Китае всегда отдавалось предпочтение. Рождение наследника считалось делом первостепенной важности. В семьях аристократов долгожданному сыну в детстве иногда давали девичье имя в надежде, что злые духи, приняв его за девочку, не представляющую для них ценности, обойдут его стороной. Рождение девочки не вызывало столь бурной радости, как рождение сына, и крестьяне, не желавшие или неспособные прокормить еще одну девочку, часто топили новорожденную [Усов, с. 432].

重男轻女 *zhòngnán qīngnǚ* ‘лелеять сыновей и пренебрегать дочерьми’;

养男不养女, 养女受苦 *yǎng nán bù yǎngnǚ, yǎngnǚ shòukǔ* ‘Вырастишь сына – получишь опору в старости, вырастишь дочь – только убытки понесешь’.

Зачастую в китайских фразеологизмах находим противопоставление мужчины и женщины, их социальных ролей и предписываемых обществом качеств:

士为知己者死, 女为悦己者容 *shì wèi zhī jǐ zhě sǐ, nǚ wèi yuè jǐ zhě róng* 'мужчина отдаст жизнь за того, кто его знает, женщина украшает себя для того, кому нравится';

好男不吃婚时饭, 好女不穿嫁时衣 *hǎo nán bù chī hūn shí fàn, hǎo nǚ bù chuān jià shí yī* 'Хороший мужчина не станет питаться едой со свадебного стола, хорошая девушка не носит свадебное платье после свадьбы' (в знач. после женитьбы супруги должны жить самостоятельно, не полагаясь на родителей).

Среди качеств, которые ценились в мужчинах: смелость, достоинство, мужественность:

男儿有泪不轻弹 *nán ér yǒu lèi bù qīng tán* 'настоящие мужчины не плачут';

男儿宁当格斗死, 何能佛郁筑长城 *nán'ér níng dāng gédòu sǐ, hé néng fú yù zhù chángchéng* 'Мужчина скорее погибнет на поле боя, чем станет возводить Великую стену в тылу' (крылатое выражение, принадлежит ханьскому философу Чэнь Линю);

Русские пословицы с компонентом «мужчина» немногочисленны. Большая часть паремий с этим компонентом представляет собой противопоставление мужчины и женщины:

Муж по дрова, а жена со двора;

Мужичий ум говорит: надо; бабий ум говорит: хочу и т.п.

Еще один тип фразеологизмов – отражающие мужское мировидение, в которых «слышится» мужской голос:

Жене волю дать – добра не видать

Знай, баба, свое кривое веретено.

Немногочисленность фразеологических единиц с компонентом «мужчина» как в русском, так и в китайском языках ещё раз доказывает андроцентризм фразеологии. Нет необходимости в отдельных фразеологизмах, характеризующих мужчин, т.к. почти весь антропоцентрический фонд фразеологии воспринимается как мужской.

Нами были перечислены лишь некоторые сходства и различия гендерных стереотипов во фразеологии русского и китайского языков. Можно говорить о том, что, несмотря на некоторые культурно обусловленные отличия в представлениях нравственном облике, месте и роли женщины в обществе, в целом было обнаружено боль-

ше сходств и совпадений, чем различий. Это позволяет нам предположить, что, невзирая на различную культурную среду, в традиционном китайском и русском обществе бытовали патриархальные стереотипы, что нашло отражение в языке, а также в наиболее консервативной его части – фразеологии.

Источники

1. Даль В.И. *Пословицы и поговорки русского народа* [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotekar.ru/dal/53.htm>
2. 常用谚语词典 Dictionary of frequently used proverbs /上海: 上海辞书出版社, 1987.

Литература

1. Кирилина А.В. *Гендер: лингвистические аспекты*. М. Изд. Института социологии РАН, 1999. 189 с.
2. Линь Юйтан. *Китайцы: моя страна и мой народ* / Пер. с китайского Н.А. Спешнева. М.: Вост. лит., 2010. 335 с.
3. Спешнев Н.А. *Китайцы: особенности национальной психологии*. СПб.: КАРО, 2012. 336 с.
4. Телия В. Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
5. Усов В. *Жены и наложницы Поднебесной*. М.: Наталис, 2006. 479 с.

Л.О. Наний, Л.С. Холкина
РГГУ (Москва),
ШАГИ РАНХиГС (Москва)

К вопросу о непрерывности лексических значений: на материале китайских двусложных слов семантических полей ТОЛСТЫЙ и ТОНКИЙ

1. Введение: колексификация и «точки непрерывности»

Для исследований по лексической семантике отправным моментом является определение конкретной семантической зоны (домена, поля), которой будет являться предметом исследования, и установление ее границ. Особенно это верно в отношении проектов по лексической типологии, где точное определение границ сопоставляемых полей является необходимым условием для проведения корректного сравнения. Крупные проекты в этой области, как правило, изначально фиксируют границы рассматриваемых полей путем исключения определенных классов ситуаций из рассмотрения [Майсак & Рахилина 2007] и соответствующих ограничений в анкетах или созданием замкнутого набора стимулов (видеоролики, образцы вкусов и запахов) [Kay et al. 2009; Majid & Burenhult 2014], языковые реакции на которые изучаются для разных языков.

При этом такое проведение границ часто оказывается задачей, требующей отдельного рассмотрения. Как представляется, тут возможны два вида сложности:

1) Одна лексема покрывает далекие друг от друга ситуации

В статье [Кюсева и др. 2013] демонстрируется, что при строгом формальном подходе отбора лексем семантическое поле ТОЛСТЫЙ помимо описания плоских предметов топологических классов «слой» и «лента», вытянутых предметов топологического класса «канат», а также телосложения человека, должно включать в себя ситуации «сравнительно крупный размер однородных мелких объектов» (крупный песок, сахар, крупа) и «густая консистенция». Это связано с тем, что в определенных языках (китайский, французский) единственной лексемой, которая может использоваться для описания соответствующих ситуаций, является лексема со значением 'толстый'. Таким образом, ситуации, которые воспринимаются нами как относящиеся к разным семантическим зонам (например, *толстая книга* и *густая каша*), могут в других языках описываться одной и той же лексемой, то есть восприниматься как близкие, смежные.

Такое явление называется колексификацией. По определению А. Франсуа: «Два функционально различных значения *колексифицируются* в данном языке, если и только если они могут быть выражены в этом языке одной и той же лексической формой» [François 2008, с. 170].

Приведем еще несколько примеров колексификации в поле ТОЛСТЫЙ-ТОНКИЙ.

В хантыйском языке в одной лексеме *vas'* колексифицируются значения 'тонкий' и 'узкий': ср. *vas' keŋ* 'тонкая веревка' и *vas' juoŋ* 'узкая дорога'.

Во французском языке в лексеме *épais* колексифицируются значения 'толстый' и 'густой': ср. *une épaisse tranche de pain* 'толстый ломоть хлеба', *d'épais sourcils* 'густые брови'.

В английском языке лексемы *thick / thin* кроме значений 'толстый' / 'тонкий' имеют еще и значения 'густой' / 'редкий': *thick / thin walls* 'толстые / тонкие стены', *thick / thin stick* 'толстая / тонкая палка', *thick / thin hair* 'густые / редкие волосы'.

2) Лексемы из разных семантических областей описывают одну и ту же ситуацию

Спиридонова Н. Ф. (2004) указывает на близость таких значений как 'плоский', 'прямой' и 'ровный' при описании формы целого ряда предметов (например, *ровная местность* и *плоская местность*, *прямая дорога* и *ровная дорога*), между тем как исходно одно из них является характеристикой поверхности (ровный), другое – линии (прямой), а третье – трехмерного объекта (плоский). Здесь для описания одной и той же ситуации используются лексемы, изначально относящиеся к разным семантическим зонам. Такого рода случаи тоже демонстрируют «точки соединения» семантических полей. Однако тот случай принципиально отличен от первого, потому что при описании одной и той же ситуации разными способами, акценты получаются разными. Здесь сама ситуация является как бы пограничной и может быть отнесена к разным зонам в зависимости от толкования.

В целом, оба вида сложности при определении границ семантического поля связаны, как представляется, с непрерывностью организации лексических значений в естественных языках. Однако мы сосредоточимся на колексификации, так как именно она позволяет определить, как в естественном языке сближаются, казалось бы, далекие друг от друга ситуации. В теоретическом плане это явление практически не изучено. Оно возникает не как метонимия, за счет смежности участников одной и той же ситуации (подробнее анализ метонимии с этой точки зрения см. прежде всего [Падучева 2004]), а

за счет смежности самих ситуаций. С когнитивной и типологической точки зрения оно представляет бесспорный интерес. Например, было бы интересно выяснить, между какими полями обычно происходит такое «взаимопроникновение»? Все ли поля имеют подобных «соседей», или это особенность некоторых полей с определенной семантикой?

Однако методики системного поиска таких «точек соединения», которые соединяют между собой семантические поля за счет употребления одной и той же лексемы для, как представляется носителю русского языка, далеких друг от друга ситуаций, пока нет.

Интересным инструментом для поиска таких «точек непрерывности» является база семантических переходов (SemShifts) [Зализняк 2001, 2009; Zalizniak et al. 2012], где фиксируются в основном переходы между отдельными значениями конкретных лексем. Например, согласно базе данных, объединения на уровне полисемии значений 'быстрый' и 'острый' зафиксированы для таких языков, как фарси (тиз 'sharp, pungent' – 'quick, fast'), польского (cięty 'sharp' – 'quick, fast'), древнегреческого (ὄξυς 'sharp' – 'quick, fast') и кашубско-го (ostrzy 'sharp' – 'quick, fast'). Это эффективный способ поиска «смежных» ситуаций, однако он является довольно трудозатратным – для заполнения базы необходимо участие большого числа специалистов.

Еще одним инструментом для поиска «точек непрерывности» можно считать базу колексификации – Database of Crosslinguistic Colexifications (CLICS) [List et al. 2014]. В ней тоже фиксируются связи между отдельными значениями лексем, и к тому же есть удобный инструмент визуализации данных в виде концептуальных сетей, который помогает в обнаружении ареальных и генеалогических соответствий.

В настоящей статье мы рассмотрим способ фиксации близости семантических зон лексики при помощи анализа материала одного языка, а именно китайского. Для этого мы проанализируем двусложные слова, полученные путем корнесложения.

Двусложные слова составляют более 70% лексического состава современного китайского языка. Согласно подсчетам, проведенным в [Zhou Jian 1999], они составляют 67,625% от общего числа вхождений в «Словарь современного китайского языка» (издание 1996 года), включающего в себя довольно значительное количество как редкоупотребительных односложных слов, так и четырехероглифических сочетаний. Образуются двуслоги методом корнесложения, при чем существуют разные типы связи между компонентами: атрибутивный (书桌 shūzhuō 'книга' + 'стол' – 'письменный стол'); глагольно-объектный (伤心 shāngxīn 'ранить' + 'сердце' – 'горе-

вать'); копулятивный / сочинительный (轻柔 qīngróu 'легкий' + 'мягкий' – 'легкий и мягкий', 贵重 guìzhòng 'ценный' + 'значительный' – 'дорогой, драгоценный') и др. [Горелов 1984].

Среди всех двусложных слов нас будут интересовать только двуслоги с копулятивным, или сочинительным, типом связи между компонентами. В случае с прилагательными значения этих компонентов могут претендовать на семантическую смежность, что позволяет нам фиксировать эти «точки непрерывности» между полями.

Мы рассмотрим поля ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ как имеющее большое количество двуслогов и, соответственно, потенциал обнаружения «точек непрерывности». Для начала скажем несколько слов о структуре этих полей в китайском языке и о противопоставлениях, значимых для односложных единиц (подробнее см. [Наний 2016]).

2. Семантические поля ТОЛСТЫЙ и ТОНКИЙ

В первую очередь надо отметить, что в полях ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ важную роль играет топологический тип объектов: вытянутые объекты (ПАЛКИ и ВЕРЕВКИ) описываются одной парой лексем (粗 cū 'толстый' и 细 xì 'тонкий'), а плоские объекты (СЛОИ и ПЛАСТИНЫ) – другой парой (厚 hòu 'толстый' и 薄 báo 'тонкий').

Нужно отметить также совмещение в китайском языке топологического типа ЗЕРНА (КРУПИНКИ), с типом ПАЛКИ и ВЕРЕВКИ, то есть употребление лексем 粗 cū 'толстый' и 细 xì 'тонкий' в значениях 'крупный' и 'мелкий' (ср. 粗沙 cūshā 'крупный (крупнозернистый) песок'), в том числе в составе двуслогов. Кроме того, лексема 粗 cū передает также значение 'грубый' – исходное исторически, хоть и не считающееся основным в современном китайском.

Отдельные лексемы используются также для описания живых объектов: 肥 féi 'толстый, жирный (о животных)', 胖 pàng 'толстый (о людях)' и 瘦 shòu 'худой'.

Анализ значимых противопоставлений для семантических полей ТОЛСТЫЙ и ТОНКИЙ в китайском языке поможет нам сделать дальнейшее рассмотрение смежных зон более детальным. Так, например, в упомянутых выше типологических базах SemShifts и CLICS для вхождений 'толстый' и 'тонкий' параметр «топологический тип объекта» не учитывается, то есть становится невозможно определить, связано ли некоторое смежное значение с подтипом плоских или вытянутых объектов. На нашем же материале этот пробел можно будет восполнить.

Основные значения ключевых лексем полей ТОЛСТЫЙ и ТОНКИЙ, согласно «Словарю современного китайского языка», следующие:

粗 **cū** 1. толстый; грубый; крупный; 2. низкий, громкий (о голосе); 3. низкого качества; 4. примерный, поверхностный; невнимательный; 5. дикий, невежественный.

厚 **hòu** 1. толстый; 2. (чувства) глубокие; 3. (вкус, запах) сильный, густой; 4. (прибыль, состояние) большой.

胖 **pàng** 1. толстый (о людях). Переносных значений нет.

肥 **féi** 1. толстый, жирный (о животных); 2. жирный (о еде); 3. плодородный; 4. широкий (об одежде); 5. прибыльный.

細 **xì** 1. тонкий; мелкий; 2. тихий (о голосе); 3. высокое качество (материала); 4. мелкий, мельчайший (абстрактное); 5. внимательно, подробно, тщательно.

薄 **báo** 1. тонкий; 2. (чувства) холодные, неглубокие; 3. (вкус, запах) не густой, слабый; 4. (прибыль, состояние) маленькая; 5. неплодородная (земля).

瘦 **shòu** 1. худой; 2. нежирный (о еде); 3. тощий, неплодородный; 4. узкий (об одежде).

Знак вопроса перед значением означает, что информанты не подтверждают наличие у лексемы таких значений и примеры, приводимые в словаре. Однако эти направления семантических сдвигов могут оставаться отчасти активными в современном благодаря двусложным лексемам.

Действительно, часто корни входят в состав двуслогов в значении, уже утраченном в современном языке. Необходимо учитывать, что функционирование морфемы в составе слова и функционирование самостоятельного слова – явления принципиально разного порядка [Холкина 2014].

Именно поэтому в рамках нашего исследования необходимым условием для включения односложного слова полей ТОЛСТЫЙ и ТОНКИЙ в список рассмотрения является возможность его самостоятельного использования в интересующих нас ситуациях фреймовой анкеты. Это ограничение позволяет убедиться в наличии у односложного слова интересующего нас значения в современном языке. Второй же компонент двусложной лексемы помогает нам определить «смежное» поле.

Ниже мы сосредоточимся на прямых, физических значениях, так как переносы в абстрактную зону, то есть развитие метафорических значений, представляют собой отдельный предмет исследования.

Перейдем к рассмотрению двуслогов. Они были отобраны с использованием толкового и обратного словарей китайского языка. Первый из них дает возможность отобрать двуслоги, начинающиеся с интересующего нас компонента, а второй – заканчивающиеся им. В обоих случаях мы сосредоточились исключительно на признаковой лексике. Отобранные лексемы были дополнительно проверены с информантами, при этом малоупотребительные слова были исключены из рассмотрения. Для удобства изложения мы разделим все отобранные двуслоги на семантические группы.

3. «Точки непрерывности»: семантическое поле ТОЛСТЫЙ

Рассмотрим сначала двуслоги семантического поля ТОЛСТЫЙ. Здесь выделяются три подгруппы, в зависимости от характеристик описываемого объекта – вытянутые объекты, (палки и веревки), плоские объекты (слои и пластины) и живые существа.

3.1 ТОЛСТЫЙ (вытянутые объекты): 粗 **cū** ‘толстый; грубый’

В эту подгруппу входят двуслоги, близкие по значению к однослогу 粗 **cū** в его конкретных физических значениях: современном основном и наиболее частотном значении ‘толстый’ и более раннем значении ‘грубый’, описывающем некачественность или необработанность материала.

В первую очередь это двуслоги, описывающие физические характеристики объектов: их размер с некоторыми дополнительными коннотациями, которые привносит второй компонент. Это три лексемы:

粗重 **cūzhòng** (толстый + тяжелый) ‘громоздкий, тяжёлый, крупный’,

粗大 **cūdà** (толстый + большой) ‘крупный; громоздкий’,

粗壮 **cūzhuàng** (толстый + крепкий) ‘крепкий; коренастый’.

Значения этих трех двуслогов в целом размерные (с некоторыми коннотациями), причем вторая морфема в них тоже имеет конкретное значение, подчеркивая какой-то из имплицативных компонентов, присутствующих в самом значении ‘толстый’ («толстый – следовательно, большой / тяжелый / крепкий»). Так, например, Тань Лошуан (2004) отмечает, что морфемы 大 **dà** ‘большой’ и 粗 **cū** ‘толстый’ в двуслоге семантически не равноправны: большим дерево считается из-за его толщины, а ‘большой’ – это как бы конкретное проявление толщины, ее следствие.

Что касается двуслогов, значение которых связано с исходным значением однослога 粗 **cū** ‘грубый’, то в зону физических значений попал только один из них:

粗糙 cūcāo (грубый + необработанный, шероховатый) 'необработанный, грубый; шероховатый'.

Он обозначает некачественность, необработанность материала, то есть значение двуслога тоже попадает в поле ГРУБЫЙ, связанное с полем ТОЛСТЫЙ еще на уровне однослога. При этом морфемы 粗 cū и 糙 cāo равноправны в смысле семантического веса: 糙 cāo тоже имеет значение 'грубый, необработанный'.

Крупные типологические базы данных также фиксируют семантическую близость значений 'толстый', 'большой', 'сильный, крепкий', 'грубый' и 'тяжелый'. В CLICS приводится 6 случаев колексификации значений 'толстый' и 'большой' из разных языковых семей, 2 случая колексификации для значений 'толстый' и 'грубый' из разных семей и 2 случая колексификации для значений 'толстый' и 'тяжелый' (правда, из одной и той же семьи, маскойдской, в Южной Америке). Также находится 1 случай колексификации значений 'толстый' и 'сильный, крепкий': лексема *kiʒto* в языке шипибо-конибо.

Таким образом, данные, которые мы получили методом анализа двусложных лексем, подтверждаются данными типологических баз, свидетельствуя о смежности полей ТОЛСТЫЙ и БОЛЬШОЙ, ГРУБЫЙ, ТЯЖЕЛЫЙ.

3.2 ТОЛСТЫЙ (плоские объекты): 厚 hòu 'толстый'

В эту подгруппу вошли три лексемы: 厚重 hòuzhòng 'массивный', 浓厚 nóng hòu 'густой, плотный' и 醇厚 chún hòu 'чистый, насыщенный (о вкусе)'.

Первая лексема, 厚重 hòuzhòng (толстый + тяжелый) 'толстый и тяжёлый, массивный' соответствует основному, размерному значению морфемы 厚 hòu 'толстый'. Вклад второго компонента здесь тоже ощутимый, ведь, например, одежда может быть толстой и легкой. Но типична все-таки ситуация, когда большая толщина слоя ведет к большему весу. Типичность этой взаимосвязи подтверждается существованием аналогичного двуслога 粗重 cūzhòng 'громоздкий, тяжёлый, крупный', который мы рассмотрели в разделе 3.1.

Две другие лексемы этой подгруппы описывают концентрацию / насыщенность:

浓厚 nóng hòu (густой + толстый) 'густой, плотный',

醇厚 chún hòu (чистый + толстый) 'чистый, насыщенный (о вкусе)'.

浓厚 nóng hòu описывает концентрацию частиц в воздухе, а 醇厚 chún hòu в основном значении описывает сильный вкус или запах.

Морфемы этих двуслогов равноправны. Значение близкого к ТОЛСТОМУ поля ГУСТОЙ также может передаваться однослогом 厚 hòu, что дополнительно свидетельствует о смежности этих полей. Близость этих полей подтверждается и типологически: ср. переходы 'толстый' → 'густой' (о жидкости)¹ в базе семантических переходов.

Морфема 醇 chún 'чистый, без примеси', как кажется, добавляет новый смысл к 厚 hòu, однако результирующее значение двуслога тоже описывает концентрацию запаха / вкуса и соответствует одному из значений (правда, устаревающему) однослога 厚 hòu.

Таким образом, двуслоги этой группы демонстрируют близость полей ТОЛСТЫЙ, ГУСТОЙ и НАСЫЩЕННЫЙ (о вкусе / запахе).

3.3 ТОЛСТЫЙ (живые объекты): 胖 pàng 'толстый' и 肥 féi 'жирный'

В своих прямых значениях 胖 pàng 'толстый' описывает упитанность людей, а 肥 féi 'жирный' – животных.

Второй компонент двуслогов с морфемой 胖 pàng 'толстый' добавляет различные коннотации к значению 'толстый (о людях)' и отчасти ограничивает сочетаемость.

虚胖 xūpàng (пустой + толстый) 'нездоровая полнота; тучный',

肥胖 féipàng (жирный + толстый) 'тучный, толстый, пухлый'

Двуслоги с морфемой 肥 féi 'жирный' (с конкретным значением) описывают размер живых существ, и изредка других объектов:

肥硕 féishuò (жирный + крупный) 'жирный, тучный',

肥厚 féihòu (жирный + толстый) 'толстый, мясистый',

肥大 féidà (жирный + большой) 'тучный; широкий',

肥壮 féizhuàng (жирный + здоровый) 'откормленный, упитанный (о скотине)'.

Еще один двуслог соответствует значению однослога 肥 féi 'плодородный' и описывает плодородность земли:

肥沃 féiwò (жирный + плодородный) 'плодородный'.

Двуслоги этой группы подтверждают смежность значений 'толстый' и 'большой', а также дают нам новую информацию – о близости значений 'толстый' и 'плодородный'. Правда, здесь необходимо сделать оговорку: одно из значений 肥 féi – 'с большим содержанием жира (о мясе)'. Вероятно, значение плодородности (большого количества питательных веществ) связано именно с ним, а не с размерны-

¹ Полисемия *biezs* 'thick (in dimension)' — 'thick (in density)' (латышский), *thick* "not thin" — "relatively dense in consistency" (английский) и др.

ми характеристиками упитанного (толстого) животного. Тем не менее, поскольку все эти значения обслуживаются в китайском языке одной лексемой (колексифицируются), можно говорить об их относительной близости.

4. «Точки непрерывности»: семантическое поле ТОНКИЙ

Перейдем к рассмотрению семантического поля ТОНКИЙ. Здесь тоже выделяется три группы по типу описываемого объекта – вытянутый, плоский или живое существо.

4.1 ТОНКИЙ (вытянутые объекты): 细 xì ‘тонкий; мелкий’

В зону ТОНКИЙ (о вытянутых объектах) входят двуслоги, близкие по значению к конкретным значениям однослога 细 xì ‘тонкий; мелкий’. Это, во-первых, пять лексем, описывающих малый размер:

细小 xīxiǎo (мелкий + маленький) ‘мелкий, пустяковый’,
细微 xìwēi (мелкий + крошечный) ‘крошечный; микроскопичный’,
细碎 xìsuì (мелкий + колотый) ‘мелкий, раздробленный’,
纤细 xiānxì (тонкий + тонкий) ‘тонкий, изящный’¹,
细密 xìmì (мелкий + плотный) ‘частый, плотный; подробный’.

Вклад в семантику этих лексем у обоих компонентов примерно одинаков: однослог 细 xì в первых трех из перечисленных двуслогов сам имеет значение ‘мелкий’, а в лексеме 纤细 xiānxì ‘тонкий, изящный’ обе морфемы имеют значение ‘тонкий’, хотя она довольно часто встречается в контекстах, в которых оказывается сильна коннотация изящности, например 纤细文雅的手 xiānxì wényǎ de shǒu, ‘тонкие и изящные руки’.

Вклад однослогов в семантику лексемы 细密 xìmì ‘частый, плотный; подробный’ (‘тонкие нити дождя, мелкие стежки’) в ее исходном значении тоже одинаков, однако компоненты тут уже не (квази)синонимичны: 细 xì здесь значит ‘тонкий, мелкий’, а 密 mì – ‘плотный; сплошной’, то есть результирующее значение получается композициональным.

Во-вторых, в зону ТОНКИЙ (о вытянутых объектах) входят двуслоги, вторая морфема которых описывает не размерные характеристики, а физические свойства, определяющиеся при взаимодействии с объектом (мягкость, гладкость, слабость). Их всего четыре:

细软 xìruǎn (тонкий + мягкий) ‘тонкий и мягкий’,

细嫩 xìnèn (тонкий + молодой, нежный) ‘мягкий, гладкий, нежный’,

细腻 xìni (тонкий + жирный; лоснящийся; мягкий) ‘мягкий, гладкий; нежный’,

细弱 xìruò (тонкий + слабый) ‘хилый, слабый’.

Значения самих двуслогов попадают в зоны МЯГКИЙ (细软 xìruǎn), ГЛАДКИЙ-НЕЖНЫЙ (细嫩 xìnèn и 细腻 xìni) и СЛАБЫЙ (细弱 xìruò), то есть наследуют значения вторых компонентов. Морфема 细 xì в составе этих двуслогов может толковаться имплицитивно: ‘тонкий / мелкий’ – значит, ‘молодой’ и ‘слабый’ (в контексте живых объектов или их частей).

Связь значений ‘тонкий’ и ‘слабый’ подтверждается и типологически. В базе CLICS находим четыре случая такой колексификации: в даргинском (северо-кавказский) *назикси*, в эсе (трансновогвинейский) *žiwi*, в ногайском (алтайский) *арык* и в телугу (дравидийский) *arbhakam*. Для значений ‘тонкий’ и ‘маленький’ тоже зафиксировано два случая колексификации в двух разных семьях. Колексификации же значений ‘тонкий’ и ‘нежный’, ‘мягкий’, в базе не зафиксировано, так что здесь китайский материал предлагает нам рабочую гипотезу о близости полей, которую в дальнейшем предстоит проверить.

4.2 ТОНКИЙ (плоские объекты): 薄 báo (в соч. bó) ‘тонкий’

Двуслогов с морфемой 薄 báo, описывающих физические характеристики, всего три:

轻薄 qīngbó (легкий + тонкий) ‘лёгкий и тонкий; легкомысленный’,

淡薄 dànbo (слабый, жидкий + тонкий) ‘редкий, слабый’,

稀薄 xībó (редкий + тонкий) ‘разрежённый (о воздухе)’.

Лексема 轻薄 qīngbó (легкий + тонкий) ‘лёгкий и тонкий’ в современном языке в основном описывает электронику (новые модели ноутбук, телефонов), вклад однослогов в семантику двуслога здесь примерно одинаков. Связь значений ‘тонкий’ и ‘лёгкий’ зафиксирована в CLICS для двух языков из двух разных семей.

Последние два двуслога – 淡薄 dànbo ‘редкий, слабый’ и 稀薄 xībó ‘разрежённый (о воздухе)’ – имеют значения, соответствующие фрейму ‘слабая консистенция’. Хотя современные носители китайского языка не подтверждают наличие такого значения у однослога 薄 báo, раньше он, судя по словарям, тоже захватывал часть этого фрейма при описании вкуса / запаха. База семантических переходов

¹ Слогоморфема 纤 xiān ‘тонкий, нежный’ не употребляется свободно в современном языке, поэтому в нашу исходную выборку однослогов поля ТОНКИЙ не вошла.

тоже подтверждает, что значение 'слабая консистенция' иногда совмещается в языках мира со значением 'тонкий', ср. перенос 'тонкий' (о предмете) → 'жидкий, слабый' (о напитках)¹.

Таким образом, все «точки непрерывности», обнаруженные для этой группы, ('тонкий' – 'низкой консистенции' и 'тонкий' – 'легкий') имеют типологическое подтверждение.

4.3 ТОНКИЙ (живые объекты): 瘦 shòu 'худой'

Двуслоги с морфемой 瘦 shòu 'худой' имеют конкретные значения и соответствуют прямым значениям этого однослога.

瘦小 shòuxiǎo (худой + маленький) 'худой и маленький (о человеке)',

瘦长 shòucháng (худой + длинный) 'худой и высокий',

瘦弱 shòuruò (худой + слабый) 'хилый, слабый, тощий',

清瘦 qīngshòu (чистый / прозрачный + худой) 'худощавый; стройный, изящный'.

干瘦 gānshòu (сухой + худой) 'худой, высохший, истощенный',

枯瘦 kūshòu (засохший + худой) 'худой, хилый, немощный',

В первых двух лексемах с морфемой 瘦 shòu 'худой' вторая морфема характеризует рост человека, вклад обеих морфем в семантику двуслогов при этом примерно одинаков:

В лексеме 瘦弱 shòuruò 'хилый, слабый, тощий' коннотации второй морфемы несколько сильнее. А в двуслоге 清瘦 qīngshòu 'худощавый; стройный, изящный', наоборот, морфема 清 qīng 'чистый, прозрачный' дает лишь положительную окраску.

В последних двух лексемах вдобавок к худобе подчеркивается слабость или истощенность человека. В этих двусловах значение второй морфемы является переносным ('сухой', 'засохший' о людях ~ 'истощенный').

В базе банных CLICS зафиксирован один случай колексификации значений 'тонкий' и 'сухой' – это лексема *i'θatə* в албанском (индо-европейский). О связи значений 'тонкий' и 'маленький' мы уже говорили в разделе 4.1. Взаимосвязь же значений 'тонкий' и 'длинный', 'чистый / прозрачный' – новая гипотеза, которую предлагает нам китайский материал.

¹ Полисемия: *usui* (薄い) 'thin' – 'thin (tea, coffee etc.)' (японский), *käččən* 'thin (person, voice, cloth)' – "weak, watery (beverage, soup)" (амхарский), *ciénky* 'thin' – 'thin' (польский).

5. Выводы

Итак, на материале анализа двусложных лексем мы выделили следующие смежные зоны для полей ТОЛСТЫЙ и ТОНКИЙ:

ТОЛСТЫЙ соседствует с зонами:

БОЛЬШОЙ 粗大 cūdà 'крупный; громоздкий' (толстый + большой), **肥硕** féishuò 'жирный, тучный' (жирный + крупный);

ГРУБЫЙ 粗糙 cūcāo 'необработанный, грубый; шероховатый' (толстый, грубый + необработанный, шероховатый);

СИЛЬНЫЙ-КРЕПКИЙ 粗壮 cūzhuàng (толстый + крепкий) 'крепкий; коренастый'.

ТЯЖЕЛЫЙ 粗重 cūzhòng 'громоздкий, тяжёлый, крупный' (толстый + тяжелый);

ГУСТОЙ, ПЛОТНЫЙ 浓厚 nóng hòu 'густой, плотный' (о воздухе) (густой, плотный + толстый);

НАСЫЩЕННЫЙ 醇厚 chún hòu 'чистый (без примеси) и насыщенный (о вкусе)' (чистый (без примеси) + толстый);

ПЛОДОРодный 肥沃 féi wò (жирный + плодородный) 'плодородный'.

ТОНКИЙ соседствует с зонами:

МАЛЕНЬКИЙ 细小 xìxiǎo 'мелкий, пустяковый' (мелкий + маленький), **细微** xìwēi 'крошечный; микроскопичный' (мелкий + крошечный), **瘦小** shòuxiǎo 'худой и маленький (о человеке)' (худой + маленький);

СЛАБЫЙ 细弱 xìruò 'хилый, слабый' (тонкий + слабый), **瘦弱** shòuruò 'хилый, слабый, тощий' (худой + слабый);

ГЛАДКИЙ-НЕЖНЫЙ 细嫩 xì nèn 'мягкий, гладкий, нежный' (тонкий + молодой, нежный); **细腻** xì nì 'мягкий, гладкий; нежный' (тонкий + жирный; лоснящийся; мягкий);

МЯГКИЙ 细软 xìruǎn (тонкий + мягкий) 'тонкий и мягкий'

РАЗРЕЖЕННЫЙ 稀薄 xībó 'разреженный (о воздухе)' (редкий + тонкий);

ЛЕГКИЙ 轻薄 qīngbó 'лёгкий и тонкий' (лёгкий + тонкий);

ДЛИННЫЙ 瘦长 shòucháng 'худой и высокий' (худой + длинный);

ЧИСТЫЙ/ПРОЗРАЧНЫЙ 清瘦 qīngshòu 'худощавый; стройный, изящный' (чистый / прозрачный + худой).

Полученный результат ценен для типологических исследований: он подтверждает уже известные случаи связанности семантиче-

ских полей (колексификации фреймов) в языках мира. Китайский материал подтверждает, что ТОЛСТЫЙ соседствует с зонами БОЛЬШОЙ, ТЯЖЕЛЫЙ, СИЛЬНЫЙ-КРЕПКИЙ, ГРУБЫЙ, ГУСТОЙ-ПЛОТНЫЙ, НАСЫЩЕННЫЙ а ТОНКИЙ соседствует с зонами МАЛЕНЬКИЙ, СЛАБЫЙ, РАЗРЕЖЕННЫЙ (о консистенции), ЛЕГКИЙ, СУХОЙ.

Кроме того, наш материал дает пищу для исследования новых «точек непрерывности»: ТОЛСТЫЙ и ПЛОДОРОДНЫЙ, а также ТОНКИЙ и ГЛАДКИЙ-НЕЖНЫЙ, МЯГКИЙ, ДЛИННЫЙ и ЧИСТЫЙ/ПРОЗРАЧНЫЙ. В дальнейшем предстоит проверить, возможны ли подобные совмещения значений в других языках.

Если механизм поиска смежных полей и точек непрерывности через двусложные лексемы китайского языка подтвердит свою эффективность, можно будет говорить о том, что инвентарь исследовательских методов семантиста и лексиколога пополнился новым приемом.

Источники

1. CLICS [электронный ресурс]. URL: <http://clics.lingpy.org/main.php>. Дата обращения: 3 апреля 2018 г.
2. SemShifts [электронный ресурс]. URL: <http://semshifts.iling-ran.ru>. Дата обращения: 24 апреля 2016 г.

Литература

1. Горелов В.И. *Лексикология китайского языка*. М.: Просвещение, 1984
2. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» // *Вопросы языкознания*. 2001. № 2. С.13-25.
3. Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.)*. Вып. 8 (15). М., 2009.
4. Кюсева и др. 2013 – Кюсева М.В., Рыжова Д.А., Холкина Л.С. Лексическая типология: к проблеме определения границ семантического поля (на примере признаков ‘толстый’ и ‘тонкий’). // Guzmán Tirado R., Votyakova I. (eds.). *Tipología léxica*. Granada, 2013.
5. Майсак Т.А. & Рахилина Е.В. (ред.). *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М.: Индрик, 2007.
6. Наний Л.О. *Прилагательные простейших форм и размеров китайского и русского языков в типологическом аспекте* // Дисс... к.ф.н. М., 2016.

7. Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. СПб.: Экополис и культура, 2004. 608 с.
8. Спиридонова Н. Ф. Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой* / Отв. ред. Апресян Ю.Д. М., 2004. С. 235-241.
9. Тань Аошун. *Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность*. М.: Языки славянской культуры, 2004
10. Холкина Л.С. *Качественные признаки в китайской лексике. Опыт типологического описания* / Дисс... к.ф.н. М., 2014.
11. François A. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // *From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic* / M. Vanhove (ed.). Studies in Language Companion Series 106. Amsterdam-New York: Benjamins, 2008. P. 163-215
12. Kay et al. 2009 – Kay Paul, Brent Berlin, Luisa Maffi, William R. Merrifield, and Richard Cook. *World Color Survey*. Stanford: CSLI, 2009 [электронный ресурс]. URL: <http://www1.icsi.berkeley.edu/wcs/>.
13. List et al. 2014 – List Johann-Mattis, Mayer Thomas, Terhalle Anselm, Urban Matthias. *CLICS: database of crosslinguistic colexifications. (Version 1.0)*. Marburg: Research Center Deutscher Sprachatlas, 2014 [электронный ресурс]. URL: <http://clics.lingpy.org/main.php>.
14. Majid, Asifa & Burenhult, Niclas (2014). Odors are expressible in language, as long as you speak the right language // *Cognition*. 2014. No. 130 (2). P. 266-270
15. Zalizniak et al. 2012 – Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *Linguistics*. 2012. V. 50. № 3. P. 633-669.
16. Zhou Jian 1999 周荐. 双子组合与词典收条, 《中国语文》, 1999, 第4期 (Чжоу Цзянь. Шуан цзы цзун юй цыдянь шуотяо {Двухъероглифические сочетания и включение слов в словарь} // *жунго юйвэнь*, 1999, №4).

К лексической типологии глаголов падения:
данные турецкого языка

1. Введение

Задача данной работы в том, чтобы систематизировать лексический материал турецкого языка для проекта Московской типологической группы (MLexT), связанного с глаголами падения в разных языках. Мы подготовили материал по прямым значениям глаголов, изучив его в рамках фреймового подхода, предлагаемого MLexT. В рамках проекта было определено, что падение – это *'вертикальное движение вниз под воздействием гравитации'* [Reznikova & Vygenkova 2015, с. 6]. В [Кузьменко & Мустакимова 2015] говорится о следующих характеристиках падения: объект падения; начальное положение объекта; конечная точка падения. Данные характеристики могут быть использованы для противопоставления лексем.

В семантическое поле падения включаются следующие глаголы турецкого языка.

1. Düşmek

Этот глагол является доминантой поля. Передает значения:

а) Падение с высоты в узком смысле.

(1) Adam ikinci kattan yere **düştü**.
Человек упал на землю со второго этажа'.

В этом же значении *düşmek* имеет синоним *inmek* 'спускаться', в частности, в словарях толкуется посредством этой лексемы.

(2) Yer çekiminin etkisiyle boşlukta, yukarıdan aşağıya **inmek**.
'Спуститься сверху вниз без контакта с поверхностью под воздействием гравитации'.

Однако лексема *inmek* посредством *düşmek* не толкуется:

(3) Yüksekten veya yukarıdan aşağıya doğru **gelmek**, çıkmak karşısı.
'Переместиться с высоты или сверху вниз, антоним подняться.'

б) Опрокидываться из вертикального положения.

(4) Futbol oynarken **düşmüş**. *'Он упал во время игры в футбол'*.

г) Употребляется в ряде менее прототипических ситуаций падения – обрушение, осадки, сыпучие и льющисея объекты при условии указания на поверхность падения.

(5) **Buraya yağmur düşmedi**. *'Здесь дождя не было'*.

д) Входит в композиты, отражающие характер действия посредством конвербов, служебных слов или идеофонов.

(6) **Kayarak düşmek** 'соскользнув упасть' (конверб)

(7) **Sirt üstü düşmek** 'опрокинуться' (служебные слова)

(8) **Çür düşmek** 'плюхнуться' (идеофон)

2. Yağmak

Чаще всего *yağmak* употребляется для обозначения выпадения осадков, однако может встретиться в сочетании с другими множественными предметами: пыль, пули и т.п. Изучив словарные статьи нескольких изданий, мы приходим к выводу, что для *yağmak* центральной темой является падение с высоты частиц в очень большом количестве.

(9) Her zaman yılbaşı gecesi **kar yağardı**. *'В новогоднюю ночь всегда шел снег'*.

(10) ...pencerelerden başına çil **kuruş yağar**... *'Ему на голову сыпятся монеты из окон...'*

3. Dökülmek

а) Для жидких и сыпучих веществ.

(11) **Çorba döküldü**. *'Суп пролился.'*

(12) **Çuvaldan arpa döküldü**. *'Из мешка высыпался ячмень.'*

б) Открепление от поверхности мелких частей: волосы, зубы, листья, штукатурка и т.п.

(13) Bu evin **bovaları dökülüyor**. *'Краска здания осыпается'*.

(14) **Saçları dökülüyor**. *'У нее выпадают волосы'*.

С данными субъектами может сочетаться глагол *düşmek*, если речь не идет об откреплении от поверхности:

(15) **Saçları alınma düşüyor**. *'Ее волосы спадают на лоб'*.

4. Yıkılmak

Означает обрушение.

(17) **Duvar yıkıldı**. *'Стена обрушилась'*.

5. Devrilmek

Означает падение только из вертикального положения.

(18) Kedinin çarpmasıyla vazo **devrildi**.
'Кошка задела вазу, и она опрокинулась'.

6. İnmek

Основное значение глагола *inmek* – перемещение объекта с верхней точки в нижнюю, как контролируемое, так и неконтролируемое. Данная лексема входит в семантическое поле падения в случаях, которые описаны в пункте 1 (пример 2).

Турецкие данные имеют сходство с японским материалом, описанным в [Панина 2016], а также с материалами четырех уральских языков, изложенными в [Кашкин & Плешак 2015]. В каждом из описываемых языков существует глагол, который доминирует в семантическом поле и может употребляться в различных ситуациях падения. При этом существуют глаголы с более узкой семантикой, которые противопоставлены друг другу по типу объекта. В японском, уральских и турецком языках выделяется глагол, обозначающий выпадение осадков. В уральских и турецком выделяется глагол для жидких и сыпучих веществ. Как утверждает А.С. Панина, противопоставление по типу объектов – это первое впечатление, за которым стоит «не столь прямолинейное» содержание [Панина 2016, с. 207]. В турецком языке шесть глаголов падения. Глагол *düşmek* является доминантой поля и может быть употреблен практически во всех ситуациях падения при определенных условиях. Лексема *düşmek* не противопоставлена другим пяти лексемам ни по типу объекта, ни по начальному его положению, ни по конечной точке падения. По своему конкретному содержанию, глаголы противопоставлены по характеру действия: *yağmak* означает ‘падать с высоты в большом количестве’, *dökülmek* – ‘литься или сыпаться’, *yükelmek* – ‘разрушаться’, *devrilmek* – ‘опрокидываться, переворачиваться’.

Мы предполагаем, что сочетаемость турецких лексем обусловлена характером действия, а не характеристиками, указанными в [Кузьменко & Мустакимова 2015], хотя корреляция с видами объектов закономерна: крупа может сыпаться, осадки – падать в большом количестве сверху, ваза – опрокидываться, стена – разрушаться.

Источники

1. Гениш Э. *Словарь турецких глаголов и управление глаголов в турецком языке*. М.: ЛКИ, 2008. 328 с.
2. Щербинин В.Г. *Большой русско-турецкий словарь*. М.: Живой язык, 2006. 680 с.
3. Юсипова Р.Р. *Турецко-русский словарь*. М.: Русский язык медиа, 2005. 694 с.

4. *NND Sözlük* [электронный ресурс]. URL: <http://www.nedirmedemek.com>. Дата обращения: 20.02.2018.
5. *Türkiye'nin Bilgi Portalı* [электронный ресурс]. URL: <http://www.sozluk.bilgiportal.com>. Дата обращения: 20.02.2018.

Литература

1. Кашкин Е.В. & Плешак П.С. Идеофонические глаголы падения: семантические наблюдения и перспективы типологии (корпусное исследование) // *Вестник Воронежского гос. ун-та*. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. №3. С. 137-142.
2. Кузьменко Е.А. & Мустакимова Э.Г. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015»*. М.: МГУ имени М.А. Шолохова, 2015. С. 149-160.
3. Панина А.С. Глаголы падения в японском языке: лексическая типология // *Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы XII международной конференции (Москва, 16-17 ноября 2016 года)*. М.: Языки народов мира, 2016. С. 197-207
4. Рахилина Е.В. & Резникова Т.И. Фреймовый подход в лексической типологии // *Вопросы языкознания*. 2013. №2. С. 3-31.
5. Reznikova T.I. & Vyrenkova A.S. Semantics of Falling: A Cross-Linguistic Approach // *Working papers, series: Linguistics*. М.: ВШЭ, 2015. С. 3-14.

Глаголы вращения в японском языке

1. Введение

Японское семантическое поле вращения представляет собой образец доминантной системы. Большую часть поля обслуживает генерический глагол *mawaru* «вращаться», для некоторых ситуаций есть также отдельные более и менее периферийные лексемы.

Следует оговориться, что мы учитываем только глаголы исконно-японского происхождения. В японском языке имеется также большой слой морфем, заимствованных из китайского языка. Их можно сопоставить с греческими и латинскими элементами в русском; по сравнению с исконной лексикой китаизмы обычно имеют необходимую, книжную или терминологическую окраску. В качестве предикатов китаизмы функционируют в сочетании со вспомогательным глаголом *suru* «делать», например, *kaiten-suru* «вращаться» от *kaiten* «вращение». В тезаурусе [Kadokawa] три раздела, соответствующие разным видам вращения, включают в общей сложности около двадцати китаизмов, и только два из этих слов не снабжены пометой «книжное»: *kaiten* «вращение» и *junkai* «поочередный обход». Семантика китаизмов отражает скорее китайскую лексическую систему на момент заимствования соответствующих морфем, поэтому здесь они рассматриваться не будут.

Еще одна особенность японского языка – то, что в нем широко употребляются наречия-идеофоны, причем не только звукоподражательные, но и так называемые «образоподражательные», которые описывают тактильные, зрительные и другие ощущения. В некоторых семантических полях, таких как лексика боли, именно идеофоны несут основное значение, конкретизируя предикат широкой семантики. Есть идеофоны и в поле вращения; в частности, они могут уточнять количество оборотов – многократность и однократность наглядно выражаются в них наличием или отсутствием редупликации:

(1) *Niwa o guru¹ to mawari, uraguchi kara boirāshitsu ni haitte...*
«Сделал круг по саду и с черного хода зашел в котельную» (BCCWJ).

¹ Символом Q условно обозначим гортанную смычку; в японистике для нее нет принятой транслитерации.

(2) *Miko ga kuru-kuru-kuruQ to mawatte baQ to taoretara...*
«Когда жрица **кружится**, а потом резко падает» (там же).

Однако глаголы вращения свободно употребляются и без идеофонов, а те не столь много добавляют к их семантике, чтобы заслуживать отдельного рассмотрения.

Таким образом, японскую систему глаголов вращения можно считать ограниченной глаголами *mawaru* «вращаться», *meguru* «обходить вокруг» и *korogaru* «катиться»; в качестве периферии поля упомянем также *mau* «танцевать; кружиться» и *uzumaku* «образовывать вихрь».

1. Генерический глагол *mawaru*

Глагол *mawaru* «вращаться» и его каузативная пара *mawasu* «вращать» подробно описаны в исследовании [Morita 1977, p. 427-431]. Большинство значений и подзначений, которые выделяет Ё. Морита, коррелируют с элементарными ситуациями, или фреймами, постулируемыми для этого поля Московской лексико-типологической школой [Круглякова & Рахилина 2010].

2.1 *Mawaru*: основные значения

Глагол *mawaru* стилистически нейтрален и высоко частотен. Его исходным значением можно считать однократный оборот или продолжающееся вращение вокруг своей оси, независимо от скорости и одушевленности траектора:

(3) *Kagi ga gatchari to mawatta.*
«Ключ **повернулся** со щелчком» (Waei).

(4) *Chikyū wa mawaru.*
«Земля **вертится**» (Daijisen).

(5) *Sukētā ga ryōude o sageru to, kyūni hayaku mawari-dashita.*
«Опустив руки, фигурист вдруг начал **кружиться** быстро» (Morita 1977).

Вращение может быть и потенциальным:

(6) *Yubiwa ga mawaru.*
«Кольцо **поворачивается** [на пальце]» (Waei).

Ё. Морита особо выделяет вращение длинных закрепленных предметов, но этот случай отличается от прототипического только расположением внутренней оси у края предмета, а не по центру:

(7) *Chōshin ga yonjūgo do mawatte jūgo fun da.*
«Когда большая стрелка [часов] **поворачивается** на 45 градусов, это 15 минут» (Morita 1977).

О часах по-японски, как и по-русски, не говорят, что они вращаются, когда стрелки движутся. Однако для других механизмов с вращающимися деталями глагол *mawaru* может демонстрировать метонимический перенос с части на целое и описывать работу механизма в целом; так, у пленочного диктофона крутятся только катушки:

(8) *Takujō no kogata rokuonkiwa sudeni mawatte-iru.*

«Маленький диктофон на столе уже **крутится**» (BCCWJ).

Оборот может также быть частичным, как в (9). Впрочем, для подобных ситуаций чаще бывает важен не процесс поворота, а итоговая ориентация траектора, и используется основной глагол смены направления – *muku* «разворачиваться». Мы не рассматриваем *muku* среди лексики вращения, поскольку он не может обозначать полный оборот, даже однократный.

(9) *Moderu wa yukkuri migi ni mawatta.*

«Манекенщица медленно **повернулась** направо» (Waei).

Следующая группа употреблений *mawaru* описывает вращение вокруг внешней оси. Маршрут может, но не обязан, представлять собой точный круг; необходимо лишь, чтобы он был замкнут и траектор возвращался в исходную точку. Количество оборотов, одушевленность траектора и среда не важны.

Глагол *mawaru* здесь, в отличие от предыдущих примеров, становится переходным, причем в виде прямого дополнения может быть выражен либо ориентир, как в примере (10), либо место, где локализуется вся ситуация, как в (12). Аккузативное оформление валентности среды или маршрута (*idmi no lesu* и т.п.) весьма характерно для японских глаголов перемещения, так что *mawaru* в данной части поля сближается с ними не только семантически, но и синтаксически.

(10) *Chikyū wa ichi nen kakete Taiyō o mawaru.*

«Земля **обходит** вокруг Солнца за год» (Morita 1977), ср. пример (4).

(11) *Kuma ga emono no mawari o guruguru mawatte-iru.*

«Медведь **ходит** (букв. поворачивается) вокруг добычи» (там же).

(12) *Tobi ga wa o egaite sora o mawatte-iru.*

«Коршун **летает** (букв. поворачивается) по небу, описывая круги» (там же).

(13) *Yamanote sen wa Tōkyō no chyūshinbu o mawaru dehsha desu.*

«Линия «Яманотэ» – это электричка, которая **обходит** вокруг центральной части Токио» (там же).

Частный случай движения по замкнутому маршруту представляет собой циркуляция жидкостей:

(14) *Ketsueki wa taezu karada no naka o mawatte-iru.*

«Кровь непрерывно **обращается** внутри тела» (там же).

При движении вокруг внешнего ориентира возможен и неполный оборот, при котором маршрут представляет собой дугу. Скажем, вокруг угла здания, в отличие от здания в целом, нельзя сделать полный круг, не упершись в стену:

(15) *Sono kado o migi e maware.*

«**Поверни** вокруг того угла направо» (там же).

2.2 Mawaru: переносные употребления

Промежуточный статус между прямыми и переносными значениями глагола *mawaru* имеет группа употреблений, описывающих движение по дуге. Это все еще физическое движение, но не собственно вращательное, и в центре внимания здесь оказывается не ориентир, а форма маршрута. Дуга соединяет свои концы не самым коротким путем – это обходной, окольный маршрут; в частности, данное значение отличается тем, что на маршруте возникают промежуточные пункты. Описывая движение траектора от одного из этих пунктов к другому, *mawaru* приобретает дополнения начальной и конечной точки, нехарактерные для прототипической ситуации вращения:

(16) *Gakuya kara mawatte kyakuseki o mita.*

«**Зашел** (букв. повернулся) из-за кулис и посмотрел в зал» (BCCWJ).

(17) *Teki no haigo ni mawaru.*

«**Заходить** врагу в тыл» (Morita 1977).

(18) *Yūjin no ie ni mawatta node osoku natta.*

«Опоздал, потому что [по дороге] **завернул** к приятелю» (там же).

Также из движения по круговому маршруту развивается значение перемещения, полностью охватывающего некоторое пространство или множество локаций.

(19) *Sekai kakkoku o tsuā de mawaru.*

«**Объехать** все страны мира в туристической поездке» (Нүбōген).

По признаку нарастающей полноты охвата сюда же примыкают примеры, где описывается постепенно нарастающий эффект чего-либо. Из этой группы Ё. Морита рассматривает лишь действие алкоголя, яда и т.п. веществ в крови и объединяет их с прямым значением циркуляции жидкости, однако пример (21) представляется устроенным так же – в частности, в таких примерах не реализуется валентность на «маршрут», то есть на охваченное пространство:

(20) *Sukoshi yoi ga mawatte, kotonohoka yōkini natte-ita.*
«Слегка **захмелел** (букв. опьянение повернулось) и сделался необычайно весел» (BCCWJ).

(21) *Mokuzō kenchiku wa hi ga mawari-yasui*
«В деревянных постройках легко **распространяется** (букв. поворачивается) огонь» (Hyōgen).

Перемещение по кольцевому маршруту как последовательный перебор расположенных на нем точек порождает употребления, в которых траектор, материальный или абстрактный, перемещается по упорядоченному множеству:

(22) *Memo ga mawatte-kita.*
«[Мне] **передали** записку (букв. повернулась записка)» (там же).

(23) *Sōji tōban ga watashi ni mawatte-kita.*
«Очередь убираться **дошла** (букв. повернулась) до меня» (Morita 1977).

(24) *Sono kosuto ya risuku no futan ga saishūtekini shōhisha ni mawatte-kuru.*
«Груз этих затрат и рисков в конечном итоге **перекладывается** (букв. поворачивается) на потребителей» (BCCWJ).

Интересно, что значение изменения у *mawaru*, по-видимому, происходит от поочередного перебора: субъект как бы перемещается между последовательно расположенными состояниями. На это указывает управление дативом, которое из физических значений *mawaru* присуще только движению по кольцевому маршруту:

(25) *Settoku o ukete zen'in ga sansei ni mawatta.*
«Под действием аргументов все **изменили свое мнение на положительное** (букв. повернулись в согласие) (Hyōgen).

С вращением вокруг внутренней оси, а именно с работой механизмов, у которых есть вращающиеся детали, логично соотнести значение функционирования в таких сочетаниях, как *keizai ga mawaru* «экономика **работает** (букв. крутится)».

Mawaru в значении функционирования можно видеть также в устойчивых сочетаниях с названиями частей тела; такие идиомы описывают способность, за которую отвечает соответствующий орган: *shita ga mawaru* букв. «язык поворачивается» и *kuchi ga mawaru* букв. «рот поворачивается» – способность бегло говорить, *atama ga mawaru* букв. «голова поворачивается» – способность думать. Впрочем, не во всех сочетаниях с названиями частей тела представлено это значение. Например, *te ga mawaru* букв. «руки поворачиваются»

имеет обязательную валентность конечной точки и соответствует русскому *руки доходят <до чего-л.>*, то есть соотносится со значением перебора точек на маршруте.

Еще две идиомы следует, видимо, производить непосредственно от вращения вокруг внутренней оси: сочетание *me ga mawaru* букв. «глаза кружатся», которое описывает головокружение, и *kubi ga mawaranai* букв. «шея не поворачивается», которое, помимо прямой физической интерпретации, может также обозначать финансовые трудности.

3. *Meguru* – движение по круговому маршруту

Глагол *meguru* «обходить кругом» имеет несколько книжную стилистическую окраску, но заслуживает упоминания для полноты картины.

3.1 *Meguru* – основные значения

В классическом японском языке он мог обозначать вращение вокруг внутренней оси, но утратил это значение и сейчас обозначает только движение по маршруту, либо круговому, либо просто замкнутому:

(26) *Chikyū wa 1 nen kakete Taiyō no mawari o megutte-iru.*
«Земля **обходит** вокруг Солнца за год» (Hyōgen).

Важное отличие *meguru* от синонимичного ему значения глагола *mawaru* состоит в том, что *meguru* способен также метонимически обозначать не только движение, но и статичную кольцевую форму или расположение, как бы возникшее в результате движения по кругу:

(27) *Shiro no mawari o hori ga meguru*/mawaru.*
«Вокруг крепости **обходит** ров» (Daijisen).

В остальном прямые значения *meguru* симметричны фрагменту семантической структуры *mawaru*, который описывает движение по замкнутому маршруту и смежный с ним фрейм – циркуляцию жидкостей:

(28) *Ketsueki ga karada jū o megutte eiyō o hakobimasu.*
«Кровь **циркулирует** по всему телу, разнося питательные вещества» (Hyōgen).

3.2. *Meguru*: переносные употребления

Два из переносных значений *meguru* повторяют аналогичные употребления *mawaru*. Первое из них – значение движения, охватывающего некоторое пространство или множество пунктов:

(29) *Kitaguni no onsen o meguru tabi.*

«Путешествие по горячим источникам (букв. обходящее источники) Севера» (там же).

Второе – значение поочередного перебора, где нефизические траекторы как бы перемещаются, обычно циклически, по заранее определенному маршруту:

(30) *Haru / jumban ga megutte-kita.*

«**Пришла** весна / [моя] очередь» (там же).

Помимо этого, у глагола *meguru* есть значение, не имеющее аналогов среди остальных японских глаголов вращения, но широко засвидетельствованное в других языках – метафора «тема – информационный ориентир». Отсутствие этого переноса у *tawaru* дает основания предположить, что значение информационного ориентира у *meguru* развивается не напрямую из одного из фреймов вращения, а из упомянутого выше значения статической локализации по кругу, которое не представлено у *tawaru*. Деепричастная форма *meguru* при ментальных глаголах, по-видимому, находится на пути к грамматикализации и превращению в отглагольный послелог, выражающий тему.

(31) *Rui 14-sei o meguru hitobito*

«Люди, **окружавшие** (букв. обходящие) Людовика XIV», т.е. связанные с ним общим ситуационным контекстом (Waei).

(32) *Seido no zehi o megutte giron ga hakunetsu-suru*

«**Вокруг** плюсов и минусов системы ведутся все более жаркие дебаты» (Нубген).

Следует также отметить, что *meguru* не обозначает нахождения около ориентира с социальной целью; пример (31) не может значить «*люди, увивающиеся вокруг Людовика XIV». Соответствующие смыслы в японском языке передаются без участия лексики вращения, глаголами контакта – прежде всего *tsukimatou* «приставать, следовать» и *matowaritsuku* «цепляться».

4. Глагол *mau* «танцевать; кружиться»

Глагол *mau* «танцевать; кружиться» исторически является однокоренным с *tawaru* и ранее имел, но утратил значение вращения вокруг внутренней оси.

Некоторые описания относят *mau* к глаголам вращения; так, в тезаурусе [Kadokawa] он дается как синоним *tawaru* для фрейма «падающие листья». Однако поскольку в настоящее время *mau* охватывает лишь периферийные фреймы в поле вращения, целесообразно

но считать такие употребления *mau* метафорически производными, а основным в современном языке – значение «танцевать».

Mau «танцевать» распределен с глаголом *odoru* «плясать; скакать» в зависимости от характера движения. Он менее частотен, чем *odoru*, но остается употребительным:

(33) *Hajimete butai ni tachi, "Fujimusume" o matta.*

«Впервые вышел на сцену и станцевал [пьесе театра кабуки] «Девальциния» (BCCWJ).

Ситуации, где *mau* употребляется в поле вращения, имеют важное семантическое сходство с тем видом танца, который обозначает этот глагол: движение должно быть плавным, без резких перемещений – именно поэтому *mau* часто описывает движение очень легкого, как бы невесомого, траектора в воздухе (пылинки, лепестки, снег и т.п.).

Глагол *mau* задает характер движения – плавное, скользящее, невесомое, – но не определяет траекторию. Это может быть не только маршрут, близкий к правильному кругу, как у коршуна, или условно спиральный, как у падающих листьев в (34), но и беспорядочные перемещения, как у бабочки в (35); отметим в этом примере модель управления с начальной и конечной точкой, нехарактерную для прототипической ситуации вращения:

(34) *Konoha / tobi ga mau.*

«**Кружатся** (букв. танцуют) листья / коршун (Kadokawa).

(35) *Hana kara hana e chō ga mau.*

«С цветка на цветок **порхают** (букв. танцуют) бабочки» (BCCWJ).

Этим же глаголом описывается и полностью хаотичное движение без направленного перемещения, прежде всего поднимающаяся и повисающая в воздухе пыль:

(36) *Toridashita hon o hiraku to hokori ga matta.*

«Достал книгу, и когда открыл ее, **поднялась** (букв. затанцевала) пыль» (Waei).

Существует также высокочастотное устойчивое сочетание *chū o mau* «взлететь в воздух», букв. «затанцевать по воздуху». Оно не уточняет ни характер движения, ни маршрут, а фиксирует сам факт, что траектор оторвался от земли – часто в результате удара.

Кроме того, от глагола *mau* образуется существительное *temai* «головокружение», букв. «пляска глаз», ср. идиому с этой же метафорой *me ga tawaru* «голова (букв. глаза) кружится» у глагола *tawaru*.

5. Глагол качения *korogaru*

Глагол *korogaru*, однокоренной с идеофонами вращения *koro*, *korori* и др., может значить «катиться», «падать» и «лежать». Наша трактовка качения как смежного с ситуациями вращения косвенно подтверждается тем, что *korogaru* именно так описывается в тезаурусе [Кадокава] – его значение «катиться» дано в одном разделе с *tawaru* «вращаться».

Качение, обозначаемое *korogaru*, может быть однонаправленным, как в (37), или хаотическим, как в (38):

(37) *Bōru ga shibafu no ue o korokoro korogatte-ita.*

«Мяч укатился по газону» (Hyōgen).

(38) *Jimen no ue o korogatte-ita honoo no katamari.*

«Катавшийся по земле клубок пламени» (BCCWJ).

Падение связано с предыдущим значением метонимией: в прототипической для *korogaru* ситуации падения траектор, упав, сохраняет инерцию движения и некоторое время катится. Впрочем, фаза качения может быть редуцирована, особенно если падает одушевленный субъект:

(39) *Ishi ni tsumazuite korogaru.*

«Упасть (букв. покатиться), споткнувшись о камень» (Reikai).

Значение лежания глагол *korogaru* приобретает в форме длительного вида, причем может описывать и такие предметы, которые неспособны кататься. Это употребление несет легкую отрицательную оценку и точно соответствует русскому *валяться*:

(40) *Genkan ni kutsu ga korogatte-ita.*

«В прихожей валялись (букв. катались) башмаки» (Waei).

От значения «валяться» образуется единственное переносное значение *korogaru* – наличие в большом количестве:

(41) *Kane mōke no shigoto wa doko ni demo korogatte-iru.*

«Денежной работы везде навалом (букв. работа везде катается)» (Hyōgen).

6. Uzumaku «образовывать вихрь»

Глагол *uzumaku* образован от существительного *uzu* «вихрь, водоворот» и глагола *maku* «наматывать», так что не вполне корректно считать его производным. Он обозначает вихревое движение, обычно жидкостей, газов или пламени. Столь же часто эти ситуации описываются и словосочетанием, от которого образован данный глагол:

(42) *Uzushio ga hageshiku uzumaite-ita.*

«Морской водоворот яростно бурлил» (BCCWJ).

(43) *Uzu o maite-iru kawa ni tobikonda.*

«Кинулся в бурлящую (букв. наматывающую водовороты) реку» (там же).

Метафорически глагол *uzumaku* может также обозначать беспорядочное движение плотной массы:

(44) *Tsūkin-suru hitobito ga Shibuya no eki mae o uzumaite-ita.*

«Перед станцией «Сибуя» бурлила (букв. образовывала водоворот) толпа людей, едущих на работу» (там же).

Основное переносное значение *uzumaku* – сильные эмоции и их проявления, неконтролируемые, неприятные и разрушительные. Именно эта хорошо освоенная метафора составляет основную часть употреблений *uzumaku* в корпусе BCCWJ; примеры на его прямое физическое значение там единичны.

(45) *Shokuba ni wa kinchō to kyōsō to fukaikan ga uzumaite-iru.*

«Место работы бурлит (букв. на рабочем месте образуют вихрь) напряжением, соперничеством и ощущением недовольства» (там же).

7. Организация системы

В японской системе глаголов вращения доминирует глагол *tawaru*, охватывающий однократные и многократные, полные и частичные обороты одушевленных и неодушевленных траекторов вокруг внутренней и внешней оси. В области движения по круговому маршруту функционирует также его менее употребительный частичный синоним *meguri* «обходить». Зона качения обслуживается отдельным глаголом – *korogaru* «катиться; падать; валяться». Глагол *mai* «танцевать; кружиться» в современном языке утратил собственное вращательное значение, но сохраняется для описания плавного перемещения, особенно в воздухе, которое может иметь круговую или спиральную траекторию. Для вихревого движения имеется глагол *uzumaku* букв. «наматывать вихрь».

Источники

1. BCCWJ – Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese {Сбалансированный корпус современного письменного японского языка} [электронный ресурс]. URL: www.kotonoha.gr.jp/shonagon/.
2. *Daijisen* {Большой толковый словарь «Дайдзисэн»}. Tokyo: Shōgakukan, 1997. Электронное издание.
3. Hyōgen – *Nihongo hyōgen katsuyō jiten* {Активный словарь конструкций японского языка}. Tokyo: Kenkyusha, 2004. Электронное издание.

4. *Kadokawa ruigo shinjiten* {Новый словарь синонимов изд-ва «Кадокава»}. Электронное издание. Tokyo: Kadokawa, 1981.
5. *Reikai – Gendai kokugo reikai jiten* {Современный объяснительный толковый словарь}. Tokyo: Shogakukan, 2001 (1985).
6. *Waei – Shin waei daijiten* {Новый большой японско-английский словарь}. Tokyo: Kenkyūsha, 2003. Электронное издание.

Литература

1. Круглякова В.А. & Рахилина Е.В. Глаголы вращения: лексическая типология // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам международной конференции «Диалог 2010»*. № 9 (16). М., 2010. С. 241-247.
2. Koizumi Tamotsu et al. *Nihongo dōshi yōhō jiten* {Словарь узуса глаголов японского языка}. Tokyo: Taishūkan shoten, 2000.
3. Morita Yoshiyuki. *Kiso nihongo imi to tsukaikata* {Базовая японская лексика: семантика и употребление}. Tokyo: Kodansha, 1977.

А.А. Смирнитская
ИВ РАН (Москва)

Семантическая деривация в дравидийской терминологии родства: особенности анализа этимологических данных¹

В истории языкознания можно говорить о периодах, когда лексическое значение понималось как неизменяемая сущность, и периодах изучения динамического аспекта лексического значения. Так, с античных времен был распространен подход, представляющий значение неизменной во времени сущностью, единственным изменением которого был акт первоначального наименования. В диалоге Платона «Кратил» герой рассуждает о том, что боги давали имена предметам правильно, а если за это возьмется человек, он должен обладать достаточными способностями: «не всякий является мастером имен» [Фрейденоберг 1936]. При этом явные образцы этимологических построений, предполагающие динамическое изменение лексического значения слова, в диалогах Платона отсутствуют [Гринцер 2013]. Сравнительно-историческое направление, бурно развивающееся в языкознании с конца XVIII века, наоборот, рассматривает лексическое значение как сущность, изменяющуюся во времени. Для реконструкции отношения наследования между двумя лексическими единицами, помимо наследуемой формы, необходимо установить наследование «содержания». При этом, как указывают С.А. Старостин и С.А. Бурлак, «доказательство семантического сходства при поиске этимологий подразумевает тщательный анализ значения вовлекаемых в сравнение лексем» [Бурлак & Старостин 2005]. Значительное число таких фактов семантической эволюции было проинтерпретировано в XIX — первой половине XX в., в частности, в ходе создания основных этимологических словарей индоевропейских языков (М. Фасмера, В. Мейер-Любке, А. Брюкнера, А. Эрну и А. Мейе, Ю. Покорного и др.), ср., в частности, [Бородина & Гак 1979]. Был поставлен вопрос об основных типах изменений значения: сужение, расширение, смещение по Г. Паулю и др.

Поворот к синхронному изучению языка, произошедший в XX веке, сместил акценты в языкознании. В семантике возникли направления компонентного анализа, когнитивная семантика, разви-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-29-09124 «Когнитивные механизмы семантической деривации в свете типологических данных», руководитель Анна А. Зализняк.

валась Московская семантическая школа. Однако в конце XX – начале XXI вв. изучение динамического аспекта лексических значений вновь становится предметом исследования. Семантическая деривация, семантические сдвиги описываются, например, в известной работе Е.В. Падучевой «Динамические модели в семантике лексики» [Падучева 2004] и в других исследованиях. Появление типологического подхода к полисемии и семантической эволюции привело к появлению понятий «семантического сближения», «колексификации», «лексического изменения» и «семантического перехода», описанных, в том числе, в [Sweetser 1990, Traugott & Dasher 2002, Vanhove 2008, Juvonen & Koptjevskaja 2016] и др.

В данной работе в рамках концепции «Каталога семантических переходов» Анны А. Зализняк [Зализняк 2001, 2013] рассматривается лексико-семантическая группа «термины родства», достаточно неоднородная с точки зрения семантической изменчивости. Рассматриваются системы терминов родства в тамильском языке и в других дравидийских языках. Для описания этих изменений привлекаются данные этимологических исследований, в особенности работы Т. Бургов и М.В. Еменеау. Составленный этими авторами Дравидийский этимологический словарь, изданный в 1961 г., а затем переизданный и дополненный в 1984 г., является выдающимся и практически бесценным вкладом в современную дравидологию. Собранные в этом словаре «этимологические гнезда» представляют данные по значительному количеству современных и исчезающих дравидийских языков, в том числе малых [Burgows & Emeneau 1984]. На настоящий момент мы включили в исследование данные 17 языков: тамильский, телугу, каннада, ката, кода, колами, корага, курух, куи, брауи, малаялам, малто, гонди, найки, парджи, куви, тулу. В данной работе мы рассматриваем, как материал дравидийской этимологии, собранный Т. Бургом и М. В. Еменеау, можно использовать для изучения динамических изменений лексического значения – «семантических переходов».

Термин «семантический переход» используется в семантике с начала 2000-х гг. В работе Анны А. Зализняк [Зализняк 2001] была предложена концепция «Каталога семантических переходов», которая была впоследствии реализована в форме базы данных [Zalizniak et al. 2012, DatSemshift 1.0]. Под семантическим переходом понимается "концептуальная смежность между двумя языковыми значениями, проявляющаяся в совмещении этих значений в пределах одного «слова в широком смысле»" [Зализняк 2013], в том числе взятого на разных диахронических «срезах» своего развития. В DatSemShift на

настоящий момент собрано более 3500 таких подтвержденных семантических переходов из более чем 300 языков мира¹. Для постулирования семантического перехода принимаются во внимание совмещения значений, реализованные одним из следующих типов: 1) синхронная полисемия, 2) диахроническая семантическая эволюция, 3) морфологическая деривация, 4) когнаты и 5) заимствования. Так например, семантический переход «пустой» → «тщетный» реализуется в русском языке семантической эволюцией *тщетный* из **гъsk-* «пустой», в латыни полисемией лат. *vanum* «пустой», «тщетный», а также в греческом языке аналогичной полисемией греч. *κενός* «пустой», «тщетный, напрасный» [Зализняк 2006, с. 404].

При этом разные значения изменчивы по-разному. Так, шведск. глагол *slå* 'hit, strike, beat' распространяет свое значение очень широко, охватывая (в качестве вспомогательного или полнозначного глагола) такие области, как Hurt /Defeat/ Punish/ Kill; Physical target: Set object in motion/ Create object/ Break object / Produce sound, как в примере *Sedan slog hon numret...* «She then dialed the number...» [Juvonen & Koptjevskaja-Tamm 2016].

Лексические значения, описывающие действия, в принципе достаточно часто склонны к изменениям, как например, значения «схватить» → «понять», связанные отношением семантического перехода, реализованным, в том числе, диахронической семантической эволюцией *итал. capire* «понять» из *лат. capere* «поймать». В отличие от них лексические значения, описывающие абстрактные сущности и в особенности предметы, подвержены изменениям значительно реже.

Терминология родства относится к наиболее устойчивому пласту лексики. Хотя в классический 100-словный список Сводеша термины родства не входят, в 200-словном расширенном списке для глоттохронологических подсчетов есть значения: *mother*¹, *father*, *wife*, *husband*, *child* [Бурлак & Старостин 2005, с. 15]. Других значений из семантического поля родства в этом списке нет: так, значения *тётя* нет в списке, потому что этот случай считается проявлением «детской речи», для которой фонотактические правила не действуют, и регулярные соответствия не демонстрируются. Значение *дядя: dedь*,

¹ Каталог DatSemshift – база данных проекта описания семантических переходов, разрабатываемого группой исследователей под руководством Анны А. Зализняк в Институте языкознания РАН.

¹ Мы обозначаем значения английскими «ярлыками», как это принято в системе DatSemShift.

восходящее к индоевропейской форме **dhēdh* – ‘дед, бабука, общее обращение к старшим’ [Трубачев 1959], также не используется в глоттохронологии.

В лексико-семантическое поле «Термины родства» в нашей работе мы включаем значения *mother, father, son, daughter, child, parents, uncle, aunt, cousin, grandfather, grandmother* и другие. В силу антропоцентричности человеческой номинации эта лексико-семантическая группа «регулярно осуществляет семантические сдвиги ... далеко за пределы семейной тематики», что было показано И.Б. Качинской на материале архангельских говоров русского языка [Качинская 2011]. В стандартном русском литературном языке такие случаи также часто встречаются: *материнская плата, материнская компания* (экон, юр), как в примере «Материнская компания, владеющая 100 % акций ОАО «Мобильные ТелеСистемы».

Однако в дравидийских языках расширение значений терминов родства подчиняется другим законам. В рассмотренном нами материале значения этого поля оказались крайне мало подвержены изменениям.

В частности, тамильская система родства, представляющая собой пример классической системы родства дравидийского типа, выражает параметры **старшинства**: ‘старший / младший брат’ – *там. aṅṅaṅ / taṅṅi*, ‘старшая / младшая сестра’ – *akkāḷ / taṅkaḷ*; **патрилинейного и матрилинейного родства**: *māma(n)* – ‘дядя, брат матери’, *periya (cinna) takappaṅ* – ‘старший (младший) брат отца’. Также в этой системе сближаются **родители и их сиблинги**: *ammā* ‘мама’ – *cinnaṅmā* ‘тетя’, букв. ‘младшая мама’; *appā* ‘отец’, – *cinnaṅpā(n)* – ‘дядя, младший брат отца’, букв. ‘младший папа’. Для тамильской системы чрезвычайно важна идея **кросскузенного брака**, что отражается в лексике: *urimai pen* – ‘женщина по праву’, ‘дочь брата матери’; *massaṅ* – ‘сын сестры отца’, ‘жених’ [Trautmann 1995; Смирнитская 2016].

Этимологические данные, которые мы привлекаем в данной работе, можно использовать как в качестве источников сведений о *семантической эволюции*, о *когнатах* (если рассматривать историческое развитие языка, то есть привлекать данные, по крайней мере, двух синхронных языковых состояний разных периодов), так и в качестве источников данных о *полисемии* (если рассматривать отдельно синхронные срезы языка – сегодняшнего или языка прошлого). По свидетельствам индоевропейцев, занимающихся изменениями в области терминологии родства, реконструируемая индоевропейская лексика

родства является, скорее, компиляцией элементов из разных временных срезов [Milanova 2016]. В области дравидийской этимологии сведения, относящиеся к праязыковому состоянию, необходимо воспринимать с еще большей степенью критичности. Праязыковые значения восстанавливаются во многих случаях путем контаминации современных рефлексов, что можно проследить в примерах:

**ātai* ‘родственник женского пола’ (сестра отца, бабушка) восстанавливается для современных там. *attai, nallattai; periyattai* ‘(старшая) тетя, сестра отца’; тел. *atta, mēnatta* ‘тетя, сестра отца, жена брата матери’; кан. *atte, sōdaratte* ‘сестра отца, жена брата матери’¹.

**āja-* ‘старший родственник (брат отца, дедушка, отец)’ восстанавливается для современных там. *āyā* ‘отец’, обращение к уважаемому человеку; тел. *āyā* ‘отец’, кан. *āyā* ‘отец, учитель, начальник и др.’

**āvai* ‘старший родственник женского пола (бабушка, жена старшего брата)’ восстанавливается для современных там. *ṛēvaṅvai* ‘тетя, сестра матери’ и тел. *avva* ‘мать’, ‘старая женщина’).

В то же время есть и более однозначно восстанавливаемые праязыковые значения. Так, **āpa-* ‘отец’ (уважит.) восстанавливается для там. *appāṅ; takappaṅ* ‘отец’, *cinnaṅpaṅ* ‘дядя, младший брат отца’; мал. *appaṅ* ‘отец’; малт. *abba* ‘мой отец’; кан. *appa* ‘отец’. Праязыковое значение **āma-* ‘мать’ (уважит.) восстанавливается для современных там. *ammā* ‘мать’, и также *amma* без изменения в других языках. Праязыковое **mām-* ‘брат матери’ восстанавливается для современных там. *māmaṅ*; тел. *māma, mēnamāma*; малт. *toma, tama*; кан. *māva*.

Вероятно, так происходит из-за недостаточной изученности нескольких последовательных стадий развития дравидийских языков, поскольку таких исследований еще практически не проводилось.

Если рассматривать конкретные этимологические гнезда при анализе дравидийской лексики, выделяются семантические переходы, которые можно отнести к двум группам: **внешние** переходы (семантические переходы из одного лексико-семантического поля в другое) и **внутренние** переходы (внутри семантического поля «термины родства»). Так, для значения, которое мы обозначаем ярлыком *mother*, выделяются следующие переходы:

¹ Здесь и далее реконструкция дается по [Starling 2018].

Внешние переходы:

1) Mother – respectable woman, lady (там. *amma*, ‘mother, lady’; кан. *amma*, *ama* ‘mother, respectable woman’, тул. *amma* ‘mother, lady’; тел. *amma*, *ama* ‘mother’, ‘matron’; куи *ama*, *amali*, *amadi* ‘lady’);

– term of respect used in referring to or calling a woman (там. *ammani*; тел. *amma*, *ama* ‘mother, matron’; hon. title of woman; бр. *amma* ‘mother’, ‘respectful term of address to any woman’).

2) Mother – exclamation of pity, surprise, joy (там. *amma*, *ammamma* – exclamation of surprise; – interjection, denoting pain or weariness, grief, surprise (кан. *amma*, *amama*, *ammamma*; – interjection of sorrow or pain (тул. *ammaууа*); – interj. expr. surprise (тел. *amma*, *ama*).

3) Mother – goddess (там. *ammai* ‘mother’, ‘name of various goddesses’; мал. *amma* ‘mother’, ‘goddess (esp. Kali)’; кан. *amma*, ‘grandmother’, ‘village goddess’.

4) Mother – affectionate appellation, especially of infants, sometimes of mother and wife (мал. *ammini* ‘affectionate appellation esp. of infants, sometimes of mother and wife’)

5) Mother – girl (тел. *amma*, *ammayi*, *ammi* ‘girl’).

Внутренние переходы:

1) Mother – grandmother (там. *ammai* ‘mother’, ‘grandmother’; кан. *amma*, *ama* ‘mother, grandmother’; бр. *amma* ‘mother, grandmother’). Подтип этого семантического перехода: Mother – maternal grandmother (там. *ammacci*, *ammaу* ‘maternal grandmother’; мал. *ammamma* ‘mother's mother’; гон. *ammal* ‘mother's mother’.

2) Mother – aunt. Подтипы:

а) mother – maternal aunt / uncle's wife / mother-in-law (мал. *ammayi*, *ammavi* ‘maternal aunt, uncle's wife, mother-in-law’; пен. *ama* ‘father's sister’; куви *amma* ‘aunt’.

б) mother – paternal aunt / father's sister (куи *ama*, *amali*, *amadi* ‘father's sister’; куви *amma* ‘paternal aunt’;

3) Mother – maternal uncle's wife, husband's mother (там. *ammamma* ‘maternal uncle's wife, husband's mother’; куи *ama*, *amali*, *amadi* ‘father's sister’).

4) Mother – father: тул. *amma* ‘mother, lady’; *amme* ‘father’; мал. *amma* ‘father’.

5) Mother – mother-in-law (куви *amma* ‘paternal aunt; aunt, mother-in-law’).

6) Mother – maternal uncle, wife's father (там. *ammân* ‘maternal uncle, wife's father’, ‘husband of father's sister’; мал. *ammôn*, ‘maternal uncle’; тул. *amma* ‘mother’; *tammalè* ‘maternal uncle’).

7) Mother – father-in-law (тул. *amma* ‘mother’; *tammalè* ‘maternal uncle, father-in-law’.

8) Mother – son of a maternal uncle (там. *ammanci* ‘son of a maternal uncle’, ‘fool’).

Для значения **father** выделяются следующие семантические переходы:

Внешние переходы:

1) Father – person of rank or eminence, lord (там. *attan* ‘father, elder’, ‘person of rank or eminence’; мал. *accan* ‘father, lord’)

2) Father – mistress of house (там. *appi* ‘mistress of house’)

3) Father – woman of rank or eminence (там. *attan* ‘father’, *attai* ‘father's sister, woman of rank or eminence’)

4) Father – excl. of wonder (там. *attan* ‘father’, *atto* excl. of wonder; *acco*); – excl. of surprise or pain; мал. *accan* ‘father, lord’; *acca* ‘mother’; *acci* ‘interj. of surprise or pain’)

5) Father – affectionate appellation:

а) father – affectionate appellation of boys (мал. *appan* ‘father’; *appu* affectionate appellation of boys; кан. *apa* ‘father’; *appu* affectionate appellation of boys);

б) a term of endearment used to little children or inferiors (там. *appan*, *appu* ‘father’; ‘term of endearment used to little children or inferiors’; кан. *appa* ‘father; used endearingly to children by their elders’);

в) a mode of calling a mother (тул. *Appa* ‘a mode of calling a mother’).

Также следует отметить грамматикализацию значения **father** в формант со значением уважения, прибавляемый к имени, однако это явление в основном, кроме тулу, нерегулярное:

Father – added to the proper names of men as a term of common respect (там., кан., *appa* ‘father’; ‘a term of common respect’; тул. *appa*, *appè* ‘affix of respect added to proper names of men’).

Внутренние переходы:

1) Father – elder (там. *attan* ‘father, elder’). Father – elder sister's husband / father's sister's son / maternal uncle's son when elder / wife's brother when elder; (там. *attan* ‘father, elder sister's husband’; ‘father's sister's husband’);

2) Father – mother (мал. *accan* ‘father, lord’; *acca* ‘mother’; *acci*. тул. *appa*, *appè* ‘mother’; тел. *appa* ‘father; mother’); – mother's sister (мал. *atta* ‘mother, mother's sister’; *attan* ‘father’); – elder sister (там. *appan*, *appu* ‘father’; *appacci* ‘father’; *appâtai* ‘elder sister’; тел. *appa* ‘father; elder sister’); – ‘elder brother's wife / ‘husband's sister’ (там.

attacci 'elder brother's wife, husband's sister'; кан. *attige* 'elder brother's wife'); – 'grandmother' (куви *appa* 'grandmother'; куи *ata, atali* 'grandmother'); – 'mother-in-law' (кан. *atte, atti* 'mother-in-law'; там. *attan* 'father')

3) Father – father's sister (там. *attan* 'father', *attai, attaicar* 'father's sister, mother-in-law'; *attan*; кол. *appa* 'father's sister'; тел. *atta* 'mother-in-law, father's sister; maternal uncle's wife'); – 'mother's brother's wife': кан. *sodar-atti* 'father's sister, mother's brother's wife'. – mother-in-law (там. *attan* 'father, elder, person of rank or eminence'; *attai, attaicar* 'father's sister, mother-in-law', тул. *attè* 'mother-in-law, aunt'; *attigè* 'elder brother's wife'. Тел. *atta* 'mother-in-law, father's sister', 'maternal uncle's wife'. Когнаты: кан. *atte, atti* 'mother-in-law'.)

Для значений **grandfather** и **grandmother** выделяются следующие семантические переходы:

Внутренние переходы:

grandfather – grandson (там. *peyaran* 'one who bears a name'; (also *peran*) 'grandson (as bearing the grandfather's name)', 'grandfather');

grandmother – granddaughter (там. *peyartti, pertti* 'granddaughter', 'grandmother');

grandfather – maternal grandfather (гон. *ukko, akko* 'maternal grandfather'. *Kui ake* 'grandfather', 'ancestor');

grandfather – mother's father (пар. *akka* 'mother's father'); – 'daughter's son or daughter grandson's wife' (гон. *akko* 'daughter's son or daughter', 'grandson's wife');

grandson – granddaughter (кор. *marje* 'grandson'; *marji* 'granddaughter');

grandfather (grandmother) – father (куви *appa* 'grandmother').

Внешние переходы:

Name – grandfather (там. *peyar, piyar* 'name'; *peran* 'grandson'; 'grandfather').

Name – grandson (там. *peyar, piyar* 'name'; *per* 'name; individual'; *peyaran* 'one who bears a name'; (also *peran*) 'grandson'; 'grandfather').

Подобным образом рассматриваются другие значения лексико-семантического поля «термины родства».

В результате анализа этимологических данных выяснились следующие особенности семантической деривации лексико-семантического поля «термины родства» в дравидийских языках:

1. Преобладание семантических переходов внутри лексико-семантического поля над «внешним» типом деривации.

2. Семантические переходы учитывают особенности системы родства и брака. Так, родственники, играющие одинаковую роль в брачной системе, часто связаны отношением колексификации в рамках одной полисемии, например, 'брат матери', 'муж сестры отца' и 'родитель супруга(-и)'.
3. Нивелирование параметра «роли в системе» для более старшего поколения. Так, частотна колексификация значений 'дедушка по отцу', 'дедушка по матери', 'свекор' и 'тесть'.

4. Пары 'брат – сестра', 'жена – муж', 'внучка – внук' связаны отношением семантического перехода.

Из **внешних** «расширений» исходного лексико-семантического поля можно отметить переход в обращения, а также наименование человека по возрасту и статусу с использованием терминологии родства: «мужчина старше, но не старый» ('дядя'), «пожилая женщина» ('тетя') и т.д. Среди других семантических переходов терминов родства надо указать переход в обращение к низшим по статусу и ласковое обращение к младшим.

Из **внешних** «расширений» исходного лексико-семантического поля можно отметить переход в обращения, а также наименование человека по возрасту и статусу с использованием терминологии родства: «мужчина старше, но не старый» ('дядя'), «пожилая женщина» ('тетя') и т.д. Среди других семантических переходов терминов родства надо указать переход в обращение к низшим по статусу и ласковое обращение к младшим.

Этимологические данные дравидийских языков подтверждают выводы о семантической деривации, основанные на данных синхронной полисемии. Однако при создании реконструкций мало работы ведется по изучению древних дравидийских языков (старотамильский, древний и средневековый каннада и другие), что конечно, для точности семантики, реконструируемой для древнего состояния языка, имеет большое значение. Эта работа еще ждет своего исследователя.

Таким образом, в данной работе были проведен анализ использования этимологических данных для установления случаев семантической деривации в дравидийских языках. На примере лексико-семантического поля «термины родства» были показаны преимущества и недостатки использования этимологических данных. Безусловно, несмотря на сложности работы с реконструкцией праязыкового состояния, этимологические сведения и в особенности «этимологические гнезда», описанные, например, в Дравидийском этимологическом словаре, являются важнейшим источником данных для изучения семантических переходов.

Сокращения названий языков

Там. – тамильский, тел. – телугу, кан. – каннада, кот. – ката, код. – кода, кол. – колами, кор. – корага, кур. – курух, куи – куи, бр. – брауи, мал. – малайлам, малт. – малто, гон. – гонди, нк. – найки, пар. – парджи, пен. – пенго, тул. – тулу.

Литература

1. Бородина М.А. & Гак В.Г. *К типологии и методике историко-семантических исследований*. Л.: Наука, 1979.
2. Бурлак С.А. & Старостин С.А. *Сравнительно-историческое языкознание*. М.: Издательский центр «Академия», 2005.
3. Гринцер Н.П. Платоновская этимология и софистическая теория языка // *Платоновский сборник*. Т. 2. М., СПб: РГГУ–РХГА, 2013. С. 53-83.
4. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // *Вопросы языкознания*, № 2, 2001. С. 13-25.
5. Зализняк, Анна А. *Многозначность в языке и способы ее представления*. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
6. Зализняк, Анна А. Семантический переход как объект типологии. // *Вопросы языкознания*, № 2, 2013. С. 32-51.
7. Качинская И.Б. *Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров)*. Автореферат дисс. М. 2011.
8. Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры. 2004.
9. Трубачев О.Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
10. Фрейденберг О.М. ред. *Античные теории языка и стиля*. Л.: Соцэкгиз (ОГИЗ), 1936.
11. Burrows T.D. & Emeneau M.B. *A Dravidian Etymological Dictionary (DED)*, 2nd edn. Oxford: Munshirm Manoharlal / Clarendon Press, 1984 (1st edn. 1961).
12. DatSemShift – M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Rousseau, Anna A. Zalizniak. *Database of semantic shifts in the languages of the world, DatSemShifts 2012-2018* [электронный ресурс]. URL: semshifts.iling-ran.ru.
13. Juvonen P. & Koptjevskaja-Tamm M., eds. *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. Berlin & Boston: Mouton de Gruyter, 2016.
14. Milanova V. (Proto-)Indo-European kinship terms in *-ter and (ancient) age-grade systems. Материал к докладу на конференции "Kin, clan and community – a symposium on Indo-European social institutions". University of Copenhagen, 2016
15. Smirnitskaya A. Semantics of Kinship Terms in Tamil from the Semantic Typology Point of View // *Вестник РУДН*. 2016. Вып. 20, № 2. P. 112- 127.
16. STARLING: *An Etymological Database Project*. Starostin S.A., Starostin G.A. [электронный ресурс]. URL: <http://starling.rinet.ru/> Дата обращения: 12.03.2018.
17. Sweester E. *From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure* / Cambridge studies in linguistics 54. Cambridge, 1990.
18. Traugott E. & Dasher R. *Regularities in semantic change*. Cambridge, 2002.
19. Trautmann T.R. *Dravidian Kinship*. New Delhi: Vistaar Publ., 1995
20. Vanhove M. (ed.) *From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations* / Studies in language companion series, 106. Amsterdam, 2008.
21. Zalizniak et al. – Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove (eds.). *New directions in lexical typology. Linguistics, a special issue*. 2012. V. 50. № 3.

И.Г. Багирова
ИЯЗРАН, НИУ ВШЭ (Москва)
Ю.А. Ландер
НИУ ВШЭ, ИВ РАН (Москва)

Выражение боли и смежных значений в адыгейском языке: лексика и морфосинтаксис

1. Введение

Боль представляет собой крайне любопытную семантическую зону – как в плане того, как языки выражают состояние боли лексически, так и в плане грамматических особенностей (см. в первую очередь сборник [Брицын и др. (ред.) 2009]). В этой статье мы предлагаем предварительное описание выражения боли и смежных явлений в адыгейском языке (адыгская группа абхазо-адыгской семьи), который по ряду параметров (в первую очередь, грамматических) значительно отличается от языков, для которых данная семантическая зона описывалась ранее.

Адыгейский язык включает несколько диалектов. В основе литературного адыгейского языка лежит темиргоевский диалект, хотя в настоящее время на него также активно влияет бжедугский диалект. Ниже мы преимущественно ориентируемся на литературный язык. Приводимые примеры либо получены в ходе элицитации, либо заимствованы из развиваемого в настоящий момент корпуса адыгейского языка (adyghe.web-corpora.net; см. о нем [Arkhangelsiy & Lander 2016]). Корпусные примеры содержат указание на источник – художественные произведения И. Машбаша (МэшбашӀэ) или статьи, опубликованные в газете «Адыгэ макъ»).

Принципиальные типологические особенности адыгейского языка, которые будут важны при дальнейшем изложении материала, включают полисинтетизм и эргативность. Полисинтетизм подразумевает морфологическую сложность и возможность выражения в пределах слова информации, значительно большей, нежели в языках средневропейского стандарта (о полисинтетизме в адыгских языках см. [Кумахов 1964; Lander & Testelet 2018]). Например, во многих глаголах присутствуют аппликативные префиксы, которые вводят в число аргументов глагола периферийных участников. Среди аппликативов для нас особенно важны так называемые локативные превербы, которые прототипически вводят не прямые объекты, указывающие на место ситуации. Другое существенное проявление поли-

синтетизма состоит в том, что актанты глагола регулярно выражаются так называемыми лично-числовыми (или личными) префиксами, причем в одной глагольной форме может быть одновременно несколько личных префиксов; ср. форму *тацызэригээнэкъокъуцтыгъ t-a-š'ə-ze-r-jə-ke-neq^weq^wə-š'tə-в* [1PL.ABS-3PL.IO-LOC-REC.IO-DAT-3SG.ERG-соперничаться-AUX-PST] 'он заставлял нас соревноваться друг с другом в этих местах'. Личные префиксы непрямого объекта 3 лица единственного числа являются нулевыми. Также не выражается сегментно в префиксальной части глагола и абсолютивный актанта 3 лица (независимо от числа).

Личные префиксы, как правило, выражают лицо и число участников ситуации – однако их неудобно считать согласованием по множеству причин. Во-первых, именные группы, выражающие актанта, в предложении регулярно отсутствуют вовсе. Во-вторых, лично-числовые значения префиксов и соответствующих им именных групп могут не совпадать, причем выбор префиксов в таких случаях определяется исключительно семантикой. В-третьих, в парадигму личных префиксов входят элементы, которым свободные именные группы не могут соответствовать вовсе (например, рефлексивный/релятивный префикс *зы-*). Наконец, личные префиксы могут и вовсе отсутствовать – независимо от того, требует ли их основа по умолчанию – если соответствующий актанта вовсе не представлен в описываемой ситуации. Формально мотивированное эксплетивное выражение актанта префиксами, не соответствующими никакому участнику, адыгейскому языку, на первый взгляд, совсем не свойственно (см., однако, ниже; ср. также [Kathman 1993] об эксплетивных префиксах в родственном абхазском языке).

В маркировании актанта адыгейский язык последовательно эргативен (но см. [Аркадьев и др. 2009: 80-83] о некоторых особенностях конструкций). Для именных групп противопоставляется два ядерных падежа – абсолютив (в литературе также называемый именительным), маркирующий подлежащее непереходного глагола и пациенс переходного, и обликвус (традиционно именуемый эргативным) – косвенный падеж, маркирующий все роли, которым где-либо соответствует личный префикс (а также некоторые другие). Показатели падежа на именных группах могут отсутствовать, если эти группы нереперентны или представляют собой местоимения, имена собственные или группы с посессором. Личные префиксы противопоставляют три серии: абсолютивную серию, эргативную серию (соответствующую агенсу переходного глагола) и серию непрямого объекта. Множественное число абсолютивного актанта (преиму-

шественно 3 лица) факультативно выражается в глаголе также суффиксом -хэ. Важно, что в адыгейском языке существует немалое количество глаголов, которые формально являются непереходными, хотя в норме употребляются для ситуаций, включающих не менее двух участников. Более агентивный участник в таком случае является абсолютным, а более пациентивный – вводится как непрямой объект; ср. *тышьбооцт* tə-š^w-e-we-š^t [1PL.ABS-2PL.IO-DAT-бить-FUT] ‘мы вас побьем’.

Ниже мы условно выделяем несколько семантических ролей, наиболее важных при описании состояния боли: экспериенцер боли (он *циплет* X-а), часть тела – локализация боли (он *циплет* мне X), каузатор или причина боли (X меня *циплет*). Разумеется, не все эти участники обязательно выражаются или даже выделяются в ситуации боли, и как мы увидим ниже, они могут выражаться разным образом.

Далее мы сперва опишем лексику, используемую в выражениях боли, а затем коснемся их грамматических особенностей. Последний раздел суммирует итоги нашего исследования.

2. Лексика боли

2.1. Собственно болевые предикаты

В адыгейском языке представлено два корня, непосредственно (не метафорически) описывающих несоответствие норме в медицинском смысле: *узы-* и *сэмэджэ-*.

Непереходный глагол *узы-* ‘болеть’ способен охватить практически все ситуации, связанные как с физическим недомоганием, локализованным в определенном участке тела (1), так и с эмоциональным дискомфортом, который ассоциируется с каким-то органом или частью тела (2). Субъект при *узы-* обычно указывает на часть тела, экспериенцер вводится как его посессор.

- (1) *Слъакъомэ сахьыжьэрэп, слъэгунджэхэр мзузы.*
 s-laq^we-me s-a-hə-ž^t-r-ep,
 1SG.PR-нога-OBL.PL 1SG.ABS-3PL.ERG-уносить-RE-DYN-NEG
 s-leg^wanž^te-xe-r **me-wəzə**
 1SG.PR-колени-PL-ABS DYN-болеть
 ‘Ноги мои уже меня не носят, мои колени болят.’
 (Мэшбашцэ, Адыгэхэр)
- (2) *Гур мзузы сильэпкъ хэжодагъэишь.*
 g^wə-r **me-wəzə** s-jə-лepq хе-к^weda-кe-š

сердце-ABS DYN-болеть 1SG.IO-POSS-народ LOC-гибнуть-PST-CS
 ‘Сердце болит от того, что мой народ погиб.’
 (Адыгэ макъ, 15.01.2014)

Для описания больного состояния одушевленного существа используется корень *сэмэджэ-* ‘больной’. Этот корень может образовывать как статические предикаты, обозначающие постоянное свойство (3), так и как динамические предикаты, указывающие на ситуацию, жестко ограниченную во времени (4) (статические и динамические предикаты в адыгейском языке противопоставлены морфологически). В качестве субъекта здесь выступает экспериенцер.

- (3) *Чылэхэм къаданэрэ тинахьыжьэхэм янахьыбэр сьмадж.*
 č^təle-xe-m q-a-da-ne-re
 аул-PL-OBL DIR-3PL.IO-LOC-оставаться-DYN
 t-jə-nahə-ž^t-xe-m ja-nahə-be-r
 1PL.IO-POSS-старый-PL-OBL 3PL.IO+POSS-COMP-много-ABS
сэмаж^t
 больной
 ‘Большая часть остающихся в аулах стариков больны.’
 (Адыгэ макъ, 21.10.2015)
- (4) *Хэти мэсымаджэ, е шлахьыл благъэхэм ащыц узым регъэзы.*
 хет-jə **me-сэмаж^tе**, je jə-ʔahəl-blave-xe-m
 кто-ADD DYN-больной или POSS-родственник-близкий-PL-OBL
 a-š^tə-š^t wəzə-m r-j-e-кeзə
 3PL.IO-LOC-часть боль-OBL DAT-3SG.ERG-DYN-поворачивать
 ‘Все иногда болеют, либо кто-то из их родных мучается от боли.’
 (Адыгэ макъ, 30.11.2010)

Наряду с использованием глагола *сэмэджэ-* существуют и другие способы передачи состояния экспериенцера, с указанием на болезнь. В адыгейском языке практически отсутствует специфицированная лексика, обозначающая болезни, за исключением заимствованных терминов типа *грипп* или *аллергие*. Обычно для указания на болезнь используются сочетания имени уз ‘боль/болезнь’ с названием части тела или другого параметра, определяющего нарушение: *шхьэ уз* ‘головная боль’ (букв. голова-боль), *лъэгунджэ уз* ‘боль в колене’ (колени-боль), *лвы уз* ‘болезнь крови’ (кровь-болезнь), *шьоуцыгыгу уз* ‘диабет’ (сахар-болезнь). Зачастую область локализации представляется довольно широко, захватывая несколько органов: *ныбэ уз* ‘боль в животе’ (живот-боль), *кюцI уз* ‘внутренняя болезнь’ (внутри-боль). Для табуированного названия рака эвфемистическим эквивалентом стало сочетание уз *Iae* ‘плохая болезнь’. Именные группы,

указывающие на боль и болезни сочетаются с глаголами *и-лэ*- [POSS-быть] ‘иметься у’ (5)-(6); *кь-е-узы*- [DIR-DAT-болеть] букв. ‘болеть по отношению к кому-либо’ (7) и каузативным глаголом *гьэ-сымэдджэ*- [CAUS-болеть] ‘делать больным’ (8):

- (5) *Янэ уз гьэтылыгыгьэ ул.*
 j-ane wəz-ve.ʈələ.ve jə-ʔ
 POSS-мать болезнь-хронический POSS-быть
 ‘У его матери хроническое заболевание.’
 (Адыгэ макъ, 15.05.2012)
- (6) *Врачхэр чый уз илэу ары зэрегүцэфагьэхэр.*
 vgaʃ'-xe-r ɕ'əj-wəz jə-ʔ-ew a-rə
 врач-PL-ABS горло-болезнь POSS-быть-ADV тот-PRED
 ze.r-je-g'əsefa-ve-xe-r
 REL.MNR-DAT-подозревать-PST-PL-ABS
 ‘Врачи заподозрили, что у него ангина (букв. *болезнь горла*).’
 (Адыгэ макъ, 13.09.2011)
- (7) *Мы уахьтэм ехьулэу лабораторнэ ушэтынхэмкэ агьэунэфыгьэу зы нэбгырэ группыр кьеузыгь.*
 mə waχte-m je-χ'ə.ʎ-ew
 этот время-OBL DAT-поспевать-ADV
 laboratorne-wəʃetən-xe-m-ɕ'e a-ve-wə.nefa-ve-ew
 лабораторный-испытание-PL-OBL-INS 3PL.ERG-CAUS-проясняться
 зэ пьбгэгьэ **грjэрэ-р** **q-je-wəzə-в**
 один человек грипп-ABS DIR-DAT-причинять.боль-PST
 ‘К настоящему времени лабораторными исследованиями установлено, что один человек заболел гриппом.’
 (Адыгэ макъ, 13.09.2011)
- (8) *Инфекцием ыгьэсымэджагьэх.*
 jənʃjeksəje-m ə-ve-səmeʃ'a-ve-x
 инфекция-OBL 3SG.ERG-CAUS-больной-PST-PL
 ‘Они заболели в результате инфекции.’
 (Адыгэ макъ, 19.07.2012)

Как видно из следующего примера, конструкция с *илэ*- ‘иметься’ скорее описывает болезнь, протяженную во времени, в то время как каузативный глагол *гьэсымэлжэ*- может использоваться для передачи информации об остром состоянии болезни или приступе.

- (9) *Ар (...) зыгу узыхэрэр, льыдэкIуае зилэхэр ыгьэгүмэкIыгьэх ыкIи ыгьэсымэджагьэх.*

- a-r (...) zə-g^w wəzə-xe-re-r, lə-dek^waje
 тот-ABS REL.PR-сердце болеть-PL-DYN-ABS кровь-подниматься
 z-jə-ʔe-xe-r ə-ve-g^wəmeʃ'a-ve-x
 REL.IO-POSS-быть-PL-ABS 3SG.ERG-CAUS-беспокоиться-PST-PL
 əʃ'jə ə-ve-səmeʃ'a-ve-x
 и 3SG.ERG-CAUS-больной-PST-PL
 ‘Оно (магнитное излучение) вызвало недомогание и даже приступ болезни у тех, у кого болит сердце, у тех, у кого давление.’ (Адыгэ макъ, 14.09.2017)

Помимо выражения общей боли и болезненного состояния в адыгейском языке есть еще несколько глаголов, которые используются только для описания конкретного неприятного физиологического состояния: *унэзэ*- ‘кружиться (о голове)’ и *е-бжьыбжьы*- [DAT-щипать] ‘щипать, жечь (о боли)’ (иногда, впрочем, носители предпочитают использовать переходный глагол *бжьыбжьы*-; см. пример 34), *утэбжьэ*- ‘онеметь, задервенеть’:

- (10) *Шьхьэри мэуназэ.*
 šhe-r-jə me-wənaze
 голова-ABS-ADD DYN-кружиться
 ‘И голова кружится.’ (Адыгэ макъ, 25.05.2015)
- (11) *Сьбгьэгьуи цыгьупсыр кьебжьыбжьы,*
 sə-bve.g^w-jə š'əv^wə-psə-r q-j-e-bž'əbž'ə
 1SG.PR-грудь-ADD соль-вода-ABS DIR-DAT-DYN-щипать
 ‘И грудь мне щиплет соленая вода.’ (Мэшбашцэ, Усэхэр)
- (12) *Зэ ылакьохэр утэбжьагьэхэу пымытыжь фэдэхэу кьыцыхьугь...*
 ze ə-ʎaq^we-xe-r wətebž'a-ve-x-ew
 один.раз 3SG.PR-нога-PL-ABS затекать-PST-PL-ADV
 pə-mə-tə-ž' fe.de-x-ew qə-š'ə-χ^wə-в...
 LOC-NEG-стоять-RE подобный-PL-ADV DIR-LOC-случаться-PST
 ‘Однажды когда у него занемели ноги, ему показалось, как будто бы их нет вовсе...’

3.2. Метафоры

Как и в других языках, в адыгейском для обозначения боли и близких к ней состояний регулярно используются глаголы других семантических областей. Ниже мы даем их краткое описание, основанное на классификации, предложенной в [Бонч-Осмоловская и др. 2009].

Глаголы физического воздействия включают несколько подклассов. Группу глаголов разрушения структуры объекта при

помощи инструмента составляют глаголы *кьы-хэ-о-* [DIR-LOC-бить] ‘колоть’ (13); *кьы-хэ-пыджэ-* [DIR-LOC-колоть] ‘колоть, протыкать’ (14). Сюда же можно отнести и глаголы, в которых инструментом разрушающего воздействия являются зубы и ногти: *ихы-* ‘есть’ (15) и производный от него *и-ихы-кьы-* [LOC-есть-выходить] ‘выгрызать’ (16); *и-пэстхьы-кьы-* [LOC-царапать-выходить] ‘царапать, чесать’ (17).

- (13) ...*oшлэ-дэмышлэу ыгу зыгорэ кьыхуагъ,*
 ...we.ʃe.de.mə.ʃ-ew ə-g^w zə.g^were qə-xe-wa-k
 внезапно-ADV 3SG.PR-сердце нечто DIR-LOC-бить-PST
 ‘...вдруг что-то кольнуло у него в сердце.’ (Мэшбашцэ, Адыгэхэр)
- (14) *Узэу кьыхэпыджэагъэм иакъыл цимыгъэуатэзэ ...*
 wəz-ew qə-xe-pəʒ^ʹa-ke-m jə-aqəl
 боль-ADV DIR-LOC-колоть-PST-OBL POSS-разум
 ʃ^ʹ-jə-mə-ke.wa-pe-ze ...
 LOC-3SG.ERG-NEG-путать-ASRT-CONV
 ‘Пока пронзившая (букв. проткнувшая) его боль не лишила его сознания окончательно... (Адыгэ макъ, 16.09.2015)
- (15) ... *сэ амал зимылэ узым сеихы...*
 ... se amal z-jə-mə-ʔe wəzə-m
 я возможность REL.IO-POSS-NEG-быть боль-OBL
 s-j-e-ʃxə...
 1SG.ABS-3SG.ERG-DYN-есть
 ‘...меня съедает боль, от которой нет спасения.’
 (Мэшбашцэ, Адыгэхэр)
- (16) ...*ау корэшъур реихыкьы, мэузы, сигъаклорэн.*
 ... aw koreʃ^wə-г г-j-e-ʃxə-ʒ^ʹə,
 но нарыв-ABS LOC-3SG.ERG-DYN-есть-выходить
 me-wəzə, s-jə-ka-к^we-г-ep
 DYN-болеть 1SG.ABS-3SG.ERG-CAUS-идти-DYN-NEG
 ‘но нарыв выгрызает, болит, не дает мне идти.’
 (Адыгэ макъ, 28.07.2017)
- (17) *Счый пелэстхьыкьы.*
 s-č^ʹəj r-j-e-peʃtə-ʒ^ʹə
 1SG.PR-горло LOC-3SG.ERG-DYN-царапать-выходить
 ‘У меня решит (букв., выцарапывает) в горле.’

Группа глаголов **разрушения структуры объекта при помощи рук** включает глаголы, производные от основы *тхьы* ‘обдирать’ – *зэ-лэ-тхьы-* [REC.IO-LOC-рвать] ‘рвать’, *зэ-го-тхьы-* [REC.IO-LOC-рвать] ‘разрывать’ и т.д. (эти же формы могут использоваться и с противоположными боли стимулами, напр. ‘здоровье’, ‘благополучие’), и глагол *ичы-* ‘вырывать’:

- (18) *Лъанцлэу, тьланэу хэтыр псауныгъэм зэгуэтхьы, тэ пскэм тызэшлуетхьы...*

лаpç-ew, pçan-ew xe-tə-г psawəpəke-m
 босой-ADV голый-ADV LOC-стоять-ABS здоровье-OBL
 ze-g^wə-j-e-txə, te pske-m
 REC.IO-LOC-3SG.ERG-DYN-рвать мы кашель-OBL
 tə-ze-ʃ^w-j-e-txə ...
 1PL.ABS-REC.IO-LOC-3SG.ERG-DYN-рвать

‘Тот, кто ходит босой и раздетый, лопается от здоровья, а нас кашель рвет на части...’ (Мэшбашцэ, Адыгэхэр)

Глаголы **мягкой деформации объекта** в нашем материале включают *кьудыйы-* ‘тянуть’, *пы-кьудыйы-кьы-* [LOC-тянуть-выходить] ‘оттягивать’, *фырзы-* ‘выжимать/ выкручивать’ (19), *и-лонтлэ-кьы-* [LOC-гнуть-выходить] ‘сгибать, крутить’ (см. примеры 32, 35 ниже), *цьыцлэ-кьы-* мять (ср. *сы-зэ-хэ-цлэ-кьы-гъ* [1SG.ABS-RFL.IO-LOC-мять-уносить-PST] букв. ‘Я помят’ – об общем чувстве разбитости и недомогания).

- (19) *Сыгу пекьудыйыкьы / кьефырзы.*

sə-g^w p-j-e-q^wdəjə-ʒ^ʹə /
 1SG.PR-сердце LOC-3SG.ERG-DYN-тянуть-выходить
 q-j-e-fərzə
 DIR-3SG.ERG-DYN-выкручивать

‘У меня сердце «оттягивает» (о ноющей боли) / давит (букв., выкручивает).’

Глаголы **саморазрушения** *зэ-те-чы-* ‘разрывать’, *зэ-те-зы-* ‘разваливаться’ (20) и др. Глагол *зэ-го-уты-* [REC.IO-LOC-рушить] ‘расколоться’ из этого класса в сочетании со словом ‘сердце’ описывает не физический, а эмоциональный дискомфорт (21).

- (20) *О зэхэшлыкьыба, нысэм ышгъхэ зэтезы...*

we ze-xe-ʃə-ʒ^ʹə-ba, nəse-m
 ты RFL.IO-LOC-делать-выходить-EMP невестка-OBL

- (27) *Ахэмэ уз горэ кьафэкIуагъа?*
 a-xe-me wəz-g^were q-a-fe-ḳ^wa-ḳ-a?
 тот-PL-OBL.PL болезнь-некий DIR-3PL.IO-BEN-идти-PST-Q
 ‘Они чем-нибудь заболели, что ли?’
 (Букв. ‘К ним пришла какая-то болезнь?’)

Наконец, при описании лексики боли принято выделять особый таксономический класс предикатов, которые описывают **потерю функциональности**. В адыгейском языке к этой группе относятся глаголы *Iy-o-* [LOC-бить] (метафора из поля бития с итоговым значением ‘приливать’, как о воде в реке: *c-тхьакIуы-мэ кьы-Iуы-уа-гъ* [1SG.PR-ухо-OBL.PL DIR-LOC-бить-PST] ‘мне заложило уши’), *дыи-* ‘застывать, окоченеть’ (*c-Iэ дыи-гъэ* [1SG.PR-рука застывать-PST] ‘у меня рука задеревенела’); *кудэ-* ‘засорить’ – о заложенном носе. Сюда же, вероятно, можно отнести использование глаголов *убыты-* ‘поймать, схватить’ и *пы-лы-кIы* [LOC-умирать-выходить] ‘отмирает’ (*сы-гу п-э-лы-кIы* [1SG.PR-сердце LOC-DYN-умирать-выходить] букв. ‘у меня сердце отмирает’ – о слабости).

3. Грамматика боли в адыгейском языке

В этой работе мы не претендуем на доскональное описание морфосинтаксиса адыгейских выражений боли. Тем не менее ниже мы фиксируем основные и особенно интересные конструкции, встречающиеся при выражении данного семантического поля

3.1. Простая непереходная конструкция

Лишь небольшое число глаголов боли в адыгейском языке принимают кспериенцера в качестве абсолютного аргумента. Помимо *сэмэджэ-* ‘быть больным’ (см. раздел 2.1), здесь можно упомянуть также глагол *ззгоуты-* ‘раскалываться’: *сы-зэ-гу-э-уты* [1SG.ABS-REC.IO-LOC-DYN-рушиться] ‘я нервничаю (букв. раскалываюсь, разрушаюсь)’. Обычно непереходные глаголы, передающие боль и близкие к ней процессы, в литературном языке принимают в качестве абсолютного актанта локализацию, в то время как кспериенцер выражается как посессор локализации; ср.:

- (28) *Сынэгу / стхьакIумэхэр мэпльы.*
 sə-neg^w / s-thaḳ^wəme-xe-r me-plə
 1SG.PR-лицо 1SG.PR-ухо-PL-ABS DYN-греться
 ‘У меня лицо/ уши горят.’

- (29) *Ышъхъэ мзуназэ.*
 ə-ʃhe me-wəpaze
 3SG.PR-голова DYN-кружиться (о.голове)
 ‘У него кружится голова.’

- (30) *Сыгу мэжао.*
 sə-g^w me-ʒawe
 1SG.PR-сердце DYN-тошнить
 ‘Меня тошнит.’ (Букв. ‘Мое сердце тошнит.’)

Однако по крайней мере в бжедугском диалекте некоторые глаголы такого рода допускают в качестве абсолютного актанта и кспериенцера; ср. форму вроде *с-э-жао* [1SG.ABS-DYN-тошнить] ‘меня тошнит’, *с-э-уыназэ* [1SG.ABS-DYN-кружиться(о.голове)] ‘у меня кружится голова’. Интересно, что бжедугский диалект допускает и другие отклонения, связанные с повышением кспериенцера. Например, стандартное выражение для обозначения голода в литературном адыгейском языке представляет собой сложную конструкцию, включающую глагол ‘умирать’ *мэлакIэ сэлIэ melač^ʷe s-e-ʎe* [голодный 1SG.ABS-DYN-умирать] ‘я голодный’. В то же время носители бжедугского диалекта допускают появление личного префикса кспериенцера на слове-обозначении голода: *сэмэлакIэ s-e-melač^ʷe* [1SG.ABS-DYN-голодный].

3.2. Простая некаузативная переходная конструкция

Ряд выражений боли включают переходные глаголы. Как и при типичных непереходных глаголах боли, абсолютным актантом в этом случае в норме выступает локализация, а кспериенцер выражается как ее посессор:

- (31) *Ыныбэ зэфещэ.*
 ə-nəbe ze-f-j-e-š^ʷe
 3SG.PR-живот REC.IO-BEN-3SG.ERG-DYN-вести
 ‘Живот стягивает.’
- (32) *Слэгуанджэхэр реIонтIыкIы.*
 s-ʎeg^wanʒ^ʷe-xe-r r-j-e-ʔ^wentə-č^ʷə
 1SG.PR-колени-PL-ABS DAT-3SG.ERG-DYN-гнуть-выходить
 ‘Колени выкручивает.’

Особую проблему при этом обнаруживает то, что, как правило, в глаголе присутствует эргативный префикс 3 лица единственного числа – при том, что соответствующий актанта, как правило, не уточняется. В целом, можно противопоставить три типа таких выражений.

Во-первых, эргативный актанта может указывать на непосредственную причину боли:

- (33) *(КъысиIуагъэм) слъы къыдырифыагъ.*
 (qə-s-jə-ʔ^wa-ve-m) s-ʎə
 DIR-1SG.IO-3SG.ERG-говорить-PST-OBL 1SG.PR-кровь

qə-də-rjə-fə.ja-к

DIR-LOC-3SG.ERG-гнать.вверх-PST

‘У меня подняло давление (то, что он сказал).’

- (34) *Тыритхыгыгэхэр (сабын тхурбэм) ебжыбжысы.*
tər-jə-tχə-кe-кe-г (sabən-tχ^wərbe-m)
LOC-3SG.ERG-обдирать-PST-PL-ABS мыло-пена
j-e-bž’əbž’ə
3SG.ERG-DYN-щипать
‘Садины (букв. содранные) щиплет (мыльная пена).’

- (35) *(Гъаблгэм) аныбэхэр релонтлыкы.*
(kablə-m) a-nəbe-кe-г г-j-e-ʔwəntə-č’ə
ГОЛОД-OBL 3PL.PR-живот-PL-ABS DAT-3SG.ERG-DYN-гнуть-выходить
‘У них (голод) выкручивает животы.’

Иногда при выражении причины боли в глаголах появляется каузативный префикс (36)-(38). Такие каузативные глаголы нельзя считать образованными от имперсональных глаголов, поскольку исходный имперсональный эргативный участник в них более не выражен. По-видимому, появление каузативного префикса тем более вероятно, чем конкретнее причина боли.

- (36) *Джэнч мыгъэжыгъапэм уныбэ ри(гъэ)лонтлыкыщт.*
ʒ’ənč’-мэ-кe-ž^we-ка-pe-m wə-nəbe
фасоль-NEG-CAUS-варить-PST-ASRT-OBL 2SG.PR-живот
г-jə-(кe)-ʔwəntə-č’ə-š’t
DAT-3SG.ERG-CAUS-гнуть-выходить-FUT
‘Недоваренная фасоль будет выкручивать тебе живот.’

- (37) *Марафоным сыгу зэлуи(гъэ)хьагъ.*
marafənə-m sə-g^w ze-ʔ^w-jə-(кe)-ha-к
марафон-OBL 1SG.PR-сердце REC.IO-LOC-3SG.ERG-CAUS-нести-PST
‘От марафона сердце заколотилось (букв. занесло).’

- (38) *Счый щыбжымым ре(гъэ)тхы.*
s-č’əj š’əbž’əjə-m г-j-e-(кe)-tχə
1SG.PR-горло перец-OBL LOC-3SG.ERG-DYN-CAUS-рвать
‘Перец дерет горло.’

Во-вторых, эргативный актант может указывать на собственно ощущение. Частным случаем этого является введение в качестве агенса слова ‘боль’.

- (39) *Ыкышъо (машлом) есты.*
ə-č’əš^we (maš^we-m) j-e-stə
3SG.PR-кожа огонь-OBL 3SG.ERG-DYN-жечь
‘Его кожу (огонь) жжет.’

- (40) *ЗэкIэмI абгыхэр (узым) петхы.*
zeč’ə-m-jə a-bgə-кe-г (wəzə-m)
все-OBL-ADD 3PL.PR-поясница-PL-ABS боль-OBL
p-j-e-tχə
LOC-3SG.ERG-DYN-рвать
‘У всех (от боли) разрываются поясницы.’

- (41) *(Шъхъэузым) ынэхэр кырефы.*
(šhe-wəzə-m) ə-ne-кe-г qə-г-j-e-fə
голова-боль-OBL 3SG.PR-глаз-PL-ABS DIR-LOC-3SG.ERG-DYN-гнать
‘(Головная боль) «выдавливает» глаза (о напряжении в глазах).’

В-третьих, в некоторых выражениях эргативный актант, по-видимому, не может быть описан вовсе. Следующие примеры показывают невозможность вставки неопределенного местоимения в качестве эргативного актанта при соответствующих глаголах:

- (42) *(*Зыгорэм) ныбэр риупкIэтыкIы зыхъукIэ, мы уцым сеишо.*
(*zə.g^were-m) nəbe-г г-jə-wəpč’ətə-č’ə
нечто-OBL живот LOC-3SG.ERG-резать-выходить
zə-χ^wə-č’ə, mə wəcə-m
REL.TMP-случаться-INS этот лекарство-OBL
s-j-e-š^we
1SG.ABS-DAT-DYN-пить
‘Когда (*что-то) режет живот, я пью это лекарство.’

- (43) *(*Зыгорэм) сыныбэ реишхыкIы.*
(*zə.g^were-m) sə-nəbe г-j-e-šxə-č’ə
нечто-OBL 1SG.PR-живот LOC-3SG.ERG-DYN-есть-выходить
‘(*Что-то) живот выгрызает.’

3.3. Введение локализации боли локативными провербами

В отдельных выражениях боли локализация может вводиться локативным провербом, причем экспериенцер по-прежнему маркируется как посессор локализации, а имперсональный абсолютный актант, по-видимому, не выражается. Ср. следующие примеры, в которых локализация выступает как локативный непрямой объект глагола:

- (44) *АтхыцІэмэ (*зыгорэ) къахэлъэдагъ / къахэІагъ.*
 a-txəce-me (*zə.g^were) q-a-xe-λeda-ɪ /
 3PL.PR-спина-OBL.PL нечто DIR-3PL.IO-LOC-вбегать-PST
 q-a-xe-ʔa-ɪ
 DIR-3PL.IO-LOC-трогать-PST
 Букв. 'В их спинах (*что-то) вбежало (о резкой боли) / тронуло (стрельнуло).'

Примечательно, однако, что и здесь мы наблюдаем некоторые колебания среди носителей. В частности, часть носителей допускает введение локализации как в виде непрямого объекта, так и в качестве абсолютного актанта:

- (45) *Чыыр / Чьым ренІэстхьыкІы.*
 č'əjə-r / č'əjə-m r-j-e-řestxə-č'ə
 горло-ABS горло-OBL LOC-3SG.ERG-DYN-царапать-выходить
 'В горле свербит.'

По-видимому, здесь наблюдается переосмысление конструкции с имперсональным абсолютивом (несомненно, далекой от требований адыгейской грамматики) как конструкции с абсолютивом, указывающим на конкретный объект.

3.4. Каузативные глаголы

Адыгейский язык располагает продуктивным механизмом каузативизации (см., например, [Летучий 2009]). Соответственно, при необходимости ввести инициатора состояния боли или ее причину легко строится каузативная конструкция. Ср. следующие примеры:

- (46) *Сшъхьэ къэмыгъэуз, - къыфэгубжыгъ ныр.*
 s-šhe **qe-mə-ve-wəz**, - qə-fe-g^wəbʒə-ɪ
 1SG.PR-голова DIR-NEG-CAUS-болеть DIR-BEN-сердитый-PST
 nə-r
 мать-ABS
 'Не делай так, чтобы моя голова разболелась! (= Не морочь мне голову!) – рассердилась мать.' (Адыгэ макъ, 03.04.2014)
- (47) *Къызтэдджым, палатэм ышъхагъ еутэкли, ышъхьэ ыгъэузыгъ.*
 qə-z-e-teʒ'ə-m, palate-m ə-šha.ɪ
 DIR-REL.TMP-DYN-вставать-OBL палата-OBL 3SG.PR-потолок
 je-wəteč'-jə, ə-šhe **ə-ve-wəzə-ɪ**
 DAT-удариться-ADD 3SG.PR-голова 3SG.ERG-CAUS-болеть-PST
 'Когда он встал, он ударился о потолок палаты и причинил боль своей голове.' (Адыгэ макъ, 22.06.2016)

- (48) *Амырми сыгу къыхэбгъэныджагъ.*
 a-mə-r-m-jə sə-g^w
 TOT-NEG-PRED-COND-ADD 1SG.PR-сердце
qə-xe-b-ve-řəʒ'ə-ɪ
 DIR-LOC-2SG.ERG-CAUS-колоть-PST
 'У меня и так из-за тебя сердце покалывает.'
- (49) *ГъэкІуас магнитофоныр, сшъхьэ зэгумыгъэут!*
 ke-ɬ^was magnitofonə-r, s-šhe
 CAUS-гаснуть магнитофон-ABS 1SG.PR-голова
ze-g^w-je-mə-ve-wət!
 REC.IO-LOC-DAT-NEG-CAUS-рушить
 'Выключи магнитофон, не дай ему расколоть мою голову!'

Адыгейский каузативный префикс может использоваться в ситуации позволения, предоставления возможности. Глаголы боли легко допускают построение подобных каузативов:

- (50) *Адэ ыджы зи тымышІэу жьэгъэузым едгъэишхьыцта?*
 ade əʒ'ə z-jə tə-mə-š-ew
 PTCL ADD один-ADD 1PL.ERG-NEG-делать-ADV
 že-ke-wəzə-m **je-d-ve-šxə-š't-a?**
 легкие-болезнь-OBL DAT-1PL.ERG-CAUS-есть-FUT-Q
 'И что мы теперь, ничего не делая, позволим чахотке слопать его?'
- (51) *Пскэм зызэгубгъэтхьыцта?*
 pske-m **zə-ze-g^w-je-b-ve-txə-š't-a?**
 кашель-OBL RFL.ABS-REC.IO-LOC-DAT-2SG.ERG-CAUS-рвать-FUT-Q
 'Ты позволишь, чтобы тебя разорвало на части от кашля?'
- (52) *Ай сэ пчый резгъэтхьынэн, цэ фабэ къыостын.*
 a-j se p-č'əj **r-je-z-ve-txə-n-ep**,
 TOT-OBL я 2SG.PR-горло LOC-DAT-1SG.ERG-CAUS-рвать-MOD-NEG
 š'e-fabe qə-w-e-s-tə-n
 молоко-теплый DIR-2SG.IO-DAT-1SG.ERG-давать-MOD
 'Я не допущу, чтобы у тебя в горле царпало, я дам тебе теплого молока.'
- Наконец, каузативные глаголы могут употребляться и при угрозе, которая в переносном значении может быть обращена к боли:
- (53) *РезгъэІонтІыкІым сэ ай!*
 r-je-z-ve-ʔ^wentə-č'ə-t se a-j!
 LOC-DAT-1SG.ERG-CAUS-гнуть-выходить-FUT я TOT-OBL
 (Колено крутит.) 'Я ему покажу, как крутить!'

4. Заключение

Итак, на первый взгляд, адыгейский язык обнаруживает привычную для лексических типологов картину. Здесь имеется небольшое количество глаголов и конструкций, специализирующихся на выражении боли и болезней и значительное количество метафорических конструкций, охватывающих самые разные типы глаголов.

При этом обращает на себя внимание то, что экспериенцер боли почти никогда не выступает в качестве актанта глагола. Вместо этого экспериенцер чаще всего оформляется как посессор локализации боли. Последняя, в свою очередь, наоборот, может выступать как абсолютный актант (переходного или непереходного глагола) или как непрямой объект, вводимый локативным превербом. При этом, однако, уже здесь обнаруживается окказиональное переосмысление глаголов как имеющих экспериенцера в качестве абсолютного актанта.

Как и во многих других языках, выражение семантики боли и близких к ней значений в адыгейском языке связывается с имперсональными конструкциями, которые, однако, адыгейскому не свойственны в силу исходной семантической выраженности актанта в глаголе. Не случайно, что именно здесь мы обнаруживаем особо интересные явления вроде опционального введения каузативного префикса при указании причины боли в (надо полагать) исходно имперсональных переходных глаголах и даже переосмысление глаголов с имперсональным абсолютивом как предикатов с абсолютивом – локализацией боли. Таким образом, адыгейский язык лишний раз показывает, что исследование семантического поля боли, предполагающего явно неканонические схемы выражения, помогает вскрыть исключительные явления и в морфосинтаксисе.

Сокращения

ABS – абсолютив (падеж/префиксальная серия); ADD – аддитив; ADJ – адъективизатор; ADV – адвербиалис; ASRT – ассертив; AUX – вспомогательная основа; BEN – бенефактив; CAUS – каузатив; COMP – компаратив; COND – кондиционалис; CONV – конверб; CS – консекутив; DAT – датив; DIM – диминутив; DIR – директив; DYN – динамичность; EMP – эмфаза; ERG – эргативная серия; FUT – будущее время; IDEOPH – идеофон; INS – инструменталис (падеж); IO – не прямой объект (префиксальная серия); LNK – линкер; LOC – локативный преверб; MAL – малефактив; MNR – образ действия; MOD – модальный суффикс; NEG – отрицание; OBL – косвенный падеж; PL – множественное число; POSS – посессив; PR – посессор; PST – прошедшее время; PTCL –

частица; Q – вопрос; RE – рефактив/реверсив; REC – реципрок; REL – релятив; RFL – рефлексив; SG – единственное число; TMP – темпоральная релятивизация.

Литература

1. Аркадьев и др. 2009 – Аркадьев П.М., Ландер Ю.А., Летучий А.Б., Сумбатова Н.Р., Тестелец Я.Г. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Я.Г. Тестелец (отв.ред.). *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. С.: РГГУ, 2009. С. 17-120.
2. Бонч-Осмоловская и др. – Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // Брицын В.М. и др. (ред.). *Концепт БОЛЬ в типологическом освещении*. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. С. 8-27.
3. Брицын и др. 2009 – Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.). *Концепт БОЛЬ в типологическом освещении*. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009.
4. Кумахов М.А. *Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. I. Введение. Структура слова. Словообразование частей речи*. Нальчик, 1964.
5. Летучий А.Б. Каузатив, декаузатив и лабильность // Я.Г. Тестелец (отв.ред.). *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. С.: РГГУ, 2009. С. 372-428.
6. Arkhangelskiy T. & Lander Yu. Developing a polysynthetic language corpus: problems and solutions // *Диалог 2016. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2016. No. 15 (22). С. 38-47.
7. athman D. Expletive verb marking in Abkhaz // *Proceedings of the 19th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on Semantic Typology and Semantic Universals (1993)*. Berkeley: BLS, 1993. P. 193-204.
8. Testelets Y. & Lander Yu. Adyghe (Northwest Caucasian) // *The Oxford Handbook of Polysynthesis* / Ed. by M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Е.С. Тарасова
ИВ РАН (Москва)

Лексико-семантический анализ терминологии дефектов, применяемой в автомобильной промышленности, на материале японского языка

1. Введение

В данной работе рассматривается лексико-семантическое поле, образуемое терминами, обозначающими дефекты или брак, которые применяются в автомобильном производстве. Мы ограничимся следующими этапами производства автомобильной отрасли: штамповка деталей автомобиля или прессовое производство, сварка или кузовное производство, окраска и, в меньшей степени, сборка. Однако даже для такой сравнительно узкой области наблюдается достаточное для лингвистического анализа и обобщения число языковых явлений.

Вопросы терминологии в японском языке освещались в работах [Пашковский 1966; Пыриков 1990; Кутафьева 2005], но нам не удалось обнаружить работ, посвященных лексико-семантическим вопросам терминологии в японском языке, опубликованных в последнее время. Между тем задачи такого описания сегодня как никогда актуальны в связи с активизацией совместного российско-японского автомобильного производства в России. При этом существующие японско-русские словари по автомобильной отрасли [Романов 1977; Русско-англо-японский словарь... 1986] или отдельным производственным процессам [Гё Тосидзиро 1975; Томоёси Ниихо 1986] не включают специальных разделов, посвященных автомобильному производству. Исключение составляют словники, опубликованные в Интернете, адресованные преимущественно покупателям подержанных японских автомобилей, а не переводчикам, работающим на производстве.

Под термином здесь подразумевается слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности [ЛЭС, с. 508].

2. Ситуация возникновения дефекта.

Рассмотрим базовую ситуацию образования дефекта. Дефект мы определяем в общем виде как: *отклонение от нормы предмета А по параметру В, возникшее вследствие воздействия С, осуществлен-*

ного D, или ситуации/свойства E, локализованное в месте F, имеющее последствие G.

(1) 治具屋のせいで出来た右フロントドアのベースコートのさわり

Дзигуя но сэй дэ дэжита миги фурунто доа но бэ:су ко:то но савари
«[Смаз – С, G] [базы – А] [на передней правой двери – F] [из-за инженера по оснастке – D]», где В – это нарушение целостности поверхностного слоя, а савари «смаз» – и воздействие, и его результат.

(2) 品質の悪い材料によって54ラインのスタンプで発生したブランクの割れ
Хинсицу но варуй дзайрё: ни ёттэ 54 райн но сутампу дэ хассэй сита буранку но варэ

«[Рванина – G] [заготовки – А], [возникшая в штампе 54-ой линии – D] [из-за плохого качества сырья – E]», где В – сквозное нарушение целостности.

(3) オペレーター の習熟不足で起きたフードのシーリングの切
Опэрэ:та: но сю:дзюку бусоку дэ окита фу:до но си:рингу но кирэ
[Пропуск – G] [шовной мастики – С, А] [на капоте – F], [возникший из-за недостаточной обученности оператора – E, D].

Для ситуации дефекта важно, чтобы отклонение от нормы имело ограниченный характер и не приводило к его полному разрушению, в результате которого исчезает сама сущность предмета. Дефект, в отличие от брака, который может быть исправимым или окончательным, подразумевает возможность исправления.

В зависимости от того, какой аспект данной ситуации находится в фокусе номинации, в языке будут выбираться соответствующие средства. Их можно разбить на три основных типа.

1) Для называния самой ситуации дефекта безотносительно к его локализации и причинам возникновения, используется самая общая лексика. Таких единиц в японском всего несколько, они входят в литературный язык и отражены в общелексических словарях (слова *фугуай* 不具合 и *фурё*: 不良, п.3).

2) Для номинации характера дефекта необходима немного более специализированная лексика, способная ввести самые общие, но принципиальные противопоставления между видами дефектов. Эту роль в японском выполняют слова *кидзу* 傷 и *хэнкэй* 変形 (п. 3). При этом оказывается, что на этом уровне обобщения дефекты противопоставляются по одному сложному признаку, различающему нарушение целостности предмета с разрушением его поверхности (*кидзу*) и поверхностную деформацию (*хэнкэй*). Понятно, что в действительности существуют и разрушающие деформации, но для них в японском нет элементарных средств номинации одного уровня общности

с названными двумя словами, есть только узкоспециальные термины (*хакай хидзуми* 破壊 ひずみ и т.п.).

3) Когда возникает необходимость номинации причин возникновения дефекта, места его локализации или более конкретного характера, в японском используются уже специальные термины, причем три названные аспекта могут выражаться одним термином как по отдельности так и вместе (п.4).

3. Общая лексика со значением дефекта

Как уже упомянуто, для обозначения общего понятия дефектов или брака в японском языке используются два имени: 不具合 *фугуаи* и 不良 *фурё*. Оба они в своей словообразовательной модели имеют префикс *фу-* китайского происхождения, обозначающий отрицание, букв. «не-».

不具合 *фугуаи*, как это слово определяется в японских толковых словарях, например в Кодзиэне, букв. значит «плохое состояние»;

不良 *фурё*: букв. значит «нехорошее, плохое (по качеству)».

Помимо состояния физических объектов *фугуаи* и *фурё*: могут описывать состояние или признак человека: *фугуаи* – плохое физическое состояние (*карада но фугуаи* «нездоровье»); *фурё*: – плохое, хулиганское поведение; возможен также перенос значения признака на носителя такого признака: «хулиган».

Заметим, что близкое по значению слово 欠陥 *кэккан* (недостаток, изъян, дефект) не используется для обозначения дефектов и брака в производственной терминологии. Он означает нехватку или отсутствие каких-либо функций или предметов как части целого, работа над которым завершена.

(4) その車はエンジンに欠陥がある。

Соно курума ва эндзин ни кэккан га ару.

«У этой машины проблемы с двигателем» (букв. «В двигателе есть изъян»).

欠陥車 *кэкканся* «Автомобиль с дефектами».

В отличие от 欠陥 *кэккан*, 不具合 *фугуаи* подразумевает возможность исправления. Именно поэтому для обозначения детали, списываемой в брак окончательно, используются специальные термины 廃却 *хайкяку* или 仕損品 *сисонхин* «окончательный брак».

В соответствии с общим толкованием ситуации дефекта как некоторого состояния или признака для лексики данного класса следует ожидать следующей сочетаемости:

1) с предикатами возникновения и прекращения состояния;

2) с предикатами каузации или ликвидации дефектного состояния;

3) со средствами выражения причины дефекта (скорее всего как следствия некоторого активного действия или неконтролируемого процесса);

4) с характеристиками степени отклонения от нормы;

5) со средствами выражения локализации дефекта (точный, поверхностный, видимый или скрытый от прямого наблюдения), его характера или формы.

Проиллюстрируем эти возможности на примере слов *фугуаи* и *фурё*.

3.1. Сочетаемость *фугуаи*

В качестве субъекта 不具合 *фугуаи* сочетается с глаголами: 起こる *окору*, 生じる *сё:дзиру*, 出る *дэру*, 発生する *хассэй суру* «возникать»; 再発する *сайхатсу суру* «возникать повторно»; 頻発する *химпатсу суру* «возникать часто»; ある *ару* «существовать»; 流出する *рю:сюцу суру* «попадать (будучи незамеченным (букв. утекать)) на другой участок производства». Т.е. ведет себя как другие слова семантического классов «состояние», «явление», «признак» (*кики* 危機, «опасность», *торку* トルク «вращающий момент», *касаку* *буссицу* 化学物質 «химическое вещество»).

В качестве объекта *фугуаи* сочетается с каузативом 発生させる *хассэй сасэру* «произвести дефект», где в роли субъекта преимущественно выступает ситуация как причина возникновения дефекта:

(5) 作業者の不注意は不具合を発生させた。

Сагё:ся но футю:и ва фугуаи о хассэй сасэта.

Невнимательность оператора привела к возникновению дефекта.

Также в качестве объекта *фугуаи* сочетается с 検出する *кэн:сюцу суру* «обнаружить»; с ликвидативом 仕上げる *сиагэру* «доработать/исправить»; 修正する *сю:сэй суру* «исправить/доработать».

При *фугуаи* регулярно выражается причина состояния (*фугуаи но гэнгин* 不具合の原因), средства конкретизации этого компонента значения довольно свободные.

В качестве определяемого при *фугуаи* выражаются:

1) объект-носитель дефекта: *адапута но фугуаи* アダプタの不具合 «дефект адаптера»;

2) название функции, прекратившей выполнение: *камиокури но фугуаи* 紙送りの不具合 «сбой в подаче бумаги»;

3) локализация дефекта: *гайкан фугуаи* 外観不具合 «внешние дефекты»;

4) последствия дефекта: *дзю:ё:на фугуаи* 重要な不具合 «критические дефекты»;

5) причины возникновения: *нидзи фугуаи* 二次不具合 «вторичные дефекты»;

6) другие характеристики: *кэйко: фугуаи* 傾向不具合 «повторяющиеся дефекты».

3.2. Сочетаемость *фурё:*

Для *фурё:* 不良 характерно выражение причин дефекта с названием воздействия (производственного процесса), повлекшего дефект, в составе именного сцепления: *то:со: фурё:* 塗装不良 «дефект окраски, некачественная окраска»; *си:рингу фурё:* シーリング不良 «дефект (нанесения) шовной мастики»; воздействия на готовый объект: *сю:сэй фурё:* 修正不良 «некачественная дефектовка, дефект рихтовки»; а также выражение параметра, в отношении которого наблюдается отклонение: *дзико: чекку фурё:* 自己チェック不良 «дефект самоконтроля»;

Таким же способом выражается локализация дефекта, в частности отдельной части детали или заготовки: *эддзи фурё:* エッジ不良 «дефект края»; *хэму фурё:* ヘム不良 «дефект зафланцовки, некачественная зафланцовка»; *химаку фурё:* 皮膜不良 «дефект (лако-красочного) покрытия».

Возможно использование сокращений, например, *дзайфу* 材 not *дзайрё:* *фурё:* 材料不良 «дефект заготовки».

Помимо *фугуаи* и *фурё:*, обладающих наиболее общим значением, существует некоторое количество более конкретных имен, чья семантика все же шире, чем у отдельных наименований конкретных дефектов.

Как уже говорилось, наиболее общее противопоставление дефектов по их виду выражается словами *кидзу* 傷、キズ «повреждение» и *хэнкэй* 変形 «деформация».

Первоначальное значение *кидзу* довольно широкое: это повреждение кожи, мышц, ткани вследствие режущего, колющего воздействия или удара. На русский язык *кидзу* переводится как «рана, царапина, ушиб» и т.д.

(6) 最初に受けた傷が致命傷となった

Сайсё ни укэта кидзу ва тимэйсё: 初傷が致命傷となった

«Первая из полученных ран оказалась смертельной».

Кидзу употребляется и в переносном смысле: *когоро но кидзу* 心の傷 сердечная рана, *на ни кидзу о цукэру* 名に傷をつける «нанести урон имени, повредить репутации».

Соответственно при обозначении дефектов *кидзу* также означает повреждения поверхности различного свойства. Например, *забоина* (в производстве силовых агрегатов), *риски* (в окраске), *царапина* (на штамповке). Помимо этого *кидзу* означает глубокое/неглубокое однократное/многократное повреждение верхнего слоя металла или лако-красочного покрытия и переводится как «царапина, риски». Аналогично употребляется производное от него *сурикидзу* 擦り傷 «царапина», где *сури* 擦り «тереть» – это причина дефекта и вид воздействия.

В составе именных сцеплений для *кидзу* характерно выражение:

– причин дефекта с названием воздействия, повлекшего дефект: *атару кидзу* あたり傷 «повреждение от удара», *оси кидзу* 押し傷 «надав (повреждение от штампа)»;

– результата воздействия, указывающего на характер дефекта: *хагэ кидзу* ハゲ傷 «проплешина»;

– объекта, который оказался подвержен воздействию, повлекшему дефект: *коцуру кидзу* コイル傷 «повреждение рулона (металла)».

Хэнкэй 変形 «деформация» употребляется для обозначения изменения формы заготовки или детали.

В составе именных сцеплений для *хэнкэй* также характерно:

– выражение причин дефекта с названием воздействия, повлекшего дефект: *нэптэн* 熱変 (сокращение от *нэцу ни ёру хэнкэй* 熱による変形) «тепловая деформация (от нагрева)»;

– указание объекта, который оказался подвержен воздействию, повлекшему дефект: *FL-бу хэнкэй* FL部変形 «деформация фланца».

В сочетании со вспомогательным глаголом *суру* «делать» *хэнкэй* употребляется в предикативной функции: «деформироваться».

4. Частная лексика со значением дефекта

В автомобильном производстве возникает потребность в более детальном различении видов дефектов по причинам их возникновения, локализации, степени и форме. Например, при штамповке деталей в прессовом производстве особенности дефектов связаны с воздействием штампа на поверхность металлической заготовки: *оси кидзу* 押し傷 «надав»; *хидзуми* へずみ «провал»; *касуси* かさずみ «накол»; при сварке деталей и навеске узлов – с воздействием сварочных электродов на поверхность металла, с точностью сопряжения элементов узла: *супатта* スパッタ «брызги»; *пинхо:ру* 引火 «прожог»; *дэнтари* 出っ張り «выступание»; при окраске кузова – с нанесением лако-красочного покрытия (совпадением цвета, слоев лако-красочного покрытия): *ваки* 沸き «закипание»; *иро-вака* 色分け «разделение по цвету».

вакарэ «разнотон»; при сборке – с точностью сопряжения деталей как части целого, нарушение которого может выражаться в появлении посторонних звуков, утечек, зазоров и т. д.

По месту возникновения дефекты могут обнаруживаться на листах, заготовках (материале), деталях, подвергшихся обработке, на готовой продукции.

Причинами возникновения дефектов могут быть несоответствие заявленному качеству (металла), попадание посторонних предметов (в штамп, в лако-красочный слой (ЛКС)), сбой в работе оборудования, несоблюдение технического процесса (ошибки, недостаточная квалификация операторов), недоукомплектовка, неправильная транспортировка и др.

Все эти аспекты образования дефектов требуют языкового выражения. Перейдем к рассмотрению наиболее конкретных терминов, описывающих частные виды дефектов. Заметим, что большинство приводимой ниже лексики не входит в качестве словарных статей в существующие японско-русские отраслевые словари.

Исходя из особенностей повреждений, или параметров, по которым происходит отклонение от нормы, можно выделить следующие семантические классы терминов для обозначения дефектов:

1. Нарушение формы без нарушения целостности (вогнутое/выгнутое, крупное/мелкое, локальное/полное, в центре/по краю, упорядоченное/неупорядоченное):

変形 хэнкэй «деформация» (рассматривалось выше);

вогнутое: ひずみ хидзуми «провал (большой)»; 凹へこ хэко, хэкоми «провал (в каком-то месте на поверхности заготовки, листа, детали), вмятина, заштамповка (вмятина от штампа)» (バキュームへこ бакю:му хэко «вакуумный провал»); 当たりへこ атари хэко «надав от штампа»; しやくれ сякурэ «провал (в виде углубления по всей поверхности листа, когда загнутыми вверх оказываются его края)»; 異物 ибуцу «заштамповка (вмятина от постороннего предмета, мусора на штампе)»;

выгнутое: 凸, でこ дэко «выпуклость, бугор, вздутие»; 凹凸 о:тоцу «неровность (чаще выпуклость)»;

мелкие: 星目 хосимэ «пико, прыщи, выпуклости»; かす押し касуоши «накол (выпуклость на отштампованной детали вследствие попадания посторонних предметов)»;

упорядоченные: 波 нами «волна (вид кривизны/деформации детали, заготовки)»; 波うち намицүти «волнистость, волна»; シワ сива «гофра (мельче и беспорядочнее, чем волна)»; 反り, そり сори «коробление (листа, рулона), изгиб, изогнутость, выгнуто́сть (заготовки)

(крупнее и менее периодически, чем волна)»; 食い込み куикоми «замятие, зажевывание листа по краю»; 曲がり магару «изгиб»; 曲げ癖 магэгүсэ «загиб листа»; 折れ орэ «залом, излом»; 捲れ、マクレ макурэ «зазубрина (деформация края)»; ダレ дарэ «деформация края, зазубрина»; 千切れ тигирэ «погнутый край (пачки листов)»; ~に癖がついている ~ни кусэ га цүитэ иру «неплоскостность (листа, заготовки, детали, панели)».

2. Нарушение целостности (поверхностное/сквозное, глубокое/мелкое, в центре/по краю, много/мало, длинное/короткое).

2.1.0.1. Нарушение целостности поверхностного слоя (металла): 齧り、かじり кадзири «задир (глубокое, длинное, как канавка, от попадания в штамп посторонних предметов: пыли, стружки и т.п.)»; 溝 мидзо, 畝 унэ «борозда (крупнее задира)»; キズ кидзу «царапина/ы, риски (неглубокие, узкие, вытянутые, много), скол (ЛКС)»; 擦り傷 сурикидзу см.выше; 打痕 дакон «забоина»; 衝突 сё:тоцу «забоина (в результате столкновения, крупнее, чем дакон)»; スケール сукэ:ру «выщербрины, оспины»; へげ хэгэ «расслоение»; サンダー目 санда:мэ «зарезы, следы от шлифовальной машинки (много, мелкие)»; 線ずれ сэндзурэ «перетяжной радиус, перетяжная полоса (полоса на заготовке) (узкая, длинная)»; 錆 саби, 腐食 фусёку «ржавчина»; 溶着 ё:тяку «прожог (от залипания электродов, несквозной)».

2.1.0.2. Нарушение целостности поверхностного слоя (ЛКП) (окраска) はがれ хагарэ «сдир»; 触れあと фурэато, さわり савари «смаз»; 当たり атари «залипание»; かすれ касурэ «зарез (тампона)»; 沸き ваки «закипание (вследствие чрезмерной сушки)»; 泡、あわ ава «пузыри»; ピンホール пинхо:ру «кратера (макроскопические крупные углубления в ЛКП)»; はじき хадзики «проколы, поры (мелкие круглые сквозные отверстия в ЛКП)»; ゆず肌 юдзухада, オレンジピール орэндзити:ру «шагрень, апельсиновая корка (углубления на поверхности ЛКП)»; 流れ нагарэ «потеки, наплывы (утолщения ЛКП, которые образуются при стекании ЛКМ и сохраняются после сушки)»; 溜まり тамари «капли растворителя / базы / лака / ЛКМ»; 塗り斑 нури-мура «облачность (дефект характеризуется появлением темных/светлых пятен на металлизированных эмалях и является следствием неупорядоченного распределения алюминиевых частиц пигмента в ЛКП в процессе нанесения)»; ミスト被り мисто кабури «опыление базы (попадание грунта/эмали/мастики за границы окрашиваемого участка или «сухое» нанесение лакокрасочного материала (ЛКМ))».

2.1.1. Нарушение целостности поверхностного слоя вследствие попадания посторонних предметов:

ミルスケール *мирусукэ:ру* «окалина (вкатана/закатана/попала на металл при прокате)»; *ダスト・ゴミ・異物付着* *дасуто / гоми / ибуцу футяку* «сорность, сор базы / лака / грунта, посторонний сор»; *ウォーターマーク* *yo:ta:ma:ku* «вода»; *糸ゴミ* *итогоми* «ворс (в виде ниток, волокон)»; *繊維, せんい 毛* *кэ* «ворс (в виде волокон, шерстинок)»; *マスチックの付着* *масутикку но футяку* «мастика на поверхности кузова, мастика под базой, лаком»; *溶接のマスチック / ヘムシールのはみ出し* *э:сэцу но масутикку / хэмуси:ру но хамидаси* «выступающие сварочной мастики».

2.1.2. Нарушение целостности поверхностного слоя как появление нежелательных дополнительных элементов:

焼き付き *якицуки* «налип (прилипание металла при нагревании поверхностей штампов)»; *ばり* *бари* «всплеск (сварка), выплеск металла (посторонний элемент)»; *スパッタ* *супатта* «брызги (как жирная клякса)»; *ちり* *тири* «выплеск металла (меньший, как капля)».

2.2. Сквозное нарушение целостности:

亀裂 *кирэцу* «трещина»; *クラック* *куракку* «трещина»; *割れ* *варэ* «рванина (штамповка), трещина (сварка)»; *ピンホール* *пинхо:ру* «прожог (сквозной)».

2.2.1. Сквозное нарушение целостности по краю:

ばり *бари* «заусенец (по краю), всплеск (сварка) (посторонний элемент)»; *欠損* *кэссон* «срез (фланца) (нехватка целостности)».

2.3. Нарушение толщины:

ネック *нэкку*, *ネッキング* *нэккингу* «утонение».

3. Нарушение внутренней структуры сложного объекта (узла), неприлегание (несовпадение уровней):

不接合 *фусэцуго*: «несопряжение»; *出っ張り* *дэттари* «выступание»; *落ち込み* *отикоми* «западание»; (フランジの)隙が大きい/小さい (*фурандзи но*) *суки га оокий / тиисай* «увеличен/уменьшен (фланцевый) зазор»; *不均等な隙* *фукинто:на суки* «неравномерный зазор»; *高すぎ* *такасуги* «завышение»; *低すぎ* *хикусуги* «занижение».

4. Смещение относительно правильного уровня/точки

ずれ *дзурэ* «смещение, сдвиг»; *部品ずれ* *бухин дзурэ* «смещение детали»; *打点ずれ* *датэн дзурэ* «сдвиг сварной точки»; *ずれ押し* *дзурэоси* «неправильная закладка в штамп (заготовки)».

5. Несоответствие установленному количеству / детали / свойству, пропуск операции, не полностью выполненная операция.

5.1. количество:

穴忘れ *анаवासурэ* «непробитые отверстия»; *穴* *ана* *косу*: *матигаи* «неправильное количество отверстий»; *穴欠* *ко:кэцу*, *穴なし* *ананаси* «отсутствие отверстия»;

5.2. отсутствие детали:

ナット欠 *натто кэцу* «отсутствие гайки»;

5.3. несоответствие детали:

スタットボルト違い *статтоборуто тигаи* «несоответствие шпильки»;

5.4. отсутствие элемента вследствие пропуска операции, не полностью выполненной операции:

シーラントの不足 *си:ранто но фусоку* «недостаток мастики (сварка)»; *インシュレーター欠* *инсюрэ:та: кэцу* «недостаток звукоизоляции»; *塗り薄* *нуриусу* «непрокрас (базы, лака)»;

5.5. несоответствие установленному свойству:

色分かれ *ировакарэ* «разнотон».

6. Попадание инородных предметов на готовую продукцию:

汚れ *эгорэ* «грязь, загрязнение»; *埃* *хокори* «пыль»; *チップ* *титпу*, *切りくず* *кирикудзу* «стружка (на сальнике)».

7. Посторонние звуки (в готовой продукции, сборка); отличаются по силе и характеру звучания):

異音 *ион*, *雑音* *дзацуон*, *ノイズ* *ноидзу* «посторонние звуки»; *風音* *кадзаото* «аэродинамические шумы»; *低級音* *тэйкю:он* «скрип и дребезжание»; *ハム雑音* *хаму дзацуон* «гудение, гул»; *ノック* *нокку*, *叩きの音* *татаки но ото* «стук»; *打音* *даон* «стук, шум»; *ホイッスル* *хоиссуру* «свист»; *軋み* *кисими* «скрип»; *引きずる音* *хикидзуру ото* «шаркающий звук».

8. Постороннее движение элементов готовой продукции:

振動 *синдо*: «вибрация»; *揺れ* *юрэ* «шатание».

9. Ненадлежащее проникание.

9.1. ненадлежащий выход извне:

オイルリーク *оиру ри:ку* «утечка масла»;

9.2. ненадлежащее попадание внутрь:

雨漏れ *амэморэ*, *水漏れ* *мидзуморэ* «протекание воды»;

10. Ненадлежащее соприкосновение элементов готовой продукции:

摩擦 *масацу* трение.

11. Износ готовой продукции: *摩耗* *мамо:*, *摩滅* *мамэцу* «износ»; *咬耗* *ко:мо*: «потертость».

Рассмотренная лексика применительно к производственной сфере является терминологической, имеющей специальное значение.

Проанализировав приведенный выше перечень терминов, можно выделить несколько основных языковых средств, использованных для номинации конкретных дефектов.

1) Наибольшую группу составляют образованные от простых глаголов именные формы со значением результата действия, обозначаемого соответствующим глаголом: *хидзуми* ひずみ, *хэкоми* 凹み, *сякурэ* しゃくれ, *сори* 反り, *магари* 曲がり, *орэ* 折れ, *сурэ* 捲れ, *тигурэ* ちぎれ, *кадзири* かじり, *хэгэ* へげ, *хагарэ* はがれ, *савари* さわり, *атар* 当たり, *касурэ* かすれ, *ваки* 沸き, *хадзика* はじき, *нагарэ* 流れ, *тамари* 溜まり, *тири* ちり, *варэ* 割れ, *дзурэ* ずれ.

2) Основосложные слова:

а) образованные сложением двух глагольных основ, т.е. обозначающие либо результат действий (*дзурэоси* ずれ押し «сместиться и надавить»), либо одного действия, но имеющего сложную характеристику (*якицуки* 焼き付き, *отикоми* 落ち込み, *куикоми* 食い込み, *дэппари* 出っ張り).

б) образованные от именной и глагольной основ: *бакю:му* ばく्यूムへこ, *атарихэко* 当たりへこ, *бухиндзурэ* 部品ずれ, *датэндзурэ* 打点ずれ, *касуоси* かす押し, *сэндзурэ* 線ずれ, *саварэато* 触れあと, *мистокабури* ミスト被り. При этом именная основа может выражать причину дефекта (*бакю:му* ばく्यूム «вакуум»), *касу* かす «мусор», *мисто* ミスト «напыление»), его локализацию (*бухин* 部品 «деталь»), *датэн* 打点 «точка сварки») либо форму (*сэн* 線 «линия»), а глагольная основа выражает тип действия, приведшего к дефекту (провал, сдвиг, штамповка, нанесение краски).

в) образованные глагольной и именной основами: *нурихан* 塗り斑 «пятна (, возникшие в результате) окраски».

3) Метафорические номинации на основе базовой японской лексики (исходные значения: *дэко* 凸 «лоб»; *нами* 波 «волна»; *сива* シワ «морщина», *мидзо* 溝 «канава», *унэ* 畝 «грядка», *кидзу* キズ «царапина на коже», *саби* 錆 «ржавчина»), а также в форме сложных слов: *юдзухада* ゆず肌 «похожий на шкурку мандарина», *орэндзити:ру* オレンジピール то же, *сэнъи*, *кэ* 繊維・毛 «подобный волокну», *итогоми* 糸ゴミ «подобный нити», *хосимэ* 星目 «в форме звезды».

4) Заимствование или словообразование на основе заимствованной лексики.

а) Китаизмы с предметным значением (*кирэцу* 亀裂 «трещина»), значением состояния (*кэссон* 欠損 «нехватка»), формы поверхности (*о:тоцу* 凹凸 «вогнуто-выгнутая, неровная», *дакон* 打痕 «вы-

боина»), с предикатным значением (*сэ:тоцу* 衝突 «столкновение», *фусэку* 腐食 «коррозия», *э:тяку* 溶着 «прилипание»)

б) Именные заимствования из английского «вышербина», (*сукэ:ру* スケール «окалина», *мирусукэ:ру* ミルスケール «вышербина»), *дасуто* ダスト «пыль», *пинхо:ру* ピンホール «прожог», *нэкку* ネット «утонение», *супатта* スポンタ «брызги», *орэндзити:ру* オレンジピール «похожий на шкурку мандарина», *уо:та:ма:ку* ウォーターマーク «вода») и предметно-предикативным значением (*куракку* ぐらッ クする «раскалываться»).

5) Терминологические коллокации с предикатным именем, обозначающим определенное действие (*э:сэцу* ぬ マстикку 溶接の マスチック «выступление сварочной мастики», *мастикку* ぬ フтяку マスチックの 付着 «мастика на поверхности кузова, мастика под базой, лаком»). Глагольно-именные коллокации (*кусэ* が ぐらッ 癖が つく «неплоскостность»).

6) Метонимия. Слово *ибуцу* 異物 с исходным значением «чужеродное тело» вследствие метонимического переноса стало обозначать место попадания чужеродного тела и вызванный этим дефект.

Итак, можно отметить следующие тенденции в области терминообразования для дефектов.

а) В большинстве случаев в номинации видов дефектов используются глагольные средства (из разных лексических слоев – глаголы ваго или канго и гайрайго с предикатной семантикой), что, очевидно, не случайно: чаще всего дефекты являются результатом каких-то действий и именно на этот аспект дефекта необходимо указать при коммуникации.

б) Ожидаемо часто для характеристики дефекта по форме, внешнему виду используется метафорический перенос с уподоблением привычным предметам с характерной формой.

в) Английские заимствования удобны тем, что соответствующие английские слова уже имеют требуемое терминологическое значение дефекта, т.е. для них уже в английском языке тем или иным способом состоялось соответствующее терминообразование и при заимствовании японский только использует готовый результат.

г) Для японской лексики, обозначающей дефекты в автомобильной отрасли, в отличие от русского языка, характерна многозначность и использование более общей лексики, применяемой и в повседневных ситуациях, а именно *кидзу* «повреждение, забоина, царапина, скол, риски»; *варэ* «рванина, трещина»; *нагарэ* «наплыв», царапина, скол, риски»; *варэ* «рванина, трещина»; *нагарэ* «наплыв», царапина, скол, риски»; *сори* «коробление, изгиб»; *орэ* «залом» и т.д. В связи с этим можно поспорить с точкой зрения, изложенной

в [Пыриков 1990, с. 112]: «Многозначность японских терминов наблюдается гораздо реже, чем в русской терминологии».

Литература

1. Кутафьева Н.В. Японский язык: особенности научно-технического стиля: синтаксис японского предложения, грамматические конструкции в научных текстах. М.: АСТ: Восток – Запад, 2005.
2. ЛЭС 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
3. Пашковский А.А. *Общая характеристика японской отраслевой лексики // Иностранные языки. Сборник статей № 2*. М.: Изд-во ВИИЯ, 1966. С. 33-48
4. Пыриков Е.Г. *Лексика и терминология современного японского языка в сопоставительном освещении*. М.: ВЦП, 1990
5. Романов В.А. *Японско-русский автотракторный словарь*. Под ред. Е.Б. Пасхина. М.: Русский язык, 1977.
6. *Русско-англо-японский словарь по строительным машинам и оборудованию*. Ок. 8000 терминов. Токио: Като, 1986.
7. Гё Госидзиро. *Ро-эй-нити ё:сэцу ё:го дзитэн* {Русско-англо-японский словарь по сварке}. Токио: Куроки, 1975.
8. Томоёси Ниихо. *Эй-ро-нити пурэсу ё:госю* {Англо-русско-японский словарь по прессовому производству}. Токио: Никкан ко:гё: симбун, 1986.

Е.О. Заикина
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Особенности кхмерской кулинарной лексики

Пища является важнейшим элементом системы жизнеобеспечения и помогает лучшему пониманию культуры и истории этноса, так как «в характерных для различных народов наборах пищевых продуктов, способах их обработки, типах блюд и рецептов их приготовления ... отразилась долгая этническая и культурная история народов» [Арутюнов 1981, с. 5]. У каждого народа под воздействием географических, климатических, исторических, религиозных факторов постепенно складывается своя уникальная система питания. Традиционная кулинария Камбоджи формировалась на протяжении многих веков в тесной связи с существовавшим в данном регионе хозяйственно-культурным типом (заливным рисоводством). Постепенно появлялись свои уникальные блюда, способы их приготовления и сервировки, однако в то же самое время перенимались и трансформировались в новой среде пищевые традиции соседних народов. Кухня Камбоджи находилась под влиянием кулинарных традиций иммигрантов из Китая, национальных меньшинств (например, тямов) и французских колонистов. Комплекс особенностей национальной кухни нашел отражение и в лексиконе кхмерского языка. Так, например, в кхмерском языке выработалась сложная и обширная система лексики, связанная с приготовлением пищи, что отражает сложившуюся кулинарную практику: в кхмерской кулинарии существует множество способов кулинарной обработки сырья: копчение, сушка, вяление, жарка и др., каждому из которых соответствует специальный термин. Приведем некоторые примеры:

ជុំ តិ (dot) – печь, запекать.

Один из самых распространенных способов обработки продуктов в кхмерской кухне. Он используется в основном для приготовления мяса, а также овощей и корнеплодов. Существуют разнообразные варианты dot.

– ជុំ តិ ស្រ្តាបំដី តិដ្ឋ (dot sraop døy et) – запекать в глине.

Этот способ запекания используется, главным образом, для приготовления свежей рыбы. Рыбу полностью обмазывают глиной (в некоторых провинциях Камбоджи глину заменяют влажной землей) и затем кладут в открытый огонь. Когда рыба готова, с нее снимают

глину вместе с кожей. С точки зрения кхмеров, мясо, приготовленное этим способом, получается особенно вкусным [Sao 2008, с. 58].

– ជុំតិស្លុក់ក្រៃកិ (dot sluk ce:k) – запекать в банановых листьях.

Это простой способ приготовления, часто используемый в домашней кухне. Огонь для запекания мяса в банановых листьях в основном разводятся из дров, соломы или ароматных листьев некоторых деревьев. Рыбу оборачивают в три или четыре слоя банановых листьев и сразу кладут в огонь. Мясо будет готово тогда, когда сгорят все листья. Сама рыба не должна подгореть. Если под рукой не оказалось банановых листьев, пользуются листьями лотоса, шафрана или другими листьями, размер которых позволяет завернуть в них рыбу.

– ជុំតិស្រូវអំពៅ (dot tum vpræu) – запекать в сахарном тростнике.

Этот способ обработки применяют для приготовления рыбы и курицы. Курицу ощипывают и потрошат, отделяют ножки и голову, затем срезают кожуру с сахарного тростника, тщательно оборачивают ее вокруг курицы, крепко связывают металлической проволокой и кладут в огонь. Рыбу, в отличие от курицы, не очищают и не потрошат, только смывают слизь и заворачивают целиком в тростник. Перед этим в нее кладут два-три кусочка тростника, из которого во время приготовления будет вытекать сок, делающий мясо более вкусным [Sao 2008, с. 59].

– ជុំតិស្រូវទាប់ក្រៃកិ (dot srætopp ce:k) – запекать в листьях, из которых состоит ложный ствол банана.

Этот вариант приготовления рыбы особенно популярен среди сельских жителей. Мясо посыпают солью и сахаром, а затем плотно заворачивают в три-четыре слоя сртоап, крепко перевязывают металлической проволокой и кладут в костер, который складывают в небольшом углублении в земле, используя солому или ароматную траву. Рыба будет полностью готова тогда, когда сгорит вся трава и останется только сртоап. Считается, что данный способ приготовления пищи занимает много времени, поэтому его используют во время различных праздников, церемоний, семейных встреч [Sao 2008, с. 73].

Русскому глаголу «жарить» в кхмерском языке соответствуют несколько терминов, отличающихся друг от друга по различным признакам. Вот некоторые из них:

អាំង (aŋ) – жарить, держа над огнем.

Этот способ приготовления заключается в жарке мяса, рыбы или овощей над огнем или на углях. Обычно во время готовки используют специальное приспособление, которое называется по-кхмерски домбот (តិម្ពុតិ – dtombot). Это существительное, образованное при

помощи инфикса от глагола dot: d-vm-b-ot. Приспособление представляет собой пару скрепленных особым образом бамбуковых дощечек, с помощью которых продукт удерживают над огнем. Иногда используют специальную железную решетку, на которую кладут мясо (свежее или сушеное) или овощи. Еда, приготовленная таким способом, получается пресной (на кхмерский вкус). Поэтому её обычно употребляют с различными соусами. Пища, приготовленная этим способом, считается непитательной и не очень полезной, хотя в реальной жизни он используется очень часто [Sao 2008, с. 66].

ខ្នុរ (khvay) – жарить на вертеле.

Китайский источник слова: 拐 (guǎi).

Данный способ в большинстве случаев применяется для приготовления свинины и утки, но можно использовать и мясо других животных. Его нанизывают на вертел и помещают в жаровню (утки, куры и поросята нанизываются целиком). Из-за того, что этот процесс намного сложнее, чем все приведенные выше, и требует специального оборудования и навыков, его используют, в основном, в «общественном питании». Он особенно популярен среди китайского населения Камбоджи. В Пномпене существуют небольшие китайские заведения (обычно уличные), в которых свинина или утка, приготовленная на вертеле, являются основным блюдом. Такие «кафе» готовят свинину и уток, приготовленных на вертеле, и на заказ, поскольку кхмеры (вслед за китайцами) часто используют их в качестве подношения на алтарь предков.

ផា (cha:) – жарить с небольшим количеством жиров (или вообще без жира), часто перемешивая продукт.

Это один из самых популярных, малозатратных и демократичных способов приготовления. Он широко используется для приготовления завтраков. Жареный рис ហៃផា (ba:y cha:) и жареная яичная лапша មីផា (mi: cha:) – самые популярные варианты кхмерского завтрака. Часто таким же образом готовят водяной шпинат, баклажаны, ананасы. Также этим способом можно готовить мясо лягушки, угря или жабы, так как в них содержится много жидкости, которая во время жарки полностью испаряется, что делает их намного вкуснее.

លីង (li:ŋ) – жарить в котелке или на сковороде, постоянно перемешивая, без масла.

Данный способ применяют для жарки свинины, речных раков, креветок, крабов, мелкой рыбы, кузнечиков, а также кукурузы, ара-

хиса и т.д. При жарении к некоторым из перечисленных продуктов добавляют рыбный соус, сахар и небольшое количество масла.

ផាត់ (**phat**) – жарить на сале соленую рыбу или соленое мясо.

បំពង់ (**bomprə:ŋ**) – жарить (на сковороде) с большим количеством жиров.

Отличительной особенностью этого способа приготовления является использование во время жарки жира или масла. Важно, чтобы они полностью покрывали мясо или овощи.

ផ្លាស់ (**siəp**) – жарить с умеренным добавлением жиров.

Китайский источник слова: 煎 (jiān).

Жарить на сковороде с умеренным использованием масла или жира, которые добавляют для того, чтобы не дать еде пригореть. Блюда, приготовленные таким способом, получаются немного суховатыми и пресными, но, при этом, обладают приятным ароматом и по вкусу похожи на продукты, приготовленные способом **bomprəŋ**. Их обычно употребляют с соусом и свежими овощами [Sao 2008, с. 69].

Такое разнообразие терминов обработки сырья является отличительной особенностью кхмерской кулинарной лексики.

Несмотря на то, что кухня Камбоджи испытывала определенное влияние кулинарных традиций с соседних стран, а также Франции, ей удалось сохранить свою самобытность и свои уникальные черты. Лингвистическим отражением этого факта является то, что в кхмерской кулинарной лексике чрезвычайно мало заимствований из других языков (французского, тайского, тямского и т.д.). Примерная доля заимствований не превышает 5%. При этом следует отметить, что более 50% от всех слов иностранного происхождения кхмерского кулинарного лексикона составляют китайские заимствования. Вот некоторые из них:

ចុង (**chong**) – заваривать чай или кофе.

Китайский источник слова: 冲 (chong).

Один из способов приготовления пищи и лекарственных трав, пришедший из Китая. Ингредиенты заливают кипятком, оставляют на несколько минут. Чаще всего таким способом приготавливают чай. Кроме того, этим термином в Камбодже обозначают процесс варки кофе. Следует отметить, что в традиционном кхмерском рационе чай и кофе не играли раньше заметной роли. Употребление чая ограничивалось раньше семьями китайского и вьетнамского происхождения. Кофе стал ограниченно употребляться в городах со времени французского протектората. Таким образом, не удивительно, что

термин, употребляемый для заваривания чая и кофе, был заимствован из китайского языка.

ប៊ីស៊ីប (**biceŋ**) – глутамат натрия (альтернативный термин ផ្លែស្រ្គីប – **msau sup**).

Китайский источник слова: 味精 (wèijīng).

Популярная пищевая добавка, усилитель вкуса, представляющий собой белый кристаллический порошок. Для многих в Юго-Восточной Азии японская торговая марка Ajinomoto является синонимом глутамата натрия. Ajinomoto – основной поставщик глутамата натрия в эти страны. Глутамат натрия в «чистом виде» стал использоваться в кхмерской кухне относительно недавно, попав в Камбоджу из Китая, где он является популярной приправой. При этом следует отметить, что кхмерская кухня ранее также широко использовала глутамат натрия в «естественной» форме. Его источником являются продукты из ферментированной рыбы: рыбный соус и прахок. Использование «чистого» глутамата промышленного производства имеет неоднозначную репутацию, поскольку имеется устойчивое представление о «вредности» данной добавки.

តៅហ្វូ (**tauhu:**) – тофу.

Китайский источник слова: 豆腐 (dòufu).

Тофу получают путем свертывания соевого молока при нагревании под действием коагулянта (лимонной кислоты, морской воды, хлорида магния). Тофу не обладает ярко выраженным вкусом, что позволяет его использовать во многих блюдах. Тофу не является традиционным продуктом для кхмерской кухни и заимствован из китайской кулинарии. Рост его популярности связан, в том числе, с распространяющейся модой на вегетарианство.

Большая часть заимствованных из китайского языка слов вошла в кхмерский язык относительно недавно. Это связано с усилением в последние несколько десятилетий влияния Китая на Камбоджу и со все более ускоряющимися процессами глобализации. Главным же фактором в распространении китайской кухни (и, соответственно, китайской кулинарной лексики) в Камбодже является уверенный рост китайской диаспоры в городах. Частным следствием этого является и появление значительного количества китайских заведений общественного питания.

Хотя лексика, заимствованная из санскрита и пали, составляет до четверти всего словаря кхмерского языка (охватывая не только сферы научной и религиозной терминологии, но и бытовую лексику),

в терминологии, связанной с приготовлением пищи, заимствования из индийских языков практически отсутствуют. Это объясняется прежде всего тем, что, несмотря на ту серьезную роль, которую играл индийский компонент в различных областях кхмерской культуры, сфера повседневной жизни кхмеров (одной из важных составляющих которой является традиционная кулинария) оказалась «индизирована» крайне мало.

Также незначительное влияние на кулинарную лексику оказал французский язык, хотя Камбоджа находилась под протекторатом Франции около ста лет. Названия некоторых новых ингредиентов сохранили французское произношение (karot ‘морковь’; fromah ‘сыр’), названия других стали образовываться путем присоединения к уже известным местному населению овощам и фруктам определения ba:raŋ ‘французский, иностранный’ (tumreaŋ ba:raŋ ‘спаржа’ и др.).

Показательно также отсутствие среди кулинарных терминов заимствований из тайского языка. Это позволяет усомниться в расхожих представлениях (зафиксированных, в частности, в разнообразных путеводителях по Юго-Восточной Азии), согласно которым кхмерская кулинария исторически связана с тайской, заимствовала из последней большинство блюд и приемов обработки кулинарного сырья (показательно, что в самой Камбодже существует прямо противоположная точка зрения на связь кхмерской и тайской кулинарных традиций – кхмерские авторы полагают (и не без оснований), что тайская кухня во многом базируется на кхмерском «кулинарном субстрате»). Ангкорская империя (802-1431 гг. н.э.) занимала территории современного Южного Вьетнама, Лаоса и Таиланда. Тайские племена, пришедшие из Южного Китая, проживали в западных районах империи и только в XIII веке основали свое государство Сукхотаи. В 1431 году тайцы разграбили Ангкор и увели с собой большое число кхмерских инженеров, архитекторов, ремесленников, поваров. Можно предположить, что в то время тайская кулинарная традиция находилась под сильным влиянием кхмерской. Хотя в XIX веке Сиам непродолжительное время занимал западные районы Камбоджи, здесь стоит говорить о взаимном влиянии культур и языков этих народов.

Литература

1. Арутюнов, С.А. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М.: Наука, 1981. – 256 с.

2. Sao, P. ម្ហូបក្នុងសង្គមខ្មែរ (Мхоуп кнонг сонгкун кхмаэ {Пища в кхмерском обществе}). Phnom Penh: Reyum publishing, 2008. 177 p.
3. SEAlang Library Khmer [электронный ресурс] // URL: <http://sealang.net/khmer/dictionary.htm> Дата обращения: 10.03.2018 г.

Ю.С. Христолюбова
ИЯЗ РАН (Москва)

Перевод терминов по производству чая с китайского языка на русский

1. Введение

В последние десятилетия в России неуклонно растет интерес к китайскому чаю. Изучаются не только культурологические и исторические материалы, связанные с мировой чайной традицией, но также особенности производства чайного листа, которое напрямую влияет на его вкусовые особенности. В Европе, в первую очередь, известны два основных вида чая: зеленый и черный (в Китае: красный чай (здесь и в дальнейшем придерживаемся китайской классификации чая)). И уже ни для кого не секрет, что собирают сырье для этих двух разных видов с одного куста, а осязаемое различие в цвете, вкусе и аромате происходит от неодинаковой обработки, которую проходят свежие листья, прежде чем стать чаем для заваривания.

С появлением в России качественного китайского чая, для многих россиян стало открытием, что существует не только черный и зеленый чай, а как минимум 6 различных видов, которые, в первую очередь, различаются способом обработки чайного листа. Исследователи китайского чая, как профессионально занимающиеся поставками продукта на рынок и представлением его потребителю, так и простые чайные гурманы, столкнулись со сложностью перевода многих китайских терминов, которые описывают процессы производства. А они очень важны для различения между собой разных видов и сортов. Ни одна книга по культуре или истории китайского чая не обходится без описания производственных процессов, так как все основные трансформации традиции чаепития были связаны с изменением и расширением обработки чайного листа. Лекарственные свойства сортов также напрямую зависят от производственных процессов, меняющих исходный химический состав чайного листа на желаемый.

Кроме того, оборудование для обработки китайского чая активно закупают и используют российские хозяйства, изготавливающие Иван-чай, кофе, а также другие смежные производства, которым необходимо ферментировать и сушить лист. При проведении переговоров с китайцами по чайным закупкам, изучении материалов по чаю на китайском языке, встречаются термины, которых либо пока нет в наших словарях, либо их суть из существующего перевода не ясна.

Поэтому назрела необходимость уточнения и введения терминов производства чая в оборот. Это поможет в дальнейшем закупщикам чая выбирать сорта с нужными характеристиками, потребителям оборудования не ошибаться в выборе устройств, а переводчикам точнее передавать информацию по особенностям изготовления сортов китайского чая.

Работа посвящена обзору существующих процессов и уточнению некоторых чайных терминов, касающихся этапов обработки чайного листа и некоторых общепринятых в Китае описаний особенностей сухого листа. Конечный перевод слов остается в ведении составителей словарей, поэтому в данной работе будет приведен рекомендуемый перевод и описание процесса, связанного с соответствующим китайским термином.

В статье представлены переводы и описания сути процесса 30 основных терминов по производству чая, а так же семь терминов, характеризующих особенность уже готовой продукции, в зависимости от прошедшей обработки. Термины переведены на основе изучения автором процессов производства чая с помощью китайских специалистов.

Для начала приведем обзорную таблицу чайных терминов, а затем разберем суть каждого понятия для обоснования предполагаемого перевода и предоставления возможности другим переводчикам самим подобрать необходимые синонимы.

2. Термины производства чая

Ниже приводится таблица чайных терминов, составленная по [БКРС; Чэнь Цзун Мао 2009; Чжу Цзинь У 2014].

Термин	Пининь	Словарный перевод	Предлагаемый перевод
采摘	cǎizhāi	Срывать, собирать	Сбор (чая)
采青	cǎiqīng	-	Сбор чая
萎凋	wěidiāo	Завяливание	Подвяливание
凉青	liángqīng	-	Охлаждение чая
干燥	gānzào	Сушить, дегидратация	Сушка до полного выпаривания влаги
发酵	fājiào	Брожение, ферментация	Ферментация
揉捻	róuniǎn	Скручивание	Сминание
烘焙	hōngbèi	Горячая сушка	Сушка с помощью нагревания

烘干	hōnggān	Сушить жаром	Сушка в печи до полного выпаривания влаги
晒茶	shàichá	-	Сушка чая под солнцем
晒青	shàiqīng	-	Сушка чая под солнцем
蒸青	zhēngqīng	Пареный (зеленый) чай	Пропаривание чая
炒青	chǎoqīng	Обжарка	Обжарка чая
精制	jīngzhì	Обрабатывать, очищать	Сортировка
拣剔	jiǎntī	Сортировка, отбор	Отбор
做型	zuòxíng	Делать заливку	Придание формы, прессовка
包装	bāozhuāng	Упаковка	Упаковка
包揉捻	bāoróuniǎn	-	Скручивание
速包	sùbāo	-	Пеленание
包捻	bāoniǎn	-	Скручивание
打散	dǎsàn	Разбить, рассеять	Рассеивание
杀青	shāqīng	«Фиксация зелени»	«Убийство зелени» или «фиксация зелени»
烘	hōng	Сушить, жарить	Нагревание на углях
闷黄	mēnhuáng	Томление	Томление
红锅	hóngguō	-	«Красный котел»
黑焙	hēibèi	-	«Черная сушка»
摇青	yáoqīng	"Утряска зелени"	«Утряска зелени» или встряхивание чая
做青	zuòqīng	-	Выделка
烘焙	hōngbèi	Горячая сушка	Запекание
渥堆	wòduī	Влажное скирдование	Влажное скирдование
清香茶	qīngxiāng chá	Чай с нежным ароматом	Чай слабой обжарки
浓香茶	nóngxiāng chá	Чай с густым ароматом	Чай сильной обжарки
晒青绿茶	shàiqīng lǜ chá	-	Высушенный на солнце зеленый чай

蒸青绿茶	zhēngqīng lǜchá	Пареный зеленый чай	Пропаренный зеленый чай
炒青绿茶	chǎoqīng lǜchá	Жареный зеленый чай	Обжаренный зеленый чай
自然发酵	zìránfājiào	Естественное брожение	Естественная ферментация
人工催熟	rénwgōng cuīshú	-	Искусственное ускоренное созревание

3. Пояснение терминов

Для производства всех видов чая используют следующие процессы.

Сбор (чая): 采摘 /cǎizhāi/ цайчжай. Хотя этот термин широко используется для описания сбора любых плодов и трав, в чайном деле его широко используют без уточнения предмета сбора.

Сбор чая (преимущественно улуна): 采青 /cǎiqīng/ цайцин. Используют для описания сбора листа для улунов, редко для других чаев.

Подвяливание: 萎凋 /wěidiāo/ вэйдяо. Сразу после сбора, перед обработкой, чайный лист вылеживается, частично теряет влагу и становится мягким – вянет.

Охлаждение чая: 凉青 /liángqīng/ лянцин. Процесс остывания чая в прохладном помещении после подвяливания или других процедур, связанных с нагреванием листа.

Сушка до полного выпаривания влаги: 干燥 /gānzào/ ганьцао. Высушивание чайного листа с помощью обжарки или других способов. Главное в процессе: сушка до полного выпаривания воды из листа. Часто завершающий процесс обработки.

Особые процессы.

Ферментация: 发酵 /fājiào/ фацзяо. Стандартный процесс обработки многих видов чая, происходит стихийно или целенаправленно, может быть намеренно остановлен или оставлен не законченным. Термин часто переводят как «брожение», но в случае с чайным листом более уместен перевод «ферментация», так как китайская классификация чая основана на оценке включенности энзимов (ферментов) в процессе обработки листа.

Сминание: 揉捻 /róuniǎn/ жоунянь. Цель процедуры – сломать всю поверхность чайного листа и дать выйти соку.

Сушка с помощью нагревания: 烘焙 /hōngbèi/ хунбэй. Сушка горячим воздухом или в котле.

Сушка в печи до полного выпаривания влаги: 烘干 /hōnggān/ хунгань. Просушивание в печи до полного высыхания чайного листа. Часто завершающий процесс.

Сушка чая под солнцем: 晒茶 /shàichá/ шайча. Просушивание чайного листа под солнечными лучами.

Сушка чая под солнцем: 晒青 /shàiqīng/ шайцин. Просушивание чайного листа под солнечными лучами.

Пропаривание чая: 蒸青 /zhēngqīng/ чжэнцин. Обработка листа горячим паром.

Обжарка чая: 炒青 /chǎoqīng/ чаоцин. Обжарка чая при высокой температуре для фиксации произошедших изменений в листе на разных этапах обработки.

Сортировка: 精制 /jīngzhì/ цзинчжи. Разделение чая по сортности по размеру листа.

Отбор: 拣剔 /jiǎntī/ цзяньти. Выборка из готового чайного листа бракованных элементов.

Придание формы, прессовка: 做型 /zuòxíng/ цзосин. Процесс прессования рассыпного чая в различные чайные формы.

Упаковка: 包装 /bāozhuāng/ баочжуан. Прежде всего, речь идет об упаковке спрессованного чая в бумажную обертку.

Процессы, придающую чаю шарообразную форму:

Скручивание: 包揉捻 /bāoróuniǎn/ баожоуньянь. Процесс скручивания чая, для придания шарообразной формы.

Пеленание: 速包 /sùbāo/ субао. Для скручивания чайного листа применяется процесс «пеленание» – заворачивание в ткань большого объема листа для последующей одновременной скрутки большого количества чаинок с целью придать им шарообразную форму.

Скручивание: 包捻 /bāoniǎn/ баоньянь. Процесс скручивания чая, для придания шарообразной формы.

Рассеивание: 打散 /dǎsàn/ дасань. Распутывания чаинок между собой, после производства. Может применяться для разных чаев, но обязательно после процедуры «пеленания».

Особые процессы обработки чайного листа для разных видов чая.

Зеленый чай:

«Убийство зелени» или «фиксация зелени»: 杀青 /shāqīng/ шацин. Обжарка чайного листа на высокой температуре для остановки процесса ферментации в чайном листе. Применяется для обработки зеленого и черного чая.

Желтый чай:

Нагревание на углях: 烘 /hōng/ хун. Нагревание чайного листа для последующей процедуры томления при производстве желтого чая.

Томление: 闷黄 /mēnhuáng/ мэньхуан. Процедура вылеживания чайного листа после его прогрева, для изменения характеристик. Применяется при производстве желтого чая.

Красный чай (в европейской традиции «черный чай»):

«Красный котел»: 红锅 /hóngguō/ хунго. Обжарка уже ферментированного чайного листа в котле до окончательного высушивания.

«Черная сушка»: 黑焙 /hēibèi/ хэйбэй. Этап производства красного чая, часто используемый для сорта «Малые кусты с горы Чжэншань» (в европейской традиции «Лапсансушонг»), при котором чай сушится над горящими сосновыми дровами. Эта сушка придает листу аромат копчения.

Улун:

«Утряска зелени» или встряхивание чая: 摇青 /yáoqīng/ яоцин. Встряхивание чая для слома только края листа и выделения на нем чайного сока. Необходимо для дальнейшей полуперментации чая.

Выделка: 做青 /zuòqīng/ цзоцин. Технологический процесс вылеживания чайных листьев для ферментации края чайного листа.

Запекание: 烘焙 /hōngbèi/ хунбэй. Особенный этап изготовления северофуцзяньского улунa, специфическая прожарка с помощью длительного прогрева листьев над углями.

Черный чай:

Влажное скирдование: 渥堆 /wòduī/ водуй. Этап ускоренного созревания (постферментации) чая, который необходим для производства шу пуэра и некоторых других видов китайских черных чаев.

При производстве одного и того же чая процессы могут использоваться в разной пропорции, поэтому чай получается сильно- или слабоферментированным, сильно- или слабообжаренным и пр. При продаже чая могут использоваться следующие уточняющие термины:

Чай слабой обжарки: 清香茶 /qīngxiāngchá/ цинсян. Если термин употребляется в названии улунa, то означает слабую обжарку листа. Обычно, аромат листа ближе к зеленому чаю – освежающий.

Чай сильной обжарки: 浓香茶 /nóngxiāngchá/ нунсян. Если термин употребляется в названии улунa, то означает сильную обжарку листа. Обычно аромат листа обладает глубокими нотами обжарки. Например: Тегуаньинь легкой обжарки: 清香铁观音 /qīngxiāng tiěguānyīn/ цинсян тегуаньинь; Тегуаньинь сильной обжарки: 浓香铁观音 /nóngxiāng tiěguānyīn/ нунсян тегуаньинь; «Большой красный халат» сильной обжарки: 清香大红袍 /qīngxiāng dàhóngpáo/ цинсян дахунпао; «Большой красный халат» слабой обжарки: 浓香大红袍 /nóngxiāng dàhóngpáo/ нунсян дахунпао.

Иногда важно выделение определенного процесса обработки из всей технологической цепочки производства чая, так как это влияет на особенности заваривания, вкус настоя и сроки хранения. Например, зеленый чай различают по трем ключевым этапам обработки: высушенный на солнце зеленый чай 晒青绿茶 /shàiqīng lǜchá/ шайцин луйча; пропаренный зеленый чай 蒸青绿茶 /zhēngqīng lǜchá/ чжэнцин луйча; обжаренный зеленый чай 炒青绿茶 /chǎoqīng lǜchá/ чаоцин луйча.

При описании пуэров и других китайских чаев, подразумевающих долгую выдержку, различают два вида постферментации: естественная ферментация 自然发酵 /zìránfājiào/ цзыжань фацзяо, процесс естественного созревания чая, занимающий долгие годы. Искусственное ускоренное созревание: 人工催熟 /réngōng cuīshú/ жэньгун цуйшу. Быстрое доведения чая до высокой степени созревания с помощью различных технологий, самой основной из которых является «влажное скирдование».

4. Заключение

В рассказах о процессах производства и свойствах готового чая в Китае встречается большое количество синонимов. В статье были представлены основные термины, наиболее распространенные и часто употребляющиеся. Их используют не только как специализированные названия, но широко употребляют в разговорной речи, тематических статьях, в прайс-листах китайских чайных фирм, а также в различной китайской литературе по чайной культуре. Описание терминов приведено для более точного понимания переводчиками сути процесса, что в свою очередь может помочь правильно перевести информацию из китайских источников, не искажая смысла.

Литература

1. БКРС. *Большой китайско-русский словарь* [электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/>. Дата обращения: март 2018 г.
2. Чжу Цзинь У. *Чи Ча 2: Сыцзи инь ча юй цзянькан* / Чжу Цзинь У, Цзян Ли Янь (ред). Шицзе тушу чубань гунсы (朱锦武. 吃茶 2:四季饮茶与健康/朱锦武,姜丽妍//世界图书出版公司 {Чжу Цзинь У. *Пить чай 2: Четыре сезона чаепития на пользу здоровью* / Чжу Цзинь У, Цзян Ли (ред). Издательская компания Шицзе тушу}). Сиань: Шицзе тушу, 2014. 206 с.
3. Чэнь Цзун Мао. *Пинь ча туцзянь* / Чэнь Цзун Мао, Юй Юн Мин, Лян Го Бяо, Чжоу Чжи Сю. Хуаншань шушэ (陈宗懋. 品茶图鉴 /俞永

明、梁国彪、周智修 //黄山书社 {Чэнь Цзун Мао. *Справочник сортов чая* / Чэнь Цзун Мао, Юй Юн Мин, Лян Го Бяо, Чжоу Чжи Сю. Издательство Хуаншань} Пекин: Хуаншань, 2009. 278 с.

Арабизмы религиозного содержания в литературном таджикском языке новейшего периода

Материалом для исследования новейшей таджикской лексики является авторская картотека, насчитывающая более десяти тысяч лексических единиц. Она составлена по результатам сплошной выборки новой лексики, зафиксированной в словарях таджикского языка, а именно: в «Таджикско-русском словаре» 1954 г. и в двух сравнительно новых «Таджикско-русских словарях», двухтомном (2004-2005 г.) и одностомном (2006 г.). Помимо этого, мы используем другие материалы – двух- и трехязычные словари (например, «Компьютерный словарь: англо-русско-таджикский») и др. Мы исследовали также таджикскую прессу, публикации в Интернете, радио- и телепередачи, современную художественную литературу на таджикском языке.

Использовались также материалы собственных полевых исследований. Нами привлекались и специализированные словари: арабско-русский (Баранов 1989), русско-арабский (Борисов 1967), персидско-русский (ПРС 1970), русско-персидский (Овчинникова и др. 1965), русско-таджикский (РТС 1985), русско-таджикский (Дехоти & Ершов 1949), таджикско-русский (ТРС 1954), этимологический словарь тюркских языков (ЭСТЯ 1974), персидско-русский словарь (Ягелло 1910), словарь таджикского языка (ФЗТ I-II, 1969), краткий пехлевийский словарь (MacKenzie 1971), персидско-русский словарь (Гаффаров 1976) и др.

Для уточнения толкования некоторых религиозных понятий использовалась исламская литература.

Исследование арабских заимствований на материале современного таджикского языка конца XX века и начала XXI века способствует решению ряда вопросов лексикологии, лексикографии и теории заимствования. Вопросы, касающиеся арабских заимствований, в силу своей актуальности освещались и анализировались в работах многих таджиковедов (см: [Керимова 1995], [Молчанова 1991], [Расторгуева 1964], [Саломов 2010] и др.

В целом арабская лексика с религиозной семантикой в значительно большей степени представлена в новых словарях, чем в старых, что обусловлено известными идеологическими причинами. На-

пример, в старом словаре 1954 г. (ТРС 1954) представлена лексема дуо ‘молитва’, но отсутствует лексема, обозначающая бога. Она представлена в новых словарях (далее: ФТР): **аллох** *рел.* ‘аллах; бог’. Там же см. фразеологизмы **аллоху акбар** ‘аллах велик’ и **аллоху аълам** ‘бог знает; бог ведает’. Арабизм ‘allāh, очевидно, происходит от ‘ilāh ‘божество, имя бога’ – до исламской религии имя одного из высших божеств аравийского, мекканского пантеона. Существительное **алхамд** в ФТР дано с пометой *рел.* и общим смыслом ‘первое слово первой суры Корана’, но там отсутствует перевод этого слова: ‘хвала, прославление, благодарность, слава богу’ (Баранов 1989). Зафиксировано словосочетание **алхамдуллилох** (ФТР) ‘хвала богу; слава аллаху’.

Далее мы остановимся на *тематических* группах арабизмов, представленных в новых таджикско-русских словарях, и на особенностях их *словообразования*.

Тематические группы арабизмов

1. Обозначения бога и святых, в том числе эпитеты бога, пророка и халифов:

таоло *рел.* ‘всевышний (эпитет бога); **маликуларш** *рел.* ‘царь небесный; бог’ (*букв.* царь небесного трона); **гаффор** ‘милосердный, всепрощающий (эпитет бога)»; **малакут** *рел.* ‘мир ангелов»; **малоика** *разг.* ‘ангел»; **мурсал** *рел.* ‘посланник, пророк; апостол; послание; отправление»; **сайид** *рел.* ‘потомок пророка Мухаммада; *перен.* благородный по происхождению; предводитель»; **салавот** *мн. ч. от салот* ‘молитва»; **муртазо** ‘довольный, удовлетворённый, убоготворённый; *рел.* муртазо (эпитет халифа Али)»; **мустафо** *кн.* ‘избранный; избранник (эпитет Мухаммада)»; **хотамуланбиё** ‘последний из пророков (эпитет Мухаммада)’. Заметим, что в реальной жизни присутствие лексемы *сайид* в именах собственных у таджиков совсем не означает, что носитель имени является потомком пророка.

2. Лексика, обозначающая конец света, страшный суд и ад:

Эта лексика представлена в новых словарях следующим образом: **асфалуссофилин** *рел.* ‘преисподняя; ад, тартар’ с ФЕ **ба асфалуссофилин фиристодан** ‘отправить в тартарары»; **малакулмавт** – ангел смерти (Азраил); **аъроф** *рел.* ‘чистилище»; **саир** *кн.* ‘1. пламя; 2. *перен.* геенна; ад»; **ачал** I ‘смертный час, кончина’ с фразеологизмами **аз дасти ачал рахонидан** *перен.* ‘вырвать из рук смерти, спасти от смерти»; **ба чанголи ачал афтодан** *перен.* ‘попасть в когти смерти»; **тухми ачал коштан** *перен.* ‘посеять семена смерти»; **ачал расид**

‘наступил смертный час’; **агар ачал амон диҳад** ‘если буду жив’; **ачсод** *мн. от часад* ‘труп (человека или животного)’; **кабр**: **кабри шаҳидон** ‘братская могила’; **санги кабр** ‘могильный камень’; **кабркан** *см. гӯркан* ‘могильщик’; **сақар** *рел.* ‘ад, преисподняя’; **салот** ‘молитва’ с ФЕ **салоти чаноза** ‘заупокойная молитва; **савму салот** ‘пост (рӯза) и молитва’; **мутанаббӣ** *кн.* ‘выдающий себя за пророка’, ‘лжепророк’; **мутаваффо** ‘умерший’, ‘покойный’; **ташйе** *кн.* ‘сопровождение, проводы’; **ташйеи чаноза** ‘траурное шествие’; **муртаркиб** ‘ошибающийся в чем-л.’; **муртаркиби гуноҳ** б) ‘совершивший грех’; **асфалуссофилин** *рел.* ‘преисподняя; ад, тартар’; **малакулмавт** ‘ангел смерти Азраил’; **саир** *кн.* ‘пламя; *перен.* геенна; ад’; **киёмат** *рел.* ‘воскрешение из мёртвых; страшный суд’.

3. **Лексика, обозначающая священные книги и мировые религии**: **каломуллоҳ** ‘Коран; слово божье’; **Таврот** ‘Библия (Ветхий завет)’; **Талмуд** ‘Талмуд (*священная книга евреев*)’; **масехият** ‘христианство’; **яхудият** ‘иудаизм’ и др.

Словообразование и словосложение

В плане словообразования заслуживают внимания *гибридные слова*, составленные из двух основ – арабской и таджикской: **дуоғӯй / омингӯй** ‘молельщик’; **ғуслхона** ‘помещение для ритуальных омовений тела’; **кофирдил** ‘неверный, жестокий, безжалостный’; **тахоратхона** ‘место, предназначенное для ритуального омовения перед молитвой’; **тариқатшинос** ‘суфий’; **талокшуда** ‘разведенная (*о женицине*)’. Например, из двух основ: ар. + иранск.: **ғуслхона** ‘помещение для ритуальных омовений тела’; **тахоратхона** 1. ‘место, предназначенное для ритуального омовения перед молитвой’; 2. ‘уборная, отхожее место’; **тахоратҷой** *см. тахоратхона*; **тариқатшинос** ‘суфий’; **таквофурӯш** ‘притворяющийся благочестивым и набожным, святоша, лжепрavedник’; **тобутсозӣ** ‘изготовление гробов’.

Словообразовательные модели с таджикскими (иногда арабскими) суффиксами *-она, -гӣ, -а, -ӣ*: **иблисона** ‘по-дьявольски, демонически; хитро, лукаво’; **муфтигӣ** ‘звание муфтия; занятие муфтия’; **сайида** ‘хозяйка; госпожа; дама’ (последнее слово в основном употребляется как и. с. женское); **кофирӣ** ‘безбожие, неверие в бога; *перен.* жестокость; бессердечность’; **такфирӣ** ‘отлученный’ (**китобҳои такфирӣ** ‘отлученные книги’).

Словосложение (представлено слабо): **кофирнеъмат** ‘неблагодарный’, **салибшақл** ‘крестообразный’ и др.

Лексема қибла

Лексема **қибла**, обозначающая в арабском языке ‘ниша; юг’, в (ТРС) и в (ФТР I, II) толкуется следующим образом: ‘кибла (сторона к которой обращаются мусульмане лицом во время молитвы)’. Однако в (ФТР I, II) дополнительно даны пометки и фразеологизмы с этим арабизмом, например: **рӯй ба қибла нишастан** ‘сидеть лицом к кибла’; **қибла** *кн. перен.* ‘возлюбленный, возлюбленная, уважаемое лицо, почтенный человек’, **чор тарафаш (тарафат) қибла!** *перен.* ‘скатертью дорога!; может (можешь) отправляться на все четыре стороны!’; **абр агар аз қибла хезад сахт борон мешавад, / (шоҳ агар одил набошад мулк вайрон мешавад) погов., досл.** «если тучи появятся с запада, то будет дождь сильным, / (если шах не будет мудрым, то государство рухнет)». В словарях (ФТР I, II) представлена только первая фраза поговорки. При этом слово **қибла** переводится как ‘запад’, ср. (Будагов, II, с.37): «*қибла* ‘южная сторона, Юг; сторона, куда обращаются мусульмане взорами во время молитвы’».

Стоит особо отметить те арабизмы, которые в (ТРС) давались с пометой *уст.* – «устаревшие» (опять-таки по идеологическим соображениям). В новых словарях – в связи с оживлением религиозной жизни в самом Таджикистане и под влиянием персидского языка – многие из этих слов даются без всяких помет, т.е. как современные. В качестве примера можно привести компас, указывающий направление на киблу. В (ТРС) лексема **қиблано** (гибридное словосложение) зафиксирована с общим значением ‘компас’. Между тем там же, в (ТРС), присутствует русизм-интернационализм **компас** с тем же значением и арабско-персидское сложение **қутбно** с тем же значением (*қутб* арабизм ‘полюс’). В (ФТР, I, II) русизм *компас* отсутствует, а **қиблано** дается с единственным значением ‘компас’. Обобщенное значение ‘компас’ у лексемы **қиблано**, возможно, связано с тем, что, как упоминалось выше, арабская лексема **қибла** буквально означает ‘юг’ (где и находится Кааба).

Употребление арабизмов в составе пословиц, поговорок и изречений

Немаловажным фактором семантической освоенности заимствованной лексики является ее наличие в лексическом составе фольклорных произведений, в свое время имевших весьма широкое распространение. На наш взгляд, интерес представляет, в частности, рассмотрение использования религиозных арабизмов в составе пословиц, поговорок и изречений.

Среди пословиц такого рода можно выделить единицы с арабизмом *мулло*, в которых последний имеет обычно негативную коннотацию: *Мулло шудан чӣ осон, одам шудан чӣ мушқил*. «Муллою стая легко, человекем – трудно».

Другие примеры: **дард дигар, ачал дигар** *посл.* ‘болезнь еще не смерть’ (ачал II ‘время; пора; период’); **гӯши ману девори қиёмат перен.** ‘молчание до гроба; никто от меня ничего не услышит’; **карз ба қиёмат намонад** ‘расплатиться при жизни с долгами’ (**қиёмат рел.** ‘воскрешение из мёртвых; страшный суд’); **қиёмат қоим шуд** ‘поднялась сумятица, началась неразбериха’ (**қиёмат** ‘сумятица; переполох’).

Многие из арабизмов в литературном таджикском языке новейшего периода носят книжный и даже архаичный характер.

Источники

1. Баранов 1989 – *Арабско-русский словарь*. Сост. Х.К. Баранов. М., 1989.
2. Борисов 1967 – *Русско-арабский словарь*. Сост. В.М. Борисов. М., 1967.
3. Гаффаров 1976 – *Персидско-русский словарь*. Сост. М.А. Гафаров, Т. I-II. М., 1976.
4. Дехоти & Ершов 1949 – *Луғатирусӣ-тоҷикӣ* (Русско-таджикский словарь) / Под ред. А. Дехоти и Н.Н. Ершова. М., 1949.
5. Овчинникова и др. 1965 – *Русско-персидский словарь*. Сост. И.К. Овчинникова и др. М., 1965.
6. ПРС 1970 – *Персидско-русский словарь*. Под ред. Ю.А. Рубинчика, Т. I-II. М., 1970.
7. РТС 1985 – *Луғатирусӣ-тоҷикӣ* (Русско-таджикский словарь). Под ред. М.С. Асимова. М., 1985.
8. ТРС 1954 – *Луғатиточикӣ-русӣ* (Таджикско-русский словарь). Под ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской. М., 1954.
9. ФЗТ I-II 1969 – *Фарҳанги забони тоҷикӣ*. Словарь таджикского языка (X – начало XX века). Т. I-II. Под ред. М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хошима, Н.А. Масуми. М., 1969.
10. ЭСТЯ 1974 – *Этимологический словарь тюркских языков*. Сост. Э.В. Севортян. М., 1974.
11. Ягелло 1910 – *Полный персидско-арабско-русский словарь*. Сост. И.Д. Ягелло. Ташкент, 1910.
12. MacKenzie 1971 – MacKenzie D.N. *A concise pahlavi dictionary*. London, 1971.

13. *Вожаномашкомпютер: англисӣ-русӣ-тоҷикӣ* (Компьютерный словарь: англо-русско-таджикский). Сост. Т. Розы. Душанбе, 1995.
14. *Фарҳангиточикӣбарусӣ* (Таджикско-русский словарь). Под ред. С.Д. Холматовой, С. Солехова, С. Каримова, I-II. Душанбе, 2004-2005 г.
15. *Фарҳангиточикӣбарусӣ* (Таджикско-русский словарь). Под ред. Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова. Душанбе, 2006.

Литература

1. Керимова А.А. *Формирование и развитие лексики литературного таджикского языка*. Деп. в ИНИОН РАН № 50573 от 6.07.95 г. 230 с.
2. Молчанова Е. К. Об арабских элементах в повести Ф. Мухаммадиева «Над пропастью» // *Ирано-афразийские языковые контакты*. М., 1991.
3. Расторгуева В. С. О развитии современного таджикского литературного языка // *Вопросы развития литературных языков народов СССР*. Алма-Ата, 1964.
4. Саломов А. Дж. *Адаптация арабских заимствований в таджикском языке*. АКД, Душанбе, 2010.

Л.Р. Додыхудова
ИЯз РАН (Москва)

К вопросу об одной модели арабских заимствований в памирских языках

Проблемам словообразования в таджикском языке посвящено много работ, в частности исследования словообразования и структурных построений лексики. Основы словообразования таджикского языка были заложены В.С. Расторгуевой в очерке, приложенном к «Таджикско-русскому словарю» [1954]. Системное исследование словообразования таджикского языка связано с именем Ш.Р. Рустамова. В ряде работ автор дает описательную характеристику образования имен в таджикском языке, показывает основные способы словообразования [1972; 1981], для юго-восточных говоров таджикского языка подобная работа проделана С.Р. Хоркашевым [1996 и др.]. В сопоставительном плане одной из первых работ по иранским языкам стала монография Ф.Р. Амоновой, посвященная именному аффиксальному словообразованию в современном таджикском языке в сопоставлении с близкородственным персидским [1979]. В работах по лексике таджикского языка характеристика арабских заимствований сосредоточена в основном на описании моделей построения слов, объему и частоте употребления арабизмов, см., например, работы Т. Бердыевой [1968а; 1968б]. Как отметил Ю.А. Рубинчик, в работах по персидскому языку – где наибольшее количество заимствований составляют арабские имена, построенные по определенным словообразовательным и словоизменительным моделям, – характеристика арабских заимствований, в основном, ограничивается описанием моделей, по которым построены эти слова, и их частотности [2009, с. 188].

Известно, что в персидский / таджикский язык вошло значительное число арабских заимствований, большую часть которых составляли так называемые масдары, ставшие впоследствии основными элементами его заимствованного лексического фонда. Помимо количества, заимствованные масдары (например, *шим* «наука» – масдар I породы) характеризуются определенными моделями и рядом общих лексико-грамматических значений. В арабском языкознании образующиеся таким путем формы чаще всего квалифицируются как грамматические разновидности одного и того же слова. Вместе с тем нельзя не учитывать, что некоторые формы, образуемые перестройкой структуры слова, могут выражать как грамматические, так и словообразовательные

категории, границы между которыми намечаются противоречиво ([Белкин 1980, с. 1]; прив. по: [Рубинчик 2009, с. 188-189]).

По принятому в науке мнению, памирские языки не вступали в непосредственный контакт с арабским. В силу этого считается, что арабская лексика вошла в эти языки через посредство таджикского / персидского языков и была опосредствована ими. Первый применялся в Центральной Азии как язык администрации, образования, науки и т.п., последний на протяжении веков выступал в качестве языка религии памирских исмаилитов. Наличие значительного числа слов арабского происхождения в таджикском (и персидском) языках региона дает возможность провести их структурно-морфологический и семантический анализ с учетом типологических различий, которые существуют между этими иранскими языками и арабским. Для памирских языков такая работа в основном была проведена М.Б. Давлатмировой [2004а; 2004б].

Как отмечает Ю.А. Рубинчик, «влияние арабского языка, первоначально охватившее только лексическую систему персидского языка, послужило импульсом для изменений на других языковых уровнях. Арабский язык оказал значительное влияние на фонологическую и грамматическую системы, на его словообразование...» [Рубинчик 2009, с. 187]. Освоение иноязычной лексики представляет собой длительный процесс, в ходе которого взаимодействуют две разнородные языковые системы. Этот процесс протекает особенно остро, когда контактирующие языки принадлежат к разным языковым семьям. В этом случае языки отличаются друг от друга на всех уровнях языковой структуры (фонетика, акцентуация, морфология, семантика, а также синтагматика). Включая в свою систему заимствование, язык подчиняет его действующим в нем законам на всех уровнях языковой структуры. В силу этого обязательными условиями оформления единицы в новой среде являются ее приспособление к новым графической и фонетической системам, где средствами заимствующего языка осуществляется субституция фонем, адаптация заимствованных слов согласно фонетическим законам принимающего языка к нормам его произношения, включение заимствований в просодическую систему заимствующего языка. В грамматическом аспекте происходит включение их в систему категориальных (частеречных) значений / отношений, а также в систему словообразовательных моделей заимствующего языка. Семантическое освоение связано с исходным значением, его развитием и изменением.

В персидском / таджикском языке интересующая нас структурная разновидность арабизмов представляет собой чистую одно-

сложную основу (лексическую морфему) от арабского имени, по типу *'aql^{lmm}* ‘ум, разум, интеллект; понимание, здравый смысл; мудрость’ (БАРС) – т. *ақл* ‘ум, разум, рассудок; интеллект’ (ТРС). Как известно, в арабском языке имена существительные и прилагательные имеют окончание [-*un*] (или [-*an*], [-*in*] (последнее является признаком родительного падежа имени)), которое на письме изображается не буквами, а специальной неударной огласовкой¹ над последней буквой слова: типа *'aql^{lmm}* ‘ум’ или *'aql^{ln}*. При заимствовании арабских слов персидским / таджикским языком конечное окончание-танвин опускается.

При переходе из одного языка в другой лексические единицы в первую очередь перестраиваются согласно особенностям фонетики принимающего языка. Этот процесс наблюдается на примере арабских заимствований, где своеобразные арабские звуки адаптируются к фонетическим особенностям языка. О фонетических изменениях арабских заимствований в персидском языке пишет в одной из статей Ю.А. Рубинчик, выделяя два основных вида таких изменений: системные изменения, основанные на различии фонетических структур двух языков и затрагивающие все арабские слова вне зависимости от их использования в различных стилях речи, и внутрисистемные изменения, происходящие на основе внутренних фонетических закономерностей персидского языка [Рубинчик 1965, с. 587, 590].

В настоящей статье мы коснемся особенностей освоения одной модели арабских лексических заимствований в памирских языках и отчасти таджикских диалектах, связанных со структурой слов арабского происхождения и их адаптацией в этих языках. Мы рассматриваем группу арабских заимствований с сонорным согласным «*r*», «*m/n*» или «*l*» (а также сочетанием «*lh*») в конечном положении. Примеры оформления арабизмов этой лексической группы приведены в приложении.

На звуковой облик заимствованного слова существенное влияние оказывает то, каким путем усвоено иноязычное слово, устным или книжным. Кроме того, имеет значение также заимствовано ли слово непосредственно из языка-источника или через язык-посредник (персидский / таджикский язык для памирских языков). При письменном источнике заимствования написание максимально приближено к арабскому исходному слову. При этом именно книжные заимствования, отличаются более умеренным преобразованием фо-

¹ Эта огласовка представляет собой на письме двоякий значок кратких гласных – «танвин», так называемое танвинное окончание, и служит одним из средств выражения неопределенности арабского имени.

нетики иноязычных слов, нежели устные. При устном пути заимствования в области звукопереходов, в частности в области вокализма, наблюдаются более значительные расхождения. В иранских языках, в частности в разговорном таджикском языке и в его диалектах, как правило, не допускается стечение двух согласных в исходе слова и для удобства произношения в устной речи вводится дополнительный редуцированный гласный.

Одним из способов освоения арабизмов в южных таджикских диалектах служит эпентеза, введение в основу слова редуцированных гласных для удобства произношения: *ақ(ъ)л*, *ас(ъ)р*, *фасъл*, *фък/гър*, *нақъл*, *қад(ъ)р*, *садир* и т.п. (примеры см. в приложении в колонке СЮГТЯ). В единичных случаях освоение арабизмов этой группы в таджикских каратегинских говорах происходит посредством наращенного гласного в конце слова: т.-кул. (Шк., Вк.) *адл*, т.-кар. (Вд., Ках., Хич.) *ádle/и*, т.-кар. (Вд., Нд., Нз.) *қáрзи* [СЮГТЯ], достаточно часто встречаются примеры такого рода в бадахшанских говорах и диалектах: т.-бад. *ádli*, *qáqli*, *sábri*, *súlh/li*. Сходное освоение арабизмов отмечается и в татарском языке, где, «чтобы слова не заканчивались на два согласных между вторым и третьим звуками арабского корня, добавляются гласные [э] или [ы] ([*d'ikrun*] – *зикер*, [*qašdun*] – *касид*, [*lahdun*] – *лхем*)» [Федорова 2003, с. 12].

Знаменательно, что при освоении арабизмов носителями таджикских диалектов наблюдаются по сути те же явления, что и в ряде тюркских языков. См., например, в татарском языке: *ақыл* ‘разум’, ар. *ақл*, *золым* ‘зло’, ар. *зульм*, *исем* ‘имя’, ар. *исм*, *милек* ‘имущество’, ар. *мулк*, *нәшер* ‘издание’, ар. *нашр*, *сихер* ‘волшебство, колдовство’, ар. *сихр*, *хәмер* ‘вино’, ар. *хамр*, *фигьль*, ар. *фиьль* ‘глагол, деяние’, ар. *кадер*, ар. *кадр* ‘достоинство’, *шэгьль*, ар. *шугль* ‘профессия’; *хәреф* ‘буква, шрифт’, ар. *харф* ‘буква’, *вахши*, ар. *вахш* ‘зверь, чудовище’, а также с наращенными в анлауте: *гомер* ‘жизнь’, ар. *гумр*, *гошер* ‘десятая часть’, ар. *ушр* и др. [Ниран 2013].

Как замечает Э.Н. Федорова, комментируя запись на слух татарского языка его носителем: «В арабских словах с начальным [р] всегда ощущаются протетические звуки, которые в литературном языке орфографическими нормами не закреплены в письме. Однако Н. Исанбет записал эти слова как слышал: *Къши эрхмһт чанага, кһй эрхмһт арбага* (2197)» [Федорова 2003, с. 13]. При записи на слух, по акустическому восприятию носителя, наблюдается тенденция максимально адаптировать звучание чужого слова к произносительным нормам родного языка.

Памирские языки

Позднее из таджикского (персидского) лексика арабского происхождения проникла и в памирские языки. Как зафиксировано в словарях середины прошлого века, язгулямский, ваханский и ишкашимский с сангличским языки (к этой же группе примыкает и сарыкольский язык, входящий в шугнано-рушанскую группу) принимают данную лексику без изменений¹, в ходе адаптации данной группы следуя образцам персидского / таджикского литературного языка, а в ряде случаев таджикских диалектов, см. последнюю колонку в приложении. К тому же такого рода лексика употребляется в памирских языках, как правило, в виде устойчивых словосочетаний и концептуальных терминов, заимствованных из таджикского (персидского), например: ишк. *aq(q)/k* (Зарубин: *haq*) в сочетаниях: *dar-ak-i*, *ba-aqq-i* 'для, ради', *aq-i alol* 'дозволенный', *перен.* 'стоит чего-то': *awi aq-i alol ast* *перен.* 'он стоит того'; *arz* 'жалоба'; *awz* 'водоём'; *ayb* 'вина, проступок'; *barq* 'электричество', сангл. 'lightning / молния'; *namozi asr* 'молитва перед заходом солнца'; *nasl* 'последующее поколение' и т.п. [Пахалина 1959]; язг. *aq(q)*: *ba áqi mazer* 'клянусь мазаром' (формула клятвы), *dar áq(q)i* 'из-за'; *aql* '(раз)ум'; *ayb* 'грех' [Эдельман 1971]; вах. *aq(q)* 'право; вознаграждение', *áqi xádorg* 'плата за пользование мельницей'; *aql* 'разум'; *naql* 'рассказ'; *naq/qd* 'наличные деньги' [Грюнберг & Стеблин-Каменский 1976]. Как показывают примеры, эти устойчивые словосочетания вошли в памирские языки из таджикского в застывшем виде, нередко включая изафет. Арабские заимствования в таджикском языке и его диалектах принимают ударение в соответствии с нормами акцентуации таджикского языка, то есть ударение падает на последний в слове слог¹; изафет же, примыкающий к определяемому слову, является безударным элементом именных словосочетаний и на письме не отделяется. Этому правилу в памирских языках следуют и арабизмы, выполняющие в языке функции предлогов, наречий, модально-ввод-

¹ Запись лексики проводилась на основе транскрипции, при этом заимствования из таджикского языка (в частности арабизмы) фиксировались с опорой на правила, принятые для таджикского слова, хотя и с приближением к произносительным нормам конкретного языка.

¹ Фразовое ударение играет в большинстве восточноиранских языков большую роль, так как ударение в отдельном слове относительно слабое. Для структуры слова и слога в памирских языках не характерны группы из двух (и более) согласных фонем для исхода слова (см., например, [Юсуфбеков 2000]).

ных слов, например: ишк. *dar-ák-i*, *ba-áqq-i* 'для, ради' [Пахалина 1959]; язг. *ba áqi* предлог в формулах клятвы, *dar áq(q)i* 'из-за' [Эдельман 1971]; ш.-руш. предлога *qad-qádi* 'вдоль', *ýáyr(i)* 'кроме, вверх; исключительно', *misli* 'подобно'; ш. *ásli* 'настоящий, похожий', *áslan* 'совсем (не), никогда'; *dar áqi* изафетный предлог 'для, ради, из-за', *ba áqi xu pid arwo* 'ради памяти своего отца...', *dar táyi* 'на место' [ШРС].

Шугнано-рушанская группа языков

Освоение этой группы арабизмов в языках всей шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского) отходит от сложившихся в целом моделей адаптации арабизмов в таджикском литературном языке и таджикских диалектах, а также в прочих памирских языках, не входящих в шугнано-рушанскую группу.

Фонетическое и морфонологическое освоение арабизмов

Материал лексики, зафиксированной в «Шугнанских текстах и словаре» И.И. Зарубина [1960] и «Шугнанско-русском словаре» Д. Карамшоева [1988-1999], демонстрирует, что в шугнанском языке арабские заимствования с конечным сонорным согласным sporadически наращивают добавочный гласный, генерируя в конце слова дополнительный безударный слог.

В таких словах, представляющих собой однолексемные единицы, в шугнано-рушанской группе языков после указанных согласных появляется наращение – дополнительный безударный гласный [i, e, ε], образующий самостоятельный слог. Несмотря на то, что этот гласный отождествляется в литературе с фонемой /i/, как гласный безударного слога он по качеству обычно ближе к нейтральному («шва»). Д.И. Эдельман объясняет это явление синтагматикой сонорных согласных, выдвигая предположение, что «сонорные r и l выступали в этой позиции как слоговые с пиком слога в исходе (типа rə, lə), что в дальнейшем повлекло за собой фонологизацию -i как слогообразующего элемента» [Эдельман 1986, с. 68]. На это явление могла повлиять тенденция к «анлаутной интенсивности, которая служит пограничным сигналом и тем самым способом организации слова и средством членения речевого потока на слова» [Эдельман 2002, с. 62]. Можно предполагать также, что такому освоению, помимо собственных фонетико-фонологических особенностей языков шугнано-рушанской группы, способствовали и особенности графического представления арабского имени в неопределенной форме в арабском языке.

На современном этапе развития независимо от того, в результате каких исторических процессов в языках шугнано-рушанской группы появились слова такого рода, возникает вопрос: представляет ли данный показатель собой сугубо фонетическое (просодическое) явление, порожденное удобством произношения, и связан с фонетической реализацией арабизмов в языках шугнано-рушанской группы. Или этот феномен является морфонологическим явлением и может быть отнесен к категории служебных морфем, словообразовательных аффиксов, применяемой в словообразовательных целях.

В этой группе словоформ в языках шугнано-рушанской группы исходная основа на стечение консонантов в морфе с исходом на *-r*, *-l* подвергается преобразованиям (см. [Эдельман 1986, с. 202-203]). Попытки морфонологического членения словоформ (отдельных слов во всей системе их значений и форм) данной группы, в которой исходная основа на стечение консонантов подвергается преобразованиям, показывает, что в синхронном плане наблюдается морфонологическое чередование основ: чистой основы / основы с наращением (*adl / adli*) (для устранения консонантных комплексов в исходе слова).

Исходя из сопоставления с таджикским языком, языком-донором, исходной основой («идеальной звуковой единицей языка») можно считать чистую основу (*adl*), представленную в этом языке, однако в языках шугнано-рушанской группы XX века за исходную основу следует принять основу с наращением (*adli*). В последние десятилетия в произносительных нормах и в сознании говорящих на языках этой группы наблюдается обратный сдвиг к чистой основе (*adli* → *adl*), что подтверждается частотностью употребления словоформ последнего типа. Однако в устойчивых сочетаниях, производных словах, композитах и сложных глаголах основы с наращением оказались закреплены и выступают как основные безальтернативные основы. Таким образом, в настоящий момент наращение *-i* не может быть признано словообразующим элементом в автономных словах, но, как кажется, может выступать в качестве такового в составе устойчивых сочетаний (ш.-руш. *walo-áwli* ... 'спокойствие; восклицание в момент опасности'), производных словах (ш. *umribod* 'навек'), композитах (ш. *sabri-čid* 'терпение, выдержка', х. *sulce dust* 'друзья мира', б. *zā(h)r-xandā* 'горький смех') и сложными глаголами (ш. *sulli dēdow* 'заключать мир'). Однако в некоторых случаях чередования основ наблюдаются и в производных: ш. *sullihō / sulhō* 'сторонник мира', *sullihoyi / sulhoyi* 'миролюбие', *uzr(i)nok* 'уважительный', и в композитах: *sullinūmā / sulnūmā* 'миролюбие', *sullidūst / sulhidūst*

'мирный', и в сложных глаголах: руш. *fikr(i) čīgōw* 'думать'. Представляется, что вариативность словоформ в речи связана с тем, что памирские языки не имеют официальной письменности и письменные тексты представляют собой запись устной спонтанной речи, а также с социальным контекстом и прагматическими установками говорящего (в силу отсутствия письменных норм). В этой связи варьирование просодических показателей связано с гендерными, социальными и возрастными характеристиками информантов. Кроме того, с повышением уровня владения таджикским языком композиты типа *sadrimajlis* 'глава собрания' начинают осознаваться как словосочетания с изафетной конструкцией: *sadr-i majlis*.

Лексико-семантическая характеристика арабских заимствований

Заимствование арабской лексики памирскими языками сопровождается также ее освоением и в области семантики. Большая часть арабских слов сохраняет свою семантическую структуру, хотя и не передает всех значений, присущих исходным арабским словам. Базовое значение лексики, принадлежащей этой группе во всех рассматриваемых нами языках региона более или менее близко соответствует формам литературного таджикского языка, лишь иногда наблюдается развитие (сужение, расширение, уточнение) значений.

Старые арабские заимствования, вошедшие в состав языков шугнано-рушанской группы (за исключением сарыкольского), могут использоваться в речи автономно или в составе устойчивых оборотов и сложными глаголами. В некоторых случаях они были архаизованы и с изменением культурно-исторических парадигм современной эпохи оказались на периферии словарного состава языка. Этот более «древний» пласт так называемых устных заимствований, как правило, подвергся большей ассимиляции в фонетической системе языка. Эти элементы прошли этапы морфонологического и семантического освоения, и подверглись процессу обработки, изменив в результате не только фонетический облик, но, в ряде случаев, и значение.

В последние десятилетия значительный по объему пласт слов переместился с периферии лексического состава в его ядро. Однако, кроме прямых значений, данные «возвращенные» лексемы получили «погружение в жизнь» (термин Н.Д. Аругюновой), отсюда реализация в них дополнительных коннотаций. В ряде случаев объем их семантики на современном этапе актуализировался, стал более специализированным, например, ш.-руш. *dawr(i)* 'время, эпоха, период', *fasl(i)* 'сезон' и др.

Ряд заимствований, войдя в общепамирский словарь, потерял свое первоначальное значение и приобрел новую семантику. В силу изменения культурно-исторических парадигм современной эпохи в языках активизировался значительный по объему пласт слов, которые были в прошлом веке перемещены на периферию словарного состава языка, но в последние десятилетия вновь передвинулись с периферии языка в ядро его лексической системы. Здесь, в частности можно привести такие примеры, ставшие актуальными в силу экстралингвистических причин: ш. *qār3i* ‘долг’ – *qār3i būm ċīdow* ‘брать в долг’, *qār3 zēxtow* ‘брать в долг’ (ШРС 1999, с. 506-507), *sulli* ‘мир’ – *sulli dēdow* ‘мирить’ и *sulli ċīdow* ‘заключать мир’ (ШРС 1991, с. 603), *dawr(i)* ‘круг, эпоха’ – *dawr(i) dēdow* ‘кружить’ (ШРС 1988, с. 413).

В шугнано-рушанской группе имеется ряд фонетических вариантов арабских заимствований, различающихся между собой по значению. Основная часть лексики сохраняет непосредственное исходное значение арабской / таджикской лексемы, другая – развивает его, получая новые оттенки значений, или приобретает переносное значение.

Приведем примеры форм, восходящих к арабскому *ḥawl^m* ‘сила, могущество’ и ‘перемена, изменение, переход из одного состояния в другое’. Для первого значения, то же что т. *ḥawl* ‘сила, могущество; давление’, примером может служить самостоятельный композит *walo-āwli* ... ‘спокойствие; восклицание в момент опасности’, букв. «нет силы...», или устойчивое шугнано-рушанское выражение *ala awli ċīdow* ‘терпеть’. Это выражение в шугнано-рушанской группе языков, как и в таджикском языке, связано с арабской формулой *la ḥawl^m wa la quwwat^m ila billahi al ‘azim* букв. ‘нет силы и нет могущества, кроме как у Аллаха Великого’ и употребляется в значении «положись на Бога, наберись терпения». В языках шугнано-рушанской группы в затруднительной ситуации носители произносят: *allo āwli ki* букв. почти изречение ‘нет силы ...’, то есть «положись на Бога». Помимо этого, в шугнанском языке известно выражение: *walo āwli walo quwat xēydow* букв. ‘читать (изречение) «нет силы и нет могущества...»’, то есть призыв к терпению, а также оборот с переносным значением *walo āwli walo quwat kinet* с призывом к терпению [Давлатмирова 2004а, с. 35-36, 48; 2015, с. 121-122].

Для второго значения в «Шугнанско-русском словаре» находим предикатив *awli viroyđ* ‘уменьшается, опадает, смягчается (о тепле и холоде), теплеет; остывает’; прош. вр. *awli viruxt, awli nūst*. Примеры на его употребление: ш. *biyor vegaki-ra garmi-nd wi awli nūst* ‘вчера

к вечеру жара спала’; б. *mi awli viruxt, šiĉ-ta ida gārm sūd* ‘мороз уменьшился, теперь-то уж станет тепло’; ш. *ar mi xu ċīd-um yoc dod xu, mi awli nūst* ‘я у себя в доме развел огонь, и потеплело’; баджу *lap gārm xāc! lak dim awli viroyđ* ‘очень горячая вода! Пусть остынет’. Та же лексема употребляется в баджувском в составе предикатива *as xu awli xāvdow* ‘утихомириваться, успокаиваться; смягчаться, остывать, спадать (о возбуждении)’; баджу *wi yidā-m kud dōd-at, yu as awli xāvd* ‘я поругал того мальчика, и он присмирел’ (ШРС 1988, с. 46).

Другим примером может служить ш. *sabr(i)* 1) ‘терпение, выдержка’; ш. *sabri-yen se qism lūvj* ‘терпение, говорят, из трех частей’; *sabr-at toy/qat* ‘терпение’; *sabri ċīdow* ‘терпеть, выносить’; ш. *sabri ki, yu-ta xubaθ yodđ* ‘потерпи, он сам придет’; 2) ‘пример; урок’; ш. *puxtā vo xu nuxtā ca zēzd, sabri fuk-rē-θ* ‘когда скромный провинится – это урок для всех’; б. *pi tu ca lūm, yid wi-rd mis sabri* ‘когда упрекаю тебя, это и ему будет уроком’ (ШРС 1991, с. 518), ср. также *sabri-ċīd* м. ‘терпение, выдержка’; ш. *sabri-ċīd-ta ar-ċi-rd-aθ mu asar na-sūd* ‘выдержка не всякому дается’ (ШРС 1991, с. 518) или ш. *sábr(i) ki, tu ċīri, tu sirri māš ma-k* ‘потерпи, что ты делаешь, не пугай нас’ (ШРС 1991, с. 579).

Еще одним примером может послужить ш.-руш. *nazri* ‘обет, обещание, жертва, жертвоприношение (по обету)’, а также употребление данной лексемы в составе сложного шугнанского глагола *nazri ċīdow* ‘приносить в жертву (по обету)’ или в составе устойчивого сочетания: ш. *nazri xu jūn viyi* (формула клятвы) ‘ради жизни своей’ (ШРС 1991, с. 603) или сарыкольское *narzyullo* ‘кутья’ [Пахалина 1966].

Примерами расхождения значений могут служить также следующие примеры: р. *jawr(i)* ‘нужда’ – *jawri ċīgōw* ‘угнетать’; ш. *qāb(a)r* ‘могила; место’ – *yī qāb(a)r-and* ‘где-нибудь’, *tar qābaren* ‘паршивый, негодник’, *as xu dod qāb(a)r* ‘с того света’ (ШРС 1999, с. 503); *zā(h)r* ‘яд; кислый; соленый’ – *zār-at mor* ‘невыносимый’, *zāri aloal* ‘ледяной, очень холодный’ (ШРС 1988, с. 544); *amr(i)* ‘приказ, повеление’ – *amri sut* ‘дано свыше’ (ШРС 1988, с. 91) или пара *qār3* ‘долг, заем, ссуда’ – *qar3i* ‘долг, нечто подлежащее отдаче’ и *qar3i zēxtow* ‘мстить’: из фольклора *yā yīnik xu ċor būnen qar3i-yi as wi zoxt* ‘та женщина отомстила ему за бороду своего мужа’ (ШРС 1999, с. 506–507, 497); *uzr(i), urz* ‘довод, доказательство; причина’ – *uzr(i)nok* ‘уважительный’ (ШРС 1999, с. 123).

Знаменательно, что в современной записи научных шугнанских текстов сохраняется традиционный фонетический облик слова, фиксируемый исследователем-носителем интуитивно, по акустическому ощущению в целях максимального приближения звучания

словоформы к нормам словесно-синтагматического облика фразы родного языка и его ударения, например: 1) *awūn-en daryo-ra az wi taraf-at māš as mi taraf-xu bad-am naqli ċūd* ‘Афганцы с той стороны реки, а мы на этой стороне реки Пянджа и беседовали друг с другом’; 2) *māšam qad-qadi kučā sayli ċūd* ‘Мы бродили вдоль улицы’; 3) *bađi mađor-zoxt-ta doim-aθ sayli kinum* ‘После обеда я всегда прогуливаюсь’ [Мамадасламов 2017а, с. 14-15]; 4) *az sār to vegā-yec sayli ċūd* ‘Гулять с утра до вечера’ [Мамадасламов 2017б, с. 105]; 5) *vega-jēv-ta xu kud tar sayl yos-um* ‘Вечером я (всегда) выгуливаю свою собаку’ [Мамадасламов 2017а, с. 15]. При всем том одна и та же лексема предстает в двух вариантах, ср., с одной стороны, примеры 2, 3, 4, с другой, – 5, что подтверждает положение о позиционном чередовании словоформ в зависимости от устоявшихся норм их употребления, в частности в устойчивых словосочетаниях и в составе сложноименных глаголов и др.

С конца XX века и особенно в последние годы наблюдается процесс активизации так называемых «возвращенных» арабизмов, вытесненных в свое время из словарного состава языка. При этом относительно «новые» арабизмы, входящие в основ-ном через письменные источники, претерпевают лишь частичную ассимиляцию, как в фонетическом, так и в семантическом аспектах. В результате обращения в последнее время в литературных языках региона к книжным заимствованиям установилась традиция как можно более точно воспроизводить иноязычные звуковые комплексы, а все большее освоение таджикского и арабского языков носителями языков шугнано-рушанской группы послужило тому, что все шире используются полные эквиваленты таджикских лексем: ш.-руш. ‘*aql* ‘разум’, ‘*nazm* ‘поэзия’, ‘*uzr* ‘извинение’, ‘*asr-i nū/ūzdā* ‘XIX век’ (ср. *asri nūnzā* [РХТС]) и др.

Заключение

Итак, освоение заимствованных арабских слов способствовало возникновению фонетических вариантов заимствований и позднее послужило сложению новых лексико-семантических единиц и развитию в шугнано-рушанской группе языков новых устойчивых сочетаний и сложносоставных глаголов. Заимствование иноязычных слов и подчинение их своим фонетическим и грамматическим законам свидетельствует о силе, богатстве и способности языка к развитию, которое идет по свойственным ему внутренним законам, даже при включении иноязычной лексики.

Таким образом, можно утверждать, что рассматриваемые процессы адаптации арабизмов являются внутрисистемными. Среди них

можно выделить устойчивые модели – ранние арабизмы с наращением *-i* в исходе слова и сохранением этой модели также и в формах на основе этой модели; и неустойчивые, – допускающие варианты в произношении. Кроме того, в памирских языках заметен сдвиг в новую модель произношения, ориентированного на литературный таджикский язык, и сложения на этой основе (без наращения). Данный вывод касается лишь отдельных лексем, употребляющихся автономно. В устойчивых словосочетаниях и сложных глаголах на настоящем этапе развития произношение закреплено традицией и не меняется. Этот процесс послужил расхождению не только в фонетическом оформлении одного и того же слова при независимом его употреблении и в словосочетании, но и в его синтагматическом и лексико-семантическом аспектах оформления этих единиц.

Сокращения

ар. – арабский	т.-кар. – каратегинский диалект таджикского языка
б. – бартангский	т.-кул. – кулябский диалект таджикского языка
вах. – ваханский	ш. – шугнанский
ишк. – ишкашимский	ш.-руш. – шугнано-рушанская группа языков
р(уш). – рушанский язык	ягн. – ягнобский язык
с(ар). – сарыкольский язык	язг. – язгулямский язык
сангл. – сангличский язык	
т. – таджикский	
т.-бад. – бадахшанский диалект таджикского языка	

Источники

5. БАРС – Большой арабско-русский словарь.
6. ВЯ – Пахалина Т.Н. Ваханский язык. М., 1975
7. ИЯ – Пахалина Т.Н. Ишкашимский язык. М., 1959.
8. РХТС – Соколова В.С. Рушанские и хуфские тексты и словарь. М.: Л. 1959
9. СРС – Пахалина Т.Н. Сарыкольско-русский словарь. М., 1966.
10. СЮГТЯ – Словарь южных говоров таджикского языка. Дониш, 2012.
11. ТРС – Таджикско-русский словарь. Душанбе, 2006.
12. ФЗТ – Фарханги забони тоҷикӣ (Словарь таджикского языка). М, 1969.

13. ШРС – Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь. М., 1988, 1991, 1999.
14. ШТС – Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М.; Л., 1960.
15. ЯРС – Язгулямско-русский словарь. М., 1971.

Литература

1. Амонова Ф.Р. *Именное аффиксальное словообразование в современном таджикском языке (в сопоставлении с персидским)*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Душанбе, 1979.
2. Белкин 1980 – Белкин В.М. *Формирование словарного состава современного арабского литературного языка*. Автореферат докторской диссертации. М., 1980
3. Бердыева 1968а – Бердыева Т. *Лексико-грамматические элементы арабского языка в таджикском*. Душанбе, 1968.
4. Бердыева 1968б – Бердыева Т. Об арабских заимствованиях в таджикском языке // *Сборник аспирантских работ*. Вып. 6. Душанбе, 1968.
5. Бердыева Т. *Тенденции развития лексики таджикского языка советского периода*. Душанбе: Дониш, 1982.
6. Большой арабско-русский словарь с транскрипциями: <http://bars.org.ru>
7. Грюнберг А.Л. & Стеблин-Каменский И.М. *Ваханский язык*. М., 1976.
8. Давлатмирова 2004а – Давлатмирова М.Б. *Арабские заимствования в памирских языках*. Душанбе, 2004.
9. Давлатмирова 2004б – Давлатмирова М.Б. *Особенности арабских заимствованных слов в языках шугнано-рушанской группы в сравнительно-сопоставительном освещении*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Душанбе, 2004.
10. Давлатмирова М.Б. «Терпение» как основной компонент макроконцепта «судьба» в таджикской, памирской и арабской лингвокультурах // *Казанская наука. Филологические науки*. Казань, 2015. №6. С. 121-123.
11. Додыхудоева Л.Р. *Лексика арабского происхождения: семантический аспект (по материалам памирских и таджикского языков) // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2013. Два выдающихся востоковеда: К 90-летию со дня рождения И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика. Труды научной конференции, ИВ РАН 20 ноября 2013 г. / Отв. ред. З.М. Шаляпина, сост., ред. А.С. Панина / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014. С. 87-106.*

12. Додыхудоева Л.Р. К одной модели арабских заимствований в шугнано-рушанской группе языков и таджикских диалектах: сравнительно-сопоставительный аспект // *Материалы международной конференции «Актуальные проблемы сопоставительно-типологического исследования языков и современные методы обучения иностранным языкам» (Душанбе, 14 апреля 2018 г.) посвящённая 70-летию профессора Абдусалома Мамадназарова*. Душанбе: ТНУ, 2018. С. 55-60.
13. Елизаренкова Т.Я. *Слова и вещи в Ригведе*. М.: Вост. Лит., 1999. 240 с.
14. Зарубин И.И. *Орошорские тексты и словарь. Тр. Памирской экспедиции 1928. Вып. VI. Лингвистика*. Л., 1930.
15. Зарубин И.И. *Бартанские и рушанские тексты и словарь*. М; Л.; 1937.
16. Зарубин И.И. *Шугнанские тексты и словарь*. М; Л., 1960.
17. Карамхудоев Н. *Бартанский язык (фонетика, морфология)*. Душанбе, 1973.
18. Карамшоев Д.К. *Шугнанско-русский словарь*. М.: Издат. Восточная Литература РАН. Том 1. 1988; Том 2. 1991; Том 3. 1999.
19. Карамшоев Д. О специфике заимствованных слов в памирских языках (на материале шугнанского языка) // *Памирские языки и фольклор*. Вып 1. Душанбе, 1972. С. 83-97.
20. Мамадасламов 2017а – Мамадасламов М.С. Выражение пространственно-временных отношений предложениями и послелогом в разносистемных языках (шугнанский и немецкий языки) // *Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук*. 2017а. 4/4. С. 13-16.
21. Мамадасламов 2017б – Мамадасламов М.С. Темпоральные предлоги в шугнанском и немецком языках в сопоставительном освещении // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук*. 2017б. Т. 72. № 3. С. 100-107.
22. Ниран Марк. *Похожие слова в татарском и арабском языках [электронный ресурс]*. URL <https://axaz.org/safot/14-sootvetstviya/300-tatar-arab.html>, дата обращения: 08.05.2013.
23. Пахалина Т.Н. *Ишкашимский язык*. М., 1959.
24. Пахалина Т.Н. *Сарыкольский язык*. (Исследование и материалы). М., 1966.
25. Пахалина Т.Н. *Ваханский язык*. М., 1975.

26. Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка // *Таджикско-русский словарь* / Отв. ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954.
27. Розенфельд А.З. *Таджикско-русский диалектный словарь (юго-восточный Таджикистан)*. Л., 1982
28. Рубинчик Ю.А. О характере фонетических изменений арабских заимствований в персидском языке // *Семитские языки. Выпуск 2. (ч. 2). Материалы первой конференции по семитским языкам 26–28 октября 1964 г.* / Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука, 1965. С. 586–597.
29. Рубинчик Ю.А. Структурные типы арабских заимствований в персидском словообразовании // *Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященных 70-летию чл.-корреспондента РАН В.М. Солнцева*. М., 1999.
30. Рубинчик Ю.А. Лексико-грамматическая структура персидского слова // *Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. Сборник статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам*. М., 2001. С. 139–147.
31. Рубинчик Ю.А. Персидский язык и его роль в освещении религиозно-политических терминов мусульманского мира // *Тридцать лет исламской революции в Иране. Сборник статей*. Отв. ред. А.С. Федорова. М., 2009.
32. Рустамов Ш. *Имя существительное в современном таджикском литературном языке*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Душанбе, 1972.
33. Рустамов Ш. *Исм*. Душанбе: Дониш, 1981.
34. *Словарь южных говоров таджикского языка (Фарҳанги ғўишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ)*. Сост. М.Махмудов, Г.Джураев, Б.Бердыев. Д.: Дониш, 2012.
35. Соколова В.С. *Рушанские и хуфские тексты и словарь*. М; Л., 1959. 336с.
36. *Таджикско-русский словарь*. / Под ред. Д.Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова. Душанбе, 2006.
37. Федорова Э.Н. *Арабские и персидские заимствования в татарских народных пословицах (по трехтомному сборнику Н. Исанбета “Татар халык мѣкальлѣре” («Татарские народные пословицы»))*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Казань, 2003.
38. Хоркашев С.Р. Суффиксальное словообразование существительных в юго-восточных говорах таджикского языка. Дис. ... кандидата филологических наук. Душанбе, 1996.
39. Эдельман Д.И. *Язгулямско-русский словарь*. М., 1971.
40. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
41. Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М.: Восточная литература, 2002.
42. Юсуфбеков Ш. П. Сангличский язык. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. М., 2000.

Таблица. Арабизмы, зафиксированные в словарях таджикского и памирских языков

ТРС	Перевод	СЮГТЯ	Таджикский перевод	ШРС	Перевод	РХТС	БРТС	СРС	ИЯ, ВЯ, ЯРС
адл	справедливость, правосудие	адл, т.-кар. (Вд., Ках., Хич.) адле/и	рост	adli	справедливость, правосудие	-	-	adlawoz 'справедливый'	adl
акл	разум, интеллект	ак(ъ)л	акл, фахм	aqli	разум, интеллект	aq(i), aq(i) dōw 'содоточиваться'	-	aqi	aqi
боакл	умный	-		baaq(i)	умный	aqidōr	-	-	язг. aqi 'умный'
беакл	глупый	-		biaq(i)	глупый	biaqi	biaq(i), p. kunt-aqi 'тупой'	-	biaqi 'глупый'
амр	приказ; указ; предписание, распоряжение, команда	т.-кар. Ках. амър		amri sut	приказ, повеление; дано свыше	amri: ba amri хибӯ 'повелению бога'	-	amr	амр при-каз: ba amri хибӯ/бу 'по велению бо-га'

462

аср	сумерки, вечер; век	ас(ъ)р, Ҷаср	нимгориқӣ, вақти гов-гум	asr(i)	век; су-мерки	asr: asri nūnzda '19 век'	-	-	asr: namozi asr
атр	духи	атър атьръгъл	атр вид розы	atri	духи	atr 'аромат'	-	atr	язг. atr
давр	время, эпоха, период	-		dawr(i)	время, эпоха, кружение	dawr(i)	dawr(i)	-	dawr
фасл	раздел, отрезок времени, сезон	фасъл	фосила, муддат	fasli	сезон	fasl	fasli	-	fasl, язг. fasl
фахр	гордость; слава; почёт; честь	т.-кар. Ках. тафахър	ифтихор	fahri	гордость; слава; почёт; честь	-	-	-	-
фирр	мысль, размышление	фирр, фъкъгър	фирр	fikri	мысль, размышление	fikr(i)	fikri,	fikr	fikr, язг. fikr
ғайр	другой, иной, чужой	-		ғаур(i)	помимо	-	-	-	-
хазл	шутка, остро-та	аз(ъ)л	хазл	azli	шутка, острога	-	-	-	-
хукм	приговор, приказ	-		ukm	приказ	-	-	-	-
ба хукми	по причине...	-		ukmi	в прину-дитель-ном по-рядке	-	-	-	-

463

чаб/вр	притеснение, несправедливость, обида	чаб/вр гу/ъфтан	доду фигон кардан, нола кардан	јаџги	притеснение	јаџг(і) 'нужда', јаџг(і) с'гџџ 'угнетать'	-	је/аџг	јаџг 'нужда'
кабр	могила; гробница	кав/вр	кабр, г'ур	қаб(а)г	могила; гробница	қабр(і), қабр, қабри с'гџџ 'хоронить'	қабр, қабри, қабр	қабристон 'кладбище'	қабр, сангл. id
кадр	стоимость, цена; достоинство; мера; величина; степень; гнев	кад(ъ)р	кадр, обр'у, эъгибор	қадгі	цена, ценность; достоинство	қадгі 'в какой-то мере'	-	-	-
кадр	гнев	-		қаг	гнев	-	-	-	қа(һ)г, сангл. қа(һ)г, язг. қаг
каср	дворец, замок	-		қасгі	дворец, замок	-	-	-	-
катл	убийство; казнь	катл, т.-бад. қаді		қад/ті	убийство; казнь	-	-	қатл	-
қавл	слово, речь	қавл, бадқавли	бадқавлі	қавл	слово, речь	-	-	қе/авл	-
қавм	род; племя; клан; родственники,	қавм	насл, кавм; кабила; сулола	қавмі	род; племя; клан; родствен-	қавм: хіх-қавп 'родня'	-	-	қавм, язг. қавп/п

	родня; на-родность				ники, родня; народ-ность				'нарочно; пона-рошку'
қисм	часть	-		қисм	вид	-	-	қисм	-
макр	хитрость, коварство	макр, макрийот	макр, хила	макгі	хитрость	-	-	мактызан 'плутовка'	-
майл	склонность, желание	майл: кашидан	иғво андох тан, баран гехтан	маілі	желание	-	-	меуілі	-
накл	рассказ, повествование	накъл	накл, ривоят, хикоят	пақлі	рассказ, повествование	пақ(і): пақлі с'гџџ 'рассказы-вать'	пақ(і)	пақл	пақл, пақл (кълік) рассказывать, язг. пақл
нашр	издание, опубликование,	-		пағгі	издание, опубликование	-	-	-	-
насл	(следующее) поко ление, потомство	бенъсъл	бенасл	пас(і)	поколение, род	-	-	-	пасл
назм	поэзия	-		пазм	поэзия	-	-	-	-
назр	обет, клятва; приношение, дар; пожертвование	назр, нарз	арх. назр, пешкаш	пазгі	обет, клятва; приношение, дар; жертвование	-	-	пазғылло кутъя	-

сабр	терпение, выдержка	-		сabr(i)	вованисе, терпение, выдержка, урок	-	-	-	-	sabr
садр	глава; предсатель; почётное место	садир	як лахзаи ичрой тао-мули динист, ки дар рӯзи сеюми фавти мархум (шодравон) ба чо оварда мешавад; садир задан, ба сина зада нола кардану доду фарёд бардошта-ни назди-кони мархум	sadrī: sadrīma jlis	глава глава собрания	-	-	-	-	-
сайр/л	гулянье прогулка	сайл	сайл/р, тамошо	saili	прогулка	sail	say(i)	-	-	sayl
сулх	мир; прими-	салох	сулх; некий	sul(li),	мир; при-	p. sul(h), x.	-	-	-	-

ренис; перемирие				sulhi/ё, sulli dêdow, sulli ç.	мирение мирить, заключать мир	sulæ: sulæ dūst 'друзья мира'				
табл	барабан			tabli	барабан					
умр	жизнь	умр		umri	жизнь, возраст	umr 'век'	-	û/ыmг	û/ыmг	u/ыmг
ушр	одна десятая часть	уш(ъ)р	ушр, закот	ušr	одна де- сятая часть	wušir	-	-	-	-
узр	извинение; оправдание; довод; доказательства	-		uzr(i), uzr	извинение; оп- равдание; довод	uzr	-	uzur	uzr	uzr
хайр	хороший	-		хайr(i)	добро, подавание	-	-	-	-	-
захр	яд, отравы; злоба; яд; желчь	захр		zār: zāri aloal 'холод- ный, ледя- ной'	яд	-	zā(h)r 'го- речь', zā(h)r- xanda 'горь- кий смех'	zā(a)r	-	-

Ф.А. Исаева
ТНУ (Душанбе)

К вопросу о словах персидского происхождения, представленных в произведениях ал-Джахиза и памятниках арабской народной литературы, но не вошедших в общий лексический фонд арабского языка

Как известно, арабский язык является самым богатым по иноязычным элементам семитским языком [Крачковский 1955, Т.1. с.350-359]. Еще в доисламский период в нем насчитывалось значительное количество иноязычных слов (персидских, арамейских, греческих) [Jirjī Zaydān 1980].

Арабские лингвисты проявляли большой интерес к иноязычным заимствованиям и, классифицируя арабскую лексику, «неизменно выделяли в ней наряду с арабскими по происхождению словами класс «арабизованных» т.е. заимствованных слов» [Белкин 1975, с.104]. Составлялись словари заимствованных слов, приводились критерии определения заимствований, высказывались мнения относительно происхождения того или иного заимствованного слова, изучались, насколько это было возможно, языки, из которых они пришли. На эту тему много писали. Особого внимания заслуживают работы Ибн Кутайбы (828-889) «Адаб ал-катиб», Ибн Фариса (ум.1004 г.) «ас-Сахиб фи фикх ал-луга», Ибн Дурайда (837-934) «Джамхарат ал-адаб», Ибн Мансура ас-Саъалиби (961-1037) «Фикх ал-луга ва сирр ал-арабийя», Джалал ад-дина ас-Суйути (1445-1505) «ал-Музхир фи улум ал-луга ва анваъиха» [As-Suyūṭī], особенно сочинение Абу Мансура ал-Джавалики (1073-1144) «ал-Муарраб фи-л-калам ал-аъджами» [Al-Jawālīqī]. Иноязычным заимствованиям в Коране посвящены работы А. Джеффри «The foreign vocabulary of the Qur'an» [Jeffery 1938], д-ра Мухаммада Ас-Сайида Али Баласи «ал-Му'арраб фи-л-Кур'ан ал-карим» [‘Alī Balāsī 2001] и др.

Считают, что больше всего слов арабы заимствовали из персидского языка [Jirjī Zaydān 1957, с.44-45]. Первым опытом полного словаря персидских заимствований в арабском языке явился словарь Аддая Шера «Китаб ал-алфаз ал-фарисийя ал-муарраба» [Addī Šīr 1910]. Уже в Коране и стихах доисламских поэтов, таких как ал-Аъша, Имру-л-Кайс, Зухайр, Антара и других, зафиксировано много персидских слов, например: ابريق «кувшин», персидское ابريز; «грех, проступок» персидское گناه. Самым ранним памятником арабского языка, в котором встречается персидское слово, является наба-

тейско-арабская надпись из ан-Немары (328 г. н.э.). Это персидское слово تاج «венец», которое встречается и в муаллаке доисламского поэта Амра ибн Кульсума (ум. 570 г. н.э.) [Белова 1991, с.19-24].

Еще до появления ислама многие арабские слова были замечены неарабскими. Как пишет В.М. Белкин, «многие персидские слова, широко употреблявшиеся до ислама и в начале исламской эпохи, выпали из обращения. Поэты того времени (как дань моде) широко употребляли в своих стихах персидские слова, которые, однако, не закрепились в словаре» [Белкин 1975, с.100-101]. Ал-Джавалики (1073-1144), автор сочинения об иноязычных заимствованиях в арабском языке, писал, что поэты-классики «часто заимствовали как диковинку слово из речи персов для рифмы, но они не использовали это новое слово: они не флектировали его, не образовывали от этого слова производные глаголы, не отбрасывали основное (т.е. родное) слово ради использования этой новинки» [Al-Jawālīqī 1990, с.9].

После появления ислама, в ходе завоевательных войн, арабы вышли за пределы Аравийского полуострова и встретились с народами, стоявшими на различных ступенях цивилизации, наследниками культуры древних народов, и испытали их влияние. В первую очередь они опять оказались под влиянием персов. Если раньше связи арабов с персами были в какой-то степени поверхностными, то теперь они стали более интенсивными. Когда к власти пришли Аббасиды (750), они перенесли столицу халифата в Ирак. Сначала они жили в Куфе, затем в Хашимийе на Тигре халиф Мансур основал город Багдад (762), который впоследствии стал столицей халифата. Аббасиды приблизили персидских вольноотпущенников, особенно жителей Хорасана, и доверили им крупные государственные посты. На востоке халифата в качестве делового языка утвердился персидский язык. В городах Басра и Куфа приток иранских элементов был настолько велик, что в первый век хиджры персидский язык выступает здесь на первый план [Fück 1950, с.7-8]. Басра и Куфа имели сильный приток торговцев и ремесленников, которые вместе с многочисленными военнопленными иранского происхождения вскоре образовали большинство населения. Главным языком общения стал персидский [Fück 1950, с.8]. Известный арабский автор ал-Джахиз (775-868), уделявший внимание различным сторонам языковой жизни, не обошел вниманием и вопроса об арабско-персидском двуязычии, которое имело место в тот период, особенно вопроса о функционировании персидского языка в арабской среде. В своих произведениях, особенно в «Китаб ал-байан ва-т-табийн», он приводит ряд примеров заимствованных персидских слов, которые можно было

наблюдать тогда в диалектах Басры, Багдада, Медины, особенно в диалекте Куфы [Fück 1950, с.9]. Ал-Джахиз пишет, что персидский язык в то время был настолько распространен, что поэты без всякой надобности широко использовали в своих произведениях персидские слова и фразы [Al-Jāhiz 2001, т.1, с.19].

Ал-Джахиз не только писал об употреблении персидских слов, но и сам раньше всех начал использовать их в своих произведениях [Исаева 1997, с.84-91]. По словам иракского ученого Ибрахима ас-Самарраи, в сочинениях ал-Джахиза встречается такое количество персидских слов, что они одни составят особую книгу [As-Sāmarrā'ī 1988, с.15]. Большинство этих слов использовалось только в устном общении и в словари заимствованных слов не попало. Например, в «Китаб ал-хайаван» названия ряда животных даны по-арабски: جوماش «буйвол», شترمرغ «страус». Особенно много персидских слов, которые в словарях арабского языка не зафиксированы, встречается в его «Китаб ал-бухала» (Книга о скупых) [Al-Jāhiz 1978]. Например, слово «Китаб ал-бухала» (Книга о скупых) [Al-Jāhiz 1978]. Например, слово «бунд» «пояс», персидское باربند «тесма, веревка (для упаковки), дорожные ремни». Состоит из слова بار «груз, ноша, поклажа» и слова بند «веревка, шнур, бечевка, пояс, ремень» [Рубинчик 1970], которое является также компонентом сложных слов типа نستيند «браслет». В словарях арабского языка это слово не зафиксировано. Слово جردناج «блюдо из обваренного мяса, зажаренного затем на вертеле; род шашлыка» [Аль-Джахиз 1965, с.261]. Это персидское كردناج «род шашлыка, приготовленного из отваренного в воде мяса, желательного жирного цыпленка, зажаренного затем на вертеле» [Burhāne Qūṭe'] и كردنا «вертел» в современном персидском языке [Farhangi 'amīd]. В словарях арабского языка не зафиксировано. Не упоминается оно и в «Дополнении к арабским словарям» Р. Дози [Dozy 1927]. Возможно, это слово употреблялось только в разговорном языке времени ал-Джахиза. Замена персидского گ арабским ج закономерна [Белкин 1975, с.101]. Часто встречается слово جردنق «джардак, круглый хлеб» (мн.ч. جراتق) с разновидностями جردنقة و جردنقة. Это персидское «круглый хлеб, лепешка» [Рубинчик 1970; Гаффаров 1970]. Слово جودابة является искаженным написанием слова جوداب «род плова из риса, мяса и сахара» [Аль-Джахиз 1965, с.162]. Это слово отсутствует в современных арабских словарях, но оно зафиксировано в словаре ал-Фирузабади [Al-Firuzabadi]. Как объясняет ал-Фирузабади, это персидское كوداب и означает «вид кушанья, приготовляемого из мяса, риса, гороха и ореха с подливкой из уксуса или сиропы. Некоторые говорят, что это кушанье готовят поджариванием и называют его жареный плов. Во втором случае вместо د может стоять ذ». В современном персидском языке это «вид кушанья, при-

готовляемого из мяса и риса с уксусной подливкой» [Farhangi 'amīd]. Р. Дози так объясняет значение этого слова: «вид кушанья, приготовляемого из риса и лепешек, может употребляться с сахаром и без него, с зеленью или без нее. Его помещают в тануре и над ним подвешивают и жарят гуся, козленка или барашка, и капли жира стекают на это кушанье. Подливка обязательна, без нее это не будет «جودابة» [Dozy 1927]. Встречается много других слов, которые в словарях арабского языка отсутствуют [Исаева 1997, с.84-91].

Ал-Джахиз известен в арабской литературе как «имам красноречия». Он заботился о красноречии и правильности речи. В то же самое время он заботился и о сохранении народного языка и его особенностей. Каждый персонаж у него говорит на том языке, на котором он привык говорить в реальной жизни, о чем пишет сам ал-Джахиз [Аль-Джахиз 1965, с.59].

После распада арабского государства арабский язык продолжал оставаться господствующим в государствах, вновь образовавшихся на его месте, и в большинстве из них он был официальным языком, на котором велись переговоры между правителями. Появилось много новых должностей, для их обозначения употреблялись или новые слова, или старым придавалось новое значение. Среди слов, попавших в арабский язык в период т.н. «упадка арабского языка», есть персидские, турецкие, курдские. Персидскими являются следующие слова: ياور «помощник», арабское بندر «пристань», арабское معاون «спасатель»; سوارى «своя»; مرفأ «часть», арабское قطعَة «всадник», арабское باره «часть», арабское سوارى «своя»; فارس. Употреблялись также слова (арабские или заимствованные) с персидскими суффиксами: دار «обладатель», خانه «дом» или словом سر «голова» в начале слова: حڪمدار «начальник полиции», بئرقدار «знаменосец», كئبئخانه «библиотека», شرابخانه «кабак», سرعسكر «главнокомандующий», سردار «военачальник». Слово جوكاندار «тот, кто нес чоуган султана при игре в поло», состоит из слова جوكان / جوكان и суффикса دار. Слово جمادار «тот, кто несет одежду султана» (основа جامدار), مهمندار «тот, кто ведает гостями султана». Слово خزندار «казначей, хранитель казны», персидское دار خزينه. Это то же самое, что خازن, первая часть слова خزنه или خزينه арабская, вторая часть – суффикс دار – показатель принадлежности – персидская.

Кроме персидских слов, которые вошли в общий лексический фонд арабского языка, имеется много слов, которые имели хождение в народной среде, были известны широким народным массам, но не были зафиксированы в словарях арабского языка, подобно тем персидским словам, которые встречаются в произведениях ал-Джахиза.

Эти слова можно встретить в некоторых памятниках арабской литературы, особенно памятниках народной литературы, как сказки «1001 ночи», рыцарские романы «Сират Захир Бейбарс», «Сират Антара» и др., изданных на основе рукописей без литературной обработки. Для данного исследования было использовано издание «1001 ночи» Хахихта-Флейшера, осуществленное в 1825-1837 гг. в Лейпциге (Tausend und Eine Nacht), и рукопись «Сират Захир Бейбарс» 18 в. (Life and history of Salahu-d-deen (Saladin)), хранящаяся в Санкт-Петербургском отделении РАН. Внимание читателей обычно привлекают слова, которые встречаются только в данных памятниках, или употреблены в несколько иной форме, чем в литературном языке, или в другом значении и в словарях арабского языка отсутствуют [Исаева 1987, с.75-79; Исаева 1991, с.44-48]. Например, в сказках «1001 ночи» встречаются такие слова, как بشخانه «полог, сетка от москитов, комаров» [Dozy], ср. перс. پشه «комар, мошка» + خانه «жилище». В Булакском издании «1001 ночи», которое подверглось литературной обработке, в данном рассказе употреблено арабское слово ناموسية «москитная сетка» [Kitab alf Layla]. Слово خرستان «шкаф, буфет», а также «кабинет, маленькая комната», состоит из персидского слова خور «кушанье» и суффикса بستان, который указывает на название места, следовательно, خرستان «шкаф, чулан», т.е. место, где хранят продукты [Dozy]. خوشکاشه «госпожа, домохозяйка». Это персидское слово состоит из двух частей: первая часть слова – видоизменение персидского кошك «дворец, вилла, дача», а вторая часть كاشه – ж.р. слова خواجه [Dozy] «хозяйка». Неоднократно встречается слово شاه بندر «староста, начальник», персидское شهیندر «старшина, староста (купцов)» [Рубинчик 1970]. Как объясняет Р. Дози, это «главный сборщик налогов в Каире, начальник купцов» [Dozy]. В тексте встречается обычно в сочетании со словом تجار «купцы» (Tausend und Eine Nacht 1837, т.7, с. 4).

В «Сират Захир Бейбарс», например, встречаются такие слова, заимствованные из персидского языка: بهالون «рыцарь, богатырь» (мн.ч. بهالوین), персидское بهلوان. Персидскому پ в арабском соответствует арабский ب [Белкин 1975, с.105]. В персидских словарях слово بهلوان имеет значение «атлет, герой, витязь, воитель» [Гаффаров], «силач, борец, атлет, герой, богатырь, витязь, рыцарь, сильный, атлетического сложения» [Рубинчик 1970]. В таком же значении оно употреблялось еще у Фирдоуси [Farhangi 'amīd 1969, Т.1.]. Значение «гимнаст, акробат, канатоходец», приводимое в словарях арабского языка [Баранов 1977; Lūīs Ma'lūf 1960], в словарях персидского языка не встречается. В египетском диалекте это слово имеет значение

«канатный плясун, акробат» и имеет форму بهلوان (мн.ч. بهلوانات) [Spiro 1923]. В нашем тексте это слово употреблено в несколько измененной форме, но в том же значении, которое оно имело в классическом таджикском языке и которое оно имеет в современном персидском языке. В арабский язык оно, видимо, попало позже. Значение, которое имеет это слово в современном литературном арабском языке и египетском диалекте, уже новое, видимо, связанное со значением «сильный, атлетического сложения», т.е. является его дальнейшим развитием. Несколько отличное от оригинала написание доказывает, что оно попало в арабский язык устным путем.

Слово جمدان «сумка, чемодан». Это персидское جامه دان состоит из слова جامه «одежда» и суффикса دان «сундук для одежды, платяной шкаф» [Dozy]. Встречается это слово и в «1001 ночи». В словарях современного арабского языка отсутствует.

Слово اطلسين – название одежды. В арабских словарях приводится в форме طيلسان «одежда зеленого цвета, которую носят шейхи и учителя персов» (мн. ч. طيالسة), и отмечается его персидское происхождение [Lūīs Ma'lūf 1960].

Встречается ряд слов с персидскими словообразовательными суффиксами خانه و دار, например, دويدار «секретарь», شربدار «ведущий спиртными напитками, виночерпий», طبخانه «помещение над городскими или дворцовыми воротами, где помещались музыканты; площадка над порталом, где в торжественные дни били в барабан» [Рубинчик 1970], и много других слов. Эти слова имели употребление только в народной среде и поэтому не были зафиксированы в словарях арабских филологов, которые тщательно оберегали «чистоту» арабского литературного языка. Но они были понятны широкой народной аудитории, для которой предназначались эти сказки и романы; произведения были созданы на так называемом «среднеарабском» языке с сильным влиянием диалекта на язык памятников [Исаева 1978, с.18; Лебедев 1977], а «каждый территориальный диалект и регионально-обиходный разговорный язык содержит много иностранных слов, не употребляющихся в литературном языке» [Шарбатов 1991а, с.269].

В частности, персидский язык сыграл огромную роль в пополнении словарного состава иракского диалекта. Причиной этого явились «активные языковые контакты населения Ирака и Ирана, существовавшие в период их многовековых социально-исторических и культурных связей» [Шарбатов 1987, с.155], которые способствовали проникновению персидских слов в иракский диалект.

Современный иракский ученый д-р Хасан Шунди приводит около 250 персидских слов, которые употребляются в современном иракском диалекте Багдада [Šündī 2014]. Большинство этих слов в словарях арабского языка не зафиксировано. То же самое можно сказать и относительно персидских заимствований в саудовском диалекте арабского языка. Особенно это касается восточных районов страны [Рыльский 1987, с.139].

В заключение необходимо отметить следующее:

Наибольший слой иноязычных заимствований в арабском языке занимают иранизмы, которые проникали в арабский язык на протяжении многих веков или в результате непосредственного общения, или через посредство арамейского языка.

Персидские заимствования, которые проникали в процессе устного общения, чаще всего не входят в общий словарный фонд арабского языка и встречаются в основном в памятниках арабской народной литературы или в произведениях, в которых авторы стараются передать народный колорит и заботятся о сохранении особенностей народного языка.

Проникновение иранизмов в каждом диалекте имеет свои особенности. Больше всего персидских слов наблюдается в диалектах тех стран, население которых имело и имеет активные языковые контакты с Ираном, как это имеет место в иракском или саудовском диалектах.

Источники

1. Al-Jāhiz Abū Uṭmān. *Kitab al-buhalā'*. Beirut, 1978.
2. Life and history of Salahu-d-deen (Saladin). Рук. № В 644 ЛО ИВ АН РФ.
3. Tausend und Eine Nacht. Arabisch. Nach eine Handschrift aus Tunis hrsg. v. dr. Maximilian Habicht, nach seinem Tode fortgesetzt v. Leberecht Fleischer. Т.1,2. Breslau, 1825; Т. 7, Breslau, 1837; Т.9. Breslau, 1842.

Литература

1. Аль-Джахиз. *Книга о скурых* / Пер. с араб., предисл. и примеч. проф. Х.К. Баранова. – М., 1965/.
2. Баранов Х.К. *Арабско-русский словарь*. М., 1977.
3. Белкин В.М. *Арабская лексикология*. М., 1975.
4. Белова А.Г. Иранская лексика по материальной культуре в арабском языке и процесс адаптации древних заимствований // *Ирано-афразийские языковые контакты*. Вып. 2, М., 1991, с.19-24.

5. Гаффаров М.А. *Персидско-русский словарь*. Т. 1-2. М., 1970
6. Исаева Ф.А. *Диалектизмы в «1001 ночи»*. АКД. М., 1978
7. Исаева Ф.А. К вопросу о персидских заимствованиях в арабском языке // *Робитаҳои адаби ва фарҳанги Шарқ*. Хучанд, 2014, с.485-491.
8. Исаева Ф.А. О персидских заимствованиях в «1001 ночи». // *Ирано-афразийские языковые контакты*. М., 1987, с.75-79.
9. Исаева Ф.А. Персидские заимствования в «Сират Захир Бейбарс» // *Ирано-афразийские языковые контакты*. Вып. 2. М., 1991, с.44-48.
10. Исаева Ф.А., Муминов Х.К. Персидские слова в «Книге о скурых» ал-Джахиза. // *Восточная филология*. Вып. 5. Душанбе, 1997, с. 84-91.
11. Крачковский И.Ю. О книге Аддая Шера «Китаб ал-алфаз ал-фарисийа ал-муарраба» (1910) – *Избранные сочинения*. Т. 1. М., 1955, с. 350-359.
12. Лебедев В.В. *Поздний среднеарабский язык (XIII-XVIII вв.)*. М., 1977.
13. *Персидско-русский словарь*. Под ред. Ю.А.Рубинчика. Т.1, 2. М., 1970.
14. Рыльский А.Б. Семантический аспект персидских заимствований в саудовском диалекте арабского языка (Этимологические заметки). // *Ирано-афразийские языковые контакты*. М., 1987, с.139-142.
15. *Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX)*, Т. 1. М., 1969.
16. Шарбатов Г.Ш. Иранская лексико-грамматическая интерференция в багдадском арабском обиходно-разговорном языке. // *Ирано-афразийские языковые контакты*. М., 1987, с.155- 161.
17. Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки. // *Языки Азии и Африки*, М., 1991, с.250-330.
18. Шарбатов Г.Ш. Особенности функционирования иранизмов в современном египетском обиходно-разговорном языке. // *Ирано-афразийские языковые контакты*. Вып. 2. М., 1991, с.114-124.
19. Шарбатов Г.Ш. *Современный арабский язык*. М., 1961.
20. Jeffery Arthur The foreign vocabulary of the Qur'an. Baroda, 1938. Dozy R. *Supplement aux Dictionnaires Arabes*. 2 ed. Т.1-2. Leide, Paris, Brill, 1927.
21. Fück J. Arabiya. *Untersuchungen zur arabischen Sprach-und Stilgeschichte*. Berlin, 1950.
22. Spiro Socrates. *An Arabic-English Vocabulary of the Colloquial Arabic of Egypt*, 2nd ed., Cairo, 1923

23. Addī Šīr. Kitāb al-alfāz al-fārisiyya al-mu'arraba, al-Qāhira, 1987
24. Burhāne Qāṭe'. Teherān, 1336.
25. Al-Jāhiẓ Abū Uṭmān. Kitāb al-bayān wa at-tabyīn. Beyrūt, 2001.
26. Al-Jāhiẓ Abū Uṭmān. Kitāb al-hayawān. Miṣr, 1939.
27. Al-Jawālīqī Abū Maṣṣūr. Al-mu'arrab min al-kalām al-a'jammiyy 'alā hurūf al-mu'jam. Dimašq, 1990.
28. Zaydān Jirjī. Ta'rīh al-luga al-'arabiyya. Beyrūt, 1957.
29. Zaydān Jirjī. Ta'rīh 'ādāb al-luga al-'arabiyya, т.1, al-Qāhira, 1957.
30. As-Sāmarrā'ī Ibrāhīm. Al-Jāhiẓ. 'Ilm al-luga. Majalla "al-Mawrid", Bagdād, 1988.
31. As-Suyūṭī 'Abdurrahmān. Al-Muzhir fi 'ulūm al-luga wa anwa'iha. Ч.1-2, al-Qāhira, 1958.
32. Šūndī Hasan. Al-alfāz al-fārisiyya fi-l-lahjat al-irāqīyya. Majallat "Dīwān al-arab" № 2, 2014.
33. 'Alī al-Balāsi Muhammad. Al-mu'arrab fi-l-Qur'ān al-kaṛīm. Bengāzī, 2001.
34. Farhangī 'amīd. Teheran, 1247. 36. Kitāb Alf layla wa layla. Miṣr, 1314 h.
35. Lūis Ma'lūf. Al-Munjid fi -l-luga wa-l-'adab wa-l-'ulūm. Beyrūt, 1960.
36. Majd ad-Dīn al-Fīrūzābādī. Al-Qāmūs al-muhīṭ, al-Qāhira, 1972.

**О.В. Тихонова,
Л.А. Шакунова**
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Обозначения церковных реалий и должностей в архиве толедских мосарабов XII и XIII вв.

Описание архива

Архив толедских мосарабов (христианского населения мусульманской Испании) XII и XIII вв. был расшифрован, переведен с арабского на испанский и опубликован в трех томах Анхелем Гонсалесом Паленсией в 1926-1930 гг. Четвертый том составили комментарии. Архив, описанный А. Г. Паленсией, состоит из 1175 документов, регистрирующих имущественные сделки между частными лицами и церковными организациями. Хронологические рамки архива: 1083 – 1315 гг. [Palencia 1930, p.45]. Основная часть документов была найдена в Кафедральном соборе Санта Мариа г. Толедо. Документы, опубликованные А. Г. Паленсией, хранятся в Национальном историческом архиве Испании (Archivo Histórico Nacional de España) (г. Мадрид, Испания) и в Архиве толедского кафедрального собора (Archivo Capitular de Toledo) (г. Толедо, Испания).

Исторический контекст

Почти восемь веков (711-1492 гг.) часть Испании находилась под владичеством арабов. Жители мусульманской Испании как арабского, так и иберийского происхождения, были билингвами (свободно говорили на арабском и романсе). В IX в. кордовский епископ Альваро горько жаловался в одной из проповедей: «Многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а чтобы научиться как следует выражаться на арабском языке с большей правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто умел бы читать латинские комментарии на Священное писание? <...> Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов... <...> и во весь голос провозглашают, какого удивления достойна эта литература» (пер. И.Ю. Крачковского) [Крачковский 1937, с.11-12]. Во время Реконкисты территория Толедо неоднократно оказывалась под властью то испанцев, то арабов. Однако даже после отвоевания г. Толедо в 1085 г. Альфонсом VI местные мосарабы продолжали пользо-

ваться арабским языком не только в официальных документах, но и в обыденной речи, о чем свидетельствует большое количество слов из разговорного арабского в документах [Palencia 1930, p.130]. А. Г. Паленсия склоняется к тому, что толедские христиане говорили на арабском в течение всего XII в. И только в XIII в. начал доминировать кастильский (испанский) язык, хотя использование арабского продолжалось еще и в XIV в. [Palencia 1930, p.129]. В качестве доказательства этому А. Г. Паленсия, кроме упомянутых андалусских диалектизмов арабского, приводит имена подписавшихся христиан, многие из которых арабского происхождения [Palencia 1930, p.124]

Алхамиадо

Почти все документы архива (кроме 25) написаны по-арабски с использованием арабских формул и клише. Так, все документы толедских христиан начинаются с формулы исповедания Аллаха «Бас-маля» (بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ) [Palencia 1930, p.43]. Свидетели клянутся именем «Аллаха Великого» (الله أكبر) и т. д. В то же время все документы, кроме одного, датированы по христианскому летоисчислению. В арабских текстах встречаются слова на андалусском диалекте арабского [Palencia 1930, p.131-134] и на алхамиадо [Palencia 1939, p.136-140].

Особый филологический интерес представляют встречающиеся в текстах архива испанские слова, записанные в арабской графике (т. е. на алхамиадо). Исторически необходимо различать «два алхамиадо»: «Первый – мосарабский алхамиадо, язык испанцев в завоеванной арабами Испании. Этот язык не оставил письменных памятников (литература в это время создавалась на латинском языке), так что ранний (X-XIII вв.) этап истории испанского языка задокументирован плохо. Единственные свидетельства о нем – испанские слова, упомянутые в арабских глоссариях того времени, топонимика, ономастика и вкрапления испанских слов в арабоязычные мувашшахи. <...> Второй алхамиадо – алхамиадо морисков (испанских мусульман) эпохи Реконкисты... <...> На этом алхамиадо существует обширная литература» [Воевуцкий 1987, с.55].

Архив толедских мосарабов – важный источник лексики на алхамиадо. К ней относятся: 1) христианские имена подписавшихся, 2) топонимы, 3) некоторые другие слова [Palencia 1930, p.136]. Среди

¹ В данной статье используется транслитерация только для слов на алхамиадо. При этом применяется транслитерация, принятая у арабистов, а не у специалистов по алхамиадо, так как исследуемые тексты написаны на арабском языке.

слов на алхамиадо встречаются обозначения церковных должностей [Palencia 1939, p.174-183], многие из которых пришли в испанский из греческого через латынь.

Обозначение церковных должностей

Для указания на должность **архиепископа** (исп. arzobispo от позднелат. *archiepiscopus* из греч. ἀρχιεπίσκοπος (*archiepiskopos*)) [DRAE 2014] в документах встречается слово на алхамиадо ارسبببقو (arsibisbiqw) (№ 941) [Palencia 1930, p.136], которое А. Г. Паленсия переводит на современный испанский как arzobispo (исп. «архиепископ») и arcipreste (исп. «архипресвитер»). Кроме того, встречается и арабский эквивалент термина: راس الامامة بالقاعدة (ар. «глава имамата (управления) Собора») (№ 966) [Palencia 1930, p.174], а также слово из андалусского диалекта арабского: مكارنى (мн. ч. от مكران) (№ 745) [Palencia 1930, p.134]. Один из архиепископов Толедского собора, дон Гонсальбо, (предположительно между 1187 и 1197) первым получает сан примаса Испании (исп. Primado de España): برماط اشبانيت (brmat ašbanyt) (№№ 322, 941) [Palencia 1930, p.139, 175]. При этом для заимствованного из испанского слова женского рода España (исп. «Испания») используется арабская морфема-показатель женского рода «та марбута» (ة).

Для обозначения должности **архипресвитера** (исп. arcipreste от позднелат. *archipresbyter*) [DRAE 2014] в архиве встречается слово на алхамиадо: ارسبرشت (arsbršt) [Palencia 1930, p.175]. Встречаются и два гибридных варианта: ارحيفس (arḥyqs) (№ 5), الارحيفس (alarḥyqs) (№ 91) [Palencia 1930, p.175]. Второе слово представлено с арабским определенным артиклем ال. Оба слова гибридные, состоящие из арабского слова فس (араб. «священник») и приставки греческого происхождения «архи-» на алхамиадо. Однако эти гибридные слова упоминаются только в документах, датированных 1107 и 1170 гг. В более поздних документах используются уже испанские слова в арабской графике [Palencia 1930, p.175].

В архиве встречается и слово **«пресвитер»** (исп. preste от ст. фр. prestre из позднелат. presbyter, -ēri от греч. πρεσβύτερος (presbýteros) – «старейший») [DRAE 2014]. Позднелатинский вариант слова представлен на алхамиадо: presbiter – برسبتار (bršbtar), برسبتار (bršbtar) (№№ 168, 221, 941) [Palencia 1930, p.139]. Встречается и арабский диалектизм: فسوسين (мн. ч. от فس) (№ 378) [Palencia 1930, p.133]. Как и в случае со словом «архипресвитер», оно происходит от арабского فس (араб. «священник»). Слово представляет собой неправильную форму арабского «ломаного» множественного числа:

вместо قسوس используется قساوس. В слове использован еще один показатель множественного числа для мужского рода косвенного падежа: ين. Т. е. в этом слове два показателя множественного числа.

Для обозначения должности **архидьякона** (исп. arcediano от позднелат. *archidiaconus* из греч. ἀρχιδιάκονος (*archidiákonos*)) [DRAE 2014] используется слово на алхамиадо الاردجياقن (alargđyaqn) [Palencia 1930, p.176]. Слово записано с арабским определенным артиклем ال. Встречаются и другие варианты на алхамиадо: arcediano – ارسدياقن (arsdyaqn) (№ 130) [Palencia 1930, p.136], archidiácono – ارجدياقن (argđyaqn) (№ 126) [Palencia 1930, p.136], archidiaconus – ارجدياقنش (argđyaqnš) (№ 941) [Palencia 1930, p.136]. Встречается и слово «**дьякон**», записанное на алхамиадо: diaconus دياقنش (dyaqnš) (№ 268) [Palencia 1930, p.137].

В этих словах на алхамиадо по-разному передана приставка «архи-» (исп. archi- от лат. *archi-* из греч. ἀρχι- (*archi-*) от ἄρχειν (*árchein*) – «быть первым»)) [DRAE 2014]: ارس (arsi-) (№ 941) [Palencia 1930, p.136], ارس (ars-) [Palencia 1930, p.175], ارحي (arhy-) (№ 5), ارح (arh-) (№ 91) [Palencia 1930, p.175], ارج (arg-) (№№ 126, 941) [Palencia 1930, p.136, 176], ارس (ars-) (№ 130) [Palencia 1930, p.136].

Для обозначения должности **преподавателя богословия** (в соборе) – исп. maestrosuela [Palencia 1930, p.177] – используются слова maestro – ميشتره (myštrh) (№№ 373, 482), maestro escola – ميشتره اشكولة (myštrh aškwlt) (№ 227), maeasterscuela – ميشتره عشكولة (myštrh gškwlt), ميشترى اشكولة (myštrh aškwlt) (№ 574) [Palencia 1930, p.138]. При этом для испанского слова женского рода escuela (исп. «школа») используется показатель женского рода «та марбута» (ة).

Для обозначения должности **викария** (собора) (исп. vicario от лат. *vicarius*) [DRAE 2014] используется слово на алхамиадо: بيكره (bykryh) (№ 328) [Palencia 1930, p.140, 177]. Звуки испанского языка [b] и [β], которые передаются на письме буквами b и v, в алхамиадо передаются арабской буквой ب (b).

Для именованя должности **капеллана** (исп. capellán, возможно, от оксит. *capelán*) [DRAE 2014] употребляется два варианта на алхамиадо: capellanus – قبالننين (qblanynyn), capellanes – قبالنش (qblanš) (№№ 714, 744, 746) [Palencia 1930, p.137]. В первом слове также используется показатель множественного числа для косвенных падежей ين. Морфема использована дважды: ينين. Во втором слове сохраняется испанский показатель множественного числа -es, переданный при помощи транслитерации: ش. Встречается также вариант на алхамиадо القبلان (alqblan) [Palencia 1930, p.178]. А. Г. Пален-

сия считает, что и арабское слово «имам» امام (№ 73, 1022) также используется для обозначения должности капеллана [Palencia 1930, p.131, 178].

При обозначении должности **каноника** (исп. canónigo от позднелат. canonicus из греко-визант. κανονικός (*kanonikós*)) [DRAE 2014] – используется несколько вариантов на алхамиадо: canonicus – قنونقش (qnwnqš) (№ 732) [Palencia 1930, p.137], canónigos – قنونقين (qnwnqyn) (№№ 191, 199, 215) [Palencia 1930, p.137]. В первом слове сохраняется испанская форма множественного числа, переданная с помощью транслитерации, а в двух других словах используется показатель множественного числа для косвенных падежей в арабском ين. Также встречается слово на алхамиадо: القنونقون (alqnwnqwn) [Palencia 1930, p.179]. Слово написано с использованием арабского определенного артикля ال. Множественное число образовано по правилам арабского языка для именительного падежа при помощи морфемы ون. Для обозначения этой должности упоминается слово на алхамиадо الشنانير (alšnanyr) [Palencia 1930, p.179]. Слово представлено с арабским определенным артиклем ال и является примером «ломаного» множественного числа в арабском. А.Г. Паленсия относит это слово к диалектизмам арабского: الشنانير (alšnanyr) (мн. ч. от شنير (№ № 333, 1041) [Palencia 1930, p.133]. Очевидно, что это слово восходит к испанскому señor (исп. «господин»), в архиве представленному во множественном числе señores (исп. «господа»): شنانير (šnanyr) (№№ 199, 215) [Palencia 1930, p.139].

Для обозначения **церкви** (исп. iglesia от позднелат. ecclesia из греч. ἐκκλησία (*ekklēsia*) – греч. «собрание») [DRAE 2014] используются два слова на алхамиадо: ecclesia, iglesia – اغلاشية (ağlašyt), اقلاشية (aqlašyt) (№№ 212, 744, 802, 941, 942) [Palencia 1930, p.138]. В этих словах, обозначающих слово женского рода (ecclesia, iglesia), используется показатель женского рода в арабском «та марбута» (ة). Для обозначения церкви употребляются и арабские диалектизмы: كنائس (мн. ч. от الكنس, والكنس, كنائيس (из: كنيسة), (араб. «церковь, храм») (№№ 249, 1012, 1024) [Palencia 1930, p.134]. Толедский собор обозначается по-арабски двумя способами: القاعدة (ар. «основа», «правило») и الجامع لاهل كليكة (ар. «мечеть народа Klyklt») (№ 1036). О происхождении слова Klyklt ничего не известно. Можно предположить, что это заимствованное латинское слово ecclesia (позднелат. «церковь»). Собор при этом обозначается словом الجامع (араб. «собирающий, собрание»), заимствованным в испанский как aljama [Palencia 1930, p.174]. Одно из значений этого

слова – «мечеть». Слово происходит от арабо-исп. *alǧāma'*, восходящего к класич. арабскому *ǧāmi'* [DRAE 2014].

Для обозначения должности настоятельницы монастыря – **аббатисы** (исп. *abadesa* от позднелат. *abbatissa*, женской формы слова “*abbas*, *-ātis*” от греч. *ἄββῆ* (*abbā*) от сир. *abbā* (сир. «отец»)) [DRAE 2014] используется слово на алхамида *ابطيشة* (*abtyšt*) (№№ 429, 580) [Palencia 1930, p. 136]. Для передачи испанского слова женского рода также используется показатель женского рода в арабском «та марбута» (ة). Слово, обозначающее **женский монастырь** (исп. *convento*), приводится на алхамида в нескольких вариантах: *كونبانت* (*kwnbant*), *كنبانت* (*knbant*) (№№ 191 199, 215) [Palencia 1930, p. 137]. Для указания на **мужской монастырь** (исп. *monasterio* от лат. *monasterium* из греч. *μοναστήριον* (*monastērion*)) [DRAE 2014] используется слово на алхамида *منشتره* (*mnštryh*) (№731) [Palencia 1930, p. 138].

Братия мужского монастыря обозначается словом “*fraile*” (исп. «брат» от оксит. “*fraire*” из лат. “*frater*, *-tris*” – «брат») [DRAE 2014]. В тексте присутствуют следующие слова на алхамида: *فرايلى* (*frayla*) (№ 193) [Palencia 1930, p. 138]; “*frailes*” – *افرايلىن* (*afraylyn*) (№ 306) [Palencia 1930, p. 138]; “*freire*” – *افراير* (*afrayr*) (№ 177) [Palencia 1930, p. 138].

Если для обозначения братии мужского монастыря и настоятельницы женского употребляются слова на алхамида, то для **монахинь** (исп. *monja* – женская форма слова *monje* (исп. «монах») от ст. оксит. *monge* из позднелат. *monāchus* («отшельник», «монах») от греко-визант. *μοναχός* (*monachós*) – «единственный», «один») [DRAE 2014] используется слово из андалусского диалекта арабского: *الرواهب* (мн. ч. от *راهبة*) (№ 803) [Palencia 1930, p. 132].

Выводы

Для обозначения церковных должностей помимо слов, заимствованных из романсе, используются слова на арабском, а также на его андалусском диалекте. Кроме того, встречаются гибридные формы, когда в одном слове используется испанская приставка греческого происхождения в арабской графике и арабский корень.

В отличие от алхамида морисков, говоривших на испанском (и часто уже не понимавших арабский), в алхамида мосарабов слова на романсе написаны по правилам орфографии арабского языка. В текстах морисков для передачи испанских звуков, отсутствующих в арабском, адаптируется его орфография. Тексты на алхамида морисков огласованы полностью, в то время как слова на алхамида мосарабов написаны без огласовок, в соответствии с арабской орфографией. В текстах морисков звук *p* передается с помощью буквы *b*

(ب) и знака ташдид (◌◌): ب◌, а в словах на алхамида мосарабов буква *b* (ب) может передавать испанские звуки *b* и *p*. Звуки испанского языка [b] и [β], которые передаются на письме буквами *b* и *v*, в алхамида мосарабов, как и в алхамида морисков, передаются арабской буквой ب (b).

В алхамида морисков присутствует адаптация заимствованных арабских слов в соответствии с испанской морфологией. Например, в слове «ангелы» (*los almalaques*), заимствованного из арабского, используется испанский суффикс множественного числа *-es* и определенный артикль *los*, дублирующий арабский определенный артикль *al*. Наоборот, в текстах мосарабов слова из романсе адаптируются в соответствии с арабской грамматикой: используется показатель женского рода «та марбута» (ة), формы правильного и «ломаемого» множественного числа, определенный артикль *al*.

Издание А. Г. Паленсии вышло в то время, когда среди историков господствовала точка зрения на Аль-Андалус как испанскую территорию, подверженную арабской оккупации, на которой жестоко преследовали христиан. Документы, опубликованные А. Г. Паленсией, показали несправедливость этой позиции. А. Г. Паленсия с возмущением писал: «Если в течение всего исламского господства в Толедо сохраняются христианские церкви; если, как отмечает Симоне, сохраняется даже кафедра митрополита и назначаются епископы..., то где это преследование? И если после отвоевания Толедо Альфонсом VI христиане продолжают называться арабскими именами и пользуются арабским языком для договоров частного характера, для своих собственных завещаний, можно ли говорить о том, что их принудили к этому жестокие тираны?... Не стоит, таким образом, списывать на политическое давление любовь, которую питали мосарабы к арабскому языку» [Palencia 1930, p. 118].

Литература

1. Воевуцкий И. Н. Орфографические принципы конфессиональных языков // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения)*. Часть 2. Москва: ГРВЛ, 1987. – С. 53-56.
2. Крачковский И. Ю. *Арабская культура в Испании*. М., Л.: АН СССР, 1937.
3. Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях (1945) // Крачковский И. Ю. *Избранные сочинения в 6 тт.* Т. 1. М., Л.: АН СССР, 1956. С. 11-148.

4. DRAE. *Diccionario de la Lengua Española*. Real Academia Española: 300 años. Madrid: Espasa 2014.
5. López Guix J. G. Las primeras traducciones bíblicas en la península ibérica // *Revista de historia de la traducción*, Núm. 7. Barcelona, 2013.
6. López y López A. C. La traducción de los evangelios al árabe por Isaac ben Velasco de Córdoba en el siglo X a. D. // *Actas del Congreso Agustín Millares Carlo: maestro de medievalistas (Las Palmas de Gran Canaria, 18-21 de mayo de 1993)*, publicado en el "Boletín Millares Carlo", 13, Universidad de Las Palmas de Gran Canaria, 1994. PP. 79-84.
7. Palencia A. G. *Los mozárabe de Toledo en los siglos XII y XIII, Volumen Preliminar: Estudios e Índices*. Madrid, 1930.
8. Pérez Marinas I. Hafs ibn Albar al-Qûti: el traductor mozárabe del Salteiro // Brufal Sucarrat, J. *Nuevas aportaciones de jóvenes medievalistas*. Lleida, 2014. PP. 151-165.

Аннотации

Алпатов В.М. *Словарные и грамматические языки*

Двумя основными видами лингвистического описания являются грамматика и словарь. Их различие связано с устройством психолингвистического механизма человека, который состоит из множества единиц (лексикона) и правил их комбинации (синтаксические правила) и модификации (морфологические правила). Соотношение этих компонентов зависит от строя языка и отражается в традиционном разграничении флективных, агглютинативных и изолирующих языков. В лингвистическом описании изолирующие языки максимально словарны, а флективные языки максимально грамматичны.

Ключевые слова: *грамматика, словарь, правило, лексикон, флективные языки, агглютинативные языки, изолирующие языки*

Андреева В.А. *О разработке словарной статьи в Новом Большом вьетнамско-русском словаре*

Новый Большой вьетнамско-русский словарь – совместный труд российско-вьетнамского коллектива лексикографов. При составлении словаря авторы решали ряд теоретических и практических проблем, касающихся создания как макроструктуры (словника), так и микроструктуры (словарной статьи) словаря. При разработке словарной статьи были выработаны критерии определения частеречной принадлежности единиц, разработаны методы разграничения значений слов и определения принципов расположения значений слова, создано унифицированное лексикографическое оформление для каждого типа словарных статей. В Новом Большом вьетнамско-русском словаре представлены различные типы словарных статей, отличающиеся характером разработки.

Ключевые слова: *вьетнамский язык, русский язык, лексикография, словарная статья*

Антонян К.В. *Молодёжный жаргон в современном Китае*

В статье рассматривается молодёжный жаргон в современном Китае. Он представляет собой быстро обновляющийся слой лексики; его формирование обусловлено значительными изменениями в китайском обществе. В частности, на формирование молодёжного жаргона существенное влияние оказало появление и стремительное распространение Интернета. Отличительной чертой нового жаргона является его надрегиональный и наддиалектный характер. В работе рассматриваются пути формирования молодёжного жаргона. Рассматривается также т.н. «марсианский язык» и связанные с ним феномены.

Ключевые слова: *китайский язык, молодёжный жаргон, Интернет-жаргон, «марсианский язык»*

Багирокова И.Г., Ландер Ю.А. *Выражение боли и смежных значений в адыгейском языке: лексика и морфосинтаксис*

Боль и смежные значения выражаются в адыгейском языке как специализированными лексемами, так и метафорически. При этом экспериментер редко вводится в качестве аргумента глагола, и основным аргументом наиболее часто представляется локализация боли. Хотя для выражения рассматриваемого семантического поля регулярно используются «имперсональные» конструкции, в силу того, что эксплетивы не являются типичными для языков типа адыгейского, эти выражения обнаруживают вариативность в приписывании актантам синтаксической роли.

Ключевые слова: *лексика боли, адыгейский язык, имперсональные конструкции*

Белова А.Г. *Морская лексика в арабском языке*

В статье рассматривается процесс формирования морской лексики и системы терминов по мореплаванию в языке «сухопутного» населения Аравии. Выделяется первичная, базовая лексика и вторичная система терминов (производная и заимствованная).

Ключевые слова: *базовая лексика, словообразование, родовой термин, производная лексика, заимствования, изоглосса*

Блинов А.А. *Эвфемистические обороты для обозначения понятия смерти в арабском языке*

В статье описываются различные классификации эвфемизмов для обозначения понятия смерти в арабском языке, разработанные арабскими учеными в настоящее время. Они демонстрируют особый взгляд самих арабов на процесс перехода к загробной жизни, опирающийся на арабомусульманское мировоззрение и нестандартное восприятие жизни и смерти, отражают изобилие речевых оборотов и религиозных формул, употребляющихся в быту и на страницах арабской прессы. Кроме того, в работе затрагиваются вопросы поиска оптимального термина для определения эвфемизмов в арабском языке.

Ключевые слова: *арабский язык, эвфемизмы, обозначения смерти*

Выжлаков М.В. *«Словесная» триада в тохарском А: rake, plāc, weñlune*

Рассматривается вопрос о значении и употреблении трех существительных, обозначавших в тохарском А языке речевую деятельность: *rake*, *plāc* и *weñlune*. На материале тохарских А текстов показывается сходство между *rake* и *weñlune*, служившими абстрактным обозначением для «речи как процесса», но в то же время и различие, выражавшееся в наличии некоторых нюансов употребления (*rake* как «термин» и глагольный «модификатор») и значения (*weñlune* как «суждение, утверждение»).

Plāc противостояло им, обозначая «речь как выступление, текст», а в отдельных случаях – «разговор, диалог».

Ключевые слова: *тохарские языки, тохарский А, синонимы, лексика со значением речевой деятельности*

Гращенко П.В. *Адъективное управление: типология, семантика, синтаксис*

В статье представлено небольшое исследование управляющих прилагательных в языках мира. Исследованию участников прилагательных уделялось существенно меньше внимания, чем анализу аргументной структуры глагола. В статье предлагаются наблюдения относительно типологии семантических ролей участников прилагательных и их отображения в синтаксической структуре различных языков. Затронуты проблемы типологически наиболее характерных участников прилагательных, их сходств и, главное, различий по сравнению с аргументной структурой глагола, а также особенностей их поверхностной реализации.

Ключевые слова: *прилагательные, управление, семантическая роль, падеж*

Громова А.В. *Лексикография диалектов и языковых разновидностей Ирана в начале XXI в.*

Статья посвящена новейшим достижениям иранской лексикографии в документации и фиксации языковых разновидностей и диалектов Ирана, многие из которых в настоящее время оказались на грани исчезновения. Опубликованные в последние годы диалектальные словари, подготовленные при поддержке Академии персидского языка и литературы, предоставляют в распоряжение исследователей широкий спектр ценных лингвистических данных как в плане базовой и общеупотребительной лексики, так и в отношении отраслевой специализированной терминологии. Прослежены основные тенденции в развитии иранской лексикографии, от составления традиционных словарей с обширным дополнением в виде филологических и фольклорных материалов до подготовки новых дескриптивных словарей, целью создания которых является описание и лексики, и грамматики изучаемых диалектов.

Ключевые слова: *Лексикография, персидский язык, диалекты Ирана, языковые разновидности Ирана, исчезающие языки*

Демич К.И., Костыркин А.В. *Японское слово в электронном словаре: Категории леммы, лексем, словарного и заголовочного слова в структуре словарного описания*

Прослеживается история формирования и использования в отечественной, западной и японской традиции базовых лексикографических категорий: леммы, лексем, словарного и заголовочного слова. На японском

материале обосновывается необходимость уточнения их места и роли в структуре современного электронного словаря, в частности различения словарного и реестрового слов. Впервые в научный оборот вводится уточняющее понятие орфографической пары применительно к решению задачи точной идентификации японского слова в словаре.

Ключевые слова: японский язык, электронная лексикография, лексема, лемма, орфографическая пара

Додыхудоева Л.Р. *К вопросу об одной модели арабских заимствований в памирских языках*

Рассматривается освоение заимствованных арабских слов в языках шугнано-рушанской группы. Процессы адаптации арабизмов являются внутрисистемными. В лексемах, употребляющихся автономно, можно выделить устойчивые модели и неустойчивые, допускающие варианты в произношении. В устойчивых словосочетаниях и сложных глаголах на настоящем этапе развития произношение закреплено традицией и не меняется.

Ключевые слова: шугнано-рукшанские языки, фонетическая адаптация, освоение заимствований, арабизмы

Заикина Е.О. *Особенности кхмерской кулинарной лексики*

В статье рассматриваются некоторые характерные черты кулинарной лексики кхмерского языка. Приводятся и поясняются некоторые глаголы, связанные с обработкой пищевого сырья, часть из которых не имеют аналогов в русском языке. Кроме того, приводятся с комментариями некоторые кулинарные термины, заимствованные из китайского языка.

Ключевые слова: кхмерский язык, кулинарная лексика, кухня Камбоджи

Зверев А.С. *Знаки препинания как объект лексикографии (на японском материале)*

Пунктуация всегда оставалась довольно необычным объектом для лингвистики, в особенности лексикографии. В статье дается краткий обзор двух японских словарей, посвященных знакам препинания, и анализируется отражение в них традиционных взглядов на пунктуацию.

Ключевые слова: пунктуация, знаки препинания, японский язык, лексикография, словари

Иванов В.Б. *Электронная и бумажная версии Большого персидско-русского словаря*

Поскольку последний общий персидско-русский словарь издавался полвека назад, есть необходимость создания нового исправленного и дополненного современной лексикой словаря. Помимо расширенной бумажной версии на 75 000 слов подготовлена регулярно обновляющаяся электронная версия. Усовершенствованная структура с латинской транскрип-

цией для фразеологии и дополнительными полями делает словарь более информативным, позволяет ускорить поиск и облегчить работу пользователя.

Ключевые слова: лексикография, электронный словарь, поиск, база данных, транскрипция, сортировка, алфавит, персидский, иранский, русский, фразеология

Исаева Ф.А. *К вопросу о словах персидского происхождения, представленных в произведениях ал-Джахиза и памятниках арабской народной литературы, но не вошедших в общий лексический фонд арабского языка*

Рассматриваются персидские заимствования, встречающиеся в произведениях арабского автора ал-Джахиза (775-868), а также в таких памятниках арабской народной литературы мамлюкского периода, как «1001 ночь» и рыцарский роман «Сират Захир Бейбарс». При исследовании лексического состава данных памятников помимо персидских слов, попавших в общий лексический фонд арабского языка в разные периоды его существования, были выявлены слова персидского происхождения, не зафиксированные в словарях арабского литературного языка. Эти слова имели хождение только в народной среде и были хорошо известны широким народным массам. Отмечается также, что многие персидские слова проникали в разговорные языки в процессе устного общения, и чаще всего они не входят в общий словарный фонд арабского языка, в отличие от иракского или саудовского диалектов.

Ключевые слова: арабский литературный язык, разговорный язык, диалект, лексика, лексический состав, персидский язык, заимствование, иранизм, народная литература

Иткин И.Б. *Tokh. A pāśrāk*, (?) B paśrāk "уступ, терраса / gradin, terrasse / ledge, terrace"*

В статье рассматривается тохарская А лексема *pāśrāk**, засвидетельствованная в нескольких сильно поврежденных текстовых фрагментах и ранее надежно не выделявшаяся. На основании анализа сохранившихся контекстов показано, что существительное *pāśrāk** имеет значение "уступ, терраса": этим словом называются уступы (террасы) священной горы Меру (согласно буддийской космологии, всего таких уступов четыре, и на каждом из них обитают представители той или иной группы богов). В работе рассматриваются морфологические особенности лексем *pāśrāk** и выдвигается предположение о том, что ее тохарским В соответствием является *paśrāk* (ἄλαξ λεγόμενον, значение которого ранее также оставалось неизвестным).

Ключевые слова: тохарские языки, неопубликованные тексты, буддийская космология, гора Меру

Кадырова О.М. *К лексической типологии глаголов падения: данные турецкого языка*

В статье систематизирован лексический материал турецкого языка по глаголам падения. Лексемы *düşmek, yağmak, dökmek, yıkılmak, devrilmek, inmek* в их прямом значении изучены в рамках фреймового подхода, предлагаемого Московской лексико-типологической группой (MLexT).

Ключевые слова: глаголы падения, турецкие глаголы, лексическая типология, фреймовый подход, семантическое поле

Кобелева Е.А. *Гендерные стереотипы во фразеологии русского и китайского языков*

Настоящая статья посвящена анализу гендерных стереотипов во фразеологии русского и китайского языков. На материале отобранных фразеологических единиц с гендерной семантикой проводится сопоставительный анализ гендерных стереотипов в различных семантических группах – морально-нравственные качества женщины, положение женщины в обществе, семья и брак, андроцентрическая картина мира и др.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, фразеология, гендерные стереотипы, китайский язык, русский язык

Кожа К.А. *Ранние описания китайского языкового строя в российской академической традиции: принципы и инструменты*

Настоящее исследование посвящено вопросу о теоретической основе и терминологическом лингвистическом инструментарии, находившихся в разработке в отечественном китаеведении в период его становления. На примере содержания ряда основных теоретических работ первой половины XIX в. проанализированы механизмы формирования различных подходов к интерпретации ключевых особенностей китайского языка, таких как фонетическое и грамматическое его устройство, принципы иероглифической записи, поиски оптимальной структуры словаря, способы транскрибирования, методика преподавания и многие другие аспекты.

Ключевые слова: китайское языкознание, терминология, идеографический, рукописное наследие китаеведов

Комарова И.Н. *«Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями»*

Рассматриваются труды выдающегося тибетолога XX в. Ю.Н. Рериха и его «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями». Словарь содержит несколько тысяч языковых единиц, охватывает всю лексическую и грамматическую систему тибетского языка и демонстрирует словарный состав, в котором отражены особенности тибетской

ментальности и общественная, духовная и культурная жизнь этого народа от древнейших письменных памятников до наших дней.

Ключевые слова: история лексикографии, Ю.Н. Рерих, тибетский язык, тибетские словари

Крылов С.А. *О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка)*

В работе вводится понятие гибридного жанра словаря: такого, который совмещают в себе признаки разных типов словарей, выделяемых при традиционной классификации (например, частотные, прямые алфавитные, обратные алфавитные, грамматические). Предлагаемая попытка иллюстрируется на примере частотного словаря аналитических форм современного монгольского языка. Эвристически наиболее плодотворным признаётся «широкий» подход к аналитическим конструкциям, представленный в т.н. теории «грамматикализации» или «грамматизации»; но этот подход должен быть дополнен количественными методами, разработанными в корпусной лингвистике. Подсчёт делался на материале Генерального корпуса монгольского языка. Приведены наиболее употребительные аналитические словоформы, абсолютная частотность которых превышает 10 вхождений, а относительная – 9 ирп.

Ключевые слова: лексикография, обратные словари, частотные словари, алфавитный порядок, статистический порядок, монгольский язык, корпусная лингвистика, количественные методы в лингвистике, аналитические формы, структурно-вероятностные модели в лингвистике

Крылова А.С. *Словарь языка куллу: проблемы полевой лексикографии*

Рассматриваются задачи современной полевой лексикографии на примере составления онлайн-словаря индоарийского языка куллу. Описывается состав словарной статьи, методы получения полевых данных, проблемы фонологии и просодии, решение которых необходимо при разработке словарной транскрипции.

Ключевые слова: куллу, индоарийские языки, лексикография, полевая лингвистика, транскрипция

Кудринский М.И. *Гетерограммы в лувийских и палайских текстах*

Тексты, записанные в царстве Хаттусы с использованием шумеро-аккадской клинописи, характеризуются широким использованием гетерограмм – написаний, язык которых отличается от основного языка текста. В то время как многие аспекты использования гетерограмм в текстах на хеттском языке уже были описаны, гетерографические написания в текстах на палайском и лувийском языках до сих пор не становились предметом научного исследования. Данная статья, которую составляют наблюдения об инвентаре и функциях гетерограмм в палайских и

лувийских клинописных текстах, до некоторой степени восполняет этот пробел.

Ключевые слова: *гетерограммы, палайский язык, лувийский язык, клинопись*

Лесько О.А. *Об одном типе графических синонимов в системе китайских глаголов*

В работе рассматриваются особенности функционирования в китайском языке пар синонимичных глаголов, в которых одно значение является односложной формой, а другое двусложной формой, образованной от первой копулятивным способом.

Ключевые слова: *китайский язык, глаголы, синонимы*

Михайлов К.Д. *К разработке серии русско-китайско-английских учебных словарей-минимумов по автодорожной тематике*

В статье представлены результаты работы над русско-китайско-английскими словарями, входящими в серию учебных терминологических словарей-минимумов, разрабатываемую Московским автомобильно-дорожным государственным техническим университетом (МАДИ) по приоритетным направлениям вуза. Описаны предназначение словаря, его структура и содержание, способы отбора терминов, состав словарных статей, возможности применения в учебной и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *русско-китайско-английский словарь, автомобильные дороги, отбор терминов, структура словаря, китайские студенты*

Молчанова Е.К., Сальманпур С. *Диалектные словари в Иране (на материале ларестанского говора Эвази)*

Статья посвящена сохранению традиционной архаизированной иранской лексики ларестанского говора Эвази в словаре, изданном в 2017 г. полевыми исследователями Насрин Энсафпур и Мохаммадом Рафи Зияи

Ключевые слова: *диалектные словари, южный Иран, говор Эвази, ларестанский диалект, традиционная лексика, Насрин Энсафпур, Мохаммад Рафи Зияи*

Муравьева В.А. *Лексические и грамматические средства обеспечения целостности и связности китайского текста*

Статья посвящена дискурсивным словам в современном китайском языке – это единицы особого типа, которые обеспечивают связность и целостность текста и отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего. В статье характеризуется современное состояние и степень изученности дискурсивных слов в современной лингвистической науке, с опорой на эмпирический материал дается общая характеристика классов наиболее употребляемых дискурсивных слов в современном китай-

ском языке. Исследование дискурсивных слов на материале китайского текста показывает, что в перспективе возникает задача создания словаря дискурсивных слов современного китайского языка.

Ключевые слова: *дискурсивные слова, дискурс, дискурсив, дискурсивные маркеры, коннекторы, эмфаза, модальность, китайский язык*

Наний Л.О., Холкина Л.С. *К вопросу о непрерывности лексических значений: на материале китайских двусложных слов семантических полей ТОЛСТЫЙ и ТОНКИЙ.*

В статье рассматривается новый способ фиксирования семантически близких зон лексики при помощи двусложных лексем китайского языка с сочинительным типом связи между компонентами: в случае с прилагательными значения компонентов с такой связью могут претендовать на семантическую смежность. Для анализа было выбрано семантическое поле ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ, поскольку однослоги из этого поля дают большое число двусложных лексем, образованных по интересующей нас схеме, и, таким образом, это поле имеет большой потенциал колексификации значений из «соседних» лексических полей.

Ключевые слова: *колексификация, китайский язык, семантическое поле, толстый, тонкий*

Панина А.С. *Глаголы вращения в японском языке*

Рассматривается семантическое поле вращения в японском языке. Почти все ситуации вращения покрывает наиболее употребительный глагол *tawaru*, который охватывает вращение вокруг своей оси и движение по круговому маршруту. Периферию составляют несколько частных глаголов – *teguri* «двигаться по круговому маршруту», *tai* «танцевать; кружиться в воздухе», *uzutaki* «образовывать вихрь». Если причислить качество к ситуациям вращения, к этому же полю будет относиться глагол *korogaru* «падать, катиться».

Ключевые слова: *лексическая семантика, японский язык, глаголы вращения*

Погибенко Т.Г. *Лексический комплекс в австроазиатских языках*

В статье обсуждается ряд проблем, связанных с лексическим комплексом в австроазиатских языках как особой языковой единицей, отличной и от сложных слов, и от свободных словосочетаний. Анализируются примеры из разных австроазиатских языков, и делается вывод о том, что лексический комплекс в том виде, как он представлен в современных мон-кхмерских языках, существовал в праязыке, однако пути его развития в диахронии австроазиатских языков были разными.

Ключевые слова: *австроазиатские языки, лексический комплекс, диахронические переходы*

Рудницкая Е.Л., Хван С.-Г. *Сочетаемость полу-вспомогательных глаголов с лексическими глаголами в корейском языке: внутренний предел и точка отсчета*

Мы рассматриваем значение некоторых V_2 , обычно считающихся аспектуальными полу-вспомогательными глаголами в конструкции $[V_1+V_2]$ (строящейся по модели сериальных конструкций). В основном анализируются не аспектуальные, а дополнительные (модальные и связанные с точкой отсчета) смысловые компоненты этих V_2 . Мы приходим к выводу, что аспектуальный или модальный компонент этих V_2 (но не оба сразу) могут стираться или подавляться в разных контекстах.

Ключевые слова: *сериальная конструкция, вспомогательный глагол, значение, аспектуальный, модальный, сочетаемость, предельный, точка отсчета, корейский язык*

Сбоев А.Н. *Словари и сборники интернет-лексики современного китайского языка*

На материале словарей и сборников интернет-лексики современного китайского языка рассматриваются лексические единицы, функционирующие в китайоязычной интернет-коммуникации, определяются особые, характерные именно для китайской интернет-коммуникации семантико-тематические группы лексики, а также высказаны вопросы, с которыми будут сталкиваться составители словарей современного китайского языка.

Ключевые слова: *интернет-коммуникация, интернет-лексика, цифровые слова, буквенные слова, эмодзи*

Смирнитская А.А. *Семантическая деривация в дравидийской терминологии родства: особенности анализа этимологических данных*

Статья посвящена анализу этимологических данных дравидийских языков в лексико-семантическом поле «термины родства». Рассматриваются реконструируемые значения и современная полисемия. Показано, что праязыковые значения восстанавливаются во многих случаях путем контаминации современных рефлексов. Теоретическим основанием работы является концепция «Каталога семантических переходов» Анны А. Зализняк.

Ключевые слова: *семантика, семантический переход, этимология, тамильский язык, дравидийские языки, семантическая эволюция, семантическая типология*

Собиров Э. *Арабизмы религиозного содержания в литературном таджикском языке новейшего периода*

Статья посвящена лексике таджикского литературного языка новейшего периода и характеру отражения в ней арабизмов религиозного содержания;

рассматриваются тематические группы арабизмов, представленных в новых таджикско-русских словарях, и особенности их словообразования.
Ключевые слова: *современный таджикский литературный язык, религиозная лексика, арабизмы*

Столбова О.В. *К проблеме семантической реконструкции (на материале «Этимологического словаря чадских языков»)*

В статье впервые рассматривается проблема синхронной полисемии в чадских языках (одна из ветвей афразийской макро-семьи). На примерах из «Этимологического словаря чадских языков» анализируется возможность воссоздать эволюцию значения прачадского корня. Предлагаются решения в конкретных случаях с привлечением лексики других афразийских языков и экстралингвистических данных.

Ключевые слова: *чадские языки, афразийские языки, синхронная полисемия, реконструкция, семантическая эволюция*

Тарасова Е.С. *Лексико-семантический анализ терминологии дефектов, применяемой в автомобильной промышленности, на материале японского языка*

В статье рассматривается лексико-семантическое поле, образуемое терминами, обозначающими дефекты или брак, которые применяются в автомобильном производстве. Впервые собраны и систематизированы японские термины, обозначающие дефекты всех основных этапов производства автомобильной отрасли: штамповка деталей автомобиля или прессовое производство, сварка или кузовное производство, окраска и, в меньшей степени, сборка.

Ключевые слова: *японский язык, техническая терминология, автомобилестроение, лексика дефектов*

Тихонова О.В., Шакунова Л.А. *Обозначения церковных должностей в архиве толедских мосарабов XII и XIII вв.*

Архив толедских мосарабов XII и XIII вв. расшифрован, переведен с арабского на испанский и опубликован в четырех томах Анхелем Гонсалесом Паленсией в 1926-1930 гг. Представляет собрание из 1175 документов, представляющих частные правовые документы, регистрирующие имущественные сделки между частными лицами и церковными организациями. Почти все документы написаны по-арабски. Особый филологический интерес представляют встречающиеся в текстах архива испанские слова, записанные в арабской графике (т. е. на алхамиадо). Среди слов на алхамиадо много обозначения церковных должностей, пришедших в испанский из греческого через латынь. Иногда для обозначения той или иной церковной должности используются, помимо слов, заимствованных из испанского романсе, и слова на арабском, а

также на его андалусском диалекте. Встречаются также гибридные формы: кроме арабского корня используется испанская приставка греческого происхождения в арабской графике, как в слове «архиепископ».

Ключевые слова: алхамиадо, испанский язык, арабский язык, мосарабы, лексические заимствования

Топорова Т.В. *Сопоставительный анализ дороги, пути в «Старшей Эдде» и «Ригведе»*

Главная цель статьи состоит в выявлении сходств и различий в номинациях *дороги, пути*, зафиксированных в двух эпических произведениях – древнеисландской «Старшей Эдде» и древнеиндийской «Ригведе». Большое количество совпадений (общее число компонентов в семантическом поле, ключевая синтаксическая функция прямого объекта, выраженного вин. пад., тождество семантических мотивировок, детерминированных видом движения или физическими характеристиками денотата) позволяет реконструировать именные, атрибутивные и глагольные словосочетания, антитезы и метафоры, а также реликты индоевропейского языка.

Ключевые слова: эпическое слово, Старшая Эдда, Ригведа, семантическая реконструкция, индоевропейский поэтический язык, языковые универсалии

Хамаева Е.А., Домашевская Д.М. *Этимологии базовых знаков китайской письменности*

Рассматривается проблема установления этимологии базовых знаков китайской письменности. В китайском языке в связи с наличием идеографической письменности возможна не только логографическая, но и идеографическая этимология. В поиске графической эволюции китайских знаков традиционно обращаются к древнейшему словарю Шо вэнь цзе цзы. Между тем, как показывают современные грамматологические исследования, этимология знаков в указанном источнике может быть подвергнута пересмотру и уточнению.

Ключевые слова: грамматология, китайский язык, идеографическая письменность, этимология, словарь Шо вэнь цзе цзы

Христолюбова Ю.С. *Перевод терминов по производству чая с китайского языка на русский*

В статье представлены переводы и описания сути процесса 30 основных терминов по производству чая, а также семь терминов, характеризующих особенности уже готовой продукции в зависимости от используемой обработки. Термины переведены на основе изучения автором с помощью китайских специалистов технологий обработки чайного листа.

Ключевые слова: китайский язык, термины, производство чая, перевод

Черникова Л.П. *Создание Большого русско-китайского словаря под руководством И.М. Ошанина. Участие востоковедов-практиков в коллективном труде, сотрудничество сквозь годы и расстояния*

Рассматривается составление и разработка Большого китайско-русского словаря под ред. И.М. Ошанина (1983) в СССР, его цели, средства, история, трудности, государственный интерес, авторский замысел и его осуществление.

Ключевые слова: советская лексикография, словари китайского языка, БКРС, В.М. Алексеев, И.М. Ошанин, В.И.Пентковский

Шаляпина З.М. *Лексикография и лексикология в Отделе языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН*

Дается краткий обзор словарей и других крупных работ, относящихся к области лексикографии и лексикологии, которые были выполнены в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН или с участием его сотрудников за время существования Отдела. Рассматриваются переводные двуязычные и многоязычные словари для восточных языков, исторические и этимологические словари и базы данных, терминологические и энциклопедические словари-справочники, а также теоретические труды по лексикологии и лексикографии.

Ключевые слова: языки Азии и Африки, лексикография, лексикология, терминологические и энциклопедические справочники, компьютерные словари, базы данных

Эдельман Д.И. *К этимологии терминов «народной географии» в иранских языках*

Термины «восток», «запад», «север», «юг» в разных иранских языках имеют различную этимологию. При этом принципы становления этих обозначений как терминов «народной географии» в разных языках оказываются относительно едиными в плане типологии их семантических мотиваций. Аналогично построение терминов «народной географии» и во многих других языках, в частности, в русском.

Ключевые слова: иранские языки, лексика, этимология, термины, народная география

Янсон Р.А. *О способах выражения понятия 'умирать' в бирманском языке*

В бирманском языке выражения, связанные с понятием 'умирать', изменялись с течением времени. Лишь термины для монахов (*pyan to mi* – лететь + гонорифический афикс) и лиц королевской крови (*nat uwa san* – небожитель+деревня+наслаждаться) остаются неизменными на протяжении веков. Для мирян набор терминов для понятия 'умирать' изменялся с течением времени, и сейчас представляет собой устойчивый комплекс терминов, имеющих разную стилистическую окраску. В пере-

водах на бирманский палийских джатак используется особая система, не сохранившаяся в современном языке, представляющая собой в известном смысле тавтологические сочетания палийских и собственно бирманских терминов.

Ключевые слова: бирманский язык, стилистика терминов, палийские заимствования

Summaries

Alpatov V.M. *Lexical languages and grammar languages*

Grammar and lexicon are the two principal forms of linguistic description. Their difference is related to the structure of the human psycholinguistic mechanism. It consists of a set of units (vocabulary) and rules of their combination (syntactic rules) and modification (morphological rules). The ratio of these components depends on the type of language and is reflected in the traditional differentiation of inflected, agglutinative and amorphous languages. Amorphous languages are the most lexical, and inflected languages are the most grammatical in their linguistic description.

Keywords: *grammar, lexicon, rule, vocabulary, inflected languages, agglutinative languages, amorphous languages*

Andreeva V.A. *Developing the dictionary entries in the New Comprehensive Vietnamese – Russian Dictionary*

The New Comprehensive Vietnamese-Russian Dictionary is a joint work of the Russian-Vietnamese team of lexicographers. While compiling the dictionary the authors solved several theoretical and practical problems in both the macrostructure (word list) and the microstructure (dictionary entry) of the dictionary. Working on the dictionary entries, we had to develop criteria for discovering the part-of-speech nature of units, methods of distinguishing between word meanings and the principles of ordering the meanings of the word, and uniform lexicographic structure for each type of entry was created. The New Comprehensive Vietnamese-Russian Dictionary contains various types of entries that differ in their composition.

Keywords: *Vietnamese language, Russian language, lexicography, dictionary entry*

Antonyan K.V. *Youth slang in contemporary China*

The paper studies the phenomenon of youth slang in present-day China. It shows that deep changes in the Chinese society, including the growing number of Internet users have led to the formation of a new slang. It can be categorized as youth slang, or city slang, or Internet slang. These three notions do not, however, totally coincide. The new slang is supraregional. Traditionally, regional character used to be a typical feature of Chinese slang. The paper

analyzes the sources of youth slang and the ways of its formation. It also presents an example of the so-called “Martian Language” and the phenomena it gives birth to.

Keywords: *contemporary Chinese, youth slang, Internet slang, “Martian language”*

Bagirokova I.B., Lander Yu.A. *Expressing pain and related meanings in West Circassian: lexical means and morphosyntax*

West Circassian expresses semantics of pain and related meanings both with specific verbs and with metaphorical expressions. The experiencer is most often expressed as the possessor of the localization of pain, which normally appears as the argument of the verb. Regularly, pain expressions employ impersonal verbs, which are, however, prone to reanalysis, since impersonal constructions proper are not typical for West Circassian.

Keywords: *lexical typology, pain expressions, West Circassian, impersonal constructions*

Belova A.G. *Marine vocabulary in Arabic*

The paper examines the formation of the marine and nautical terminological system in the language of the «land» population in Arabia. Special attention is given to the primary marine vocabulary and to the secondary nautical terms (derivatives and borrowed words).

Keywords: *basic vocabulary, word-formation, generic term, derived words, borrowings, isoglotic line*

Blinov A.A. *Euphemistic phrases for denoting death in Arabic*

The article describes different classifications of euphemisms denoting the concept of death in Arabic which have been developed by Arab scholars up to date. They demonstrate a special insight of Arabs themselves in the transition to afterlife based on the Arab-Islamic mindset and its unique view of life and death, reflect the abundance of phrases and religious formulas used in everyday language and on the pages of Arabic press. The paper also touches upon the selection of an optimal term to define euphemisms in Arabic.

Keywords: *Arabic language, euphemisms, death terms*

Chernikova, L.P. *Creation of the Great Russian-Chinese Dictionary under the guidance of I.M. Oshanin. The participation of orientologists in collective work, cooperation through years and distances*

The paper describes the compilation and development of the Greater Chinese-Russian Dictionary under I.M. Oshanin (1983) in the USSR, Oshanin's goals and means, the book's history, difficulties, the state interest, the author's design and its implementation.

Keywords: *Soviet lexicography, dictionaries of Chinese, BCRD, V.M. Alekseev, I.M. Oshanin, V.I. Pentkovsky, dictionary making*

Demich K.I., Kostyrkin A.V. *Japanese word in electronic dictionary: the categories of lemma, lexeme, vocabulary item and headword within lexicographic structures*

The paper retrospectively traces the genesis and use of the basic lexicographic categories of lemma, lexeme, headword and vocabulary item as a kind of word in Russian, European and Japanese lexicographic traditions. Given the context of the Japanese language, it is argued that the discussed categories' functionality and structural position within a modern electronic dictionary has to be revised, particularly, the necessity to differentiate word-list and vocabulary items. The task of precisely defining a Japanese word in a dictionary is approached by introducing of the concept of an orthographic pair.

Keywords: *Japanese language, electronic lexicography, lemma, lexeme, orthographic pair*

Dodykhudoeva L.R. *One model of Arabic loanwords in Pamir languages*

The paper examines the assimilation of Arabic loanwords into Shughni-Rushani languages. This is a system-wide process. Autonomous lexemes exhibit stable and unstable models, the latter allowing for some phonetic variation. The pronunciation of set expressions and compound verbs is currently codified by tradition and does not change.

Keywords: *Shughni-Rushani languages, phonetic adaptation, arabisms, assimilation of loanwords*

Edelman J. I. *On the etymology of terms of «popular geography» in Iranian languages*

The terms «east», «west», «north», «south» in various Iranian languages differ in their etymologies. However the origins of these designations as the terms of «popular geography» are relatively uniform because of the common typology of their semantic motivation. The shaping of words of «popular geography» is similar to many other languages including Russian.

Keywords: *Iranian languages etymology terms popular geography*

Grashchenkov P.V. *The government of adjectives: typology, semantics, syntax*

The paper presents a brief study of complement-taking adjectives across languages. The study of adjectival participants received substantially less attention than the analysis of the verb argument structure did. The paper offers some observations of the typology of semantic roles introduced by adjectives and their mapping onto the syntactic structure in different languages. Among the problems discussed in the paper are: the typology of the most characteristic adjectival participants, the similarities and (most importantly) differences in adjectival and verbal phrase structures, and some aspects of surface realization of the participants.

Keywords: *adjectives, government, semantic role, case*

Gromova A.V. *Lexicography of the Iranian dialects and language varieties in the early XXI century*

The paper discusses the recent advances of Persian lexicography in the documentation and description of the language varieties and dialects, many of which nowadays risk extinction. The dialectological dictionaries published in the last few years with the support of the Academy of Persian Language and Literature offer a full range of precious linguistic data from the basic and commonly used vocabulary to various sets of specific terminology. The main tendencies in the lexicographic development are collection, such as the compilation of traditional lexicons with a comprehensive supplement of philological and folklore materials, and, on the other hand, new dictionaries based on the descriptive principles aimed to describe both lexical and grammatical features of the dialects.

Keywords: *lexicography, Persian language, Iranian dialects, language varieties of Iran, endangered languages*

Isaeva F.A. *On the problem of words of Persian origin in the works of Al-Jahiz and monuments of the Ara folk literature, not included in the general vocabulary of the Arabic language.*

The paper examines Persian borrowings found in the works of the Arabian author Al-Jahiz (775-868), as well as in such monuments of the Arab folk literature of the Mamluk period as "1001 night" and the knight roman "Sirat Zahir Baybars". During the study of the lexical composition of these texts, besides Persian words which have entered into the general lexical fund of the Arabic language during various periods of its existence, words of Persian origins not found in the dictionary of literary Arabic were identified. These words were current only among common people and were known to wide masses. It is also noted that many Persian words have penetrated into the spoken languages in the process of oral communication and usually they are not included in the common vocabulary of Arabic, unlike the Iraqi or Saudi dialects.

Key words: *Arabic literary language, spoken language, dialect, vocabulary, lexical composition, Persian language, loanwords, iranisms, folk literature*

Itkin I.B. *Toch. A pāśrāk*, (?) B paśrāk "ycmyn, meppaca / gradin, terrasse / ledge, terrace"*

The article deals with the Tocharian A lexeme *pāśrāk** attested in several badly damaged fragments and never before distinguished with certainty. The analysis of the remaining contexts has shown that the noun *pāśrāk** means "a ledge, terrace": it denotes the ledges (terraces) of the sacred Mount Meru (according to the Buddhist cosmology, there are four such ledges, each inhabited by a particular group of gods). The paper examines the morphological features of the lexeme *pāśrāk** and brings forward a hypothesis that this lexeme

has a Tocharian B cognate *paśrāk* (ἄπαξ λεγόμενον, whose meaning has not yet been interpreted).

Keywords: *Tocharian languages, unpublished texts, Buddhist cosmology, the Mount Meru*

Ivanov V.B. *The Big Persian-Russian Dictionary: paper and digital editions*

As the last common Persian-Russian dictionary was published half a century ago, it is necessary to create a new corrected and enlarged dictionary with modern vocabulary. In addition to the extended hard copy version containing 75 000 words a regularly updatable electronic version was prepared. Improved structure with Latin transcription for phraseology and additional fields makes the dictionary more informative, allows accelerated search and facilitates the usage.

Keywords: *dictionary, lexicography, electronic, search, data base, transcription, sorting, alphabet, Persian, Iranian, Russian, phraseology*

Kadyrova O.M. *Towards the lexical typology of Turkish verbs of falling*

The article systematizes the verbs of the Turkish language which mean 'falling'. Lexemes *düşmek, yağmak, dökülmek, yıkılmak, devrilmek, inmek* are presented in their direct meaning and studied within the frame approach proposed by the Moscow lexical-typological group (MLexT).

Keywords: *verbs of falling, Turkish verbs, lexical typology, frame approach, semantic field*

Khamaeva E.A., Domashevskaya D.M. *The etymology of the basic Chinese characters*

The paper examines the problem of establishing the etymology of basic Chinese characters. In Chinese, due to ideographic writing, not only logographic, but also ideographic etymology is possible. In the search for the graphic evolution of Chinese characters tradition refers to the oldest dictionary *Shuo Wen Jie Zi*. Meanwhile, as modern grammatological studies show, the etymology of characters in this source can be revised and refined.

Keywords: *grammatology, Chinese, ideographic writing, etymology, Shuo Wen Jie Zi dictionary*

Khristolyubova Yu. S. *Translation of terms for tea production from Chinese into Russian*

The paper presents translations and descriptions for 30 basic terms, essential for the production of tea, as well as 7 terms that characterize the finished product depending on the treatment used. The terms are translated based on the author's study of tea leaf processing technologies with the help of Chinese experts.

Keywords: *Chinese, terminology, tea production, translation*

Kobeleva E.A. *Gender stereotypes in Chinese and Russian phraseology: A comparative analysis*

The paper is devoted to the analysis of gender stereotypes in the phraseology of the Russian and Chinese languages. We select phraseological units with gender semantics and carry out a comparative analysis of gender stereotypes in various thematic groups – the moral qualities of women, the status of women in society, family and marriage, the androcentric worldview, etc.

Keywords: *gender linguistics, phraseology, gender stereotypes, Chinese language, Russian language*

Komarova I.N. *The Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit parallels*

This paper discusses the scientific works of the outstanding tibetologist of the XX century Y.N. Roerich and his "Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit parallels". The Dictionary contains several thousands linguistic units and represents the whole lexical and grammatical system of the Tibetan language, recreating the language's vocabulary which reflects the national peculiarities of the Tibetan mentality, and demonstrating the specific phenomena of the social, spiritual and cultural life of the Tibetan people from the oldest written monuments unto our time.

Keywords: *Soviet lexicography, Y.Roerich, Tibetan language, Tibetan dictionaries*

Kozha K.A. *Early studies of Chinese in Russian science: principles and methods*

The paper looks at the history of academic approach to the Chinese language, its basic phonetic and morphological features, in the works of earlier Russian sinologists (first half of XIX c.). Theoretical issues, such as the principles of Chinese script and grammar, dictionary compilation and the development of terminology are the main focus of our research, based on the most relevant publications and manuscripts on Chinese linguistic data of that period.

Keywords: *Chinese linguistics; terminology; ideography; sinological manuscripts*

Krylov S.A. *On hybrid dictionaries, exemplified by Mongolian*

The paper introduces the concept of a "hybrid dictionary" – one that combines the features of several traditional lexicographic genres (frequency dictionaries, alphabetical and reverse alphabetical, grammatical etc). It is illustrated by our frequency dictionary of Mongolian analytical forms. Based on the theory of grammaticalization, it uses the methods of corpus linguistics and the statistical data of the General Corpus of the Modern Mongolian language. The paper lists the most frequent analytical forms in Mongolian, whose absolute frequency exceeds 10 instances and relative frequency is above 9 ipm.

Keywords: *lexicography, inversional dictionaries, frequency dictionaries, alphabetic order, statistical order, Mongolian language, corpus linguistics, analytical forms, structural-probabilistic models in linguistics*

Krylova A.S. *The dictionary of Kullui: the problems of the field lexicography.* The paper examines the goals of field lexicography in case of Kullui, an Indo-Aryan language. The author describes the entry structure, the methods of the data collection in the field, the problems of phonology and prosody of the language that had to be solved to develop a transcription for the dictionary.

Keywords: *Kullui, Indo-Aryan languages, lexicography, field linguistics, transcription*

Kudrinsky M.I. *Heterograms in Luwian and Palaic texts*

Cuneiform texts from the kingdom of Hattusa feature numerous heterograms, i.e. writings, the language of which differs from that of the main language of the text. There already exists some literature on the use of heterograms in Hittite texts; at the same time, the use of heterograms in Palaic and Luwian cuneiform fragments has not yet become a popular research topic. This paper describes the inventory of heterograms in Palaic and Luwian fragments and their functions and is aimed to fill this gap to some extent.

Keywords: *heterograms, Palaic, Luwian, cuneiform*

Lesko O.A. *One type of graphic synonyms in the system of Chinese verbs*

The paper examines the problem of the pairs of synonymous verbs functioning in the Chinese language, where one verb is a monosyllabic form, and the other a two-syllable form derived from the first one by the copulative principle.

Keywords: *Chinese, verbs, synonyms*

Mikhailov K.D. *On Developing a Series of Russian-Chinese-English Students' Dictionaries on Automobile Roads*

The paper describes some results of compiling Russian-Chinese-English dictionaries as a component of the learners' concise terminology dictionary series that is being prepared for the main fields of study at Moscow State Automobile and Road Construction Technical University. The paper covers the purpose of the dictionary, its structure and contents, elements of the dictionary entry, methods of terms selection, prospects of its application in educational and professional activities.

Keywords: *Russian-Chinese-English Dictionary, automobile road, term selection, dictionary structure, Chinese students, terminology*

Molchanova E.K., Salmanpur S. *Lexicography of Iran dialects: dictionaries of Evazi*

This paper describes the work aimed at the preservation of the traditional archaic Iranian vocabulary of Evazi (Larestan). The dictionary of this dialect

was published in 2017 by field researchers Nasrin Ensafpour and Mohammad Rafi Ziya'i.

Keywords: *dialectal dictionaries, southern Iran subdialect, Evazi, Larestani, traditional vocabulary, Nasrin Ensafpour, Mohammad Rafi Ziya'i*

Muravyeva V. A. *Text coherence and cohesion in Chinese: Grammatical and lexical devices*

The paper is devoted to discursive words – a particular type of linguistic units that provide coherence and integrity of the text and reflect the process of interaction between the speaker and the listener – in modern Chinese language. We characterize the current state of study of discursive words in modern linguistic science, based on empirical data: a general description of the classes of the most common discursive words in modern Chinese. We find that Chinese text abounds in discursive words. The study shows a future need to create a dictionary of discursive words of modern Chinese.

Keywords: *discourse words, discourse markers, discourse, connectors, emphasis, modality, Chinese language*

Naniy L.O., Kholkina L.S. *On the continuity of lexical meanings: Chinese disyllabic words in the semantic fields THICK and THIN.*

The paper examines a new way of identifying semantically close domains which uses Chinese disyllabic lexemes with a compositional type of connection between components: in the case of adjectives, components with this kind of link can be semantically adjacent. We analyze the semantic field THICK – THIN, as the monosyllables from this field produce a large number of disyllabic lexemes with a compositional connection, and therefore it has a great potential for the colexification of meanings from the "neighboring" lexical fields.

Keywords: *colexification, Chinese, semantic field, thick, thin*

Panina A.S. *Japanese verbs of rotation*

The paper gives an overview of the vocabulary of rotation in Japanese. Nearly all of this semantic domain is covered by the most frequently used verb, *mawaru*, which can mean both rotation on an axis and traversing a circular route. The periphery is made of a few specific verbs – *meguru* «circling around», *mau* «dancing; floating in the air», *uzumaku* «swirling». If we count rolling among the situations of rotation, the verb *korogaru* «falling, rolling» must also be included in this domain.

Keywords: *lexical semantics, Japanese, verbs of rotation*

Pogibenko T.G. *Lexical complex in Austroasiatic languages*

The paper takes up the controversial issue of lexical complex in Austroasiatic languages. It is maintained that lexical complex is a specific linguistic unit different both from compound words and word combinations. Analysing the

data from different Austroasiatic languages the author comes to the conclusion that lexical complex existed in Proto-Austroasiatic much in the same form as it is found in modern Mon-Khmer languages.

Keywords: *Austroasiatic languages, lexical complex, diachronic shifts*

Rudnitskaya E.L., Hwang S.-K. *Combinatorial properties of semi-auxiliary verbs with respect to lexical verbs in Korean: telicity and reference point*

We focus on the meanings of certain V_2 -s that are usually considered as aspectual semi-auxiliaries in the $[V_1+V_2]$ construction (which is syntactically similar to serial constructions). For such V_2 -s, their modal semantic components and the components that are related to the reference point are closely considered. We conclude that the aspectual or modal component of such V_2 -s can be deleted in certain contexts (but not both at once).

Keywords: *serial construction, auxiliary verb, meaning, aspectual, modal, combinatorics, telic, point of reference, Korean language*

Sboev A.N. *Dictionaries of the modern Chinese Internet words*

The paper, based on dictionaries of the modern Chinese Internet words, focuses on the lexical units which function in Chinese Internet communication, defines semantic and thematic groups of vocabulary specific for Chinese online communication, as well as points out some of the questions facing the authors of modern Chinese dictionaries.

Keywords: *Internet communication, Internet vocabulary, numeric words, letter words, emoticon*

Smirnitskaya A. *Semantic derivation in Dravidian kinship terms: the analysis of etymological data*

The paper is dedicated to the analysis of Dravidian etymological data in the semantic field of kinship terms. The reconstructed meanings and modern polysemy are considered. It is shown that the proto-language meanings in Dravidian kinship terms are reconstructed in many cases by the contamination of modern reflexes. The study is based on the "semantic shifts" theory developed by Anna A. Zalizniak.

Keywords: *semantics, semantic shift, etymology, Tamil, Dravidian languages, semantic evolution, semantic typology*

Shalyapina Z.M. *Lexicography and lexicology at the Department of Asian and African languages of the Institute of oriental studies of the Russian academy of sciences*

The paper presents a short review of dictionaries and other major results in lexicography and lexicology, obtained at the Department of Asian and African languages or with its researchers' participation during the Department's lifetime. Consideration is given to bilingual and multilingual translation dictionaries, historical and etymological dictionaries and data bases for Asian

and African languages, terminological and encyclopaedic dictionaries and reference books, and theoretical research in lexicology and lexicography.

Keywords: *languages of Asia and Africa, lexicography, lexicology, terminological and encyclopaedic reference books, computational dictionaries and databases*

Sobirov E. K. *Religious arabisms in modern literary Tajik*

The paper focuses on the form and function of Arabisms in the religious vocabulary of the Tajik literary language in modern times. It examines the thematic groups of Arab loanwords in modern Tajik-Russian dictionaries, and their morphological composition.

Keywords: *modern Tajik, religious vocabulary, arabisms*

Stolbova O.V. *The problem of semantic reconstruction in the "Chadic Etymological Dictionary"*

The paper is the first approach to synchronic polysemy in Chadic languages (Afrasian phylum). Under discussion is the possibility to trace the semantic evolution of a polysemous proto-form by drawing on specific etymologies from the "Chadic Etymological Dictionary", relevant material from other Afrasian languages and extra-linguistic data.

Keywords: *Chadic languages, Afrasian languages, synchronic polysemy, reconstruction, evolution*

Tarasova E.S. *Lexico-semantic analysis of the Japanese terms of defects in automobile manufacturing*

The paper examines the terminology in the lexico-semantic field of spoilage and defects used in automobile industry. This is the first systematic study of the Japanese terms of defects from all the stages of production: presswork, welding and bodywork, painting and, to a lesser extent, assembly.

Keywords: *Japanese language, technical terminology, automobile manufacturing*

Tikhonova O.V., Shakunova L.A. *Designations of the clergy ranks in the archives of Toledo Mozarabs of the 12th and 13th centuries*

The archive of Toledo Mozarabs of the 12th and 13th centuries was deciphered, translated from Arabic into Spanish and published in four volumes by Ángel González Palencia in 1926-1930. The archive is a collection of 1175 private legal documents that register property transactions between private individuals and church organizations. Almost all the documents are written in Arabic. Of special philological interest are the Spanish words found in the texts of the archives, written in the Arabic script (i.e. in Aljamiado). Among the words in Aljamiado, there are many designations of the clergy ranks that came to Spanish from Greek through Latin. Sometimes for the designation of a particular rank the texts use words in Arabic and in the

Andalusian dialect, in addition to those borrowed from the Spanish romance. There are also hybrid forms: in addition to the Arabic root, a Spanish prefix of Greek origin is used in the Arabic script, like in the word "archbishop".

Keywords: *Aljamiado, Spanish, Arabic, Mozarabs, lexical borrowings*

Toporova T.V. *Comparative analysis of the road, the way in the "Elder Edda" and "Rigveda"*

The main goal of this paper is to identify the similarities and differences in the nominations of *the road, the way* in two epic works – the Old Icelandic "Elder Edda" and the Old Indian "Rigveda". A large number of coincidences (the total number of components in the semantic field, the key syntactic function of the direct object, the identity of the semantic motivations determined by the form of motion or the physical characteristics of the denotata) allows us to reconstruct nominal, attributive and verbal word combinations, antitheses and metaphors, and relics of the Indo-European language.

Keywords: *epic word, Elder Edda, Rigveda, semantic reconstruction, Indo-European poetic language, linguistic universals*

Vyzhakov M.V. *The "verbal" triad in the Tocharian A language: rake, plāc, weñlune*

The paper examines the problem of meaning and usage of three Tocharian A nouns that denote verbal activity: *rake, plāc* and *weñlune*. Analyzing the Tocharian A texts, the author shows the similarity between *rake* and *weñlune*, which were used as abstract words for "speech as process", as well as the differences that can be seen in some nuances of usage (*rake* as "term" and verb "modifier") and meaning (*weñlune* as "statement"). *Plāc* contrasted with them, meaning "speech as address, text" and sometimes "conversation, dialog".

Keywords: *Tocharian languages, Tocharian A, synonyms, words denoting speech activity*

Yanson R. *Expressions for the notion 'to die' in Burmese*

Expressions for the notion 'to die' in Burmese have changed with time for lay people, but remained unchanged for monks and royalty for centuries. Pali loanwords are important for their stylistic value. The modern expressions in the literary style differ substantially from those of the old times. The Burmese translations of Pali jatakas contain expressions for this notion that look tautological with incorporated Pali loanwords, but such peculiarity is justified by the content of the jatakas, participants of which are divine creatures, hermits, royalty, who by rule cannot die like ordinary people, but are fated to be reborn in new capacity.

Keywords: *Burmese language, stylistic peculiarities, death terms, Pali loanwords, monks, royalty, laypeople*

Zaikina E.O. *Characteristics of Khmer culinary vocabulary*

The paper examines some characteristic features of Khmer culinary vocabulary. The verbs related to the processing of raw food materials, some of which have no equivalents in the Russian language, are given and explained. In addition, some culinary terms borrowed from the Chinese language are given and commented on.

Keywords: *culinary language, Khmer language, Khmer cuisine*

Zverev A.S. *Punctuation marks as an object of lexicography (based on Japanese data)*

Punctuation has always been a rather unusual object of linguistic interest, particularly in lexicography. The paper gives a short overview of two Japanese dictionaries of punctuation marks and examines the way some traditional views on punctuation are revealed in the contents of these dictionaries.

Keywords: *punctuation, Japanese, lexicography, dictionary*

Сведения об авторах

Алпатов Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, профессор Института лингвистики РГГУ, профессор МГУ.

Андреева Валентина Алексеевна – научный сотрудник Института языкознания РАН.

Антонян Ксения Владиславовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН.

Багирова Ирина Гаруновна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН, доцент Школы лингвистики НИУ ВШЭ.

Белова Анна Григорьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Блинов Андрей Андреевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Выжлаков Максим Владимирович – аспирант кафедры общей лингвистики философского факультета университета Палацкого в Оломоуце (Чехия).

Гращенков Павел Валерьевич – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Громова Анна Викторовна – старший преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ.

Демич Кирилл Игоревич – научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Додыхудоева Лейла Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН.

Домашевская Дарья Михайловна – старший преподаватель Иркутского государственного университета.

Зайкина Екатерина Олеговна – студентка 4 курса Восточного факультета СПбГУ.

Зверев Алексей Сергеевич – научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Иванов Владимир Борисович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иранской филологии Института стран Азии и Африки МГУ.

Исаева Фия Абдулбариевна – кандидат филологических наук, доцент Таджикского национального университета.

Иткин Илья Борисович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Кадырова Ольга Михайловна – младший научный сотрудник Института Востоковедения РАН.

Кобелева Екатерина Александровна – ассистент кафедры китайской филологии Восточного факультета СПбГУ.

Кожа Ксения Анатольевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН.

Комарова Ирина Нигматовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН.

Костыркин Александр Вячеславович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Крылов Сергей Александрович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Крылова Анастасия Сергеевна – научный сотрудник Отдела языков стран Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Кудринский Максим Иванович – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Ландер Юрий Александрович – кандидат филологических наук, доцент Школы лингвистики, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Лесько Оксана Александровна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Михайлов Кирилл Дживанович – старший преподаватель МАДИ ГТУ.

Молчанова Елена Константиновна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН.

Муравьева Вера Александровна – ассистент кафедры китайской филологии Восточного факультета СПбГУ.

Наний Людмила Олеговна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

Панина Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Погибенко Тамара Григорьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

- Рудницкая Елена Леонидовна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.
- Сальманпур Сильвана** – независимый исследователь, ОАЭ, Дубай.
- Сбоев Александр Николаевич** – старший преподаватель Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.
- Смирнитская Анна Александровна** – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
- Собиров Эрадж Камолович** – соискатель Сектора иранских языков Института языкознания РАН.
- Столбова Ольга Валерьевна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.
- Тарасова Екатерина Сергеевна** – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
- Тихонова Оксана Викторовна** – кандидат филологических наук, ассистент Кафедры романской филологии Филологического факультета СПбГУ.
- Топорова Татьяна Владимировна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН.
- Хамаева Елена Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета.
- Хван Со-Гён** – Ph.D, преподаватель отделения русского языка и литературы Университета Ёнсе, Корея.
- Холкина Лилия Сергеевна** – кандидат филологических наук, Ph.D, старший научный сотрудник РГГУ.
- Христолюбова Юлия Сергеевна** – аспирантка отдела Китая Института востоковедения РАН.
- Черникова Лариса Петровна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
- Шакунова Лариса Андреевна** – магистрант Восточного факультета СПбГУ.
- Шалапина Зоя Михайловна** – кандидат филологических наук, заведующий Отделом языков стран Азии и Африки Института востоковедения РАН
- Эдельман Джой Иосифовна** – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН.
- Янсон Рудольф Алексеевич** – доктор филологических наук, профессор Восточного факультета СПбГУ.

Научное издание

Труды Института востоковедения РАН
Выпуск 19

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И ВОСТОКОВЕДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ:
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Верстка: А.С. Панина

Подписано 29.10.2018
Формат 60х90х16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 32,25. Уч.-изд. л. 26,6.
Тираж 500 экз. Зак. № 368

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5